ISSN 2500-0837 (Print)
eISSN 2687-0363 (Online)

2025 / № 2-1 (44)

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научный журнал основан в 2016 г. и является официальным изданием Межрегиональной общественной организации «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»

2025 / № 2- 1 (44)

THEORY OF STATE AND LAW

The academic journal is established in 2016 and is the official publication of the Interregional Public Organization "Interregional Association of Theorists of State and Law"

Журнал включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (квартиль 1)

The journal is included by the Higher Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia in the List of Peer-Reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of Doctor of Science (quartile 1)

Индексация журнала

Информационные партнеры

Компания «Консультант-Плюс»

Журнал «Миграционное право»

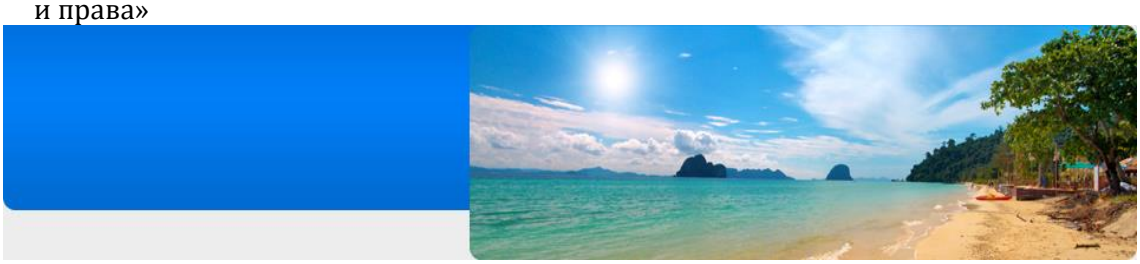
Компания «Гарант»

Журнал «Теория государства и права»

Журнал «Юридическая наука»

Журнал «Современное российское право»

Журнал «Юридическая мысль»



Журнал «Dilemas contemporaneos-educacion politica y valores» (Мексика)

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

		Стр.
Аврамов С.О.	Правовые ограничения: общетеоретическая характеристика и механизмы реализации	14
Володина О.В., Гутман М.Ю., Жук А.С., Прокофьев К.Г.	Социальное государство, социальная справедливость и социальная политика в контексте нравственно-правовых ценностей	30
Воробьев А.О. Оль П.А.	Идея общественного правосознания в учении Ф.К. фон Савиньи	40
Глушаченко С.Б.	Политико-правовое обеспечение продовольственной безопасности Российской Федерации	51
Захарцев С.И., Сальников В.П.	Компрехендная теория познания права и контекст новых международно-правовых реалий	64
Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Еникеева И.И., Луговой А.А.	Идея справедливости в христианской и исламской философии права России: традиции и современные вызовы	76
Квитчук А.С.	Судебная реформа 1864 года: принципиально новая прогрессивная система правосудия в Российской Империи	93
Кийко А.Ю., Очередько В.П., Сальников В.П.	Историческая память в развитии российского юридического образования	104
Комиссаров М.А.	Сущность и предназначение государственно-правовой идеологии	135
Крижановская Г.Н., Зубарев Н.В.	Информационное общество и войска национальной гвардии: вопросы охраны правопорядка	151
Маркус С.А.	Понятие и природа юридического средства как ключевой категории инструментальной теории права	160
Микуленко Ф.А.	Роль понятия собственности в гегелевском определении субъекта права	175
Мурсалимов К.Р.	Правообразующая деятельность государства: проблемы и перспективы развития	184

Мутигуллин А.В. Теоретические аспекты государственно-правового регулирования деятельности войск и органов НКВД СССР по борьбе с фашистско-националистическим подпольем в западных регионах СССР в 1944–1955 гг..... 192

Мухин А.И. Духовно-нравственные ценности общества и современное государство..... 204

Очередько В.П., Кондрат И.Н., Сальников С.П., Микуленко Ф.А. Институт мирового судьи по Судебным уставам 1864 года и современная модель (в контексте вопросов защиты прав личности и собственности)..... 221

Сальников М.В., Старовойтова О.Э., Будович М.Ю. Энциклопедия права или «Наша наука» по П.Г. Редкину..... 236

Хабибулин А.Г. Методологические основания права: историко-теоретический аспект..... 250

5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Булатов Р.Б. Публичная власть и гражданское общество: понятие, содержание, проблемы взаимодействия..... 260

РЕЦЕНЗИИ

Александров А.И., Кондрат И.Н., Советов Д.И., Шапиева О.Г., Экимов А.И. Ценность абсолютных категорий в российской суверенной философии права. (Статья-рецензия на монографию: «Добро, доверие, справедливость, свобода в философско-правовой мысли: античность и современность: монография / Е.В. Виноградова, А.О. Воробьев, И.Н. Грибов [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: ИНФРА-М, 2025. – 459 с.»)..... 277

Боброва Н.А. Рецензия на статью: Эбзеев Б.С. Конституция как юридическая модель социальной конвергентной технологии (к 30-летию Конституции России)..... 289

CONTENT

5.1.1. THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Pages

Avramov S.O. Legal restrictions: general theoretical characteristics and implementation mechanisms..... 22

Volodina O.V.,
Gutman M.Yu,
Zhuk A.S.,
Prokofiev K.G.
Social state, social justice and social policy in the context of moral and legal values 35

Vorobyov A.O.,
Ol P.A.
The idea of public legal consciousness in the teachings of F.K. von Savigny 45

Glushachenko S.B.
Political and legal support for food security of the Russian Federation 57

Zakhartsev S.I.,
Salnikov V.P.
The comprehensive theory of legal cognition and the context of new international legal realities 70

Ismagilov R.F.,
Salnikov V.P.,
Enikeeva I.I.,
Lugovoy A.A.
The idea of justice in Christian and Islamic philosophy of law in Russia: traditions and modern challenges 85

Kvitchuk A.S.
Judicial reform of 1864: a fundamentally new progressive system of justice in the Russian Empire 98

Kiiko A.Yu.,
Ocheredko V.P.,
Salnikov V.P.
Historical memory in the development of russian legal education 120

Komissarov M.A.
The essence and purpose of state-legal ideology 143

Krizhanovskaya G.N.,
Zubarev N.V.
Information society and the National Guard troops: issues of law enforcement 155

Markus S.A.
Concept and nature of legal means as a key category of the instrumental theory of law 168

Mikulenko F.A.
The role of the concept of ownership in Hegel's definition of the subject of law 179

Mursalimov K.R.
Law-forming activity of the state: problems and development prospects 188

Mutigullin A.V.
Theoretical aspects of state and legal regulation of the activities of troops and bodies of the NKVD of the USSR in the fight against the fascist-nationalist underground in the western regions of the USSR in 1944–1955 198

Mukhin A.I.
Spiritual and moral values of society and the modern state 213

Ocheredko V.P.,
Kondrat I.N.,
Salnikov S.P.,
Mikulenko F.A.
The institute of a justice of the peace under the judicial statutes of 1864 and the modern model (in the context of the protection of personal and property rights) 228

Salnikov M.V.,
Starovoitova O.E.,
Budovich M.Yu .
Encyclopedia of law or "Our Science" according to P.G. Redkin 243

Khabibulin A.G.
Methodological foundations of law: historical and theoretical aspect 255

5.1.2. PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Bulatov R.B.
Public authority and civil society: concept, content, problems of interaction 269

REVIEWS

Aleksandrov A.I.,
Kondrat I.N.,
Sovetov D.I.,
Shapieva O.G.,
Ekimov A.I.
The value of absolute categories in russian sovereign philosophy of law. (Review article on the monograph: "Good, Trust, Justice, Freedom in Philosophical and Legal Thought: Antiquity and Modernity: monograph / E.V. Vinogradova, A.O. Vorobyov, I.N. Gribov [et al.]; edited by Doctor of Law, Professor V.P. Salnikov. – 2nd ed., corrected and enlarged. – Moscow: INFRA-M, 2025. – 459 p.") 283

Bobrova N.A.
Review of the article: Ebzeev B.S. Constitution as a legal model of social convergent technology (on the 30th anniversary of the Constitution of Russia) 295

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ:

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия) (учредитель, председатель совета)

Азнагулова Гузель Мухаметовна, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия) (член совета)

Арзамаскин Николай Николаевич, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия) (член совета)

Арзамасов Юрий Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия) (член совета)

Артемьев Андрей Борисович, кандидат юридических наук, доцент (г. Коломна, Россия) (член совета)

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (г. Нижний Новгород, Россия) (член совета)

Бастрыкин Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия) (член совета)

Дроздова Александра Михайловна, доктор юридических наук, профессор (г. Ставрополь, Россия) (член совета)

Ивлиев Павел Валентинович, кандидат юридических наук, доцент (г. Рязань, Россия) (член совета)

Ирошников Денис Владимирович, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия) (член совета)

Калинин Алексей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия) (член совета)

Крылова Елена Геннадьевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия) (член совета)

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор (г. Тольятти, Россия) (член совета)

Матвеев Антон Геннадьевич, доктор юридических наук, доцент (г. Пермь, Россия) (член совета)

Михайлова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия) (член совета)

Мицкая Елена Владимировна, доктор юридических наук, профессор (г. Шымкент, Республика Казахстан) (член совета)

Оробец Вячеслав Михайлович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва) (член совета)

Певцова Елена Александровна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва) (член совета)

Прокопович Галина Алексеевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия) (член совета)

Пузиков Руслан Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия) (член совета)

Пуиг Эспиноса Хосе Серхио, доктор политических наук (г. Мехико, Мексика) (член совета)

Ревнова Мария Борисовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия) (член совета)

Сальников Виктор Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ (г. Санкт-Петербург, Россия) (член совета)

Сарабариа Кориг Маура де ла Каридад, доктор педагогических наук, профессор (г. Мехико, Мексика) (член совета)

Середа Елена Васильевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия) (член совета)

Спирин Михаил Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия) (член совета)

Тирских Максим Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск, Россия) (член совета)

Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор (г. Тольятти, Россия) (член совета)

Цыбулевская Ольга Ивановна, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия) (член совета)

Чепус Алексей Викторович, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия) (член совета)

Эбзеев Борис Сафарович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ (г. Москва, Россия) (член совета)

Юдин Валерий Иванович, доктор политических наук, доцент, помощник сенатора Российской Федерации (г. Москва, Россия) (член совета)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Комаров Владимир Сергеевич, главный редактор, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Воробьев Сергей Михайлович, заместитель главного редактора, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Саматов Андрей Валерьевич, ответственный секретарь редакции (г. Москва, Россия)

Альбиков Равиль Фатхулович, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва)

Белянская Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Галиев Фарит Хатипович, доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Джалилов Эльвис Алимович, кандидат юридических наук (г. Тольятти, Россия)

Зелепукин Роман Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Ирошников Денис Владимирович, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Комарова Татьяна Львовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, г. Москва, Россия)

Кузьмин Игорь Александрович, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск, Россия)

Малиненко Эльвира Владимировна, кандидат юридических наук, доцент (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Мамитова Наталия Викторовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Полищук Николай Иванович, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Попова Анна Владиславовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Скачкова Галина Семёновна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Хабибулин Алик Галимзянович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ (г. Москва, Россия)

Журнал «Теория государства и права» основан в 2016 году.

Свидетельство о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-65110 от 28.03.2016 г.

Учредитель: Комаров Сергей Александрович

Журнал перерегистрирован в 2025 году. Свидетельство Роскомнадзора ПИ № ФС77-89420 от 20.05. 2015 г.

Учредитель: Комаров Владимир Сергеевич

Журнал выходит с периодичностью 4 раза в год.

Журнал включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (квартиль 1).

ISSN: 2500-0837 (Print); e-ISSN: 2687-0363 (Online)

© Теория государства и права, 2025.
© Авторы, 2025.

Полнотекстовая версия журнала и архив номеров с 2016 г. по настоящее время доступна в Интернете на сайте Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права (http://matgip.ru/journal).

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 38960
Подписку на журнал можно оформить также и на сайте ***www.matgip.ru***

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Полнотекстовые выпуски журнала в свободном доступе представлены в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU и на сайте: www.matgip.ru

При цитировании ссылка на конкретную статью в журнале обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей и результаты проверки текста на антиплагиат несут авторы.

Editorial and publishing council:

Komarov Sergey Aleksandrovich, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia) (chairman of the board)

Aznagulova Guzel Mukhametovna, Doctor of legal sciences, Associate professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Arzamaskin Nikolay Nikolaevich, Doctor of legal sciences, Professor (Ulyanovsk, Russia) (Council Member)

Arzamasov Yuri Gennadievich, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Artemyev Andrey Borisovich, Candidate of legal sciences, Associate professor (Kolomna, Russia) (Council Member)

Baranov Vladimir Mikhaylovich, Doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia) (Council Member)

Bastrykin Alexander Ivanovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia) (Council Member)

Drozdova Aleksandra Mikhaylovna, Doctor of legal sciences, Professor (Stavropol, Russia) (Council Member)

Iroshnikov Denis Vladimirovich, Doctor of legal sciences, Associate professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Ivliev Pavel Valentinovich, Candidate of legal sciences, Associate professor (Ryazan, Russia) (Council Member)

Kalinin Alexey Yuryevich, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Krylova Elena Gennadyevna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Lipinsky Dmitry Anatolyevich, Doctor of legal sciences, Professor (Tolyatti, Russia) (Council Member)

Matveev Anton Gennadievich, Doctor of Law, Associate professor (Permian, Russia) (Council Member)

Mikhailova Irina Alexandrovna, Doctor of Law, Professor (Ryazan, Russia) (Council Member)

Mitskaya Elena Vladimirovna, Doctor of legal sciences, Professor (Shymkent, the Republic of Kazakhstan) (Council Member)

Orobets Vyacheslav Mikhailovich, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Pevtsova Elena Aleksandrovna, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Puig Espinosa José Sergio, Doctor of Political Sciences (Mexico City, Mexico) (Council Member)

Prokopovich Galina Alekseevna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Puzikov Ruslan Vladimirovich, Candidate of legal sciences, Associate professor (Tambov, Russia) (Council Member)

Revnova Maria Borisovna, Candidate of legal sciences, Associate professor (St. Petersburg, Russia) (Council Member)

Sal'nikov Victor Petrovich, Doctor of legal sciences, Professor, Honored worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia) (Council Member)

Salabarria Roig Maura de la Caridad, Doctor of Pedagogical Sciences (Mexico City, Mexico) (Council Member)

Sereda Elena Vasilievna, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia) (Council Member)

Spirin Mikhail Yuryevich, PhD in Law, Associate Professor (Moscow, Russia) (Council Member)
Khachaturov Rudolf Levonovich, Doctor of Law, Professor (Tolyatti, Russia) (Council Member)
Tsybulevskaya Olga Ivanovna, Doctor of legal sciences, Professor (Saratov, Russia) (Council Member)
Chepus Alexey Viktorovich, Doctor of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia) (Council Member)
Ebzeev Boris Safarovich, Doctor of legal sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia) (Council Member)
Yudin Valery Ivanovich, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Assistant to the Senator of the Russian Federation (Moscow, Russia) (Council Member)

Editorial board:

Komarov Vladimir Sergeyevich, Editor in chief, PhD in Law, Associate professor (St. Petersburg, Russia)
Vorobiev Sergey Mikhaylovich, Deputy editor, Doctor of legal sciences, Professor (Ryazan, Russia)
Samatov Andrey Valeryevich, Executive secretary of the editorial board (Moscow, Russia)
Albikov Ravil Fatkhulovich, PhD in Law, Associate Professor (Moscow, Russia)
Belyanskaya Olga Viktorovna, PhD in Law, Associate professor (Tambov, Russia)
Galiyev Farit Hatipovich, Doctor of legal sciences, Professor (Ufa, Russia)
Jalilov Elvis Alimovich, PhD in Law (Tolyatti, Russia)
Zelepukin Roman Valerievich, PhD in Law, Associate Professor (Tambov, Russia)
Iroshnikov Denis Vladimirovich, PhD in Law, Associate professor (Moscow, Russia)
Komarova Tatyana Lvovna, PhD in Law, Associate professor (St. Petersburg, Moscow, Russia)
Kuzmin Igor Aleksandrovich, PhD in Law, Associate Professor (Irkutsk, Russia)
Malinenko Elvira Vladimirovna, PhD in Law, Associate Professor (Rostov-on-Don)
Mamitova Natalia Viktorovna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia)
Polishchuk Nikolay Ivanovich, Doctor of legal sciences, Professor (Ryazan, Russia)
Popova Anna Vladislavovna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia)
Skachkova Galina Semyonovna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia)
Khabibulin Alik Galimzyanovich, Doctor of legal sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Certificate of registration with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) PI No. FS77-65110 dated 28.03.2016

Founder: Komarov Sergey Aleksandrovich

The journal was re-registered in 2025. Certificate of Roskomnadzor PI No. FS77-89420 dated 05/20/2015
Founder: Komarov Vladimir Sergeevich

The magazine is published 4 times a year.

The journal is included by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of the dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences (quartile 1) should be published.

ISSN: 2500-0837 (Print); e-ISSN: 2687-0363 (Online)

© Theory of State and Law, 2025.
© The Authors, 2025.

The full-text version of the journal and the archive of issues from 2016 to the present are available on the Internet on the website of the Interregional Association of State and Law Theorists (http://matgip.ru/journal).

The subscription index in the Combined catalog of the Press of Russia is 38960
You can also subscribe to the magazine on the website. www.matgip.ru

The journal is included in the Russian Science Citation Index (RISC) system. Full-text issues of the journal are freely available in the Scientific Electronic Library eLibrary.RU and on the website: www.matgip.ru

When quoting, a link to a specific article in the journal is required. Reproduction of materials in printed, electronic or other publications is prohibited without the permission of the editorial board. The materials published in the journal may be used only for non-commercial purposes. The authors are responsible for the content of the articles and the results of checking the text for anti-plagiarism.

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК: 342.76
ББК: 67
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_14

С.О. Аврамов*

ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. *Анализируются правовые ограничения как инструмент регулирования общественных отношений, обеспечивающий баланс интересов государства, общества и личности. Рассматриваются различия между ограничениями, запретами и юридическими обязанностями, а также существующие научные подходы к их интерпретации. Особое внимание уделено вопросам интерпретации правовых ограничений в юридической науке, где до сих пор отсутствует единая концепция.*

Ключевые слова: *правовые ограничения, правопорядок, юридические запреты, механизм правового регулирования, ограничение прав и свобод.*

Правовые ограничения занимают важное место в системе права, выполняя ключевую функцию поддержания баланса между интересами общества, государства и отдельных лиц. Ограничения служат важным средством правового воздействия, создавая условия для защиты и реализации правомерных интересов. Без их установления и применения невозможно обеспечить устойчивость правопорядка, так как они направлены на предотвращение активности субъектов, способной затруднить или исключить реализацию охраняемых законом интересов других участников общественных отношений. Правовые ограничения в полной мере необходимо анализировать с позиции ценностей права [4; 7, с. 130–163; 18; 19; 22; 23, с. 8; 26; 31; 42; 43; 50; 59; 60; 66; 71, с. 153–188; 72].

Понимание роли ограничений в механизме действия права имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Оно позволяет выявить общие закономерности функционирования права как социального регулятора, а также раскрыть особенности его применения в условиях современных вызовов и изменений. Исследование сущности, назначения и эффективности правовых ограничений дает возможность не только глубже понять механизм правового регулирования, но и выработать подходы к его совершенствованию и рассмотрению с позиций синкретизма современной правовой культуры [10; 11; 13; 14].

Ключевые признаки правового государства, охватывающие принципы верховенства закона, разграничение ветвей власти и взаимную ответственность личности и государства, неизбежно предполагают введение определённых правовых ограничений [5; 25; 37; 53; 56; 61; 63]. При отсутствии действенных механизмов такого сдерживания государственная

* **Аврамов Степан Олегович,** адъюнкт адъюнктуры и докторантуры научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации. E-mail: Spvi2023@mail.ru

Научный руководитель – **Сальников Виктор Петрович,** профессор Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. E-mail: Fonduniver@bk.ru

власть рискует превратиться в неконтролируемую структуру, утрачивающую свою исходную миссию по обеспечению интересов граждан и общества в целом. Для решения этой проблемы требуется комплексные меры, включая детальный анализ и пересмотр существующих правовых норм и принципов, чтобы сформировать сбалансированную правовую систему, способную оперативно отвечать на вызовы современности и одновременно защищать основные права и свободы граждан [8; 39; 48; 49; 57; 69; 73].

До настоящего времени в правовой науке отсутствует единая концепция интерпретации правовых ограничений, что существенно осложняет процесс развития отраслевого законодательства, которое в свою очередь несёт ключевую функцию в регулировании общественных отношений, связанных с конкретными правовыми сферами.

Термин «ограничение» широко используется в различных областях знаний и характеризуется схожими, но несколько различными оттенками значений в зависимости от контекста. В большом толковом словаре русского языка под редакцией С.А. Кузнецова ограничение определяется как действие, связанное с установлением границ, рамок или условий, регулирующих определенные явления или процессы [35]. Согласно толковому словарю русского языка под редакцией С.И. Ожегова, ограничение – это, во-первых, действие, связанное с введением границ или условий, а во-вторых, конкретное правило, регулирующее действия субъектов, например, «отмена ограничений» [41]. В толковом словаре русского языка под редакцией Т.Ф. Ефремовой понятие ограничений рассматривается как процесс и результат установления пределов [17]. Наконец, в толковом словаре русского языка под редакцией Д.В. Дмитриева понятие ограничений определяется как действие, направленное на сокращение или уменьшение чего-либо, а также как система правил, устанавливающих допустимые границы поведения или деятельности [16]. Анализ различных определений показывает, что ограничение рассматривается преимущественно в двух аспектах: как процесс введения пределов, границ или норм, направленных на регулирование определенных явлений и как результат действия, выражающийся в установленных правилах, нормах или условиях.

В научном обороте параллельно используются понятия «правовые ограничения» и «ограничения в праве», что указывает на необходимость чёткого выяснения их взаимного соотношения и связей. Ю.Н. Андреев полагает, что «правовые ограничения» и «ограничения в праве» не тождественны друг другу. Первое понятие, обладая более широким содержанием, следует рассматривать наряду с другими типами ограничений – нравственными, религиозными, физическими и так далее. Соответственно, если речь идёт о конкретных ограничениях в отдельной правовой отрасли или о нормативах, установленных законом, судебными инстанциями или договорённостями, то уместнее говорить именно об ограничениях в праве [2].

В этой позиции чувствуется ориентация на синкретизм современной правовой культуры. Профессор Ф.Х. Галиев обосновал данную ситуацию с позиций влияния на поведение людей всей совокупности социальных регуляторов (морали, обычаев, корпоративных правил, религиозных таинств и т.д.). Так, он пишет: «В современном мире сложно найти юридическую норму, которая бы противоречила требованиям иных нормативных регуляторов общественных отношений, функционирующих в обществе в виде норм морали, религии, этики и т.д. Это объективно связано с синкретизмом правовой культуры, который означает взаимозависимость требований всего комплекса действующих в современном обществе социальных норм в процессе их воздействия на сознание и поведение людей» [12, с. 12].

По нашему мнению, следует учитывать различие между «правовыми ограничениями» и «ограничением прав», поскольку последнее имеет более узкую сферу применения, касаясь непосредственно субъективных прав и свобод человека и гражданина. Ограничение прав, как правило, подразумевает сужение или сокращение объёма субъективных прав участников правоотношений. Скажем, такие ограничения могут быть связаны с уголовно-процессуальной деятельностью [32; 33; 34] или оперативно-розыскной деятельностью [20; 21; 24], что порой предполагает принятие по этому поводу судебного решения. Может идти речь об ограничении прав граждан при чрезвычайных ситуациях, при введении военного положения либо в период действия иных особых правовых режимов [30; 46; 47; 62; 64; 75].

Дополнительные сложности вызывает необходимость разграничения правовых ограничений с иными смежными категориями юридической науки, прежде всего с правовыми запретами. Несмотря на схожесть в механизмах воздействия, эти понятия имеют различную нормативную направленность. Правовые запреты исключают возможность совершения определённых действий, тогда как правовые ограничения создают условия, при которых реализация субъективных прав возможна лишь в установленных законом пределах. Тем не менее, в правовой доктрине до сих пор отсутствуют универсальные критерии для чёткого различения этих явлений, что порождает неопределённость при их правоприменении.

В исследованиях Т.Н. Радько, предпринималась попытка комплексного анализа правовых запретов, в ходе которых выделено несколько существенных признаков: «во-первых, в отличие от многочисленных норм, ориентированных на позитивное поведение, правовой запрет выражает безусловное осуждение государством возможного правонарушения; во-вторых, он может быть осмыслен как своего рода юридическая обязанность участников общественных отношений, обязанных воздерживаться от деяний, идущих вразрез с интересами общества; и в-третьих, подобный запрет даёт возможность охватить широкий спектр вариантов нежелательного для государства и общества поведения» [52, с. 88]. Отметим, что данные характеристики, определение объектов запрещающей нормы и роль в регуляции отношений, в дальнейшем были использованы другими исследователями при анализе правовых запретов в различных областях права.

В ходе исследования правовых запретов С.С. Алексеев обращает особое внимание на их «функциональную роль в укреплении правопорядка, за счёт чего закрепляются общественные отношения, определяются ключевые аспекты государственной и гражданской дисциплины, непреложный минимум нравственных требований, а также очерчиваются границы допустимого и недопустимого в действиях граждан и государственных органов» [1, с. 43]. Подобное определение подчёркивает правоохранительный характер правовых запретов и их ориентированность на ограничение субъектов, как граждан, так и власти в рамках правомерного поведения.

Продолжение вышеупомянутой идеи обнаруживается у З.Д. Ивановой, которая подчёркивает вклад правовых запретов в «укрепление правопорядка через зафиксированный в норме призыв не совершать действий, нежелательных для государства, указывая на внешнее выражение правового запрета, проявляющееся в пассивной обязанности воздерживаться от поведения, которое государство и считает нежелательным» [27, с. 108].

Аналогичную особенность правовых запретов отмечает и А.Г. Братко, рассматривающий их как «государственно-властные предписания, главной целью которых становится предотвращение возможных действий, наносящих ущерб общественным интересам» [6, с. 17]. Н.Н. Рыбушкин также указывает на роль правовых запретов как «инструмента устранения вредоносных общественных отношений, утверждая, что к ним прибегают в ситуациях, когда наблюдается либо прогнозируется определённая антисоциальная тенденция, которую необходимо пресечь при помощи запрещающих норм» [55, с. 31].

Схожую трактовку правовых запретов предлагают А.В. Малько и М.М. Султыгов. Так, с точки зрения А.В. Малько, «запреты представляют собой государственно-властные сдерживающие средства, которые под угрозой ответственности должны предотвращать возможные нежелательные, противоправные деяния, причиняющие вред как личным, так и общественным интересам» [38, с. 95]. По мнению М.М. Султыгова, «правовые запреты – это такие юридические средства, с помощью которых обозначаются пределы правовой свободы индивида и в то же время ограничиваются возможности вмешательства государства в сферу субъективных прав и свобод» [68, с. 25; см. также: 54].

Нетрудно увидеть, что во всех указанных случаях речь идет о необходимости предотвращения противоправного поведения личности. Направлено оно на профилактику правонарушений и обеспечение правомерного поведения субъектов правоотношений [9; 36; 40; 44; 58; 76].

Ф.Н. Фаткуллин практически приравнивает понятия «ограничение» и «запрет», отмечая, что «ограничение близко к запрету, но рассчитано не на полное вытеснение какого-

либо общественного отношения, а на его сохранение в жёстко очерченных границах» [70, с. 127]. По сути, автор трактует ограничение как запрет, не реализованный в полной мере.

Н.М. Семенюта определяет ограничение как «вспомогательный способ правового воздействия, с помощью которого устанавливаются исключения (изъятия) из конкретного запрета или дозволения» [65, с. 11]. Впрочем, автор не приводит убедительных доводов, которые подтвердили бы тезис о вторичном характере ограничений по отношению к запретам.

Таким образом, правовые запреты представляют собой императивные предписания, направленные на предотвращение правонарушений и защиту общественного порядка. Они являются неотъемлемым элементом правового регулирования, формируя границы допустимого поведения субъектов. Запрещающие нормы выступают инструментом государственной власти, позволяя формировать нормативную основу общественных отношений. Их обязательность обеспечивает устойчивость правовой системы и дисциплину субъектов права. Правовые запреты сочетают в себе как карательную, так и превентивную функции. Они не только фиксируют недопустимость определенных действий, но и ориентируют субъектов права на соблюдение установленного порядка.

В отличие от жестких ограничений, запреты могут быть абсолютными (полностью исключающими возможность совершения действия) или относительными (допускающими исключения или применение при определенных условиях). Это делает их эффективным инструментом регулирования.

Несмотря на их значимость, чрезмерное использование запретов может привести к правовому нигилизму и снижению эффективности нормативного регулирования. Оптимальной стратегией является их сочетание с позитивными правовыми механизмами, обеспечивающими баланс между запретами и мерами стимулирования правомерного поведения.

Эти выводы подчеркивают значимость правовых запретов как инструмента правового регулирования, а также их функциональную многогранность и необходимость рационального применения в современных правовых системах, то есть как ценностей права.

Некоторые учёные, напротив, полагают, что правовое ограничение является более широким понятием по отношению к правовому запрету, считая, что каждый запрет – это ограничение, но не каждое ограничение в правовой сфере сводится к запрету. Так, по мнению Н. М. Приходько, правовые ограничения представляют собой «способ удерживать субъекта права в определённых рамках для поддержания порядка в общественных отношениях и обеспечения интересов противоположной стороны, выделяя при этом следующие формы правовых ограничений: запрет, приостановление, возложение обязанностей, умаление прав, установление пределов, лимитов, цензов, наказаний, принудительных и пресекающих мер, а также изъятий» [51, с. 18].

А.А. Подмарёв даёт ещё более расширенное толкование способов ограничения, включив в их перечень: «1) абсолютный запрет, который означает полное запрещение осуществлять определённое право или свободу; 2) относительный запрет, предполагающий запрет на конкретные формы реализации прав и свобод путём определения границ поведения; 3) вмешательство государственных органов в права и свободы (характеризующееся активными действиями власти и пассивным поведением граждан); 4) обязанности; 5) ответственность» [45, с. 29].

С одной стороны, расширенное толкование категории «правовые ограничения» действительно способствует более детальному исследованию механизмов правового регулирования, позволяя выявить скрытые аспекты их функционирования и влияние на правоприменительную практику. Такой подход создаёт условия для более комплексного понимания динамики правовых отношений. Однако, с другой стороны, столь широкая трактовка несёт в себе и определённые риски, связанные с возможностью размывания границ понятийного аппарата.

Строгое соблюдение логических конструкций и терминологической точности является необходимым условием обеспечения научной корректности и правовой определённости. Произвольное смешение смежных категорий, таких как правовые ограничения и правовые

запреты, способно привести к терминологической неопределённости, усложняя процесс интерпретации норм права и их практического применения. Таким образом, баланс между глубиной анализа и методологической строгостью должен оставаться ключевым ориентиром в исследовании данной категории, что требует дальнейшей систематизации научных подходов и уточнения дефиниций.

Попытки отождествления правовых ограничений с юридическими обязанностями, запретами или мерами ответственности требуют особенно внимательного подхода. Несмотря на тесную взаимосвязь этих правовых категорий, их объединение под единым понятийным аппаратом может привести к размыванию границ между ними. Правовые ограничения, в отличие от обязанностей и запретов, представляют собой инструменты, направленные на сдерживание активности субъектов права для достижения баланса интересов и обеспечения защиты правопорядка. В то время как юридические обязанности концентрируются на необходимости исполнения установленных норм, а ответственность реализуется в ответ на нарушение таких норм, ограничения имеют более широкую функциональную нагрузку и касаются профилактики нежелательного поведения.

В контексте анализа соотношения ограничений, запретов и позитивных обязываний, ограничение можно рассматривать как процесс, через который реализуются эти механизмы, или как результат их воздействия. Ограничения обладают гибкостью в своей реализации и могут быть применены в различных формах в зависимости от целей правового регулирования и особенностей конкретной ситуации.

Одной из форм проявления ограничений является временное изменение объёма субъективного права. Это может выражаться в частичном его умалении, полном лишении права или приостановлении его действия. Такие меры, как правило, используются для достижения правового баланса в условиях, когда реализация субъективного права одного лица может нарушить права и законные интересы других субъектов. Кроме того, ограничения могут проявляться в установлении конкретных запретов, позитивных обязанностей, лимитов, цензов или других формальных рамок, которые сужают поле допустимого поведения субъектов.

Дополнительно, реализация ограничений может включать меры принуждения или наказания, которые служат как сдерживающим фактором, так и способом восстановления нарушенного правопорядка. Эти механизмы обеспечивают не только соблюдение правовых ограничений, но и усиление их превентивной функции, предотвращая возможные правонарушения. Правовое ограничение, выступая в качестве инструмента правового регулирования, тесно связано с запретами, обязанностями и санкциями, дополняя их и усиливая их эффективность. Оно не только ограничивает свободу действия, но и обеспечивает устойчивость правовой системы, способствуя гармонизации интересов всех участников правовых отношений.

Таким образом, правовые ограничения выступают неотъемлемым элементом механизма правового регулирования, обеспечивающим баланс между интересами государства, общества и личности. Их функциональная природа позволяет устанавливать границы допустимого поведения, предотвращая возможные нарушения правопорядка и способствуя защите законных интересов субъектов права. Их следует отнести к ценностям права. В то же время отсутствие единой концепции правовых ограничений в юридической науке затрудняет их системное понимание и практическое применение, что обусловливает необходимость дальнейшей научной рефлексии и совершенствования нормативных подходов.

Дальнейшее исследование данной проблематики должно быть направлено на разработку универсальных критериев разграничения правовых ограничений, запретов и обязанностей, что позволит повысить уровень правовой определенности и правоприменительной практики. Кроме того, в условиях цифровизации и трансформации правовых систем [3; 15; 28; 67; 74] требуется комплексный пересмотр традиционных подходов к ограничениям, адаптация их к новым вызовам, включая регулирование цифровых технологий и информационных отношений.

Библиографический список

1. *Алексеев С.С.* Правовые запреты в структуре советского права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1973. – № 5. – С. 43–51.

2. *Андреев Ю.Н.* Ограничения в гражданском праве России. Монография. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. – 400 с.

3. *Анищенко В.Н., Выборный А.Н., Хабибулин А.Г.* Искусственный интеллект в противодействии криминальным угрозам финансовой безопасности России (теория, методология, практика). – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, Высшая школа государственного аудита, 2024. – 376 с.

4. *Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Философия права Ф.М. Достоевского и система нравственно-правовых ценностей народов России в XXI столетии // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 9. – С. 168–181.

5. *Боер В.М., Городинец Ф.М., Григонис Э.П., Сальников М.В., Янгол Н.Г.* Правовое государство: реальность, мечты, будущее: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, 1999. – 256 с.

6. *Братко А.Г.* Запреты в советском праве. – Саратов: Саратовский ун-т, 1979. – 92 с.

7. *Виноградова Е.В.* Грани современного российского конституционализма: Монография / Институт государства и права РАН. – М.: РИТМ, 2021. – 240 с.

8. *Виноградова Е.В., Захарцев С.И., Сальников В.П.* Право, свобода, закон. Контрфорс // Образование и право. 2021. № 9. С. 30–35. DOI: 10.24412/2076–1503–2021–9-30–35.

9. *Виноградова Е.В., Захарцев С.И., Сальников В.П.* Профилактика преступности: от концепта к конструкту // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 3. – С. 111–119.

10. *Галиев Ф.Х.* О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 4(34). – С 36–73.

11. *Галиев Ф.Х.* Правовая культура: социально-философские проблемы // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7. – С. 182–190.

12. *Галиев Ф.Х.* Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 55 с.

13. *Галиев Ф.Х.* Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.

14. *Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М.* Обществоведение в XXI веке: теоретико-правовой аспект. – Уфа: Башк. энцикл., 2018. – 292 с.

15. *Галиев Ф.Х., Гутман М.Ю., Исмагилов Р.Ф.* К вопросу об устойчивом развитии общества в условиях информатизации и цифровизации // Теория государства и права. – 2023. – № 4–1 (34). – С. 96–104. DOI: 10.25839/MATGIP_2023_4_1_34_96

16. *Дмитриев Д.В.* Толковый словарь русского языка. – М.: АСТ, 2017. – 1584 с.

17. *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М.: АСТ, Мир и Образование, 2023. – 3312 с.

18. *Жуков В.Н.* Право как ценность // Государство и право. – 2010. – № 1. – С. 21–34.

19. *Жуков В.Н.* Россия и Запад: ценности, политика, право: Монография. – М.: Юнити-Дана, 2025. – 840 с.

20. *Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю.* К вопросу о регламентации оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина // Российский следователь. – 2006. – № 5. – С. 31–32.

21. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Конституционные права человека в России и допустимость их ограничения в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий на каналах связи // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С 84–89. – в сб. 243 с.

22. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Правовой прогресс и ценности права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 17–31.

23. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с. DOI: 10.17513/np.467

24. *Захарцев С.И., Сальников В.П., Кирюшкина Н.О.* Конституционные права человека: возможны ли ограничения // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности: Материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20–22 мая 2016 г. /

Под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. – С. 127–138. – в кн. 344 с.

25. *Захарцев С.И., Лежнева О.Ю., Сальников В.П., Чабукиани О.А.* Справедливая судебная власть как гарант правового государства // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2021. – № 4. – С. 26–34.

26. *Зорькин В.Д.* Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. – 2008. – № 12. – С. 3–14.

27. *Иванова З.Д.* Запрещающие нормы в механизме правового регулирования // Советское государство и право. – 1975. – № 11. – С. 108

28. *Ивлиев П.В., Крижановская Г.Н.* Цифровизация экономики: правовое регулирование и пути развития // Теория государства и права. – 2023. – № 4 (33). – С. 127–131. DOI: 10.25839/MATGIP_2023_4_131

29. *Карташов В.Н.* Ограничения в праве и правовой системе общества: методологические аспекты исследования // Юридическая техника. – 2018. – № 12. – С. 175–178.

30. *Каюми Т.* Ограничение гражданских прав в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства в период введения военного положения // Военно-правовые инструменты обеспечения национальной безопасности: Сборник статей научно-практической конференции. – М., 2022. – С. 147–153.

31. *Клименко А.И.* Рассмотрение права в ценностном ракурсе с позиций социологической общеправовой теории: идеи, значение, потенциал // Ценность права (к 100-летию со дня рождения О.Э. Лейста): монография / Отв. ред. Е.А. Фролова. М.: Проспект, 2025. С. 309–323.

32. *Кондрат И.Н.* Допустимость и пределы ограничения прав личности в сфере уголовного судопроизводства (социально-экономический аспект) // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 38–44.

33. *Кондрат И.Н.* Ограничения личных (гражданских) прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: допустимость и пределы // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 139–152.

34. *Кондрат И.Н.* Ограничения политических, социально-экономических и культурных прав и свобод в уголовном судопроизводстве: допустимость и пределы // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С.58–70.

35. *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка [А-Я]. – СПб.: Норинт, 2004. – 1534 с.

36. *Маджидзода Д.З.* Профилактика преступлений: общесоциальный срез // Мир политики и социологии. – 2016. – № 8. – С. 164–174.

37. *Мазурин С.Ф., Сальников М.В.* Правовое и социальное государство в славянских странах: может ли оно отличаться от европейских? // Мир политики и социологии. – 2019. – № 5. – С. 78–91.

38. *Малько А.В.* Стимулы и ограничения в праве (Теоретико-информационный аспект): Дис. … докт. юрид. наук.– Саратов, 1995. – 362 с.

39. *Москалькова Т.* Принципы построения новой международной архитектуры защиты прав человека // XII Петербургский Международный юридический форум 2024. – М.: Росконгресс, 2024. – С. 20–23.

40. *Никодимов И.Ю.* Комплексные меры профилактики экстремизма и терроризма как одна из функций государства // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 143–151.

41. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. О.В. Шалимовой. – М.: АСТ, 2015. – 1360 с.

42. Патрушев: фундамент русского общества – система традиционных ценностей // https://rossaprimavera.ru/news/90f07c22

43. *Петров А.В., Жичкина С.Е.* Справедливость как критерий ценности права // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 2. – С. 40–47.

44. *Петровский А.В.* Институционно-нормативная система предупреждения преступного поведения: теоретико-прикладное исследование: Дис. ... докт. юрид. наук. 5.1.4. – Краснодар: Кубанский государственный ун-т, 2024. – 597 с.

45. *Подмарев А.А.* Конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Дис... канд. юрид. наук. – Саратов, 2001. – 235 с.

46. *Подмарев А.А.* Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайного положения в Российской Федерации: конституционные основы и законодательное регулирование // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 1 (77). – С. 50–54.

47. *Потапов Ю.А.* Ограничения прав человека в период действия особых правовых режимов // Образование и право. – 2019. – № 8. – С. 101–107.

48. Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сбор. матер. Всерос. науч-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под. ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. –399 с.

49. Права человека и правовое социальное государство в России: Монография / Отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 400 с.

50. Право. Порядок. Ценности: Монография / Общ. ред. Е.А. Фролова. – М.: Блок-Принт, 2022. – 688 с.

51. *Приходько И.М.* Ограничения в российском праве (проблемы теории и практики): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2002. – 22 с.

52. *Радько Т.Н.* О роли запретов в правовом регулировании // Труды Высшей следственной школы МВД СССР. Волгоград: НИиРИО МВД СССР. – 1969. – №. 1.

53. *Раянов Ф.М.* Гражданское общество и правовое государство: проблемы понимания и соотношения: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 320 с.

54. *Ромашов Р.А., Султыгов М.М.* Запреты в праве. – СПб., 1998.

55. *Рыбушкин Н.Н.* Реализация запрещающих норм советского общенародного права: Дис. … канд. юрид. наук. – Казань, 1986.

56. *Сальников В.П.* От права к правовому государству // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 1(51). – С. 12–15.

57. *Сальников В.П.* Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2006. – № 9. – С. 6–15.

58. *Сальников В., Захарцев С.* Преступления, которых могло не быть // Защита и безопасность. – 2020. – № 4(95). – С. 30–31.

59. *Сальников В.П., Сальников М.В.* Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – № 3. – Том 19. – С. 1096–1099.

60. *Сальников В.П., Сальников М.В.* Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70–86.

61. *Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В.* Теория правового государства (попытка современной интерпретации) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 3–14.

62. *Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г.* Свобода личности и чрезвычайное законодательство: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2005. – 464 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).

63. *Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р.* Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 3(41). – С. 16–22.

64. *Сальников М.В., Реуф В.М.* Чрезвычайная ситуация и ограничение конституционных прав граждан (на примере Российской Федерации и Республики Таджикистан) // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: Материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С. 160–164. – в сб. 243 с.

65. *Семенюта Н.Н.* Запреты и ограничения в правовом регулировании трудовых отношений в Российской Федерации: Дис... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2000. – 216 с.

66. *Сергеева Т.Н.* Ценность права и его влияние на благополучие человека // Теория государства и права. – 2024. – № 3–2(40). – С. 174–177. DOI 10.25839/ MATGIP_2024_3–2_40_174.

67. Современное государство в эпоху глобальных трансформаций: аналитический доклад / И.М. Рагимов, С.Н. Бабурин, Ю.В. Голик, Ю.И. Дук, А.И. Коробеев. – СПб.: Юридический центр – Академия, 2019. – 344 с.

68. *Султыгов М.М.* Запрет как метод правового регулирования: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1996. – 150 с.

69. Трансформация прав человека в современном мире: Монография / Отв. ред. А.Н. Савенков. – М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2018. – 256 с.

70. *Фаткуллин Ф.Н.* Проблемы теории государства и права: Курс лекций – Казань: Казанский ун-т, 1987. – 336 с.

71. Философско-правовое познание: актуальные проблемы: монография / Е.В. Виноградова, А.О. Воробьев, М.Ю. Гутман [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2025. – 418 с. – (Научная мысль). DOI 10.12737/2152004

72. Ценность права (к 100-летию со дня рождения О.Э. Лейста): монография / отв. ред. Е.А. Фролова. – М.: Проспект, 2025. – 576 с.

73. Цивилизационные аспекты проблемы прав человека (К 75-летию принятия Всеобщей декларации прав человека): Сборник статей X Общероссийского годового собрания теоретиков права (г. Москва, 22 февраля 2023 г., Центральный дом ученых) / [Т.Я. Хабриева. В.В. Лазарев, А.И. Ковлер и др.; редкол. В.В. Лазарев (ред.), Ю.Г. Арзамасов, М.В. Залоило, Д.А. Пашенцев, А.И. Сидоренко]. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 208 с. – DOI: 10.12737/2138189.

74. Цифровое право: Учебник / Под ред. докт. юрид. наук, проф. МГИМО МИД России Э.Л. Сидоренко. – М.: Юрлитинформ, 2024. – 720 с.

75. *Шилов А.И.* Ограничения гражданских прав при введении военного положения на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях // Молодой ученый. – 2020. – № 10 (300). – С. 210–213.

76. *Яковлева М.А.* Органы внутренних дел как один из субъектов в системе профилактики преступности: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. 12.00.08 – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2019. – 23 с.

Для цитирования: *Аврамов С.О.* Правовые ограничения: общетеоретическая характеристика и механизмы реализации // Теория государства и права. – 2025. – № 2-1. – С. 14–22.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_14

LEGAL RESTRICTIONS: GENERAL THEORETICAL CHARACTERISTICS AND IMPLEMENTATION MECHANISMS

Stepan O. Avramov*

Annotation. *The article analyzes legal restrictions as a tool for regulating public relations, ensuring a balance of interests of the state, society and the individual. The differences between restrictions, prohibitions, and legal obligations are considered, as well as existing scientific approaches to their interpretation. Special attention is paid to the interpretation of legal restrictions in legal science, where there is still no unified concept.*

Keywords: *legal restrictions, law and order, legal prohibitions, mechanism of legal regulation, restriction of rights and freedoms.*

Legal restrictions occupy an important place in the legal system, performing the key function of maintaining a balance between the interests of society, the state and individuals. Restrictions serve as an important means of legal influence, creating conditions for the protection and implementation of legitimate interests. Without their establishment and application, it is impossible to ensure the stability of the legal order, since they are aimed at preventing the activity of subjects that can hinder or exclude the implementation of the legally protected interests of other participants in public relations. Legal restrictions must be fully analyzed from the standpoint of legal values [4; 7, pp. 130–163; 18; 19; 22; 23, p. 8; 26; 31; 42; 43; 50; 59; 60; 66; 71, pp. 153–188; 72].

Understanding the role of restrictions in the mechanism of law has not only theoretical but also practical significance. It allows us to identify general patterns of the functioning of law as a social regulator, as well as to reveal the features of its application in the context of modern challenges and changes. The study of the essence, purpose and effectiveness of legal restrictions makes it pos-

* **Avramov Stepan Olegovich**, adjunct of postgraduate and doctoral studies of the research center of the Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia) E-mail: Spvi2023@mail.ru

Scientific supervisor – **Salnikov Viktor Petrovich**, Professor of the Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia) E-mail: Fonduniver@bk.ru

sible not only to more deeply understand the mechanism of legal regulation, but also to develop approaches to its improvement and consideration from the standpoint of syncretism of modern legal culture [10; 11; 13; 14].

The key features of a state governed by the rule of law, including the principles of the rule of law, separation of branches of government, and mutual responsibility of the individual and the state, inevitably imply the introduction of certain legal restrictions [5; 25; 37; 53; 56; 61; 63]. In the absence of effective mechanisms for such restraint, state power risks turning into an uncontrollable structure that loses its original mission of ensuring the interests of citizens and society as a whole. Solving this problem requires comprehensive measures, including a detailed analysis and revision of existing legal norms and principles in order to form a balanced legal system capable of promptly responding to modern challenges and simultaneously protecting the fundamental rights and freedoms of citizens [8; 39; 48; 49; 57; 69; 73].

To date, legal science lacks a unified concept for interpreting legal restrictions, which significantly complicates the process of developing sectoral legislation, which in turn plays a key role in regulating social relations associated with specific legal areas.

The term "restriction" is widely used in various fields of knowledge and is characterized by similar, but slightly different shades of meaning depending on the context. In the large explanatory dictionary of the Russian language edited by S.A. Kuznetsov, restriction is defined as an action associated with the establishment of boundaries, limits, or conditions governing certain phenomena or processes [35]. According to the explanatory dictionary of the Russian language edited by S.I. Ozhegov, restriction is, firstly, an action associated with the introduction of boundaries or conditions, and secondly, a specific rule governing the actions of subjects, for example, "the cancellation of restrictions" [41]. In the explanatory dictionary of the Russian language edited by T.F. Efremova, the concept of restrictions is considered as the process and result of establishing limits [17]. Finally, in the explanatory dictionary of the Russian language edited by D.V. Dmitriev, the concept of restrictions is defined as an action aimed at reducing or decreasing something, as well as a system of rules establishing acceptable boundaries of behavior or activity [16]. An analysis of various definitions shows that limitation is considered mainly in two aspects: as a process of introducing limits, boundaries or norms aimed at regulating certain phenomena and as a result of action, expressed in established rules, norms or conditions.

In scientific circulation, the concepts of "legal restrictions" and "restrictions in law" are used in parallel, which indicates the need for a clear clarification of their mutual relationship and connections. Yu. N. Andreev believes that "legal restrictions" and "restrictions in law" are not identical to each other. The first concept, having a broader content, should be considered along with other types of restrictions – moral, religious, physical, and so on. Accordingly, if we are talking about specific restrictions in a separate legal area or about standards established by law, judicial authorities or agreements, then it is more appropriate to talk about restrictions in law [2].

This position is oriented towards the syncretism of modern legal culture. Professor F.Kh. Galiev substantiated this situation from the standpoint of the influence of the entire set of social regulators (morality, customs, corporate rules, religious sacraments, etc.) on people's behavior. Thus, he writes: "In the modern world, it is difficult to find a legal norm that would contradict the requirements of other normative regulators of social relations that function in society in the form of moral norms, religion, ethics, etc. This is objectively connected with the syncretism of legal culture, which means the interdependence of the requirements of the entire complex of social norms operating in modern society in the process of their influence on the consciousness and behavior of people" [12, p. 12].

In our opinion, it is necessary to take into account the difference between "legal restrictions" and "restriction of rights", since the latter has a narrower scope of application, directly concerning the subjective rights and freedoms of a person and citizen. Restriction of rights, as a rule, implies a narrowing or reduction of the scope of subjective rights of participants in legal relations. For example, such restrictions may be associated with criminal procedural activity [32; 33; 34] or operational-search activity [20; 21; 24], which sometimes requires a court decision on this matter. We

may be talking about limiting the rights of citizens in emergency situations, when martial law is introduced, or during the period of other special legal regimes [30; 46; 47; 62; 64; 75].

Additional difficulties arise from the need to distinguish legal restrictions from other related categories of legal science, primarily from legal prohibitions. Despite the similarity in the mechanisms of influence, these concepts have different normative orientations. Legal prohibitions exclude the possibility of committing certain actions, while legal restrictions create conditions under which the implementation of subjective rights is possible only within the limits established by law. Nevertheless, the legal doctrine still lacks universal criteria for a clear distinction between these phenomena, which gives rise to uncertainty in their law enforcement .

In the research of T.N. Radko , an attempt was made to comprehensively analyze legal prohibitions, during which several essential features were identified: "firstly, in contrast to numerous norms oriented toward positive behavior, a legal prohibition expresses the state's unconditional condemnation of a possible offense; secondly, it can be understood as a kind of legal obligation of participants in social relations, who are obliged to refrain from actions that are contrary to the interests of society; and thirdly, such a ban makes it possible to cover a wide range of variants of behavior undesirable for the state and society" [52, p. 88]. It should be noted that these characteristics, the definition of the objects of the prohibitory norm and the role in regulating relations, were subsequently used by other researchers in the analysis of legal prohibitions in various areas of law.

In the course of his study of legal prohibitions, S.S. Alekseev pays special attention to their "functional role in strengthening the rule of law, due to which public relations are consolidated, key aspects of state and civil discipline are defined, the absolute minimum of moral requirements, and the boundaries of what is permissible and unacceptable in the actions of citizens and state bodies are outlined" [1, p. 43]. Such a definition emphasizes the law enforcement nature of legal prohibitions and their focus on limiting subjects, both citizens and authorities, within the framework of lawful behavior.

The continuation of the above-mentioned idea is found in Z.D. Ivanova, who emphasizes the contribution of legal prohibitions to "strengthening the rule of law through the call recorded in the norm not to commit actions that are undesirable for the state, pointing to the external expression of the legal prohibition, manifested in the passive obligation to refrain from behavior that the state considers undesirable" [27, p. 108].

A similar feature of legal prohibitions is noted by A.G. Bratko , who considers them as "state-authoritative regulations, the main purpose of which is to prevent possible actions that are detrimental to public interests" [6, p. 17]. N.N. Rybushkin also points to the role of legal prohibitions as "an instrument for eliminating harmful social relations, arguing that they are resorted to in situations where a certain antisocial tendency is observed or predicted, which must be suppressed with the help of prohibitive norms" [55, p. 31].

A similar interpretation of legal prohibitions is offered by A.V. Malko and M.M. Sultygov . Thus, from the point of view of A.V. Malko, "prohibitions are state-authoritative means of restraint, which, under threat of liability, must prevent possible undesirable, illegal acts that cause harm to both personal and public interests" [38, p. 95]. According to M.M. Sultygov , "legal prohibitions are such legal means by which the limits of the legal freedom of an individual are designated and, at the same time, the possibilities of state intervention in the sphere of subjective rights and freedoms are limited" [68, p. 25 ; see also: 54].

It is easy to see that in all the cases mentioned we are talking about the need to prevent unlawful behavior of an individual. It is aimed at preventing offenses and ensuring lawful behavior of subjects of legal relations [9; 36; 40; 44; 58; 76].

F.N. Fatkullin practically equates the concepts of "restriction" and "prohibition", noting that "restriction is close to prohibition, but is not designed to completely displace any social relationship, but to preserve it within strictly defined boundaries" [70, p. 127]. In essence, the author interprets restriction as a prohibition that is not fully implemented.

N.M. Semenyuta defines a restriction as "an auxiliary method of legal influence, with the help of which exceptions (exemptions) from a specific prohibition or permission are established" [65,

p. 11]. However, the author does not provide convincing arguments that would confirm the thesis about the secondary nature of restrictions in relation to prohibitions.

Thus, legal prohibitions are imperative regulations aimed at preventing violations and protecting public order. They are an integral element of legal regulation, forming the boundaries of acceptable behavior of subjects. Prohibitory norms act as an instrument of state power, allowing the formation of a normative basis for social relations. Their mandatory nature ensures the stability of the legal system and the discipline of legal entities. Legal prohibitions combine both punitive and preventive functions. They not only record the inadmissibility of certain actions, but also orient legal entities to comply with the established order.

Unlike hard restrictions, prohibitions can be absolute (completely excluding the possibility of performing an action) or relative (allowing exceptions or application under certain conditions). This makes them an effective regulatory tool.

Despite their importance, excessive use of prohibitions can lead to legal nihilism and a decrease in the effectiveness of regulatory control. The optimal strategy is to combine them with positive legal mechanisms that ensure a balance between prohibitions and measures to stimulate lawful behavior.

These findings highlight the importance of legal prohibitions as an instrument of legal regulation, as well as their functional versatility and the need for rational application in modern legal systems, that is, as legal values.

Some scholars, on the contrary, believe that a legal restriction is a broader concept in relation to a legal prohibition, considering that every prohibition is a restriction, but not every restriction in the legal sphere is reduced to a prohibition. Thus, according to N. M. Prikhodko, legal restrictions are "a way to keep a subject of law within certain limits in order to maintain order in social relations and ensure the interests of the opposing party, while highlighting the following forms of legal restrictions: prohibition, suspension, imposition of obligations, derogation of rights, establishment of limits, restrictions, censuses, punishments, coercive and suppressive measures, as well as exemptions" [51, p. 18].

A.A. Podmarev gives an even more expanded interpretation of the methods of restriction, including in their list: "1) an absolute ban, which means a complete ban on the exercise of a certain right or freedom; 2) a relative ban, which implies a ban on specific forms of exercising rights and freedoms by defining the boundaries of behavior; 3) interference by government bodies in rights and freedoms (characterized by active actions by the authorities and passive behavior of citizens); 4) duties; 5) responsibility" [45, p. 29].

On the one hand, the broad interpretation of the category of "legal restrictions" does indeed facilitate a more detailed study of the mechanisms of legal regulation, allowing to identify hidden aspects of their functioning and influence on law enforcement practice. Such an approach creates conditions for a more comprehensive understanding of the dynamics of legal relations. However, on the other hand, such a broad interpretation also carries certain risks associated with the possibility of blurring the boundaries of the conceptual apparatus.

Strict adherence to logical constructions and terminological precision is a necessary condition for ensuring scientific correctness and legal certainty. Arbitrary mixing of related categories, such as legal restrictions and legal prohibitions, can lead to terminological uncertainty, complicating the process of interpreting legal norms and their practical application. Thus, the balance between the depth of analysis and methodological rigor should remain a key guideline in the study of this category, which requires further systematization of scientific approaches and clarification of definitions.

Attempts to identify legal restrictions with legal obligations, prohibitions or liability measures require a particularly careful approach. Despite the close interrelation of these legal categories, their unification under a single conceptual apparatus may lead to a blurring of the boundaries between them. Legal restrictions, unlike obligations and prohibitions, are tools aimed at restraining the activity of legal entities in order to achieve a balance of interests and ensure the protection of law and order. While legal obligations focus on the need to comply with established

norms, and liability is implemented in response to the violation of such norms, restrictions have a broader functional load and concern the prevention of undesirable behavior.

In the context of the analysis of the relationship between restrictions, prohibitions and positive obligations , a restriction can be considered as a process through which these mechanisms are implemented, or as a result of their impact. Restrictions are flexible in their implementation and can be applied in various forms depending on the goals of legal regulation and the specifics of a particular situation.

One of the forms of manifestation of restrictions is a temporary change in the scope of a subjective right. This may be expressed in its partial diminution, complete deprivation of the right or suspension of its effect. Such measures are usually used to achieve a legal balance in conditions when the implementation of the subjective right of one person may violate the rights and legitimate interests of other subjects. In addition, restrictions may be manifested in the establishment of specific prohibitions, positive obligations, limits, qualifications or other formal frameworks that narrow the field of acceptable behavior of subjects.

Additionally, the implementation of restrictions may include measures of coercion or punishment, which serve both as a deterrent and as a way to restore the violated legal order. These mechanisms ensure not only compliance with legal restrictions, but also the strengthening of their preventive function, preventing possible violations. Legal restrictions, acting as an instrument of legal regulation, are closely related to prohibitions, obligations and sanctions, complementing them and enhancing their effectiveness. It not only limits freedom of action, but also ensures the stability of the legal system, promoting the harmonization of the interests of all participants in legal relations.

Thus, legal restrictions are an integral element of the mechanism of legal regulation, ensuring a balance between the interests of the state, society and the individual. Their functional nature allows for the establishment of boundaries of acceptable behavior, preventing possible violations of law and order and promoting the protection of the legitimate interests of legal entities. They should be attributed to the values of law. At the same time, the lack of a unified concept of legal restrictions in legal science complicates their systematic understanding and practical application, which necessitates further scientific reflection and improvement of normative approaches.

Further research into this issue should be aimed at developing universal criteria for distinguishing between legal restrictions, prohibitions and obligations, which will increase the level of legal certainty and law enforcement practice. In addition, in the context of digitalization and transformation of legal systems [3; 15; 28; 67; 74], a comprehensive revision of traditional approaches to restrictions is required, adapting them to new challenges, including the regulation of digital technologies and information relations.

Bibliographic list

1. *Alekseev S.S.* Legal prohibitions in the structure of Soviet law // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 1973. No. 5. P. 43–51.

2. *Andreev Yu.N.* Restrictions in civil law of Russia. Monograph. SPb.: Legal Center Press, 2011. 400 p.

3. *Anishchenko V.N., Vyborny A.N., Khabibulin A.G.* Artificial intelligence in countering criminal threats to Russia's financial security (theory, methodology, practice). M.: Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Higher School of Public Audit, 2024. 376 p.

4. *Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P.* Philosophy of Law of F.M. Dostoevsky and the System of Moral and Legal Values of the Peoples of Russia in the 21st Century // Legal Science: History and Modernity. 2020. No. 9. P. 168–181.

5. *Boer V.M., Gorodinets F.M., Grigonis E.P., Salnikov M.V., Yangol N.G.* The rule of law: reality, dreams, future: Scientific publication / Ed. by V.P. Salnikov. St. Petersburg: Aleteya, 1999. 256 p.

6. *Bratko A.G.* Prohibitions in Soviet law. Saratov: Saratov University, 1979. 92 p.

7. *Vinogradova E.V.* Facets of Modern Russian Constitutionalism: Monograph / Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. M.: RITM, 2021.-- 240 p.

8. *Vinogradova E.V., Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Law, freedom, law. Buttress // Education and Law. 2021. No. 9. P. 30–35. DOI: 10.24412/2076–1503–2021–9-30–35.

9. *Vinogradova E.V., Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Crime Prevention: From Concept to Construct // Legal Science: History and Modernity. 2023. No. 3. P. 111–119.

10. *Galiev F.Kh.* On the syncretism of legal culture // The rule of law: theory and practice. 2013. No. 4(34). P. 36–73.

11. *Galiev F.Kh.* Legal culture: socio-philosophical problems // The world of politics and sociology. 2016. No. 7. P. 182–190.

12. *Galiev F.Kh.* Syncretism of the legal culture of modern Russia: theoretical-methodological and historical-applied research: Abstract of a Doctor of Law dissertation. Moscow: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2014. 55 p.

13. *Galiev F.Kh.* Syncretism of modern legal culture: Monograph. Ufa: Bashkir State University, 2011. 354 p.

14. *Galiev F.Kh., Rayanov F.M.* Social science in the 21st century: theoretical and legal aspect. Ufa: Bashk. encyclopedic., 2018. 292 p.

15. *Galiev F.H., Gutman M.Yu., Ismagilov R.F.* The question of sustainable development of society in the conditions of informatization and digitization // Theory of the state and law. 2023. No. 4–1 (34). S. 96–104. DOI: 10.25839/MATGIP_2023_4_1_34_96

16. *Dmitriev D.V.* Interpretive dictionary of the Russian language. M.: AST, 2017. 1584 p.

17. *Efremova T.F.* Modern explanatory dictionary of the Russian language / Ed. by prof. L.I. Skvortsov. 27th ed., corrected. M.: AST, Mir i Obrazovanie, 2023.-- 3312 p.

18. *Zhukov V.N.* Law as a value // State and Law. 2010. No. 1. P. 21–34.

19. *Zhukov V.N.* Russia and the West: values, politics, law: Monograph. M.: Unity-Dana, 2025. 840 p.

20. *Zakhartsev S.I., Ignashchenkov Yu.Yu.* On the issue of regulation of operational-search measures that limit the constitutional rights of man and citizen // Russian investigator. 2006. No. 5. P. 31–32.

21. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Constitutional human rights in Russia and the admissibility of their restriction during operational-search activities on communication channels // Constitutional aspects of the current state of the legislation of the Republic of Tajikistan: materials of the international scientific-theoretical conference. Dushanbe: Irfon, 2014. P. 84–89. In the book 243 p.

22. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Legal progress and values of law // The world of politics and sociology. 2015. No. *9. P. 17–31.*

23. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the Speculative-Logical Foundations of the Metaphysics of Law: Monograph. M.: Yurlitinform, 2019. 376 p. DOI: 10.17513/np.467

24. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P., Kiryushkina N.O.* Constitutional human rights: are restrictions possible // Methodology of modern constitutionalism: constitutionalization of positive law; constitutional axiology of proportionality: Proceedings of the XIV International Scientific and Practical Conference on Constitutional Law, St. Petersburg, May 20–22, 2016 / General. ed. by A.A. Liverovsky, V.P. Salnikov. SPb: University Foundation, St. Petersburg State University of Economics, 2017. Pp. 127–138. In the book. 344 p.

25. *Zakhartsev S.I., Lezhneva O.Yu., Salnikov V.P., Chabukiani O.A.* Fair judiciary as a guarantor of the rule of law // Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University. 2021. No. 4. P. 26–34.

26. *Zorkin V.D.* Value approach in constitutional regulation of rights and freedoms // Journal of Russian Law. 2008. No. 12. P. 3–14.

27. *Ivanova Z.D.* Prohibitory norms in the mechanism of legal regulation // Soviet state and law. 1975. No. 11. P. 108

28. *Ivliev P.V., Krizhanovskaya G.N.* Digitalization of the economy: legal regulation and development paths // Theory of state and law. 2023. No. 4 (33). P. 127–131. DOI: 10.25839/MATGIP_2023_4_131

29. *Kartashov V.N.* Restrictions in the law and legal system of society: methodological aspects of the study // Legal technology. 2018. No. 12. P. 175–178.

30. *Kayumi T.* Restriction of civil rights in order to ensure national defense and state security during the introduction of martial law // Military-legal instruments for ensuring national security: Collection of articles from a scientific and practical conference. M., 2022. P. 147–153.

31. *Klimenko A.I.* Consideration of law from a value perspective from the standpoint of sociological general legal theory: ideas, meaning, potential // The Value of Law (on the 100th anniversary of O.E. Leist's birth): monograph / Ed. E.A. Frolova. Moscow: Prospect, 2025. Pp. 309–323.

32. *Kondrat I.N.* Admissibility and limits of restriction of individual rights in the sphere of criminal proceedings (socio-economic aspect) // Legal field of modern economy. 2011. No. 3. P. 38–44.

33. *Kondrat I.N.* Restrictions on personal (civil) rights and freedoms of a person and citizen in criminal proceedings: admissibility and limits // Legal science: history and modernity. 2012. No. 10. P. 139–152.

34. *Kondrat I.N.* Restrictions on political, socio-economic and cultural rights and freedoms in criminal proceedings: admissibility and limits // The World of Politics and Sociology. 2012. No. 9. P.58–70.

35. *Kuznetsov S.A.* Large explanatory dictionary of the Russian language [A-Z]. SPb.: Norint, 2004. 1534 p.

36. *Majidzoda D.Z.* Crime prevention: general social cross-section // The world of politics and sociology. 2016. No. 8. P. 164–174.

37. *Mazurin S.F., Salnikov M.V.* Legal and social state in Slavic countries: can it differ from European ones? // The world of politics and sociology. 2019. No. 5. P. 78–91.

38. *Malko A.V.* Incentives and restrictions in law (Theoretical and informational aspect): Diss. … Doctor of Law. Sciences. Saratov, 1995. 362 p.

39. *Moskalkova T.* Principles of building a new international architecture for the protection of human rights // XII St. Petersburg International Legal Forum 2024. M.: Roscongress, 2024. P. 20–23.

40. *Nikodimov I.Yu.* Comprehensive measures to prevent extremism and terrorism as one of the functions of the state // The World of Politics and Sociology. 2016. No. 4. P. 143–151.

41. *Ozhegov S.I.* Explanatory Dictionary of the Russian Language: About 100,000 Words, Terms, and Phraseological Expressions / Ed. by O.V. Shalimova. M.: AST, 2015. 1360 p.

42. Patrushev: the foundation of Russian society is the system of traditional values // https:// rossaprimavera.ru/news/90f07c22

43. *Petrov A.V., Zhichkina S.E.* Justice as a criterion for the value of law // Legal state: theory and practice. 2022. No. 2. P. 40–47.

44. *Petrovsky A.V.* Institutional and regulatory system for preventing criminal behavior: theoretical and applied research: Diss.... Doctor of Law. 5.1.4. Krasnodar: Kuban State University, 2024. 597 p.

45. *Podmarev A.A.* Constitutional foundations of limiting the rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation: Diss... Cand. of Law. Sciences. Saratov, 2001. 235 p.

46. *Podmarev A.A.* Restriction of human and civil rights and freedoms in a state of emergency in the Russian Federation: constitutional foundations and legislative regulation // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1 (77). P. 50–54.

47. *Potapov Yu.A.* Restrictions on human rights during the period of special legal regimes // Education and Law. 2019. No. 8. P. 101–107.

48. Human rights in Russia and the human rights activities of the state: Collection. Proc. of the All-Russian Scientific and Practical Conf., Moscow, May 12, 2003 / Ed. ed. by V.N. Lopatin. St. Petersburg: Legal Center Press, 2003. –399 p.

49. Human Rights and the Legal Social State in Russia: Monograph / Edited by E.A. Lukasheva. M.: Norma: INFRA-M, 2013. 400 p.

50. Law. Order. Values: Monograph / General. ed. by E.A. Frolova. M.: Block-Print, 2022. 688 p.

51. *Prikhodko I.M.* Restrictions in Russian law (problems of theory and practice): Abstract of Cand. of Law Dissertation. Saratov, 2002. 22 p.

52. *Radko T.N.* On the role of prohibitions in legal regulation // Works of the Higher Investigative School of the USSR Ministry of Internal Affairs. Volgograd: Research Institute of Investigation and Research of the USSR Ministry of Internal Affairs. 1969. No. 1.

53. *Rayanov F.M.* Civil society and the rule of law: problems of understanding and correlation: Monograph. M.: Yurlitinform, 2015. 320 p.

54. *Romashov R.A., Sultygov M.M.* Prohibitions in law. St. Petersburg, 1998.

55. *Rybushkin N.N.* Implementation of prohibitive norms of Soviet public law: Diss. … Cand. of Law. Sciences. Kazan, 1986.

56. *Salnikov V.P.* From Law to the Rule of Law // Rule of Law: Theory and Practice. 2018. No. 1(51). P. 12–15.

57. *Salnikov V.P.* Law and freedom in the qualitative hierarchy of personal values // Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. 2006. No. 9. P. 6–15.

58. *Salnikov V., Zakhartsev S.* Crimes that might not have happened // Protection and Security. 2020. No. 4 (95). P. 30–31.

59. *Salnikov V.P., Salnikov M.V.* National and ethnic values in legal culture and political and legal traditions // Bulletin of the Bashkir University. 2014. No. 3. Vol. 19. P. 1096–1099.

60. *Salnikov V.P., Salnikov M.V.* Legal culture and political and legal traditions in the context of absolute values // Legal Thought. 2014. No. 4 (84). P. 70–86.

61. *Salnikov V.P., Romashov R.A., Salnikov M.V*. Theory of the rule of law (an attempt at a modern interpretation) // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2002. No. 3(15). P. 3–14.

62. *Salnikov V.P., Stepashin S.V., Yangol N.G*. Freedom of the individual and emergency legislation: Monograph / General. ed. by V.P. Salnikov. St. Petersburg: University Foundation, 2005. 464 p. (Series: "Security of man and society").

63. *Salnikov V.P., Salnikov M.V., Romanovskaya V.B., Romanovskaya L.R.* National idea or the rule of law through the prism of national interests // Rule of law: theory and practice. 2015. No. 3 (41). P. 16–22.

64. *Salnikov M.V., Reuf V.M.* Emergency situation and limitation of constitutional rights of citizens (on the example of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan) // Constitutional aspects of the current state of legislation of the Republic of Tajikistan: Materials of the international scientific and theoretical conference. Dushanbe: Irfon, 2014. P. 160–164. In the book 243 p.

65. *Semenyuta N.N*. Prohibitions and restrictions in the legal regulation of labor relations in the Russian Federation: Diss... Cand. of Law. Sciences. Ekaterinburg, 2000. 216 p.

66. *Sergeeva T.N.* The value of law and its impact on human well-being // Theory of state and law. 2024. No. 3–2 (40). P. 174–177. DOI 10.25839/ MATGIP_2024_3–2_40_174.

67. The modern state in the era of global transformations: analytical report / I.M. Ragimov, S.N. Baburin, Yu.V. Golik, Yu.I. Duk, A.I. Korobeev. St. Petersburg: Legal Center Academy, 2019. 344 p.

68. *Sultygov M.M*. Prohibition as a method of legal regulation: Diss.... Cand. of Law Sciences. St. Petersburg, 1996. 150 p.

69. Transformation of human rights in the modern world: Monograph / ed. A.N. Savenkov. M.: NORMA; INFRA-M, 2018. 256 p.

70. *Fatkullin F.N.* Problems of the theory of state and law: Course of lectures Kazan: Kazan University, 1987. 336 p.

71. Philosophical and legal knowledge: current problems: monograph / E.V. Vinogradova, A.O. Vorobyov, M.Yu. Gutman [et al.]; under the general. ed. by Doctor of Law, Professor V.P. Salnikov. 2nd ed., corrected and supplemented. M.: INFRA-M, 2025. 418 p. (Scientific Thought). DOI: 10.12737/2152004

72. Leist's birth: monograph / ed. E.A. Frolova. M.: Prospect, 2025. 576 p.

73. Civilizational aspects of the problem of human rights (On the 75th anniversary of the adoption of the Universal Declaration of Human Rights): Collection of articles of the X All-Russian annual meeting of legal theorists (Moscow, February 22, 2023, Central House of Scientists) / [T.Ya. Khabrieva, V.V. Lazarev, A.I. Kovler et al.; editorial board. V.V. Lazarev (ed.), Yu.G. Arzamasov, M.V. Zaloilo, D.A. Pashentsev, A.I. Sidorenko]. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Norma: INFRA-M, 2024. 208 p. DOI: 10.12737/2138189.

74. Digital Law: Textbook / Ed. by Doctor of Law, Professor of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia E.L. Sidorenko. M.: Yurlitinform, 2024. 720 p.

75. *Shilov A.I.* Restrictions on civil rights during the introduction of martial law on the territory of the Russian Federation or in its individual localities // Young scientist. 2020. No. 10 (300). P. 210–213.

76. *Yakovleva M.A.* Internal affairs bodies as one of the subjects in the crime prevention system: Abstract of Cand. Law. Sciences. 12.00.08 St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. 23 p.

For citation: *Avramov S.O.* Legal restrictions: general theoretical characteristics and implementation mechanisms // Theory of state and law. 2025. No. 2–1. P. 22–29.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_14

Научная статья

УДК: 34
ББК: 67
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_30

О.В. Володина[*]
М.Ю. Гутман[**]
А.С. Жук[***]
К.Г. Прокофьев[****]

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО, СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ НРАВСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация. *Сущность и взаимодействие социального государства, социальной справедливости и социальной политики является дискуссионным в современной юридической литературе. Статья посвящена изучению различных подходов к теоретическим аспектам определения этих правовых категорий.*

Ключевые слова: *социальное государство, социальная справедливость и социальная политика, нравственно-правовые ценности.*

Термин «социальное государство» в современной отечественной юридической литературе является дискуссионным – его содержание и суть остается предметом обсуждения среди правоведов. О.Е. Кутафин отмечал, что целями и задачами государства и его социальной политики «являются не только устройство жизни человека, но и удовлетворение его материальных и духовных потребностей и интересов, осуществление требований социальной справедливости. Эта сторона деятельности государства и охватывается понятием «социальное»» [23, с. 343]. Близкой к этому определению является характеристика социального государства, которую дал Э.Я. Баталов. Он отмечал, что социальным является «государство, принимающее на себя ответственность за положение в социальной сфере, а стало быть, рассматривающее политику социального регулирования в качестве одной из важнейших своих функций» [7].

Таким образом, социальная справедливость как понятие о должном, содержащее в себе требование соответствия деяния и воздаяния [10], и ее достижение посредством соответствующей социальной политики как одной из важнейших черт социального государства красной линией проходит через его характеристики, которые дают другие отечественные ученые.

М.В. Сальников с соавторами представляет социальную справедливость необходимостью выражения и сравнения одних из самых сложных моментов в следующих подсистемах:

[*] **Володина Ольга Владимировна,** врид заместителя начальника кафедры государственно-правовых дисциплин научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук. E-mail: olga_volodina80@mail.ru

[**] **Гутман Матвей Юрьевич,** профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, Почётный председатель Региональной общественной организации ветеранов Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации. E-mail: mygutman@gmail.com

[***] **Жук Артем Сергеевич,** глава Муниципального образования Старопольское сельское поселение Сланцевского района Ленинградской области. E-mail: 9409667@mail.ru

[****] **Прокофьев Константин Георгиевич,** старший преподаватель кафедры общегуманитарных дисциплин и теории и истории государства и права Института деловой карьеры, кандидат юридических наук. E-mail: 775777@bk.ru

государственное управление, вопросы экономического характера, социальная политика, соотношение прав и отношений между людьми [10].

Так, А.Б. Борисов, характеризуя стремление к социальной справедливости как имманентно присущую социальному государству особенность, прямо и недвусмысленно указывал на то обстоятельство, что этот принцип предполагает «закрепление в конституции гарантий экономических и социальных прав и свобод человека и гражданина и соответствующих обязанностей государства».

При этом, подчеркивает он, «данная характеристика означает, что государство служит обществу и стремится исключить или свести к минимуму неоправданные социальные различия» [9, с. 701]. Точно также Р.В. Косов отмечал, что социальное государство – это такая «система государственного регулирования общественных отношений, при которой материальные блага распределяются (перераспределяются) в соответствии с принципом социальной справедливости в целях обеспечения каждому достойного уровня жизни и минимальных возможностей для самореализации, устранения социальных противоречий и конфликтов, помощи нуждающимся» [22, с. 10].

В скрытой, неявной форме на важность принципа социальной справедливости для характеристики действительно социального государства указывал С.А. Глотов, когда писал о том, что «принцип социальной государственности – перераспределение национального дохода в интересах общества в целом, в частности, в пользу социально слабых. В юридической сфере это выражается в формальном признании государством и гарантировании его реальной политикой так называемых социальных, экономических и культурных прав человека и гражданина…» [13, с. 13–14]. Аналогичным образом редакторы «Большого юридического словаря», изданного в 1997 г., В.Д. Зорькин, В.Е. Крутских и А.Я. Сухарев, определяя сущность социального государства как характеристику, относящуюся к «конституционно-правовому статусу государства», предполагающую «конституционное регулирование экономических и социальных прав и свобод человека и гражданина» и соответствующие обязанности государства, далее подчеркивают, что «данная характеристика означает, что государство служит обществу и стремится свести к минимуму неоправданное социальное различие» [8, с. 647].

Интересное замечание сделал М.В. Баглай. Он считал, что социальным государством следует называть то, которое «берет на себя обязанности заботиться о социальной справедливости, благополучии своих граждан, их социальной защищенности», однако, при этом, оно «не стремится к уравниловке за счет отказа от свободы, как это делало социалистическое государство» [4, с. 136]. С такой формулировкой, на наш взгляд, трудно согласиться, поскольку, во-первых, вряд ли стоит сомневаться, что сама по себе идея «социального государства» испытала на себе сильнейшее влияние социальной политики Советского государства. Последнее с первых шагов своего существования позиционировало себя именно как социальное государство (без употребления этого термина, естественно) с той лишь оговоркой, что его политика по обеспечению прав и свобод граждан Советской России носила ярко выраженный классовый характер. И, во-вторых, по нашему мнению, Советское государство, на словах отказавшись от наследия старого мира, тем не менее, сохранило многие традиции, в том числе и в сфере социальной политики, и, прежде всего, ее ярко выраженный патерналистский характер.

В целом же, если попробовать дать определение социального государства, то, исходя из тех положений, что были озвучены в приведенных выше выдержках из работ отечественных юристов и социологов, то в нем можно выделить по меньшей мере два уровня. Первый – уровень формально-юридический и касается официального, юридического закрепления в основополагающих конституционных актах (с их последующей «расшифровкой») государства положений, касающихся взятых на себя властью социальных обязательств и, самое важное, их правовых гарантий. Второй – собственно набор конкретных социальных прав граждан и методов, посредством которых государство намерено осуществлять свою социальную политику и регулирование социальных отношений с целью посред-

ством перераспределения социальных благ свести к минимуму, гарантирующему социальную и политическую стабильность в обществе, социальные различия и неравенство. При этом, говоря о социальных правах граждан, необходимо исходить из определения, которое дал этому термину А.Б. Борисов, По его мнению, «социальные права человека – совокупность конституционных прав человека, дающих ему возможность претендовать на получение от государства при определенных условиях определенных материальных благ» [9, с. 701].

В зависимости от того, какой из этих двух уровней выходит на первый план, и будет формироваться представление относительно сущности социального государства. Естественно, что рассматривая эту проблему с историко-правовой точки зрения, мы ставим во главу угла формально-юридический подход. Однако, вместе с тем, следует согласиться с мнением А.Ю. Альбеевой, которая отмечала, что «каждый этап истории государства и права требует эффективного законодательства, отлаженной системы органов государственной власти и общественных объединений, которые могли бы максимально обеспечивать права человека во всех сферах жизнедеятельности» [1, с. 4]. Следовательно, формально-юридический подход в нашем случае должен непременно сочетаться с историческим, и саму по себе проблему сущности социального государства необходимо рассматривать в ее историческом развитии, тем более, что, по нашему мнению, стоит согласиться с мнением О.Е. Кутафина, который отмечал, что любая «государственная власть социальна по своей природе…» [23, с. 343]. Следовательно, можно с уверенностью утверждать, что, во-первых, всякое государство так или иначе, но может в определенном смысле именоваться «социальным», а во-вторых, институты социального государства возникают не в одночасье, а формируются постепенно, шаг за шагом, и во многом ход и направление развития этого процесса предопределяется конкретно-историческими и социокультурными условиями формирования и эволюции российского (в нашем случае) социального и политического бытия. С этих позиций российское государство всегда, с момента своего возникновения, предполагало и демонстрировало социальную направленность, в этом проявляется его суверенная черта и суверенная государственно-правовая политика, о чем свидетельствуют наши отечественные политико-правовые традиции [33; 34; 35; 36]. Суверенный характер российского государства проявлялся и проявляется сегодня в праве, русской философии права и российской государственно-правовой идеологии [6; 16; 17; 20; 24; 27; 30; 32], социальной политике (различные национальные проекты), традициях. обычаях [2; 3; 31], менталитете [5; 18], морально-нравственных ценностях [29], которые, безусловно, отличаются от ценностей западного мира, что особенно рельефно стало заметно в крайние годы [11; 15; 19; 25; 26; 28; 38]. Социальная направленность российского государства всегда проявлялась в его политике.

Нам думается. что понятие социального государства теснейшим образом связано с определением, что есть социальная политика государства. Поэтому, коснувшись вопроса, как отечественная юридическая наука рассматривает сущность социального государства, обратимся к социальной политике и ее определению. Здесь также нельзя сказать, что в отечественной юридической и социологической мысли выработалось некое единство относительно того, что следует понимать под «социальной политикой». Например, Б.В. Ракитский рассматривает социальную политику как «взаимоотношения социальных групп по поводу сохранения и изменения социального положения населения в целом и составляющих его классов, слоев, социальных, социально-демографических, социально-профессиональных групп, социальных общностей (семьи, народы, население города, поселка, региона и т.п.)» [37, с. 21–22]. Однако такое определение социальной политики представляется все же не вполне точным и затрагивающим лишь отдельные ее аспекты, но не всю ее целиком как феномен. С.А. Коваленко указывал, касаясь этой проблемы, что большинство исследователей полагают главным фактором социальной политики государство, которому отводят «исключительное право законодательно закреплять основные направления развития социальной сферы», так как «именно государство управляет аппаратом реализации социальной политики (и социальной работы в частности)» по той простой причине, что «государство занимается социальной политикой профессионально, оно выявляет тенденции развития сообществ,

просчитывает возможные социальные эффекты от тех или иных преобразований, занимается прогнозированием изменений в социальной сфере и имеет реальные социально-экономические механизмы влияния на нее…» [21, с. 115].

Государство, обладая пресловутым административным ресурсом и значительными силами и средствами, способно не только проводить определенную социальную политику (наряду с общественными структурами), но и фактически определять ее направление и характеристики. При этом, отмечал С.А. Коваленко, «чем главнее ее роль в совокупной социальной политике, тем больше институциональных возможностей необходимо государству: адекватное перераспределение для обеспечения социальной защиты и мониторинга эффективности собственных программ» [21, с. 115]. Это подтверждает отмеченный выше формально-юридический аспект определения сущности социального государства – именно закрепленные на законодательном уровне социальные обязательства со стороны государства и механизмы их реализации обеспечивают ему возможность активных действий (интервенций) в социальной сфере.

Что же касается определения социальной политики, то наиболее точным следует отметить определение, данное Е.В. Виноградовой: «Под социальной политикой понимается воздействие государства и негосударственных институтов на социально-экономическое положение определенных социальных групп» [12, с.7]. Наиболее ценным в этом определении является то обстоятельство, что акторами социальной политики выступает не только государство, но еще и разного рода негосударственные структуры. В том же духе выдержано и другое определение И.А. Григорьева (несколько более широкое, нежели то, которое дает Е.В. Виноградова и тем более Б.В. Ракитский). По ее мнению, социальная политика – это «деятельность государства и/или общества (общественных институтов) по согласованию интересов различных социальных групп и социально-территориальных общностей в сфере производства, распределения и потребления, позволяющая согласовать интересы этих групп с интересами человека и долговременными целями общества» [14, с. 41].

Изложенное выше дает основание подходить к пониманию социального государства через анализ проводимой им социальной политики, направленной на обеспечение социальной справедливости в жизнедеятельности населения и утверждение указанной политики как нравственно-правовой ценности.

Библиографический список

1. *Альбеева А.Ю.* Правовая политика в отношении инвалидов в советской и постсоветской России (историко-правовое исследование): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 2017. – 25 с.

2. *Артамонова Г.К, Бабаджанов И.Х, Горбашев В.В, Реуф В.М.* Социально-правовое развитие общества и трансформация обычаев в праве // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 75–92.

3. *Бабаджанов И.Х., Сальников М.В.* Трансформация обычаев в праве на постсоветском пространстве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 180–197.

4. *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации. – М.: Норма, 2007. – 784 с.

5. *Байниязов Р.С.* Правосознание и правовой менталитет в России / Под ред. Н.И. Матузова. – Саратов: Саратовский юридический ин-т МВД России, 2001. – 294,[1] с.

6. Бастрыкин призвал прописать государственную идеологию в Конституции // https://www.rbc.ru/politics/22/11/2023/655db8f39a7947609f6e6b9e

7. *Баталов Э.Я.* Доживет ли Россия до социального государства // Российская Федерация. – 2009. – № 8. – С. 22–25.

8. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 790 с.

9. *Борисов А.Б.* Большой юридический словарь. – М.: Книжный мир, 2010. – 848 с.

10. *Брылева Е.А. Игнатьева С.В. Сальников М.В.* Социальное предпринимательство как реализация принципа истинной справедливости // Образование и право. – 2022. – № 7. – С. 340–349.

11. *Бурова С.Н.* Современная семья: крах или другая жизнь?// Социология. – 2015. – №2. – С. 4–15.

12. *Виноградова Е.В.* Социальная политика: исторический, теоретический, практический аспекты // Экономические и социальные проблемы России. – 2004. – № 1. – С. 6–52.

13. *Глотов С.А.* Социальная политика и социальная безопасность Российской Федерации: конституционно-правовые вопросы реализации. – М.: Инженер, 2007. – 429 с.

14. *Григорьева И.А.* Социальная политика: основные понятия // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – Т. 1(1). – С. 29–44.

15. *Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И.* От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90–98.

16. *Жук А.С., Сальников В.П.* Ценностный консенсус общества как основание суверенной правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 2. – С. 163–170.

17. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 183–194.

18. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Русский менталитет и право // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 4. – С. 41–47.

19. *Исаева Е.А., Соколов А.В.* Легализация однополых браков: реализация политики равенства или разрушение института семьи? // Ярославский педагогический вестник. Том I (Гуманитарные науки). – 2013. – № 3. – С.109–112.

20. *Керимов А.Д., Масленников Д.В.* Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 4. – С. 14–18. DOI: 10.21681/2226–0692–2019–4-14–18.

21. *Коваленко С.А.* Социальная политика: основания и модели // Южно-российский журнал социальных наук. – 2007. – № 4. – С. 108–120.

22. *Косов Р.В.* Основы социального государства. – Тамбов: ТГТУ, 2011. – 80 с.

23. *Кутафин О.Е.* Российский конституционализм. – М.: Норма, 2008. – 544 с.

24. *Мирзаян Геворг.* Суверенитет в праве // XI Петербургский международный юридический форум. – СПб.: Росконгресс; Министерство юстиции Российской Федерации, 2023. – С. 6–10.

25. *Назарова Н.Л., Петросян Л.К., Сэруа В.С.* Эволюция семейных ценностей в современном западном мире // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 96–100.

26. *Сальников В.П., Груздева М.Л.* Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11–22.

27. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Морозов А.И.* Человек в системе нравственно-правовых ценностей и задача формирования суверенной философии права // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека (г. Уфа, 10 декабря 2020 г.). В 2-х частях. Ч. 1 / Отв. ред. Е.О. Тулупова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – С. 176.–187. – в сб. 243 с.

28. *Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И.* Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193–202.

29. *Сальников В.П., Прокофьев К.Г., Чайка В.Н.* Мораль и суверенитет государства: ценностные и социальные аспекты // Теория государства и права. – 2024. – № 2–1 (37). – С. 205–212. DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2–1_37_205.

30. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Сальников М.В.* Развитие идеи абсолютной свободы в классической русской философии как источник суверенной философии права // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 185–193.

31. *Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р.* Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173–179.

32. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И.* Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 170–178.

33. *Сальников М.В.* Отечественная политико-правовая традиция: геополитические, экономические и социально-культурные детерминанты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2004. – № 3 (23). – С. 20–22.

34. *Сальников М.В.* Отечественная политико-правовая традиция: факторы, определяющие самобытность // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 27–44.

35. *Сальников М.В.* Политико-правовая традиция России: генезис и эволюция: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004. – 203 с.

36. *Сальников М.В.* Эволюция отечественной политико-правовой традиции: некоторые проблемы соотношения статического и динамического начал // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 62–81.
37. Социальная политика: Учебник / Под общ. ред. Н.А. Волгина. – М.: Экзамен, 2003. – 736 с.
38. *Чернова О.Ю.* «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 81–85.

Для цитирования: *Володина О.В., Гутман М.Ю., Жук А.С., Прокофьев К.Г.* Социальное государство, социальная справедливость и социальная политика в контексте нравственно-правовых ценностей // Теория государства и права. – 2025. – № 2-1. – С. 30–35.
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_30

SOCIAL STATE, SOCIAL JUSTICE AND SOCIAL POLICY IN THE CONTEXT OF MORAL AND LEGAL VALUES

Olga V. Volodina[*]
Matvey Yu. Gutman[**]
Artem S. Zhuk[***]
Konstantin G. Prokofiev[****]

Annotation. *The essence of the interaction of the welfare state, social justice and social policy is debatable in modern legal literature. The article is devoted to the study of various approaches to the theoretical aspects of definition of these legal categories.*
Keywords*: welfare state, social justice, social policy.*

The term “social state” is controversial in modern domestic legal literature – its content and essence remain the subject of discussion among legal scholars. O.E. Kutafin noted that the goals and objectives of the state and its social policy “are not only the arrangement of human life, but also the satisfaction of his material and spiritual needs and interests, the implementation of the requirements of social justice. This aspect of the state’s activity is covered by the concept of “social”” [23, p. 343]. Close to this definition is the characterization of the social state given by E.Ya. Batalov. He noted that a social state is “a state that assumes responsibility for the situation in the social sphere, and therefore considers the policy of social regulation as one of its most important functions” [7].

Thus, social justice as a concept of what is due, containing the requirement of conformity between action and reward [10], and its achievement through appropriate social policy as one of the most important features of the social state runs like a red line through its characteristics, which are given by other domestic scientists.

M.V. Salnikov and his co-authors present social justice as the need to express and compare some of the most complex moments in the following subsystems: public administration, economic issues, social policy, the relationship between rights and relations between people [10].

[*] **Volodina Olga Vladimirovna**, Deputy Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Scientific Research Center of the Military Order of Zhukov of the Academy of the National Guard of the Russian Federation, Candidate of Law. E-mail: olga_volodina80@mail.ru

[**] **Gutman Matvey Yuryevich**, Professor of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Honorary Chairman of the Regional Public Organization of Veterans of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation. E-mail: mygutman@gmail.com

[***] **Zhuk Artem Sergeevich**, head of the Municipal Formation Staropolskoye Rural Settlement of the Slantsy District of the Leningrad Region. E-mail: 9409667@mail.ru

[****] **Prokofiev Konstantin Georgievich**, senior lecturer of the Department of General Humanities and Theory and History of State and Law of the Institute of Business Career, Candidate of Law. E-mail: 775777@bk.ru

Thus, A.B. Borisov, characterizing the desire for social justice as an immanent feature of the social state, directly and unambiguously pointed out the fact that this principle presupposes "the enshrinement in the constitution of guarantees of economic and social rights and freedoms of man and citizen and the corresponding duties of the state."

At the same time, he emphasizes, "this characteristic means that the state serves society and seeks to eliminate or minimize unjustified social differences" [9, p. 701]. In the same way, R.V. Kosov noted that a social state is a "system of state regulation of social relations, in which material goods are distributed (redistributed) in accordance with the principle of social justice in order to ensure for everyone a decent standard of living and minimal opportunities for self-realization, elimination of social contradictions and conflicts, assistance to those in need" [22, p. 10].

In a hidden, implicit form, the importance of the principle of social justice for characterizing a truly social state was pointed out by S.A. Glotov, when he wrote that "the principle of social statehood is the redistribution of national income in the interests of society as a whole, in particular, in favor of the socially weak. In the legal sphere, this is expressed in the formal recognition by the state and the guarantee by its real policy of the so-called social, economic and cultural rights of man and citizen…" [13, pp. 13–14]. Similarly, the editors of the "Big Law Dictionary", published in 1997, V.D. Zorkin, V.E. Krutskikh and A.Ya. Sukharev, defining the essence of the social state as a characteristic related to the "constitutional and legal status of the state", which presupposes "constitutional regulation of the economic and social rights and freedoms of man and citizen" and the corresponding duties of the state, further emphasizes that "this characteristic means that the state serves society and strives to reduce to a minimum unjustified social differences" [8, p. 647].

An interesting remark was made by M.V. Baglai. He believed that a social state should be called one that "assumes the responsibility of caring for social justice, the well-being of its citizens, their social security," but at the same time, it "does not strive for equalization at the expense of renouncing freedom, as the socialist state did" [4, p. 136]. In our opinion, it is difficult to agree with such a formulation, since, firstly, there is hardly any doubt that the idea of a "social state" itself experienced the strongest influence of the social policy of the Soviet state. From the very first steps of its existence, the latter positioned itself precisely as a social state (without using this term, naturally) with the only caveat that its policy of ensuring the rights and freedoms of citizens of Soviet Russia had a clearly expressed class character. And, secondly, in our opinion, the Soviet state, having verbally rejected the legacy of the old world, nevertheless preserved many traditions, including in the sphere of social policy, and, above all, its clearly expressed paternalistic character.

In general, if we try to define a social state, then, based on the provisions that were voiced in the above excerpts from the works of domestic lawyers and sociologists, we can distinguish at least two levels. The first is the formal-legal level and concerns the official, legal consolidation in the fundamental constitutional acts (with their subsequent "decoding") of the state of provisions concerning the social obligations assumed by the authorities and, most importantly, their legal guarantees. The second is actually a set of specific social rights of citizens and methods by which the state intends to implement its social policy and regulate social relations in order to reduce social differences and inequality to a minimum through the redistribution of social benefits, guaranteeing social and political stability in society. At the same time, speaking about the social rights of citizens, it is necessary to proceed from the definition given to this term by A.B. Borisov. In his opinion, "social human rights are a set of constitutional human rights that give him the opportunity to claim the receipt of certain material benefits from the state under certain conditions" [9, p. [701].

Depending on which of these two levels comes to the fore, the idea of the essence of the social state will be formed. Naturally, considering this problem from the historical and legal point of view, we put the formal-legal approach at the forefront. However, at the same time, we should agree with the opinion of A.Yu. Albeeva, who noted that "each stage in the history of the state and law requires effective legislation, a well-established system of government bodies and public associations that could maximally ensure human rights in all spheres of life" [1, p. 4]. Consequently, the formal-legal approach in our case must necessarily be combined with the historical one, and the problem of the essence of the social state itself must be considered in its historical development, especially since,

in our opinion, it is worth agreeing with the opinion of O.E. Kutafin, who noted that any "state power is social by nature..." [23, p. 343]. Consequently, it can be stated with confidence that, firstly, every state, in one way or another, can in a certain sense be called "social", and secondly, the institutions of the social state do not arise overnight, but are formed gradually, step by step, and in many ways the course and direction of development of this process is predetermined by the specific historical and socio-cultural conditions of the formation and evolution of Russian (in our case) social and political existence. From these positions, the Russian state has always, from the moment of its emergence, assumed and demonstrated a social orientation, this is where its sovereign feature and sovereign state and legal policy are manifested, as evidenced by our domestic political and legal traditions [33; 34; 35; 36]. The sovereign character of the Russian state was and is manifested today in the law, Russian philosophy of law and Russian state and legal ideology [6; 16; 17; 20; 24; 27; 30; 32], social policy (various national projects), traditions and customs [2; 3; 31], mentality [5; 18], moral and ethical values [29], which certainly differ from the values of the Western world, which has become especially noticeable in recent years [11; 15; 19; 25; 26; 28; 38]. The social orientation of the Russian state has always been manifested in its policies.

It seems to us that the concept of a social state is closely connected with the definition of what the social policy of the state is. Therefore, having touched upon the question of how domestic legal science considers the essence of a social state, let us turn to social policy and its definition. Here, too, it cannot be said that some kind of unity has been developed in domestic legal and sociological thought regarding what should be understood as "social policy". For example, B.V. Rakitsky considers social policy as "the relationship between social groups regarding the preservation and change of the social status of the population as a whole and its constituent classes, strata, social, socio-demographic, socio-professional groups, social communities (families, nations, population of a city, village, region, etc.)" [37, pp. 21–22]. However, such a definition of social policy still seems to be not entirely accurate and touches upon only its individual aspects, but not its entirety as a phenomenon. S.A. Kovalenko pointed out, touching upon this problem, that the majority of researchers believe that the main factor in social policy is the state, which is given "the exclusive right to legislatively establish the main directions of development of the social sphere", since "it is the state that manages the apparatus for implementing social policy (and social work in particular)" for the simple reason that "the state is engaged in social policy professionally, it identifies trends in the development of communities, calculates the possible social effects of certain transformations, is engaged in forecasting changes in the social sphere and has real socio-economic mechanisms for influencing it..." [21, p. 115].

The state, possessing the notorious administrative resource and significant forces and means, is capable of not only pursuing a certain social policy (along with public structures), but also actually determining its direction and characteristics. At the same time, S.A. Kovalenko noted, "the more important its role in the overall social policy, the more institutional opportunities the state needs: adequate redistribution to ensure social protection and monitoring the effectiveness of its own programs" [21, p. 115]. This confirms the above-mentioned formal-legal aspect of determining the essence of the social state – it is the social obligations on the part of the state, enshrined at the legislative level, and the mechanisms for their implementation that provide it with the opportunity for active actions (interventions) in the social sphere.

As for the definition of social policy, the most accurate should be noted as the definition given by E.V. Vinogradova: "Social policy is understood as the influence of the state and non-state institutions on the socio-economic situation of certain social groups" [12, p.7]. The most valuable thing in this definition is the fact that the actors of social policy are not only the state, but also various kinds of non-state structures. Another definition by I.A. Grigorieva is maintained in the same spirit (somewhat broader than the one given by E.V. Vinogradova and especially B.V. Rakitsky). In her opinion, social policy is "the activity of the state and/or society (public institutions) to coordinate the interests of various social groups and socio-territorial communities in the sphere of production, distribution and consumption, allowing to coordinate the interests of these groups with the interests of the individual and the long-term goals of society" [14, p. 41].

The above provides grounds for approaching the understanding of the social state through an analysis of the social policy it pursues, aimed at ensuring social justice in the life of the population and the establishment of this policy as a moral and legal value.

Bibliographic list

1. *Albeeva A.Yu.* Legal policy towards disabled people in Soviet and post-Soviet Russia (historical and legal research): Abstract of Cand. of History. Sciences. Krasnodar, 2017. 25 p.
2. *Artamonova G.K., Babadzhanov I.Kh., Gorbashev V.V., Reuf V.M.* Social and legal development of society and transformation of customs in law // The world of politics and sociology. 2012. No. 9. P. 75–92.
3. *Babajanov I.Kh., Salnikov M.V.* Transformation of customs in law in the post-Soviet space // The world of politics and sociology. 2015. No. 1. P. 180–197.
4. *Baglai M.V.* Constitutional Law of the Russian Federation. M.: Norma, 2007. 784 p.
5. *Bainiyazov R.S.* Legal consciousness and legal mentality in Russia / Ed. N.I. Matuzov. Saratov: Saratov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2001. 294,[1] p.
6. Bastrykin called for the state ideology to be written into the Constitution // https://www.rbc.ru/politics/22/11/2023/655db8f39a7947609f6e6b9e
7. *Batalov E.Ya*. Will Russia Live to See a Social State // Russian Federation. 2009. No. 8. P. 22–25.
8. Large Law Dictionary. Edited by A.Ya. Sukharev, V.D. Zorkin, V.E. Krutskikh. M.: INFRA-M, 1997. 790 p.
9. *Borisov A.B.* Large Law Dictionary. M.: Book World, 2010. 848 p.
10. *Bryleva E.A. Ignatyeva S.V. Salnikov M.V.* Social entrepreneurship as the implementation of the principle of true justice // Education and Law. 2022. No. 7. P. 340–349.
11. *Burova S.N.* Modern family: collapse or another life?// Sociology. 2015. No. 2. P. 4–15.
12. *Vinogradova E.V.* Social policy: historical, theoretical, practical aspects // Economic and social problems of Russia. 2004. No. 1. P. 6–52.
13. *Glotov S.A.* Social policy and social security of the Russian Federation: constitutional and legal issues of implementation. M.: Engineer, 2007. 429 p.
14. *Grigorieva I.A.* Social policy: basic concepts // Journal of social policy studies. 2003. Vol. 1(1). P. 29–44.
15. *Zhdanov P.S., Salnikov S.P., Romanovskaya V.B., Tsyganov V.I.* From humanism to immoralism, from natural rights to unnatural rights: change of value foundations of Western law // The world of politics and sociology. 2015. No. 11. P. 90–98.
16. *Zhuk A.S., Salnikov V.P.* Value consensus of society as the basis of sovereign legal ideology // Legal science: history and modernity. 2023. No. 2. P. 163–170.
17. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Reflections on the Foundations of Russian Sovereign Philosophical and Legal Ideology // Legal Science: History and Modernity. 2020. No. 2. P. 183–194.
18. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Russian mentality and law // Legal state: theory and practice. 2018. No. 4. P. 41–47.
19. *Isaeva E.A., Sokolov A.V.* Legalization of same-sex marriages: implementation of equality policy or destruction of the institution of family? // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. Volume I (Humanities). 2013. No. 3. P.109–112.
20. *Kerimov A.D., Maslennikov D.V.* Scientific work of St. Petersburg legal scholars in the perspective of sovereign philosophy of law // Monitoring of law enforcement. 2019. No. 4. P. 14–18. DOI: 10.21681/2226–0692–2019–4-14–18.
21. *Kovalenko S.A.* Social policy: foundations and models // South-Russian journal of social sciences. 2007. No. 4. P. 108–120.
22. *Kosov R.V.* Fundamentals of the Social State. Tambov: TSTU, 2011. 80 p.
23. *Kutafin O.E.* Russian constitutionalism. M.: Norma, 2008. 544 p.
24. *Mirzayan Gevorg.* Sovereignty in Law // XI St. Petersburg International Legal Forum. St. Petersburg: Roscongress; Ministry of Justice of the Russian Federation, 2023. P. 6–10.
25. *Nazarova N.L., Petrosyan L.K., Serua V.S.* Evolution of family values in the modern Western world // Legal science: history and modernity. 2017. No. 5. P. 96–100.
26. *Salnikov V.P., Gruzdeva M.L.* Overcoming Europe: a philosophical and legal essay // The World of Politics and Sociology. 2015. No. 8. P. 11–22.
27. *Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Morozov A.I.* Man in the System of Moral and Legal Values and the Task of Forming a Sovereign Philosophy of Law // Human Rights in the Dialogue between State Power and

Civil Society: Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to Human Rights Day (Ufa, December 10, 2020). In 2 parts. Part 1 / Ed. E.O. Tulupova. Ufa: RIC BashSU, 2020. Pp. 176–187. In the book 243 p.

28. *Salnikov V.P., Romanovskaya V.B., Tsyganov V.I*. Western civilization and the threat of the blue international: political and legal aggression of the postmodern period // The world of politics and sociology. 2015. No. 9. P. 193–202.

29. *Salnikov V.P., Prokofiev K.G., Chaika V.N.* Morality and sovereignty of the state: value and social aspects // Theory of state and law. 2024. No. 2–1 (37). P. 205–212. DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2-1_37_205.

30. *Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Salnikov M.V.* Development of the idea of absolute freedom in classical Russian philosophy as a source of sovereign philosophy of law // Legal science: history and modernity. 2019. No. 12. P. 185–193.

31. *Salnikov V.P., Romanovskaya V.B., Salnikov M.V., Romanovskaya L.R.* Religious and other spiritual traditions as protection against the threat of degradation of society // Legal science: history and modernity. 2015. No. 7. P. 173–179.

32. *Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Prokofiev K.G., Morozov A.I.* The principle of sovereignty of state-legal ideology and philosophy of law // The world of politics and sociology. 2019. No. 9. P. 170–178.

33. *Salnikov M.V.* Domestic political and legal tradition: geopolitical, economic and socio-cultural determinants // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2004. No. 3 (23). P. 20–22.

34. *Salnikov M.V.* Domestic political and legal tradition: factors determining originality // Legal field of modern economy. 2013. No. 10. P. 27–44.

35. *Salnikov M.V.* Political and legal tradition of Russia: genesis and evolution: Monograph. SPb.: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004. 203 p.

36. *Salnikov M.V.* Evolution of the domestic political and legal tradition: some problems of the relationship between static and dynamic principles // Legal field of modern economy. 2013. No. 9. P. 62–81.

37. Social Policy: Textbook / Under the general editorship of N.A. Volgin. M.: Exam, 2003. 736 p.

38. *Chernova O.Yu.* "Right" to same-sex marriage in the context of personal human rights // Scientific notes of the Faculty of Law. 2015. No. 38 (48). P. 81–85.

For citation: *Volodina O.V., Gutman M.Yu., Zhuk A.S., Prokofiev K.G.* Social state, social justice and social policy in the context of moral and legal values // Theory of state and law. 2025. No. 2–1. P. 35–39.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_30

Научная статья

УДК: 340.1
ББК: 67.1
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_40

А.О. Воробьев*
П.А. Оль**

ИДЕЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В УЧЕНИИ Ф.К. ФОН САВИНЬИ

Аннотация. *Ф.К. фон Савиньи был одним из тех, кто стоял у истоков разработки учения об общественном правосознании. Его теория позволила показать возможность трансформации иррационального содержания, описываемого концептом «дух народа», в дискурсивность правовых норм. Утверждение сущностного единства народного правосознания, естественного права и позитивного права позволило Савиньи обосновать моральную природу права и указать на его содержание, независимое от воли законодателя. Учение Савиньи позволяет понять значимость правосознания не только как пассивного отражения правовой жизни общества, но и как ее действительного источника, как носителя исторически формируемых нравственно-правовых традиций, ценностей и идеалов.*

Ключевые слова: *Савиньи, историческая парадигма в праве, общественное правосознание, народ, право, государство.*

Идея общественного правосознания, сегодня составляющая значимый элемент теории государства и права [3; 4; 8; 15; 20; 24; 28], еще двести лет назад была в большой мере чужда политико-правовой мысли. Ф.К. фон Савиньи внес, возможно, самый значительный вклад в ее первоначальную разработку.

Доминировавшая на рубеже XVIII–XIX вв. конвенциональная модель государства, восходящая к Т. Гоббсу и Дж. Локку, определяла право как результат законодательной деятельности государства [12; 14; 16; 17; 36]. Хотя последняя и должна была быть согласована с естественными законами, все же сами эти законы трактовались как результат деятельности человека, а именно – как продукт договора. Тем самым естественное право лишалось не только сакрального, но и нравственного значения, которое удерживалось за ним со времени античности, со времен Платона и Аристотеля [11, с. 3]. В рамках данной парадигмы правовой мысли всё то содержание, которое мы сегодня относим к сфере правосознания (с учетом различия современной терминологии и терминологии времен Локка), можно было полностью свести к сумме знаний о позитивном законодательстве. В таком случае правосознание, по сути, отождествляется с правовым просвещением. Именно последнее составляло главный интерес философов права XVIII века там, где речь шла об отношении человека и общества к правовой сфере.

В качестве альтернативы механистической и десакрализованной модели права в XVIII веке выступила новая парадигма правовой мысли, ориентированная на историческую модель развития общества и государства. Первые шаги на пути становления новой парадигмы были сделаны Ш.-Л. Монтескьё, говорившем о праве как о результате развития трудноопредели-

* **Воробьев Алексей Олегович,** заместитель директора Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации – главнокомандующего войсками национальной гвардии Российской Федерации. E-mail: obr_kom@academrg.ru

** **Оль Павел Андреевич,** профессор кафедры теории и истории права и государства, Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент. E-mail: opspb@mail.ru».

мого, но от этого не менее реального «духа народа» [5, с. 113]. В своем развитии «дух народа» не подвержен воздействию никакой внешней воли, но, напротив, сам является последней причиной формирования государства. Форма государства и его законы, таким образом, являются продуктом исторического развития общества. Рациональное познание может лишь содействовать разуму в том, чтобы сделать эту форму оптимальной содержанию исторического развития, а законы – соответствующими результатам исторического развития общества. Но роль разума всегда будет сугубо вторична по отношению к стихии исторического процесса.

Эта логика, становление которой было инициировано творчеством французского просветителя определила и характер историко-правовой концепции Ф.К. фон Савиньи. Народы понимались им как изначальные субъекты исторического процесса, результатом которого было становление национальных государств. То, что делает совокупность людей народом, придавая этой совокупности форму субъектности, Савиньи определял посредством понятия «духа», развиваемого им под влиянием философии немецкого романтизма и отчасти философии тождества Ф.В.Й. Шеллинга. При этом Савиньи в значительной мере воспринял иррационализм этой философии, особенно очевидный там, где речь шла о познании духовных явлений. В системе научных воззрений Савиньи понятие «духа народа» не поддается рациональному истолкованию, но оно может быть доступно познанию, основанному на интеллектуальной интуиции.

Способностью к такому познанию должны обладать, в соответствии с установками Савиньи, профессиональные юристы. Их конечной целью, сознаваемой или нет, должно быть согласие писаного законодательства с духом народа. Опосредующим звеном здесь выступает тот элемент жизни народа, который Савиньи как раз и называл народным правосознанием. Тем самым Савиньи одним из первых в истории политико-правовой мысли возводил идею правосознания (и прежде всего – общественного правосознания) на концептуальный уровень. Без этого понятия ни учение Савиньи о государстве, ни его понимание народа не могли бы достигнуть необходимой для научной теории степени конкретности.

Именно это понятие позволило немецкому правоведу обосновать возможность перехода от иррациональной стихии общественной жизни к сугубому рационализму юридического дискурса. Согласно Савиньи, народное правосознание всегда носит стихийный характер, поскольку является формой явления народного духа, стихийного уже по самой своей природе. Но при этом народное правосознание для Савиньи уже представляется правом, в первую очередь, естественным правом, то есть заключает в себе и определенное рациональное начало. На особенности такой трактовки правосознания немецким ученым специально указывал П.И. Новгородцев в своем классическом труде «Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба»: «Общенародное правосознание, по воззрению Ф.К. фон Савиньи, является правом само по себе, без всяких дальнейших требований относительно его позитивизации. Это прямо следует из тех мест "Системы современного римского права", где говорится о возникновении юридических норм»[19, с. 83].

Такое «право», существующее в форме правосознания,с естественным правом в его классическом понимании роднит изначальная независимость от воли единичного законодателя. Но поскольку естественное право существует не в сфере платоновских идей и не в божественном разуме, как он трактовался схоластами, а во вполне земной жизни общества, постольку это право Савиньи считает возможным называть также и позитивным правом. Позитивность этого права-правосознания проявляется в правовом обычае и в правовых традициях [6; 25; 26; 33; 34; 35].

П.И. Новгородцев также считал, что с естественным правом народное правосознание в трактовке Савиньи сближает функция правосознания как независимого источника позитивного права. При этом Новгородцев выделяет еще один важный мотив, заставивший Савиньи отождествить эти три общественные феномена: естественное право, народное правосознание и позитивное право. А именно – необходимость обосновать моральную природу позитивного права. «Согласно с его основным положением, – *писал о Савиньи русский право-*

вед, – содержание права раскрывается в истории, в процессе объективирования народного духа и отсюда должно быть выводимо. Оно представляется ему данным для разума и не подлежащим субъективному усмотрению. Но это исторически данное право точно так же противопоставлялось им произволу правителей, как и естественное право прежних философов… Поднять моральное значение исторического порядка – такова была господствующая цель его построений… Полемика с естественным правом, нападавшим на положительное из-за отсутствия в нем моральных элементов, заставила... прежде всего обратить внимание на моральное оправдание положительных установлений» [19, с. 84–85].

В своей ипостаси естественного или/и позитивного права народное правосознание при всей своей изначальной стихийности и иррациональности является нормативной системой, а значит, оно может и должно быть выражено в дискурсивной форме. Эту задачу возведения стихийного начала в нормативную форму, иррационального в дискурсивное, согласно Савиньи, выполняют профессионалы-юристы. Их работа позволяет рассмотреть в общественном правосознании реально действующие нормы правовых отношений, которые и следует оформить в виде закона. Тем самым в общественные отношения вносится необходимое начало стабильности, хотя подобного рода фиксация, как подметил Савиньи, замедляется реальное развитие права по сравнению с тем, каким оно было в формах правосознания народа.

Историческим образцом такой трансформации народного правосознания в формы развитого законодательства и правовой рефлексии для Савиньи служит римское право, крупнейшим знатоком которого он являлся. О деятельности римских юристов, раскрывавших в своих работах дух традиций древнеримского правосознания, Савиньи писал следующее: «Понятия и термины их науки появились не произвольно. Они являются действительной сущностью, чье бытие и генеалогия стали им известны в ходе долгого проверенного пути. Именно поэтому весь их опыт внушает уверенность, которую нельзя найти без математики. И можно без преувеличения сказать, что они с математической точностью пользуются юридическими понятиями» [цитируется по: 39, с. 82]. Знание римского права современными профессиональными юристами, по мысли Савиньи, приобщает их к этому историческому опыту и позволяет осуществить рациональную трансформацию народного правосознания.

Поэтому позиция Савиньи не предполагает навязывание норм теоретически продуманного и детально разработанного римского права любому народу, независимо от его исторических традиций, духовно-нравственных ценностей и правовых идеалов. Народ суверенен, а значит суверенным и оригинальным должно быть и его право, вся правовая система [10; 18], государственно-правовая идеология [1; 2; 7; 9; 13; 23, с. 70–120; 30] и философия права [29; 31; 32; 37, с. 21–55; 38]. Но именно причастность к знанию римского права закладывает основы той интуиции профессионала, которая позволяет уловить пути перехода стихийного «естественного права», содержащегося в народном правосознании, в четко выраженные нормы законодательства, данного народу государством. Если же законы не соответствуют принципам народного правосознания, то они этим правосознанием отторгаются в любом случае, даже если за ними стоит принуждающая сила государства.

Таким образом, в учении Савиньи правосознание предстает не пассивным «отражением» правовой жизни общества, не результатом уяснения действующих правовых норм, но прежде всего действительным источником права. Общественное правосознание является прежде всего формой экспликации исторически формируемых и воспроизводимых в жизни общества нравственно-правовых традиций, ценностей и идеалов. В этом смысле общественное правосознание как форма рефлексии правовой жизни является преимущественной сферой производства самой правовой реальности, а также ее морального «измерения». Оно определяет и смысл жизни человека, и нормы поведения в обществе, и ценностные ориентиры деятельности [22, с. 192].

В свою очередь, и законодательство тогда является эффективным, когда оно соответствует нравственно-правовым ценностям и идеалам, отраженным в общественном правосознании, когда в общественном правосознании нормы права воспринимаются как «соотно-

шение национальной воли, выраженной в законе, определяющим всеобщий порядок общения, с морально-этическими устоями эпохи, или традициями, которые сформировались исторически и представляют собой ценностную основу существования» [21, с. 221]. Только в таком случае можно говорить о действительной суверенности национального законодательства и национальной политико-правовой и философско-правовой мысли [23, с. 6–9].

При разработке суверенной философии права России, без сомнения, сохранят свое значение выделенные выше идеи Ф.К. фон Савиньи (при учете их интерпретации П.И. Новгородцевым) о взаимовлиянии естественного права, позитивного права и правосознания, а также о взаимосвязи правовых и моральных регуляторов общественных процессов.

Опираясь на учение Савиньи, мы можем уверенно утверждать, что общественное правосознание формирует не только право и правовая реальность, но и весь комплекс социальных отношений, а также религиозные, этические, в какой-то мере эстетические идеалы, сложившиеся в обществе. В свою очередь, правосознание является своего рода «локатором» общества, посредством которого общество улавливает в своих стихийно складывающихся структурах и процессах устойчивые ритмы, способные трансформироваться в систему правовых и моральных норм.

Пока эти нормы не обрели дискурсивной формы в виде писаного законодательства, различие норм моральной и правовой материи вряд ли возможно. И здесь вполне допустимо провести аналогию, как это и делает Савиньи, с естественным правом. Формирование реально действующего законодательства, легитимного в глазах общества, может быть только в случае его согласия с представлениями, идеалами и ценностями, сконцентрированными в сфере общественного правосознания. Но уже под обратным влиянием писаного права различие правовых и моральных норм в общественном правосознании обретает свою отчетливость и конкретность. Это особенно ясно видно в том сегменте общественного правосознания, который связан с профессиональным правосознанием юристов.

Общественное правосознание является основным носителем традиционных нравственно-правовых ценностей, без которых государство лишено исторической устойчивости, а его безопасность и суверенитет всегда под угрозой [27, с. 186]. Классическая философия права, ярким представителем которой был Ф.К. фон Савиньи, раскрывает для нас значение общественного правосознания как основы правопорядка и стабильности суверенного государства.

Библиографический список

1. Бастрыкин призвал прописать государственную идеологию в Конституции // https://www.rbc.ru/politics/22/11/2023/655db8f39a7947609f6e6b9e

2. *Богатырёв Д.К., Сальников В.П.* Ценности христианского гуманизма и государственно-правовая идеология // Мир политики и социологии. – 2019. – № 11–12. – С. 36–43.

3. *Булатов Р.Б., Биктасов О.К., Ильичев В.В., Сальников С.П., Щербаковский Г.З.* Состояние и проблемы правосознания современного российского общества // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 1. – С. 10–15.

4. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Влияние информационно-правовой политики на правосознание личности в условиях действия информационной зависимости: теоретико-правовые аспекты // Юридическая мысль. – 2020. – № 2. – С. 9–18.

5. *Гайнутдинов Р.И., Масленников Д.В.* Идея духа истории в трактовке Монтескье и Гегеля // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2019. – Т. 20. № 4. – С. 112–123.

6. *Дашин А.В., Сальников М.В., Клименко О.А.* Обычное право в правовой системе традиционного общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 12. – С. 42–58.

7. *Жук А.С., Сальников В.П.* Ценностный консенсус общества как основание суверенной правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 2. – С. 163–170.

8. *Захарцев С.И.* Правосознание: понятие и уровни // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 48–53.

9. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 183–194.

10. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Суверенность российской правовой системы как значимое свойство ее нравственно-аксиологической оценки // Нравственность и гуманизм в праве и культуре: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции Санкт-Петербург, 23 ноября 2022 г. – СПб., 2024. – С. 45–61.

11. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* К вопросу о перспективах современной интерпретации естественного права: философско-правовой и теологический аспекты // Мониторинг правоприменения. – 2021. – № 4 (41). – С. 2–8.

12. *Зорина Н.В.* Проблема свободы воли как основы права в учении Томаса Гоббса // Мир политики и социологии. – 2018. – № 7–8. – С. 184–191.

13. *Зорина Н.В., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Прокофьев К.Г., Сальников М.В.* Идея свободы в суверенной идеологии права: аксиологический и нравственно-правовой аспекты // Мир политики и социологии. – 2018. – № 11. – С. 188–193.

14. *Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Поиск эмпирических оснований справедливости и права в творчестве Томаса Гоббса, Джона Локка, Шарля Монтескье и Жана-Жака Руссо // Мир политики и социологии. – 2016. – № 10. – С. 38–44.

15. *Исмагилов Р.Ф., Мукосеева Е.А., Сальников М.В.* Традиции правовой культуры Востока и Запада в формировании патриотического правосознания народов России // Материалы Международной научно-практической конференции / Под науч. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, 2025. – С. 54–61. – в кн. 135 с.

16. *Лежнева О.Ю.* Д. Локк об институтах перехода от естественного состояния в гражданское состояние // Государственно-правовые институты современного общества: Сборник статей к Всероссийской научно-практической конференции посвященной 100-летию Республики Башкортостан (г. Уфа, 14 декабря 2018 г.) / отв. ред. Ф.М. Раянов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С. 229–235.

17. *Лежнева О.Ю., Поливко Е.А.* Дж. Локк о судебной власти как проявлении верховенства права и прав личности в гражданском состоянии общества // Верховенство права и национальные интересы России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 30 ноября 2018 г.) // Отв. ред. Г.М. Азнагулова. В 2-х ч. Ч. 1. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С. 92–96.

18. *Мирзаян Геворг.* Суверенитет в праве // XI Петербургский международный юридический форум. – СПб.: Росконгресс; Министерство юстиции Российской Федерации, 2023. – С. 6–10.

19. *Новгородцев П.И.* Историческая школа юристов / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 1999. – 192 с. (Мир культуры, истории и философии).

20. *Овчинников А.И.* Право и правосознание в условиях цифровизации общества // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020. № 2. С 131–134.

21. *Оль П.А.* Нация – источник власти и позитивного права // Теория государства и права. – 2023. – № 4–1 (34). – С. 215–229.

22. *Оль П.А., Сальников М.В.* Правосознание как форма отражения правовой реальности в контексте материалистической методологии // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 1. – С. 183–194.

23. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету госу¬дарства: монография / под ред. В.П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 423 с. – (Научная мысль).

24. *Сальников В., Сальников М.* Правовая онтология гражданского сознания // Юридический мир. – 2005. – № 11. – С. 48–53.

25. *Сальников В.П., Сальников М.В.* Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70–86.

26. *Сальников В.П., Сальников М.В.* Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3(37). – С. 13–19.

27. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Жук А.С.* Идея нравственно-правовых ценностей и идея государства в парадигмах кантовской и гегелевской философии (к вопросу о проблеме равенства абсолютных ценностей) // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 12. – С. 186–192.

28. *Сальников В.П., Сальников М.В., Биктасов О.В.* Онтологическо-правовые основания гражданского сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 3. – С. 7–13.

29. Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Масленников Д.В., Прокофьев К.Г. Теоретические и духовно-нравственные предпосылки истинной суверенности философии права России // Теория государства и права. 2024. № 3 (38). С. 196–211.

30. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И.* Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 149–162.

31. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Сальников М.В*. Развитие идеи абсолютной свободы в классической русской философии как источник суверенной философии права // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 185–193.

32. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И.* Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 170–178.

33. *Сальников М.В.* Политико-правовая традиция как фактор, детерминирующий специфику национальной правовой системы // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 174–192.

34. *Сальников М.В.* Политико-правовая традиция России: генезис и эволюция: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004. – 203 с.

35. *Сальников М.В.* Политико-правовая традиция: итоги и размышления // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 170–188.

36. *Сальников С.П., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л.* Жан-Жак Руссо и Джон Локк: некоторые идеи о суверенитете и естественном праве // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 173–179.

37. Философско-правовое познание: актуальные проблемы: монография / Е.В. Виноградова, А.О. Воробьев, М.Ю. Гутман [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2025. – 418 с. – (Научная мысль). DOI: 10.12737/2152004

38. *Фролова Е.А.* Проблемы теории и философии права: Монография. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 304 с.

39. *Hattenhauer H.* Thibaut und Savigny. Ihre programmischen Schriften. – Munchen: Vahlen, 2002. – 81 p.

Для цитирования: *Воробьев А.О., Оль П.А.* Идея общественного правосознания в учении Ф.К. фон Савиньи // Теория государства и права. – 2025. – № 2-1. – С. 40–45.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_40

THE IDEA OF PUBLIC LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE TEACHINGS OF F.K. VON SAVIGNY

Alexey O. Vorobyov [*]
Pavel A. Ol[**]

Annotation. *F.K. von Savigny was one of those who stood at the origins of the development of the doctrine of public legal consciousness. His theory made it possible to demonstrate the possibility of transforming the irrational content described by the concept of the «spirit of the people» into the discursiveness of legal norms. The assertion of the essential unity of public legal consciousness, natural law and positive law allowed Savigny to substantiate the moral nature of law and indicate its content, independent of the will of the legislator. Savigny's teaching allows us to understand the significance of legal consciousness not only as a passive reflection of the legal life of society, but also as its actual source, as a bearer of historically formed moral and legal traditions, values and ideals.*

Keywords: *Savigny, historical paradigm in law, public legal consciousness, people, law, state.*

[*] **Vorobyov Alexey Olegovich ,** Deputy Director of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation – Commander-in-Chief of the National Guard Troops of the Russian Federation. E-mail: obr_kom@academrg.ru

[**] **Ol Pavel Andreevich,** Professor of the Department of Theory and History of Law and State, North-Western Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Law, Associate Professor. E-mail: opspb@mail.ru».

The idea of public legal consciousness, which today constitutes a significant element of the theory of state and law [3; 4; 8; 15; 20; 24; 28], was still largely alien to political and legal thought two hundred years ago. F.K. von Savigny made perhaps the most significant contribution to its initial development.

The conventional model of the state that dominated at the turn of the 18th–19th centuries, dating back to T. Hobbes and J. Locke, defined law as the result of the legislative activity of the state [12; 14; 16; 17; 36]. Although the latter had to be consistent with natural laws, these laws themselves were nevertheless interpreted as the result of human activity, namely, as the product of a contract. Thus, natural law was deprived of not only sacred, but also moral significance, which had been retained by it since antiquity, since the times of Plato and Aristotle [11, p. 3]. Within the framework of this paradigm of legal thought, all the content that we today attribute to the sphere of legal consciousness (taking into account the difference between modern terminology and the terminology of Locke's time) could be completely reduced to the sum of knowledge about positive legislation. In this case, legal consciousness, in essence, is identified with legal education. It was precisely the latter that constituted the main interest of the legal philosophers of the 18th century, where the issue was the relationship of man and society to the legal sphere.

As an alternative to the mechanistic and desacralized model of law in the 18th century, a new paradigm of legal thought emerged, oriented towards the historical model of development of society and the state. The first steps towards the formation of the new paradigm were made by C.-L. Montesquieu, who spoke of law as a result of the development of the difficult to define, but no less real "spirit of the people" [5, p. 113]. In its development, the "spirit of the people" is not subject to the influence of any external will, but, on the contrary, is itself the final cause of the formation of the state. The form of the state and its laws are thus a product of the historical development of society. Rational knowledge can only assist reason in making this form optimal for the content of historical development, and the laws – corresponding to the results of the historical development of society. But the role of reason will always be purely secondary in relation to the elements of the historical process.

This logic, the formation of which was initiated by the work of the French enlightener, also determined the nature of the historical and legal concept of F.K. von Savigny. Peoples were understood by him as the original subjects of the historical process, the result of which was the formation of national states. What makes a group of people a people, giving this group the form of subjectivity, Savigny defined through the concept of "spirit", developed by him under the influence of the philosophy of German romanticism and partly the philosophy of identity of F.W.J. Schelling. At the same time, Savigny largely adopted the irrationalism of this philosophy, especially obvious where the question was about the knowledge of spiritual phenomena. In the system of Savigny's scientific views, the concept of the "spirit of the people" is not subject to rational interpretation, but it can be accessed by knowledge based on intellectual intuition.

According to Savigny, professional lawyers should possess the ability to achieve such knowledge. Their ultimate goal, whether conscious or not, should be the agreement of written legislation with the spirit of the people. The intermediary link here is that element of the people's life that Savigny called popular legal consciousness. Savigny was thus one of the first in the history of political and legal thought to elevate the idea of legal consciousness (and above all, public legal consciousness) to a conceptual level. Without this concept, neither Savigny's teaching on the state nor his understanding of the people could have achieved the degree of concreteness necessary for a scientific theory.

It was this concept that allowed the German legal scholar to substantiate the possibility of moving from the irrational elements of public life to the purely rationalism of legal discourse. According to Savigny, popular legal consciousness is always spontaneous in nature, since it is a form of the phenomenon of the national spirit, spontaneous by its very nature. But at the same time, for Savigny, popular legal consciousness already appears to be law, first of all, natural law, that is, it also contains a certain rational principle. P. I. Novgorodtsev specifically pointed out the peculiarities of such an interpretation of legal consciousness by the German scholar in his classic work "The

Historical School of Lawyers, Its Origin and Destiny": "Public legal consciousness, according to the views of F. K. von Savigny, is law in itself, without any further requirements regarding its positivization. This directly follows from those places in the "System of Modern Roman Law" where the origin of legal norms is discussed" [19, p. 83].

Such "law", existing in the form of legal consciousness, is related to natural law in its classical understanding by its original independence from the will of a single legislator. But since natural law does not exist in the sphere of Platonic ideas and not in divine reason, as it was interpreted by the scholastics, but in the entirely earthly life of society, Savigny considers it possible to call this law also positive law. The positivity of this law-legal consciousness is manifested in legal custom and in legal traditions [6; 25; 26; 33; 34; 35].

P.I. Novgorodtsev also believed that the function of legal consciousness as an independent source of positive law brings natural law and popular legal consciousness as interpreted by Savigny closer to it. Novgorodtsev also highlights another important motive that forced Savigny to identify these three social phenomena: natural law, popular legal consciousness and positive law. Namely, the need to substantiate the moral nature of positive law. "According to his fundamental position," the Russian legal scholar wrote about Savigny, "the content of law is revealed in history, in the process of objectifying the national spirit, and should be deduced from here. It seems to him to be given to reason and not subject to subjective discretion. But this historically given right was opposed by him to the tyranny of rulers in the same way as the natural law of previous philosophers... To raise the moral significance of the historical order – such was the dominant goal of his constructions... The controversy with natural law, which attacked the positive because of the absence of moral elements in it, forced... first of all to pay attention to the moral justification of positive regulations" [19, pp. 84–85].

In its guise as natural and/or positive law, popular legal consciousness, with all its original spontaneity and irrationality, is a normative system, which means that it can and should be expressed in discursive form. According to Savigny, this task of raising the spontaneous principle to a normative form, the irrational to the discursive, is performed by professional lawyers. Their work allows us to consider the real norms of legal relations in public legal consciousness, which should be formalized in the form of law. Thus, the necessary beginning of stability is introduced into public relations, although this kind of fixation, as Savigny noted, slows down the real development of law compared to what it was in the forms of people's legal consciousness.

For Savigny, the historical example of such a transformation of popular legal consciousness into forms of developed legislation and legal reflection is Roman law, of which he was the greatest expert. Savigny wrote the following about the activities of Roman lawyers, who revealed the spirit of the traditions of ancient Roman legal consciousness in their works: "The concepts and terms of their science did not appear arbitrarily. They are a real entity, whose existence and genealogy became known to them in the course of a long, proven path. That is why all their experience inspires a confidence that cannot be found without mathematics. And it can be said without exaggeration that they use legal concepts with mathematical precision" (quoted from: [39, p. 82]). According to Savigny, knowledge of Roman law by modern professional lawyers introduces them to this historical experience and allows for a rational transformation of popular legal consciousness.

Therefore, Savigny's position does not imply the imposition of the norms of theoretically thought-out and thoroughly developed Roman law on any people, regardless of their historical traditions, spiritual and moral values and legal ideals. The people are sovereign, which means that their law, the entire legal system [10; 18], state and legal ideology [1; 2; 7; 9; 13; 23, pp. 70–120; 30] and the philosophy of law [29; 31; 32; 37, pp. 21–55; 38] must also be sovereign and original. But it is precisely the involvement in the knowledge of Roman law that lays the foundations for that professional intuition that allows one to grasp the paths of transition of the spontaneous "natural law" contained in the people's legal consciousness into clearly expressed norms of legislation given to the people by the state. If laws do not correspond to the principles of popular legal consciousness, then they are rejected by this legal consciousness in any case, even if there is a coercive force of the state behind them.

Thus, in Savigny's teaching, legal consciousness appears not as a passive "reflection" of the legal life of society, not as a result of understanding the current legal norms, but above all as a real source of law. Public legal consciousness is, first of all, a form of explication of historically formed and reproduced in the life of society moral and legal traditions, values and ideals. In this sense, public legal consciousness as a form of reflection of legal life is the primary sphere of production of legal reality itself, as well as its moral "dimension". It determines the meaning of human life, and the norms of behavior in society, and the value guidelines of activity [22, p. 192].

In turn, legislation is effective when it corresponds to the moral and legal values and ideals reflected in public legal consciousness, when in public legal consciousness the norms of law are perceived as "the relationship of the national will, expressed in the law that determines the general order of communication, with the moral and ethical foundations of the era, or traditions that have formed historically and represent the value basis of existence" [21, p. 221]. Only in such a case can we speak of the real sovereignty of national legislation and national political, legal and philosophical and legal thought [23, pp. 6–9].

In developing the sovereign philosophy of law of Russia, the ideas of F.K. von Savigny (taking into account their interpretation by P.I. Novgorodtsev) on the mutual influence of natural law, positive law and legal consciousness, as well as on the relationship between legal and moral regulators of social processes, highlighted above, will undoubtedly retain their significance.

Based on Savigny's teaching, we can confidently assert that public legal consciousness is formed not only by law and legal reality, but also by the entire complex of social relations, as well as religious, ethical, and to some extent aesthetic ideals that have developed in society. In turn, legal consciousness is a kind of "locator" of society, through which society detects stable rhythms in its spontaneously developing structures and processes that are capable of transforming into a system of legal and moral norms.

Until these norms have acquired a discursive form in the form of written legislation, the distinction between the norms of moral and legal matter is hardly possible. And here it is quite acceptable to draw an analogy, as Savigny does, with natural law. The formation of really effective legislation, legitimate in the eyes of society, can only be in the case of its agreement with the ideas, ideals and values concentrated in the sphere of public legal consciousness. But already under the reverse influence of written law, the distinction between legal and moral norms in public legal consciousness acquires its distinctness and concreteness. This is especially clearly visible in that segment of public legal consciousness that is associated with the professional legal consciousness of lawyers.

Public legal consciousness is the main bearer of traditional moral and legal values, without which the state is deprived of historical stability, and its security and sovereignty are always under threat [27, p. 186]. Classical philosophy of law, of which F.K. von Savigny was a prominent representative, reveals to us the significance of public legal consciousness as the basis of legal order and stability of a sovereign state.

Bibliographic list

1. Bastrykin called for the state ideology to be written into the Constitution // https://www.rbc.ru/politics/22/11/2023/655db8f39a7947609f6e6b9e

2. *Bogatyrev D.K., Salnikov V.P.* Values of Christian humanism and state-legal ideology // The world of politics and sociology. 2019. No. 11–12. P. 36–43.

3. *Bulatov R.B., Biktasov O.K., Ilyichev V.V., Salnikov S.P., Shcherbakovsky G.Z.* State and problems of legal consciousness of modern Russian society // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2006. No. 1. P. 10–15.

4. *Vorobyov S.M., Komarov S.A.* The influence of information and legal policy on the legal consciousness of an individual in the context of information dependence: theoretical and legal aspects // Legal Thought. 2020. No. 2. P. 9–18.

5. *Gainutdinov R.I., Maslennikov D.V.* The idea of the spirit of history in the interpretation of Montesquieu and Hegel // Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy. 2019. Vol. 20. No. 4. P. 112–123.

6. *Dashin A.V., Salnikov M.V., Klimenko O.A.* Customary law in the legal system of a traditional society // The world of politics and sociology. 2015. No. 12. P. 42–58.

7. *Zhuk A.S., Salnikov V.P.* Value consensus of society as the basis of sovereign legal ideology // Legal science: history and modernity. 2023. No. 2. P. 163–170.

8. *Zakhartsev S.I.* Legal consciousness: concept and levels // Legal field of modern economy. 2012. No. 2. P. 48–53.

9. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Reflections on the Foundations of Russian Sovereign Philosophical and Legal Ideology // Legal Science: History and Modernity. 2020. No. 2. P. 183–194.

10. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Sovereignty of the Russian legal system as a significant property of its moral and axiological assessment // Morality and humanism in law and culture: collection of articles of the All-Russian scientific and practical conference St. Petersburg, November 23, 2022 St. Petersburg, 2024. P. 45–61.

11. *Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P.* On the Prospects of Modern Interpretation of Natural Law: Philosophical, Legal and Theological Aspects // Monitoring of Law Enforcement. 2021. No. 4 (41). P. 2–8.

12. *Zorina N.V.* The Problem of Free Will as the Basis of Law in the Teachings of Thomas Hobbes // The World of Politics and Sociology. 2018. No. 7–8. P. 184–191.

13. *Zorina N.V., Klimenko O.A., Mirzoev A.K., Prokofiev K.G., Salnikov M.V*. The idea of freedom in the sovereign ideology of law: axiological and moral-legal aspects // The world of politics and sociology. 2018. No. 11. P. 188–193.

14. *Ismagilov R.F., Salnikov V.P.* Search for empirical foundations of justice and law in the works of Thomas Hobbes, John Locke, Charles Montesquieu and Jean-Jacques Rousseau // The World of Politics and Sociology. 2016. No. 10. P. 38–44.

15. *Ismagilov R.F., Mukoseeva E.A., Salnikov M.V.* Traditions of the legal culture of the East and the West in the formation of patriotic legal consciousness of the peoples of Russia // Materials of the International scientific and practical conference / Under the scientific editorship of V.P. Salnikov. St. Petersburg: Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation, 2025. P. 54–61. In the book. 135 p.

16. *Lezhneva O.Yu.* D. Locke on the institutions of transition from the natural state to the civil state // State and legal institutions of modern society: Collection of articles to the All-Russian scientific-practical conference dedicated to the 100th anniversary of the Republic of Bashkortostan (Ufa, December 14, 2018) / otv. ed. F.M. Ryanov. Ufa: RIT BashSU, 2018. P. 229–235.

17. *Lezhneva O.Yu., Polivko E.A.* J. Locke on the judiciary as a manifestation of the rule of law and individual rights in the civil state of society // The rule of law and national interests of Russia: Materials of the All-Russian scientific and practical conference (Ufa, November 30, 2018) // Ed. G.M. Aznagulova. In 2 parts. Part 1. Ufa: RIC BashSU, 2018. P. 92–96.

18. *Mirzayan Gevorg.* Sovereignty in Law // XI St. Petersburg International Legal Forum. St. Petersburg: Roscongress; Ministry of Justice of the Russian Federation, 2023. P. 6–10.

19. *Novgorodtsev P.I.* Historical School of Lawyers / Ed. V.P. Salnikov, Yu.A. Sandulov. Series: Classics of History and Philosophy of Law. St. Petersburg: Lan, 1999. 192 p. (The World of Culture, History and Philosophy).

20. *Ovchinnikov A.I.* Law and legal consciousness in the context of digitalization of society // Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. 2020. No. 2. P. 131–134.

21. *Ol P.A.* Nation – the source of power and positive law // Theory of state and law. 2023. No. 4–1 (34). P. 215–229.

22. *Ol P.A., Salnikov M.V.* Legal consciousness as a form of reflection of legal reality in the context of materialistic methodology // Legal science: history and modernity. 2023. No. 1. P. 183–194.

23. Political and legal governance and threats to state sovereignty: monograph / edited by V.P. Salnikov. – 2nd ed., corrected and enlarged. M.: INFRA-M, 2024. 423 p. (Scientific thought).

24. *Salnikov V., Salnikov M.* Legal ontology of civil consciousness // Legal world. 2005. No. 11. P. 48–53.

25. *Salnikov V.P., Salnikov M.V.* Legal culture and political and legal traditions in the context of absolute values // Legal Thought. 2014. No. 4 (84). P. 70–86.

26. *Salnikov V.P., Salnikov M.V.* Legal culture and legal tradition in their categorical relationship and understanding // Legal state: theory and practice. 2014. No. 3 (37). P. 13–19.

27. *Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zhuk A.S.* The idea of moral and legal values and the idea of the state in the paradigms of Kantian and Hegelian philosophy (to the issue of the problem of equality of absolute values) // Legal science: history and modernity. 2022. No. 12. P. 186–192.

28. *Salnikov V.P., Salnikov M.V., Biktasov O.V.* Ontological and legal foundations of civil consciousness // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2005. No. 3. P. 7–13.

29. *Salnikov V.P., Ismagilov R.F., Maslennikov D.V., Prokofiev K.G.* Theoretical and spiritual-moral prerequisites for the true sovereignty of the philosophy of law of Russia // Theory of State and Law. 2024. No. 3 (38). P. 196–211.

30. *Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Morozov A.I.* Value basis of sovereignty (on the issue of sovereign state-legal ideology) // Legal science: history and modernity. 2019. No. 11. P. 149–162.

31. *Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Salnikov M.V.* Development of the idea of absolute freedom in classical Russian philosophy as a source of sovereign philosophy of law // Legal science: history and modernity. 2019. No. 12. P. 185–193.

32. *Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Prokofiev K.G., Morozov A.I.* The principle of sovereignty of state-legal ideology and philosophy of law // The world of politics and sociology. 2019. No. 9. P. 170–178.

33. *Salnikov M.V.* Political and legal tradition as a factor determining the specifics of the national legal system // Legal science: history and modernity. 2013. No. 9. P. 174–192.

34. *Salnikov M.V.* Political and legal tradition of Russia: genesis and evolution: Monograph. SPb.: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004. 203 p.

35. *Salnikov M.V.* Political and legal tradition: results and reflections // Legal science: history and modernity. 2015. No. 1. P. 170–188.

36. *Salnikov S.P., Klimenko O.A., Mirzoev A.K., Tretyakov I.L.* Jean-Jacques Rousseau and John Locke: Some Ideas on Sovereignty and Natural Law // Legal Science: History and Modernity. 2016. No. 5. P. 173–179.

37. Philosophical and legal knowledge: current problems: monograph / E.V. Vinogradova, A.O. Vorobyov, M.Yu. Gutman [et al.]; under the general editorship of Doctor of Law, Professor V.P. Salnikov. 2nd ed., corrected. and additional. Moscow: INFRA-M, 2025. 418 p. (Scientific Thought). DOI: 10.12737/2152004

38. *Frolova E.A.* Problems of Theory and Philosophy of Law: Monograph. 2nd ed., corrected and enlarged. M.: Yurlitinform, 2018. 304 p.

39. *Hattenhauer H.* Thibaut und Savigny. Ihre programmischen Schriften. Munchen: Vahlen, 2002. 81 p.

For citation: *Vorobyov A.O., Ol P.A.* The idea of public legal consciousness in the teachings of F.K. von Savigny // Theory of state and law. 2025. No. 2–1. P. 45–50.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_40

Научная статья

УДК: 34
ББК: 67
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_51

С.Б. Глушаченко*

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Исследуются проблемы политико-правового обеспечения продовольственной безопасности нашей страны. Обращено внимание на то, что высокая зависимость от импортных поставок по некоторым жизненно важным видам продуктов питания, существенно способствует понижению уровня продовольственной безопасности. Отмечено, что продовольственная безопасность, характеризует политическую и социально-экономическую устойчивость государства, она является основой национальной безопасности*

Показано, что одним из значимых инструментов поддержки отрасли, являются нетарифные, ограничительно-правовые методы регулирования внешнеторговой политики России: лицензирование, квотирование и эмбарго.

Рекомендовано при выработке приоритетов национальной аграрной политики, механизмы правового регулирования определять как первостепенный инструмент обеспечения продовольственной безопасности России.

Ключевые слова: *регулирование, государственный суверенитет, самообеспечение, импортозамещение, национальная безопасность, производство.*

Продовольственная безопасность характеризует политическую и социально-экономическую устойчивость государства, она является основой национальной безопасности [2; 17; 45; 52; 61] и государственного суверенитета страны [20; 36; 43; 44; 51; 54; 65, с. 21–55; 74]. Таким образом, анализируемые проблемы приобретают характер стратегической безопасности государства [70]. Все это требует серьезного законодательного обеспечения [3]. Основным условием продовольственной независимости нашего Отечества является устойчивое развитие сельскохозяйственной отрасли с целью производства продовольственных ресурсов в необходимых объемах. Все это предполагает серьезного правового обеспечения.

Ключевым фактором достижения порога продовольственного самообеспечения выступает реализация государственной политики по импортозамещению, она наиболее оправданная и вероятная стратегия экономического развития и роста внутреннего рынка Российской Федерации. Организацию работы отечественных сельхозтоваропроизводителей необходимо ориентировать на выработку собственной продукции, с учетом необходимого удельного веса, пороговых значений в товарных ресурсах отечественного продовольственного рынка.

А.Н. Сёмин отмечает, что «обеспечение комплексной безопасности выступают ключевыми показателями функционирования государства и его оценки» [62, с. 39].

В связи с введением взаимных ограничительных мер, инициаторами которых являются США и ЕС, проблема импортозамещения в аграрной сфере приобрела особую важную актуальность и необходимость. Современный этап функционирования и поэтапного развития агропромышленного комплекса нашей страны, характеризуется недостаточностью семенного материала и мясомолочной продукции российского производства.

Перспективы роста мясомолочной продукции, напрямую связанны с инвестиционными потоками долгосрочного характера, отрасль находится в состоянии стагнации, она

* **Глушаченко Сергей Борисович,** заведующий кафедрой государственного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, доктор юридических наук, профессор. E-mail: glushachenko@list.ru

в настоящее время не способна обеспечить внутренние потребности рынка, которые удовлетворяются импортными поставками.

Б.И. Смагин подчеркивает, что «скотоводство – наиболее сложная отрасль сельскохозяйственного производства, требующая системного подхода. Ее отличает высокая трудоемкость и капиталоемкость, серьезные требования предъявляются к зоотехнической работе и организации полноценного кормления» [64, с. 188].

Безусловно, проблемное состояние животноводства оказывает негативное влияние на иные отрасли аграрной сферы, так как они взаимосвязаны и взаимозависимы. Количественное наращивание и стабилизация поголовья крупнорогатого скота подстегнет и другие направления сельского хозяйства к дальнейшему развитию.

Х.У. Белхароев отмечает, что «основными факторами относительно медленного развития аграрной сферы являются; неэффективные темпы обновления производственных фондов на основе современной техники и технологий, дефицит квалифицированного персонала, связанный с низким уровнем жизни в сельских поселениях» [15, с. 37].

Здесь следует обратить внимание на то обстоятельство, что сегодня отсутствуют необходимые законопроекты, предполагающие решение имеющихся проблем в аграрной сфере. С нашей точки зрения, наблюдается явно недостаточная законодательная инициатива ее субьектов. Кроме того, юристы-исследователи вопросов правотворчества и его справедливости [18; 19; 42; 71; 72; 73; 75; 76] заметили ту ситуацию, когда по предложенным законопроектам в нашем парламенте порой длительное время не принимается никакого решения: не принимается к рассмотрению законопроекты, не отказывается в его рассмотрении. В теоретико-правовой науке появилась новая правовая категория – дормантские законопроекты, то есть спящие, находящиеся, образно говоря, в летаргическом состоянии [24; 25; 26; 27]. В настоящее время наблюдается острая необходимость высвободить их от этого сна, рассмотрение дормантских законопроектов требует сама жизнь. Наличие значимых пробелов в отечественной правовой системе [21; 35; 37; 38; 46; 47; 56], особенно в сфере правового регулирования аграрных отношений, безусловно, не положительно сказывается на состоянии продовольственной безопасности России. Продуманная правовая политика [48; 53; 55; 60; 69] в области сельского хозяйства способна существенно влиять на эффективность обеспечения населения отечественными продовольственными продуктами: мясом, молоком, овощами, фруктами, зерном. Это влияние обосновано прогрессом права, который серьезно исследуется в отечественной теоретико-правовой науке [28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 63]. Скажем, по поводу яблок и зерна; например, Краснодарский и Ставропольский края смогли при правильном стратегическом федеральном планировании [41; 49; 50; 57; 59; 68], обеспечить потребности населения всей России в этих продуктах питания практически полностью. В то же время имеющиеся пробелы правового регулирования в области стратегического планирования обеспечения населения страны молоком и мясом не позволяют достичь такого результата. Например, сокращение поголовья продуктивного скота (молочных пород), сказалось существенным снижением в сегменте производства молока и молочных продуктов. Отечественная молочная отрасль находится в достаточно сложном положении, из-за нехватки сырья (молока).

Рыночный потенциал и потребность в молочной продукции нашей страны весьма существенный, он значительно насыщен продукцией импортного производства. Увеличение выработки молока, связано с развитием животноводства, которое необходимо организовать с возрождением запушенных и ранее ликвидированных молочно-товарных ферм.

Вопросы устойчивого развития производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, достаточного для обеспечения продовольственной независимости на основе принципов научно обоснованного планирования, определены в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации (пункт 17 (а)) [1].

С точки зрения специалистов, потенциал роста и импортозамещения мясомолочной продукции в нашей стране обладает значительными производственными возможностями. Внутреннее производство конкурентоспособно и востребовано, для его полноценного раз-

вития имеются все необходимые ресурсные возможности и определенные преимущества (кормовая база) перед внешними конкурентами.

Существенные импортные объемы, поставляемые на внутренний рынок России, осуществляются из-за дефицита сырья отечественного производства, которое при использовании необходимой техники и технологий, могут вырабатываться сельхозтоваропроизводителями нашей страны с обеспечением всех норм качества и безопасности.

Развитие аграрной сферы в условиях существенной зависимости от внешних поставок, невозможно без целенаправленной поддержки государства, усиление роли отечественных производителей, напрямую связанны с правовыми нормами – регулирующими отрасль.

Исследователи проблем правового обеспечения отечественной продовольственной безопасности отмечают, что «отсутствие правового документа, регулирующего на федеральном уровне, ключевое направления в системе национальной безопасности, негативно сказывается на обеспечении продовольственной независимости нашей страны» [13, с. 15].

Одним из значимых инструментов поддержки отрасли являются нетарифные, ограничительные методы правового регулирования внешнеторговой политики России: лицензирование, квотирование и эмбарго. Наибольшее распространение в современной международной торговле приобрели методы существенного количественного ограничения экспорта и импорта [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 14; 16].

Высокая зависимость от импортных поставок по некоторым жизненно важным видам продуктов питания, существенно способствует понижению уровня продовольственной безопасности. Внешние поставки увеличивают давление на внутренний товарный рынок, способствуют оттоку валютных ресурсов из страны. Необходимо отметить, что политика импортозамещения в аграрной сфере должна опираться на базовые интересы экономического развития страны, в контексте которых развитие отечественного агропромышленного комплекса, обеспечение финансового и в целом экономического суверенитета и безопасности России [22; 23; 39; 40; 58; 66; 67; 77].

Импортируя сельскохозяйственную продукцию, российские предприятия напрямую финансируют товаропроизводителей из других конкурирующих стран, тем самым существенно ослабляя отечественную аграрную сферу и значимость России на мировом товарном рынке продовольствия. Поэтапно формирующийся процесс импортозамещения, ключевым образом, будет способствовать развитию процесса производства, увеличению рабочих мест и налоговых отчислений в бюджет страны. Внутреннее производство, способствует росту потребления качественной продукции российского происхождения, что стимулирует развитие отрасли и сопутствующих направлений народного хозяйства страны.

Достижение порога продовольственной безопасности России, по всем основным (необходимым) видам продукции сельского хозяйства, должно стать основой национальной аграрной политики развития агропромышленного комплекса, основой которого является правовое регулирование.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 4. – Ст. 345.

2. *Агутин А.В., Трошкин Е.З.* Формирование ценностно-смысловых основ обеспечения национальной безопасности в деятельности органов государственной власти и отечественном уголовном судопроизводстве. – М.: Юрлитинформ. 2022. – 552 с.

3. *Александров А.И., Ковалевский С.С., Коровников А.В., Сурков К.В.* Проблемы законодательного обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / Под общ.ред. С.В. Степашина. – М.: Финансовый контроль, 2003. – 250 с.

4. *Белхароев Х.У.* Голод в России: монография. – М.: Издательство «Спутник +», 2024. – 170 с.

5. *Белхароев Х.У.* К вопросу о законодательном регулировании надежного обеспечения страны продовольствием в условиях введения экономических санкций западных стран в отношении России // Юридическая наука в Китае и России (Ежегодник). – 2021. – № 4. – С. 59–63.

6. *Белхароев Х.У.* К вопросу о правовом регулировании продовольственной независимости России: внутренние и внешние угрозы // Хозяйство и право. – 2022. – № 5. – С. 75–82.

7. *Белхароев Х.У.* К вопросу правового обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации в современных условиях: монография. – М.: Спутник +, 2018. – 170 с.

8. *Белхароев Х.У.* К вопросу продовольственного обеспечения Арктической зоны и северных территорий Российской Федерации: северный завоз, перспективы самообеспечения (экономико-правовой аспект) // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. № 4 (61). – С. 30–37.

9. *Белхароев Х.У.* Перспективы комплексного развития Арктической зоны… Российской Федерации в современных условиях: коллективная монография. – М.: Проспект. 2024. С. 289–307.

10. *Белхароев Х.У.* Правовая основа по обеспечению продовольственной безопасности современной России // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2019. – № 1 (42). – С. 59–65.

11. *Белхароев Х.У.* Правовые основы демографических и миграционных процессов в России: военные конфликты, продовольственная безопасность, бедность и голод (история и современность) // Миграционное право. – 2021. – № 3. – С. 15–18.

12. *Белхароев Х.У.* Правовые проблемы и механизмы обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации (история и современность) // Хозяйство и право. – 2022. – № 4. – С. 82–89.

13. *Белхароев Х.У.* Правовые проблемы обеспечения продовольственной безопасности современной России, в условиях глобализации и взаимных ограничительных мер // Лоббирование в законодательстве. – 2024. – № 2. – С. 11–16.

14. *Белхароев Х.У.* Продовольственная независимость России: современный аспект: Монография. – М.: Спутник +, 2025. – 189 с.

15. *Белхароев Х.У.* Система законодательства в области обеспечения продовольственной безопасности современной России // Российская юстиция. – 2014. – № 1. – С. 36–38.

16. *Белхароев Х.У.* Состояние и проблемы обеспечения продовольственной безопасности России (историко-правовой аспект) // Хозяйство и право. – 2022. – № 2. – С. 111–118.

17. *Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В.* Национальная безопасность России: конституционное обеспечение: Научное издание – СПб.: Фонд «Университет», 1999. – 192 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).

18. *Виноградова Е.В., Захарцев С.И., Сальников В.П.* Справедливое правосудие М.И. Клеандров. Правосудие и справедливость. 2-е изд., перераб. и доп. // Государство и право. – 2023. – № 7. – С. 194–199.

19. *Виноградова Е.В., Сальников В.П., Захарцев С.И.* Правосудие для справедливости М.И. Клеандров. Правосудие и справедливость // Государство и право. – 2022. – № 8. – С. 190–194.

20. *Вихров А.А., Сальников М.В., Адамян Т.А., Биктасов О.В.* Понятие и сущность суверенитета // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3(27). – С. 14–25.

21. *Гаджиев Х.И.* Роль судебного правотворчества в преодолении пробелов в праве // Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика: Материалы VI Международной научной конференции теоретиков права «Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика» (Москва, 20–21 февраля 2020 г.) / Т.Я. Хабриева, С.В. Липень, В.В. Лазарев и др.; отв. ред. Н.Н. Черногор. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2021. – С. 244–253. – в сб. 464 с.

22. *Дерюгин А.А., Тотоев Р.Р.* Теневой сектор экономики как фактор, влияющий на экономическую безопасность Российской Федерации: особенности проблемы // Вестник Санкт-Петербургского военного института национальной гвардии. – 2022. – № 2(19). – С. 10–15.

23. *Жильская Л.В., Жильский Н.Н.* Обеспечение экономической безопасности России // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 172–179.

24. *Захарцев С.И., Виноградова Е.В., Сальников В.П.* Дормантские законопроекты. Летаргия законодательных инициатив // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 7 (211).- С. 20–23.

25. *Захарцев С.И., Виноградова Е.В., Сальников В.П.* Дормантские законопроекты. Законы, которые не появляются // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 7. – С. 183–193.

26. *Захарцев С.И., Виноградова Е.В., Сальников В.П.* Дормантские законопроекты – актуальное и востребованное новое юридическое понятие // Мир политики и социологии. – 2019. – № 11–12. – С. 53–58.

27. *Захарцев С.И., Виноградова Е.В., Сальников В.П.* Летаргия законопроектов: доктрина, практика, техника // Юридическая техника. Ежегодник. № 17. «Изменения в законодательстве (доктрина, практика, техника)». – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России; Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2023. – С. 75–79. – в сб. 735 с.

28. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С 113–121.

29. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Правовой прогресс – новая философско-правовая дефиниция // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 171–188.

30. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Правовой прогресс и совершенствование правового регулирования и правотворчества в России в XXI веке // Правотворчество в XXI веке: эволюция доктрины и практики (к 90-летию со дня рождения А.С. Пиголкина). Сборник научных статей / Под ред. В.В. Лазарева. – М.: Норма, 2022. – С. 63–72. – в кн. 344 с.

31. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Правовой прогресс и ценности права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 17–31.

32. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Правовой прогресс как актуальная философско-правовая проблема // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 175–192.

33. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Правовой прогресс: новое направление исследования права // Теория государства и права. – 2017. – № 2. – С. 20–35.

34. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 13–30.

35. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Пробелы в праве – грань компрехендной теории его познания // Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика: Материалы VI Международной научной конференции теоретиков права «Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика» (Москва, 20–21 февраля 2020 г.) / Т.Я. Хабриева, С.В. Липень, В.В. Лазарев и др.; отв. ред. Н.Н. Черногор. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2021. – С 93–104. – в сб. 464 с.

36. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Суверенность российской правовой системы как значимое свойство ее нравственно-аксиологической оценки // Нравственность и гуманизм в праве и культуре: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. СПб., 20245. – С. 45–61.

37. *Злотникова Т.В.* Пробелы в экологическом законодательстве и судебная практика их выявления // Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика: Материалы VI Международной научной конференции теоретиков права «Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика» (Москва, 20–21 февраля 2020 г.) / Т.Я. Хабриева, С.В. Липень, В.В. Лазарев и др.; отв. ред. Н.Н. Черногор. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2021. – С. 283–292. – в сб. 464 с.

38. *Ибрагимова Ю.Е.* Пробелы в законодательстве: доктрина и практика // Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика: Материалы VI Международной научной конференции теоретиков права «Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика» (Москва, 20–21 февраля 2020 г.) / Т.Я. Хабриева, С.В. Липень, В.В. Лазарев и др.; отв. ред. Н.Н. Черногор. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2021. – С. 125–138. – в сб. 464 с.

39. *Исмагилов Р.Ф.* Экономическая безопасность России (теоретико-правовой анализ): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2000.

40. *Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Степашин С.В.* Экономическая безопасность России: концепция – правовые основы – политика / МВД России. С.-Петерб. ун-т, Акад. права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – 282, [1] с. : ил. – (Серия «Безопасность человека и общества»).

41. *Казанцев Н.М.* Стратегическое планирование: пробелы права и законодательства // Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика: Материалы VI Международной научной конференции теоретиков права «Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика» (Москва, 20–21 февраля 2020 г.) / Т.Я. Хабриева, С.В. Липень, В.В. Лазарев и др.; отв. ред. Н.Н. Черногор. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2021. – С. 111–125. – в сб. 464 с.

42. *Клеандров М.И.* Правосудие и справедливость. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА, 2023. – 424 с.

43. *Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л.* Государственный суверенитет как комплексная проблема современности // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 59–65.

44. *Клишас А.А.* От борьбы за право к борьбе за суверенитет // Право и управление. XXI в. – 2018. – № 3. – С. 11–20.

45. *Колокольцев В.А.* Проблемы обеспечения национальной безопасности современной России: Монография / Под общ.ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова – СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2005. – 248 с.

46. *Лазарев В.В.* Пробелы в праве и пути их устранения. – М.: Юридическая литература, 1974. – 184 с.

47. *Лазарев В.В.* Проблема пробелов в праве в свете постклассической философии // Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика: Материалы VI Международной научной конференции теоретиков права «Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика» (Москва, 20–21 февраля 2020 г.) / Т.Я. Хабриева, С.В. Липень, В.В. Лазарев и др.; отв. ред. Н.Н. Черногор. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2021. – С. 57–77. – в сб. 464 с.

48. *Малько А.В., Трофимов В.В.* Правовая жизнь общества как объект правовой политики в условиях глобализации и регионализации: Монография. – М.: Юстиция, 2018. – 236 с.

49. *Мамяшева Д.Р.* Акты стратегического планирования: теоретико-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 5.1.1. – М.: Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 2023. – 26 с.

50. *Маргарян Р.Р.* Особенности стратегического планирования научно-производственного предприятия // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 7. – С. 92–97.

51. *Мирзоев А.К.* Государственный суверенитет и институты обеспечения публичной политической власти // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 62–65.

52. *Мурсалимов К.Р.* Обеспечение национальной безопасности – конституционное направление правообразующей деятельности государства // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 3. – С. 75–80.

53. *Мурсалимов К.Р., Хабибулин А.Г., Мицкая Е.В.* Некоторые проблемы формирования и реализации правовой политики в России // Теория государства и права. – 2024. – № 2–1 (37). – С. 152–157. DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2–1_37_152.

54. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: Монография / М.Ю. Гутман, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина [и др.]; под общ.ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 423 с. – (Научная мысль).

55. Правовая политика России (общетеоретические и отраслевые проблемы): Учебное пособие / Под науч. ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 456 с.

56. Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика: Материалы VI Международной научной конференции теоретиков права «Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика» (Москва, 20–21 февраля 2020 г.) / Т.Я. Хабриева, С.В. Липень, В.В. Лазарев и др.; отв. ред. Н.Н. Черногор. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2021. – 464 с.

57. *Радушинский Д.А.* Опыт разработки программ стратегического развития городских агломераций на региональном и муниципальном уровне за рубежом и в России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 67–77.

58. *Рахимзода Р.Х.* Оперативно-розыскная политика и процессуальная деятельность в интересах обеспечения экономической безопасности государства // Мир политики и социологии. – 2016. – № 2. – С. 153–166.

59. *Романец Е.А.* Приоритеты государственной цифровой политики в здравоохранении в контексте документов стратегического планирования в Российской Федерации // Теория государства и права. – 2024. – № 3–2(40). – С. 147–156. DOI 10.25839/ MATGIP_2024_3–2_40_147.

60. Российская правовая политика: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Норма, 2003. – 520 с.

61. *Селиванов А.И., Хабибулин А.Г.* Стратегическая безопасность Российского государства: политико-правовое исследование. – М.: Формула права, 2011. – 360 с.

62. *Сёмин А.Н.* Продовольственная безопасность как фактор обеспечения российского народосбережения // Агропродовольственная политика России. – 2022. – № 2–3. – С. 39–41.

63. *Семитко А.П.* Развитие правовой культуры как правовой прогресс. (Проблемы теории и методологии): Дис. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 1996. – 288 с.

64. *Смагин Б.И.* Продовольственная безопасность в сфере производства и потребления молока: проблемы и перспективы // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. – 2022. – № 1 (68). – С. 187–191.

65. Философско-правовое познание: актуальные проблемы: монография / Е.В. Виноградова, А.О. Воробьев, М.Ю. Гутман [и др.]; под общ.ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2025. – 418 с. – (Научная мысль). DOI 10.12737/2152004

66. Финансовая безопасность Российской Федерации в условиях интеллектуализации и автоматизации общественных отношений: Монография / Под общ.ред. проф. В.Н. Анищенко. – М.: МГУ, 2025.

67. Финансовый суверенитет и финансовая безопасность России: угрозы и риски: Монография / Хабибулин А.Г., А.В. Анищенко, В.Н. Анищенко, Е.В. Анищенко, А.Н. Выборный; под общ.ред. А.Г. Хабибулина. – 2-е изд., расш. и дополн. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. Высшая школа государственного аудита, 2023. – 480 с.

68. *Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р.* Обеспечение миграционной безопасности как фактор стратегического развития России: политико-правовой аспект // Миграционное право. – 2024. – № 3. – С. 3–5.

69. *Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р.* Формирование духовно-нравственных ценностей – отправное начало правовой политики современного российского государства // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 11. – С. 181–194.

70. *Хабибулин А.Г., Селиванов А.И.* Стратегическая безопасность Российского государства: политико-правовое исследование. – М.: Формула права, 2008. – 272 с.

71. *Чечельницкий И.В.* Принцип справедливости в праве // История государства и права. – 2014. – № 6. – С. 57–63.

72. *Чечельницкий И.В.* Справедливость в правотворчестве: теоретико-правовое исследование: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2015. – 28 с.

73. *Чечельницкий И.*В. Справедливость и правотворчество: Монография. – М.: Проспект, 2021. – 176 с.

74. *Шумков Д.В.* Государственный суверенитет России: история и современность: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2002. – 231 с.

75. *Экимов А.И.* Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 13–23.

76. *Экимов А.И.* Право в контексте справедливости: к методологии исследования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2013. – № 2(307). – С. 51–61.

77. Экономическая безопасность Российской Федерации: Учебник для вузов. В 2 ч. / Балакина А.П., Кваша Ю.Ф., Цыпин И.С., Кичеджи В.Н., Прокопчук А.В., Ковалев В.Н., Александров А.И., Волковский В.И., Васильев Н.Н., Кваша Л.Ф., Кульбюа А.В., Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Егоршин В.М., Галлиулин Д.Л., Зрелов А.П., Кормилицын А.С., Понизопа Е.В., Тамбовцев Д.Ю., Цыпин С.И., Михайлов В.М., Федоров А.В. / Под общ.ред. С.В. Степашина. Науч. ред. Ю.Ф. Кваша, В.П. Сальников. Консультант Г.С. Полтавченко. – М., СПб.: Всероссийская государственная налоговая академия; Санкт-Петербургский университет МВД России; Лань, 2001. – 608+ 640 с.

Для цитирования: *Глушаченко С.Б.* Политико-правовое обеспечение продовольственной безопасности Российской Федерации // Теория государства и права. – 2025. – № 2-1. – С. 51–57.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_51

POLITICAL AND LEGAL PROVISION OF FOOD SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Sergey B. Glushachenko*

Annotation. *The article examines the problems of political and legal provision of food security in our country.It is revealed that the high dependence on imports for some vital types of food products significantly contributes to a decrease in the level of food security.It is noted that food security characterizes the political and socio-economic stability of the state, it is the basis of national security*

It is shown that one of the significant tools for supporting the industry are non-tariff, restrictive methods of regulating Russia's foreign trade policy: licensing, quotas and embargoes.

It is recommended that when developing priorities of the national agrarian policy, the mechanisms of legal regulation should be defined as the primary tool for ensuring food security in Russia.

* **Glushachenko Sergey Borisovich**, Head of the Department of Public Law of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, Doctor of Law, Professor. E-mail: glushachenko @ list.ru

Keywords: *regulation, state sovereignty, self-sufficiency, import substitution, national security, production.*

Food security characterizes the political and socio-economic stability of the state, it is the basis of national security [2; 17; 45; 52; 61] and state sovereignty of the country [20; 36; 43; 44; 51; 54; 65, pp. 21–55; 74]. Thus, the analyzed problems acquire the character of strategic security of the state [70]. All this requires serious legislative support [3]. The main condition for food independence of our Fatherland is the sustainable development of the agricultural sector in order to produce food resources in the required volumes. All this requires serious legal support.

The key factor in achieving the threshold of food self-sufficiency is the implementation of state policy on import substitution, it is the most justified and probable strategy for economic development and growth of the domestic market of the Russian Federation. The organization of work of domestic agricultural producers must be oriented towards the production of their own products, taking into account the necessary specific weight, threshold values in the commodity resources of the domestic food market.

A.N. Semin notes that "ensuring comprehensive security is a key indicator of the functioning of the state and its assessment" [62, p. 39].

In connection with the introduction of mutual restrictive measures initiated by the USA and the EU, the problem of import substitution in the agricultural sector has acquired a special urgency and necessity. The current stage of functioning and gradual development of the agro-industrial complex of our country is characterized by a shortage of seed material and meat and dairy products of Russian production.

The growth prospects for meat and dairy products are directly related to long-term investment flows; the industry is in a state of stagnation; it is currently unable to meet the domestic needs of the market, which are satisfied by imported supplies.

B.I. Smagin emphasizes that "livestock breeding is the most complex branch of agricultural production, requiring a systematic approach. It is characterized by high labor intensity and capital intensity, serious requirements are imposed on zootechnical work and the organization of adequate feeding" [64, p. 188].

Of course, the problematic state of livestock farming has a negative impact on other sectors of the agricultural sector, since they are interconnected and interdependent. Quantitative increase and stabilization of cattle population will spur other areas of agriculture to further development.

H. U. Belharoev notes that "the main factors of the relatively slow development of the agricultural sector are: ineffective rates of renewal of production assets based on modern technology and equipment, a shortage of qualified personnel associated with the low standard of living in rural areas" [15, p. 37].

Here it is necessary to pay attention to the fact that today there are no necessary bills that propose solving the existing problems in the agricultural sector. From our point of view, there is a clearly insufficient legislative initiative of its subjects. In addition, legal researchers of law-making and its fairness [18; 19; 42; 71; 72; 73; 75; 76] have noticed a situation when no decision is made on proposed bills in our parliament for a long time: the bills are not accepted for consideration, and they are not refused consideration. A new legal category has appeared in theoretical and legal science – dormant bills, that is, sleeping, figuratively speaking, in a lethargic state [24; 25; 26; 27]. At present, there is an urgent need to free them from this sleep, life itself requires consideration of dormant bills. The presence of significant gaps in the domestic legal system [21; 37; 38; 46; 47; 56], especially in the sphere of legal regulation of agrarian relations, certainly does not have a positive effect on the state of food security in Russia. A well-thought-out legal policy [48; 53; 55; 60; 69] in the field of agriculture is capable of significantly influencing the efficiency of providing the population with domestic food products: meat, milk, vegetables, fruits, grain. This influence is justified by the progress of law, which is seriously studied in domestic theoretical and legal science [28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 63]. Let's say, regarding apples and grain; for example, the Krasnodar and Stavropol Territories were able, with the right strategic federal planning [41; 49; 50; 57; 59; 68], to meet the needs of the population of all of

Russia for these food products almost completely. At the same time, the existing gaps in legal regulation in the field of strategic planning for providing the country's population with milk and meat do not allow achieving such a result. For example, the reduction in the number of productive cattle (dairy breeds) has resulted in a significant decrease in the segment of milk and dairy products production. The domestic dairy industry is in a rather difficult situation due to a shortage of raw materials (milk).

The market potential and demand for dairy products in our country is quite significant, it is significantly saturated with imported products. The increase in milk production is associated with the development of livestock farming, which must be organized with the revival of abandoned and previously liquidated dairy farms.

Issues of sustainable development of production of agricultural products, raw materials and food sufficient to ensure food independence based on the principles of scientifically based planning are defined in the Doctrine of Food Security of the Russian Federation (paragraph 17 (a)) [1].

From the point of view of specialists, the potential for growth and import substitution of meat and dairy products in our country has significant production capabilities. Domestic production is competitive and in demand, for its full development there are all the necessary resource capabilities and certain advantages (feed base) over external competitors.

Significant import volumes supplied to the domestic market of Russia are carried out due to a shortage of domestically produced raw materials, which, using the necessary equipment and technologies, can be produced by agricultural producers of our country while ensuring all quality and safety standards.

The development of the agricultural sector in conditions of significant dependence on external supplies is impossible without targeted support from the state, strengthening the role of domestic producers, directly related to legal norms regulating the industry.

Researchers of the problems of legal support for domestic food security note that “the absence of a legal document regulating at the federal level the key areas in the national security system has a negative impact on ensuring the food independence of our country” [13, p. 15].

One of the significant instruments of support for the industry are non-tariff, restrictive methods of legal regulation of Russia's foreign trade policy: licensing, quotas and embargoes. The most widespread methods in modern international trade are those of significant quantitative restrictions on exports and imports [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 14; 16].

High dependence on imported supplies of some vital types of food products significantly contributes to a decrease in the level of food security. External supplies increase pressure on the domestic commodity market and contribute to the outflow of foreign exchange resources from the country. It should be noted that the policy of import substitution in the agricultural sector should be based on the basic interests of the country's economic development, in the context of which are the development of the domestic agro-industrial complex, ensuring the financial and overall economic sovereignty and security of Russia [22; 23; 39; 40; 58; 66; 67; 77; 78].

By importing agricultural products, Russian enterprises directly finance producers from other competing countries, thereby significantly weakening the domestic agricultural sector and Russia's importance in the global food commodity market. The gradually emerging process of import substitution will, in a key way, contribute to the development of the production process, an increase in jobs and tax deductions to the country's budget. Domestic production contributes to the growth of consumption of high-quality products of Russian origin, which stimulates the development of the industry and related areas of the country's national economy.

Achieving the threshold of food security for Russia, for all the main (necessary) types of agricultural products, should become the basis of the national agricultural policy for the development of the agro-industrial complex, the basis of which is legal regulation.

Bibliographic list

1. Decree of the President of the Russian Federation of January 21, 2020 No. 20 «On Approval of the Doctrine of Food Security of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 4. Art. 345.

2. *Agutin A.V., Troshkin E.Z.* Formation of value-semantic foundations for ensuring national security in the activities of government bodies and domestic criminal proceedings. M.: Yurlitinform. 2022. 552 p.

3. *Aleksandrov A.I., Kovalevsky S.S., Korovnikov A.V., Surkov K.V.* Problems of legislative support for national security of the Russian Federation / Under the general editorship of S.V. Stepashin. M.: Financial control, 2003. 250 p.

4. *Belkharoev H.U.* Famine in Russia: monograph. M.: Publishing house «Sputnik +», 2024. 170 p.

5. *Belkharoev H.U.* On the issue of legislative regulation of reliable provision of the country with food in the context of the introduction of economic sanctions by Western countries against Russia // Legal Science in China and Russia (Yearbook). 2021. No. 4. P. 59–63.

6. *Belkharoev H.U.* On the issue of legal regulation of food independence of Russia: internal and external threats // Economy and Law. 2022. No. 5. P. 75–82.

7. *Belkharoev H.U.* On the issue of legal support for food security of the Russian Federation in modern conditions: monograph. M.: Sputnik +, 2018. 170 p.

8. *Belkharoev H.U.* On the issue of food supply for the Arctic zone and northern territories of the Russian Federation: northern delivery, prospects for self-sufficiency (economic and legal aspect) // Law. Security. Emergencies. 2023. No. 4 (61). P. 30–37.

9. *Belkharoev H.U.* Prospects for the integrated development of the Arctic zone... of the Russian Federation in modern conditions: collective monograph. M.: Prospect. 2024. P. 289–307.

10. *Belkharoev H.U.* Legal basis for ensuring food security in modern Russia // Law. Security. Emergencies. 2019. No. 1 (42). P. 59–65.

11. *Belkharoev H.U.* Legal basis of demographic and migration processes in Russia: military conflicts, food security, poverty and famine (history and modernity) // Migration law. 2021. No. 3. P. 15–18.

12. *Belkharoev H.U.* Legal problems and mechanisms for ensuring food security of the Russian Federation (history and modernity) // Economy and Law. 2022. No. 4. P. 82–89.

13. *Belkharoev H.U.* Legal problems of ensuring food security of modern Russia, in the context of globalization and mutual restrictive measures // Lobbying in legislation. 2024. No. 2. P. 11–16.

14. *Belkharoev H.U.* Food independence of Russia: modern aspect: Monograph. M.: Sputnik +, 2025. 189 p.

15. *Belkharoev H.U.* The system of legislation in the field of food security in modern Russia // Russian Justice. 2014. No. 1. P. 36–38.

16. *Belkharoev H.U.* State and problems of ensuring food security in Russia (historical and legal aspect) // Economy and Law. 2022. No. 2. P. 111–118.

17. *Vasiliev A.I., Salnikov V.P., Stepashin S.V.* National security of Russia: constitutional support: Scientific publication St. Petersburg: University Foundation, 1999. 192 p. (Series: “Security of man and society”).

18. *Vinogradova E.V., Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Fair justice M.I. Cleandrov. Justice and fairness. 2nd ed., revised and enlarged // State and Law. 2023. No. 7. P. 194–199.

19. *Vinogradova E.V., Salnikov V.P., Zakhartsev S.I.* Justice for fairness M.I. Cleandrov. Justice and fairness // State and law. 2022. No. 8. P. 190–194.

20. *Vikhrov A.A., Salnikov M.V., Adamyan T.A., Biktasov O.V.* Concept and essence of sovereignty // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2005. No. 3 (27). P. 14–25.

21. *Gadzhiev H.I.* The Role of Judicial Law-making in Overcoming Gaps in the Law // Gaps in Positive Law: Doctrine and Practice: Proceedings of the VI International Scientific Conference of Legal Theorists «Gaps in Positive Law: Doctrine and Practice» (Moscow, February 20–21, 2020) / T.Ya. Khabrieva, S.V. Lipen, V.V. Lazarev et al.; ed. N.N. Chernogor. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Publishing House «Jurisprudence», 2021. Pp. 244–253. In the book 464 p.

22. *Deryugin A.A., Totoev R.R.* The shadow sector of the economy as a factor influencing the economic security of the Russian Federation: features of the problem // Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard. 2022. No. 2 (19). P. 10–15.

23. *Zhilskaya L.V., Zhilsky N.N.* Ensuring economic security of Russia // Legal field of the modern economy. 2013. No. 9. P. 172–179.

24. *Zakhartsev S.I., Vinogradova E.V., Salnikov V.P.* Dormant bills. Lethargy of legislative initiatives // Law and state: theory and practice. 2022. No. 7 (211).- P. 20–23.

25. *Zakhartsev S.I., Vinogradova E.V., Salnikov V.P*. Dormant bills. Laws that do not appear // Legal science: history and modernity. 2022. No. 7. P. 183–193.

26. *Zakhartsev S.I., Vinogradova E.V., Salnikov V.P. Dormant* bills – a relevant and in-demand new legal concept // The World of Politics and Sociology. 2019. No. 11–12. P. 53–58.

27. *Zakhartsev S.I., Vinogradova E.V., Salnikov V.P.* Lethargy of Bills: Doctrine, Practice, Technique // Legal Technique. Yearbook. No. 17. «Changes in Legislation (Doctrine, Practice, Technique)». Nizhny Novgorod:

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Nizhny Novgorod Research Scientific and Applied Center «Legal Technique», 2023. P. 75–79. In the book 735 p.

28. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* On legal progress as a philosophical and legal problem // Russian Journal of Legal Research. 2015. No. 2 (3). P. 113–121.

29. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Legal progress – a new philosophical and legal definition // The World of Politics and Sociology. 2016. No. 4. P. 171–188.

30. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Legal progress and improvement of legal regulation and lawmaking in Russia in the 21st century // Lawmaking in the 21st century: evolution of doctrine and practice (on the 90th anniversary of the birth of A.S. Pigolkin). Collection of scientific articles / Ed. by V.V. Lazarev. M.: Norma, 2022.-- P. 63–72. In the book 344 p.

31. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Legal progress and values of law // The world of politics and sociology. 2015. No. 9. P. 17–31.

32. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P*. Legal progress as a current philosophical and legal problem // Legal science: history and modernity. 2016. No. 9. P. 175–192.

33. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P*. Legal progress: a new direction in the study of law // Theory of state and law. 2017. No. 2. P. 20–35.

34. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Legal progress: philosophical and philosophical-legal approaches // Legal field of modern economy. 2015. No. 1. P. 13–30.

35. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Gaps in the Law – an Edge of the Comprehend Theory of Its Cognition // Gaps in Positive Law: Doctrine and Practice: Proceedings of the VI International Scientific Conference of Legal Theorists «Gaps in Positive Law: Doctrine and Practice» (Moscow, February 20–21, 2020) / T.Ya. Khabrieva, S.V. Lipen, V.V. Lazarev et al.; ed. N.N. Chernogor. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Publishing House «Jurisprudence», 2021. pp. 93–104. In the book 464 p.

36. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Sovereignty of the Russian legal system as a significant property of its moral and axiological assessment // Morality and humanism in law and culture: collection of articles of the All-Russian scientific and practical conference. St. Petersburg, 20245. P. 45–61.

37. *Zlotnikova T.V.* Gaps in Environmental Legislation and Judicial Practice of Identifying Them // Gaps in Positive Law: Doctrine and Practice: Proceedings of the VI International Scientific Conference of Legal Theorists «Gaps in Positive Law: Doctrine and Practice» (Moscow, February 20–21, 2020) / T.Ya. Khabrieva, S.V. Lipen, V.V. Lazarev et al.; ed. N.N. Chernogor. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Publishing House «Jurisprudence», 2021. pp. 283–292. In the book 464 p.

38. *Ibragimova Yu.E.* Gaps in Legislation: Doctrine and Practice // Gaps in Positive Law: Doctrine and Practice: Proceedings of the VI International Scientific Conference of Legal Theorists «Gaps in Positive Law: Doctrine and Practice» (Moscow, February 20–21, 2020) / T.Ya. Khabrieva, S.V. Lipen, V.V. Lazarev et al.; ed. N.N. Chernogor. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Publishing House «Jurisprudence», 2021. pp. 125–138. In the book 464 p.

39. *Ismagilov R.F.* Economic security of Russia (theoretical and legal analysis): Diss. ... Doctor of Law. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2000.

40. *Ismagilov R.F., Salnikov V.P., Stepashin S.V.* Economic security of Russia: concept – legal basis – policy / Ministry of Internal Affairs of Russia. St. Petersburg University, Academy of Law, Economics and Life Safety. St. Petersburg: University Foundation, 2001. 282, [1] p.: ill. (Series "Human and Society Security").

41. *Kazantsev N.M.* Strategic Planning: Gaps in Law and Legislation // Gaps in Positive Law: Doctrine and Practice: Proceedings of the VI International Scientific Conference of Legal Theorists «Gaps in Positive Law: Doctrine and Practice» (Moscow, February 20–21, 2020) / T.Ya. Khabrieva, S.V. Lipen, V.V. Lazarev et al.; ed. N.N. Chernogor. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Publishing House «Jurisprudence», 2021. pp. 111–125.

42. *Cleandrov M.I*. Justice and fairness. 2nd ed., revised and enlarged. M.: NORMA, 2023. 424 p.

43. *Klimenko O.A., Mirzoev A.K., Tretyakov I.L.* State sovereignty as a complex problem of modernity // Legal science: history and modernity. 2017. No. 3. P. 59–65.

44. *Klishas A.A.* From the Struggle for Law to the Struggle for Sovereignty // Law and Management. XXI century. 2018. No. 3. P. 11–20.

45. *Kolokoltsev V.A.* Problems of Ensuring National Security of Modern Russia: Monograph / Under the general editorship of V.P. Salnikov, R.A. Romashov St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. 248 p.

46. *Lazarev V.V.* Gaps in the Law and Ways to Eliminate Them. M.: Legal Literature, 1974. 184 p.

47. *Lazarev V.V.* The Problem of Gaps in the Law in Light of Postclassical Philosophy // Gaps in Positive Law: Doctrine and Practice: Proceedings of the VI International Scientific Conference of Legal Theorists «Gaps

in Positive Law: Doctrine and Practice» (Moscow, February 20–21, 2020) / T.Ya. Khabrieva, S.V. Lipen, V.V. Lazarev et al.; ed. N.N. Chernogor. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Publishing House «Jurisprudence», 2021. pp. 57–77. In the book 464 p.

48. *Malko A.V., Trofimov V.V.* Legal life of society as an object of legal policy in the context of globalization and regionalization: Monograph. M.: Justice, 2018.-- 236 p.

49. *Mamyasheva D.R.* Acts of strategic planning: theoretical and legal research: Abstract of Cand. of Law Dissertation. 5.1.1. M.: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, 2023. 26 p.

50. *Margaryan R.R.* Features of strategic planning of a scientific and production enterprise // Legal field of the modern economy. 2016. No. 7. P. 92–97.

51. *Mirzoev A.K.* State sovereignty and institutions for ensuring public political power // Scientific notes of the Faculty of Law. 2015. No. 38 (48). P. 62–65.

52. *Mursalimov K.R.* Ensuring national security is a constitutional direction of the law-making activities of the state // Legal science: history and modernity. 2019. No. 3. P. 75–80.

53. *Mursalimov K.R., Khabibulin A.G., Mitskaya E.V.* Some problems of formation and implementation of legal policy in Russia // Theory of state and law. 2024. No. 2–1 (37). P. 152–157. DOI: 10.25839/ MATGIP_2024_2-1_37_152.

54. Political and legal governance and threats to state sovereignty: Monograph / M.Yu. Gutman, S.I. Zakhartsev, N.V. Zorina [et al.]; under the general editorship of Doctor of Law, Professor V.P. Salnikov. 2nd ed., corrected. and additional. M.: INFRA-M, 2024. 423 p. (Scientific Thought).

55. Legal Policy of Russia (General Theoretical and Sectoral Problems): Study Guide / Ed. by A.V. Malko. M.: Yurlitinform, 2014. 456 p.

56. Gaps in Positive Law: Doctrine and Practice: Proceedings of the VI International Scientific Conference of Legal Theorists «Gaps in Positive Law: Doctrine and Practice» (Moscow, February 20–21, 2020) / T.Ya. Khabrieva, S.V. Lipen, V.V. Lazarev et al.; ed. N.N. Chernogor. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Publishing House «Jurisprudence», 2021. 464 p.

57. *Radushinsky D.A.* Experience in developing programs for the strategic development of urban agglomerations at the regional and municipal levels abroad and in Russia // Legal field of the modern economy. 2012. No. 2. P. 67–77.

58. *Rahimzoda R.Kh.* Operational-search policy and procedural activity in the interests of ensuring the economic security of the state // The world of politics and sociology. 2016. No. 2. P. 153–166.

59. *Romanets E.A.* Priorities of the state digital policy in healthcare in the context of strategic planning documents in the Russian Federation // Theory of State and Law. 2024. No. 3–2 (40). P. 147–156. DOI 10.25839/ MATGIP_2024_3–2_40_147.

60. Russian legal policy: Lecture course / Edited by N.I. Matuzov and A.V. Malko. M.: Norma, 2003. 520 p.

61. *Selivanov A.I., Khabibulin A.G.* Strategic security of the Russian state: political and legal research. M.: Formula of Law, 2011. 360 p.

62. *Semin A.N.* Food security as a factor in ensuring Russian national savings // Agro-food policy of Russia. 2022. No. 2–3. P. 39–41.

63. *Semitko A.P.* Development of legal culture as legal progress. (Problems of theory and methodology): Diss.... Doctor of Law. Ekaterinburg, 1996. 288 p.

64. *Smagin B.I.* Food security in the sphere of milk production and consumption: problems and prospects // Bulletin of Michurinsk State Agrarian University. 2022. No. 1 (68). P. 187–191.

65. Philosophical and legal knowledge: current problems: monograph / E.V. Vinogradova, A.O. Vorobyov, M.Yu. Gutman [et al.]; under the general editorship of Doctor of Law, Professor V.P. Salnikov. 2nd ed., corrected. and additional. Moscow: INFRA-M, 2025. 418 p. (Scientific Thought). DOI: 10.12737/2152004

66. Financial security of the Russian Federation in the context of intellectualization and automation of public relations: Monograph / Under the general editorship of prof. V.N. Anishchenko. M.: Moscow State University, 2025.

67. Financial Sovereignty and Financial Security of Russia: Threats and Risks: Monograph / Khabibulin A.G., A.V. Anishchenko, V.N. Anishchenko, E.V. Anishchenko, A.N. Vyborny; under the general editorship of A.G. Khabibulin. 2nd ed., expanded. and supplemented. Moscow: Moscow State University. Higher School of Public Audit, 2023. 480 p.

68. *Khabibulin A.G., Mursalimov K.R.* Ensuring migration security as a factor in Russia's strategic development: political and legal aspect // Migration law. 2024. No. 3. P. 3–5.

69. *Khabibulin A.G., Mursalimov K.R.* Formation of spiritual and moral values is the starting point of the legal policy of the modern Russian state // Legal science: history and modernity. 2020. No. 11. P. 181–194.

70. *Khabibulin A.G., Selivanov A.I.* Strategic security of the Russian state: political and legal research. M.: Formula of Law, 2008. 272 p.

71. *Chechelnitsky I.V.* The principle of justice in law // History of the state and law. 2014. No. 6. P. 57–63.

72. *Chechelnitsky I.V.* Justice in lawmaking: theoretical and legal research: Abstract of Cand. of Law Dissertation. M., 2015. 28 p.

73. *Chechelnitsky I.V.* Justice and lawmaking: Monograph. M.: Prospect, 2021. 176 p.

74. *Shumkov D.V.* State Sovereignty of Russia: History and Modernity: Monograph. SPb.: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2002. 231 p.

75. *Ekimov A.I.* Axiom of the relationship between justice and law // The World of Politics and Sociology. 2015. No. 1. P. 13–23.

76. *Ekimov A.I.* Law in the context of justice: towards research methodology // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 2013. No. 2 (307). P. 51–61.

77. Economic security of the Russian Federation: Textbook for universities. In 2 parts. / Balakina A.P., Kvasha Yu.F., Tsypin I.S., Kichedzhi V.N., Prokopchuk A.V., Kovalev V.N., Aleksandrov A.I., Volkovsky V.I., Vasiliev N.N., Kvasha L.F., Kulbyua V.V., Salnikov, V.V. Ismagilov RF, Egorshin VM, Galliulin DL, Zrelov AP, Kormilitsyn AS, Ponizopa EV, Tambovtsev DYu, Tsypin SI, Mikhailov VM, Fedorov AV / Under general ed. S.W.Stepashina. Sci. ed. Yu.F.Kwasha, V.P.Salnikov. Consultant G.S.Poltavchenko. M., SPb.: All-Russian State Tax Academy; St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Lan, 2001. 608+ 640 p.

For citation: *Glushachenko S.B.* Political and legal support for food security of the Russian Federation // Theory of state and law. 2025. No. 2–1. P. 57–63.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_51

Научная статья

УДК: 34.0
ББК: 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_64

С.И. Захарцев*
В.П. Сальников**

КОМПРЕХЕНДНАЯ ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ ПРАВА И КОНТЕКСТ НОВЫХ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ РЕАЛИЙ

Аннотация. *Анализируется высказывание Президента США Д. Трампа о том, что он отменит все неумные законы, принятые предшественником. Показывается, что право бывает не только умным, но и неразумным. И такие факты встречаются в любой стране. В контексте разработанной авторами ранее компрехендной теории права отмечается, что право – сложное, многогранное и противоречивое явление.*

Ключевые слова: *право, закон, философия, познание, юридическая наука, тромбозы права, компрехендная теория права.*

Перед написанием этой статьи хочется сделать лирическое отступление. Недавно пересматривали замечательный фильм Эльдара Рязанова «Жестокий романс» и обратили внимание на песню с его же словами:

Я, словно бабочка, к огню
Стремилась так неодолимо
В Любовь, волшебную страну,
Где назовут меня любимой...

Где бесподобен день любой,
Где не страшилась я б ненастья.
Прекрасная страна- Любовь,
Страна – Любовь,
Ведь только в ней бывает счастье!

Пришли иные времена,-
Тебя то нет, то лжешь, не морщась.
Я поняла, Любовь – страна,
Где каждый человек притворщик...

Моя беда, а не вина,
Что я наивности образчик.
Любовь – обманная страна,
Обманная страна,
И каждый житель в ней – обманщик.

* **Захарцев Сергей Иванович,** профессор Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, академик Российской академии естественных наук. E-mail: zakhartsev2306@mail.ru

** **Сальников Виктор Петрович,** профессор Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. E-mail: Fonduniver@bk.ru

Зачем я плачу пред тобой
И улыбаюсь так некстати?
Неверная страна – Любовь,
Там каждый человек – предатель.

Но снова прорастёт трава
Сквозь все преграды и напасти.
Любовь – весенняя страна,
Ведь только в ней бывает счастье.

В этих стихах великий режиссер Э. Рязанов ярко показал, насколько многогранна и противоречива любовь, сущность которой, казалось бы, понятна всем с детства.

Прошло уже более десятка лет, когда мы предложили российскому, а затем и мировому юридическому сообществу компрехендную теорию познания права. В ней мы не спорили, чего больше в праве – гуманизма, воли господствующего класса, жестокости, глупости и т.д. Мы показали и обосновали, что право многогранно, оно включает и прекрасно сочетает в себе как эти, так и другие грани (см. например, [8; 9; 18; 19; 10; 17]).

Юристам и философам мира понравилось наше сравнение права с бриллиантом. Как известно, наиболее распространенная огранка бриллианта составляет 57 граней. Но нельзя, недопустимо оценивать бриллиант только по одной из его граней. Равно как недопустимо и невозможно оценить только по одной грани право. Его, как и бриллиант, следует оценивать всесторонне, комплексно, многогранно.

Исторически сколько было различных концепций понимания права? Казалось бы, немало (естественная, позитивистская, договорная, психологическая, историческая, социологическая и т.д.). Однако их и не так много, как граней бриллианта. Мы предполагаем, что пока не будет создано значительное количество самостоятельных концепций, объективно и полно раскрывающих конкретные грани права, его всеобщего понятия достичь не удастся. Но как только количество определений права достигнет критической массы, оно перерастет в качество, необходимое для соответствующего уровня теоретического синтеза, в результате чего мы получим понимание права уже на совершенно новом уровне.

Приятно, что наше сравнение права с бриллиантом прочно вошло в философскую и теоретико-правовую литературу не только России, но и зарубежья, что подтверждает перевод наших книг на иностранные языки и издание даже в недружественных государствах и находящихся там вузах, в том числе в Кембридже [31; 32].

Предметом компрехендной теории познания права является само право как сложное, противоречивое, многоаспектное, динамично меняющееся социальное явление, оцениваемое без господства какой-либо правовой концепции.

Предмет теории компрехендного изучения права включает также:

– Закономерности диалектических сущностных противоречий в праве и правовом бытии (некоторые из них были названы).

– Закономерности влияния на адекватную и объективную оценку права и правовой реальности сторонних факторов (к таким факторам относятся экономика, политика, идеология, роль руководителя государства и др.)

– Перспективы развития права в контексте правовой реальности.

Мы все более убеждаемся, что компрехендная теория – наиболее точный путь познания права. И убеждены, что право и сейчас, и в дальнейшем будет пониматься именно так [11; 12; 15; 20].

При этом всегда надо помнить, что право – причем любое право! – несовершенно. Каким бы право ни казалось хорошим, оно – объективно! -всегда требует разъяснений, дополнений, уточнений, толкований. Одних толкований существует несколько видов. Причем нередко бывает так, что эти толкования тоже противоречат друг другу.

В рамках компрехендной теории мы периодически раскрываем те или иные грани права, показываем малозаметные грани, ставим вопрос о существовании новых граней, что

привлекает внимание ученых и, по их мнению, помогает глубже познать право [см. например, 1; 2; 3; 4; 5; 21; 22; 23; 25; 26; 30].

В этой статье мы опять хотим обратить внимание на редкооцениваемые грани. Поводом для написания стало выступление Д. Трампа при его вступлении в должность Президента США. Этот человек уверенно и решительно заявил, что отменит все неумные законы, принятые в США предыдущим президентом Д. Байденом. Добавим, что от проводимой в США политики сейчас объективно зависят (или по меньшей мере учитывают) многие государства. Первое выступление нового президента США транслировалось на весь мир и его, несомненно, смотрели десятки миллионов человек. Здесь вспоминается жизненное кредо, отличающее Д. Трампа. Он полагает: «Для меня все очень просто: если уж вы собираетесь что-либо обдумать, обдумывайте это по-крупному» [6; 7, с. 33]; по-крупному, вероятнее всего, он планирует и указанную выше акцию с неумными законами.

Не все обратили внимание на приведенную нами фразу, но она значима причем именно для познания права. Ей Д. Трамп признал, что право содержит неумные (глупые, неразумные, нецелесообразные, бесполезные и др.) нормы. Причем такие нормы содержатся в праве США – одного из наиболее успешных и развитых государств. Вспомните, еще каких-то тридцать лет назад при первом Президенте России Б. Ельцине именно США была ориентиром для нашей страны в части организации правовой системы. А вот теперь получаем признание – неумных законов в Америке хватает и их надо отменять! То есть, все также как в России или в любой другой стране! На самом деле, право везде многогранно. И в любой стране содержит в том числе и глупость.

Пока лишь в очередной раз зафиксируем грань – право бывает неумным.

Следующая грань права тоже проявилась очень ярко: нормы права – хотим мы это признавать или нет! – органично связаны с лицом, их принимающим, проводимой этим лицом политикой, его взглядами, ценностями, воспитанием и даже слабостями.

История России помнит много случаев, когда один царь (государь, великий князь, император, градоначальник и др.) проводил одну политику, а преемник его же действия вскоре отменял, критиковал, предавал анафеме. Подобные факты еще до революционных событий XX века хорошо подмечены знаменитым писателем и по совместительству царским государственным деятелем М.Е. Салтыковом-Щедриным в романе «История одного города».

Собственно, вспомним. Во всех Империях право было «под одного руководителя». И все эти империи рано или поздно разрушались. Потому, в том числе, что право было для одного руководителя. Менялся человек, менялись его личностные качества, и Империя рушилась.

То же происходило и во времена СССР – преемник нередко уничтожал действия предшественника. Причем право может зависеть не только от разумности и воспитания, но и просто от привычек первого лица. Банально: непьющий М. Горбачев начал антиалкогольную компанию, что заставило право повернуться в одну сторону. Сменивший его в России сильно пьющий Б. Ельцин в части продажи алкоголя, самогоноварения, употребления спиртного нормы права перевернул.

Право нельзя понимать исключительно как чистое и светлое облако и сводить к гуманистическим проявлениям. Право – это надо признавать – содержит много нелогичностей, ошибок, изъянов и т.д. [см. например, 18, с. 166–173]. Более того, – это тоже надо объективно осознавать! – право регулирует притворство, а подчас и предательство последующих руководителей.

Следующий вопрос философский: какие нормы права считать неумными? Мы не раз анализировали это, предлагали различные классификации, которые в целом пришлись юридическому сообществу по духу [13; 14]. Но ведь бывают ситуации, когда ту или иную норму нельзя однозначно отнести к умной или глупой. Нам часто вспоминается пример из истории российского государства и права, который любили преподавать в советской средней школе: Петр I заставил знать сбривать бороды. В советской системе образования это подавалось как позитивный шаг, направленный на большую европеизацию и развитие Руси.

Возможно, так и было. Но дело ли государства и права решать: носить бороду или не носить, мыться или не мыться и т.д. С определенным ужасом предполагаем обратный вариант: а что если новый правитель заставит мужчин бороды носить? А может ли право в принципе так глубоко внедряться в личное пространство?

В последние десятилетия принято много законов, которые трудно однозначно и быстро отнести к умным или глупым. Даже в такой наиболее консервативной отрасли права как уголовной. Например, ликвидация уголовной ответственности за оскорбление и клевету – это умное решение или нет?

При изучении сущности права надо всегда учитывать и его другую грань, о которой тоже не принято писать. В последние годы, характеризующиеся возникающими во всем мире вооруженными конфликтами, наблюдаются кризисные явления в международном праве. Эти кризисные явления естественно и неизбежно отражаются на внутреннем законодательстве и правоприменительной системе государств. В них принимается множество нормативно-правовых актов, которые на самом деле противоречат друг другу, требуют постоянных дополнений и уточнений. Такие дополнения быстро принимаются, причем без учета уже имеющихся других норм и вновь требуют уточнений. И так без конца. В результате законодательство еще более запутывается и поэтому не работает или работает не эффективно. Оно и не может работать, так как один нормативно-правовой акт противоречит другому. Показанная ситуация естественно развивает коррупцию.

В медицине существует всем печально известный термин «тромбоз» (тромбоз: др.-греч. θρόμβος – «сгусток) – процесс прижизненного формирования внутри кровеносных сосудов свёртков крови (тромбов), препятствующих свободному току крови.

Тромбозы (неоправданные сгустки) имеются и в праве. Их можно так и назвать «тромбоз права». Тромбозы права, как правило, происходят при масштабных реформах, смене политического и экономического курса, войнах, революциях и др.

В контексте изложенного, кроме введения понятия «тромбоз права», мы хотели бы обозначить еще одну возможную грань: право – как источник собственных проблем. О ней – ее наличии или отсутствии – мы порассуждаем в следующих публикациях.

Сейчас же хотим обратить внимание на следующий парадокс. Всем известно, что источником мудрости как правило выступает собственный опыт. В свою очередь опыт – по пословице – сын ошибок трудных, то есть источником опыта часто выступают собственные ошибки и глупые поступки. Поэтому не стоит гордиться своей мудростью, за ней нередко стоят промахи и то, что ошибались и глупили вы чаще, чем менее мудрый. Выводов два: между умными и мудрыми не надо ставить знак равенства. И – второе – желательно, чтобы право исходило от взвешенных, разносторонних, вдумчивых, опирающихся на науку, то есть от умных.

Право надо спокойно познавать, выискивать и раскрывать все его грани. Зададим парадоксальные вопросы. Может ли современное право включать придумки и небылицы? Оказывается, может. Например, в США в Урбане чудовищам запрещено заходить в пределы города. А может ли содержать откровенную глупость? Конечно. В том же США в Индиане противозаконно открывать консервные банки с помощью огнестрельного оружия, а в Пенсильвании нельзя ловить рыбу за какую-нибудь часть тела, кроме рта [18, с. 167; 24, с. 19–116].

Может ли право регулировать до конца не понятое и не изученное? Да. Например, возьмем космос и формирующееся сейчас космическое право, в том числе международное космическое право [16]. Или искусственный интеллект со всеми его положительными проявлениями, но также и с возможной опасностью. Пользуясь случаем, хотим обратить внимание на работы И.В. Семеновой, посвященные теории правового регулирования противодействия преступности, использующей искусственный интеллект [27; 28; 29].

По признанию коллег мы стали первыми учеными, попытавшимися предположить, каким будет право в XXII веке, о чем подготовили монографию [20]. Как написали в рецензии на нее доктора наук, профессора А.И. Александров, Р.Ф. Исмагилов, С.А. Комаров, А.Г. Ха-

бибулин и А.И. Экимов «…в книге радует сочетание глубины сугубо профессиональных знаний с академизмом подачи материалов. Это, пожалуй, первая в мире монография о праве, где ученые смотрят так далеко в будущее. Не просто глубоко и фундаментально. Но и далеко! Рецензируемая книга, несомненно, удалась! Она объективно и предельно четко показывает статус ее авторов в науке. В юридической литературе нам уже встречалось отнесение авторов монографии к числу выдающихся ученых. Ознакомление с книгой еще более подтвердило этот вывод» [1, с. 285].

Такие приятные слова, увы, сочетаются с тяжелыми утратами. В 2025 году один из авторов приведенной рецензии главный редактор журнала «Теория государства и права» профессор С.А. Комаров покинул нас… Память в нем навсегда сохранится не только в наших сердцах, но и в юридической науке.

Завершая статью, повторим, что право многогранно, противоречиво, сложно и интересно. А компрехендная теория познания права нам представляется наилучшим путем его изучения.

Библиографический список

1. *Александров А.И., Исмагилов Р.Ф., Комаров С.А., Хабибулин А.Г., Экимов А.И.* Право в XXII веке – грандиозная монография о будущем права // Теория государства и права. – 2024. – № 4. – С. 281–292.

2. *Александров А.И., Исмагилов Р.Ф., Кузнецов Э.В., Хабибулин А.Г., Экимов А.И.* Новое издание фундаментальной и знаковой для русской философии права книги: рецензия на монографию: Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2024. – 376 с. // Теория государства и права. – 2024. – № 2–1 (37). – С. 308–314.

3. *Баранов В.М.* Российская книга по философии права и юриспруденции на английском языке. Рецензия-презентация монографии С.И. Захарцева и В.П. Сальникова (The Philosophy o fLaw and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 1 (41). – С. 304–307.

4. *Борзова Е.П., Покровский И.Ф.* Замечательная публикация в Кембридже уникальной книги. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» (М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с.) и ее перевод: (S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018) // Мир политики и социологии. – 2018. – № 2. – С. 188–192.

5. *Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М.* Когда рецензию писать не только приятно, но и почетно. О книге С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука», переведенной на английский язык и изданной в Кембридже: Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p. // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – Т. 2. – № 52. – С. 206–208.

6. Дональд Трамп (Donald G. Trump, 1946), американский миллиардер // Трамп: Искусство совершения сделок (The Art of the deal, 1987); соавтор Тони Шварц (Tony Schwartz));

7. Дональд Трамп и другие... О проигрышах, успехе, репутации [сост. С.М. Акаренков]. – М.: РИПОЛ классик, 2011. – 192 с. – (Для бизнеса, для жизни).

8. *Захарцев С.И.* Некоторые проблемы теории и философии права: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с. DOI: 10.17513/np.468

9. *Захарцев С.И.* Право: новые идеи и прочтения: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 440 с. DOI 10.17513/np.453

10. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях суверенной метафизики права. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 376 с. DOI 10.12737/2134199.

11. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* XXII век и право. Размышления о будущем // Мониторинг правоприменения. – 2022. – № 4 (45). – С. 59–65.

12. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* XXII век: право будущего (идеи и размышления) // Теория государства и права. – 2022. – № 1 (26). – С. 80–92.

13. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* О разумности и бессмысленности права // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2016. – № 3(93). – С. 179–183.

14. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Отрицательное или негативно-развратное право // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 3. – С. 185–189.

15. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Право в XXII веке // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 4. – С. 178–188.

16. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Размышления о космическом праве // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 1 (13). – С. 69–79.

17. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Современные подходы к познанию права и творчество профессора О.Э. Лейста // Ценность права (к 100-летию со дня рождения О.Э. Лейста): монография / отв. ред. Е.А. Фролова. – М.: Проспект, 2025. – С. 73–80.

18. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия и юридическая наука: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 424 с. DOI: 10.17513/np.491

19. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия. Философия права. Юридическая наука. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. DOI 10.17513/np.454

20. *Захарцев С.И., Сальников В.П., Гасумянов В.И.* Право в XXII веке: монография. – М.: Юрлитинформ, 2024. – 264 с.

21. *Зоир Дж.М., Холикзода А.Г.* Выдающиеся российские юристы В.П. Сальников и С.И. Захарцев выпустили новый фундаментальный труд. Рецензия на монографию «Философия и юридическая наука». – М.: Юрлитинформ, 2019. – 424 с. // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. Научный журнал. – 2021. – № 2(50). – С. 77–84.

22. *Керимов Д.А.* В развитие дискуссии о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 68–73.

23. *Керимова Т.В.* Классическая монография о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с. // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 168–172.

24. *Кромби Д.* Самые глупые законы мира. – М.: Городец, 2008. –128 с.

25. *Раянов Ф.М., Галиев Ф.Х.* Поздравляем с выходом новой фундаментальной книги. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия и юридическая наука». М.: Юрлитинформ, 2019. 424 с. // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 1 (55). – С. 181–188.

26. *Раянов Ф.М., Галиев Ф.Х.* Фундаментальная философская книга о праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева, Д.В. Масленникова, В.П. Сальникова «Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М.: Юрлитинформ, 2019. 376 с.» // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 2. – С. 177–182.

27. *Семенова И.В.* Криминалистическая классификация преступлений в сфере цифровой информации: информационные признаки // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 10. – № 4. – С. 419–424.

28. *Семенова И.В.* Нормативное правовое регулирование ответственности за правонарушения в сфере информационной безопасности // Образование и право. – 2023. – № 5. – С. 119–124.

29. *Семенова И.В.* Социальная природа преступлений в сфере цифровой информации// Вестник Санкт-Петербургского института войск национальной гвардии. – 2024. – № 2 (7). – С. 63–71.

30. *Степашин С.В.* На пути к суверенной философии права России. А.И. Бастрыкин, Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников. Идея добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / вступ. слово А.И. Александрова. СПб.: Фонд «Университет», 2021. – 380 с. (Серия «Наука и общество»); С.И. Захарцев, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с. // Государство и право. – 2024. – № 4. – С. 86–93.

31. *Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P.* The Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. The Speculative and Logical Foundations of the Metaphysics of Law. – London: Europe Books. 2021. – 450 p. DOI 10.17513/np.490

32. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* The Philosophy of Law and Legal Science. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. – 270 p. DOI: 10.17513/np.452

Для цитирования: *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Компрехендная теория познания права и контекст новых реалий (на примере выступления Д. Трампа) // Теория государства и права. – 2025. – № 2-1. – С. 64–69.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_64

THE COMPREHENSIVE THEORY OF LEGAL COGNITION AND THE CONTEXT OF NEW INTERNATIONAL LEGAL REALITIES

Sergey I. Zakhartsev[*]
Viktor P. Salnikov[**]

Annotation. *The article analyzes the statement of the US President D. Trump that he will cancel all the stupid laws adopted by his predecessor. It is shown that law can be not only smart, but also unreasonable. And such facts are found in any country. In the context of the comprehend theory of law developed earlier by the authors, it is noted that law is a complex, multifaceted and contradictory phenomenon.*

Keywords: *law, law, philosophy, cognition, legal science, thromboses of law, comprehend theory of law.*

Before writing this article, I would like to make a lyrical digression. We recently watched Eldar Ryazanov's wonderful film "Cruel Romance" and noticed a song with his own words.:

I, like a butterfly,
strove to the fire so irresistibly
To Love, the magical land,
Where they will call me beloved...

Where any day is incomparable,
Where I would not be afraid of bad weather.
A wonderful country – Love,
A country – Love,
Because only there is happiness!

Other times have come –
You are either not there, or you lie without wincing.
I realized, Love is a country,
Where every person is a pretender...
My misfortune, not my fault,
That I am an example of naivety.
Love is a deceitful country,
A deceitful country,
And every inhabitant in it is a deceiver.

Why do I cry in front of you
And smile so inopportunely?
An unfaithful country – Love,
There every person is a traitor.
But the grass will grow again
Through all the obstacles and misfortunes.
Love is a spring country,
Because only there is happiness.

[*] **Zakhartsev Sergey Ivanovich**, Professor of the Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (St. Petersburg, Russia) E-mail: zakhartsev2306@mail.ru

[**] **Salnikov Viktor Petrovich**, Professor of the Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia) E-mail: Fonduniver@bk.ru

In these verses, the great director E. Ryazanov vividly showed how multifaceted and contradictory love is, the essence of which, it would seem, is clear to everyone from childhood.

More than ten years have passed since we proposed to the Russian and then to the world legal community a comprehend theory of knowledge of law. In it, we did not argue about what is more in law – humanism, the will of the ruling class, cruelty, stupidity, etc. We showed and substantiated that law is multifaceted, it includes and perfectly combines both these and other facets (see, for example, [8; 9; 18; 19; 10; 17]).

Lawyers and philosophers of the world liked our comparison of law with a diamond. As is known, the most common cut of a diamond is 57 facets. But it is impossible, inadmissible to evaluate a diamond by only one of its facets. Just as it is inadmissible and impossible to evaluate law by only one facet. It, like a diamond, should be evaluated comprehensively, comprehensively, multifacetedly.

Historically, how many different concepts of understanding law have there been? It would seem that there are quite a few (natural, positivistic, contractual, psychological, historical, sociological, etc.). However, there are not as many of them as there are facets of a diamond. We assume that until a significant number of independent concepts are created that objectively and fully reveal specific facets of law, its universal concept will not be achieved. But as soon as the number of definitions of law reaches a critical mass, it will develop into the quality necessary for the corresponding level of theoretical synthesis, as a result of which we will receive an understanding of law at a completely new level.

It is gratifying that our comparison of law with a diamond has become firmly established in the philosophical and theoretical legal literature not only in Russia but also abroad, which is confirmed by the translation of our books into foreign languages and their publication even in unfriendly states and universities located there, including Cambridge [31; 32].

The subject of the comprehend theory of knowledge of law is law itself as a complex, contradictory, multi-faceted, dynamically changing social phenomenon, assessed without the dominance of any legal concept.

The subject of the theory of comprehend study of law also includes:

– Patterns of dialectical essential contradictions in law and legal existence (some of them were named).

– Patterns of influence on an adequate and objective assessment of law and legal reality of external factors (such factors include economics, politics, ideology, the role of the head of state, etc.)

– Prospects for the development of law in the context of legal reality.

We are increasingly convinced that comprehend theory is the most accurate way of understanding law. And we are convinced that law, both now and in the future, will be understood in precisely this way [11; 12; 15; 20].

At the same time, it is always necessary to remember that law – any law! – is imperfect. No matter how good the law may seem, it – objectively! – always requires explanations, additions, clarifications, interpretations. There are several types of interpretations. Moreover, it often happens that these interpretations also contradict each other.

Within the framework of comprehend theory, we periodically reveal certain aspects of the law, show inconspicuous aspects, raise the question of the existence of new aspects, which attracts the attention of scientists and, in their opinion, helps to gain a deeper understanding of the law (see, for example, [1; 2; 3; 4; 5; 21; 22; 23; 25; 26; 30]).

In this article we would like to draw attention to rarely appreciated aspects again. The reason for writing was D. Trump's speech upon his inauguration as President of the United States. This man confidently and decisively declared that he would repeal all the stupid laws adopted in the United States by the previous President D. Biden. Let us add that many countries objectively depend on (or at least take into account) the policies pursued in the United States. The first speech of the new US President was broadcast to the whole world and was undoubtedly watched by tens of millions of people. Here we recall the life credo that distinguishes D. Trump. He believes: "For me, it's all very simple: if you're going to think about something, think about it big" [6; 7, p. 33]; most likely, he is planning the above-mentioned action with stupid laws big.

Not everyone paid attention to the phrase we cited, but it is significant, and specifically for understanding the law. D. Trump admitted that the law contains stupid (foolish, unreasonable, inappropriate, useless, etc.) norms. Moreover, such norms are contained in the law of the USA – one of the most successful and developed countries. Remember, some thirty years ago, under the first President of Russia B. Yeltsin, it was the USA that was the benchmark for our country in terms of organizing the legal system. But now we get recognition – there are enough stupid laws in America and they need to be repealed! That is, everything is the same as in Russia or any other country! In fact, the law is multifaceted everywhere. And in any country it also contains stupidity.

For now, let us just once again establish the line: the law can be stupid.

The next facet of law also became very clear: legal norms – whether we want to admit it or not! – are organically linked to the person who accepts them, the policy pursued by this person, his views, values, upbringing and even weaknesses.

The history of Russia remembers many cases when one tsar (sovereign, grand duke, emperor, mayor, etc.) pursued one policy, and his successor soon cancelled, criticized, or anathematized his actions. Such facts were well noted by the famous writer and part-time tsarist statesman M.E. Saltykov-Shchedrin in his novel "The History of a City" even before the revolutionary events of the 20th century.

Actually, let's remember. In all Empires, the law was "under one leader". And all these empires sooner or later collapsed. Because, among other things, the law was for one leader. The person changed, his personal qualities changed, and the Empire collapsed.

The same thing happened during the Soviet era – the successor often destroyed the actions of the predecessor. Moreover, the law may depend not only on the rationality and upbringing, but also simply on the habits of the first person. It is trivial: the non-drinking M. Gorbachev started an anti-alcohol campaign, which forced the law to turn in one direction. His successor in Russia, the heavy drinker B. Yeltsin, turned the rules of law upside down in terms of alcohol sales, moonshine production, and alcohol consumption.

Law cannot be understood solely as a pure and bright cloud and reduced to humanistic manifestations. Law – this must be acknowledged – contains many illogicalities, errors, flaws, etc. (see, for example, [18, pp. 166–173]). Moreover – this must also be objectively recognized! – law regulates pretense, and sometimes even betrayal, of subsequent leaders.

The next question is philosophical: what legal norms should be considered stupid? We have analyzed this more than once, proposed various classifications, which have generally found favor in the legal community [13; 14]. But there are situations when a particular norm cannot be clearly classified as smart or stupid. We often recall an example from the history of the Russian state and law, which was popularly taught in Soviet secondary schools: Peter I forced the nobility to shave their beards. In the Soviet education system, this was presented as a positive step aimed at greater Europeanization and development of Russia. Perhaps this was the case. But is it the business of the state and law to decide whether to wear a beard or not, to wash or not to wash, etc.? With some horror, we assume the opposite option: what if the new ruler forces men to wear beards? And can law in principle penetrate so deeply into personal space?

In recent decades, many laws have been adopted that are difficult to clearly and quickly classify as smart or stupid. Even in the most conservative branch of law, criminal law. For example, the elimination of criminal liability for insult and slander – is this a smart decision or not?

When studying the essence of law, one must always take into account its other side, which is also not usually written about. In recent years, characterized by armed conflicts emerging all over the world, crisis phenomena have been observed in international law. These crisis phenomena naturally and inevitably affect the domestic legislation and law enforcement system of states. They adopt many normative legal acts that actually contradict each other, require constant additions and clarifications. Such additions are quickly adopted, without taking into account other existing norms, and again require clarifications. And so on endlessly. As a result, legislation becomes even more confused and therefore does not work or does not work effectively. It cannot work, since one normative legal act contradicts another. The situation shown naturally develops corruption.

In medicine, there is a notorious term "thrombosis" (thrombosis: ancient Greek θρόμβος – "clot") – the process of the formation of blood clots (thrombi) inside blood vessels during life, which impede the free flow of blood.

Thromboses (unjustified clots) also occur in law. They can be called "thromboses of law". Thromboses of law, as a rule, occur during large-scale reforms, changes in political and economic course, wars, revolutions, etc.

In the context of the above, in addition to introducing the concept of "thrombosis of law", we would like to designate another possible facet: law as a source of its own problems. We will discuss it – its presence or absence – in the following publications.

Now we would like to draw attention to the following paradox. Everyone knows that the source of wisdom is usually one's own experience. In turn, experience – as the proverb says – is the son of difficult mistakes, that is, the source of experience is often one's own mistakes and stupid actions. Therefore, one should not be proud of one's wisdom, behind it there are often blunders and the fact that you made mistakes and were stupid more often than a less wise person. There are two conclusions: there is no need to put an equal sign between the smart and the wise. And – secondly – it is desirable that the law comes from balanced, versatile, thoughtful people, relying on science, that is, from the smart.

Law must be calmly studied, sought out and revealed in all its facets. Let us ask paradoxical questions. Can modern law include fiction and fables? It turns out it can. For example, in the USA in Urbana monsters are forbidden to enter the city limits. But can it contain outright stupidity? Of course. In the same USA in Indiana it is illegal to open tin cans with a firearm, and in Pennsylvania it is forbidden to catch fish by any part of the body except the mouth [18, p. 167; 24, pp. 19–116].

Can law regulate something that is not fully understood and studied? Yes. For example, let's take space and the space law that is currently being formed, including international space law [16]. Or artificial intelligence with all its positive manifestations, but also with its possible danger. Taking this opportunity, we would like to draw attention to the works of I.V. Semenova, dedicated to the theory of legal regulation of combating crime using artificial intelligence [27; 28; 29].

According to our colleagues, we were the first scientists to try to guess what law would be like in the 22nd century, and we prepared a monograph about it [20]. As Doctors of Science, Professors A.I. Alexandrov, R.F. Ismagilov, S.A. Komarov, A.G. Khabibulin and A.I. Ekimov wrote in their review of it, "…the book pleases with its combination of the depth of purely professional knowledge and the academic presentation of the materials. This is perhaps the world's first monograph on law, where scientists look so far into the future. Not just deeply and fundamentally. But also far! The book under review is undoubtedly a success! It objectively and extremely clearly shows the status of its authors in science. In legal literature, we have already encountered the inclusion of the authors of the monograph among outstanding scientists. Familiarization with the book further confirmed this conclusion" [1, p. 285].

Such pleasant words, alas, are combined with heavy losses. In 2025, one of the authors of the above review, the editor-in-chief of the journal "Theory of State and Law", Professor S.A. Komarov, left us... His memory will forever remain not only in our hearts, but also in legal science.

In conclusion of the article, we will repeat that law is multifaceted, contradictory, complex and interesting. And the comprehend theory of knowledge of law seems to us to be the best way to study it.

Bibliographic list

1. *Aleksandrov A.I., Ismagilov R.F., Komarov S.A., Khabibulin A.G., Ekimov A.I.* Law in the 22nd century – a grandiose monograph on the future of law // Theory of state and law. 2024. No. 4. P. 281–292.

2. *Aleksandrov A.I., Ismagilov R.F., Kuznetsov E.V., Khabibulin A.G., Ekimov A.I.* New edition of a fundamental and significant book for Russian philosophy of law: review of the monograph: Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the Issue of Speculative-Logical Foundations of the Metaphysics of Law. – 2nd ed., corrected. and additional. M.: Norma; INFRA-M, 2024.--376 p. // Theory of State and Law. 2024. No. 2–1 (37). P. 308–314.

3. *Baranov V.M.* Russian book on the philosophy of law and jurisprudence in English. Review and presentation of the monograph by S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov (The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p.) // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1 (41). P. 304–307.

4. *Borzova E.P., Pokrovsky I.F.* A remarkable publication in Cambridge of a unique book. Review of the monograph by S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov "Philosophy. Philosophy of Law. Legal Science" (Moscow: Yurlitinform, 2015. 264 p.) and its translation: (SI Zakhartsev, VP Salnikov. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018) // Mir politicians And sociology. 2018. No. 2. P. 188–192.

5. *Galiev F.Kh., Rayanov F.M.* When writing a review is not only pleasant, but also honorable. About the book by S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov "Philosophy. Philosophy of Law. Legal Science", translated into English and published in Cambridge: Zakhartsev SI, Salnikov VP The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p. // Legal state: theory and practice. 2018. Vol. 2. No. 2. P. 206–208.

6. Donald Trump G. Trump, 1946, American billionaire // Trump: The Art of the Deal (The Art of the deal, 1987); co-author Tony Schwartz (Tony Schwartz)).

7. Donald Trump and others... About losses, success, reputation [compiled by S.M. Akarenkov]. M.: RIPOL classic, 2011. 192 p. (For business, for life).

8. *Zakhartsev S.I.* Some problems of the theory and philosophy of law: Monograph / Under the general editorship of V.P. Salnikov. M.: Norma, 2014. 208 p. DOI: 10.17513/np.468

9. *Zakhartsev S.I.* Law: new ideas and readings: Monograph. M.: Yurlitinform, 2021. 440 p. DOI 10.17513/np.453

10. *Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P.* Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky - the Speculative-Logical Foundations of the Sovereign Metaphysics of Law. – 2nd ed., corrected and enlarged. M.: Norma: INFRA-M, 2024. 376 p. DOI: 10.12737/2134199.

11. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* XXII century and law. Reflections on the future // Monitoring of law enforcement. 2022. No. 4 (45). pp. 59–65.

12. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* XXII century: the law of the future (ideas and reflections) // Theory of state and law. 2022. No. 1 (26). P. 80–92.

13. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* On the reasonableness and meaninglessness of law // Bulletin of the Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences. 2016. No. 3 (93). P. 179–183.

14. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Negative or negative-depraved law // Legal science: history and modernity. 2018. No. 3. P. 185–189.

15. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Law in the XXII century // Legal science: history and modernity. 2023. No. 4. P. 178–188.

16. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Reflections on Space Law // Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University. 2022. No. 1 (13). P. 69–79.

17. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Modern approaches to the knowledge of law and the work of Professor O.E. Leist // The Value of Law (on the 100th anniversary of O.E. Leist's birth): monograph / ed. E.A. Frolova. M.: Prospect, 2025. P. 73–80.

18. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Philosophy and legal science: Monograph. M.: Yurlitinform, 2019. 424 p. DOI: 10.17513/np.491

19. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Philosophy. Philosophy of Law. Legal Science. M.: Yurlitinform, 2015. 264 p. DOI: 10.17513/np.454

20. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P., Gasumyanov V.I.* Law in the XXII century: monograph. M.: Yurlitinform, 2024. 264 p.

21. *Zoir J.M., Kholikzoda A.G*. Outstanding Russian lawyers V.P. Salnikov and S.I. Zakhartsev have published a new fundamental work. Review of the monograph "Philosophy and Legal Science". M.: Yurlitinform, 2019.-- 424 p. // Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan. Scientific journal. 2021.-- No. 2 (50). P. 77–84.

22. *Kerimov D.A.* In development of the discussion on philosophy and law. Review of the monograph by S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov "Philosophy. Philosophy of Law. Legal Science" M.: Yurlitinform, 2015. 264 p. // Legal field of modern economy. 2015. No. 1. P. 68–73.

23. *Kerimova T.V.* Classic monograph on philosophy and law. Review of the monograph by S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov "Philosophy. Philosophy of Law. Legal Science" Moscow: Yurlitinform, 2015. 264 p. // Legal Science: History and Modernity. 2016. No. 5. P. 168–172.

24. *Crombie D.* The stupidest laws of the world. M.: Gorodets, 2008. –28 p.

25. *Rayanov F.M., Galiev F.Kh.* Congratulations on the release of a new fundamental book. Review of the monograph by S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov "Philosophy and Legal Science". Moscow: Yurlitinform, 2019. 424 p. // Legal state: theory and practice. 2019. No. 1 (55). P. 181–188.

26. *Rayanov F.M., Galiev F.Kh.* Fundamental philosophical book on law. Review of the monograph by S.I. Zakhartsev, D.V. Maslennikov, V.P. Salnikov "Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the issue of speculative-logical foundations of the metaphysics of law. Moscow: Yurlitinform, 2019. 376 p. "// Legal state: theory and practice. 2019. No. 2. P. 177–182.

27. *Semenova I.V.* Forensic classification of crimes in the field of digital information: information features // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. 2024. V. 10. No. 4. P. 419–424.

28. *Semenova I.V.* Normative legal regulation of liability for offenses in the field of information security // Education and Law. 2023. No. 5. P. 119–124.

29. *Semenova I.V.* Social nature of crimes in the field of digital information// Bulletin of the St. Petersburg Institute of the National Guard Troops. 2024. No. 2 (7). P. 63–71.

30. *Stepashin S.V.* Towards a Sovereign Philosophy of Law of Russia. The Idea of Good in the Works of F.M. Dostoevsky and Its Influence on the Development of the Philosophy of Law (on the 200th Anniversary of F.M. Dostoevsky) / introduction by A.I. St. Petersburg: University Foundation, 2021. 380 p. (Science and Society Series); Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the Issue of the Speculative-Logical Foundations of the Metaphysics of Law. Moscow: Yurlitinform, 2019. – 376 p. // State and Law. 2024. No. 4. P. 86–93.

31. *Zakhartsev S.I., Maslennikov DV, Salnikov V.P.* The Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. The Speculative and Logical Foundations of the Metaphysics of Law. London: Europe Books. 2021. 450 p. DOI: 10.17513/np.490

32. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p. DOI: 10.17513/np.452

For citation: *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Comprehend theory of knowledge of law and the context of new realities (on the example of D. Trump's speech) // Theory of state and law. 2025. No. 2–1. P. 70–75.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_64

Научная статья

УДК: 340.12
ББК: 67
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_76

Р.Ф. Исмагилов[*]
В.П. Сальников[**]
И.И. Еникеева[***]
А.А. Луговой[****]

ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ХРИСТИАНСКОЙ И ИСЛАМСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА РОССИИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

Аннотация. *Идея справедливости составляет общее основание философии права, относящейся как к христианской, так и к исламской традиции. В статье рассматриваются особенности реализации идеи справедливости в исламском праве. С этой целью, в аспекте исторической ретроспективы анализируются традиционные принципы исламского права – усуль аль-фикх, их роль в обеспечении справедливости в обществе. Переоценка и реконструкция исламского правового наследия помогает находить религиозно-философские и нормативные решения для ответа на новые социальные вызовы и актуализировать возможности, предоставляемые цифровым миром.*

Ключевые слова: *справедливость, добро, право, мораль, христианство, ислам, правовая традиция, цифровое общество, российская правовая система.*

Поскольку российская правовая система существует в многонациональном социуме Российского государства, постольку особо важны для нее имеют те нравственно-правовые ценности, которые в равной мере значимы для тех народов, чьи ценности и идеалы сформировались под влиянием различных религиозных системы. К числу таких ценностей в первую очередь относится идея справедливости. Отношение права и справедливости – традиционная проблема этики и философии права, как в исламской, так и в христианской традиции, с учетом того, что обе традиции имеют одним из своих источников античную философию.

В античности именно идея абсолютного добра, или блага, явилась одной из первых философских категорий, объединивших собой онтологические и этические смыслы сущего [2, с. 270–271].Достигнутое античной философией понимание единства мироздания как абсолютного добра было положено в основу картины мира великими мировыми религиями: сначала христианством, а затем исламом. Эти мировые религии в своем богословском

[*] **Исмагилов Рашид Фаатович**, профессор Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук. E-mail: filippova@lotpp.ru

[**] **Сальников Виктор Петрович,** профессор Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. E-mail: fonduniver@bk.ru

[***] **Еникеева Ирида Ирековна,** профессор кафедры международных отношений, истории и востоковедения Уфимского государственного нефтяного технического университета, доктор философских наук. E-mail: zekrist@mail.ru

[****] **Луговой Александр Александрович,** профессор кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор философских наук, профессор. E-mail: aalugovoi@mail.ru

наследии опирались на труды Платона и Аристотеля [1; 4; 15; 31; 33]. Сила абсолютного добра как целевой причины была истолкована исламскими и христианскими богословами прежде всего как сила нравственного начала, а понимание души как целевой причины для тела трансформировалось в ее абсолютном измерении в идею бессмертия души (которую, напомним, Ф.М. Достоевский называл высшей идеей, истоком всех идей человечества [28]).Эта родовая общность в понимании коренных вопросов устройства мироздания, сущности бытия, природы добра и зла, присущая исламу и христианству, исключительно важна для нашего многонационального и многоконфессионального государства. Именно она составляет тот стержень, вокруг которого формируется общая система нравственных и правовых ценностей народов России. Эта система ценностей, в конечном итоге, и объединяет их, определяя единство российской государственности и ее суверенность [27].

Как мы знаем, в рамках христианской традиции сложились три основные правовые парадигмы – естественное право как субстанция позитивного права у Фомы Аквинского [14; 18]; идея позитивного права, выведенная из действия субъекта – общественный договор Гоббса и Локка [12; 16; 20; 21; 29]; классическая немецкая философия права развивает понимание права, основанное на развернутой философской интерпретации христианской идеи свободы [23]. При глубоком различии, все они объединены одним – стремлением к обоснованию права посредством идеи справедливости как системообразующей категории правового мышления [7, с. 7–12].

Изучая развитие западной философии права в ее классический период от Платона до Гегеля, мы видим почти без исключения, что в качестве исходной посылки развития правовой теории выступает указание на связь идеи права с идеей справедливости как высшей ценности. Именно это, ценностное, измерение права и правовых отношений как раз и определяется глубокой внутренней связанностью права с идеей справедливости, которую Платон соотносил с идеей блага, или абсолютного добра, являющейся формой проявления высшего единства бытия. В этой идее человек находит свое глубочайшее основание, свое внутреннее содержание, смысл своей жизни. Постигая идею справедливости, человек одновременно осознает и абсолютную значимость идеи права, так что следование юридическим законам предстанет ему точным проявлением справедливости.

«Право – это действительность, смысл которой заключается в том, чтобы служить правовой ценности, идее права. Понятие права также стремится к идее права. Идея права не может быть не чем иным, как справедливостью. “Est autem ius a iustitia, sicut a matre sua, ergo prius fuit iustitia quam his” (Глосса 1.1. pr. D. 1.1). (“Право порождено справедливостью, как матерью, ибо справедливость предшествовала праву”). И у нас есть также все основания рассматривать справедливость в качестве исходного пункта, так как Справедливое, подобно Добру, Истинному, Прекрасному – абсолютно, то есть ценность, которую нельзя вывести ни из какой другой ценности. Можно попытаться увидеть в справедливости форму морального Добра. Она таковой и является с точки зрения человеческих качеств, добродетели», – писал Г. Радбрух, в какой-то мере подводя в XX столетии итог трехтысячелетнему развитию правовой мысли Запада [26, с. 42].

Аксиологическая система исламской философии права также всегда включала в себя ряд понятий, среди которых понятие справедливости является стержневым. Согласно исламскому учению, Бог является вершителем справедливости, и это понятие пронизывает все сферы жизни, прежде всего, правовую систему. Ислам призывает к справедливости и равноправию перед законом, что отражается в российском праве, включая Конституцию и уголовный кодекс. Другой важной ценностью ислама является защита прав и свобод человека. В отличие от некоторых других философских систем права, ислам придает особое значение защите человеческого достоинства и призывает к справедливому обращению с людьми. В российской правовой системе эта ценность отражена в правах и свободах граждан, которые закреплены в Конституции. В частности, статья 2 ее определяет: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» .

Социально-правовая доктрина ислама сравнительно недавно стала темой отдельных исследований, что связано с тем, что долгое время ислам понимался в научной литературе как изначально единый комплекс социально-экономических, политических и религиозных воззрений, сформировавшийся на протяжении столетий и неизменный до сегодняшнего дня. Как верно отмечает Р.Г. Измайлов, «исследование социальных аспектов исламского вероучения, с научной точки зрения, планомерно началось в XIX в., когда закладывались основы востоковедения в целом. Однако изучение социальной доктрины ислама велось преимущественно в рамках трудов по истории исламской культуры и особенно по мусульманскому праву. Такая тенденция всё ещё сильна и в наши дни» [13, с. 42].

Благодаря работам отечественных ученых, имеющих неоспоримый авторитет в международном научном сообществе, стало возможным подробно ознакомиться не только с историей ислама в России и за её пределами, но и проанализировать процесс формирования и развития духовных управлений мусульман, исламских партий, движений и союзов. В трудах рассматриваются проблемы теории и исторической практики ислама в России и за рубежом, исследуются вопросы соотношения веры, науки и нравственности в исламе, причины возникновения экстремизма в мусульманской среде, а также исламофобии в обществе. На наш взгляд, анализу интеграции правовых ценностей ислама в систему современной российской философии права и правотворческой деятельности уделяется недостаточно внимания, что, безусловно, должно быть восполнено в исследованиях современных российских специалистов.

По исламскому праву, основная норма заключается в том, что законный суверенитет над всей вселенной принадлежит одному Аллаху. Однако эта власть может осуществляться людьми в пределах, предписанных Им, как священное доверие. Цель исламского права состоит в том, чтобы встать на путь праведной жизни, основанный на подчинении Законам, установленным Богом [38]. Моральная основа исламского права заключается в том, чтобы предписывать добро и запрещать зло. Об этом ясно сказано в Коране 7:157 следующим образом: «Воистину, вы – лучшая община, воспитанная среди человечества. Вы предписываете праведность и запрещаете неправедность» [19].

При жизни Пророка, как указывают исследователи истории Корана, он был наставником и судьей в делах зарождающейся мусульманской общины в Медине, вопросы, переданные ему, решались либо посредством прямого откровения, либо с помощью его собственной мудрости и авторитета. Когда к Пророку нельзя было обратиться, сподвижники выносили свои собственные суждения в свете Корана и Сунны. Пророк установил правила, а юристы позже разработали их в деталях. Сам Пророк делал послабления в своих повелениях и многое оставлял на усмотрение Общины в соответствии с возникающими ситуациями. После кончины Пророка четыре правоверных халифа (Абубакар, Умар, Усман и Али) по очереди вступали в должность и поддерживали аналогичную власть. Они были духовными и политическими лидерами уммы (мусульманской общины) [3].

Будучи близкими сподвижниками Пророка и доверенными лицами, они смогли превратить умму в центральную политическую и законодательную власть, основанную на указаниях Корана и примерах Пророка. С течением времени и продолжающимся расширением уммы вместе с прекращением халифата (политической власти), умма столкнулась с новыми проблемами, поскольку все больше людей различного этнического и культурного происхождения принимали ислам. Столкнувшись с этими вызовами, исламские ученые и правоведы оказались на высоте положения в той исторической ситуации. Мусульманские правоведы разработали *усуль аль-фикх*, интеллектуальное рассуждение, основанное на Коране и Сунне, которое примиряет их положения с потребностями динамичной и растущей уммы, наука, изучающая доводы *фикха*, методы их использования и положения, имеющие пользу.

Появление правовой теории в исламе ознаменовало период созревания исламского права, за исключением одной его существенной особенности. Эта особенность является феноменом юридических школ, одной из наиболее определяющих характеристик исламского права. Чтобы понять эту теорию, важно оценить, что такое мазхаб. *Мазхаб* обычно означает

то, чему следуют, или мнение, идею, которую человек решает принять. Однако наиболее важным значением этого термина является особое мнение юриста. Развитие мазхаба тесно связано с практикой частных лиц, движимых благочестием стремиться к познанию закона. Эта практика поощрялась дискуссиями, которые происходили в учебных кругах. Ученые мужи взяли на себя роль учителей, разрабатывающих собственные предположения и методологии, которые привлекли множество обучающихся, интересующихся юриспруденцией. Формирование в юридических школах индивидуальных юридических методов привлечет лояльность тех учеников, которые впоследствии передадут их своим будущим ученикам. Кроме того, такие факторы, как совокупность доктрин, должны накапливаться в течение определенного периода времени. Доктрины должны иметь идентифицируемую методологию, более того, у них должны быть сильные последователи, а также ведущая фигура юриста, называемая *имамом* или мастером-юристом, что приведет к превращению этой личной школы в *мазхаб* или юридическую школу.

Выдающимися суннитскими школами являются: школа Ханафи, основанная имамом Абу Ханифой и делающая упор на разум, известная в Турции и Сирии, затем,школа Малики, основанная имамом Маликом и делающая упор на Мединскую сунну, известная в Северной и Западной Африке, третья – шафиитская школа, основанная имамом Шафии, которая делала упор на хадисы, популярна в Малайзии и Индонезии, последней является школа Хамбали, основанная имамом Ахмадом ибн-Хамбалом, которая строго следует хадисам, распространена в Ираке и Саудовской Аравии. Исторически существовало большое количество частных школ, которые закрылись или были поглощены другими школами из-за их неспособности преобразоваться в юридические школы по причине отсутствия политической поддержки.

Своим успехом ханафитская школа во многом обязана поддержке, которую она получила от Аббассидов. Аналогичным образом, успех имама Малики в Андалусе, в Испании, объясняется поддержкой, которой он пользовался со стороны руководства «Уммахьяд». Успешные школы также известны своими выдающимися книгами. Например, ханафиты были известны благодаря Аль-Фикхуаль-Акбар, маликиты – благодаря Муватте, шафииты – благодаря Аль-Рисале, а хамбалиты – благодаря Аль-Муснаду.

Шиитская школа – это последователи или фракция Али в споре о лидерстве после смерти Пророка. Они верили, что Али был естественным преемником Пророка на посту халифа. Сунниты считали, что политический лидер должен был быть из курайшитов (племени Мухаммеда). Доктрина шиитов отличается от их суннитских аналогов по ряду существенных моментов [24]. Первый относится к божественному назначению имама, который должен быть выбран из семьи Пророка через Фатиму (дочь Пророка) и Али (ее мужа и двоюродного брата Пророка) и их родословную. Поэтому они утверждают, что в любой момент времени, независимо от того, находился ли он у власти или нет, потомок Али и Фатимы по мужской линии был божественно назначенным имамом и единственным авторитетом в вопросах веры и закона. Имам считается непогрешимым, свободным от ошибок и греха. Он правит сообществом справедливо и способен толковать божественный закон, определяет юриспруденцию, и его руководство может отличаться от руководства предыдущих имамов из-за разности во времени и обстоятельствах. Второе – это непогрешимость имама. Будучи совершенным существом, имам способен безошибочно донести божественный закон до своих последователей. Третья предпосылка была сформирована историческими событиями. Примерно в 874 году двенадцатый имам исчез, и с тех пор он скрывался в результате преследований, которым подвергался. В конце времен имам вновь появится, чтобы претворить в жизнь свой справедливый закон, но до тех пор его функции должен выполнять ответственный юрист. Шиитская школа распространена преимущественно в Йемене, Иране (после 1500 года), Бахрейне, Южном Ираке, Южном Ливане, Азербайджане и др.

Спор об имамате или халифате продолжает разделять мусульман. Диссидентская партия (шииты) утверждала, что имамат должен был продолжиться в семье Пророка. Большинство его сподвижников (Джама-ах) ‘избрало’ Абу Бакра. Распространение исламского права при Омейядах (661–750 гг. н.э.; 41 г. н.э. до начала второго века Хиджры) способствовало

развитию публичного права, например, законов, касающихся финансовых вопросов, регулированию немусульманских подданных на расширяющихся территориях и т.д. Кади, мусульманский судья, приводил в исполнение юридические директивы, изданные центральной властью или местными губернаторами. Вопросы частного права были в значительной степени оставлены на усмотрение отдельных *кади*, которые, следовательно, внесли свой вклад в развитие права в этой сфере. Кади предприняли усилия по приведению обычного права в соответствие с предписаниями Корана.

Признание местных норм, стандартов и элементов римского, византийского и персидского сасанидского права также было впитано в исламскую правовую практику на завоеванных территориях. Местные обычные законы и правовые концепции были изменены в соответствии с Кораном и наставлениями Пророка (мир ему). Позже они были систематизированы (кодифицированы) и составлены в виде юридических вердиктов и административных постановлений политических властей. Аббасиды (750–800 гг. н.э.) установили власть во имя религии. В этот период ученые вошли в структуру судебной системы и были назначены в качестве юрисконсультов для интеграции юридических школ и судов.

Усул уль-фикх, мусульманское право, не был разработан государством и не диктовался им. Государство не предписывало законов и не устанавливало правил для *муджтахидов* для выработки правил, за исключением условий, необходимых для достижения этого ранга. Государство не предписывало судьям создавать юридическую школу, чтобы они решали дела в соответствии с ней. Юристы, судьи и юрист-консультанты имели свободу *иджтихада*, не ограничивая ее рамками юридической школы или доктрины (мазхаба) юриста или муджтахида. Впоследствии появились предубеждения, усугубившие растущее число последователей *Таклида* (следование авторитетному специалисту (муджтахид, муфтий) в вопросах фикха со стороны человека, не компетентного в этой области). Свобода рассуждений и гибкость в текстах, позволяющие иметь дело с меняющимися ситуациями во времени и пространстве, допускали различие в способах иджтихада, т.е. различные методы выведения правил для вывода вспомогательных статутов и формулировок постановлений.

Рост усул уль-фикх набрал обороты, когда на смену хакамам (арбитрам-судьям) пришли *кади* (судьи), а также появились сборники и переводы. Фикх стал самостоятельной наукой. Позже юриспруденция значительно расширилась и стала специализированной. Таким образом, утверждалось, что это прерогатива специалистов – *факаха* (правоведы), которые стремились привнести древнее употребление в исламское учение, а не заниматься разработкой новых аспектов и проблем в современной перспективе.

Также важно отметить, что практика *иджтихада* ограничивается новыми ситуациями, не описанными в Коране или хадисах. Иджтихад – это усилие интеллектуальных способностей для вынесения юридического решения. Это прерогатива ученых. За исключением нескольких ясных текстов, найденных в Коране и Сунне, остальная часть исламского права является продуктом иджтихада, области толкования, основанной на вероятности. Считается, что каждый опытный юрист мог бы осуществлять иджтихад, и только Бог знает, кто прав. Иджтихад придает исламу его уникальный плюрализм, при котором юристы придерживаются различных мнений по определенному набору фактов или законов, что привнесло гибкость и приспособляемость к различным обществам, а также способность меняться и развиваться с течением времени и места.

Новое время ставит перед исламским правом такие проблемы-вызовы, с которыми исламская умма ранее не сталкивалась. Эти проблемы охватывают целый ряд вопросов, начиная от уникальных обстоятельств богослужения в современных условиях, таких как молитва в самолетах, на космических станциях или во время приема определенных лекарств во время голодания до цифровых религиозных феноменов, услуг и товаров, продуктов и программного обеспечения категории «халяль», виртуальных практик– онлайн-джума, виртуальный хадж. Кроме того, теологи рассматривают вопросы, относящиеся к экономическим отношениям, в частности, тонкости исламского страхования, лизинга и ипотеки. Одними из

последних являются ряд фетв относительно карантинных мероприятий, связанных с вирусом COVID-19 [22, с. 104–109].

Карантинные мероприятия, проводимые не только в нашей стране, но и во всем мире, вызвали бурную реакцию и многочисленные научные публикации, в том числе и российских исследователей [5; 6; 8; 9; 10; 35].

Для решения этих проблем правительства мусульманских стран, а также общественные и научные учреждения применяют новые подходы, организуя круглые столы, конференции и активно участвуя в теологических советах. В рамках этих программ последовательно модернизируется система образования, создаются исследовательские центры, и предпринимаются усилия по переоценке исламского правового наследия [30, с. 137–145]. Для решения современных актуальных вопросов исламского права проводятся конференции и недели исламского права. В последние годы в этих процессах все более активное участие принимают и мусульмане России, внося свой посильный вклад в принятии богословских решений в ответ на вызовы современности.

По выражению Л.Р. Сюкияйнен [32, с. 50–80], многие сформулированные фикхом-доктриной нормы приобретают относительную независимость от шариата, который является всего лишь их источником, а религиозный феномен дает жизнь правовым нормам. Этот процесс способствует как сохранению правовых ценностей и принципов исламской традиции, так и укреплению интеграции мусульман в современном обществе, формированию новых форм социальных сетей.

Существует ли положительная связь между нормативным измерением исламской религии и склонностью к инновациям, к примеру, к цифровым технологиям? Результаты ряда исследований показывают, что существует частично положительная связь между исламской религиозностью и склонностью к инновациям, а нормативное измерение в значительной степени и положительно связано со склонностью к инновациям [36]. Этот положительный эффект согласуется с мнением Пророка Мухаммада: «Человек, который пытается внести вседозволенное новшество в Ислам, вознаграждается так же, как и его последователи, вплоть до Судного дня». Этот хадис является основой для роли *разрешающего новшества* в Исламе. Кроме того, инноваторы часто нуждаются в вере в развитии и генерировании идей на протяжении всего процесса инноваций. Тем не менее, эти аргументы широко оспариваются. Исламские ученые начали проводить различие между теми нововведениями, которые разрешены, и теми, которые запрещены (поскольку они являются разрушающими или ошибочными), и даже разработали шкалы, подходящие для измерения приемлемости любого нововведения. И если нововведение идет вразрез с учением Священного Корана и Сунны, то его подозревают в том, что это *бид'а,* но оно не отвергается автоматически. В буквальном смысле бид'а означает новое и инновационное творение, которое ранее было неизвестно.

С. Фирмансия и М. Ризки [37, с. 92–102] утверждают, что бид'а необходимо разъяснять, чтобы избежать путаницы, и предположили, что исламские правовые нормы должны делить бид'ху на пять форм в зависимости от типа действия или вопроса: запрещенный, порицаемый, допустимый (нейтральный), рекомендуемый и обязательный.

Точно так же аш-Шафии (ум. в 820 г.) разделил бид'а на категории *далала* (заблуждающийся) и *хасана* (восхваляемый). Причем, любое нововведение, противоречащее Корану, пророческим традициям или соглашению мусульманских ученых или иджме, включает в себя *ошибочный* бид'а.

И наоборот, все новое, направленное на поддержку порядочности и респектабельности и не противоречащее основам ислама, *одобряется* бид'а. Тем не менее, многие мусульманские ученые признают, что любые аспекты жизни, помимо ритуалов и поклонения, такие как разработка новых способов или технологий для выполнения действий, выходят за рамки бид'а, как указано в традиции. Таким образом, мусульманам позволено открывать и осваивать новые территории, а также использовать инновации для улучшения качества своей жизни и производительности своего бизнеса. Однако, занимаясь творчеством, му-

сульмане должны быть осторожны, чтобы не выйти за рамки, установленные исламом, и не впасть в бид'а, осуждаемый пророческой традицией [36, с. 92–102].

Религиозно-философский поиск и нормативно-правовое переосмысление в рамках реконструкции фикха включает в себя анализ исторических и религиозных текстов, исследование правовых традиций и их соответствие современным вызовам и потребностям цифрового общества. Это помогает адаптировать и переосмыслить некоторые аспекты фикха, чтобы они соответствовали современным реалиям российского общества. Вот некоторые из них:

1. Использование цифровых технологий для сбора и анализа данных: в условиях цифровизации общества фикх может применять новые технологии для сбора и обработки информации, которая может быть использована для принятия решений по юридическим вопросам.

2. Развитие онлайн-платформ для обучения фикху: с развитием интернета и социальных сетей стало возможным создание онлайн-платформ, на которых студенты и преподаватели могут изучать фикх и обмениваться опытом.

3. Трансформация традиционных методов обучения: фикх может трансформироваться, чтобы учитывать новые технологии и методы обучения, такие как использование видеоуроков и онлайн-курсов.

4. Укрепление связей между религиозными лидерами и учеными: фикх может укреплять связи между религиозными лидерами, учеными и студентами, что позволит им обмениваться знаниями и опытом.

5. Развитие искусственного интеллекта и машинного обучения: фикх может использовать искусственный интеллект и машинное обучение для анализа больших объемов данных и принятия решений на основе этих данных.

6. Изменение роли религиозных лидеров и ученых: в условиях цифровой трансформации общества религиозные лидеры и ученые могут играть более активную роль в развитии фикха и адаптации его к новым требованиям.

7. Изменение роли судов и законодательства: в условиях цифровизации общества суды и законодательство могут использовать новые технологии для ускорения процесса принятия решений и улучшения качества правосудия.

Исламская интерпретация идеи справедливости может быть воспринята российской философией права, однако необходимо учитывать специфические особенности российского общества, правовой системы Российского государства. Россия является многонациональным и многоконфессиональным государством, в котором необходимо соблюдать все конституционные принципы, включая свободу вероисповедания и право на собственные религиозные убеждения. Поэтому реконструкция фикха в условиях цифрового общества является важным процессом, на наш взгляд, предотвращающим религиозные конфликты, способствующим созданию мирной общественной среды, развитию исламской модели управления кризисами [11, с. 11–25]. Традиционный ислам, как и традиционные христианские конфессии, призывает верующих к помощи нуждающимся и к ведению благочестивой жизни, равенству, братству. Эти принципы могут быть использованы для развития социальных программ и законов, направленных на обеспечение социальной справедливости и укрепление национальной безопасности современной России, на противодействие экстремизму и религиозному радикализму, на укрепление нравственного авторитета традиционных христианских конфессий и традиционного ислама среди всех слоев российского общества, на устранение угроз суверенитету российского государства [25; 34, с. 21–55].

Библиографический список

1. *Ахмедов Ч.Н., Симончук Е.Р.* Государственно-правовые воззрения Аристотеля и Фомы Аквинского: сравнительная характеристика // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 9. – С. 188–193.

2. *Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и её влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / Вступительное слово профессора А. Александрова. Издание 2-е, исправленное, дополненное; Следственный комитет Российской Федерации. – СПб.: Фонд «Университет», 2023. – 456 с. (Серия: «Наука и общество»).

3. *Бигиев М.Д.* История Корана и его сводов. – М.: Владос, 2016. – 88 с.

4. *Верховодов Е.В., Сальников В.П., Романовская В.Б.* «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 201–208.

5. *Гутман М.Ю.* Нормативно-правовая и организаторская деятельность правителей России и правоохранительных органов в период эпидемий и пандемий в XVII – XIX веках // Образование и право. – 2022. – № 3. – С. 400–411.

6. *Гутман М.Ю., Захарцев С.И., Сальников М.В.* Деятельность монархов и руководителей полиции России во время эпидемий и пандемий как бесценный опыт и пример для потомков // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 3. – С. 39–60.

7. Добро, доверие, справедливость в философско-правовой мысли: античность и современность: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Ананских И.А.; Виноградова Е.В., Грибов И.Н.; Гутман М.Ю.; Захарцев С.И.; Зорина Н.В.; Игнатьева С.В., Исмагилов И.Р.; Исмагилов Р.Ф.; Кийко А.Ю.; Крижановская Г.Н.; Лежнева О.Ю.; Лысенков С.Г.; Максимов А.А.; Масленников Д.В.; Морозов А.А.; Новожилов С.А.; Петров П.А., Прокофьев К.Г.; Сальников В.П.; Сальников М.В.; Сальников С.П., Старовойтова О.Э., Утюганов А.А,; Хабибулин А.Г. – СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова Институт войск национальной гвардии, Фонд «Университет», 2022. – СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова Институт войск национальной гвардии, Фонд «Университет», 2022. – 618 с.

8. *Жданов Ю.Н., Кузнецов С.К., Овчинский В.С.* COVID-19: преступность, киберпреступность, общество, полиция / Вступ. статья А.Л. Кудрина. – М.: Международные отношения, 2020. – 448 с.

9. *Захарцев С.И., Сальников В.П., Хабибулин А.Г.* COVID-19 и борьба с ним. Издана книга об актуальных проблемах жизнедеятельности общества в период пандемии, борьбе с преступностью и работе полиции // Государство и право. – 2021. – № 10. – С. 254–259. DOI: 10.31857/S102694520017278–6.

10. *Захарцев С.И., Сальников В.П., Хабибулин А.Г.* Важно и срочно. Вышла книга о преступности в период пандемии и мировом сообществе. Рецензия на монографию Ю.Н. Жданова, С.К. Кузнецова и В.С. Овчинского «COVID-19: преступность, кибербезопасность, общество, полиция / Ю.Н. Жданов, С.К. Кузнецов, В.С. Овчинский; вступ. статья А.Л. Кудрина. – М.: Международные отношения, 2020. – 448 с.» // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 6. – С. 182–190.

11. *Зекрист Р.И.* К вопросу о реконструкции исламской философии в современном исламском дискурсе: поиски ответов на вызовы катастроф // Вестник РХГА. – 2022. – Т. 23. – Выпуск 2. – С. 11–25

12. *Зорина Н.В.* Проблема свободы воли как основы права в учении Томаса Гоббса // Мир политики и социологии. – 2018. – № 7–8. – С. 184–191.

13. *Измайлов Р.Г.* Основные элементы социальной доктрины ислама: Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Московский государственный ун-т им. М.В. Ломоносова. Философский фак-т. – М, 2006. – 22 с.

14. *Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Конвергенция в философии и богословии в творчестве Фомы Аквинского как обеспечение устойчивости концепции естественного права // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 10. – С. 176–184.

15. *Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции // Мир политики и социологии. – 2016. – № 9. – С. 19–26.

16. *Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Поиск эмпирических оснований справедливости и права в творчестве Томаса Гоббса, Джона Локка, Шарля Монтескье и Жана-Жака Руссо // Мир политики и социологии. – 2016. – № 10. – С. 38–44.

17. *Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с.

18. *Калинина Е.В., Романовская В.Б., Сальников М.В.* Специфика государственной концепции Фомы Аквинского // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 17–23.

19. Коран: Перевод смыслов / Пер. с араб. Э.Р. Кулиева. – М.: Эксмо: Умма, 2016. – 479, [1] с.

20. *Лежнева О.Ю.* Д. Локк об институтах перехода от естественного состояния в гражданское состояние // Государственно-правовые институты современного общества: Сборник статей к Всерос-

сийской научно-практической конференции посвященной 100-летию Республики Башкортостан (г. Уфа, 14 декабря 2018 г.) / отв. ред. Ф.М. Раянов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С. 229–235.

21. *Лежнева О.Ю., Поливко Е.А.* Дж. Локк о судебной власти как проявлении верховенства права и прав личности в гражданском состоянии общества // Верховенство права и национальные интересы России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 30 ноября 2018 г.) // Отв. ред. Г.М. Азнагулова. В 2-х ч. Ч. 1. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С. 92–96.

22. *Лункин Р.Н.* Механизмы религиозной реакции на пандемию коронавируса // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2020. – № 2 (14). – С. 104–109.

23. *Масленников Д.В.* Право как форма различения Добра и зла // Юридическая мысль. – 2015. – № 6. – С. 42–46.

24. *Маулана Ами.* Исламская мысль в эпоху постмодерна: философия хасанаханафи // Logos et Praxis. – 2022. – № 2. – С 43–50.

25. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: Монография / М.Ю. Гутман, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 423 с. – (Научная мысль).

26. *Радбрух Г.* Философия права / Пер. с нем. – М.: Международные отношения, 2004. – 240 с.

27. С*альников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И.* Конституционная реформа как реализация ценностного консенсуса общества // Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства: Сборник материалов Всероссийской научно практической конференции (г. Уфа, 24 марта 2021 г.) / Отв. ред. Н.В. Ямалетдинова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – С. 227–238. – в. сб. 310 с.

28. *Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Сальников М.В.* Бессмертие души как стержневая идея в учении Ф.М. Достоевского о праве и нравственности // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 5. – С. 179–192.

29. *Сальников С.П., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л.* Жан-Жак Руссо и Джон Локк: некоторые идеи о суверенитете и естественном праве // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 173–179.

30. *Смирнов М.Ю.* Цифровизация как «обнуление» религий // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. – 2019. – № 3. – С. 137–145.

31. Становление философии права в эпоху античности и средневековья (софисты, Сократ, Платон, Аристотель, эпикурейцы, стоики, Цицерон, римские юристы, Фома Аквинский) / А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.Б. Ревнова, М.В. Сальников. Глава I // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 13–77. – в кн. 640 с.

32. *Сюкияйнен Л.Р.* Общие принципы фикха как отражение юридических особенностей исламского права // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 4. – С. 50–80. DOI: https://doi.org/10.17323/2072–8166.2019.4.222.245

33. *Трубецкой Е.Н.* Политические идеалы Платона и Аристотеля. – М.: Либроком, 2011. – 105 с.

34. Философско-правовое познание: актуальные проблемы: монография / Е.В. Виноградова, А.О. Воробьев, М.Ю. Гутман [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2025. – 418 с. – (Научная мысль). DOI 10.12737/2152004

35. *Черногор Н.Н., Залоило М.В.* Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. – 2020. – № 7. – С. 5–26.

36. *Alfawzan A., Tamvada J.P., Aldhehayan A., Temouri Y., Pereira V.* The impact of Islamic religiosity on innovation propensity. Technological Forecasting and Social Change, Volume 207, 2024.

37. *Firmansyah S., Rizki M.* Shalawat Nariyah in the Perspective of Hadith: A Study of the Ma'ani Al-Hadith Approach // Jurnal Islam Nusantara. – 2022. – Т. 6. – №. 1. – С. 92–102.

38. *Nadvi S.* Human Rights and Obligations (in the Light of the Qur'an and Hadith). Dacca, 1996.

Для цитирования: *Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Еникеева И.И., Луговой А.А.* Идея справедливости в христианской и исламской философии права России: традиции и современные вызовы // Теория государства и права. – 2025. – № 2-1. – С. 76–84.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_76

THE IDEA OF JUSTICE IN CHRISTIAN AND ISLAMIC PHILOSOPHY OF LAW IN RUSSIA: TRADITIONS AND MODERN CHALLENGES

Rashid F. Ismagilov[*]
Viktor P. Salnikov[**]
Irida I. Enikeeva[***]
Alexander A. Lugovoy[****]

Annotation. *The idea of justice is the common foundation of the philosophy of law, relating to both Christian and Islamic traditions. The article examines the features of the implementation of the idea of justice in Islamic law. For this purpose, in the aspect of historical retrospective, the traditional principles of Islamic law – usul al-fiqh, their role in ensuring justice in society are analyzed. Reassessment and reconstruction of the Islamic legal heritage helps to find religious-philosophical and normative solutions to respond to new social challenges and actualize the opportunities provided by the digital world.*

Keywords: *justice, good, law, morality, Christianity, Islam, legal tradition, digital society, Russian legal system.*

Since the Russian legal system exists in the multinational society of the Russian state, those moral and legal values are especially important for it, which are equally significant for those peoples whose values and ideals were formed under the influence of various religious systems. Among such values, first of all, is the idea of justice. The relationship between law and justice is a traditional problem of ethics and the philosophy of law, both in the Islamic and Christian traditions, given that both traditions have ancient philosophy as one of their sources.

In antiquity, it was the idea of absolute good, or welfare, that was one of the first philosophical categories that united the ontological and ethical meanings of existence [2, pp. 270–271]. The understanding of the unity of the universe as absolute good achieved by ancient philosophy was laid at the foundation of the picture of the world by the great world religions: first Christianity and then Islam. These world religions in their theological heritage relied on the works of Plato and Aristotle [1; 4; 15; 31; 33]. The power of absolute good as a final cause was interpreted by Islamic and Christian theologians primarily as the power of the moral principle, and the understanding of the soul as a final cause for the body was transformed in its absolute dimension into the idea of the immortality of the soul (which, let us recall, F.M. Dostoevsky called the highest idea, the source of all ideas of humanity [28]). This generic community in understanding the fundamental issues of the structure of the universe, the essence of being, the nature of good and evil, inherent in Islam and Christianity, is extremely important for our multinational and multi-confessional state. It is precisely this that constitutes the core around which the common system of moral and legal values of the

[*] **Ismagilov Rashid Faatovich**, Professor of the Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, academician of the Russian Academy of Natural Sciences (St. Petersburg, Russia) E-mail: filippova@lotpp.ru

[**] **Salnikov Viktor Petrovich**, Professor of the Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia) E-mail: fonduniver@bk.ru

[***] **Enikeeva Irida Irekovna**, Professor of the Department of International Relations, History and Oriental Studies of the Ufa State Oil Technological University, Doctor of Philosophy (Ufa, Russia), E-mail: zekrist@mail.ru

[****] **Lugovoy Alexander Alexandrovich**, Professor of the Department of General Humanitarian and Socio-economic Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor (St. Petersburg, Russia) E-mail: aalugovoi@mail.ru

peoples of Russia is formed. This system of values, ultimately, unites them, determining the unity of Russian statehood and its sovereignty [27].

As we know, three main legal paradigms have developed within the Christian tradition: natural law as the substance of positive law in Thomas Aquinas [14; 18]; the idea of positive law derived from the action of the subject – the social contract of Hobbes and Locke [12; 16; 20; 21; 29]; classical German legal philosophy develops an understanding of law based on an expanded philosophical interpretation of the Christian idea of freedom [23]. Despite the profound differences, they are all united by one thing – the desire to justify law through the idea of justice as a system-forming category of legal thinking [7, pp. 7–12].

Studying the development of Western philosophy of law in its classical period from Plato to Hegel, we see almost without exception that the initial premise of the development of legal theory is the reference to the connection of the idea of law with the idea of justice as the highest value. It is this value dimension of law and legal relations that is determined by the deep internal connection of law with the idea of justice, which Plato correlated with the idea of the good, or absolute good, which is a form of manifestation of the highest unity of being. In this idea, man finds his deepest foundation, his inner content, the meaning of his life. By comprehending the idea of justice, man simultaneously realizes the absolute significance of the idea of law, so that following legal laws will appear to him as an exact manifestation of justice.

"Law is a reality whose meaning is to serve a legal value, the idea of law. The concept of law also strives for the idea of law. The idea of law can be nothing other than justice. "Est autem ius a iustitia, sicut a matre sua, ergo prius fuit iustitia quam his" (Gloss 1.1. pr. D. 1.1). ("Law is generated by justice as a mother, for justice preceded law"). And we also have every reason to consider justice as a starting point, since the Just, like the Good, the True, the Beautiful, is absolute, that is, a value that cannot be derived from any other value. One can try to see in justice a form of moral Good. "It is such from the point of view of human qualities, virtue," wrote G. Radbruch, to some extent summing up the three-thousand-year development of Western legal thought in the 20th century [26, p. 42].

The axiological system of Islamic legal philosophy has also always included a number of concepts, among which the concept of justice is the core. According to Islamic teaching, God is the arbiter of justice, and this concept permeates all spheres of life, primarily the legal system. Islam calls for justice and equality before the law, which is reflected in Russian law, including the Constitution and the Criminal Code. Another important value of Islam is the protection of human rights and freedoms. Unlike some other philosophical systems of law, Islam attaches particular importance to the protection of human dignity and calls for fair treatment of people. In the Russian legal system, this value is reflected in the rights and freedoms of citizens, which are enshrined in the Constitution. In particular, Article 2 defines it: "Man, his rights and freedoms are the highest value. Recognition, observance and protection of the rights and freedoms of man and citizen is the duty of the state . "

The socio-legal doctrine of Islam has become a topic of separate research relatively recently, which is due to the fact that for a long time Islam was understood in scientific literature as an initially unified complex of socio-economic, political and religious views, formed over the course of centuries and unchanged to this day. As R.G. Izmailov correctly notes, "the study of the social aspects of Islamic doctrine, from a scientific point of view, systematically began in the 19th century, when the foundations of oriental studies in general were laid. However, the study of the social doctrine of Islam was conducted mainly within the framework of works on the history of Islamic culture and especially on Muslim law. This tendency is still strong today" [13, p. 42].

Thanks to the works of Russian scientists who have indisputable authority in the international scientific community, it has become possible to familiarize oneself in detail not only with the history of Islam in Russia and abroad, but also to analyze the process of formation and development of Muslim spiritual administrations, Islamic parties, movements and unions. The works examine the problems of the theory and historical practice of Islam in Russia and abroad, examine the issues of the relationship between faith, science and morality in Islam, the causes of extremism in the Muslim environment, as well as Islamophobia in society. In our opinion, insufficient attention is paid to the

analysis of the integration of Islamic legal values into the system of modern Russian philosophy of law and lawmaking, which, of course, should be replenished in the research of modern Russian specialists.

According to Islamic law, the basic rule is that the rightful sovereignty over the entire universe belongs to Allah alone. However, this power may be exercised by humans within the limits prescribed by Him as a sacred trust. The purpose of Islamic law is to establish a righteous life based on obedience to the Laws established by God [38]. The moral basis of Islamic law is to enjoin good and forbid evil. This is clearly stated in the Quran 7:157 as follows: "Indeed, you are the best community brought up among mankind. You enjoin righteousness and forbid unrighteousness." [19]

During the Prophet's lifetime, as scholars of the history of the Qur'an point out, he acted as a guide and judge in the affairs of the nascent Muslim community in Medina, and matters referred to him were decided either by direct revelation or by his own wisdom and authority. When the Prophet could not be consulted, the Companions made their own judgments in the light of the Qur'an and Sunnah. The Prophet laid down the rules, and the jurists later elaborated them in detail. The Prophet himself relaxed his commands and left much to the discretion of the Community in accordance with the situations that arose. After the death of the Prophet, four faithful caliphs (Ababakar, Umar, Uthman, and Ali) took turns in office and maintained similar authority. They were the spiritual and political leaders of the Ummah (Muslim community) [3].

As close companions and trusted confidantes of the Prophet, they were able to develop the Ummah into a central political and legislative authority based on the Qur'anic injunctions and the Prophet's examples. As time passed and the Ummah continued to expand along with the end of the Caliphate (political authority), the Ummah faced new challenges as more people of different ethnic and cultural backgrounds embraced Islam. In facing these challenges, Islamic scholars and jurists rose to the occasion in that historical situation. Muslim jurists developed Usul al-Fiqh , an intellectual reasoning based on the Qur'an and Sunnah that reconciles their provisions with the needs of a dynamic and growing Ummah, a science that studies the evidence of *Fiqh* , the methods of using it, and the provisions that are beneficial.

The emergence of legal theory in Islam marked the maturation of Islamic law, with one significant exception. This is the phenomenon of schools of law, one of the most defining characteristics of Islamic law. To understand this theory, it is important to appreciate what a *madhhab* is. Madhhab generally means what is followed, or an opinion, an idea that one decides to accept. However, the most important meaning of the term is the dissenting opinion of a jurist. The development of a madhhab is closely related to the practice of individuals driven by piety to seek knowledge of the law. This practice was encouraged by the discussions that took place in academic circles. Scholars took on the role of teachers, developing their own assumptions and methodologies that attracted many students interested in jurisprudence. The formation of individual legal methods in law schools will attract the loyalty of those students who will then pass them on to their future students. In addition, factors such as a body of doctrine must accumulate over a period of time. The doctrines must have an identifiable methodology, moreover, they must have a strong following, as well as a leading jurist figure called an *imam* or master jurist, which will lead to the transformation of this personal school into a *madhhab* or legal school.

The prominent Sunni schools are: the Hanafi school founded by Imam Abu Hanifa and emphasizing reason, popular in Turkey and Syria, then the Maliki school founded by Imam Malik and emphasizing the Medinan Sunnah, popular in North and West Africa, the Shafi'i school founded by Imam Shafi'i which emphasized Hadith, popular in Malaysia and Indonesia, and the last is the Hambali school founded by Imam Ahmad ibn Hambal which strictly follows Hadith, popular in Iraq and Saudi Arabia. Historically, there were a large number of private schools which closed or were absorbed by other schools due to their inability to transform into legal schools due to lack of political support.

The success of the Hanafi school is largely due to the support it received from the Abbasids. Similarly, the success of Imam Maliki in Andalus, Spain, is due to the support he enjoyed from the Ummahyad leadership. Successful schools are also known for their outstanding books. For example,

the Hanafis were known for Al-Fiqh al-Akbar, the Malikis for Muwatta, the Shafi'is for Al-Risala, and the Hambalis for Al-Musnad.

The Shia school are the followers or faction of Ali in the dispute over leadership after the death of the Prophet. They believed that Ali was the natural successor to the Prophet as caliph. The Sunnis believed that the political leader had to be from the Quraysh (Muhammad's tribe). The Shia doctrine differs from their Sunni counterparts in a number of significant ways.[24] The first concerns the divine appointment of the Imam, who must be chosen from the family of the Prophet through Fatimah (the Prophet's daughter) and Ali (her husband and the Prophet's cousin) and their lineage. They therefore maintain that at any given time, whether in power or not, a male descendant of Ali and Fatimah was the divinely appointed Imam and the sole authority on matters of faith and law. The Imam is considered infallible, free from error and sin. He rules the community with justice and is able to interpret the divine law, defines jurisprudence, and his leadership may differ from that of the previous Imams due to differences in time and circumstances. The second is the infallibility of the Imam. As a perfect being, the Imam is able to convey the divine law to his followers without error. The third premise was formed by historical events. Around 874, the twelfth Imam disappeared and has been in hiding since then as a result of the persecution he suffered. At the end of time, the Imam will reappear to implement his just law, but until then, his functions must be carried out by a responsible jurist. The Shiite school is predominantly spread in Yemen, Iran (after 1500), Bahrain, southern Iraq, southern Lebanon, Azerbaijan, etc.

The dispute over the Imamate or Caliphate continues to divide Muslims. A dissident party (the Shiites) argued that the Imamate should have continued in the family of the Prophet. The majority of his Companions (Jama'ah) 'elected' Abu Bakr. The spread of Islamic law under the Umayyads (661–750 CE; 41 CE to the beginning of the second century AH) contributed to the development of public law, such as laws dealing with financial matters, the regulation of non-Muslim subjects in expanding territories, etc. The qadi, a Muslim judge, carried out legal directives issued by the central government or by local governors. Matters of private law were largely left to the discretion of individual qadis , who therefore contributed to the development of the law in this area. The qadis made efforts to bring customary law into line with the injunctions of the Quran.

The recognition of local norms, standards and elements of Roman, Byzantine and Persian Sasanian law was also absorbed into Islamic legal practice in the conquered territories. Local customary laws and legal concepts were modified in accordance with the Quran and the teachings of the Prophet (peace be upon him). Later, they were systematized (codified) and compiled into legal verdicts and administrative regulations of political authorities. The Abbasids (750–800 CE) established authority in the name of religion. During this period, scholars entered the structure of the judicial system and were appointed as legal advisers to integrate legal schools and courts.

Usul al-fiqh, the Muslim law, was not formulated or dictated by the state. The state did not prescribe laws or lay down rules for *mujtahids* to formulate rules, except for the conditions necessary to attain that rank. The state did not prescribe judges to establish a school of law in order for them to decide cases in accordance with it. Jurists, judges, and legal consultants had the freedom of *ijtihad* without being limited by the school of law or the doctrine (madhhab) of the jurist or mujtahid. Prejudices subsequently developed, which contributed to the growing number of followers of taqlid (following an authority (mujtahid, mufti) in matters of fiqh by someone not competent in that field). Freedom of reasoning and flexibility in the texts to deal with changing situations in time and space allowed for differences in the methods of ijtihad, i.e. various methods of deriving rules for deriving auxiliary statutes and formulations of regulations.

The growth of usul al-fiqh gained momentum when the *hakams* (arbitrators-judges) were replaced by *qadis* (judges), and collections and translations appeared. Fiqh became an independent science. Later, jurisprudence expanded considerably and became specialized. Thus, it was claimed that it was the prerogative of specialists – faqaha (jurists) who sought to bring ancient usage into Islamic teaching, rather than to develop new aspects and problems in a modern perspective.

It is also important to note that the practice of *ijtihad* is limited to new situations not described in the Quran or Hadith. Ijtihad is an effort of the intellectual faculties to reach a legal deci-

sion. It is the prerogative of scholars. With the exception of a few clear texts found in the Quran and Sunnah, the rest of Islamic law is a product of ijtihad, the field of interpretation based on probability. It is believed that any experienced jurist could exercise ijtihad, and only God knows who is right. Ijtihad gives Islam its unique pluralism, in which jurists hold different opinions on a given set of facts or laws, which has brought flexibility and adaptability to different societies, as well as the ability to change and evolve with the passage of time and place.

The new era poses challenges to Islamic law that the Islamic ummah has not previously encountered. These challenges cover a range of issues, from the unique circumstances of worship in modern conditions, such as prayer on airplanes, on space stations, or while taking certain medications during fasting, to digital religious phenomena, services and goods, halal products and software, virtual practices – online jumu'ah, virtual hajj. In addition, theologians are considering issues related to economic relations, in particular, the intricacies of Islamic insurance, leasing and mortgages. One of the latest are a number of fatwas regarding quarantine measures related to the COVID-19 virus [22, pp. 104–109].

Quarantine measures carried out not only in our country, but also throughout the world, have caused a strong reaction and numerous scientific publications, including those of Russian researchers [5; 6; 8; 9; 10; 35].

To solve these problems, governments of Muslim countries, as well as public and scientific institutions, are using new approaches, organizing round tables, conferences, and actively participating in theological councils. Within the framework of these programs, the education system is being consistently modernized, research centers are being created, and efforts are being made to re-evaluate the Islamic legal heritage [30, pp. 137–145]. Conferences and weeks of Islamic law are held to solve contemporary pressing issues of Islamic law. In recent years, Muslims of Russia have been increasingly participating in these processes, making their own contribution to the adoption of theological decisions in response to the challenges of modern times.

According to L.R. Syukiyainen [32, pp. 50–80], many norms formulated by fiqh doctrine acquire relative independence from sharia, which is only their source, and the religious phenomenon gives life to legal norms. This process contributes to both the preservation of legal values and principles of the Islamic tradition, and the strengthening of the integration of Muslims in modern society, the formation of new forms of social networks.

Is there a positive relationship between the normative dimension of Islamic religion and the propensity to innovate, for example in digital technologies? The results of several studies show that there is a partially positive relationship between Islamic religiosity and the propensity to innovate, and the normative dimension is significantly and positively associated with the propensity to innovate [36]. This positive effect is consistent with the opinion of the Prophet Muhammad: "A person who tries to introduce a permissible innovation into Islam will be rewarded like his followers until the Day of Judgement." This hadith is the basis for the role of permissive innovation in Islam. In addition, innovators often need faith in the development and generation of ideas throughout the innovation process. However, these arguments are widely contested. Islamic scholars began to differentiate between those innovations that are permitted and those that are prohibited (because they are destructive or wrong), and even developed scales to measure the acceptability of any innovation. And if an innovation goes against the teachings of the Holy Quran and Sunnah, it is suspected of being bid'ah , but it is not automatically rejected. Literally, bid'ah means a new and innovative creation that was previously unknown.

S. Firmansia and M. Rizki [37, pp. 92–102] argue that bid'ah needs to be clarified to avoid confusion, and suggested that Islamic legal norms should divide bid'ah into five forms depending on the type of action or issue: prohibited, disliked, permissible (neutral), recommended, and obligatory.

Likewise, al-Shafi'i (d. 820) divided bid'ah into the categories of *dalala* (erring) and *hasana* (praised), with any innovation that contradicts the Qur'an, prophetic traditions, or the consensus of Muslim scholars or ijma comprising *erroneous* bid'ah.

Conversely, anything new that promotes decency and respectability and does not contradict the fundamentals of Islam is *considered* bid'ah. However, many Muslim scholars acknowledge that

any aspect of life other than rituals and worship, such as developing new ways or technologies to perform actions, is beyond the scope of bid'ah as specified in the tradition. Thus, Muslims are allowed to discover and develop new territories and to use innovations to improve the quality of their lives and the productivity of their businesses. However, when engaging in creativity, Muslims must be careful not to go beyond the boundaries set by Islam and fall into bid'ah, which is condemned by the Prophetic tradition [36, pp. 92–102].

Religious and philosophical search and normative and legal rethinking within the framework of reconstruction of fiqh includes the analysis of historical and religious texts, the study of legal traditions and their compliance with modern challenges and needs of digital society. This helps to adapt and rethink some aspects of fiqh so that they correspond to the modern realities of Russian society. Here are some of them:

1. Using digital technologies to collect and analyze data: In the context of digitalization of society, fiqh can use new technologies to collect and process information that can be used to make decisions on legal issues.
2. Development of online platforms for teaching fiqh: With the development of the internet and social media, it has become possible to create online platforms where students and teachers can learn fiqh and share experiences.
3. Transformation of traditional teaching methods: Fiqh can be transformed to accommodate new technologies and teaching methods such as the use of video tutorials and online courses.
4. Strengthening the bonds between religious leaders and scholars: Fiqh can strengthen the bonds between religious leaders, scholars and students, allowing them to exchange knowledge and experiences.
5. Development of Artificial Intelligence and Machine Learning: Fiqh can use Artificial Intelligence and Machine Learning to analyze large amounts of data and make decisions based on that data.
6. Changing role of religious leaders and scholars: In the context of digital transformation of society, religious leaders and scholars can play a more active role in developing fiqh and adapting it to new requirements.
7. Changing role of courts and legislation: in the context of digitalization of society, courts and legislation can use new technologies to speed up the decision-making process and improve the quality of justice.

The Islamic interpretation of the idea of justice can be accepted by the Russian philosophy of law, but it is necessary to take into account the specific features of Russian society, the legal system of the Russian state. Russia is a multinational and multi-confessional state, in which it is necessary to observe all constitutional principles, including freedom of religion and the right to one's own religious beliefs. Therefore, the reconstruction of fiqh in the context of a digital society is an important process, in our opinion, preventing religious conflicts, contributing to the creation of a peaceful social environment, and the development of an Islamic model of crisis management [11, pp. 11–25]. Traditional Islam, like traditional Christian denominations, calls on believers to help those in need and to lead a pious life, equality, and brotherhood. These principles can be used to develop social programs and laws aimed at ensuring social justice and strengthening the national security of modern Russia, countering extremism and religious radicalism, strengthening the moral authority of traditional Christian denominations and traditional Islam among all strata of Russian society, and eliminating threats to the sovereignty of the Russian state [25; 34, pp. 21–55].

Bibliographic list

1. *Akhmedov Ch.N., Simonchuk E.R.* State and legal views of Aristotle and Thomas Aquinas: comparative characteristics // Legal science: history and modernity. 2021. No. 9. P. 188–193.

2. *Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P.* The Idea of Good in the Works of F.M. Dostoevsky and Its Influence on the Development of the Philosophy of Law (on the 200th Anniversary of F.M. Dostoevsky) / Introduction by Professor A. Alexandrov. 2nd edition, revised, supplemented; Investigative Committee of the Russian Federation. St. Petersburg: University Foundation, 2023. 456 p. (Series: Science and Society).

3. *Bigiev M.D.* History of the Koran and its collections. M.: Vlados, 2016. 88 p.

4. *Verkhovodov E.V., Salnikov V.P., Romanovskaya V.B*. "Natural Law" and "Virtue" in the Works of Aristotle // Legal Science: History and Modernity. 2015. No. 8. P. 201–208.

5. *Gutman M.Yu.* Normative-legal and organizational activities of the rulers of Russia and law enforcement agencies during epidemics and pandemics in the 17th – 19th centuries // Education and Law. 2022. No. 3. P. 400–411.

6. *Gutman M.Yu., Zakhartsev S.I., Salnikov M.V.* Activities of monarchs and heads of the Russian police during epidemics and pandemics as an invaluable experience and example for descendants // Legal science: history and modernity. 2022. No. 3. P. 39–60.

7. Good, trust, justice in philosophical and legal thought: antiquity and modernity: Monograph / Under general. ed. V.P. Salnikov; Ananskikh I.A.; Vinogradova E.V., Gribov I.N.; Gutman M.Y.; Zakhartsev S.I.; Zorina N.V.; Ignatyeva S.V., Ismagilov I.R.; Ismagilov R.F.; Kiiko A.Yu.; Krizhanovskaya G.N.; Lezhneva O.Yu.; Lysenkov S.G.; Maksimov AA; Maslennikov D.V.; Morozov AA; Novozhilov S.A.; Petrov P.A., Prokofiev K.G.; Salnikov V.P.; Salnikov M.V.; Salnikov S.P., Starovoitova O.E., Utyuganov A.A,; Khabibulin A.G. SPb.: St. Petersburg Military Order Zhukov Institute of National Guard Troops, Foundation "University", 2022. St. Petersburg Military Order Zhukov Institute of National Guard Troops, University Foundation, 618 p.

8. *Zhdanov Yu.N., Kuznetsov S.K., Ovchinsky V.S*. COVID-19: crime, cybercrime, society, police / Introductory article by A.L. Kudrin. M.: International Relations, 2020. 448 p.

9. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P., Khabibulin A.G.* COVID-19 and the fight against it. A book on current problems of society during the pandemic, the fight against crime and police work has been published // State and Law. 2021. No. 10. P. 254–259. DOI: 10.31857/S102694520017278–6.

10. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P., Khabibulin A.G.* Important and urgent. A book on crime during a pandemic and the global community has been published. Review of the monograph by Yu.N. Zhdanov, S.K. Kuznetsov and V.S. Ovchinsky "COVID-19: crime, cybersecurity, society, police / Yu.N. Zhdanov, S.K. Kuznetsov, V.S. Ovchinsky; introductory article by A.L. Kudrin. M.: International Relations, 2020. 448 p." // Legal Science: History and Modernity. 2021. No. 6. P. 182–190.

11. *Zekrist R.I.* On the issue of reconstruction of Islamic philosophy in modern Islamic discourse: search for answers to the challenges of disasters // Bulletin of the Russian Academy of Arts. 2022. Vol. 23. Issue 2. P. 11–25

12. *Zorina N.V.* The Problem of Free Will as the Basis of Law in the Teachings of Thomas Hobbes // The World of Politics and Sociology. 2018. No. 7–8. P. 184–191.

13. *Izmailov R.G.* Basic elements of the social doctrine of Islam: Abstract of Cand. of Philosophy dissertation: 09.00.11 / Moscow State University named after M.V. Lomonosov. Philosophical faculty. M, 2006. 22 p.

14. *Ismagilov R.F., Salnikov V.P.* Convergence in philosophy and theology in the works of Thomas Aquinas as ensuring the sustainability of the concept of natural law // Legal science: history and modernity. 2016. No. 10. P. 176–184.

15. *Ismagilov R.F., Salnikov V.P.* Plato, Aristotle, Thomas Aquinas and the idea of justice in the natural law tradition // The World of Politics and Sociology. 2016. No. 9. P. 19–26.

16. *Ismagilov R.F., Salnikov V.P.* Search for empirical foundations of justice and law in the works of Thomas Hobbes, John Locke, Charles Montesquieu and Jean-Jacques Rousseau // The World of Politics and Sociology. 2016. No. 10. P. 38–44.

17. *Ismagilov R.F., Salnikov V.P.* Law and justice: historical traditions and modern models (Historical and legal analysis of theoretical studies of current issues of the relationship between the idea of law and the idea of justice in the 20th–21st centuries): Monograph. St. Petersburg: University Foundation, 2017. 324 p.

18. *Kalinina E.V., Romanovskaya V.B., Salnikov M.V.* Specifics of the state concept of Thomas Aquinas // Legal science: history and modernity. 2016. No. 4. P. 17–23.

19. The Koran: Translation of the meanings / Translated from Arabic by E.R. Kulieva. M.: Eksmo: Ummah, 2016. 479, [1] p.

20. *Lezhneva O.Yu.* D. Locke on the institutions of transition from the natural state to the civil state // State and legal institutions of modern society: Collection of articles to the All-Russian scientific-practical conference dedicated to the 100th anniversary of the Republic of Bashkortostan (Ufa, December 14, 2018) / otv. ed. F.M. Ryanov. Ufa: RIT BashSU, 2018. P. 229–235.

21. *Lezhneva O.Yu., Polivko E.A.* J. Locke on the judiciary as a manifestation of the rule of law and individual rights in the civil state of society // The rule of law and national interests of Russia: Materials of the All-Russian scientific and practical conference (Ufa, November 30, 2018) // Ed. G.M. Aznagulova. In 2 parts. Part 1. Ufa: RIC BashSU, 2018. P. 92–96.

22. *Lunkin R.N.* Mechanisms of religious response to the coronavirus pandemic // Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. 2020. No. 2 (14). P. 104–109.

23. *Maslennikov D.V.* Law as a form of distinguishing Good and Evil // Legal Thought. 2015. No. 6. P. 42–46.

24. *Maulana Ami.* Islamic Thought in the Postmodern Era: The Philosophy of Hasanahanafi // Logos et Praxis. 2022. No. 2. P. 43–50.

25. Political and legal governance and threats to state sovereignty: Monograph / M.Yu. Gutman, S.I. Zakhartsev, N.V. Zorina [et al.]; under the general editorship of Doctor of Law, Professor V.P. Salnikov. 2nd ed., corrected. and enlarged. Moscow: INFRA-M, 2024. 423 p. (Scientific Thought).

26. *Radbruch G.* Philosophy of Law / Translated from German. M.: International Relations, 2004. 240 p.

27. *Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Morozov A.I.* Constitutional reform as the implementation of the value consensus of society // Amendments to the Constitution of the Russian Federation and prospects for the development of regional legislation: Collection of materials of the All-Russian scientific practical conference (Ufa, March 24, 2021) / Ed. N.V. Yamaletdinova. Ufa: RIC BashSU, 2021. pp. 227–238. in. collection. 310 p.

28. *Salnikov V.P., Ismagilov R.F., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Salnikov M.V.* Immortality of the soul as a core idea in F.M. Dostoevsky's teachings on law and morality // Legal science: history and modernity. 2021. No. 5. P. 179–192.

29. *Salnikov S.P., Klimenko O.A., Mirzoev A.K., Tretyakov I.L.* Jean-Jacques Rousseau and John Locke: Some Ideas on Sovereignty and Natural Law // Legal Science: History and Modernity. 2016. No. 5. P. 173–179.

30. *Smirnov M.Yu.* Digitalization as a "zeroing out" of religions // Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2019. No. 3. P. 137–145.

31. Formation of the Philosophy of Law in Antiquity and the Middle Ages (the Sophists, Socrates, Plato, Aristotle, the Epicureans, the Stoics, Cicero, Roman Jurists, Thomas Aquinas) / A.P. Albov, D.V. Maslennikov, M.B. Revnova, M.V. Salnikov. Chapter I // History of the Philosophy of Law: Monograph / Albov A.P., Baranov V.M., Idrisov Z.Sh., Maslennikov D.V., Peshkov A.I., Revnova M.B., Salnikov V.P., Salnikov M.V., Sotnikova N.N., Chegovadze L.A.; editors-in-chief: A.P. Albov, D.V. Maslennikov, V.P. Salnikov. SPb.: Law Institute (St. Petersburg), St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1998. P. 13–77. In the book. 640 p.

32. *Syukiyainen L.R.* General principles of fiqh as a reflection of the legal features of Islamic law // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2018. No. 4. P. 50–80. DOI: https:// doi. org /10.17323/2072–8166.2019.4.222.245

33. *Trubetskoy E.N.* Political ideals of Plato and Aristotle. M.: Librokom, 2011. 105 p.

34. Philosophical and legal knowledge: current problems: monograph / E.V. Vinogradova, A.O. Vorobyov, M.Yu. Gutman [et al.]; under the general editorship of Doctor of Law, Professor V.P. Salnikov. – 2nd ed., corrected. and additional. Moscow: INFRA-M, 2025. 418 p. (Scientific Thought). DOI 10.12737/2152004

35. *Chernogor N.N., Zaloilo M.V.* Metamorphoses of Law and Challenges to Legal Science in the Context of the Coronavirus Pandemic // Journal of Russian Law. 2020. No. 7. P. 5–26.

36. *Alfawzan A., Tamvada JP, Aldhehayan A., Temouri Y., Pereira V.* The impact of Islamic religiosity on innovation propensity. Technological Forecasting and Social Change, Volume 207, 2024.

37. *Firmansyah S., Rizki M.* Shalawat Nariyah in the Perspective of Hadith: A Study of the Ma'ani Al-Hadith Approach // Jurnal Islam Nusantara. 2022. T. 6. No. 1. S. 92–102.

38. *Nadvi S.* Human Rights and Obligations (in the Light of the Qur'an and Hadith). Dacca, 1996.

For citation: *Ismagilov R.F., Salnikov V.P., Enikeeva I.I., Lugovoy A.A.* The idea of justice in Christian and Islamic philosophy of law in Russia: traditions and modern challenges // Theory of state and law. 2025. No. 2–1. P. 85–92.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_76

Научная статья

УДК: 34.0
ББК: 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_93

А.С. Квитчук*

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 ГОДА: ПРИНЦИПИАЛЬНО НОВАЯ ПРОГРЕССИВНАЯ СИСТЕМА ПРАВОСУДИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. *Рассматривается судебная реформа 1864 года в России, проведенная при императоре Александре II. Исследуется исторический контекст реформы, ее предпосылки и цели, описаны основные правовые новшества – новая система судоустройства и судопроизводства, провозглашенные принципы независимости и гласности суда, участие присяжных заседателей, а также организация деятельности адвокатуры и прокуратуры. Особое внимание уделяется оценке значения реформы для развития российского права и общества. Показывается, что судебные уставы 1864 г. утвердили равенство всех перед законом, создали отдельную, независимую судебную ветвь власти. Анализируется влияние судебной реформы на последующее развитие судебной системы – от успехов борьбы с волокитой и коррупцией до исторических ограничений реформы и ее отражения в правовой культуре России*

Ключевые слова: *судебная реформа 1864 г., Александр II, судебная система, присяжные заседатели, принцип равенства перед законом, гласность суда.*

До первой воловины XIX века судопроизводство в Российской империи носило инквизиционный характер. Независимость судебной системы не воспринималась как необходимое условие правосудия. Суды были частью административной системы. Ее суды (народные участковые, уездные, губернские и т.д.) были зависимы от административной власти и страдали от коррупции, волокиты в работе суда и отсутствия состязательности процесса. Судьи назначались из числа богатых сословий по решению царя или князей, которые также могли отправлять правосудие. Не было разделения стадий уголовного процесса, нормы церковного права применялись наравне с нормами светского законодательства. Судебный состязательный процесс начинался без стадии предварительного расследования. Разрешались пытки в качестве способа получения доказательств, телесные наказания, учитывалось при этом сословное положение лиц и т.д.

Начало XIX века в России ознаменовалось масштабными реформами, кульминацией которых стало создание Свода законов Российской империи [1]. Предварительно была проделана огромная работа по сбору и систематизации всех изданных к тому времени нормативных актов: по указу Александра I под руководством М.М. Сперанского было составлено «Полное собрание законов Российской Империи» (ПСЗ) – хронологическое собрание всех указов и законов с 1649 по 1825 гг., изданное в 45 томах (в 1830 г.). На основе этой базы во время правления Николая I Второе отделение Императорской канцелярии под началом Сперанского подготовило тематически упорядоченный свод действующих законов. Здесь важно заметить, что граф М.М. Сперанский за свою продолжительную творческую жизнь внес значительный вклад в совершенствование правовой системы Российской империи [8; 12; 19; 21; 26; 29; 31; 33; 36; 40; 42; 44; 45; 46]. О нем можно вести речь, как полагают В.П. Сальников

* **Квитчук Анатолий Сергеевич,** начальник кафедры специальной и автомобильной техники Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации. E-mail: pr.ankvt@mail.ru

и С.И. Закарцев, как об энциклопедисте, реформаторе и педагоге [23]. Он даже написал учебник для будущего императора [10].

Свод законов Российской империи представлял собой официальное издание в 15 томах, включавшее все актуальные законодательные акты империи, распределенные по отраслям в систематическом порядке. Он охватывал основные области законодательства того времени – от основ государственного строя (Основные государственные законы в т. ч. о порядке престолонаследия) до гражданского, уголовного, административного права, законодательства о сословиях, финансах и судопроизводстве. Введение Свода законов, объявленного с 1835 года единственным действующим собранием законов, стало поворотным моментом: множество ранее разрозненных и малоизвестных нормативных актов были объединены и приведены в систему, доступную для использования всеми органами власти и гражданами.

Можно утверждать, что Свод законов знаменовал новый этап развития отечественного права – впервые в истории страны правоприменителю был предоставлен упорядоченный, внутренне согласованный свод действующих норм, снабженный необходимыми указателями и справочным аппаратом. Значимость Свода законов подтверждает и то, что он неоднократно дополнялся и переиздавался (последнее полное издание 1914 г.) вплоть до начала XX века, оставаясь основой правовой системы империи.

После Крымской войны стали очевидны крайняя отсталость суда и необходимость его модернизации. В «Манифесте о прекращении войны» (1856) Александр II провозгласил идеал правосудия: «Да правда и милость царствуют в судах» [1]. По Е.Н. Соломатиной, действующее на тот момент в Российской империи законодательство имело неточности и недостатки именно в сфере уголовно-правовых отношений, которые были устранены только после проведения Судебной реформы в 1860 г. Александром II [2, с. 85].

Так, 20 ноября 1864 г. Александр II издал указ об установлении судебных установлений, которые сформулировали цели реформы: «водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных Наших», «возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность» и утвердить «в народе… уважение к закону, без которого невозможно общественное благосостояние». Таким образом, основными задачами реформы были ускорение правосудия, ликвидация сословных привилегий в суде, усиление независимости судей и внедрение законности в судебную практику.

Результатом проведенной императором Александром IIсудебной реформы стало то, что 20 ноября 1864 г. Правительствующему Сенату на утверждение были внесены четыре концептуально новых законодательных акта о судоустройстве и судопроизводстве в Российской империи [41], а именно:

– Устав уголовного судопроизводства [4];
– Устав гражданского судопроизводства [5];
– Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями [6].

Данные судебные уставы создали принципиально новую систему правосудия.

Во-первых, была организована двухуровневая система светских судов общей юрисдикции: мировые суды (для мелких гражданских и тяжких уголовных дел с участием мирских посредников) и окружные суды (первой инстанции для остальных дел) с апелляцией в судейских съездах; общей кассационной инстанцией стало учреждение Сената. В составе Государственного Сената были сформированы два особых кассационных департамента – по уголовным и по гражданским делам.

Во-вторых, была установлена новая система судопроизводства. Процесс объявлялся состязательным, устным и публичным: все судебные слушания велись открыто при участии сторон, стороны получили равные права представлять и опровергать доказательства, вводились принцип «право на защиту» и участие адвокатов. Судьи окружных судов стали назначаться бессрочно (несменяемость), что подчеркивало их независимость от администрации. Предварительное следствие было отделено от полиции (введено судебное следствие) [37; 35], упразднены пытки при допросах. Важным нововведением стал суд присяжных: для тяжких уголовных дел собрание присяжных граждан рассматривало вину обвиня-

емого (система присяжных введена впервые и оправдана как «переход от абсолютизма к правовому государству») [13; 14; 16; 24; 30]. Также был учрежден институт присяжных поверенных (адвокатуры) для защиты интересов сторон [34; 47], а прокуроры получили формальные полномочия надзора за исполнением законности [11; 25; 39]. Эти изменения легли в основу не только уголовного, но и гражданского судопроизводства России [20].

Реформа как справедливо отмечает С.П. Коваль [7, с. 28], провозгласила фундаментальные принципы правосудия, ранее чуждые российской практике. Закреплен был принцип равенства всех перед законом и судом вне зависимости от сословия. Вводились принципы гласности, состязательности, публичности и устности процесса: заседания открыты для публики, решения провозглашаются при участии сторон и присяжных, протоколы ведутся кратко. Было провозглашено право подсудимого на защиту (адвокаты получили активную роль в процессе). Существенно увеличилась гарантия независимости суда: судьи окружных судов назначались бессрочно и неподсудно, судебная власть отделялась от исполнительной (прокуроры и судьи подчинялись только закону). Таким образом, Судебные уставы 1864 г. перенесли в российскую систему правосудия ключевые институты «правового государства» – разделение властей и независимость судей – пусть и в рамках самодержавного строя.

Значение судебной реформы для развития права и общества трудно переоценить. Как отмечалось современниками, она ввела ряд принципиальных новаций: «была создана судебная вертикаль, произошло разделение судов на гражданские и уголовные, введен институт присяжных заседателей, адвокатов и др.» [28, с. 68]. Реформа стала признанием передового опыта западных правовых систем и достижений научной юридической мысли о важности независимого суда. Последствия ее внедрения были заметны уже в первые десятилетия: по прошествии 50 лет отмечалось, что «идеальной судебная система не стала, но, как наиболее важные ее достижения, отмечались суд присяжных, выборный мировой суд, высококвалифицированная присяжная адвокатура, значительное уменьшение сроков рассмотрения дела, отход от принципа сословности при создании судов и успехи в борьбе с повсеместным взяточничеством». Фактически повысилось качество и скорость правосудия: судебные разбирательства стали дешевле и удобнее для населения, исчезла практика многолетнего «волочения» дел, суд начал функционировать более оперативно. Одним из главных итогов стал появившийся «независимый и самостоятельный суд, созданный отдельно от исполнительной и административной власти», который одновременно служил как защите частных интересов граждан, так и укреплению государственной власти.

Однако судебная реформа столкнулась и с ограничениями своей «прогрессивности».

В условиях позднего самодержавия внедрение независимости и участия граждан в правосудии воспринималось неоднозначно: уже к концу XIX в. Александр III и его окружение ввели ряд контрмер (например, реформа волостных и мировых судов 1890-х гг., ограничивавшая полномочия выборных судебных инстанций). Тем не менее, основные принципы реформы – равенство перед законом, публичность и состязательность процесса, участие адвокатов и присяжных – закрепились в традициях российского права.

В XX веке идеалы 1864 года во многом легли в основу судебных преобразований 1905–1917 гг., а после революции частично были учтены и в советском законодательстве (например, гласность и права подсудимых, хотя институт присяжных был отменен до их возрождения лишь в современной России), в XXI веке и сегодня по этим вопросам ведутся оживленные дискуссии [9; 15; 17; 18; 22; 27; 38; 43; 48].

Таким образом, нельзя не согласиться с П.П. Краковским, что судебная реформа 1864 г. создала «конституционный потенциал» российской судебной власти и заложила основы современного судопроизводства [32, с. 19] Ее исторические уроки – важность независимого суда и верховенства закона – остаются актуальными и поныне.

Библиографический список

1. Высочайший манифест от 31 января 1833 г. № 3 «Об издании Свода законов Российской империи» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – Т. VIII. – Отд. Первое. – С. 68–69.

2. Манифест Александра II от 19.03.1856 «О прекращении войны» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – № 30. – С. 273.

3. Указ Правительствующему Сенату от 20 ноября 1864 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – Т. XXIII. – С. 123–130.

4. Учреждение судебных установлений: Высочайший указ от 20 ноября 1864 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – Т. XXIII. – С. 1–50.

5. Устав уголовного судопроизводства // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – Т. XXIII. – С. 51–100.

6. Устав гражданского судопроизводства // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – Т. XXIII. – С. 101–150.

7. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – Т. XXIII. – С. 151–200.

8. *Абасова А.Т., Изудинова Р.С.* Основные аспекты проекта государственных преобразований М.М. Сперанского и его вклад в развитие Министерства юстиции // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 5. – С. 51–55.

9. *Авдеев В.Н., Кондрат И.Н.* Особенности производства в суде Российской Федерации с участием присяжных заседателей. Лекция // Мир политики и социологии. – 2018. – № 7–8. – С. 79–97.

10. *Александрова А.Р., Кузнецов Э.В.* Учебник по праву для императора (к истории ренессанса российского правоведения) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 2. – С. 47–54.

11. *Ананских И.А., Тюленева М.А.* Прокуратура и адвокатура в судебной реформе 1864 года: позиции В.Д. Спасовича // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 37–43.

12. *Бадзгарадзе Г.Д., Антонов И.А.* Философско-правовые взгляды М.М. Сперанского и их реализация при проведении Судебной реформы 1864 года // Юрbдическая наука: история и современность. – 2021. – № 3. – С. 39–45.

13. *Баркалова Е.В.* Правовое и научное наследие А.Ф. Кони и вопросы совершенствования современного российского уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего рассмотрение уголовных дел с участием присяжных заседателей // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 10. – С. 150–157.

14. *Баскова А.В., Гапанович А.Г.* Образ присяжного заседателя по речам Николая Платоновича Карабчевского // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 3. – С. 120–127.

15. *Бастрыкин А.И.* Суд присяжных в России: мечты и реальность // Время и право. – 2003. – № 5.

16. *Верстин Д.А., Харатишвили А.Г.* Реформа суда присяжных на основе идей А.Ф. Кони // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 2. – С. 123–130.

17. *Владыкина Т.А.* Психологические особенности реализации принципа состязательности сторон в суде присяжных // Журнал российского права. – 2012. – № 8. – С. 81–91.

18. *Воронина Н.Ф.* Пределы судейского усмотрения при постановлении оправдательного приговора судом присяжных // Уголовный процесс. – 2005. – № 8. – С. 45–58.

19. *Гладковская А.О., Иванова Н.М.* Идеи М.М. Сперанского о системе разделения властей и современность // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 8. – С. 28–31.

20. *Горячева Е.А.* Роль судебной реформы 1864 года в становлении заключения прокурора в гражданских делах // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 3. – С. 78–80.

21. Законодательство в обустройстве российской жизни: история и современность (К 250-летию со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского): Сборник статей / По материалам IX Общероссийского годового собрания теоретиков права (16 февраля 2022 г., Москва, ИЗиСП) / Т.Я. Хабриева, П.В. Крашенинников, С.И. Захарцев и др.; отв. ред. В.В. Лазарев. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 280 с.

22. *Захарцев С.И.* Суд присяжных как проблема правосудия: философско-правовой и прикладной аспекты // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 144–151.

23. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* М.М. Сперанский: энциклопедист, реформатор и педагог // Законодательство в обустройстве российской жизни: история и современность (К 250-летию со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского): сборник статей / По материалам IX Общероссийского годового собрания теоретиков права (16 февраля 2022 г., Москва, ИЗиСП) / Т.Я. Хабриева, П.В. Крашенинников, С.И. Захарцев и др.; отв. ред. В.В. Лазарев. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2024. – С. 17–28. – в кн. 280 с. – DOI 10. 12737/2090021.

24. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Суд присяжных как один из итогов реформы 1864 года: плюсы и минусы // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 1. – С. 135–145.

25. *Иванова Н.М., Онучина С.Л.* Выдающийся вклад министра юстиции Дмитрия Замятнина в проведение судебной реформы. Реформы прокуратуры на посту генерал-прокурора // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 170–174.

26. *Иконникова И.С.* М.М. Сперанский в интерьере личной библиотеки и правовая жизнь российского общества // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 18–24.

27. *Карнозова Л., Климова С.* Суд присяжных в постсоветской России – институт гражданского общества? // Социальная реальность. – 2006. – № 9. – С. 7–31.

28. *Коваль С.П.* Исторический опыт и влияние судебной реформы 1864 года на российское общество и государство // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – № 24. – С. 28–32.

29. *Колоколов Н.А.* Вопрос организации государственной власти в трудах М.М. Сперанского // Законодательство в обустройстве российской жизни: история и современность (К 250-летию со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского): сборник статей / По материалам IX Общероссийского годового собрания теоретиков права (16 февраля 2022 г., Москва, ИЗиСП) / Т.Я. Хабриева, П.В. Крашенинников, С.И. Захарцев и др.; отв. ред. В.В. Лазарев. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2024. – С. 45–53. – в кн. 280 с.

30. *Кравченко А.А.* А.Ф. Кони и суд присяжных // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 6. – С. 176–178.

31. *Краковский К.П.* «Право есть власть, основанная на правде» (Неопубликованные труды выдающегося правоведа М.М. Сперанского) // Законодательство в обустройстве российской жизни: история и современность (К 250-летию со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского): сборник статей / По материалам IX Общероссийского годового собрания теоретиков права (16 февраля 2022 г., Москва, ИЗиСП) / Т.Я. Хабриева, П.В. Крашенинников, С.И. Захарцев и др.; отв. ред. В.В. Лазарев. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2024. – С. 28–39. – в кн. 280 с.

32. *Краковский К.П.* Судебная реформа 1864 г.: Значение и историко-правовые оценки // Журнал российского права. – 2014. – № 12 (216). – С. 16–31.

33. *Крашенинников П.В.* Семь жизней графа Михаила Сперанского. Биография реформатора России. – М.: Эксмо, 2021. – 216 с.

34. *Легкий Д.М.* Дмитрий Васильевич Стасов: Судебная реформа 1864 г. и формирование присяжной адвокатуры в Российской империи. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. – 424 с.

35. *Литвинова В.Н., Лясович Т.Г.* Организационно-правовые основы деятельности судебных следователей в Российской империи во второй половине XIX века // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 29–33.

36. *Луковская Д.И., Волкова С.В.* К Сперанскому через века. Актуальность наследия великого реформатора России // XIII Петербургский международный юридический форум 2025. – М.: Росконгресс, 2025. – С. 54–58.

37. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Грызлов Б.К., Сальников В.П., Стрельников А.А, Рыскин Л.Б., Глушаченко С.Б., Александров А.И., Нижник Н.С. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 272 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).

38. *Очередько В.П., Скорик Д.Д.* Вопросы становления и развития института присяжных заседателей в России // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 10. – С. 157–161.

39. *Сальников С.П.* Генезис нормативно организованного статуса прокуратуры в связи с преобразованиями судебной системы в России во второй половине XIX – начале XX века: постановка проблемы // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 4(28–2). – С. 150–154.

40. *Смирнов А.Ф.* Сперанский. Великий государственный человек / Науч. ред. А.В. Манько. – М.: Вече, 2022. – 464 с.: ил. – (Лучшие биографии).

41. *Соломатин Е.Н.* Институт адвокатуры как субъект правозащитной деятельности в дореволюционной России // Известия ТулГу. Экономические и юридические науки. – 2015. – № 1–2. – С. 85–91.

42. *Строев Н.С., Доронин А.М.* О духе министерской реформы. Позиция М.М. Сперанского // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 4. – С. 40–44.

43. *Сударикov В.А.* Роль председательствующего судьи при осуществлении правосудия судом с участием присяжных заседателей в российском уголовном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 232 с.

44. *Томсинов В.А.* Светило российской бюрократии: исторический портрет М.М. Сперанского. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 336 с.

45. *Томсинов В.А.* Сперанский. – М.: Молодая гвардия, 2006 – 464 с. (Серия: «Жизнь замечательных людей»).

46. *Фурсов Д.А.* Взгляды на закон и справедливость со времен М.М. Сперанского до наших дней // Законодательство в обустройстве российской жизни: история и современность (К 250-летию со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского): сборник статей / По материалам IX Общероссийского годового собрания теоретиков права (16 февраля 2022 г., Москва, ИЗиСП) / Т.Я. Хабриева, П.В. Крашенинников, С.И. Захарцев и др.; отв. ред. В.В. Лазарев. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2024. – С. 62–69. – в кн. 280 с.

47. *Черепанов С.И.* Институт присяжных поверенных в Российской империи по судебной реформе 1864 года и институт адвокатуры в Российской Федерации (хронодискретное исследование). – М.: Юрлитинформ, 2020. – 154, [2] с.

48. *Шадрина Е.Г.* Современные аспекты реформы суда присяжных в России // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 1. – С. 165–171.

Для цитирования: *Квитчук А.С.* Судебная реформа 1864 года: принципиально новая прогрессивная система правосудия в Российской Империи // Теория государства и права. – 2025. – № 2-1. – С. 93–98.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_93

JUDICIAL REFORM OF 1864 A FUNDAMENTALLY NEW PROGRESSIVE SYSTEM OF JUSTICE IN THE RUSSIAN EMPIRE

Anatoly S. Kvitchuk*

Annotation. *The article examines the judicial reform of 1864 in Russia, carried out under Emperor Alexander II. The historical context of the reform, its prerequisites and goals are studied, the main legal innovations are described – a new system of judicial organization and legal proceedings, the proclaimed principles of independence and publicity of the court, the participation of jurors, as well as the organization of the activities of the Bar and the prosecutor's office. Particular attention is paid to assessing the significance of the reform for the development of Russian law and society. It is shown that the judicial statutes of 1864 approved the equality of all before the law, created a separate, independent judicial branch of government. The influence of the judicial reform on the subsequent development of the judicial system is analyzed – from the successes of the fight against red tape and corruption to the historical limitations of the reform and its reflection in the legal culture of Russia*

Key words: *judicial reform of 1864, Alexander II, judicial system, jurors, principle of equality before the law, publicity of the court.*

Until the first half of the 19th century, legal proceedings in the Russian Empire were of an inquisitorial nature. The independence of the judicial system was not perceived as a necessary condition for justice. The courts were part of the administrative system. Its courts (people's district, district, provincial, etc.) were dependent on the administrative authorities and suffered from corruption, red tape in the work of the court and the lack of adversarial proceedings. Judges were appointed from among the wealthy classes by decision of the tsar or princes, who could also administer justice. There was no division of the stages of criminal proceedings, the norms of church law were

* **Kvitchuk Anatoly Sergeevich,** Head of the Department of Special and Automotive Engineering of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation. E-mail: pr.ankvt@mail.ru

applied equally with the norms of secular legislation. The adversarial judicial process began without the stage of preliminary investigation. Torture was allowed as a way of obtaining evidence, corporal punishment, while the class status of persons was taken into account, etc.

The beginning of the 19th century in Russia was marked by large-scale reforms, culminating in the creation of the Code of Laws of the Russian Empire [1]. A great deal of work had been done in advance to collect and systematize all the regulatory acts issued by that time: by decree of Alexander I, the Complete Collection of Laws of the Russian Empire (CCL) was compiled under the leadership of M.M. Speransky – a chronological collection of all decrees and laws from 1649 to 1825, published in 45 volumes (in 1830). Based on this database, during the reign of Nicholas I, the Second Section of the Imperial Chancellery under the leadership of Speransky prepared a thematically organized collection of current laws. It is important to note here that Count M.M. Speransky, during his long creative life, made a significant contribution to the improvement of the legal system of the Russian Empire [8; 12; 19; 21; 26; 29; 31; 33; 36; 40; 42; 44; 45; 46]. According to V.P. Salnikov and S.I. Zakartsev, he can be considered an encyclopedist, reformer and teacher [23]. He even wrote a textbook for the future emperor [10].

The Code of Laws of the Russian Empire was an official publication in 15 volumes, including all the current legislative acts of the empire, distributed by branches in a systematic order. It covered the main areas of legislation of that time – from the foundations of the state system (the Fundamental State Laws, including on the order of succession to the throne) to civil, criminal, administrative law, legislation on estates, finances and legal proceedings. The introduction of the Code of Laws, declared the only valid collection of laws since 1835, became a turning point: many previously disparate and little-known normative acts were united and brought into a system available for use by all authorities and citizens.

It can be argued that the Code of Laws marked a new stage in the development of domestic law – for the first time in the history of the country, the law enforcement officer was provided with an orderly, internally consistent set of current norms, equipped with the necessary indexes and reference apparatus. The significance of the Code of Laws is also confirmed by the fact that it was repeatedly supplemented and reissued (the last complete edition was in 1914) up until the beginning of the 20th century, remaining the basis of the legal system of the empire.

After the Crimean War, the extreme backwardness of the court and the need for its modernization became obvious. In the «Manifesto on the End of the War» (1856), Alexander II proclaimed the ideal of justice: «Let truth and mercy reign in the courts» [1]. According to E.N. Solomatina, the legislation in force at that time in the Russian Empire had inaccuracies and shortcomings specifically in the sphere of criminal-legal relations, which were eliminated only after the Judicial Reform in 1860 by Alexander II [2, p. 85].

Thus, on November 20, 1864, Alexander II issued a decree on the establishment of judicial regulations, which formulated the goals of the reform: “to establish in Russia a court that is speedy, fair, merciful and equal for all of Our subjects,” “to elevate the judicial power, to give it due independence” and to establish “among the people… respect for the law, without which public welfare is impossible.” Thus, the main objectives of the reform were to speed up justice, eliminate class privileges in court, strengthen the independence of judges and introduce legality into judicial practice.

The result of the judicial reform carried out by Emperor Alexander II was that on November 20, 1864, four conceptually new legislative acts on the judicial system and legal proceedings in the Russian Empire were submitted to the Governing Senate for approval [41], namely:

- Establishment of judicial institutions [3];
- Charter of Criminal Procedure [4];
- Charter of Civil Procedure [5];
- The Charter on Punishments Imposed by Justices of the Peace [6].

These judicial statutes created a fundamentally new system of justice.

Firstly, a two-tier system of secular courts of general jurisdiction was organized: magistrates' courts (for minor civil and serious criminal cases with the participation of secular intermediaries) and district courts (first instance for other cases) with appeals in judicial congresses; the general

cassation instance was the establishment of the Senate. Two special cassation departments were formed within the State Senate – for criminal and civil cases.

Secondly, a new system of legal proceedings was established. The process was declared adversarial, oral and public: all court hearings were held openly with the participation of the parties, the parties were given equal rights to present and refute evidence, the principle of the «right to defense» and the participation of lawyers were introduced. Judges of district courts began to be appointed for an indefinite period (irremovability), which emphasized their independence from the administration. Preliminary investigation was separated from the police (judicial investigation was introduced) [37; 35], torture during interrogations was abolished. An important innovation was the jury trial: for serious criminal cases, a meeting of jurors of citizens considered the guilt of the accused (the jury system was introduced for the first time and justified as a «transition from absolutism to a state governed by the rule of law») [13; 14; 16; 24; 30]. The institution of attorneys (advocacy) was also established to protect the interests of the parties [34; 47], and prosecutors received formal powers to supervise the implementation of the law [11; 25; 39]. These changes formed the basis not only of criminal but also of civil proceedings in Russia [20].

The reform, as S.P. Koval rightly notes [7, p. 28], proclaimed fundamental principles of justice that were previously alien to Russian practice. The principle of equality of all before the law and the court, regardless of class, was enshrined. The principles of openness, adversarial nature, publicity and orality of the process were introduced: sessions were open to the public, decisions were announced with the participation of the parties and the jury, and minutes were kept briefly. The right of the defendant to defense was proclaimed (lawyers were given an active role in the process). The guarantee of judicial independence was significantly increased: judges of district courts were appointed for life and were not subject to jurisdiction, the judicial power was separated from the executive (prosecutors and judges were subject only to the law). Thus, the Judicial Statutes of 1864 transferred the key institutions of the «rule of law» to the Russian justice system – the separation of powers and the independence of judges – albeit within the framework of an autocratic system.

The importance of judicial reform for the development of law and society is difficult to overestimate. As noted by contemporaries, it introduced a number of fundamental innovations: «a judicial vertical was created, courts were divided into civil and criminal, the institution of jurors, lawyers, etc. was introduced» [28, p. 68]. The reform became a recognition of the advanced experience of Western legal systems and the achievements of scientific legal thought on the importance of an independent court. The consequences of its implementation were noticeable already in the first decades: after 50 years, it was noted that «the judicial system did not become ideal, but its most important achievements included jury trials, an elected magistrate's court, highly qualified sworn advocacy, a significant reduction in the time it takes to consider a case, a departure from the class principle in creating courts, and successes in the fight against widespread bribery.» In fact, the quality and speed of justice increased: court proceedings became cheaper and more convenient for the population, the practice of long-term «dragging» of cases disappeared, the court began to function more quickly. One of the main results was the emergence of an «independent and autonomous court, created separately from the executive and administrative authorities», which simultaneously served both to protect the private interests of citizens and to strengthen state power.

However, judicial reform also faced limitations to its “progressiveness”.

Under the late autocracy, the introduction of independence and citizen participation in justice was perceived ambiguously: by the end of the 19th century, Alexander III and his entourage had already introduced a number of countermeasures (for example, the reform of volost and magistrate courts in the 1890s, which limited the powers of elected judicial bodies). Nevertheless, the main principles of the reform – equality before the law, publicity and adversarial nature of the process, participation of lawyers and jurors – were entrenched in the traditions of Russian law.

In the 20th century, the ideals of 1864 largely formed the basis for the judicial reforms of 1905–1917, and after the revolution were partially taken into account in Soviet legislation (for example, publicity and the rights of defendants, although the institution of juries was abolished until

their revival only in modern Russia). In the 21st century and today, these issues are the subject of lively debate [9; 15; 17; 18; 22; 27; 38; 43; 48].

Thus, one cannot but agree with P.P. Krakovsky that the judicial reform of 1864 created the "constitutional potential" of the Russian judiciary and laid the foundations for modern legal proceedings [32, p. 19]. Its historical lessons – the importance of an independent court and the rule of law – remain relevant to this day.

Bibliographic list

1. The Imperial Manifesto of January 31, 1833, No. 3, "On the Publication of the Code of Laws of the Russian Empire" // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. VIII. Separ. First. Pp. 68–69.

2. Manifesto of Alexander II of 19.03.1856 «On the End of the War» // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. No. 30. P. 273.

3. Decree to the Governing Senate of November 20, 1864 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. XXIII. P. 123–130.

4. Establishment of judicial institutions: The Supreme Decree of November 20, 1864 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. XXIII. P. 1–50.

5. Charter of Criminal Procedure // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. XXIII. P. 51–100.

6. Charter of civil procedure // Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. XXIII. P. 101–150.

7. Charter on Punishments Imposed by Justices of the Peace // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. XXIII. P. 151–200.

8. *Abasova A.T., Izudinova R.S.* The main aspects of the project of state reforms of M.M. Speransky and his contribution to the development of the Ministry of Justice // Legal Science: History and Modernity. 2022. No. 5. P. 51–55.

9. *Avdeev V.N., Kondrat I.N.* Features of proceedings in the court of the Russian Federation with the participation of jurors. Lecture // The world of politics and sociology. 2018. No. 7–8. P. 79–97.

10. *Aleksandrova A.R., Kuznetsov E.V.* Textbook on law for the emperor (on the history of the renaissance of Russian jurisprudence) // Legal science: history and modernity. 2019. No. 2. P. 47–54.

11. *Ananskikh I.A., Tyuleneva M.A.* The prosecutor's office and the bar in the judicial reform of 1864: the positions of V.D. Spasovich // The world of politics and sociology. 2015. No. 8. P. 37–43.

12. *Badzgaradze G.D., Antonov I.A.* Philosophical and legal views of M.M. Speransky and their implementation during the Judicial Reform of 1864 // Legal Science: History and Modernity. 2021. No. 3. P. 39–45.

13. *Barkalova E.V.* Legal and scientific heritage of A.F. Koni and issues of improving modern Russian criminal procedure legislation regulating the consideration of criminal cases with the participation of jurors // Legal science: history and modernity. 2018. No. 10. P. 150–157.

14. *Baskova A.V., Gapanovich A.G.* The image of a juror based on the speeches of Nikolai Platonovich Karabchevsky // Legal Science: History and Modernity. 2021. No. 3. P. 120–127.

15. *Bastrykin A.I.* Jury trial in Russia: dreams and reality // Time and Law. 2003. No. 5.

16. *Verstin D.A., Kharatishvili A.G.* Reform of the jury trial based on the ideas of A.F. Koni // Legal science: history and modernity. 2021. No. 2. P. 123–130.

17. *Vladykina T.A.* Psychological features of the implementation of the principle of adversarial proceedings in a jury trial // Journal of Russian Law. 2012. No. 8. P. 81–91.

18. *Voronina N.F.* Limits of judicial discretion in rendering an acquittal verdict by a jury // Criminal Procedure. 2005. No. 8. P. 45–58.

19. *Gladkovskaya A.O., Ivanova N.M.* Ideas of M.M. Speransky on the system of separation of powers and modernity // Legal science: history and modernity. 2022. No. 8. P. 28–31.

20. *Goryacheva E.A.* The role of the judicial reform of 1864 in the formation of the prosecutor's conclusion in civil cases // Legal science: history and modernity. 2018. No. 3. P. 78–80.

21. Legislation in the arrangement of Russian life: history and modernity (On the 250th anniversary of the birth of Mikhail Mikhailovich Speransky): Collection of articles / Based on the materials of the IX All-Russian annual meeting of legal theorists (February 16, 2022, Moscow, IZiSP) / T.Ya. Khabrieva, P.V. Krasheninnikov, S.I. Zakhartsev et al.; ed. V.V. Lazarev. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Norma: INFRA-M, 2024. 280 p.

22. *Zakhartsev S.I.* Jury trial as a problem of justice: philosophical, legal and applied aspects // The world of politics and sociology. 2013. No. 9. P. 144–151.

23. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* M.M. Speransky: encyclopedist, reformer and teacher // Legislation in the arrangement of Russian life: history and modernity (On the 250th anniversary of the birth of Mikhail Mikhailovich Speransky): collection of articles / Based on the materials of the IX All-Russian annual meeting of legal theorists (February 16, 2022, Moscow, IZiSP) / T.Ya. Khabrieva, P.V. Krasheninnikov, S.I. Zakhartsev et al.; ed. V.V. Lazarev. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Norma: INFRA-M, 2024. pp. 17–28. In the book 280 pp. DOI: 10. 12737/2090021.

24. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Jury trial as one of the results of the 1864 reform: pros and cons // Legal science: history and modernity. 2020. No. 1. P. 135–145.

25. *Ivanova N.M., Onuchina S.L.* Outstanding contribution of the Minister of Justice Dmitry Zamyatnin to the implementation of judicial reform. Reforms of the prosecutor's office in the post of Prosecutor General // Legal Science: History and Modernity. 2020. No. 2. P. 170–174.

26. *Ikonnikova I.S.* M.M. Speransky in the interior of a personal library and the legal life of Russian society // The world of politics and sociology. 2012. No. 11. P. 18–24.

27. *Karnozova L., Klimova S*. Jury trial in post-Soviet Russia – an institution of civil society? // Social reality. 2006. No. 9. P. 7–31.

28. *Koval S.P.* Historical experience and influence of the judicial reform of 1864 on Russian society and state // Bulletin of Kostroma State University. 2018. No. 24. P. 28–32.

29. *Kolokolov N.A.* The issue of organizing state power in the works of M.M. Speransky // Legislation in the arrangement of Russian life: history and modernity (On the 250th anniversary of the birth of Mikhail Mikhailovich Speransky): collection of articles / Based on the materials of the IX All-Russian annual meeting of legal theorists (February 16, 2022, Moscow, IZiSP) / T.Ya. Khabrieva, P.V. Krasheninnikov, S.I. Zakhartsev et al.; ed. V.V. Lazarev. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Norma: INFRA-M, 2024. pp. 45–53. In the book 280 p.

30. *Kravchenko A.A.* A.F. Horses and jury trial // Legal science: history and modernity. 2018. No. 6. P. 176–178.

31. *Krakovsky K.P.* «Law is power based on truth» (Unpublished works of the outstanding legal scholar M.M. Speransky) // Legislation in the arrangement of Russian life: history and modernity (On the 250th anniversary of the birth of Mikhail Mikhailovich Speransky): a collection of articles / Based on the materials of the IX All-Russian annual meeting of legal theorists (February 16, 2022, Moscow, IZiSP) / T.Ya. Khabrieva, P.V. Krasheninnikov, S.I. Zakhartsev et al.; ed. V.V. Lazarev. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Norma: INFRA-M, 2024. pp. 28–39. In the book 280 p.

32. *Krakowski K.P.* Judicial reform of 1864: Significance and historical and legal assessments // Journal of Russian law. 2014. No. 12 (216). P. 16–31.

33. *Krasheninnikov P.V.* Seven Lives of Count Mikhail Speransky. Biography of the Reformer of Russia. M.: Eksmo, 2021.-- 216 p.

34. *Legkiy D.M.* Dmitry Vasilyevich Stasov: Judicial reform of 1864 and the formation of the sworn legal profession in the Russian Empire. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2011. 424 p.

35. *Litvinova V.N., Lyasovich T.G.* Organizational and legal foundations of the activities of judicial investigators in the Russian Empire in the second half of the 19th century // The World of Politics and Sociology. 2019. No. 6. P. 29–33.

36. *Lukovskaya D.I., Volkova S.V.* To Speransky through the Centuries. The Relevance of the Legacy of the Great Reformer of Russia // XIII St. Petersburg International Legal Forum 2025. M.: Roscongress, 2025. P. 54–58.

37. Ministry of Internal Affairs of Russia. 1802–2002: Historical essay in 2 volumes. Volume 1 / Under the general editorship of V.P. Salnikov; Gryzlov B.K., Salnikov V.P., Strelnikov A.A., Ryskin L.B., Glushachenko S.B., Aleksandrov A.I., Nizhnik N.S. St. Petersburg: University Foundation, 2002. 272 p. (Series: "200 Years of the Ministry of Internal Affairs of Russia").

38. *Ocheredko V.P., Skorik D.D.* Issues of formation and development of the institution of jurors in Russia // Legal science: history and modernity. 2020. No. 10. P. 157–161.

39. *Salnikov S.P.* Genesis of the normatively organized status of the prosecutor's office in connection with the transformations of the judicial system in Russia in the second half of the 19th – early 20th century: problem statement // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2005. No. 4 (28–2). P. 150–154.

40. *Smirnov A.F.* Speransky. The Great Statesman / Scientific ed. A.V. Man'ko. M.: Veche, 2022. 464 p.: ill. (The best biographies).

41. *Solomatin E.N.* The Institute of Advocacy as a Subject of Human Rights Activity in Pre-Revolutionary Russia // Izvestiya Tula State University. Economic and Legal Sciences. 2015. No. 1–2. P. 85–91.

42. *Stroev N.S., Doronin A.M.* On the spirit of ministerial reform. Position of M.M. Speransky // Legal science: history and modernity. 2022. No. 4. P. 40–44.

43. *Sudarikov V.A.* The role of the presiding judge in the administration of justice by a court with the participation of jurors in Russian criminal proceedings: Diss.... Cand. of Law. M., 2004. 232 p.

44. *Tomsinov V.A.* Luminary of Russian bureaucracy: historical portrait of M.M. Speransky. M.: Molodaya Gvardiya, 1991. 336 p.

45. *Tomsinov V.A.* Speransky. M.: Molodaya Gvardiya, 2006 464 p. (Series: «The Life of Remarkable People»).

46. *Fursov D.A.* Views on the law and justice from the time of M.M. Speransky to the present day // Legislation in the arrangement of Russian life: history and modernity (On the 250th anniversary of the birth of Mikhail Mikhailovich Speransky): collection of articles / Based on the materials of the IX All-Russian annual meeting of legal theorists (February 16, 2022, Moscow, IZiSP) / T.Ya. Khabrieva, P.V. Krasheninnikov, S.I. Zakhartsev et al.; ed. V.V. Lazarev. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Norma: INFRA-M, 2024. pp. 62–69. In the book 280 p.

47. *Cherepanov S.I.* The Institute of Sworn Attorneys in the Russian Empire under the Judicial Reform of 1864 and the Institute of Advocacy in the Russian Federation (chronodiscrete study). M.: Yurlitinform, 2020. 154, [2] p.

48. *Shadrina E.G.* Modern aspects of the jury trial reform in Russia // Legal science: history and modernity. 2019. No. 1. P. 165–171.

For citation: *Kvitchuk A.S.* Judicial reform of 1864: a fundamentally new progressive system of justice in the Russian Empire // Theory of state and law. 2025. No. 2–1. P. 98–103.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_93

Научная статья
УДК 34
ББК 67
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_104

А.Ю. Кийко*
В.П. Очередько**
В.П. Сальников ***

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. *Авторы обращаются к исторической памяти российского юридического образования, позволяющей оценить сложный и противоречивый процесс его развития. Это обращение отражает также потребность и создает реальные основания для понимания целостности отечественного юридического образования. В работе выявляется диалектическая зависимость между содержанием исторической памяти и развитием правового обучения и воспитания в современных условиях, устанавливается характер влияния представлений о прошлом на актуальные формы юридического образования. Определяются черты юридического образования на этапах становления российской государственности, характеризующие преемственность его развития. Обращено внимание на современные вызовы юридическому образованию в условиях нарастающей цифровизации.*

Ключевые слова: *юридическое образование, правовое обучение, правовое воспитание, традиции, вызовы, цифровизация.*

Юридическое образование является важной составной частью правовой действительности в обществе, как целенаправленной предметно-практической деятельности, отражающей знание, понимание и реализацию права, отношение к правовой реальности. Роль юридического образования в формировании юриста неоспорима, и не может сводиться лишь к правовому обучению. Оно играет базовую роль в формировании профессионального правосознания. Во-первых, образование является элементом правовой действительности (мира права). Образовательная организация как субъект права, осуществляющий предметно-практическую деятельность в сфере норм права (прав, обязанностей, приказов, распоряжений и др.), отражает правовую действительность. В ее рамках обучаемый вводится в правовую действительность, складывающуюся в образовательной организации, и, тем самым, закладывается его базовая реакция на право. Во-вторых, правовое образование формирует правовую действительность через воспроизводство, тиражирование и закрепление правовых образов в обществе, типов правопонимания в рамках изучения не только правовой системы, но и философско-правовой материи [4; 26; 39; 40; 41; 137]. В последующем профессиональное правосознание юриста развивается в ходе предметно-практической юридической деятельности, где закрепляются правовые образы и сформированные оценки и мотивы, вполне реальна также их деформация [31; 34; 35; 36].

* **Кийко Андрей Юрьевич,** начальник Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: obr_kom@spvi.ru

** **Очередько Виктор Пантелеевич,** профессор Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации. E-mail: ocheredkovp@mail.ru

*** **Сальников Виктор Петрович,** профессор Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. E-mail: fonduniver@bk.ru

В рамках юридического образования в центре внимания всегда был вопрос об уровнях, возможностях и условиях, нацеленности юридического образования на формирование высокого уровня правосознания и правовой культуры [3; 81; 102; 103; 104; 105; 106; 108; 109; 110; 111; 129]. От качественного решения данной задачи напрямую зависит профессиональный уровень выпускника: его компетентность, практическая готовность к будущей профессии, устойчивость к профессиональной деформации и многое другое.

Правовое образование, как известно, существует в 3 ипостасях: как социальный институт, как процесс передачи знаний и как совокупность знаний. Оно является средоточием противоречивых интересов акторов, сложным и непрерывным переосмыслением организации, процесса и его результатов. В каждом сфере существуют объективные причинно-следственные связи и неизменны проблемы, воспроизводятся традиции, реализуется преемственность развития.

В интересах глубокого понимания проблемы и определения путей ее решения целесообразно, на наш взгляд, обратиться к истории вопроса, отечественным традициям в юридическом образовании, обусловливающим его эффективность в развитии правосознания на соответствующих этапах жизни российского общества. В этом, на наш взгляд, состоит отраслевой ответ на требование обновленной Конституции РФ сохранять историческую память.

Историческая память как опыт предшествующих поколений играет важную роль в оценке и определении хода исторического развития. Непреходящее значение имеют слова В.О. Ключевского: «Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий» [62, с. 322]. Историческая память в юридическом образовании – это не просто восприятие сложного и противоречивого процесса развития подготовки отечественных юристов, это мощный инструмент формирования правовой идентичности общества. Оценка современного состояния отечественного юридического образования, выработка программ развития, трудное продвижение на этом пути идет через осмысление прошлого. Утрата неразрывной связи с собственным прошлым, накопившим большой запас уроков, чревата тиражированием ошибок, развитием угроз национальной безопасности, в конечном счете российской государственности, суверенитету России [44; 45; 92; 97; 124]. Историческая память имеет деятельностный аспект, то есть помимо знания истории предполагает осмысление исторического опыта и вытекающих из него уроков.

В литературе предложены различные варианты периодизации юридического образования в России [52]. Мы не будем останавливаться на их характеристике. Нас интересует черты, обнаруженные в образовании, достигшие зрелых и зримых форм. Некоторые авторы выделяют такие черты, отмечая их существенное влияние на специфику функционирования юридического образования на каждом этапе его развития [23]. На наш взгляд, можно выявитьчерты юридического образования, не определяющие его специфику на разных этапах, а характеризующие неразрывность, преемственность, традиции в его развитии на основе неизменных требований со стороны государства. Не претендуя на исчерпывающий анализ, полагаем возможным остановиться на трех чертах развития юридического образования, позволяющих рассматривать его как непрерывный процесс, несмотря на существенные различия, отражающие специфику исторических этапов развития российской государственности.

1. Определяющее государственное начало в юридическом образовании. Юридическая профессия всегда связана с государственной сферой, в значительной мере обеспечивала государственные потребности. В силу этого юридическое образование всегда содержало определяющее государственное начало, принимавшее формы, отвечающие потребностям государства на каждом этапе его развития. Это начало весьма определенно прослеживается во всех эпохах развития российской государственности.

В дореволюционной России подготовка юристов рассматривалась в качестве важной государственной задачи, осуществлялась в рамках жесткого государственного регулирования этой деятельности, имевшее в своем основании разработанные политико-идеологические и нормативно-управленческие стратегии государственного воздействия. Государ-

ственное финансирование и детальная регламентация этой сферы практически на всех этапах–его важные характеристики. Юристы обучались в государственных учебных заведениях. Преподаватели считались на государственной службе, им присваивались государственные классные чины. Государственными интересами определялось содержание юридического образования. Важнейшим вызовом и мощным стимулом развития юридического образования во второй половине XIX века явилось осуществление «великих реформ», прежде всего судебной реформы 1864 года [10; 63; 64; 67; 69; 70; 100; 132; 145].

Важным элементом государственной политики в сфере юридического образования и науки явилась организация заимствования западного интеллектуального и институционального опыта. Общепризнано, что заимствование европейских правовых идей, привлечение иностранных ученых-юристов, командировки российских студентов и стажировки молодых ученых в европейские университеты явилось благотворной питательной средой, мощным стимулом развития отечественной юридической науки и юридического образования [46; 125; 135]. Это были достаточно эффективные инструменты государственной политики Российской империи в сфере образования и науки. Выдающийся русский юрист Н.М. Коркунов в начале XX в. ярко выразил это: «Наше отношение к западной науке можно сравнить с отношением глоссаторов к римской юриспруденции. И нам приходилось начинать с усвоения плодов чужой работы, и нам, прежде всего, надо было подняться до уровня иноземной науки... Тем не менее, в каких-нибудь полтораста лет, мы почти успели наверстать отделявшую нас от западных юристов разницу в шесть с лишком столетий» [65, с. 233]. С не меньшим основанием это можно сказать о юридическом образовании.

Вместе с тем, мы не можем не отметить «парадокс» дореволюционной государственной политики в юридическом образовании. Усилия государства по развитию юридического образования, наряду с несомненными позитивными результатами, сопровождались «досадным сопутствующим» эффектом – расхождением юристов с монархической государственностью. Он обнаружился в негативной роли дореволюционных «властителей умов» – российских юристов в крушении Российской Империи. Они в большинстве своем «критически относились к самодержавию и проводимым им политико-правовым мерам» [134, с. 184], активно участвовали в противостоянии существующей власти, вплоть до принятия части из них насильственного пути изменения существующего монархического строя. Примеров тому достаточно много. Так, Выборгское воззвание к гражданам России, принятое 9–10 июля 1906 года большим числом депутатов распущенной 1-й Государственной думы, среди которых были видные российские юристы (С.А. Муромцев, М.М. Винавер, Ф.Ф. Кокошкин и многие другие), призывало население не платить налоги, уклоняться от призыва в армию, объявляло недействительными государственные займы, которые будут заключены без согласия Думы [141, с. 327–328]. Блистательный юрист, депутат трех Государственных дум В.А. Маклаков в 1916 году произнес в Думе знаменитую антиправительственную речь, вошедшую в историю под названием «либо мы, либо они» [148, с. 312].

На наш взгляд, актуальным является вопрос об оценке этого парадокса в историческом контексте. Он отражает историческую специфику форм и результатов государственного участия в развитии правового образования в дореволюционной России или является его неизменным атрибутом, характеризующим этот процесс на всех этапах развития российской государственности, приобретая свои исторические формы? Во всяком случае, мы должны «выучить» этот исторический урок, преподанный нам нашими предшественниками.

Октябрьская революция свершилась, провозгласив другие ценности, неся на своих знаменах новые принципы государственного устройства, поставив под сомнение прежнее понимание и предназначение права. В первое десятилетие Советской власти всерьез задавались вопросами «нужно ли нам право, в какой степени оно нам нужно, и можно ли мириться с тем, что мы почему-то пролетарскую диктатуру и классовый интерес перекрашиваем в какие-то загадочные правовые образы и формы» [96, с. 81]. Право рассматривалось как государственный инструмент, реализующий волю господствующего класса, отражающую его интересы. Это означало приговор прежней системе юридического образования.

Очевидно было, что новая власть, при всем ее нигилистическом отношении к праву, нуждалась в нормативном урегулировании новой жизни и в юристах, конечно новой формации. Юридические факультеты были закрыты как «факультеты ненужных вещей» и преобразованы в ФОНы (факультеты общественных наук), длительное время в последующем называвшиеся также факультетами государственного строительства, советского права. Развитие юридического образования стало объектом пристального внимания и контроля партийных органов за функционированием и идеологически выверенным преподаванием юридических дисциплин «правильным» профессорско-преподавательским составом. Для поступления в ВУЗ на юридическую специальность долгое время требовалась рекомендация партийных или комсомольских органов. Получила широкое развитие система специализированных юридических ВУЗов. КПСС и Советское правительство неоднократно обращались к проблемам развития советского юридического образования. Вехой в развитии юридического образования стало Постановление ЦИК и СНК СССР от 5 марта 1935 г. «О мероприятиях по развертыванию и улучшению правового образования». Оно отражало изменение взглядов Советской власти на роль и место права в жизни страны и было нацелено на переформатирование системы юридического образования и науки для решения в сжатые сроки проблемы обеспечения «правовиками-ленинцами» советской страны. В 1946 году принято Постановление ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране».В 1964 г. ЦК КПСС принял специальное постановление «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране». В целом, можно видеть органическую связь эволюции юридического образования с развитием советской государственно-правовой системы.

Демократический период развития России сохранил государственное начало в юридическом образовании. Государство неизменно обращает внимание на состояние юридического образования, продолжает разрабатывает меры по его совершенствованию. Заметными вехами была разработка Минобразования России 2001 году межведомственной программы «Развитие юридического образования в Российской Федерации», обновленная и продленная до 2005 г., проведение весной 2002 г. специальной коллегии Министерства, посвященной юридическому образованию и другие шаги. Наконец. 26 мая 2009 года принят Указ Президента РФ «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации». Высказывались различные организационные предложения по совершенствованию юридического образования, среди которых сокращение числа юридических вузов и упразднение заочной формы обучения по этой специальности, построение рейтинга юридических ВУЗов, разделение их на профильные и непрофильные и другие.

Мы должны признать, что предлагаемые и осуществляемые шаги не представляют собой цельного разработанного концепта, базирующегося на идеологии государственности, как совокупности идеалов и ценностей, которые составляют целеполагание и смысл существования государственной власти. Иногда проблема сводится к отсутствию государственной идеологии. Конституция РФ содержит отказ от государственной идеологии. Высказываемые иногда в дискуссиях мнения о том, что содержащаяся в Конституции РФ формулировка 13 статьи не означает невозможности разработки государственной идеологии едва ли имеет серьезные основания [6; 9; 13; 29; 37; 78; 82; 92, с. 70–120; 120; 121; 138; 139]. Однако это не означает отрицания идеологии государственности. Идеи государственности всегда присутствуют в любом государстве, и играют системообразующую роль, определяют неизменность и преемственность в его развитии. К такому выводу пришли и участники дискуссии на страницах журнала «Мир политики и социологии», вызванной статьей-презентацией классика теории государства и права, профессора В.В. Лазарева [118] «Идеологическое сопровождение современного правосудия» [8; 9; 11; 24; 68; 71; 72; 75; 76; 77; 83; 87; 146; 149]. Конституция РФ определяет пять базовых идей государственности: демократическая, федеративная, правовая, социальная и светская.

Обновленная Конституция РФ содержит ряд дополнений, расширяющих перечень государственных ценностей (защита суверенитета и территориальной целостности, преем-

ственность в развитии Российского государства, исторически сложившееся государственное единство, историческая правда) [14; 15; 16; 19; 32; 33; 38; 74; 99; 117; 119; 140]. Это создает дополнительные основания в укреплении идеологии государственности, ее суверенности, лежащей в основе укрепления государственных начал развития юридического образования.

Можно полагать, что обновленная Конституция РФ приобрела основания, которые не позволили бы сегодня подписать в 2003 году Болонскую декларацию, построенную на европейских ценностях и европоцентристских основаниях. Как известно, Болонская система в сфере правового образования развивается на основе европейского права в интересах формирования единого правового пространства Европы. Она направлена на придание ему наднационального, общеевропейского характера. В этих целях на базе европейского права происходит унификация образовательных программ, развитие академической мобильности студентов и преподавателей. Все это ориентировано на развитие европейской идентичности в других сферах: культуры, искусства, политики.

Это было серьезным испытанием в реализации ценностных государственно-ориентированных установок высшего образования. Внедрение новой (Болонской) системы образования сопровождалось определенными потерями, которые нам еще предстоит компенсировать [21; 55; 90; 126]. Так, угроза нависла над институтом, отражающим национальную образовательную традицию, а именно, кафедрой как центром учебной научной, методической и воспитательной работы при весьма сомнительных перспективах перехода на западные стандарты с ориентацией на англосаксонскую правовую традицию. А именно кафедра, на наш взгляд, во многом характеризовала черты и определяла результаты отечественного образования в «золотой век» российской юриспруденции (конец XIX – начало XX веков). Могут быть сомнения в реальности этих потерь. Но в «наиболее продвинутых» ВУЗах кафедры уже ликвидированы, а вместе с этим кафедральная «кухня», в рамках которой реализовывалась связь учитель–ученик, как основополагающая черта российского высшего юридического образования [88].

Анонсируемые организационно-правовые корректировки высшего образования, направленные на преодоление некоторых наиболее одиозных элементов Болонской системы, будем надеяться, способны оказать серьезное воздействие на состояние юридического образования.

Другой важной проблемой, «подтачивающей» государственные основания юридического образования, является его развитие на двойственном экономическом основании (бюджетное и контрактное финансирование). Юридическое образование (за исключением правоохранительной сферы), по сути, лишено государственного (бюджетного) финансирования и ориентировано на зарабатывание денег (самофинансирование). Отсутствие давно известных на Западе источников финансирования (фонды, благотворительность и т.д.) оставляет единственный источник – деньги обучаемых (контрактное обучение).

Коммерциализация юридического образования, меняя экономику образовательной организации, ориентирует ее на получение коммерческого результата, а не на образовательную деятельность как таковую. В деятельности образовательной организации реализуется бизнес – логика, примером которой является «оптимизация» численности профессорско-преподавательского состава на основе увеличения его нагрузки в интересах повышения уровня заработной платы. Это неизбежно корректирует образовательную политику ВУЗов, эрозирует единое образовательное пространство, модифицирует его ценностные ориентиры. В эту бизнес – логику подключаются преподаватель, которому предлагается помнить, что выставляемая им оценка определяет доходы образовательного учреждения, а значит и его заработную плату. Меняется также статус обучающегося, он становится экономической единицей, финансирующей образовательную деятельность и, соответственно, потребителем образовательной услуги.

2. Перманентный юридико-образовательный дискурс. Юридико-образовательный дискурс – «чему и как учить будущих юристов» – сопровождает систему подготовки юридических кадров на протяжении всей истории, отражая неизменность и преемственность его

проблем. Значение и масштабность вопроса емко была сформулирована еще в начале прошлого века. «Вопрос о реформе юридического преподавания один из тех, которые могут и должны быть обсуждаемы независимо от смены отдельных лиц, независимо от смены даже политических направлений. Это – в высокой степени – народный и государственный вопрос постоянного значения» [57, с. 4, 6, 12].

Отражая столкновение старого и нового, дискурс о том, чему учить будущих юристов и как преподавать право, ведется непрерывно на разных этапах российской государственности и в самых разнообразных формах, как в рамках организованных дискуссий, так и в индивидуальных беседах в «курилке», отражающих личный опыт и переживания непосредственных участников образовательного процесса. В качестве примеров организованных форм можно вспомнить дискуссию профессионального научного сообщества о реформе подготовки юристов в конце XIX – начале XX вв., получившую название «литературный плебисцит» [79], когда вопросы содержания преподавания занимали важное место в обсуждении реформы юридического образования.

«Борьба за право» в первые 10-летия Советской власти решительным образом отразилась в жарких дискуссиях о судьбе, задачах и содержании юридического образования в профильных журналах, в последующем продолжилась в обсуждении «модели советского юриста» [1; 136].

Современный период также характеризуется широкомасштабной дискуссией, как в традиционном содержании [94; 128; 130], так и как отражение современных тенденций, в частности нарастающей цифровизации образования [88; 27]. Отражая перманентные колебания между теорией и практикой, содержанием и формой, в дискуссиях осуществляется поиск модели юридического образования, отвечающей интересам конкретного этапа государственного правового развития. Важно понимать, что, будучи непрерывным, он обеспечивает преемственность развития системы подготовки юридических кадров, ее устойчивую и эффективную эволюцию.

В современном дискурсе важное место имеет определение единых профессиональных оснований, реализуемых в едином государственном образовательном стандарте. Существенное значение в формировании эффективной модели правового образования имеет разработка профессионального стандарта (квалификационных требований), как того напрямую требует Закон об образовании в Российской Федерации. Он должен являться основанием для ответа на вопрос – чему учить. В разработке стандартов предусматривается участие многих институтов. Применительно к юридической деятельности центральное место, по всему, должна занимать Ассоциация юристов России (АЮР). Но этим занимается Минтруда РФ. Он вынес на общественное обсуждение проект профессионального стандарта «Юрист», регламентирующий юридическую деятельность в России, вызвавший неоднозначную реакцию юридического сообщества. Приходится констатировать, что у юриста нет до сих пор профессиональных требований. В юридической сфере принят пока только профессиональный стандарт для следователя криминалиста. утвержден также стандарт специалиста по конкурентному праву, целый ряд стандартов по «смежным» профессиям.

При всей важности компетенций юриста, которые, безусловно, должны быть, следует обратить внимание на проблему более общего порядка, существующую всегда, но сегодня получившую дополнительную актуальность.

Следует, на наш взгляд, согласиться с тем, что всегда и везде существуют 4 компетенции: научится жить, научиться жить в коллективе, научиться учиться и научиться научить другого [84]. Обучение – самый ценный навык нашего времени. Знания быстро устаревают. Процесс этот стремительно развивается. В физике сформулировано понятие – период полураспада знаний. По общему признанию оно применимо к другим областям знания. Суть это периода состоит в определении временного периода, в течение которого половина знаний в данной области устареет или окажется неверной. По данным американских исследователей, для инженера 1960 года выпуска этот период в составлял 8–10 лет, а для выпускника 2000 года уже 2–3 года [58]. Никто пока не озаботился определением периода полураспада

знаний для юриста. Но очевидно, что, исходя из большого динамизма социальной сферы, этот период, как минимум, не больше.

Срок годности знаний является принципом, который учит учиться. Нужно не вкладывать знания, они быстро устаревают, нужно научить учиться – это первое. Второе – научиться мыслить. В условиях устаревания юридических знаний для юриста жизненно важным является овладение юридическим мышлением. Еще Р. фон Иеринг отмечал, что юридическое образование и многолетние упражнения формируют у юриста «своеобразную способность восприятия,…особое умение обращаться с юридическими понятиями, …а также безошибочность юридического диагноза...» [51, с. 20]. Юридическое мышление означает умение мыслить образами и понятиями права, переводить их в область конкретного юридического действия. На этой основе юрист овладевает юридическим ремеслом в виде инструментов и технологий предметно-профессиональной деятельности, которое при определенных условиях может трансформироваться в профессиональное юридическое искусство. Важно при этом подчеркнуть, что юридическое мышление основывается на мощной интеллектуальной юридической составляющей.

Серьезным вызовом, стоящим перед юридическим образованием и существенно обновляющим постоянно воспроизводящийся юридико-образовательный дискурс является цифровизация всех сторон общественной жизни. Все более настойчиво вторгающаяся в образовательный процесс новая цифровая реальность позволяет, а во многом, и заставляет по новому оценивать и использовать накопленный методический багаж [47]. При неизменности базовой проблемы в дискуссиях – как согласовать фундаментальную и прикладную составляющие обучения – все более актуальным является «вписывание» ее в «цифровую» среду. Использование цифровых технологий, информационных ресурсов и интернет-пространства порождает необходимость и создает предпосылки выстраивания индивидуальных траекторий в юридическом образовании, сопровождается существенным изменением многих привычных и отработанных элементов организации учебного процесса. Остро встают вопросы соотношения и согласования традиционных видов и форм учебного процесса, необходимо новое понимание аудиторного занятия в его соотношении с дистанционным обучением, происходит конструирование вузовских электронных образовательных ресурсов.

Вместе с тем, нельзя упускать из виду потенциальные риски, связанные с внедрением цифровых инструментов в образовательный процесс. Цифровизация может выступить как фактором преодоления кризисной ситуации в образовании, так и обнажить существующие проблемы, усугубить сложившуюся ситуацию.

Цифровизация юридического образования по-новому ставит вопросы формирования профессиональных компетенций юриста, а также развития его социальных характеристик. Формируемая цифровая реальность занимает все большее пространство в жизни студента, порождая и делая более востребованными другие навыки социального общения, отличные от навыков непосредственного общения и взаимодействия как базовой компетенции юриста.

3. Неразрывная связь правового обучения и правового воспитания как структурных элементов юридического образования. В юридическом образовании наряду с основными вопросами «Чему учить?», «Как учить?» неизменно стоял вопрос формирования нравственности, гражданской позиции юриста. Юридическое образование всегда готовит юриста для решения общественно значимой задачи – урегулирования общественной жизни, решения конкретных проблем человека как субъекта права, что предполагает наделение ученика помимо профессиональных компетенций еще и общественно значимыми и востребованными социальными качествами. Это обусловливает наличие и неразрывную связь в образовательном процессе двух его сторон: обучение и воспитание юриста. Русский мыслитель и юрист И.А. Ильин предупреждал: образование без воспитания есть дело ложное и опасное. Оно создает чаще всего людей полуобразованных, сомнительных и заносчивых, тщеславных спорщиков, напористых и беззастенчивых карьеристов, оно вооружает противодуховные силы, оно развязывает и поощряет в человеке «волка».

Важно определиться в понимании правового воспитания, его сложной структуры и исторической обусловленности целеполагания. Базовой составляющей правового воспитания является правильное формирование правового сознания и правовой культуры личности путем выработки правового способа мышления, основанного на знании и понимании национальной правовой системы [60]. Однако сводить правовое воспитание лишь к уважению права, на наш взгляд, неправильно. В правовом воспитании уважение к праву и следование ему является базовой, но не единственной составляющей. Представляется, что это слишком утилитарное понимание правового воспитания, исключающее морально-нравственный аспект его деятельности. Предметно-практическая деятельность юриста в значительной мере определяется такими личностными качествами как совесть, справедливость и гражданская ответственность, образующих собой единое целостное образование – триаду [7]. Они являются «ядром» нравственной сущности личности специалиста-юриста.

На наш взгляд, воспитательную деятельность не следует сводить также к указанной триаде. Формирование гражданина, патриота страны необходимо присутствует (должно присутствовать) в воспитательном процессе. И.А.Ильин продолжал свою знаменитую формулу: человек, лишенный патриотизма, легко продаст и силы, и ум, и – если сможет – богатства страны тем, кто дороже заплатит, не думая ни о современных ему соотечественниках, ни о потомках. Патриотизм выступает в качестве важнейшей социальной ценности на всех этапах развития российской государственности [2; 22; 54; 89; 101; 122; 127; 133].

Исторический поиск сбалансированного согласованного развития правового обучения и правового воспитания в объемном понимании последнего представляет собой неотъемлемую черту развития юридического образования на всех этапах развития нашего государства и общества. Он значимо оказывает влияние на предотвращение угроз суверенитету российского государства [92].

В дореволюционной России неизменным был интерес к гражданско-воспитательной проблематике в образовании со стороны российской общественности (В.И. Водовозов, Н.Г. Чернышевский, К.Д. Ушинский, В.П. Острогорский). Можно сказать, что правовое воспитание приобретало определенность и значимость в процессе развития юридического образования и в рамках становления юридической профессии, обретения ею своего места в общественном развитии и государственном строительстве России. В этот период осуществлялась разработка практических и теоретических аспектов проблемы правового воспитания юристов.

Проблемы воспитания гражданско-патриотической позиции в юридическом образовании в дореволюционный период вполне определенно проявились, на наш взгляд, в отмеченном нами выше парадоксе реализации государственных оснований в этой сфере. Разрыв между стихийным развитием факторов гражданско-патриотического воспитания и государственными основаниями юридического образования объективно проявился в деформации (нарушении баланса) комплекса связей правового обучения и правового воспитания. Деформация этой связи неизменно сопровождалась ослаблением органической связи с государственными интересами, снижением конструктивной роли юриста в стабильности общества.

Принимая во внимание определенную гипертрофию и существовавшие ограничения трактовки, можно, на наш взгляд, признать, что советская система воспитания была основана на формировании чувства «собственной причастности к некоему великому целому – делу и стране» [56, с. 48]. Она давала чувство высокого долга перед собственным призванием, без которого человек не может существовать. Вместе с тем, советский период характеризовался другой стороной деформации (нарушении баланса) в комплексе связей правового обучения и правового воспитания. Это в определяющей мере было обусловлено отрицанием какой-либо преемственности профессионального статуса, традиций дореволюционного поколения юристов и реализацией принципа идеологической направленности как основы правового воспитательного воздействия. Деформация этой связи неизменно проявлялась в гипертрофированном обозначении и реализации органической связи с государственными интереса-

ми, превращении юристов в «бойцов на фронте советского права за генеральную линию партии». В более поздний период эти формулировки были сняты с повестки дня, но ожидания власти от юриста, по сути, не изменились.

Проблемы в обеспечении неразрывной связи правового обучения и правового воспитания наблюдались на начальных этапах демократического развития России. Решение вопросов развития профессионального правосознания современных юристов невозможно без восстановления этой связи. Образовательный процесс не должен пониматься как простая передача знаний, они должны базироваться на реализации воспитательных и нравственных начал. Без обладания достаточной степенью воспитанности, нравственной и правовой культуры, понимания своего предназначения, неразрывно связанного с государственными интересами России, юрист превращается в бездушную правовую машину. Не случайно в современных условиях все чаще стали появляться интересные публикации по философии права. Исследователи активно обращаются к проблемам права и морали [30; 50; 80; 114; 115; 116], справедливости права [17; 18; 28; 42; 43; 53; 61; 107; 131; 142; 143; 147], ведут речь о взаимосвязи права с добром, доверием, свободой [4; 26; 41], пишут о теологии права [49; 66; 73; 85; 86; 93] и об отечественных духовно-нравственных ценностях [25; 48; 59; 91; 95; 137, с. 153–188]. Вряд ли можно вести речь о единении юридического образования и правового воспитания без опоры на нравственно-правовую социализацию личности [144], тем более, когда речь идет о ресоциализации человека [5; 12; 20; 98; 112; 113; 123]. Все эти вопросы требуют самостоятельного исследования.

Наша цель – не только подготовить грамотного специалиста, но и социально-ответственную личность, которая понимает, что она делает, ради чего она это делает, что наступит после ее действий и которая способна отвечать за свои действия.

При этом нужно понимать воспитание не только в технократическом смысле, т.е. как целенаправленный процесс воздействия на личность в целях формирование нужных воспитателю, вузу, обществу качеств. Целенаправленное формирование определенных качеств личности, конечно, является сутью воспитания. Но иногда такое понимание позволяет сводить воспитание к проведению различного рода и масштаба мероприятий. Между тем важное значение всегда имеет создание условий для саморазвития личности в ходе вузовского обучения, формирования юриста-патриота России. Проще говоря, необходимо чтобы правильные и необходимые слова не расходились с окружающей действительностью. Здесь можно обнаружить противоречивость современного нравственно-правового воспитания юриста. Государство и общество нуждается в профессиональных юристах с устойчивыми нравственными ориентирами и прикладывает в этом стремлении серьезные усилия, а практика социальной жизни затрудняет, а порой и лишает молодых людей возможности такого развития.

В качестве заключения можно сделать несколько выводов. Обращение к исторической памяти отражает стремление понять и оценить настоящее юридического образования на основе тщательного изучения исторического опыта. Оно создает реальные основания для понимания целостности отечественного юридического образования, при всей дискретности этого процесса. Целостность проявляется в преемственности его основных черт, а именно, неизменность государственных оснований юридического образования, постоянно воспроизводящийся юридико-образовательный дискурс, неразрывность правового обучения и правового воспитания.

Историческая память, помимо сугубо академического аспекта, обнаруживает себя и как проблема, имеющая бесспорное практическое измерение, связанное с необходимостью оптимизации юридического образовательного пространства, выработки научно обоснованных управленческих решений, выявления и поиск ответов на многие исторические уроки, вытекающие из накопленного опыта, в частности «парадоксы» государственных оснований юридического образования, а также противоречие нравственно-правового воспитания молодого человека-будущего юриста.

Непрерывно развивающийся на всех этапах российской государственности юридико-образовательный дискурс обеспечивает динамичное развитие юридического образования,

обогащает систему профессиональной подготовки юридических кадров новыми смыслами. Нарастающая цифровая трансформация создает большие (хотя и неоднозначные) перспективы юридического образования. Она может выступить как фактором преодоления многих проблем в образовании, так и обнажить существующие проблемы, усугубить сложившуюся непростую ситуацию.

Библиографический список

1. *Алексеев С.С., Яковлев В.Ф.* О модели юриста и обучении в юридических вузах // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1976. – № 4. – С. 73–81.
2. *Аманацкий Ю.В., Алиев Я.Л.* Возрождение патриотизма и актуальные проблемы патриотического воспитания в России: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2020. – 232 с.
3. *Баранов П.П.* Профессиональное правосознание работников органов внутренних дел (теоретические проблемы). – М.: ВЮЗШ МВД России, 1991. – 127 с.
4. *Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и её влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / Вступительное слово профессора А. Александрова. Издание 2-е, исправленное, дополненное; Следственный комитет Российской Федерации. – СПб.: Фонд «Университет», 2023. – 456 с. (Серия: «Наука и общество»).
5. *Бастрыкин А.И., Сальников В.П., Романовская В.Б., Воронков К.И.* Антикриминогенная ресоциализация: зарубежный опыт // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14. – № 3. – С. 371–378. DOI:10.17150/2500–4255 2020.14(3).371–378.
6. Бастрыкин призвал прописать государственную идеологию в Конституции // https://www.rbc.ru/politics/22/11/2023/655db8f39a7947609f6e6b9e
7. *Бобков Д.А.* Критерии формирования системы нравственных ценностей у студентов-юристов // Образование и саморазвитие. – 2013. – № 1 (35). – С. 124–128.
8. *Боброва Н.А. Г*осударство без идеологии – это нонсенс // Мир политики и социологии. – 2019. – № 7. – С. 24–33.
9. *Богатырев Д.К., Сальников В.П.* Ценности христианского гуманизма и государственно-правовая идеология // Мир политики и социологии. – 2019. – № 11–12. – С. 36–43.
10. *Большакова В.М.* Судебная реформа 1864 г. в Российской империи и Судебная реформа конца XX – начала XXI в. в Российской Федерации (проблема реализации в пространстве и во времени) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2017. – № 2. – С. 17–26.
11. *Брылева Е.А.* Гражданское общество как один из ключевых субъектов поиска государственно-правовой идеологии // Мир политики и социологии. – 2019. – № 8. – С. 23–26.
12. *Брылева Е.А.* Трудовая деятельность в воспитательных колониях России как важнейшее направление ресоциализации несовершеннолетних осужденных // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 126–132.
13. *Булатов Р.Б.* Конституционные поправки 2020 г. в контексте формирования российской государственно-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 12. – С. 32–37.
14. *Булатов Р.Б.* Конституция Российской Федерации: поправки 2020 г. и их значение: Учебное пособие. – СПб.: ГУАП, 2023. – 232 с.
15. *Виноградова Е.В.* Грани современного российского конституционализма. – М.: РИТМ, 2021. – 240 с.
16. *Виноградова Е.В., Виноградова П.А.* Укрепление конституционных гарантий поправками 2020 года в Конституцию Российской Федерации. – М.: Эдитус, 2020. – 200 с.
17. *Виноградова Е.В., Захарцев С.И., Сальников В.П.* Справедливое правосудие М.И. Клеандров. Правосудие и справедливость. 2-е изд., перераб. и доп. // Государство и право. – 2023. – № 7. – С. 194–199.
18. *Виноградова Е.В., Сальников В.П., Захарцев С.И.* Правосудие для справедливости М.И. Клеандров. Правосудие и справедливость // Государство и право. – 2022. – № 8. – С. 190–194.
19. *Власова М.А.* Влияние конституционных реформ на юридическую науку // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 2. – С. 58–64.
20. *Воронков К.И., Сальников П.П.* Ретроспектива или эволюция роли государства в ресоциализации осужденных к лишению свободы в Российской Федерации? // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 7. – С. 117–119.
21. *Гер О.Е., Кайзер А.Г., Сальников С.П.* Россия в Болонской системе: проблемы и перспективы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 110–115.

22. *Гер О.Е., Сальников М.В., Сальников С.П., Шелепова М.А.* Национальная идея и патриотизм // Мир политики и социологии. – 2016. – № 2. – С. 128–144.

23. *Горбатова М.К.* Высшее юридическое образование в современной России: теоретико-правовые аспекты развития: Дис …канд. юрид. наук. – Нижний Новгород. 2007. – 244 с.

24. *Гутман М.Ю.* Или это хорошо? Или это плохо? Одни скажут – хорошо, а другие – плохо! // Мир политики и социологии. – 2019. – № 10. – С. 35–39.

25. *Дерюгин А.А., Аврамов С.О.* Традиционные духовно-нравственные ценности и ориентиры – стержень российской государственности на фоне современных угроз // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: Материалы Международной научно-практической конференции / Под науч. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, 2025. – С. 42–47. – в кн. 135 с.

26. Добро, доверие, справедливость, свобода в философско-правовой мысли: античность и современность: Монография / Е.В. Виноградова, А.О. Воробьев, И.Н. Грибов [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. 2-е изд, испр. и доп. –– М.: ИНФРА-М, 2025. – 459 с. – (Научная мысль). – DOI 10.12737/2151906.

27. *Дроздова А.М., Игнатьева С.В., Крижановская Г.Н.* Информатизация и цифровизация в образовательном пространстве современного российского общества // Теория государства и права. – 2023. – № 4–1 (34). – С. 125–129. DOI: 10.25839/MATGIP_2023_4_1_34_125

28. *Жук А.С.* Идея справедливости в праве и ее ценностный потенциал // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 5. – С. 183–188.

29. *Жук А.С., Сальников В.П.* Ценностный консенсус общества как основание суверенной правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 2. – С. 163–170.

30. *Жук А.С., Лукашин Е.В., Прокофьев К.Г.* Сущностная свобода человека как условие его самоопределения в качестве субъекта права и морали (ценностный аспект) // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 12. – С. 189–195.

31. *Захарцев С.И.* Профессиональная деформация правосознания сотрудников полиции, судей и прокуроров // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 4(9). – С. 335–345.

32. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Поправки в Конституцию Российской Федерации в контексте запрограммированного общества // Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства: Сборник материалов Всероссийской научно практической конференции (г. Уфа, 24 марта 2021 г.) / Отв. ред. Н.В. Ямалетдинова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – С. 129–152. – в. сб. 310 с.

33. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Поправки в российское законодательство и компрехендная теория права как основа суверенной философии права // Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства: Сборник материалов Всероссийской научно практической конференции (г. Уфа, 24 марта 2021 г.) / Отв. ред. Н.В. Ямалетдинова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – С. 172–187. – в. сб. 310 с.

34. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 11–29.

35. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Профессиональная деформация правосознания ученых-юристов: некоторые размышления по итогам исследования // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 11. – С. 172–180.

36. *Захарцев С.И, Сальников В.П.* Профессиональная деформация сотрудников силовых структур // Защита и безопасность. – 2017. – № 2. – С. 22–24.

37. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 183–194.

38. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Российский конституционализм: настоящее и будущее. Рецензия на монографию: Е.В. Виноградовой «Грани современного российского конституционализма». М.: РИТМ, 2021. – 240 с. // Правовая политика и правовая жизнь. – 2022. – № 2 (88). – С. 337–344.

39. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия и юридическая наука: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 424 с. DOI: 10.17513/np.491

40. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия. Философия права. Юридическая наука. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. DOI 10.17513/np.454

41. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях суверенной метафизики права. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 376 с. DOI 10.12737/2134199.

42. Захарцев С.И., Сальников В.П., Абубакаров А.А. Идея единства права и справедливости в теории российского государства и права: онтологический и гносеологический аспекты // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 5–6 апреля 2018 г.) / Отв. ред. Ф.Х. Галиев. В 2-х ч. Ч. 1. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С. 49–54. – в сб. 256 с.

43. Захарцев С.И., Лежнева О.Ю., Сальников В.П., Чабукиани О.А. Справедливая судебная власть как гарант правового государства // Вестник института права Башкирского государственного университета. – 2021. – № 4. – С. 26–34.

44. *Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л.* Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение военной безопасности // Мир политики и социологии. – 2017. – № 1. – С. 120–139.

45. *Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л.* Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение национальной безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 12. – С. 69–94.

46. *Зипунникова Н.Н.* Правовое регулирование научных стажировок в Российской империи (к характеристике государственной политики в области образования и науки) // Вестник ОмГУ. – Серия. Право. – 2010. – №3. – С. 17–29.

47. *Зипунникова Н.Н., Зипунникова Ю.Н.* Научное познание опыта юридического образования и науки: к актуализации отдельных исследовательских сюжетов // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. – 2019. – Т. 29, вып. 4. – С. 501–506.

48. *Иванов И.И., Жильский В.Н*. Проблемы духовно-нравственного формирования российской государственности // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: Материалы Международной научно-практической конференции / Под науч. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, 2025. – С. 48–53. – в кн. 135 с.

49. Идея Бога и образ теологии в философских дискурсах зрелого модерна и постмодерна: Коллективная монография / Под общ. ред. Д.В. Масленникова; Д.К. Богатырев, Л.В. Богатырева, Е.В. Бильченко, В.А. Гуторов, И.И. Докучаев, Д.В. Масленников, С.В. Никоненко, А.В. Перцев, К.В. Преображенская, И.А. Протопопов, В.П. Сальников, А.П. Соловьев, иеромонах Филарет (И.В. Бердников), М.Ю. Хромцова. – СПб.: РХГА, 2023. – 682 с.

50. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева; И.А. Анских, И.Н. Грибов, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина, И.Р. Исмагилов, О.А. Клименко, О.Ю. Лежнева, С.Ф. Мазурин, Б.В Маков, Д.В. Масленников, А.К. Мирзоев, П.А. Петров, Е.А. Поливко, К.Г. Прокофьев, О.В. Пылева, В.П. Сальников, М.В. Сальников, Ф.О. Чудин-Курган. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.

51. *Иеринг Р. фон*. Юридическая техника. – М.: Статут, 2008. – 229, [1] с.

52. *Ильина Т.Н.* Традиции юридического образования и юридической профессии в России и за рубежом: опыт взаимодействия // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2019. – №3. – С. 31–37.

53. *Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).

54. *Исмагилов Р.Ф., Мукосеева Е.А., Сальников М.В.* Традиции правовой культуры Востока и Запада в формировании патриотического правосознания народов России // Материалы Международной научно-практической конференции / Под науч. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, 2025. – С. 54–61. – в кн. 135 с.

55. *Исмагилов Р.Ф., Сальников П.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г.* Российское образование – переворот с падением // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 59–75.

56. *Каганович А.А.* Проблемы воспитания: размышления о прошлом и настоящем // Педагогика. – 2008. – № 7.

57. *Казанский П.Е.* Вопрос о преподавании права в русской печати в 1901 г. – Одесса: Экономическая тип., 1903. – [6], 300 с.

58. Как быстро устаревают наши знания об окружающем мире // https://www.ecoterica.com/ kak-bystro-ustarevayut-nashi-znaniya-ob-okruzhayushhem-mire/

59. *Кийко А.Ю.* Государственный суверенитет России как духовно-нравственная ценность // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: Материалы Международ-

ной научно-практической конференции / Под науч. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, 2025. – С. 19–21. – в кн. 135 с.

60. *Киреев Д.Р.* Актуальные проблемы и особенности правового воспитания в современном российском обществе // Ленинградский юридический журнал. – 2012. – № 2. – С. 29–35.

61. *Клеандров М.И.* Правосудие и справедливость. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА, 2023. – 424 с.

62. *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы. – М.: Наука, 1968. – 525 с. ил.

63. *Кондрат И.Н.* Судебная реформа 1864 года и уголовная политика России // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 88–92.

64. *Кони А.Ф.* Отцы и дети судебной реформы. (К пятидесятилетию Судебных Уставов). 1864 – 20 ноября – 1914. – М.: издание т-ва И.Д. Сытина, 1914. – 384 с.

65. *Коркунов Н.М.* История философии права. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1908. – 456 с.

66. *Корнев А.В., Лазарев В.В.* Телеологические и теологические смыслы развития российского права // Lex russica. – 2025. – № 3(220). – С. 142–151.

67. *Коротких М.Г.* Судебная реформа в России: сущность и социально-правовой механизм формирования. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 1994. – 240 с.

68. *Крижановская Г.Н.* К вопросу о необходимости государственной идеологии // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 34–40.

69. *Крижановская Г.Н., Кулешова Л.В., Сальников М.В.* Международная научно-практическая конференция «Судебная реформа 1864 года в России: история и современность». Краткий обзор докладов, статей и выступлений // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 1. – С. 11–46.

70. *Кулешова Л.В., Очередько В.П.* О конкурсе научных работ «Роль российских юристов в эпоху судебно-правовых реформ второй половины XIX – начала XX вв.» и научно-практической конференции «Судебно-правовая реформа в России: история и современность» // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 12. – С. 16–18.

71. *Лазарев В.В.* Идеологические страсти на конституционном уровне // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 25–33.

72. *Лазарев В.В.* Идеологическое сопровождение современного правосудия // Мир политики и социологии. – 2019. – № 4. – С. 17–32.

73. *Лазарев В.В.* Теологический аспект сравнительного правоведения // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2025. – Т. 21. – № 1. – С. 31–35.

74. *Лазарев В.В.* Ценностно-идеологический подход к оценке новелл Конституции РФ // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 2. – С. 11–17.

75. *Литвинов Н.Д.* Конституция Российской Федерации 1993 года – полностью ли она соответствует интересам России с позиций проводимой Западом гибридной войны // Мир политики и социологии. – 2019. – № 7. – С. 34–78.

76. *Литвинов Н.Д.* Роль идеи в формировании и разрушении государственности // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 41–71.

77. *Мазурин С.Ф. Г*осударственная идеология и общественное самосознание // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 25–28.

78. *Макаркин А.* Подкоп под фундамент: почему в России все чаще говорят о государственной идеологии. URL: https://www.forbes.ru/mneniya/489366-podkop-pod-fundament-pocemu-v-rossii-vse-case-govorat-o-gosudarstvennoj-ideologii (дата обращения: 23.03.2025).

79. *Малков В.П., Дудырев Ф.Ф.* Реформа юридического образования: какой она виделась 100 лет назад? // Юридическое образование и наука. – 2003. – № 3. – С. 33–40.

80. *Масленников Д.В., Сальников В.П.* Два способа дедукции права и морали в классической трансцендентальной философии: смысл различия // Право. Порядок. Ценности: Монография / Под общ. ред. Е.А. Фроловой; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, юридический факультет. – М.: Проспект, 2022. – С. 90–99. – в кн. 688 с.

81. Методологические проблемы правосознания сотрудников органов внутренних дел / Э.В. Кузнецов, В.П. Сальников, В.А. Сапун, В.П. Федоров, Н.Г. Янгол. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1986. – 96 с.

82. *Мощелков Е.Н.* Почему нужна государственная идеология в России (полемические рассуждения) // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. – 2015. – № 1. URL: https:// cyberleninka.ru/ article/n/pochemu-nuzhna-gosudarstvennaya-ideologiya-v-rossii-polemicheskie-rassuzhdeniya (дата обращения: 23.03.2025);

83. *Мурсалимов К.Р.* Некоторые идеологические начала в правообразующей деятельности государства // Мир политики и социологии. – 2019. – № 8. – С. 27–30.

84. *Наумкина В.В.* Двухуровневое юридическое образование и компетентностный подход: вопросы теории // Юридическое образование и наука. – 2012. – № 4. – С. 13–15.

85. *Овчинников А.И.* Правовая теология в контексте современного правопонимания // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2021. – Т. 8. – № 4. – С. 87–92.

86. *Овчинников А.И., Фетисов Т.А.* Природа государственной власти в фокусе теологического мышления // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2022. – № 1. – С. 27–34.

87. От редакции. О дискуссии, вызванной статьей-презентацией доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.В. Лазарева «Идеологическое сопровождение современного правосудия» // Мир политики и социологии. – 2019. – № 11–12. – С. 11–35.

88. *Очередько В.П., Сальников М.В.* Характерные черты и проблемы высшего юридического образования в России // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 4. – С. 11–20.

89. Патриотическое воспитание обучающихся в кадетских корпусах, суворовских училищах и военных институтах Российской Федерации как предмет комплексного анализа: Коллективная монография / Под ред. А.Ю. Кийко, с предисловием В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2023. – 369 с.

90. Патрушев: России целесообразно отказаться от болонской системы образования // Российская газета. – 2022. – 24 мая.

91. Патрушев: фундамент русского общества – система традиционных ценностей // https://rossaprimavera.ru/news/90f07c2

92. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: монография / М.Ю. Гутман, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина [и др.]; под общ. ред. д-ра юр. наук, проф. В.П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 423 с. – (Научная мысль). – DOI 10.12737/2127021.

93. Правовая теология в междисциплинарном дискурсе: Монография / отв. ред. А.И. Овчинников. М.: РГ Пресс, 2023. 544 с.

94. Проблемы юридического образования в постсоветский период ? [Электронный ресурс]. Режим доступа / https://vuzlit.ru/439909/problemy_yuridicheskogo_obrazovaniya_postsovetskiy_period (дата обращения 02.12.2018 г.);

95. Путин назвал традиционные ценности фундаментом российского бытия // Ведомости. – 2024. – 6 марта.

96. *Рейснер М.А.* Право: Наше право. Чужое право. Общее право. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. – 275, [1] с.

97. *Романовская В.Б., Сальников М.В., Силантьева В.А.* Духовная безопасность в современном российском обществе: угрозы и пути их преодоления // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 1. – С. 52–60.

98. *Ромашов Р.А.* Пенитенциарная социализация и постпенитенциарная ресоциализация лиц, осужденных к наказанию в виде лишения свободы // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 7. – С. 181–194.

99. *Ромашов Р.А.* Поправки к Конституции России как форма конституционно-правовой инновации // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 41–47.

100. *Сальников С.П.* Судебная реформа и правосознание российского общества (вторая половина XIX – начало XX века): Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. – 181 с.

101. *Сальников В.П.* Историческая память, историко-правовые исследования и патриотическое воспитание // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 2. – С. 6–9.

102. *Сальников В.П.* Правовая культура и правовое государство // Ученые записки юридического факультета. – 1998. – № 3. – С. 7.

103. *Сальников В.П.* Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1. – С. 187–189.

104. *Сальников В.П.* Правовая культура сотрудников милиции. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1983. – 72 с.

105. *Сальников В.П.* Правовая культура сотрудников органов внутренних дел: Учебное пособие. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1988. – 48 с.

106. *Сальников В.П.* Правовая культура. Гл. XX // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / Отв. ред. М.Н Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Том 3: Государство, право, общество. – М.: ИНФРА-М, 2013. – С. 503–530. – в кн. 720 с.

107. *Сальников В.П.* Проблема отношения права и справедливости в контексте задачи развития российской правовой идеологии // Идеология, духовные ценности и проблемы сохранения культурного наследия России: Сборник статей / Под науч. ред. Е.П. Борзовой. Санкт-Петербургский институт искусства и реставрации – СПб.: СПбКО, 2019. – С. 9–15. – в сб. 170 с.

108. *Сальников В.П.* Социалистическая правовая культура: Методологические проблемы / Под ред. Н.И. Матузова. – Саратов: СГУ, 1989. – 144 с.

109. *Сальников В.П.* Формирование правовой культуры в условиях становления гражданского общества: структура и функции // Ученые записки юридического факультета. – 1997. – № 2. – С. 10.

110. *Сальников В.П., Сальников М.В.* Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70–86.

111. *Сальников В.П., Соколов Н.Я.* Юристы и правовая информированность личности // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности органов внутренних дел: Сборник научных трудов. Вып. 1. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1993, – С. 28–36.

112. *Сальников В.П., Воронков К.И., Гутман М.Ю.* Некоторые проблемы ресоциализации мигрантов в Российской Федерации // Миграционное право. – 2023. – № 4. – С. 2–4.

113. *Сальников В.П., Захарцев С.И., Воронков К.И.* Компрехендная концепция субъектного состава ресоциализационых отношений // Мониторинг правоприменения. – 2022. – № 1. – С. 29–38. DOI: 10.21681/2226–0692–2022–1-29–38. DOI: 10.21681/2226–0692–2022–1-29–38

114. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Жук А.С.* Идея нравственно-правовых ценностей и идея государства в парадигмах кантовской и гегелевской философии (к вопросу о проблеме равенства абсолютных ценностей) // Юридическая наука: история и современность – 2022. – № 12. – С. 186–192.

115. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Прокофьев К.Г.* Смысл различия в подходе И. Канта и И.Г. Фихте к задаче дедукции права и морали // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 4. – С. 185–192.

116. *Сальников В.П., Прокофьев К.Г., Чайка В.Н.* Мораль и суверенитет государства: ценностные и социальные аспекты // Теория государства и права. – 2024. – № 2–1 (37). – С. 205–212. DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2–1_37_205

117. *Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В.* Изменение Конституции – следствие трансформации государственно-правовой системы Российской Федерации (рецензия-размышление относительно учебного пособия Р.Б. Булатова «Конституция Российской Федерации: поправки 2020 г. и их значение») // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 12. – С. 61–67.

118. *Сальников В.П., Эбзеев Б.С., Хабибулин А.Г.* Классики современной российской теории государства и права. К 75-летию доктора юридических наук, профессора Валерия Васильевича Лазарева // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 11. – С 11–19.

119. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И.* Конституционная реформа как реализация ценностного консенсуса общества // Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства: Сборник материалов Всероссийской научно практической конференции (г. Уфа, 24 марта 2021 г.) / Отв. ред. Н.В. Ямалетдинова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – С. 227–238. – в. сб. 310 с.

120. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И.* Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 149–162.

121. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И.* Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 170–178.

122. *Сальников М.В., Сальников С.П.* Патриотизм и национальная идея России // Материалы Международной научно-практической конференции / Под науч. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, 2025. – С. 93–97. – в кн. 135 с.

123. *Сальников М.В., Воронков К.И., Исмагилов Р.Ф.* Роль и место создаваемой службы пробации в Российской Федерации на этапах ресоциализации осужденных // Мониторинг правоприменения. – 2022. – № 3 (44). – С. 23–28.

124. *Сальников С.П., Прокофьев К.Г., Силантьева В.А., Клименко О.А., Силантьева Н.В.* Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение духовной безопасности // Мир политики и социологии. – 2018. – № 1. – С. 139–150.

125. *Свешников А.В.* Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских ученых второй половины XIX – начала XX века // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 849–887.

126. Сергей Степашин: Пришло время выйти из Болонского образовательного процесса // Российская газета. Столичный выпуск. – 2022. – № 57(8705).

127. *Силкин Н.Н., Шелепова М.А.* Воспитание патриотизма на примере героев Великой Отечественной войны // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 151–158.

128. Современная подготовка юристов: бакалавров, специалистов и магистров в вузах России (опыт проектирования и реализации): монография / Н.А. Давыдов, И.И. Аминов, С.П. Поляков; ред. Н.А. Давыдов. – М.: Проспект, 2015. – 208 с.

129. *Соколов Н.Я.* Профессиональное сознание юристов. – М.: Наука, 1988. – 224 с.

130. *Соловьева Н.А., Шинкарук В.М.* Компетентностный подход в юридическом образовании: проблемы и перспективы // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2013. – Выпуск № 14. – С. 42–49.

131. *Старовойтова О.Э., Сальников М.В., Захарцев С.И.* Проблемы права и справедливости в условиях глобализации (по материалам XXII Всемирного Конгресса) // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 4. – С. 169–188.

132. Судебно-правовая реформа 1860-х гг. в России и современное уголовно-процессуальное право: Материалы III Международной научно-практической конференции, проводимой в Российской академии правосудия. – М.: ПРАВО, 2014. – 254 с.

133. *Сухоруков В.Н.* О вечных ценностях и патриотизме // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 10. – С.69–77.

134. *Сырых В.М.* История и методология юридической науки: учебник. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – 512 с.

135. *Томсинов В.А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX века. – М.: Зерцало-М, 2011. – 280 с.

136. *Фарбер И.Е.* Конституционные основы модели советского юриста // Сборник научно-методических статей по правоведению. Вып. 2. – М., 1979. – С. 3–9.

137. Философско-правовое познание: актуальные проблемы: монография / Е.В. Виноградова, А.О. Воробьев, М.Ю. Гутман [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2025. – 418 с. – (Научная мысль). DOI 10.12737/2152004

138. *Хабибулин А.Г.* Государственная идеология как основа суверенности современной России // Теория государства и права. – 2024. – № 3–2(40). – С. 200–204. DOI 10.25839/ MATGIP_2024_3–2_40_200.

139. *Хабибулин А.Г.* Политическая субъектность и идеология как ценностные свойства государства // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 7–13.

140. *Хабриева Т.Я., Клишас А.А.* Тематический комментарий к Закону Российской Федерации О поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». – М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 240 с.

141. Хрестоматия по истории СССР. 1861 –1917 – М.: Просвещение, 1990. – 414,[1] с.

142. *Чечельницкий И.В.* Принцип справедливости в праве // История государства и права. – 2014. – № 6. – С. 57–63.

143. *Чечельницкий И.В.* Справедливость и правотворчество: Монография. – М.: Проспект, 2021. – 176 с.

144. *Шапиева О.Г.* Нравственно-правовая социализация личности: Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 1997. – 376 с.

145. *Шахрай С.М., Краковский К.П.* «Суд скорый, правый, милостливый и равный для всех». – М.: Кучково поле, 2014. – 536 с.; 16 л. ил.

146. *Шеншин В.М.* Патриотизм – основа государственно-правовой идеологии, формируемой Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации // Мир политики и социологии. – 2019. – № 11–12. – С. 44–52.

147. *Экимов А.И.* Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 13–23.

148. Юристы и революция: Pro et Contra /авт. и сост. Шахрай С.М., Краковский К.П.– М.: Кучково поле, 2017. – 552 с.

149. *Юрковский А.В.* Объективные и субъективные детерминанты государственной идеологии в формировании и функционировании механизма государственной власти: в рамках дискуссии, вызванной статьей-презентацией В.В. Лазарева «Идеологическое сопровождение современного правосудия» // Мир политики и социологии. – 2019. – № 10. – С. 40–50.

Для цитирования: *Кийко А.Ю., Очередько В.П., Сальников В.П.* Историческая память в развитии российского юридического образования // Теория государства и права. – 2025. – № 2-1. – С. 104–119.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_104

HISTORICAL MEMORY IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN LEGAL EDUCATION

Andrey Yu. Kiiko[*]
Viktor P. Ocheredko[**]
Viktor P. Salnikov[***]

Annotation. *The author refers to the historical memory of Russian legal education, which makes it possible to assess the complex and contradictory process of its development. This appeal also reflects the need and creates real grounds for understanding the integrity of domestic legal education.*

The paper reveals the dialectical relationship between the content of historical memory and the development of legal education and upbringing in modern conditions, establishes the nature of the influence of ideas about the past on current forms of legal education. The author defines the features of legal education at the stages of the formation of Russian statehood, characterizing the continuity of its development. Attention is drawn to the current challenges to legal education in the context of increasing digitalization.

Keywords: *legal education, legal education, legal education, traditions, challenges, digitalization.*

Legal education is an important component of legal reality in society, as a targeted subject-practical activity reflecting knowledge, understanding and implementation of law, attitude to legal reality. The role of legal education in the formation of a lawyer is undeniable, and cannot be reduced to legal training only. It plays a basic role in the formation of professional legal awareness. Firstly, education is an element of legal reality (the world of law). An educational organization as a subject of law, carrying out subject-practical activity in the sphere of legal norms (rights, obligations, orders, instructions, etc.), reflects legal reality. Within its framework, the student is introduced to the legal reality developing in the educational organization, and, thus, his basic reaction to the law is laid. Secondly, legal education forms legal reality through the reproduction, replication and consolidation of legal images in society, types of legal understanding within the framework of studying not only the legal system, but also philosophical and legal matter [4; 26; 39; 40; 41; 137]. Subsequently, the professional legal consciousness of a lawyer develops in the course of subject-practical legal activity, where legal images and formed assessments and motives are consolidated, and their deformation is also quite possible [31; 34; 35; 36].

Within the framework of legal education, the focus has always been on the issue of levels, opportunities and conditions, the focus of legal education on the formation of a high level of legal awareness and legal culture [3; 81; 102; 103; 104; 105; 106; 108; 109; 110; 111; 129]. The professional level of the graduate directly depends on the quality of the solution to this problem: his competence, practical readiness for the future profession, resistance to professional deformation and much more.

Legal education, as is known, exists in 3 hypostases: as a social institution, as a process of knowledge transfer and as a body of knowledge. It is the focus of conflicting interests of actors, a complex and continuous rethinking of the organization, process and its results. In each sphere,

[*] **Kiiko Andrey Yuryevich**, Head of the Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor. E-mail: obr_kom@spvi.ru

[**] **Ocheredko Viktor Panteleevich,** Professor of the North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation. E-mail: ocheredkovp@mail.ru

[***] **Salnikov Viktor Petrovich,** Professor of the Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. E-mail: fonduniver@bk.ru

there are objective cause-and-effect relationships and unchanging problems, traditions are reproduced, and continuity of development is realized.

In the interests of a deep understanding of the problem and determining ways to solve it, it is advisable, in our opinion, to turn to the history of the issue, domestic traditions in legal education, which determine its effectiveness in developing legal awareness at the corresponding stages of life in Russian society. In this, in our opinion, lies the industry response to the requirement of the updated Constitution of the Russian Federation to preserve historical memory.

Historical memory as the experience of previous generations plays an important role in assessing and determining the course of historical development. The words of V. O. Klyuchevsky are of lasting significance: "The past must be known not because it has passed, but because, when it left, it did not know how to remove its consequences" [62, p. 322]. Historical memory in legal education is not just the perception of the complex and contradictory process of developing the training of domestic lawyers; it is a powerful tool for shaping the legal identity of society. Assessing the current state of domestic legal education, developing development programs, and the difficult progress along this path comes through understanding the past. Losing an inextricable connection with one's own past, which has accumulated a large stock of lessons, is fraught with the replication of mistakes, the development of threats to national security, and ultimately to Russian statehood and the sovereignty of Russia [44; 45; 92; 97; 124]. Historical memory has an active aspect, that is, in addition to knowing history, it involves understanding historical experience and the lessons that follow from it.

The literature offers various options for periodization of legal education in Russia [52]. We will not dwell on their characteristics. We are interested in the features found in education that have reached mature and visible forms. Some authors highlight such features, noting their significant influence on the specifics of the functioning of legal education at each stage of its development [23]. In our opinion, it is possible to identify features of legal education that do not determine its specifics at different stages, but characterize the continuity, succession, and traditions in its development based on the unchanging requirements of the state. Without claiming to provide an exhaustive analysis, we believe it is possible to dwell on three features of the development of legal education that allow us to consider it as a continuous process, despite significant differences reflecting the specifics of the historical stages of the development of Russian statehood.

1. The defining state principle in legal education. The legal profession has always been connected with the state sphere and has largely provided for state needs. Due to this, legal education has always contained a defining state principle, which has taken forms that meet the needs of the state at each stage of its development. This principle can be clearly traced in all eras of the development of Russian statehood.

In pre-revolutionary Russia, the training of lawyers was considered an important state task and was carried out within the framework of strict state regulation of this activity, based on developed political-ideological and normative-managerial strategies of state influence. State financing and detailed regulation of this sphere at virtually all stages are its important characteristics. Lawyers were trained in state educational institutions. Teachers were considered to be in the state service and were awarded state class ranks. State interests determined the content of legal education. The most important challenge and powerful stimulus for the development of legal education in the second half of the 19th century was the implementation of the "great reforms", primarily the judicial reform of 1864 [10; 63; 64; 67; 69; 70; 100; 132; 145].

An important element of state policy in the sphere of legal education and science was the organization of borrowing Western intellectual and institutional experience. It is generally recognized that borrowing European legal ideas, attracting foreign legal scholars, business trips of Russian students and internships of young scientists in European universities was a favorable breeding ground, a powerful stimulus for the development of domestic legal science and legal education [46; 125; 135]. These were quite effective instruments of state policy of the Russian Empire in the sphere of education and science. The outstanding Russian lawyer N.M. Korkunov vividly expressed this at the beginning of the 20th century: "Our attitude to Western science can be compared with

the attitude of the glossators to Roman jurisprudence. “And we had to start with the assimilation of the fruits of someone else’s work, and we, first of all, had to rise to the level of foreign science... Nevertheless, in some one hundred and fifty years, we almost managed to make up for the difference of more than six centuries that separated us from Western lawyers” [65, p. 233]. With no less justification, this can be said about legal education.

At the same time, we cannot help but note the “paradox” of pre-revolutionary state policy in legal education. The state’s efforts to develop legal education, along with undoubted positive results, were accompanied by an “unfortunate side effect” – the divergence of lawyers from the monarchical state. It was revealed in the negative role of the pre-revolutionary “masters of minds” – Russian lawyers in the collapse of the Russian Empire. Most of them “were critical of the autocracy and the political and legal measures it carried out” [134, p. 184], actively participated in the confrontation with the existing authorities, up to the point of some of them adopting a violent path to change the existing monarchical system. There are many examples of this. Thus, the Vyborg Appeal to the citizens of Russia, adopted on July 9–10, 1906 by a large number of deputies of the dissolved 1st State Duma, among whom were prominent Russian lawyers (S.A. Muromtsev, M.M. Vinaver, F.F. Kokoshkin and many others), called on the population not to pay taxes, to evade conscription into the army, and declared invalid state loans that would be concluded without the consent of the Duma [141, pp. 327–328]. The brilliant lawyer, deputy of three State Dumas V.A. Maklakov in 1916 delivered a famous anti-government speech in the Duma, which went down in history under the title “either us or them” [148, p. 312].

In our opinion, the question of assessing this paradox in the historical context is relevant. Does it reflect the historical specificity of the forms and results of state participation in the development of legal education in pre-revolutionary Russia or is it an invariable attribute characterizing this process at all stages of the development of Russian statehood, acquiring its historical forms? In any case, we must “learn” this historical lesson taught to us by our predecessors.

The October Revolution took place, proclaiming other values, carrying new principles of state structure on its banners, calling into question the previous understanding and purpose of law. In the first decade of Soviet power, the questions were seriously asked: “Do we need law, to what extent do we need it, and can we put up with the fact that for some reason we are repainting the proletarian dictatorship and class interests in some mysterious legal images and forms” [96, p. 81]. Law was considered a state instrument implementing the will of the ruling class, reflecting its interests. This meant a sentence to the previous system of legal education.

It was obvious that the new government, with all its nihilistic attitude to law, needed a normative regulation of the new life and lawyers, of course, of a new formation. Law faculties were closed as “faculties of unnecessary things” and transformed into FONs (faculties of social sciences), which for a long time were subsequently also called faculties of state construction and Soviet law. The development of legal education became the object of close attention and control of party organs over the functioning and ideologically verified teaching of legal disciplines by the “correct” faculty. For a long time, a recommendation from party or Komsomol organs was required to enter a university for a legal specialty. The system of specialized law universities was widely developed. The CPSU and the Soviet government repeatedly addressed the problems of developing Soviet legal education. A milestone in the development of legal education was the Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People’s Commissars of the USSR of March 5, 1935, “On measures to expand and improve legal education.” It reflected the change in the views of the Soviet government on the role and place of law in the life of the country and was aimed at reformatting the system of legal education and science to solve in a short time the problem of providing the Soviet country with “Leninist lawyers.” In 1946, the Resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of October 5, 1946, “On expanding and improving legal education in the country” was adopted. In 1964, the Central Committee of the CPSU adopted a special resolution “On measures to further develop legal science and improve legal education in the country.” In general, one can see an organic connection between the evolution of legal education and the development of the Soviet state and legal system.

The democratic period of Russia's development has preserved the state principle in legal education. The state invariably pays attention to the state of legal education and continues to develop measures to improve it. Notable milestones were the development by the Ministry of Education of Russia in 2001 of the interdepartmental program "Development of Legal Education in the Russian Federation", updated and extended until 2005, holding a special board of the Ministry in the spring of 2002 devoted to legal education and other steps. Finally. On May 26, 2009, the Decree of the President of the Russian Federation "On measures to improve higher legal education in the Russian Federation" was adopted. Various organizational proposals were made to improve legal education, including a reduction in the number of law schools and the abolition of correspondence courses in this specialty, the construction of a rating of law schools, their division into specialized and non-specialized, and others.

We must admit that the proposed and implemented steps do not represent a coherent, developed concept based on the ideology of statehood as a set of ideals and values that constitute the goal-setting and meaning of the existence of state power. Sometimes the problem comes down to the absence of a state ideology. The Constitution of the Russian Federation contains a rejection of state ideology. The opinions sometimes expressed in discussions that the wording of Article 13 of the Constitution of the Russian Federation does not mean the impossibility of developing a state ideology hardly have any serious basis [6; 9; 13; 29; 37; 78; 82; 92, pp. 70–120; 120; 121; 138; 139]. However, this does not mean denying the ideology of statehood. The ideas of statehood are always present in any state and play a system-forming role, determining the immutability and continuity of its development. This conclusion was reached by the participants in the discussion on the pages of the magazine "World of Politics and Sociology", caused by the article-presentation of the classic of the theory of state and law, Professor V.V. Lazarev [118] "Ideological support of modern justice" [8; 9; 11; 24; 68; 71; 72; 75; 76; 77; 83; 87; 146; 149]. The Constitution of the Russian Federation defines five basic ideas of statehood: democratic, federal, legal, social and secular.

The updated Constitution of the Russian Federation contains a number of additions that expand the list of state values (protection of sovereignty and territorial integrity, continuity in the development of the Russian state, historically established state unity, historical truth) [14; 15; 16; 19; 32; 33; 38; 74; 99; 117; 119; 140]. This creates additional grounds for strengthening the ideology of statehood, its sovereignty, which underlies the strengthening of the state principles of development of legal education.

It can be assumed that the updated Constitution of the Russian Federation has acquired grounds that would not allow the Bologna Declaration, built on European values and Eurocentric principles, to be signed in 2003. As is known, the Bologna system in the field of legal education is developing on the basis of European law in the interests of forming a single legal space of Europe. It is aimed at giving it a supranational, pan-European character. For these purposes, unification of educational programs and development of academic mobility of students and teachers are taking place on the basis of European law. All this is aimed at developing European identity in other areas: culture, art, politics.

This was a serious test in the implementation of the value-based state-oriented guidelines of higher education. The introduction of the new (Bologna) education system was accompanied by certain losses, which we still have to compensate for [21; 55; 90; 126]. Thus, a threat hung over the institute reflecting the national educational tradition, namely, the department as a center of educational, scientific, methodological and educational work with very dubious prospects for the transition to Western standards with an orientation towards the Anglo-Saxon legal tradition. Namely, the department, in our opinion, largely characterized the features and determined the results of domestic education in the "golden age" of Russian jurisprudence (late 19th – early 20th centuries). There may be doubts about the reality of these losses. But in the "most advanced" universities, departments have already been eliminated, and along with them the departmental "kitchen", within the framework of which the teacher-student relationship was realized as a fundamental feature of Russian higher legal education [88].

The announced organizational and legal adjustments to higher education, aimed at overcoming some of the most odious elements of the Bologna system, will hopefully have a serious impact on the state of legal education.

Another important problem, "undermining" the state foundations of legal education, is its development on a dual economic basis (budget and contract financing). Legal education (with the exception of the law enforcement sphere), in essence, is deprived of state (budget) financing and is focused on earning money (self-financing). The absence of long-known sources of financing in the West (foundations, charity, etc.) leaves only one source – money from students (contract training).

Commercialization of legal education, changing the economy of the educational organization, orients it towards obtaining a commercial result, and not towards educational activity as such. In the activities of the educational organization, business logic is implemented, an example of which is the "optimization" of the number of faculty members based on increasing their workload in the interests of raising the level of wages. This inevitably adjusts the educational policy of universities, erodes the unified educational space, modifies its value guidelines. The teacher is included in this business logic, who is asked to remember that the grade he gives determines the income of the educational institution, and therefore his salary. The status of the student also changes, he becomes an economic unit financing educational activities and, accordingly, a consumer of the educational service.

2. Permanent legal-educational discourse. Legal-educational discourse – "what and how to teach future lawyers" – accompanies the system of training legal personnel throughout history, reflecting the immutability and continuity of its problems. The significance and scale of the issue was succinctly formulated at the beginning of the last century. "The issue of reforming legal teaching is one of those that can and should be discussed regardless of the change of individuals, regardless of even the change of political directions. This is – to a high degree – a national and state issue of permanent significance" [57, pp. 4, 6, 12].

Reflecting the clash of the old and the new, the discourse on what to teach future lawyers and how to teach law has been ongoing at various stages of Russian statehood and in a variety of forms, both within the framework of organized discussions and in individual conversations in the "smoking room", reflecting the personal experience and feelings of direct participants in the educational process. As an example of organized forms, we can recall the discussion of the professional scientific community on the reform of the training of lawyers in the late 19th – early 20th centuries, which was called the "literary plebiscite" [79], when issues of the content of teaching occupied an important place in the discussion of the reform of legal education.

The "struggle for law" in the first 10 years of Soviet power was decisively reflected in heated discussions about the fate, tasks and content of legal education in specialized journals, and subsequently continued in the discussion of the "model of the Soviet lawyer" [1; 136].

The modern period is also characterized by a large-scale discussion, both in traditional content [94; 128; 130], and as a reflection of modern trends, in particular the increasing digitalization of education [88; 27]. Reflecting the permanent fluctuations between theory and practice, content and form, the discussions are searching for a model of legal education that meets the interests of a specific stage of state legal development. It is important to understand that, being continuous, it ensures the continuity of the development of the system of training legal personnel, its sustainable and effective evolution.

In the modern discourse, an important place is occupied by the definition of uniform professional grounds implemented in a uniform state educational standard. Of significant importance in the formation of an effective model of legal education is the development of a professional standard (qualification requirements), as directly required by the Law on Education in the Russian Federation. It should be the basis for answering the question – what to teach. The participation of many institutions is envisaged in the development of standards. In relation to legal activity, the central place, in all likelihood, should be occupied by the Association of Lawyers of Russia (ALR). But this is being done by the Ministry of Labor of the Russian Federation. It submitted for public discussion a draft professional standard "Lawyer", regulating legal activity in Russia, which caused an ambiguous reaction in the legal community. It must be noted that a lawyer still does not have professional requirements. In the legal sphere, only a professional standard for a forensic investigator has been adopted so far. A standard for a specialist in competition law and a number of standards for "related" professions have also been approved.

Despite the importance of a lawyer's competencies, which, of course, must be present, attention should be paid to a more general problem that has always existed, but today has acquired additional relevance.

In our opinion, it should be agreed that there are always and everywhere 4 competencies: learn to live, learn to live in a team, learn to study and learn to teach others [84]. Learning is the most valuable skill of our time. Knowledge quickly becomes outdated. This process is developing rapidly. In physics, a concept has been formulated – the half-life of knowledge. By common admission, it is applicable to other areas of knowledge. The essence of this period is to determine the time period during which half of the knowledge in a given area will become outdated or turn out to be incorrect. According to American researchers, for an engineer graduating in 1960, this period was 8–10 years, and for a graduate of 2000, it was already 2–3 years [58]. No one has yet bothered to determine the half-life of knowledge for a lawyer. But it is obvious that, based on the great dynamism of the social sphere, this period is, at a minimum, no more.

The shelf life of knowledge is a principle that teaches how to learn. You should not invest knowledge, it quickly becomes obsolete, you need to teach how to learn – this is the first thing. The second is to learn to think. In the context of the obsolescence of legal knowledge, it is vital for a lawyer to master legal thinking. R. von Ihering noted that legal education and many years of practice form in a lawyer "a unique ability to perceive, ... a special skill in handling legal concepts, ... as well as the infallibility of legal diagnosis ..." [51, p. 20]. Legal thinking means the ability to think in images and concepts of law, to translate them into the area of a specific legal action. On this basis, a lawyer masters the legal craft in the form of tools and technologies of subject-professional activity, which under certain conditions can be transformed into professional legal art. It is important to emphasize that legal thinking is based on a powerful intellectual legal component.

A serious challenge facing legal education and significantly updating the constantly reproducing legal-educational discourse is the digitalization of all aspects of public life. The new digital reality, which is increasingly intruding into the educational process, allows, and in many ways forces, to evaluate and use the accumulated methodological baggage in a new way [47]. While the basic problem in discussions remains unchanged – how to coordinate the fundamental and applied components of training – its "fitting" into the "digital" environment is becoming increasingly relevant. The use of digital technologies, information resources and the Internet space creates the need and creates the prerequisites for building individual trajectories in legal education, accompanied by a significant change in many familiar and proven elements of the organization of the educational process. The issues of the relationship and coordination of traditional types and forms of the educational process are acute, a new understanding of the classroom in its relationship with distance learning is needed, and university electronic educational resources are being constructed.

At the same time, we must not lose sight of the potential risks associated with the introduction of digital tools into the educational process. Digitalization can act as a factor in overcoming the crisis situation in education, as well as expose existing problems and aggravate the current situation.

The digitalization of legal education poses a new question of the formation of professional competencies of a lawyer, as well as the development of his social characteristics. The emerging digital reality occupies an ever larger space in the life of a student, generating and making more in demand other social communication skills, different from the skills of direct communication and interaction as the basic competence of a lawyer.

3. Inseparable connection of legal training and legal education as structural elements of legal education. In legal education, along with the main questions "What to teach?", "How to teach?" the question of forming morality, civic position of a lawyer has always been. Legal education always prepares a lawyer to solve a socially significant task – regulation of public life, solution of specific problems of a person as a subject of law, which implies endowing the student with socially significant and demanded social qualities in addition to professional competencies. This determines the presence and inseparable connection in the educational process of its two sides: training and education of a lawyer. Russian thinker and lawyer I.A. Ilyin warned: education without upbringing is a false and dangerous thing. It most often creates people who are half-educated, dubious and arro-

gant, vain debaters, assertive and shameless careerists, it arms anti-spiritual forces, it unleashes and encourages the "wolf" in a person.

It is important to define the understanding of legal education, its complex structure and historical determinacy of goal-setting. The basic component of legal education is the correct formation of legal consciousness and legal culture of the individual by developing a legal way of thinking based on knowledge and understanding of the national legal system [60]. However, in our opinion, it is wrong to reduce legal education only to respect for the law. In legal education, respect for the law and adherence to it is a basic, but not the only component. It seems that this is too utilitarian an understanding of legal education, excluding the moral and ethical aspect of its activity. The subject-practical activity of a lawyer is largely determined by such personal qualities as conscience, justice and civic responsibility, which form a single integral entity – a triad [7]. They are the "core" of the moral essence of the personality of a legal specialist.

In our opinion, educational activities should not be reduced to the above triad. The formation of a citizen, a patriot of the country must be present (must be present) in the educational process. I.A. Ilyin continued his famous formula: a person devoid of patriotism will easily sell both his strength and his mind, and – if he can – the country's wealth to those who pay the most, without thinking about his contemporary compatriots or his descendants. Patriotism acts as the most important social value at all stages of the development of Russian statehood [2; 22; 54; 89; 101; 122; 127; 133].

The historical search for a balanced, coordinated development of legal training and legal education in the comprehensive understanding of the latter is an integral feature of the development of legal education at all stages of the development of our state and society. It has a significant impact on preventing threats to the sovereignty of the Russian state [92].

In pre-revolutionary Russia, the interest in civic education issues in education on the part of the Russian public was constant (V.I. Vodovozov, N.G. Chernyshevsky, K.D. Ushinsky, V.P. Ostrogorsky). It can be said that legal education acquired certainty and significance in the process of developing legal education and within the framework of the formation of the legal profession, finding its place in the social development and state building of Russia. During this period, the development of practical and theoretical aspects of the problem of legal education of lawyers was carried out.

The problems of fostering a civil-patriotic position in legal education in the pre-revolutionary period were quite clearly manifested, in our opinion, in the paradox of implementing state foundations in this area that we noted above. The gap between the spontaneous development of factors of civil-patriotic education and the state foundations of legal education was objectively manifested in the deformation (imbalance) of the complex of connections between legal training and legal education. The deformation of this connection was invariably accompanied by a weakening of the organic connection with state interests, a decrease in the constructive role of the lawyer in the stability of society.

Taking into account a certain hypertrophy and the existing limitations of interpretation, we can, in our opinion, admit that the Soviet educational system was based on the formation of a sense of "one's own involvement in a certain great whole – a cause and a country" [56, p. 48]. It gave a sense of high duty to one's own calling, without which a person cannot exist. At the same time, the Soviet period was characterized by another side of deformation (imbalance) in the complex of connections between legal training and legal education. This was largely due to the denial of any continuity of professional status, the traditions of the pre-revolutionary generation of lawyers and the implementation of the principle of ideological orientation as the basis of legal educational influence. The deformation of this connection invariably manifested itself in the hypertrophied designation and implementation of the organic connection with state interests, the transformation of lawyers into "fighters on the front of Soviet law for the general line of the party." At a later period, these formulations were removed from the agenda, but the authorities' expectations of the lawyer, in essence, did not change.

Problems in ensuring an inextricable link between legal training and legal education were observed at the initial stages of Russia's democratic development. The solution to the issues of devel-

oping professional legal awareness of modern lawyers is impossible without restoring this link. The educational process should not be understood as a simple transfer of knowledge; it should be based on the implementation of educational and moral principles. Without a sufficient degree of upbringing, moral and legal culture, and an understanding of one's purpose, which is inextricably linked with the state interests of Russia, a lawyer turns into a soulless legal machine. It is no coincidence that in modern conditions interesting publications on the philosophy of law have begun to appear more and more often. Researchers actively address the problems of law and morality [30; 50; 80; 114; 115; 116], the fairness of law [17; 18; 28; 42; 43; 53; 61; 107; 131; 142; 143; 147], they talk about the relationship between law and goodness, trust, freedom [4; 26; 41], they write about the theology of law [49; 66; 73; 85; 86; 93] and about domestic spiritual and moral values [25; 48; 59; 91; 95; 137, pp. 153–188]. It is hardly possible to talk about the unity of legal education and legal education without relying on the moral and legal socialization of the individual [144], especially when it comes to the resocialization of a person [5; 12; 20; 98; 112; 113; 123]. All these issues require independent research.

Our goal is not only to prepare a competent specialist, but also a socially responsible person who understands what she is doing, why she is doing it, what will happen after her actions and who is able to answer for her actions.

At the same time, it is necessary to understand education not only in the technocratic sense, i.e. as a targeted process of influencing the individual in order to form the qualities needed by the educator, the university, and society. The targeted formation of certain qualities of the individual is, of course, the essence of education. But sometimes such an understanding allows us to reduce education to holding various types and scales of events. Meanwhile, the creation of conditions for the self-development of the individual during university education, the formation of a lawyer-patriot of Russia is always of great importance. Simply put, it is necessary that the correct and necessary words do not diverge from the surrounding reality. Here one can find the contradiction of the modern moral and legal education of a lawyer. The state and society need professional lawyers with stable moral guidelines and make serious efforts in this endeavor, and the practice of social life complicates, and sometimes deprives young people of the opportunity for such development.

In conclusion, several conclusions can be made. The appeal to historical memory reflects the desire to understand and evaluate the present of legal education based on a thorough study of historical experience. It creates real grounds for understanding the integrity of domestic legal education, despite the discreteness of this process. Integrity is manifested in the continuity of its main features, namely, the immutability of the state foundations of legal education, the constantly reproducing legal-educational discourse, the inseparability of legal training and legal education.

Historical memory, in addition to its purely academic aspect, also reveals itself as a problem that has an indisputable practical dimension, associated with the need to optimize the legal educational space, develop scientifically sound management decisions, identify and search for answers to many historical lessons arising from accumulated experience, in particular the "paradoxes" of the state foundations of legal education, as well as the contradiction of the moral and legal education of a young person – a future lawyer.

Which is continuously developing at all stages of Russian statehood, ensures the dynamic development of legal education and enriches the system of professional training of legal personnel with new meanings. The growing digital transformation creates great (albeit ambiguous) prospects for legal education. It can act as a factor in overcoming many problems in education, as well as expose existing problems, aggravate the current difficult situation.

Bibliographic list

1. *Alekseev S.S., Yakovlev V.F.* On the model of a lawyer and training in law schools // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 1976. No. 4. P. 73–81.

2. *Amanatsky Yu.V., Aliev Ya.L.* Revival of patriotism and current problems of patriotic education in Russia: Monograph. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. 232 p.

3. *Baranov P.P.* Professional legal consciousness of employees of internal affairs bodies (theoretical problems). M.: VYuZSh MVD of Russia, 1991. 127 p.

4. *Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P.* The Idea of Good in the Works of F.M. Dostoevsky and Its Influence on the Development of the Philosophy of Law (on the 200th Anniversary of F.M. Dostoevsky) / Introduction by Professor A. Alexandrov. 2nd edition, revised, supplemented; Investigative Committee of the Russian Federation. St. Petersburg: University Foundation, 2023. 456 p. (Series: Science and Society).

5. *Bastrykin A.I., Salnikov V.P., Romanovskaya V.B., Voronkov K.I.* Anti-criminogenic resocialization: foreign experience // All-Russian Criminological Journal. 2020. Vol. 14. No. 3. P. 371–378. DOI: 10.17150/2500–4255 2020.14(3).371–378.

6. Bastrykin called for the state ideology to be written into the Constitution // https://www.rbc.ru/politics/22/11/2023/655db8f39a7947609f6e6b9e

7. *Bobkov D.A.* Criteria for the formation of a system of moral values among law students // Education and self-development. 2013. No. 1 (35). P. 124–128.

8. *Bobrova N.A.* A state without ideology is nonsense // The world of politics and sociology. 2019. No. 7. P. 24–33.

9. *Bogatyrev D.K., Salnikov V.P.* Values of Christian humanism and state-legal ideology // The world of politics and sociology. 2019. No. 11–12. P. 36–43.

10. *Bolshakova V.M.* Judicial reform of 1864 in the Russian Empire and Judicial reform of the late 20th – early 21st centuries in the Russian Federation (the problem of implementation in space and time) // Historical and legal problems: a new perspective. 2017. No. 2. P. 17–26.

11. *Bryleva E.A.* Civil society as one of the key subjects in the search for state and legal ideology // The World of Politics and Sociology. 2019. No. 8. P. 23–26.

12. *Bryleva E.A.* Labor activity in educational colonies of Russia as the most important direction of resocialization of juvenile convicts // Legal science: history and modernity. 2017. No. 3. P. 126–132.

13. *Bulatov R.B.* Constitutional amendments of 2020 in the context of the formation of the Russian state and legal ideology // Legal Science: History and Modernity. 2023. No. 12. P. 32–37.

14. *Bulatov R.B.* Constitution of the Russian Federation: amendments of 2020 and their significance: Textbook. St. Petersburg: GUAP, 2023. 232 p.

15. *Vinogradova E.V.* Facets of modern Russian constitutionalism. M.: RITM, 2021. 240 p.

16. *Vinogradova E.V., Vinogradova P.A.* Strengthening constitutional guarantees by 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation. M.: Editus, 2020. 200 p.

17. *Vinogradova E.V., Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Fair justice M.I. Cleandrov. Justice and fairness. 2nd ed., revised and enlarged // State and Law. 2023. No. 7. P. 194–199.

18. *Vinogradova E.V., Salnikov V.P., Zakhartsev S.I.* Justice for fairness M.I. Cleandrov. Justice and fairness // State and law. 2022. No. 8. P. 190–194.

19. *Vlasova M.A.* The Impact of Constitutional Reforms on Legal Science // Legal Science: History and Modernity. 2021. No. 2. P. 58–64.

20. *Voronkov K.I., Salnikov P.P.* Retrospective or evolution of the role of the state in the resocialization of persons sentenced to imprisonment in the Russian Federation? // Legal science: history and modernity. 2017. No. 7. P. 117–119.

21. *Ger O.E., Kaiser A.G., Salnikov S.P.* Russia in the Bologna system: problems and prospects // The world of politics and sociology. 2013. No. 10. P. 110–115.

22. *Ger O.E., Salnikov M.V., Salnikov S.P., Shelepova M.A.* National idea and patriotism // The world of politics and sociology. 2016. No. 2. P. 128–144.

23. *Gorbatova M.K.* Higher legal education in modern Russia: theoretical and legal aspects of development: Diss … candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod. 2007. 244 p.

24. *Gutman M.Yu.* Or is it good? Or is it bad? Some will say – good, and others – bad! // The world of politics and sociology. 2019. No. 10. P. 35–39.

25. *Deryugin A.A., Avramov S.O.* Traditional spiritual and moral values and guidelines – the core of Russian statehood against the background of modern threats // Protection of statehood: historical heritage and modern challenges: Materials of the International scientific and practical conference / Under the scientific editorship of V.P. Salnikov. St. Petersburg: Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation, 2025. Pp. 42–47. In the book. 135 p.

26. Goodness, trust, justice, freedom in philosophical and legal thought: antiquity and modernity: Monograph / E.V. Vinogradova, A.O. Vorobyov, I.N. Gribov [et al.]; under the general editorship of Doctor of Law, Professor V.P. Salnikov. 2nd ed., corrected. and additional. Moscow: INFRA-M, 2025. 459 p. (Scientific Thought). DOI 10.12737/2151906.

27. *Drozdova A.M., Ignatyeva S.V., Krizhanovskaya G.N.* Informatization and digitalization in the educational space of modern Russian society // Theory of state and law. 2023. No. 4–1 (34). P. 125–129. DOI: 10.25839/MATGIP_2023_4_1_34_125

28. *Zhuk A.S.* The idea of justice in law and its value potential // Legal science: history and modernity. 2023. No. 5. P. 183–188.

29. *Zhuk A.S., Salnikov V.P.* Value consensus of society as the basis of sovereign legal ideology // Legal science: history and modernity. 2023. No. 2. P. 163–170.

30. *Zhuk A.S., Lukashin E.V., Prokofiev K.G.* Essential freedom of a person as a condition for his self-determination as a subject of law and morality (value aspect) // Legal science: history and modernity. 2022. No. 12. P. 189–195.

31. *Zakhartsev S.I.* Professional deformation of legal consciousness of police officers, judges and prosecutors // Library of the criminalist. Scientific journal. 2013. No. 4 (9). P. 335–345.

32. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Amendments to the Constitution of the Russian Federation in the context of a programmed society // Amendments to the Constitution of the Russian Federation and prospects for the development of regional legislation: Collection of materials of the All-Russian scientific practical conference (Ufa, March 24, 2021) / Ed. N.V. Yamaletdinova. Ufa: RIC BashSU, 2021. pp. 129–152.

33. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Amendments to Russian legislation and the comprehend theory of law as the basis of sovereign philosophy of law // Amendments to the Constitution of the Russian Federation and prospects for the development of regional legislation: Collection of materials of the All-Russian scientific practical conference (Ufa, March 24, 2021) / Ed. N.V. Yamaletdinova. Ufa: RIC BashSU, 2021. pp. 172–187. in. collection. 310 p.

34. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Legal consciousness of a lawyer and legal nihilism: modern problems of professional deformation // Legal science: history and modernity. 2013. No. 11. P. 11–29.

35. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Professional deformation of legal consciousness of legal scholars: some reflections on the results of the study // Legal science: history and modernity. 2015. No. 11. P. 172–180.

36. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P*. Professional deformation of law enforcement officers // Protection and Security. 2017. No. 2. P. 22–24.

37. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Reflections on the Foundations of Russian Sovereign Philosophical and Legal Ideology // Legal Science: History and Modernity. 2020. No. 2. P. 183–194.

38. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Russian constitutionalism: present and future. Review of the monograph: E.V. Vinogradova "Facets of modern Russian constitutionalism". Moscow: RITM, 2021. 240 p. // Legal policy and legal life. 2022. No. 2 (88). P. 337–344.

39. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Philosophy and legal science: Monograph. M.: Yurlitinform, 2019. 424 p. DOI: 10.17513/np.491

40. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Philosophy. Philosophy of Law. Legal Science. M.: Yurlitinform, 2015. 264 p. DOI: 10.17513/np.454

41. *Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P.* Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the Speculative-Logical Foundations of the Sovereign Metaphysics of Law. – 2nd ed., corrected and enlarged. M.: Norma: INFRA-M, 2024. 376 p. DOI: 10.12737/2134199.

42. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P., Abubakarov A.A.* The idea of the unity of law and justice in the theory of the Russian state and law: ontological and epistemological aspects // Problems of the status of modern Russia: historical and legal aspect: Materials of the All-Russian scientific and practical conference (Ufa, April 5–6, 2018) / Ed. F.Kh. Galiev. In 2 parts. Part 1. Ufa: RIC BashSU, 2018. Pp. 49–54. In the book 256 p.

43. *Zakhartsev S.I., Lezhneva O.Yu., Salnikov V.P., Chabukiani O.A*. Fair judiciary as a guarantor of the rule of law // Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University. 2021. No. 4. P. 26–34.

44. *Zakhartsev S.I., Klimenko O.A., Mirzoev A.K., Salnikov M.V., Tretyakov I.L.* Sovereignty of the Russian Federation: Modern Threats and Ensuring Military Security // The World of Politics and Sociology. 2017. No. 1. P. 120–139.

45. *Zakhartsev S.I., Klimenko O.A., Mirzoev A.K., Salnikov M.V., Tretyakov I.L.* Sovereignty of the Russian Federation: Modern Threats and Ensuring National Security // Legal Science: History and Modernity. 2016. No. 12. P. 69–94.

46. *Zipunnikova N.N.* Legal regulation of scientific internships in the Russian Empire (to the characteristics of state policy in the field of education and science) // Bulletin of Omsk State University. Series. Law. 2010. No. 3. P. 17–29.

47. *Zipunnikova N.N., Zipunnikova Yu.N.* Scientific knowledge of the experience of legal education and science: to the actualization of individual research topics // Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law. 2019. Vol. 29, issue. P. 501–506.

48. *Ivanov I.I., Zhilsky V.N.* Problems of spiritual and moral formation of Russian statehood // Protection of statehood: historical heritage and modern challenges: Materials of the International scientific and practical conference / Under the scientific editorship of V.P. Salnikov. St. Petersburg: Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation, 2025. Pp. 48–53. In the book. 135 p.

49. The Idea of God and the Image of Theology in the Philosophical Discourses of Mature Modernity and Postmodernity: Collective Monograph / Under the general editorship of D.V. Maslennikov; D.K. Bogatyrev, L.V. Bogatyreva, E.V. Bilchenko, V.A. Gutorov, I.I. Dokuchaev, D.V. Maslennikov, S.V. Nikonenko, A.V. Pertsev, K.V. Preobrazhenskaya, I.A. Protopopov, V.P. Salnikov, A.P. Soloviev, Hieromonk Filaret (I.V. Berdnikov), M.Yu. SPb.: RHGA, 2023. 682 p.

50. The idea of freedom. Right. Morals (classical and post-classical philosophy of law): A monograph / Ed. doct. legal. sciences S.I. Zakhartseva; I.A. Ananskikh, I.N. Gribov, S.I. Zakhartsev, N.V. Zorina, I.R. Ismagilov, O.A. Klimenko, O.Yu. Lezhneva, S.F. Mazurin, B.V. Makov, D.V. Maslennikov, A.K. Mirzoev, P.A. Petrov, E.A. Polivko, K.G. Prokofiev, O.V. Pyleva, V.P. Salnikov, M.V. Salnikov, F.O. Chudin-Kurgan. M.: Yurlitinform, 2020. 288 p.

51. *Yehring R.* background. Legal Tech. M.: Statute, 2008. 229, [1] p.

52. *Ilyina T.N.* Traditions of legal education and the legal profession in Russia and abroad: experience of interaction // Historical and legal problems: a new perspective. 2019. No. 3. P. 31–37.

53. *Ismagilov R.F., Salnikov V.P.* Law and justice: historical traditions and modern models (Historical and legal analysis of theoretical studies of topical issues of the relationship between the idea of law and the idea of justice in the 20th–21st centuries): Monograph. St. Petersburg: University Foundation, 2017. 324 p. (Series: Science and Society).

54. *Ismagilov R.F., Mukoseeva E.A., Salnikov M.V.* Traditions of the legal culture of the East and the West in the formation of patriotic legal consciousness of the peoples of Russia // Materials of the International scientific and practical conference / Under the scientific editorship of V.P. Salnikov. St. Petersburg: Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation, 2025. P. 54–61. In the book. 135 p.

55. *Ismagilov R.F., Salnikov P.P., Ger O.E., Kaiser A.G.* Russian education – a revolution with a fall // The world of politics and sociology. 2015. No. 1. P. 59–75.

56. *Kaganovich A.A.* Problems of education: reflections on the past and present // Pedagogy. 2008. No. 7.

57. *Kazansky P.E.* The question of teaching law in the Russian press in 1901. Odessa: Economic type., 1903. [6], 300 p.

58. How quickly our knowledge of the world around us becomes obsolete // https://www.ecoterica.com/kak-bystro-ustarevayut-nashi-znaniya-ob-okruzhayushhem-mire/

59. *Kiiko A.Yu.* State sovereignty of Russia as a spiritual and moral value // Protection of statehood: historical heritage and modern challenges: Proceedings of the International scientific and practical conference / Under the scientific editorship of V.P. Salnikov. St. Petersburg: Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation, 2025. Pp. 19–21. In the book. 135 p.

60. *Kireev D.R.* Actual problems and features of legal education in modern Russian society // Leningrad Law Journal. 2012. No. 2. P. 29–35.

61. *Cleandrov M.I.* Justice and fairness. 2nd ed., revised and enlarged. M.: NORMA, 2023. 424 p.

62. *Klyuchevsky V. O.* Letters. Diaries. Aphorisms. M.: Nauka, 1968. 525 p. ill.

63. *Kondrat I.N.* Judicial reform of 1864 and criminal policy of Russia // The world of politics and sociology. 2016. No. 4. P. 88–92.

64. *Koni A.F.* Fathers and sons of judicial reform. (On the fiftieth anniversary of the Judicial Statutes). 1864 – November 20 – 1914. M.: publication of the I.D. Sytin company, 1914. 384 p.

65. *Korkunov N.M.* History of the Philosophy of Law. St. Petersburg: Printing House of A.S. Suvorin, 1908. 456 p.

66. *Kornev A.V., Lazarev V.V.* Teleological and theological meanings of the development of Russian law // Lex russica. 2025. No. 3 (220). P. 142–151.

67. *Korotkikh M.G.* Judicial reform in Russia: essence and social-legal mechanism of formation. Voronezh: Voronezh. University, 1994. 240 p.

68. *Krizhanovskaya G.N.* On the need for state ideology // The World of Politics and Sociology. 2019. No. 9. P. 34–40.

69. *Krizhanovskaya G.N., Kuleshova L.V., Salnikov M.V.* International scientific and practical conference "Judicial reform of 1864 in Russia: history and modernity". Brief overview of reports, articles and speeches // Legal science: history and modernity. 2020. No. 1. P. 11–46.

70. *Kuleshova L.V., Ocheredko V.P.* On the competition of scientific works "The role of Russian lawyers in the era of judicial and legal reforms of the second half of the 19th – early 20th centuries" and the scientific

and practical conference "Judicial and legal reform in Russia: history and modernity" // Legal science: history and modernity. 2018. No. 12. P. 16–18.

71. *Lazarev V.V.* Ideological passions at the constitutional level // The world of politics and sociology. 2019. No. 9. P. 25–33.

72. *Lazarev V.V.* Ideological support of modern justice // The world of politics and sociology. 2019. No. 4. P. 17–32.

73. *Lazarev V.V.* Theological aspect of comparative law // Journal of foreign legislation and comparative law. 2025. V. 21. No. 1. P. 31–35.

74. *Lazarev V.V.* Value-ideological approach to assessing the novelties of the Constitution of the Russian Federation // Legal science: history and modernity. 2021. No. 2. P. 11–17.

75. *Litvinov N.D.* The Constitution of the Russian Federation of 1993 – does it fully correspond to the interests of Russia from the standpoint of the hybrid war waged by the West // The World of Politics and Sociology. 2019. No. 7. P. 34–78.

76. *Litvinov N.D.* The role of ideas in the formation and destruction of statehood // The world of politics and sociology. 2019. No. 9. P. 41–71.

77. *Mazurin S.F.* State ideology and public self-awareness // The world of politics and sociology. 2019. No. 6. P. 25–28.

78. *Makarkin A.* Undermining the foundation: why is state ideology increasingly talked about in Russia? URL: https://www.forbes.ru/mneniya/489366-podkop-pod-fundament-pocemu-v-rossii-vse-case-govorat-o-gosudarstvennoj-ideologii (date accessed: 23.03.2025).

79. *Malkov V.P., Dudyrev F.F.* Reform of legal education: what was it like 100 years ago? // Legal education and science. 2003. No. 3. P. 33–40.

80. *Maslennikov D.V., Salnikov V.P.* Two ways of deducing law and morality in classical transcendental philosophy: the meaning of the difference // Law. Order. Values: Monograph / Under the general editorship of E.A. Frolova; Lomonosov Moscow State University, Faculty of Law. M.: Prospect, 2022. P. 90–99. In the book 688 p.

81. Methodological problems of legal consciousness of employees of internal affairs bodies / E.V. Kuznetsov, V.P. Salnikov, V.A. Sapun, V.P. Fedorov, N.G. Yangol. L.: VPU Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1986. 96 p.

82. *Moshchelkov E.N.* Why is a state ideology needed in Russia (polemical reasoning) // Electronic scientific publication Almanac Space and Time. 2015. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pochemu-nuzhna-gosudarstvennaya-ideologiya-v-rossii-polemicheskie-rassuzhdeniya (date of access: 03/23/2025);

83. *Mursalimov K.R.* Some ideological principles in the law-making activities of the state // The world of politics and sociology. 2019. No. 8. P. 27–30.

84. *Naumkina V.V.* Two-level legal education and competence-based approach: theoretical issues // Legal education and science. 2012. No. 4. P. 13–15.

85. *Ovchinnikov A.I.* Legal Theology in the Context of Modern Legal Understanding // Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. 2021. Vol. 8. No. 4. P. 87–92.

86. *Ovchinnikov A.I., Fetisov T.A.* The nature of state power in the focus of theological thinking // North Caucasian Legal Bulletin. 2022. No. 1. P. 27–34.

87. From the editors. On the discussion caused by the article-presentation of Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation V.V. Lazarev "Ideological support of modern justice" // The world of politics and sociology. 2019. No. 11–12. P. 11–35.

88. *Ocheredko V.P., Salnikov M.V.* Characteristic features and problems of higher legal education in Russia // Legal science: history and modernity. 2022. No. 4. P. 11–20.

89. Patriotic education of students in cadet corps, Suvorov schools and military institutes of the Russian Federation as a subject of comprehensive analysis: Collective monograph / Edited by A.Yu. Kiiko, with a foreword by V.P. Salnikov. St. Petersburg: St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, 2023. 369 p.

90. Patrushev: It would be advisable for Russia to abandon the Bologna education system // Rossiyskaya Gazeta. 2022. May 24.

91. Patrushev: the foundation of Russian society is the system of traditional values // https://rossaprimavera.ru/news/90f07c2

92. Political and legal governance and threats to state sovereignty: monograph / M.Yu. Gutman, S.I. Zakhartsev, N.V. Zorina [et al.]; under the general editorship of Doctor of Law, Professor V.P. Salnikov. 2nd ed., corrected. and enlarged. Moscow: INFRA-M, 2024. 423 p. (Scientific Thought). DOI: 10.12737/2127021.

93. Legal Theology in Interdisciplinary Discourse: Monograph / ed. A.I. Ovchinnikov. Moscow: RG Press, 2023. 544 p.

94. Problems of legal education in the post-Soviet period? [Electronic resource]. Access mode / https://vuzlit.ru/439909/problemy_yuridicheskogo_obrazovaniya_postsovetskiy_period (date of access 02.12.2018);

95. Putin called traditional values the foundation of Russian existence // Vedomosti. 2024. March 6.

96. *Reisner M.A.* Law: Our Law. Someone Else's Law. Common Law. M.; L.: State Publishing House, 1925. 275, [1] p.

97. *Romanovskaya V.B., Salnikov M.V., Silantyeva V.A.* Spiritual security in modern Russian society: threats and ways to overcome them // Legal state: theory and practice. 2019. No. 1. P. 52–60.

98. *Romashov R.A.* Penitentiary socialization and post-penitentiary resocialization of persons sentenced to imprisonment // Legal science: history and modernity. 2018. No. 7. P. 181–194.

99. *Romashov R.A.* Amendments to the Constitution of Russia as a form of constitutional and legal innovation // Legal technology. 2021. No. 15. P. 41–47.

100. *Salnikov S.P.* Judicial reform and legal consciousness of Russian society (second half of the 19th – beginning of the 20th century): Monograph. – SPb.: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2006. – 181 p.

101. *Salnikov V.P.* Historical memory, historical and legal research and patriotic education // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2005. No. 2. P. 6–9.

102. *Salnikov V.P.* Legal culture and the rule of law // Scientific notes of the Faculty of Law. 1998. No. 3. P. 7.

103. *Salnikov V.P.* Legal culture as a factor in stabilizing modern Russian society // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Law. 2001. No. 1. P. 187–189.

104. *Salnikov V.P.* Legal culture of police officers. L.: VPU MVD USSR, 1983. 72 p.

105. *Salnikov V.P.* Legal culture of employees of internal affairs bodies: Textbook. L.: VPU MVD USSR, 1988. 48 p.

106. *Salnikov V.P.* Legal Culture. Chapter XX // General Theory of State and Law. Academic Course in Three Volumes / Ed. M.N. Marchenko. 4th ed., revised and enlarged. Volume 3: State, Law, Society. Moscow: INFRA-M, 2013. Pp. 503–530. In the book 720 p.

107. *Salnikov V.P.* The Problem of the Relationship between Law and Justice in the Context of the Task of Developing Russian Legal Ideology // Ideology, Spiritual Values and Problems of Preserving the Cultural Heritage of Russia: Collection of Articles / Under the scientific ed. E.P. Borzova. St. Petersburg Institute of Art and Restoration SPb .: SPbKO, 2019. Pp. 9–15. In the book 170 p.

108. *Salnikov V.P.* Socialist legal culture: Methodological problems / Ed. by N.I. Matuzov. Saratov: SSU, 1989. 144 p.

109. *Salnikov V.P.* Formation of legal culture in the conditions of formation of civil society: structure and functions // Scientific notes of the law faculty. 1997. No. 2. P. 10.

110. *Salnikov V.P., Salnikov M.V.* Legal culture and political and legal traditions in the context of absolute values // Legal Thought. 2014. No. 4 (84). P. 70–86.

111. *Salnikov V.P., Sokolov N.Ya*. Lawyers and legal awareness of the individual // Current issues of law enforcement activities of internal affairs agencies: Collection of scientific papers. Issue 1. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1993, P. 28–36.

112. *Salnikov V.P., Voronkov K.I., Gutman M.Yu*. Some problems of resocialization of migrants in the Russian Federation // Migration law. 2023. No. 4. P. 2–4.

113. *Salnikov V.P., Zakhartsev S.I., Voronkov K.I.* Comprehendible concept of the subject composition of resocialization relations // Monitoring of law enforcement. 2022. No. 1. P. 29–38. DOI: 10.21681/2226–0692–2022–1-29–38. DOI: 10.21681/2226–0692–2022–1-29–38

114. *Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zhuk A.S.* The idea of moral and legal values and the idea of the state in the paradigms of Kantian and Hegelian philosophy (to the issue of the problem of equality of absolute values) // Legal Science: History and Modernity 2022. No. 12. P. 186–192.

115. *Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Prokofiev K.G.* The meaning of the difference in the approach of I. Kant and I.G. Fichte to the task of deduction of law and morality // Legal science: history and modernity. 2018. No. 4. P. 185–192.

116. *Salnikov V.P., Prokofiev K.G., Chaika V.N.* Morality and sovereignty of the state: value and social aspects // Theory of state and law. 2024. No. 2–1 (37). P. 205–212. DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2–1_37_205

117. *Salnikov V.P., Romashov R.A., Salnikov M.V.* Changes in the Constitution – a consequence of the transformation of the state and legal system of the Russian Federation (review-reflection on the textbook by R.B. Bulatov "Constitution of the Russian Federation: amendments of 2020 and their significance") // Legal Science: History and Modernity. 2023. No. 12. P. 61–67.

118. *Salnikov V.P., Ebzeev B.S., Khabibulin A.G*. Classics of the modern Russian theory of state and law. On the 75th anniversary of Doctor of Law, Professor Valery Vasilyevich Lazarev // Legal Science: History and Modernity. 2015. No. 11. P. 11–19.

119. *Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Morozov A.I.* Constitutional reform as the implementation of the value consensus of society // Amendments to the Constitution of the Russian Federation and prospects for the development of regional legislation: Collection of materials of the All-Russian scientific practical conference (Ufa, March 24, 2021) / Ed. N.V. Yamaletdinova. Ufa: RIC BashSU, 2021. pp. 227–238. In the book 310 p.

120. *Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Morozov A.I.* Value basis of sovereignty (on the issue of sovereign state-legal ideology) // Legal science: history and modernity. 2019. No. 11. P. 149–162.

121. *Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Prokofiev K.G., Morozov A.I.* The principle of sovereignty of state-legal ideology and philosophy of law // The world of politics and sociology. 2019. No. 9. P. 170–178.

122. *Salnikov M.V., Salnikov S.P.* Patriotism and the national idea of Russia // Materials of the International scientific and practical conference / Under the scientific editorship of V.P. Salnikov. St. Petersburg: Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation, 2025. Pp. 93–97. In the book 135 p.

123. *Salnikov M.V., Voronkov K.I., Ismagilov R.F.* The role and place of the probation service being created in the Russian Federation at the stages of resocialization of convicts // Monitoring of law enforcement. 2022. No. 3 (44). P. 23–28.

124. *Salnikov S.P., Prokofiev K.G., Silantyeva V.A., Klimenko O.A., Silantyeva N.V.* Sovereignty of the Russian Federation: Modern Threats and Ensuring Spiritual Security // The World of Politics and Sociology. 2018. No. 1. P. 139–150.

125. *Sveshnikov A.V.* Government policy in the sphere of foreign trips of Russian scientists of the second half of the 19th – early 20th centuries // Schedule of changes: Essays on the history of educational and scientific policy in the Russian Empire – USSR (late 1880s – 1930s). M.: New literary review, 2012. P. 849–887.

126. Sergey Stepashin: It's time to leave the Bologna educational process // Rossiyskaya Gazeta. Stolichnyy vypusk. 2022. No. 57 (8705).

127. *Silkin N.N., Shelepova M.A.* Education of patriotism on the example of the heroes of the Great Patriotic War // The world of politics and sociology. 2015. No. 11. P. 151–158.

128. Modern training of lawyers: bachelors, specialists and masters in Russian universities (experience of design and implementation): monograph / N.A. Davydov, I.I. Aminov, S.P. Polyakov; ed. N.A. Davydov. M.: Prospect, 2015. 208 p.

129. *Sokolov N.Ya.* Professional consciousness of lawyers. M.: Nauka, 1988. 224 p.

130. *Solovieva N.A., Shinkaruk V.M.* Competence-based approach in legal education: problems and prospects // Bulletin of Volgograd State University. 2013. Issue No. 14. P. 42–49.

131. *Starovoitova O.E., Salnikov M.V., Zakhartsev S.I*. Problems of law and justice in the context of globalization (based on the materials of the XXII World Congress) // Legal Science: History and Modernity. 2022. No. 4. P. 169–188.

132. Judicial and legal reform of the 1860s in Russia and modern criminal procedural law: Proceedings of the III International scientific and practical conference held at the Russian Academy of Justice. M.: PRAVO, 2014. 254 p.

133. *Sukhorukov V.N.* On Eternal Values and Patriotism // Legal Science: History and Modernity. 2022. No. 10. P. 69–77.

134. *Syrykh V.M.* History and methodology of legal science: textbook. M.: Norma: INFRA-M, 2012. 512 p.

135. *Tomsinov V. A.* Legal education and jurisprudence in Russia in the first third of the 19th century. M.: Zertsalo-M, 2011. 280 p.

136. *Farber I.E.* Constitutional foundations of the model of the Soviet lawyer // Collection of scientific and methodological articles on jurisprudence. Issue 2. M., 1979. P. 3–9.

137. Philosophical and legal knowledge: current problems: monograph / E.V. Vinogradova, A.O. Vorobyov, M.Yu. Gutman [et al.]; under the general editorship of Doctor of Law, Professor V.P. Salnikov. 2nd ed., corrected. and additional. Moscow: INFRA-M, 2025. 418 p. (Scientific Thought). DOI: 10.12737/2152004

138. *Khabibulin A.G.* State ideology as the basis of sovereignty of modern Russia // Theory of state and law. 2024. No. 3–2 (40). P. 200–204. DOI 10.25839/ MATGIP_2024_3–2_40_200.

139. *Khabibulin A.G.* Political subjectivity and ideology as value properties of the state // Legal science: history and modernity. 2012. No. 8. P. 7–13.

140. *Khabrieva T.Ya., Klishas A.A.* Thematic commentary to the Law of the Russian Federation On Amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ "On Improving the

Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authority". M .: Norma: INFRA-M, 2020. 240 p.

141. Anthology on the history of the USSR. 1861–1917 M.: Education, 1990. 414,[1] p.

142. *Chechelnitsky I.V.* The principle of justice in law // History of the state and law. 2014. No. 6. P. 57–63.

143. *Chechelnitsky I.V.* Justice and lawmaking: Monograph. M .: Prospect, 2021. 176 p.

144. *Shapieva O.G.* Moral and legal socialization of the individual: Diss. ... Doctor of Law. St. Petersburg, 1997. 376 p.

145. *Shakhrai S.M., Krakovsky K.P.* "The court is quick, fair, merciful and equal for all." M.: Kuchkovo pole, 2014. 536 p.; 16 p. ill.

146. *Shenshin V.M.* Patriotism is the basis of the state and legal ideology formed by the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation // The World of Politics and Sociology. 2019. No. 11–12. P. 44–52.

147. *Ekimov A.I.* Axiom of the relationship between justice and law // The World of Politics and Sociology. 2015. No. 1. P. 13–23.

148. Lawyers and Revolution: Pro et Contra /author and compiler Shakhrai S.M., Krakovsky K.P. M.: Kuchkovo Pole, 2017. 552 p.

149. *Yurkovsky A.V.* Objective and subjective determinants of state ideology in the formation and functioning of the mechanism of state power: within the framework of the discussion caused by the article-presentation of V.V. Lazarev "Ideological support of modern justice" // The world of politics and sociology. 2019. No. 10. P. 40–50.

For citation: *Kiiko A.Yu., Ocheredko V.P., Salnikov V.P.* Historical Memory in the Development of Russian Legal Education // Theory of state and law. 2025. No. 2–1. P. 120–134.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_104

Научная статья

УДК: 34
ББК: 67
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_135

М.А. Комиссаров*

СУЩНОСТЬ И ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ

Аннотация. *Рассматриваются сущность и предназначение государственно-правовой идеологии, которые формулируются посредством синтеза понятий «государственная идеология» и «правовая идеология», а также обуславливается тесная взаимосвязь таких идеологий. Сделан вывод о том, что «государственно-правовая идеология» выступает в виде установленной государством системы правовых идей, принципов, нравственно-правовых ценностей, посредством которых достигается консолидация общества на решение возникающих угроз и вызовов. Отмечается, что ее содержание должно формироваться в тесной дискуссии представителей органов государственной власти, отраслевых наук, при активном участии гражданского общества.*

Ключевые слова: *идеология, государственная идеология, правовая идеология, государственно-правовая идеология.*

Актуальность вопросов, связанных с изучением сущности и предназначения государственно-правовой идеологии, обусловлена необходимостью противодействия угрозам влияния современной Западной политики и «культуры безнравственности». В связи с чем, в России среди ученых-юристов, философов и политиков активно обсуждаются и исследуются данные вопросы [2; 5;17; 22; 23; 25; 26; 27; 49; 50; 55], которые так же находят свое отражение в современных политических процессах, направленных на укрепление и сохранение в Российской Федерации духовных и нравственных ценностей [39].

Рассмотрим сущность и предназначение государственно-правовой идеологии в целях дальнейшего исследования вопросов ее суверенности и закономерностей формирования.

Сущность термина «государственно-правовая идеология» неразрывно связана с понятием «идеология», которое в процессе развития научного знания получало различные интерпретации и коннотации.

Термин «идеология» возник в XVIII веке среди французских ученых. Первые упоминания данного термина принято соотносить с философом Антуаном-Луи-Клодом Дестютом, графом де Траси, в интерпретации которого «идеология» представляла собой систему ощущений, знаков, отношений и убеждений человека к окружающему миру, а также метод всех наук и познания [13].

В XIX веке сущность изучаемого явления претерпела ряд трансформаций в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, К. Мангейма, Э. Дюркгейма, М. Вебера, О. Конта, Д. Милля, В. Парето, Г. Спенсера, М. Шеллера и др. Согласно новому подходу к данному понятию, «идеология» воспринималась как система идей (мировоззренческих предубеждений) и представлений, складывающихся под влиянием исторических и социальных условий бытия, ввиду необходимости противостояния (борьбы) одной социальной системы с другой, обусловленной

* **Комиссаров Михаил Алексеевич,** старший помощник начальника отделения правового обеспечения (дознаватель) отдельной орденов Суворова, Жукова, Ленина и Октябрьской Революции Краснознаменной дивизии оперативного назначения им. Ф.Э. Дзержинского войск национальной гвардии Российской Федерации (войсковой части 3111), адъюнкт адъюнктуры и докторантуры научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации. E-mail: kma41.95@mail.ru

развитием общественных (производственных) отношений. Данный подход придал «идеологии» в значительной степени негативный оттенок, данное явление ассоциировалось с системой «ложных» знаний и «заблуждений».

Значительное развитие подходов к интерпретации понятия «идеология» и определения ее сущности произошло в XX веке. В это время данный термин активно использовался в различных отраслях наук – истории, политологии, социологии, экономике и др. Упоминания «идеологии» встречаются в трудах К. Ясперса, Л. Альтюссера, А. Грамши, Л. Дебора, Р. Барта, В.И. Ленина, Р. Арона, Д. Белла, С.М. Липсета, К. Поппера, Х. Арендт, Ю. Хабермаса, Э. Шилза, И. Кристола, З. Бжезинского, Р. Низбета, Р. Даля, Э. Лэда, Л. Хартца, М. Мандельбаума, А. Винера, Т. Роззака, Л. Фойера, Э. Фромма, Э. Шпрангера, Л. Мизеса, М. Фуко, Д. Боуза, Т. Куна, П.А. Сорокина, В.С. Нерсесянса, Ж. Делёза, Т. Парсонса, А. Ренда, Р. Мертона, Э. Топича, Р. Рорти, И. Берлина, Т. Гейгера, Г. Альбертаи др. В XX веке возникло две концепции, отражающих сущность подходов к определению понятия «идеология» и ее сущности – концепция деидеологизации и концепция реидеологизации.

В настоящее время понятие «идеология» среди исследователей воспринимается как «система идей, выраженная в ценностных установках, формирующая мировоззрение социальной группы (общества) и их представления (отношения) к каким-либо событиям, фактам», «совокупность политических, правовых, этических, эстетических, философских, религиозных взглядов и ценностных предпочтений, которые исходят из интересов и устремлений определенных социальных групп, выступают по форме или по существу как выражение потребностей всего общества, нации, государства и которые включают в себя регулятивные, социально-ориентирующие и актуально-действенные рекомендации, императивы и предписания» [40, с. 152], «система концептуально систематизированных взглядов, принципов и теорий, представленных в некоторой всеобщности, своего рода «социальная религия» (Н.А. Бердяев) как мировоззрение со своими ценностями, целевыми установками и символами (Д. Белл), «способ выражения цивилизационной самоидентификации» (С. Хантингтон) [36, с. 20].

Приступая к исследованию понятия «государственно-правовая идеология», следует обратить особое внимание на элементы, составляющие современный подход к интерпретации понятия «идеология», таких как: «система идей», «ценностные установки», «мировоззрение социальной группы (общества)» [42], а также последовательно рассмотреть понятия «государственная идеология» и «правовая идеология» в отдельности и совокупности (их взаимном влиянии друг на друга), такой подход к исследованию находит свое отражение в трудах Е.В. Охотского, который указал, что идеология структурно интегрирует в себе философскую, политическую, правовую, духовно-нравственную, ментальную и геополитическую составляющие [36, с. 20].

Современные исследователи в своих работах обращались к трудам мыслителей XIX и XX века, уточняли воззрения, изложенные относительно «идеологии», и интерпретировали «государственную идеологию» как «целостную, системно выстроенную совокупность идей, ценностей и представлений, в рамках которых государство осознает себя и свое положение в социально-политической действительности» [36, с. 26], «систему принципов, основанную на верховенстве идеи самодостаточности государства, которая воздействует на общество в целом, с целью признания превосходства государственных интересов над частными» [9, с. 78], «долгосрочную государственную программу национальной идентификации, защиты национальной самобытности и суверенитета применительно ко всей совокупной массе граждан, сознающих себя частью единого сообщества» [62], «модель относительного единомыслия, которая делает возможным достижение консенсуса между различными социальными группами, обеспечивая тем самым стабильность самого государства», а также «…позволяет взаимодействовать множеству частных идеологий, не насаждается государством, а объективно возвышается над частными групповыми интересами и ценностями» [28, с. 211], «совокупность идей, идеалов, ценностей, концепций и доктрин, систематизированных, юридически закреплённых, реализуемых и охраняемых государством» [61,

с. 461], «идейно-идеальную основу как внутренней, так и внешней политики государства» [4, с. 87].

В результате анализа вышеуказанных подходов к формулированию понятия «государственная идеология» автор полагает, что, обобщая труды исследователей, сущность данного термина следует сформулировать следующим образом: «Государственная идеология – это система идей, ценностей и представлений, установленных государством, посредством которых оно осознает себя и свое положение в социально-политической действительности, способствует достижению консенсуса между социальными группами в целях организации общества и государства на решение стоящих перед ними задач».

Исходя из сформулированного выше определения, а также основываясь на результатах исследований ученых, автор полагает, что государственная идеология, являясь одним из важнейших ресурсов государственной власти [59, с. 136], обладает следующими функциями, обуславливающими ее предназначение: мобилизационной [36, с. 25;26], мировоззренческой, идентификационной, интеграционной, социализирующей [25], регулятивной, коммуникативной, консолидирующей [54, с. 22], образовательно-воспитательной [25, с. 35; 36, с. 30], оценочной, футурологической, пропагандистской [25, с. 35]. Данные функции реализуются посредством информационного и ориентационного воздействия государственной идеологии на волю и сознание населения [59, с. 136], деятельность государственного аппарата, а также способствуют реализации государственной стратегии [35, с. 12].

Основные признаки «государственной идеологии» были изложены в публикации А.С. Бируля и сформулированы следующим образом: «1) идеология выражает интересы в первую очередь правящей группы, всего общества; 2) имеет общеобязательный и официальный характер для государства и общества; 3) имеет идеи и идеал, которые выступают в роли основы политики государства; 4) идеология обеспечивается как механизмом пропаганды, так и принуждения со стороны государственной власти» [4, с. 87].

В совокупности результаты вышеприведенных научных исследований свидетельствуют о наличии прямой зависимости содержания государственной идеологии от стратегии, ценностей и целей, поставленных и сформулированных государственными субъектами, наделенными властными полномочиями. Государственная идеология, играет важную роль в формировании общественных устремлений и в определении направления развития общества и государства, так как основываясь на определенных концепциях и идеалах, она служит источником мотивации для государства и общества, способствует взаимодействию между гражданским обществом и государственными органами, создавая условия для совместной работы. Целью этого сотрудничества является создание идеальной модели государственного и общественного устройства, которое будет максимально соответствовать заданному идеалу [4, с. 88]. При этом, в зависимости от формы государственного правления и установленного политического режима, источником государственной власти может являться народ или лицо, наделенное полномочиями на единоличное осуществление верховной власти в государстве. Соответственно, государственная идеология может быть артикулирована исходя из стратегии и целей, определенных народом, представительными органами государственной власти или сувереном, иными словами, она служит отражением интересов властвующих [59, с. 136].

«Правовая идеология» в трудах ученых определяется как «система правовых идей, принципов, концепций, теорий, отражающих осознанное отношение общества, социальных групп, отдельных лиц к праву» [30, с. 553], «систематизированное представление о правовой действительности, основанное на некоторых ценностных предпосылках» [38, с. 265], «систематизированное научное выражение правовых воззрений, принципов, социальных требований» [30, с. 138], «целостный, обладающий внутренним единством, искусственно создаваемый на основе философских или религиозных учений механизм воздействия системы идей на общественное, групповое и индивидуальное правосознание с целью легитимации (делигитимации) позитивного права, юридической практики, обеспечения единства правовой системы и ее воспроизводства путем перевода правовых идей в нормативные установки

сознания и формирования соответствующих моделей поведения» [29, с. 365], «система идей, теорий и понятий, в которых отражается и оценивается отношение людей к праву» [12], «рационализированное отражение правового бытия, выраженное совокупностью идей, созданных посредством взаимонаправленного воздействия личности, общества и государства с целью легитимации действий государственной власти по формированию ценностей и идеалов, консолидирующих общество» [60, с. 7].

«Правовая идеология», как указывают А.М. Цалиев и Т.В. Цгоев, не является чисто правовой материей, при этом воздействует на нее, участвуя в правовом регулировании на основе правовых воззрений, взглядов, теорий, учений и наполняется не только юридической, но и мировоззренческой составляющей [59, с. 135]. Как указывают авторы, она также «тесно переплетается с другими видами и формами осознания реальности и действительности, в частности с моралью; теснейшим образом она связана и с философскими теориями, религиозными доктринами, политико-идеологическими воззрениями, а само право (позитивное) можно рассматривать как материализованную, легитимизированную идеологию сил, его создающих» [59, с. 136].

Анализируя и обобщая приведенные выше подходы и интерпретации, следует отметить, что правовая идеология, как система ценностей, выражается в нормах права либо концепциях (воззрениях), основываясь на которых осуществляется их построение, а также является составной частью правовой политики государства [59, с. 137]. Данное обстоятельство обуславливает тесную взаимосвязь правовой и государственной идеологий, так как источником их формирования выступает государство, а в их построении прослеживается взаимное влияние и интеграция ценностных установок, идеалов и др.

Синтезируя результаты подходов к определению понятий «государственная идеология» и «правовая идеология», следует прийти к выводу, что государственно-правовая идеология представляет собой совокупность правовых идей, нравственно-правовых ценностей и представлений, которые устанавливаются государством. Эта система направлена на создание правовых основ для объединения общества, формирование желаемой модели общественного правосознания и правовой культуры, а также на улучшение существующих в стране общественных отношений. Кроме того, она обеспечивает единство правовой системы и ее устойчивое развитие, переводя правовые идеи в конкретные нормы права.

Предлагаемая трактовка понятия государственно-правовой идеологии согласуется с позициями, изложенными в трудах таких ученых и исследователей, как В.А. Симонов [53, с. 80], А.Б. Каягин [21, с. 6; 22, с. 100], Г.В. Хорольский [58, с. 103], А.М. Цалиев, Т.В. Цгоев [59, с. 136], Е.А. Брылева, С.И. Захарцев, В.П. Сальников [8, с. 23], О.В. Балашов [1].

Наиболее часто понятие «государственно-правовая идеология» используется исследователями как некий концепт, включающий в себя совокупность представлений и принципов, которые формируются и поддерживаются государством посредством программно-целевого и нормативного механизма. Иначе говоря, государственно-правовая идеология характеризуется как организованная система взглядов, которая отражает государственное видение и требования, связанные с регулированием общественных отношений [56]. Она как своего рода движущая сила, обеспечивающая правовой системе необходимые государству концептуальные элементы. В рамках этой идеологической модели формируются ключевые принципы, закладываются основные руководящие идеи, которые пронизывают весь спектр не только правовых, но и иных социальных норм, а также деятельность, связанную с созданием и применением права. Здесь проявляется так называемый синкретизм правовой культуры [10; 11; 48]. В этом контексте государственно-правовая идеология служит не просто средством передачи идеалов и ценностей, но и инструментом, способствующим взаимодействию власти и населения страны, позволяя государству оказывать влияние на общественные процессы, формируя у общества определенное понимание правовой реальности [3; 24; 32; 33; 56].

Исходя из определения сущности государственно-правовой идеологии ее предназначение выражается в: обосновании возникающих правовых отношений, законности, право-

порядка [16, с. 82]; обеспечении баланса интересов личности, общества и государства [18, с. 198–199], доверия населения к власти [14]; формировании желаемой модели общественного правосознания и правовой культуры [43; 44; 45]; совершенствовании системы существующих в государстве общественных отношений [57, с. 112]; обеспечении единства правовой системы [29, с. 365]; формулировании общепринятых правовых идей в целях их закрепления в нормах права и общественном сознании.

Государственно-правовая идеология, являясь компонентом структуры правового сознания [34, с. 45], систематически оказывает на него целенаправленное воздействие, так как в противном случае ослабление такого влияния повлечет за собой ослабление непосредственно самой государственности [51, с. 27].Целью воздействия государственно-правовой идеологии на правовое сознание общества «выступает фиксация в общественном сознании правовых идеалов, отражающих интересы государства, что может быть достигнуто через формирование в индивидуальном правосознании отдельных лиц системы ценностей, согласующихся с вектором государственного движения» [41, с. 68], в связи с чем следует согласиться с мнением А.М. Цалиева и Т.В. Цгоева, относительно того, что государственно-правовая идеология выступает в качестве одного из важнейших ресурсов государственной власти [59, с. 136], в противном случае, как отмечает А.Б. Каягин, внеидеологическое существование какого-либо государства иллюзорно и подобная иллюзия оказывает вредоносное и разрушительное воздействие на общество и государство [23, с. 23].

Вопрос определения источников государственно-правовой идеологии был исследован Г.В. Хорольским, которые в его трудах определены в виде юридических и неюридических. Юридические источники государственно-правовой идеологии проявляются через правовые принципы, идеи и доктрины, которые составляют основу институционального регулирования общественных отношений. Неюридические источники в свою очередь представляют собой ценностные и нормативные представления, которые формируются в общественном сознании и фиксируются внеинституциональной сферой в виде моральных и нравственных стереотипов [56] и иных социальных регуляторов. Юридические аспекты создают формальные рамки и правила, которые регулируют поведение людей и организаций, тогда как неюридические аспекты отражают общественные взгляды и моральные нормы, влияющие на восприятие и интерпретацию этих правил. Эти два типа источников взаимосвязаны и вместе формируют целостную картину государственно-правовой идеологии в государстве.

В результате проведенного исследования можно утверждать, что государственно-правовая идеология образуется в результате синтеза понятий «государственная идеология» и «правовая идеология». Она объединяет в себе характерные черты и функции, присущие каждому из этих понятий, в основе которой лежит система правовых идей и принципов, которые были установлены и утверждены государством. Эти идеи и принципы определяют нравственно-правовые ценности, которые, в свою очередь, служат основой для создания и развития норм права, а также формирования желаемой модели общества и государства. Содержание государственно-правовой идеологии отражает ценности общества (народа), цели и задачи, которые ставит перед собой государство, служит теоретической основой для правового регулирования общественных отношений, влияет на правоприменительную практику, играет важную роль в формировании правовой культуры и правосознания индивидов, обеспечивает реализацию целей и задач, определенных государством, через установление властных предписаний в нормативных правовых актах, которые, в свою очередь, определяют границы правомерного поведения граждан и организаций, а также регулируют ситуации, которые могут возникать в случаях, не охваченных действующим законодательством. Государственно-правовая идеология является одним из средств обеспечения подлинного суверенитета государства, так как выступает в качестве защитного механизма, способного нейтрализовать потенциальные угрозы, как внешние, так и внутренние, путем укрепления национальной идентичности, продвижения общих ценностей и создания условий для их устойчивого развития.

Из вышеуказанного следует, что содержание государственно-правовой идеологии, как многогранного и всеобъемлющего явления, должно формироваться в тесной дискуссии представителей органов государственной власти, отраслевых наук, при активном участии гражданского общества [7, с. 26]. При этом, государственно-правовая идеология, будучи системой правовых идеи, принципов, нравственно-правовых ценностей должна отвечать идеям добра, нравственности, справедливости и свободы, соотноситься с понятием блага и выступать в качестве социальной ценности [14; 19; 20; 63]. Нормативное закрепление и четкое (недвусмысленное) формулирование государственно-правовой идеологии, отражающей суверенный взгляд общества и государства на права и свободы граждан, его самого в целом, формы и способы реализации государственной власти, а также целей проводимой государством внешней и внутренней политики, гипотетически способствовало бы преодолению возникающих кризисов и вызовов. Государственно-правовая идеология должна носить суверенный характер [6; 15; 46; 47].

Наличие государственно-правовой идеологии, которая не просто декларирована в нормативных правовых актах, а также последовательно реализуется в проводимой государством политике и в отношениях, возникающих внутри самого общества, обеспечивает его консолидацию на решение стоящих перед ними задач, которые могут быть связаны не только с разрешением внешнеполитических угроз, но в первую очередь, направлены на разрешение противоречий, которые дестабилизируют само общество и подрывают его благосостояние, либо препятствуют его естественному и гармоничному развитию. Она призвана обеспечивать истинный суверенитет государства, устраняя соответствующие угрозы [38].

Библиографический список

1. *Балашов О.В.* Особенности формирования государственно-правовой идеологии в России // Вестник Поволжского института управления. – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 115–122. – DOI 10.22394/1682–2358–2023–2-115–122. – EDN LGAWCG.

2. Бастрыкин призвал прописать государственную идеологию в Конституции // URL: https://www.rbc.ru/politics/22/11/2023/655db8f39a7947609f6e6b9e.

3. *Бачинин В.А. Сальников В.П.* Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Наука и общество). – EDN UGDADR.

4. *Бируля А.С.* Государственная идеология в современной России: миф или реальность? // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 18. – С. 82–99. – EDN ZWYYCX.

5. *Боброва Н.А.* Государство без идеологии – это нонсенс // Мир политики и социологии. – 2019. – № 7. – С. 24–33. – EDN TYEVGI.

6. *Богатырёв Д.К., Сальников В.П.* Ценности христианского гуманизма и государственно-правовая идеология // Мир политики и социологии. – 2019. – № 11–12. – С. 36–43.

7. *Брылева Е.А.* Гражданское общество как один из ключевых субъектов поиска государственно-правовой идеологии // Мир политики и социологии. – 2019. – № 8. – С. 23–26. – EDN SGZVUV.

8. *Брылева Е.А., Захарцев С.И., Сальников В.П.* Благотворительность как свойство российской суверенной государственно-правовой идеологии // Теория государства и права. – 2021. – № 4(25). – С. 23–32. – DOI 10.47905/MATGIP.2021.25.4.002. – EDN CGRZZS.

9. *Буховец А.Н.* Идеологическая функция государства: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2002. – 200 с. – EDN NMDVTL.

10. *Галиев Ф.Х.* Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 517 с.

11. *Галиев Ф.Х.* Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.

12. *Гойман-Калинский И.В., Иванец Г.И., Червонюк В.И.* Элементарные начала общей теории права: Учебное пособие / И. В. Гойман-Калинский,– М.: Колос-Пресс, 2003. – 544 с. – EDN FINZLR.

13. *Дестют де Траси А.Л.К.* Основы идеологии: идеология в собственном смысле слова / Пер. с фр. Д.А. Ланина. – М. Альма Матер: Академический проект, 2013. – 333 с.

14. Добро, доверие, справедливость, свобода в философско-правовой мысли: античность и современность: Монография / Е.В. Виноградова, А.О. Воробьев, И.Н. Грибов [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. 2-е изд, испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2025. – 459 с. – (Научная мысль). – DOI 10.12737/2151906.

15. *Жук А.С., Сальников В.П.* Ценностный консенсус общества как основание суверенной правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 2. – С. 163–170.

16. *Зайнутдинов Д.Р.* Либеральная демократия как государственно-правовая идеология «белой» России // Путеводитель предпринимателя. – 2011. – № 9. – С. 80–87. – EDN OFFNON.

17. *Заметина Т.В.* Конституционно-правовые основы обеспечения единства народов России как традиционной духовно-нравственной ценности // Россия: общество, политика, история. – 2023. – № 3(8). – С. 136–154. – DOI 10.56654/ROPI-2023–3(8)-136–154. – EDN BIECWP.

18. *Зиновьев И П., Колесников Ю.А., Мельников В.Ю.* Идеология как общественный и государственный институт // Социально-политические науки. – 2016. – № 4. – С. 196–200. – EDN XGXBDX.

19. Идея справедливости в традициях постклассической философии права / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников [и др.]. – СПб.: Общероссийский общественный Фонд «Социальное развитие России», 2012. – 176 с. – ISBN 978–5-4253–0852–2. – EDN YQESPH.

20. *Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Право и справедливость: исторические традиции и современные модели: Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. – (Наука и общество). – ISBN 978–5-93598–150–1. – EDN YMYWAR.

21. *Каягин А Б.* К вопросу о понимании государственно-правовой идеологии как необходимой социальной ценности // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2024. – Т. 9, № 4. – С. 5–9. – DOI 10.47475/2618–8236–2024–9-4–5-9. – EDN CRMXGV.

22. *Каягин А.Б.* Государственно-правовая идеология и правовое воспитание: взаимосвязь и взаимообусловленность // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – Т. 22, № 4. – С. 99–104. – DOI 10.14529/law220415. – EDN ELDFIH.

23. *Каягин А.Б.* Государственно-правовая идеология как фактор формирования развитого общественного правосознания в Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – Т. 8, № 4. – С. 20–24. – DOI 10.47475/2618–8236–2023–8-4–20–24. – EDN RUMVNJ.

24. *Кондратьева А.Н., Цыганов В.И., Сальников М.В.* Идеи евразийства в политико-правовой реальности современной России // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 1(51). – С. 67–74. – EDN YUKEMM.

25. *Крижановская Г.Н.* К вопросу о необходимости государственной идеологии // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 34–40. – EDN MUFAIR.

26. *Лазарев В.В.* Идеологическое сопровождение современного правосудия // Мир политики и социологии. – 2019. – № 4. – С. 17–32. – EDN PIIYYK.

27. *Маслов В.Н.* Государственная идеология или идеология нации? // Ученые записки. Том 15. – Нижний Новгород: Нижегородский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» , 2017. – С. 347–365. – EDN YUEXHS.

28. *Маслодудова Н.В., Шинкевич В.Е.* Свобода общества и государственная идеология // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 1. – С. 203–211. – EDN YPLPXA.

29. *Михайлов А.М*. Понятие правовой идеологии и его место в составе теоретико-правового знания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2017. – Т. 21, № 3. – С. 355–379. – DOI 10.22363/2313–2337–2017–21–3-355–379. – EDN ZHTNKF.

30. *Мухаев Р.Т.* Теория государства и права: Учебник для бакалавров. – 3-е изд., пер. и доп. – М.: Юрайт, 2015. – 585с. – (Бакалавр. Академический курс). – ISBN 978–5-9916–2944–7. – EDN TYQAMX.

31. Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2001. – 520с.

32. *Оль П.А., Сальников М.В.* Правосознание как форма отражения правовой реальности в контексте материалистической методологии // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 1. – С. 183–194. – EDN EXMCDE.

33. *Оль П.А.* Правовая реальность: формально-содержательный анализ: Монография / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005. 187 с.

34. *Осипов Р.А.* Деформация правосознания личности в современном российском обществе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2020. – № 3(134). – С. 44–48. – DOI 10.24411/2227–7315–2020–10066. – EDN VJMHKW.

35. От редакции. О дискуссии, вызванной статьей-презентацией доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.В. Лазарева «идеологическое сопровождение современного правосудия» // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 11–24. – EDN RKVNKO.

36. *Охотский Е.В.* Государственная идеология – непременная составляющая успешной политики и созидающего государственного строительства // Право и управление. XXI век. – 2022. – Т. 18, № 4(65). – С. 19–33. – DOI 10.24833/2073–8420–2022–4-65–19–33. – EDN DSSTJK.

37. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету госу¬дарства: монография / под ред. В.П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 423 с. – (Научная мысль). С. 70–120.

38. *Поляков А.В., Тимошина Е.В.* Общая теория права: учебник. – 2-е издание. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2015. – 472 с. – (История государства и права). – ISBN 978–5-288–05581–1. – EDN UGTSGF.

39. Президент в режиме видеоконференции провёл заседание Совета Безопасности Российской Федерации: Официальный сетевой ресурс Президента России. 10 июня 2025. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/77160.

40. *Рачков П.А.* Общественное сознание: Курс лекций. – М.: ТЕИС, 2002. 273 с.

41. *Реуф В.М.* Государственная правовая идеология и ее воздействие на общественное правосознание (теоретико-правовой аспект проблемы) // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 2. – С. 67–71. – EDN LTIWSW.

42. *Рубцов А.* Идеология как система ценностей и как феномен сознания. Формат мегапроекта // Актуальные проблемы идеологии: междисциплинарный семинар. М., 2008. URL: https://iphras.ru/page18067565.htm (дата обращения: 29.06.2025).

43. *Сальников В.П.* Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Сборник научных статей. Выпуск 1 / МВД России. Санкт-Петербургский университет; Под общ. ред. В.П. Сальникова; ред. кол.: Д.И. Луковская и др. – СПб., 2000.– С. 3–5. – в сб. 76 с.

44. *Сальников В.П.* Формирование правовой культуры в условиях становления гражданского общества: структура и функции // Ученые записки юридического факультета. – 1997. – № 2. – С. 10.

45. *Сальников В.П.* Правовая культура. Гл. XX // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / Отв. ред. М.Н Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Том 3: Государство, право, общество. – М.: ИНФРА-М, 2013. – С. 503–530. – в кн. 720 с.

46. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И.* Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 149–162.

47. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И.* Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 170–178.

48. *Сальников М.В., Сальников С.П., Третьяков И.Л.* Доктринальные подходы к международному сотрудничеству в борьбе с преступностью: понимание права и синкретизм современной правовой культуры // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 125–131.

49. *Сальников В.П., Груздева М.Л.* Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11–22. – EDN UAXELB.

50. *Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И.* Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193–202. – EDN UHXIUB.

51. *Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.Г.* Государственная идеология и язык закона / Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – 208 с. – (Безопасность человека и общества). – EDN UGUGFR.

52. *Сальников М.В.* Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170–191. – EDN SQCCLP.

53. *Симонов В.А.* Государственная национальная политика Российской Федерации и проблемы идеологического многообразия // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2008. – № 3(16). – С. 79–84. – EDN MNIDXZ.

54. Теория и идеология государства: политико-правовые процессы: Монография / А. Г. Хабибулин, Р. А. Рахимов; М-во внутр. дел РФ. С.-Петерб. ун-т МВД РФ. – СПб., 1998. – 114 с.

55. *Хабибулин А.Г.* Идеология – основополагающий фактор общественного развития // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 21–24. – EDN CZXFJB.

56. *Хорольски Г.В.* Государственно-правовая антикоррупционная идеология в структуре российской правовой системы: теоретико-правовой анализ: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2011. – 39 с. – EDN ZOILQP.

57. *Хорольский Г.В.* Законодательство в сфере противодействия коррупции и российская государственно-правовая идеология: теоретико-методологические аспекты // Философия права. – 2010. – № 3(40). – С. 112–116. – EDN MQHJXR.

58. *Хорольский Г. В.* Формы государственно-правовой антикоррупционной идеологии в контексте российской правовой системы / Г. В. Хорольский // Власть Закона. – 2010. – № 4(4). – С. 102–109. – EDN PABIOB.

59. *Цалиев А.М., Цгоев Т.В.* О конституционных основах государственно-правовой идеологии в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 1(31). – С. 134–144. – EDN QARAID.

60. *Цыганкова Д.Ю.* Правовая идеология и информационная функция государства (теоретико-правовой аспект): специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – 20 с. – EDN ZORASZ.

61. *Чернышов Р.Д.* Государственная идеология как основа национальной безопасности // Будущее науки – 2024: Сборник научных статей 11-й Международной молодежной научной конференции. В 5-ти томах, Курск, 18–19 апреля 2024 года. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024. – С. 461–463. – EDN RQFNNK.

62. *Шеляпин Н.В.* Российская государственная идеология (Социологический аспект): специальность 22.00.05 «Политическая социология»: Дис. ... канд. социол. наук. – СПб., 1999. – 208 с. – EDN NLPYKL.

63. *Экимов А.И.* Аксиома соотношения справедливости и права: теория и реальность // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 13–23. – EDN TZXWJB.

Для цитирования: *Комиссаров М.А.* Сущность и предназначение государственно-правовой идеологии // Теория государства и права. – 2025. – № 2-1. – С. 135–143.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_135

THE ESSENCE AND PURPOSE OF STATE-LEGAL IDEOLOGY

Mikhail A. Komissarov *

Annotation. *The article examines the essence and purpose of state and legal ideology, which are formulated through the synthesis of the concepts of «state ideology» and «legal ideology», and also determines the close relationship between such ideologies. It is concluded that «state and legal ideology» acts as a system of legal ideas, principles, moral and legal values established by the state, through which the consolidation of society is achieved to resolve emerging threats and challenges. It is noted that its content should be formed in close discussions of representatives of government bodies, industry sciences, with the active participation of civil society.*

Keywords: *ideology, state ideology, legal ideology, state-legal ideology.*

The relevance relevance of issues related to the study of the essence and purpose of state and legal ideology is due to the need to counteract the threats of the influence of modern Western poli-

* **Komissarov Mikhail Alekseevich,** Senior Assistant to the Head of the Legal Support Department (investigator) of the Separate Orders of Suvorov, Zhukov, Lenin and the October Revolution Red Banner Operational Division named after F.E. Dzerzhinsky of the National Guard Troops of the Russian Federation (military unit 3111), Adjunct of the Postgraduate and Doctoral Studies of the Research Center of the Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation. E-mail: kma41.95@mail.ru

tics and the «culture of immorality». In this regard, in Russia, among legal scholars, philosophers and politicians, these issues are actively discussed and studied [2; 5; 17; 22; 23; 25; 26; 27; 49; 50; 55], which are also reflected in modern political processes aimed at strengthening and preserving spiritual and moral values in the Russian Federation [39].

Let us consider the essence and purpose of state-legal ideology for the purpose of further research into the issues of its sovereignty and the laws of formation.

The essence of the term "state-legal ideology" is inextricably linked with the concept of "ideology", which in the process of development of scientific knowledge has received various interpretations and connotations.

The term «ideology» arose in the 18th century among French scientists. The first mentions of this term are usually associated with the philosopher Antoine-Louis-Claude Destutt, Count de Tracy, in whose interpretation «ideology» was a system of sensations, signs, relationships and beliefs of a person to the surrounding world, as well as the method of all sciences and knowledge [13].

In the 19th century, the essence of the phenomenon under study underwent a number of transformations in the works of K. Marx, F. Engels, K. Mannheim, E. Durkheim, M. Weber, O. Comte, D. Mill, V. Pareto, G. Spencer, M. Sheller and others. According to the new approach to this concept, «ideology» was perceived as a system of ideas (ideological prejudices) and representations that developed under the influence of historical and social conditions of existence, due to the need for confrontation (struggle) of one social system with another, conditioned by the development of social (production) relations. This approach gave «ideology» a largely negative connotation; this phenomenon was associated with a system of «false» knowledge and «delusions».

Significant development of approaches to the interpretation of the concept of «ideology» and the definition of its essence occurred in the 20th century. At that time, this term was actively used in various branches of science – history, political science, sociology, economics, etc. Mentions of «ideology» are found in the works of K. Jaspers, L. Althusser, A. Gramsci, L. Debord, R. Barth, V.I. Lenin, R. Aron, D. Bell, S.M. Lipset, K. Popper, H. Arendt, J. Habermas, E. Shils, I. Kristol, Z. Brzezinski, R. Nisbet, R. Dahl, E. Lade, L. Hartz, M. Mandelbaum , A. Wiener, T. Roszak, L. Feuer, E. Fromm, E. Spranger, L. Mises, M. Foucault, D. Bose, T. Kuhn, P.A. Sorokin, V.S. Nersesyans, J. Deleuze, T. Parsons, A. Rand, R. Merton, E. Topic, R. Rorty , I. Berlin, T. Geiger, G. Albert and others. In the 20th century, two concepts emerged that reflect the essence of approaches to defining the concept of "ideology" and its essence – the concept of deideologization and the concept of reideologization.

Currently, the concept of "ideology" is perceived by researchers as "a system of ideas expressed in value attitudes that form the worldview of a social group (society) and their ideas (attitudes) to any events, facts", "a set of political, legal, ethical, aesthetic, philosophical, religious views and value preferences that stem from the interests and aspirations of certain social groups, act in form or in essence as an expression of the needs of the entire society, nation, state and which include regulatory, socially oriented and relevant recommendations, imperatives and regulations" [40, p. 152], "a system of conceptually systematized views, principles and theories, presented in a certain universality, a kind of "social religion" (N.A. Berdyaev) as a worldview with its own values, goals and symbols (D. Bell), "a way of expressing civilizational self-identification" (S. Huntington) [36, p. 20].

When starting to study the concept of "state-legal ideology", special attention should be paid to the elements that make up the modern approach to interpreting the concept of "ideology", such as: "system of ideas", "value attitudes", "worldview of a social group (society)" [42], and also to consistently consider the concepts of "state ideology" and "legal ideology" separately and together (their mutual influence on each other), such an approach to research is reflected in the works of E.V. Okhotsky, who indicated that ideology structurally integrates philosophical, political, legal, spiritual and moral, mental and geopolitical components [36, p. 20].

Modern researchers in their works turned to the works of thinkers of the 19th and 20th centuries, clarified the views set forth regarding "ideology", and interpreted "state ideology" as "an integral, systematically constructed set of ideas, values and concepts within which the state perceives

itself and its position in socio-political reality" [36, p. 26], "a system of principles based on the supremacy of the idea of self-sufficiency of the state, which influences society as a whole, with the aim of recognizing the superiority of state interests over private ones" [9, p. 78], "a long-term state program of national identification, protection of national identity and sovereignty applicable to the entire aggregate mass of citizens who recognize themselves as part of a single community" [62], "a model of relative unanimity that makes it possible to achieve consensus between different social groups, thereby ensuring the stability of the state itself", and also "... allows for the interaction of many private ideologies, is not imposed by the state, but objectively rises above private group interests and values" [28, p. 211], "a set of ideas, ideals, values, concepts and doctrines, systematized, legally enshrined, implemented and protected by the state" [61, p. 461], "an ideological and ideal basis for both the domestic and foreign policies of the state" [4, p. 87].

As a result of the analysis of the above approaches to the formulation of the concept of "state ideology", the author believes that, summarizing the works of researchers, the essence of this term should be formulated as follows: "State ideology is a system of ideas, values and concepts established by the state, through which it understands itself and its position in socio-political reality, and contributes to the achievement of consensus between social groups in order to organize society and the state to solve the problems facing them."

Based on the definition formulated above, as well as on the results of research by scientists, the author believes that state ideology , being one of the most important resources of state power [59, p. 136], has the following functions that determine its purpose: mobilization [36, p. 25; 26], ideological, identification, integration, socializing [25], regulatory, communicative, consolidating [54, p. 22], educational and upbringing [25, p. 35; 36, p. 30], evaluative, futurological, propaganda [25, p. 35]. These functions are realized through the informational and orienting impact of state ideology on the will and consciousness of the population [59, p. 136], the activities of the state apparatus, and also contribute to the implementation of state strategy [35, p. 12].

The main features of the "state ideology" were set out in the publication by A.S. Birul and formulated as follows: "1) ideology expresses the interests, first and foremost, of the ruling group and the whole society; 2) has a generally binding and official character for the state and society; 3) has ideas and an ideal that act as the basis for state policy; 4) ideology is ensured by both the mechanism of propaganda and coercion on the part of state power" [4, p. 87].

Taken together, the results of the above scientific studies indicate a direct dependence of the content of state ideology on the strategy, values and goals set and formulated by state entities vested with powers. State ideology plays an important role in shaping public aspirations and determining the direction of development of society and the state, since, based on certain concepts and ideals, it serves as a source of motivation for the state and society, promotes interaction between civil society and government agencies, creating conditions for joint work. The purpose of this cooperation is to create an ideal model of state and social structure that will best correspond to the given ideal [4, p. 88]. At the same time, depending on the form of government and the established political regime, the source of state power may be the people or a person vested with the authority to solely exercise supreme power in the state. Accordingly, state ideology can be articulated based on the strategy and goals determined by the people, representative bodies of state power or the sovereign, in other words, it serves as a reflection of the interests of those in power [59, p. 136].

"Legal ideology" is defined in the works of scientists as "a system of legal ideas, principles, concepts, theories reflecting the conscious attitude of society, social groups, individuals to the law" [30, p. 553], "a systematized idea of legal reality based on certain value premises" [38, p. 265], "a systematized scientific expression of legal views, principles, social requirements" [30, p. 138], "a holistic mechanism with internal unity, artificially created on the basis of philosophical or religious teachings of the influence of a system of ideas on public, group and individual legal consciousness with the aim of legitimizing (delegitimizing) positive law, legal practice, ensuring the unity of the legal system and its reproduction by translating legal ideas into normative attitudes of consciousness and forming corresponding models of behavior" [29, p. 365], "a system of ideas, theories and concepts that reflect and evaluate people's attitudes to law" [12], "a rationalized reflec-

tion of legal existence, expressed by a set of ideas created through the mutual influence of the individual, society and the state with the aim of legitimizing the actions of state authorities to form values and ideals that consolidate society" [60, p. 7].

"Legal ideology", as A.M. Tsaliev and T.V. Tsgoev point out, is not purely a legal matter, but it influences it, participating in legal regulation based on legal views, opinions, theories, teachings, and is filled not only with a legal but also with an ideological component [59, p. 135]. As the authors point out, it is also "closely intertwined with other types and forms of awareness of reality and actuality, in particular with morality; it is also closely connected with philosophical theories, religious doctrines, political and ideological views, and the law itself (positive) can be considered as a materialized, legitimized ideology of the forces that create it" [59, p. 136].

Analyzing and summarizing the above approaches and interpretations, it should be noted that legal ideology, as a system of values, is expressed in legal norms or concepts (views), based on which they are constructed, and is also an integral part of the legal policy of the state [59, p. 137]. This circumstance determines the close relationship between legal and state ideologies, since the source of their formation is the state, and in their construction, mutual influence and integration of value attitudes, ideals, etc. can be traced.

Synthesizing the results of approaches to defining the concepts of «state ideology» and «legal ideology», we should come to the conclusion that state-legal ideology is a set of legal ideas, moral and legal values and concepts that are established by the state. This system is aimed at creating a legal basis for unifying society, forming a desired model of public legal consciousness and legal culture, as well as improving existing social relations in the country. In addition, it ensures the unity of the legal system and its sustainable development, translating legal ideas into specific legal norms.

The proposed interpretation of the concept of state-legal ideology is consistent with the positions set out in the works of such scientists and researchers as V.A. Simonov [53, p. 80], A.B. Kayagin [21, p. 6; 22, p. 100], G.V. Khorolsky [58, p. 103], A.M. Tsaliev, T.V. Tsgoev [59, p. 136], E.A. Bryleva, S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov [8, p. 23], O.V. Balashov [1].

The term «state-legal ideology» is most often used by researchers as a concept that includes a set of ideas and principles that are formed and supported by the state through a program-targeted and normative mechanism. In other words, state-legal ideology is characterized as an organized system of views that reflects the state vision and requirements related to the regulation of social relations [56]. It is a kind of driving force that provides the legal system with the conceptual elements necessary for the state. Within the framework of this ideological model, key principles are formed, the main guiding ideas are laid down that permeate the entire spectrum of not only legal, but also other social norms, as well as activities related to the creation and application of law. This is where the so-called syncretism of legal culture is manifested [10; 11; 48]. In this context, state-legal ideology serves not simply as a means of conveying ideals and values, but also as a tool that facilitates the interaction between the authorities and the population of the country, allowing the state to influence social processes, forming a certain understanding of legal reality in society [3; 24; 32; 33; 56].

Based on the definition of the essence of state-legal ideology, its purpose is expressed in: justification of emerging legal relations, legality, law and order [16, p. 82]; ensuring a balance of interests of the individual, society and the state [18, pp. 198–199], public trust in the authorities [14]; formation of the desired model of public legal consciousness and legal culture [43; 44; 45]; improvement of the system of social relations existing in the state [57, p. 112]; ensuring the unity of the legal system [29, p. 365]; formulation of generally accepted legal ideas for the purpose of their consolidation in legal norms and public consciousness.

State and legal ideology, being a component of the structure of legal consciousness [34, p. 45], systematically exerts a targeted influence on it, since otherwise the weakening of such influence will entail the weakening of statehood itself [51, p. 27]. The purpose of the influence of state and legal ideology on the legal consciousness of society "is the fixation in the public consciousness of legal ideals reflecting the interests of the state, which can be achieved through the formation in the individual legal consciousness of individuals of a system of values consistent with the vector of state movement" [41, p. 68], in connection with which one should agree with the opinion of

A.M. Tsaliev and T.V. Tsgoev, regarding the fact that state and legal ideology acts as one of the most important resources of state power [59, p. 136], otherwise, as A.B. notes. Kayagin, the non-ideological existence of any state is illusory and such an illusion has a harmful and destructive effect on society and the state [23, p. 23].

The issue of determining the sources of state-legal ideology was studied by G.V. Khorolsky, who defined them in his works as legal and non-legal. Legal sources of state-legal ideology are manifested through legal principles, ideas and doctrines that form the basis of institutional regulation of social relations. Non-legal sources, in turn, represent value and normative ideas that are formed in the public consciousness and recorded by the extra-institutional sphere in the form of moral and ethical stereotypes [56] and other social regulators. Legal aspects create formal frameworks and rules that regulate the behavior of people and organizations, while non-legal aspects reflect public views and moral norms that influence the perception and interpretation of these rules. These two types of sources are interconnected and together form a holistic picture of state-legal ideology in the state.

As a result of the conducted research it can be stated that the state and legal ideology is formed as a result of the synthesis of the concepts of «state ideology» and «legal ideology» . It combines the characteristic features and functions inherent in each of these concepts, which is based on the system of legal ideas and principles that were established and approved by the state. These ideas and principles determine the moral and legal values, which, in turn, serve as the basis for the creation and development of legal norms, as well as the formation of the desired model of society and the state. The content of the state and legal ideology reflects the values of society (people), the goals and objectives that the state sets for itself, serves as a theoretical basis for the legal regulation of social relations, influences law enforcement practice, plays an important role in the formation of legal culture and legal consciousness of individuals, ensures the implementation of the goals and objectives defined by the state through the establishment of authoritative prescriptions in regulatory legal acts, which, in turn, determine the boundaries of the lawful behavior of citizens and organizations, and also regulate situations that may arise in cases not covered by the current legislation. State and legal ideology is one of the means of ensuring the genuine sovereignty of the state, as it acts as a protective mechanism capable of neutralizing potential threats, both external and internal, by strengthening national identity, promoting common values and creating conditions for their sustainable development.

It follows from the above that the content of state and legal ideology, as a multifaceted and comprehensive phenomenon, should be formed in close discussion of representatives of government bodies, industry-specific sciences, with the active participation of civil society [7, p. 26]. At the same time, state and legal ideology, being a system of legal ideas, principles, moral and legal values, should correspond to the ideas of goodness, ethics, justice and freedom, correlate with the concept of good and act as a social value [14; 19; 20; 63]. Normative consolidation and clear (unambiguous) formulation of state and legal ideology, reflecting the sovereign view of society and the state on the rights and freedoms of citizens, the state itself as a whole, the forms and methods of implementing state power, as well as the goals of foreign and domestic policy pursued by the state, would hypothetically contribute to overcoming emerging crises and challenges. State and legal ideology should be sovereign in nature [6; 15; 46; 47].

The presence of a state-legal ideology, which is not simply declared in normative legal acts, but is also consistently implemented in the policy pursued by the state and in relations arising within society itself, ensures its consolidation in solving the problems facing them, which may be associated not only with the resolution of foreign policy threats, but are primarily aimed at resolving contradictions that destabilize society itself and undermine its well-being, or hinder its natural and harmonious development. It is called upon to ensure the true sovereignty of the state, eliminating the corresponding threats [38].

Bibliographic list

1. *Balashov O.V.* Features of the formation of state and legal ideology in Russia // Bulletin of the Volga Region Institute of Management. 2023. Vol. 23, No. 2. P. 115–122. DOI 10.22394/1682–2358–2023–2-115–122. EDN LGAWCG.

2. Bastrykin called for the state ideology to be included in the Constitution // https://www.rbc.ru/politics/22/11/2023/655db8f39a7947609f6e6b9e.

3. *Bachinin V.A., Salnikov V.P.* Legal reality in the context of civilization and culture. Methodology of causal analysis: Monograph. SPb.: University Foundation, 2005. 224 p. (Science and society). EDN UGDADR.

4. *Birulya A. S.* State ideology in modern Russia: myth or reality? // Issues of Russian justice. 2022. No. 18. P. 82–99. EDN ZWYYCX.

5. *Bobrova N.A.* A state without ideology is nonsense // The world of politics and sociology. 2019. No. 7. P. 24–33. EDN TYEVGI.

6. *Bogatyrev D.K., Salnikov V.P.* Values of Christian humanism and state-legal ideology // The world of politics and sociology. 2019. No. 11–12. P. 36–43.

7. *Bryleva E.A., Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Charity as a property of the Russian sovereign state-legal ideology // Theory of State and Law. 2021. No. 4 (25). P. 23–32. DOI 10.47905 / MATGIP.2021.25.4.002. EDN CGRZZS.

8. *Bryleva E.A.* Civil society as one of the key subjects in the search for state-legal ideology // The world of politics and sociology. 2019. No. 8. P. 23–26. EDN SGZVUV.

9. *Bukhovets A.N.* Ideological function of the state: specialty 12.00.01 «Theory and history of law and state; history of doctrines about law and state»: Dis.... Cand. of Law. Sciences. M., 2002. 200 p. EDN NMDVTL.

10. *Galiev F.Kh.* Syncretism of the legal culture of modern Russia: theoretical-methodological and historical-applied research: Diss.... Doctor of Law. M.: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2014. 517 p.

11. *Galiev F.Kh.* Syncretism of modern legal culture: Monograph. Ufa: Bashkir State University, 2011. 354 p.

12. *Goyman-Kalinsky I.V., Ivanets G.I., Chervonyuk V.I*. Elementary principles of the general theory of law: Textbook / I.V. Goyman-Kalinsky, M.: Kolos-Press, 2003. 544 p. EDN FINZLR.

13. *Destutt de Tracy A.L.K.* Fundamentals of ideology: ideology in the proper sense of the word / Transl. from fr. YES. Lanina. M. Alma Mater: Academic project, 2013. 333 p.

14. Goodness, trust, justice, freedom in philosophical and legal thought: antiquity and modernity: monograph / E.V. Vinogradova, A.O. Vorobyov, I.N. Gribov [et al.]; under the general editorship of Doctor of Law, Professor V.P. Salnikov. 2nd ed., corrected. and additional. Moscow: INFRA-M, 2025. 459 p. (Scientific thought). DOI 10.12737/2151906. ISBN 978–5-16–020015–6.

15. *Zhuk A.S., Salnikov V.P.* Value consensus of society as the basis of sovereign legal ideology // Legal science: history and modernity. 2023. No. 2. P. 163–170.

16. *Zainutdinov D.R.* Liberal democracy as a state and legal ideology of “white” Russia // Entrepreneur’s Guide. 2011. No. 9. P. 80–87. EDN OFFNON.

17. *Zametina T.V.* Constitutional and legal foundations for ensuring the unity of the peoples of Russia as a traditional spiritual and moral value // Russia: society, politics, history. 2023. No. 3 (8). P. 136–154. DOI 10.56654/ROPI-2023–3 (8) -136–154. EDN BIECWP.

18. *Zinoviev I.P., Kolesnikov Yu.A., Melnikov V.Yu.* Ideology as a public and state institution / I. P. Zinoviev, // Social and political sciences. 2016. No. 4. P. 196–200. EDN XGXBDX.

19. The idea of justice in the traditions of postclassical philosophy of law / R.F. Ismagilov, D.V. Maslennikov, V.P. Salnikov [et al.]. St. Petersburg: All-Russian Public Foundation “Social Development of Russia”, 2012. 176 p. ISBN 978–5-4253–0852–2. EDN YQESPH.

20. *Ismagilov R.F., Salnikov V.P.* Law and justice: historical traditions and modern models: Historical and legal analysis of theoretical studies of topical issues of the relationship between the idea of law and the idea of justice in the 20th–21st centuries. St. Petersburg: University Foundation, 2017. 324 p. (Science and society). ISBN 978–5-93598–150–1. EDN YMYWAR.

21. *Kayagin A.B.* State and legal ideology and legal education: interrelation and interdependence // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2022. Vol. 22, No. 4. P. 99–104. DOI 10.14529/law220415. EDN ELDFIH.

22. *Kayagin A.B.* State and legal ideology as a factor in the formation of developed public legal consciousness in the Russian Federation // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Law. 2023. Vol. 8, No. 4. P. 20–24. DOI 10.47475/2618–8236–2023–8-4–20–24. EDN RUMVNJ.

23. *Kayagin A. B.* On the Issue of Understanding State-Legal Ideology as a Necessary Social Value // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Law. 2024. Vol. 9, No. 4. P. 5–9. DOI 10.47475/2618–8236–2024–9-4–5-9. EDN CRMXGV.

24. *Kondratieva A.N., Tsyganov V.I., Salnikov M.V.* Ideas of Eurasianism in the Political and Legal Reality of Modern Russia / A. N. Kondratieva, // Legal State: Theory and Practice. 2018. No. 1 (51). P. 67–74. EDN YUKEMM.

25. *Krizhanovskaya G.N.* On the need for state ideology // The World of Politics and Sociology. 2019. No. 9. P. 34–40. EDN MUFAIR.

26. *Lazarev V.V.* Ideological support of modern justice // The world of politics and sociology. 2019. No. 4. P. 17–32. EDN PIIYYK.

27. *Maslov V.N.* State ideology or ideology of the nation? // Scientific notes. Volume 15. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration», 2017. P. 347–365. EDN YUEXHS.

28. *Maslodudova N.V., Shinkevich V.E.* Freedom of society and state ideology // Social and humanitarian knowledge. 2018. No. 1. P. 203–211. EDN YPLPXA.

29. *Mikhailov A.M.* The concept of legal ideology and its place in the theoretical and legal knowledge // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2017. Vol. 21, No. 3. P. 355–379. DOI 10.22363/2313–2337–2017–21–3-355–379. EDN ZHTNKF.

30. *Mukhaev R.T.* Theory of State and Law: Textbook for Bachelors. 3rd ed., trans. and add. M.: Yurait, 2015.-- 585 p. (Bachelor. Academic course). ISBN 978–5-9916–2944–7. EDN TYQAMX.

31. General Theory of Law and State: Textbook / Ed. by V.V. Lazarev. 3rd ed., revised and enlarged. M.: Jurist, 2001. 520 p.

32. *Ol P.A.* Legal reality: formal and substantive analysis: Monograph / Edited by V.P. Salnikov, R.A. Romashov. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. 187 p.

33. *Ol P.A., Salnikov M.V.* Legal consciousness as a form of reflection of legal reality in the context of materialistic methodology // Legal science: history and modernity. 2023. No. 1. P. 183–194. EDN EXMCDE.

34. *Osipov R. A.* Deformation of the individual's legal consciousness in modern Russian society // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2020. No. 3 (134). P. 44–48. DOI 10.24411/2227–7315–2020–10066. EDN VJMHKW.

35. From the editors. On the discussion caused by the article-presentation of Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation V.V. Lazarev «Ideological Support of Modern Justice» // The World of Politics and Sociology. 2019. No. 9. P. 11–24. EDN RKVNKO.

36. *Okhotsky E.V.* State ideology is an essential component of successful policy and creative state building // Law and Management. XXI century. 2022. Vol. 18, No. 4(65). P. 19–33. DOI 10.24833/2073–8420–2022–4-65–19–33. EDN DSSTJK.

37. Political and legal governance and threats to state sovereignty ¬: monograph / edited by V.P. Salnikov. 2nd ed., corrected and enlarged. M.: INFRA-M, 2024. 423 p. (Scientific thought).

38. *Polyakov A.V., Timoshina E.V.* General Theory of Law: textbook. 2nd edition. SPb.: St. Petersburg State University, 2015. 472 p. (History of the state and law). ISBN 978–5-288–05581–1. EDN UGTSGF.

39. The President held a meeting of the Security Council of the Russian Federation via videoconference: Official online resource of the President of Russia. June 10, 2025. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/77160.

40. *Rachkov P.A.* Social consciousness: A course of lectures. M.: TEIS, 2002. 273 p.

41. *Reuf V.M.* State legal ideology and its impact on public legal consciousness (theoretical and legal aspect of the problem) // Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 2. P. 67–71. EDN LTIWSW.

42. *Rubtsov A.* Ideology as a system of values and as a phenomenon of consciousness. Mega-project format // Actual problems of ideology: interdisciplinary seminar. Moscow, 2008. URL: https://iphras.ru/page18067565.htm (date of access: 06/29/2025).

43. *Salnikov V.P.* Legal culture as a factor in stabilizing modern Russian society // Actual problems of the theory and history of state and law: Collection of scientific articles. Issue 1 / Ministry of Internal Affairs of Russia. St. Petersburg University; Under the general editorship of V.P. Salnikov; editorial board: D.I. Lukovskaya et al. St. Petersburg, 2000.- Pp. 3–5. In the book 76 p.

44. *Salnikov V.P.* Formation of legal culture in the conditions of formation of civil society: structure and functions // Scientific notes of the law faculty. 1997. No. 2. P. 10.

45. *Salnikov V.P.* Legal Culture. Chapter XX // General Theory of State and Law. Academic Course in Three Volumes / Ed. M.N. Marchenko. 4th ed., revised and enlarged. Volume 3: State, Law, Society. Moscow: INFRA-M, 2013. Pp. 503–530. In the book 720 p.

46. *Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Morozov A.I.* Value basis of sovereignty (on the issue of sovereign state-legal ideology) // Legal science: history and modernity. 2019. No. 11. P. 149–162.

47. *Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Prokofiev K.G., Morozov A.I.* The principle of sovereignty of state-legal ideology and philosophy of law // The world of politics and sociology. 2019. No. 9. P. 170–178.

48. *Salnikov M.V., Salnikov S.P., Tretyakov I.L.* Doctrinal approaches to international cooperation in the fight against crime: understanding of law and syncretism of modern legal culture // The World of Politics and Sociology. 2016. No. 3. P. 125–131.

49. *Salnikov V.P., Gruzdeva M.L.* Overcoming Europe: a philosophical and legal essay / // The World of Politics and Sociology. 2015. No. 8. P. 11–22. EDN UAXELB.

50. *Salnikov V.P., Romanovskaya V.B., Tsyganov V.I.* Western civilization and the threat of the blue international: political and legal aggression of the postmodern period // The world of politics and sociology. 2015. No. 9. P. 193–202. EDN UHXIUB.

51. *Salnikov V.P., Stepashin S.V., Khabibulina N.G.* State ideology and the language of law / St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Academy of Law, Economics and Life Safety. St. Petersburg: University Foundation, 2001. 208 p. (Human and social security). EDN UGUGFR.

52. *Salnikov M.V.* Western legal tradition: political and legal values and ideals / // The World of Politics and Sociology. 2013. No. 10. P. 170–191. EDN SQCCLP.

53. *Simonov V.A.* State national policy of the Russian Federation and problems of ideological diversity // Bulletin of Omsk University. Series: Law. 2008. No. 3 (16). P. 79–84. EDN MNIDXZ.

54. Theory and ideology of the state: political and legal processes: Monograph / A.G. Khabibulin, R.A. Rakhimov; Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1998. 114 p.

55. *Khabibulin A.G.* Ideology is a fundamental factor in social development / // The World of Politics and Sociology. 2019. No. 6. P. 21–24. EDN CZXFJB.

56. *Khorolsky G.V.* State and legal anti-corruption ideology in the structure of the Russian legal system: theoretical and legal analysis: specialty 12.00.01 «Theory and history of law and state; history of doctrines on law and state»: Abstract. diss.... Cand. of Law. Sciences. Volgograd, 2011. 39 p. EDN ZOILQP.

57. *Khorolsky G.V.* Legislation in the field of combating corruption and Russian state and legal ideology: theoretical and methodological aspects // Philosophy of Law. 2010. No. 3 (40). P. 112–116. EDN MQHJXR.

58. *Khorolsky G.V.* Forms of state-legal anti-corruption ideology in the context of the Russian legal system // Power of Law. 2010. No. 4(4). P. 102–109. EDN PABIOB.

59. *Tsaliev A.M., Tsgoev T.V.* On the constitutional foundations of state and legal ideology in the Russian Federation // Leningrad Law Journal. 2013. No. 1 (31). P. 134–144. EDN QARAID.

60. *Tsygankova D.Yu.* Legal ideology and information function of the state (theoretical and legal aspect): specialty 12.00.01 "Theory and history of law and state; history of doctrines on law and state": Abstract of Cand. of Law dis. M., 2012. 20 p. EDN ZORASZ.

61. *Chernyshov R.D.* State ideology as the basis of national security // The Future of Science – 2024: Collection of scientific articles of the 11th International Youth Scientific Conference. In 5 volumes, Kursk, April 18–19, 2024. Kursk: University Book, 2024. P. 461–463. EDN RQFNNK.

62. *Shelyapin N.V.* Russian state ideology (Sociological aspect): specialty 22.00.05 «Political sociology»: Dis. candidate of sociological sciences. St. Petersburg, 1999. 208 p. EDN NLPYKL.

63. *Ekimov A.I.* Axiom of the relationship between justice and law: theory and reality // The world of politics and sociology. 2015. No. 1. P. 13–23. EDN TZXWJB.

For citation: *Komissarov M.A.* The essence and purpose of state-legal ideology// Theory of state and law. 2025. No. 2–1. P. 143–150.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_135

Научная статья

УДК: 34
ББК: 67
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_151

Г.Н. Крижановская*
Н.В. Зубарев**

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ВОЙСКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ: ВОПРОСЫ ОХРАНЫ ПРАВОПОРЯДКА

Аннотация. *Рассмотрены некоторые вопросы участия войск национальной гвардии в обеспечении защиты информационной безопасности личности, общества и государства в условиях активного развития новых информационных технологий. Анализируются основные проблемы, возникающие в сфере информационной безопасности личности, общества и государства в целом. Формулируется вывод о том, что экономическую и научно-техническую политику государства следует рассматривать через призму информационной безопасности.*

Ключевые слова: *войска национальной гвардии, информационные ресурсы, информати-зация, информационная безопасность, личность, общество, государство.*

В условиях развития новых информационных технологий, а также их тотального проникновения во все сферы общественной жизни появилось новое направление в современной науке, которое можно определить как социальную информатику. Выделенный феномен включает различные вопросы, составляющие значительную проблематику: информационные ресурсы, закономерности и проблемы становления информационного общества; развитие личности в информационном обществе; информационную безопасность силовых структур Российской Федерации [4; 23]; информационную культуру и информационную безопасность личности, общества и государства [21]. Информационные ресурсы стали использоваться не только во благо, но и во вред человеку и обществу [1; 8; 13; 14; 20; 21; 22; 24; 25].

С целью погружения в рассматриваемую тему предлагается рассмотреть новую категорию – «информационные ресурсы» современного общества[9]. В общем виде ресурс представляет собой запас или источник некоторых сил, средств, запасов чего-либо. Всякое общество, государство, организация или физическое лицо имеют определенные ресурсы, необходимые для их функционирования, жизнедеятельности. При этом одним из важнейших видов ресурсов современного общества являются информационные ресурсы. Значимость информационных ресурсов постоянно растет. На нынешней фазе продвижения к информационному обществу информационные ресурсы становятся товаром, цена которого на рынке сопоставима со стоимостью традиционных ресурсов.

Учитывая важность осведомленности общества во всех сферах социальной деятельности в современных условиях, информационные ресурсы на государственном уровне рассматриваются как стратегические ресурсы, аналогичные по значимости ресурсам материальным, сырьевым, энергетическим, трудовым и финансовым [3]. Если материальные ре-

* **Крижановская Галина Николаевна,** ведущий научный сотрудник отдела кадров высшей квалификации научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат исторических наук, доцент. E-mail: imyarec@list.ru

** **Зубарев Николай Васильевич**, начальник методического отделения учебно-методического центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации. E-mail: zybnick@rambler.ru

сурсы после использования исчезают, то информационные ресурсы остаются, накапливаются и могут использоваться при любой необходимости. Кроме того, с течением времени информационные ресурсы имеет тенденцию уточняться, приближаться к истине, так как по ходу их использования генерируется дополнительная информация.

Наиболее значимую и объемную категорию информационных ресурсов представляют собой национальные информационные ресурсы. Накопление и оборот значительных объемов информации в национальных информационных ресурсах дает основание говорить о появлении нового социального явления – «информационном общество» [4].

Данное понятие П.С. Баянова определяет как «новая фаза прогрессирования цивилизации, в которой основополагающими элементами производства выступают знания и информация» [2, с. 59].

А Н.Н. Моисеев считает, что информационное общество как «этап истории человечества, когда коллективный разум становится не только опорой развития «Homo sapiens», но и объектом целенаправленных усилий по его совершенствованию» [16, с. 77].

Так по мере продвижения нашей страны к информационному обществу обостряется проблема защиты права личности, общества и государства на конфиденциальность, т.е. ограничение круга пользователей определенных видов информации [6, с. 127]. Проблематика информационной безопасности актуальна не только для страны в целом, но и для организаций и физических лиц [7].

Организация информационной безопасности предполагает разработку определённых принципов её обеспечения. Одним из основных является принцип баланса интересов личности, общества и государства.

Основные проблемы, возникающие в сфере информационной безопасности личности, общества и государства в целом, в общем виде можно сформулировать так: повышение возможностей злоумышленников по проникновению с помощью информационных технологий в систему государственного управления – совокупности институтов, функций, отношений, методов решений и принципов управления обществом, деятельности юридических лиц и в частную жизнь физических лиц; повышение эффективности пропагандистских мероприятий по формированию общественного мнения со стороны коммерческих средств массовой информации и средств, подконтрольных иностранным секретным службам; сложность выделения достоверной информации при большом объеме ее циркулирования в социальных сетях; повышенная возможность зомбирования индивидуумов, имеющих низкий интеллектуальный уровень в направлении, выгодном для лиц, управляющих информационными сетями. В данном случае информационные ресурсы выступают существенной угрозой в социально-политическом управлении суверенитету государства [18].

Значительное внимание при проведении государственной политики в области информационной безопасности личности, общества и государства уделяется информационному противоборству, порожденному новыми информационными технологиями. Его необходимость обусловлена тем, что успех опережающего государственного развития напрямую связан с быстротой получения нужной и достоверной информации и необходимостью ее сокрытия от противника.

Важность положительных результатов в ходе информационного противоборства определяет и степень внимания, которое органам государственной власти необходимо уделять вопросам планирования и проведения его основных мероприятий. При этом логично утверждать, что в современных военных конфликтах, в том числе и в ходе Специальной военной операции на Украине, начатой 24 февраля 2022 г., информационное обеспечение имеет значение, приближающееся к значимости войсковых операций, так как результаты первого существенно влияют на ход и исход любого конфликта.

Российскими исследователями во многих случаях представление об информационном единоборстве и информационной войне объединяются воедино и практически не различаются. К тому же наблюдается установленный перечень сфер ведения информационных противоборств, а также этапы их протекания [12; 17].

Другими словами, мероприятия информационного противоборства являются специфическим оружием массового поражения. При этом проведение операций информационной войны практически сложно обнаружить, а результаты таких операций имеют решающее значение для хода и исхода любого конфликта. Явление тотального противоборства в сфере информационных технологий в современных условиях квалифицируется как «информационная война» [9, с. 26]. Основные приемы ведения информационной войны возникли с появлением современных информационных технологий. Методами ведения информационной войны сегодня являются: использование дипфейков, пророссийский «фактчекинг»; фабрики троллей.

Применение информационного оружия усугубляется использованием в отечественных информационных системах программного обеспечения зарубежного производства. В такие продукты легко встраиваются фрагменты, активизирующиеся по специальному сигналу. Они относятся к логическим бомбам или закладкам и вызывают сбои в работе информационных систем, искажение (уничтожение) информационных ресурсов. Это ведет к потере управления государственными структурами, что может иметь катастрофические последствия для страны.

В информационной войне современным СМИ предоставляется главенствующая роль. Через заангажированные СМИ наносятся информационно-психологические удары по целевой аудитории. При этом тематика, вид, содержание и подача информации подбирается противником в зависимости от преследуемых целей. Вышеперечисленные аспекты сводятся к тому, что главной задачей проведения специальной информационной операции является дестабилизация внутриполитической ситуации в России и её экономическое ослабление.

Информационная война, проводимая в условиях Специальной военной операции на Украине – явление не самостоятельное и не уникальное. Она – часть глобальной информационной войны, которая ведётся Западом и носит тотальный характер. Её целью является создание из России образа врага, насаждение ненависти к России и всему русскому, убеждение, что войну на Юго-Востоке ведут не местные жители, а российская армия, и, как следствие, убеждение граждан Украины в отечественном характере войны за свою Родину и свой народ. В медиасреде сформирован фейковый образ «военных преступлений», совершаемых российскими военными на территории Украины, который во многом открывает путь коллективному Западу для решения военных, политических, экономических и иных задач противоборства с Россией [19].

Анализ информационной кампании показывает, что данная работа хорошо спланирована и имеет определенную структуру. По оценкам экспертов, порядка 1,7 млн. долларов в сутки тратится на рекламу фейков и призывов к участию в незаконных акциях в Facebook и Instagram только на территории РФ, а на англоязычную аудиторию – от 3 до 5 млн. долларов США ежедневно. Данные по рекламным системам Google сопоставимы – порядка 780 тыс. долларов в сутки на российскую аудиторию и 3 млн. долларов на англоязычную аудиторию [12].

По нашему мнению, вопросы обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации являются весьма актуальными, как и при обеспечении национальной безопасности Российской Федерации, так и для развития других государств в целом [18]. На сегодняшний день одним из приоритетных элементов стратегии обеспечения национальной безопасности российского государства является обеспечение безопасности в информационной среде. Изучение понятия, методов и средств ведения информационного воздействия, а также ознакомление с международным опытом обеспечения информационной безопасности позволяют сформулировать вывод о том, что экономическую и научно-техническую политику государства следует рассматривать через призму информационной безопасности.

Войска национальной гвардии Российской Федерации при осуществлении функций по обеспечению внутренней безопасности государства, выступают фактором внутренней стабильности, средством поддержания условий для нормального экономического и культурного развития общества и государства.

Участие же войск национальной гвардии, как элемента военной организации государства, в функционировании государственной системе противодействия и ведения информационной войны в условиях информатизация и цифровизации современного общества нацелено на ведение контроля информационного пространства и обеспечения защиты своей информации от действия «врага», использование контроля над информационным пространством для проведения информационных атак на «врага», а так же повышение общей эффективности Вооруженных сил Российской Федерации, войск национальной гвардии Российской Федерации путем повсеместного внедрения военных информационных функций. При этом основное направление противодействия будет заключаться в защите прав и свобод человека и гражданина, а также недопущении дестабилизации общественно-политической ситуации в стране [11], участие в обеспечении правопорядка.

Библиографический список

1. *Бастрыкин А.И.* Пора поставить действенный заслон информационной войне // Власть. – 2016. – № 15. – 18 апреля. – С. 20.

2. *Баянова П.С.* Информационное общество: истоки и современность // Записки философского факультета. – 2016. – № 1(7). – С. 59–63.

3. *Галиев Ф.Х.* Финансовый суверенитет и финансовая безопасность – основа политической субъектности современной Российской государственности рецензия-размышление на монографию А.Г. Хабибулина, Е.В. Анищенко, А.В. Анищенко «Финансовый суверенитет, финансовая безопасность Российской Федерации: угрозы и риски» (Москва: Эдитус, 2022. – 342 С.) / Ф.Х. Галиев, М.Ю. Гутман, С.В. Игнатьева // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 1(71). – С. 119–122. – DOI 10.33184/pravgos-2023.1.18. – EDN NLRVHM.

4. *Грибанова А.А.* Информационное общество как правовой феномен // Актуальные вопросы развития современной цифровой среды : сборник статей по материалам научно-технической конференции молодых ученых, Москва, 14–16 апреля 2021 года. – Волгоград: ИП ЧЕРНЯЕВА ЮЛИЯ ИГОРЕВНА (Издательский дом «Сириус»), 2021. – С. 311–320. – EDN BTXMZM.

5. *Григонис В.П., Носов Н.В., Зубарев Н.В.* Правовые основы использования искусственного интеллекта при выполнении служебно-боевых задач военнослужащими и сотрудниками войск национальной гвардии в условиях санкционного давления Запада (начало) // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 2(319). – С. 34–38. – EDN KANHTL.

6. *Дроздова А.М., Игнатьева С.В., Крижановская Г.Н.* Информатизация и цифровизация в образовательном пространстве современного российского общества // Теория государства и права. – 2023. – № 4–1(34). – С. 125–134. – DOI 10.25839/MATGIP_2023_4_125. – EDN YGWAJA.

7. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Информационная безопасность и суверенитет России. Рецензия на книгу «Россия в информационной войне: Оценки современной ситуации в интервью Юрия Жданова / сост. М.Е. Фалалеев. – Книга первая. – М.: Норма, 2023. – 368 с.» // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13, № 10–1. – С. 339–344. – DOI 10.34670/AR.2023.28.46.046. – EDN WORAQS.

8. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 11–19.

9. *Зубарев Н.В*. Некоторые вопросы участия войск национальной гвардии в информационной войне // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 6 (299). – С. 24–31. – EDN BXWLJF.

10. *Зубарев Н.В.* Некоторые вопросы участия войск национальной гвардии в системе противодействия гибридным угрозам // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2022 – № 3. –С. 82–89.

11. *Зубарев Н.В., Лысенков С.Г.* Место войск национальной гвардии в механизме российского государства // Право и образование. – 2023. – № 7. – С. 28–35. – EDN XWRBKF.

12. *Корсаков Н.* «Лига безопасного интернета» оценила затраты на информационную кампанию против РФ в $77 млн за 6 дней // Газета. ru [Электронный ресурс] URL: https://www.gazeta.ru/tech/news/2022/03/02/17368351.shtml (дата обращения: 01.05.2024)

13. *Краснова Г.В., Марков А.А.* Интернет как актуальная угроза информационной безопасности личности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 2(110). – С. 102–109.

14. *Лопатин В.Н.* Информационная безопасность России: Человек. Общество. Государство. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 428 с.

15. *Манойло А.В.* Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта. – Киев: Материалы V Международной научно-практической конференции «Информационные технологии и безопасность».– 2005. – Вып. – № 8.– С. 73–80.

16. *Моисеев Н.Н.* Информационное общество как этап новейшей истории // Свободная мысль. – 1996. – №1. – С.76–82.

17. *Панарин И.Н.* СМИ, пропаганда и информационные войны. – М: Поколение, 2012.

18. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 423 с.

19. Полковник Coulson: [телеграм-канал]: [сайт]. – 2022. – Обновляется в течение суток. – URL:https://t.me/polkovnikcoulson/16 (дата обращения: 01.04.2022).

20. *Сальников В.П.* Незримое вторжение. Негативное воздействие информации на сознание человека // Защита и безопасность. – 1999. – № 1. – С. 26–27.

21. *Сальников В.П., Крижановская Г.Н., Кривоносова Д.В.* Российская молодежь – мишень информационного терроризма. Как противостоять новым формам террористической угрозы? // Информационное право. – 2023. – № 1(75). – С. 14–17. – DOI 10.55291/1999–480X-2023–1-14–17. – EDN UXLCRF.

22. *Солодянкина Д.С.* Защита детей от вредоносной информации: противодействие органов прокуратуры распространению экстремистских материалов в общедоступных библиотеках // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 10. – С. 59–61.

23. Средства и механизм реализации органами внутренних дел правоохранительной функции государства в условиях информатизации и цифровизации : Учебное пособие / А.Ю. Гарашко, Д.С. Давидов, С.В. Зыкова [и др.]. – М.: Граница, 2023. – 84 с. – ISBN 978–5-9933–0428–1. – EDN LTALRE.

24. *Хабибулин А.Г., Абдрахманов А.И.* МВД в информационном поле нарастающей глобальной напряженности // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 23–31.

25. *Хабибулин А.Г., Анищенко В.Н.* Проблемы противодействия преступлениям в сфере миграции, совершаемым с использованием сети «Интернет» // Юридический мир. – 2021. – № 7. – С. 46–51.

26. *Шейнов В.П.* Психология влияния. – М.: Харвест, 2007. – 448 с.

Для цитирования: *Крижановская Г.Н., Зубарев Н.В.* Информационное общество и войска национальной гвардии: вопросы охраны правопорядка // Теория государства и права. – 2025. – № 2-1. – С. 151–155.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_151

INFORMATION SOCIETY AND THE NATIONAL GUARD TROOPS: ISSUES OF LAW ENFORCEMENT

Galina N. Krizhanovskaya[*]
Nikolay V. Zubarev[**]

Annotation. *Some issues of the participation of National Guard troops in ensuring the protection of information security of individuals, society and the state in the context of the active development of new information technologies are considered. The main problems arising in the field of information security of the individual, society and the state as a whole are analyzed. The conclusion is formulated that the economic, scientific and technical policy of the state should be viewed through the prism of information security.*

Keywords: *National Guard troops, information resources, informatization, information security, personality, society, state.*

[*] **Krizhanovskaya Galina Nikolaevna**, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (St. Petersburg, Russia) E-mail: imyarec@list.ru

[**] **Zubarev Nikolay Vasilyevich,** Lecturer of the Department of Tactics of Service and Combat Use of Units of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, (St. Petersburg, Russia) E-mail: zybnick@rambler.ru

In the context of the development of new information technologies, as well as their total penetration into all spheres of public life, a new direction has appeared in modern science, which can be defined as social informatics. The identified phenomenon includes various issues that constitute a significant problematic: information resources, patterns and problems of the formation of an information society; development of the individual in the information society; information security of the law enforcement agencies of the Russian Federation [4; 23]; information culture and information security of the individual, society and the state [21]. Information resources began to be used not only for the benefit, but also to the detriment of man and society [1; 8; 13; 14; 20; 21; 22; 24; 25].

In order to delve deeper into the topic under consideration, it is proposed to consider a new category – "information resources" of modern society [9]. In general, a resource is a reserve or source of some forces, means, reserves of something. Every society, state, organization or individual has certain resources necessary for their functioning and life. At the same time, one of the most important types of resources of modern society are information resources. The importance of information resources is constantly growing. At the current stage of progress towards an information society, information resources are becoming a commodity, the price of which on the market is comparable to the cost of traditional resources.

Given the importance of public awareness in all areas of social activity in modern conditions, information resources at the state level are considered as strategic resources, similar in importance to material, raw materials, energy, labor and financial resources [3]. If material resources disappear after use, then information resources remain, accumulate and can be used whenever necessary. In addition, over time, information resources tend to be refined, approaching the truth, since additional information is generated as they are used.

The most significant and voluminous category of information resources are national information resources. The accumulation and circulation of significant volumes of information in national information resources gives grounds to speak of the emergence of a new social phenomenon – the "information society" [4].

P.S. Bayanova defines this concept as "a new phase of the progression of civilization, in which the fundamental elements of production are knowledge and information" [2, p. 59].

And N.N. Moiseev believes that the information society as "a stage in the history of mankind, when the collective mind becomes not only the support for the development of "Homo sapiens", but also the object of targeted efforts to improve it" [16, p. 77].

Thus, as our country moves towards an information society, the problem of protecting the rights of individuals, society and the state to confidentiality is becoming more acute, i.e. limiting the circle of users of certain types of information [6, p. 127]. The issue of information security is relevant not only for the country as a whole, but also for organizations and individuals [7].

The organization of information security involves the development of certain principles for its provision. One of the main ones is the principle of balance of interests of the individual, society and the state.

The main problems arising in the sphere of information security of an individual, society and the state as a whole can be formulated in general terms as follows: increasing the ability of intruders to penetrate the system of public administration using information technologies – a set of institutions, functions, relations, methods of decision-making and principles of society management, the activities of legal entities and the private life of individuals; increasing the effectiveness of propaganda activities to shape public opinion by commercial mass media and means controlled by foreign secret services; the difficulty of identifying reliable information given the large volume of its circulation in social networks; increased possibility of zombifying individuals with a low intellectual level in a direction beneficial to persons managing information networks. In this case, information resources act as a significant threat to the sovereignty of the state in socio-political management [18].

Considerable attention in the implementation of state policy in the field of information security of the individual, society and the state is paid to information confrontation generated by new information technologies. Its necessity is due to the fact that the success of advanced state develop-

ment is directly related to the speed of obtaining the necessary and reliable information and the need to conceal it from the enemy.

The importance of positive results during information warfare also determines the degree of attention that government authorities must pay to the planning and implementation of its main activities. At the same time, it is logical to assert that in modern military conflicts, including during the Special Military Operation in Ukraine, launched on February 24, 2022, information support has a significance approaching the significance of military operations, since the results of the former significantly affect the course and outcome of any conflict.

In many cases, Russian researchers combine the concepts of information combat and information warfare and practically do not differentiate. In addition, there is an established list of areas of conducting information warfare, as well as the stages of their development [12; 17].

In other words, information warfare events are a specific weapon of mass destruction. At the same time, the conduct of information warfare operations is practically difficult to detect, and the results of such operations are of decisive importance for the course and outcome of any conflict. The phenomenon of total confrontation in the field of information technology in modern conditions is qualified as "information warfare" [9, p. 26]. The main techniques of waging information warfare arose with the advent of modern information technology. The methods of waging information warfare today are: the use of deepfakes, pro-Russian "fact-checking"; troll factories.

The use of information weapons is aggravated by the use of foreign-made software in domestic information systems. Fragments that are activated by a special signal are easily built into such products. They are logical bombs or bookmarks and cause failures in the operation of information systems, distortion (destruction) of information resources. This leads to the loss of control over government structures, which can have catastrophic consequences for the country.

In the information war, modern media are given a leading role. Through biased media, information and psychological attacks are carried out on the target audience. In this case, the subject, type, content and presentation of information are selected by the enemy depending on the goals pursued. The above aspects boil down to the fact that the main task of conducting a special information operation is to destabilize the domestic political situation in Russia and weaken it economically.

The information warfare conducted in the context of the Special Military Operation in Ukraine is not an independent or unique phenomenon. It is part of the global information warfare waged by the West and is of a total nature. Its goal is to create an image of Russia as an enemy, to instill hatred towards Russia and everything Russian, to convince that the war in the South-East is being waged not by local residents, but by the Russian army, and, as a consequence, to convince Ukrainian citizens of the domestic nature of the war for their homeland and their people. A fake image of "war crimes" committed by Russian military personnel on Ukrainian territory has been created in the media environment, which in many ways opens the way for the collective West to solve military, political, economic and other tasks of confrontation with Russia [19].

An analysis of the information campaign shows that this work is well planned and has a certain structure. According to experts, about 1.7 million dollars per day is spent on advertising fakes and calls to participate in illegal actions on Facebook and Instagram only in the territory of the Russian Federation, and from 3 to 5 million US dollars daily for the English-speaking audience. Data on Google advertising systems is comparable – about 780 thousand dollars per day for the Russian audience and 3 million dollars for the English-speaking audience [12].

In our opinion, the issues of ensuring information security in the Russian Federation are very relevant, both in ensuring the national security of the Russian Federation and for the development of other states in general [18]. Today, one of the priority elements of the strategy for ensuring the national security of the Russian state is ensuring security in the information environment. The study of the concept, methods and means of conducting information impact, as well as familiarization with international experience in ensuring information security, allow us to formulate the conclusion that the economic and scientific-technical policy of the state should be considered through the prism of information security.

The troops of the National Guard of the Russian Federation, when carrying out functions to ensure the internal security of the state, act as a factor of internal stability, a means of maintaining conditions for the normal economic and cultural development of society and the state.

The participation of the National Guard troops, as an element of the military organization of the state, in the functioning of the state system of counteraction and conduct of information warfare in the conditions of informatization and digitalization of modern society is aimed at maintaining control over the information space and ensuring the protection of its information from the actions of the "enemy", using control over the information space to conduct information attacks on the "enemy", as well as increasing the overall effectiveness of the Armed Forces of the Russian Federation, the troops of the National Guard of the Russian Federation through the widespread introduction of military information functions. At the same time, the main direction of counteraction will be to protect the rights and freedoms of man and citizen, as well as preventing destabilization of the socio-political situation in the country [11], participation in ensuring law and order.

Bibliographic list

1. *Bastrykin A.I.* It is time to put up an effective barrier to the information war // Vlast. 2016. No. 15. April 18. P. 20.

2. *Bayanova P.S.* Information society: origins and modernity // Notes of the philosophical faculty. 2016. No. 1 (7). P. 59–63.

3. *Galiev F.Kh.* Financial sovereignty and financial security are the basis of political subjectivity of the modern Russian statehood review-reflection on the monograph by A.G. Khabibulin, E.V. Anishchenko, A.V. Anishchenko "Financial sovereignty, financial security of the Russian Federation: threats and risks" (Moscow: Editus, 2022. – 342 p.) / F.Kh. Galiev, M.Yu. Gutman, S.V. Ignatyeva // Legal state: theory and practice. 2023. No. 1 (71). P. 119–122. DOI 10.33184/pravgos-2023.1.18. EDN NLRVHM.

4. *Gribanova A.A.* Information society as a legal phenomenon // Current issues in the development of the modern digital environment: a collection of articles based on the materials of the scientific and technical conference of young scientists, Moscow, April 14–16, 2021. Volgograd: IP CHERNYAEVA YULIA IGOREVNA (Publishing House "Sirius"), 2021. P. 311–320. EDN BTXMZM.

5. *Grigonis V.P., Nosov N.V., Zubarev N.V.* Legal basis for the use of artificial intelligence in the performance of service and combat missions by military personnel and employees of the National Guard troops in the context of sanctions pressure from the West (beginning) // Law in the Armed Forces Military Legal Review. 2024. No. 2 (319). P. 34–38. EDN KANHTL.

6. *Drozdova A.M., Ignatyeva S.V., Krizhanovskaya G.N.* Informatization and digitalization in the educational space of modern Russian society // Theory of State and Law. 2023. No. 4–1 (34). P. 125–134. DOI 10.25839/MATGIP_2023_4_125. EDN YGWAJA.

7. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Information Security and Sovereignty of Russia. Review of the book "Russia in the Information War: Assessments of the Current Situation in an Interview with Yuri Zhdanov / compiled by M.E. Falaleev. – Book One. – M.: Norma, 2023. – 368 p. "// Issues of Russian and International Law. 2023. Vol. 13, No. 10–1. P. 339–344. DOI: 10.34670/AR.2023.28.46.046. EDN WORAQS.

8. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Information space as a new global threat to humanity and its rights: philosophical and legal approaches // Legal field of modern economy. 2015. No. 8. P. 11–19.

9. *Zubarev N.V.* Some issues of participation of the national guard troops in the information war // Law in the Armed Forces Military Legal Review. 2022. No. 6 (299). P. 24–31. EDN BXWLJF.

10. *Zubarev N.V.* Some issues of participation of the National Guard troops in the system of counteracting hybrid threats // Law in the Armed Forces Military Legal Review. 2022 No. 3. -P. 82–89.

11. *Zubarev N.V., Lysenkov S.G.* The Place of the National Guard Troops in the Mechanism of the Russian State // Law and Education. 2023. No. 7. P. 28–35. EDN XWRBKF.

12. *Korsakov N.* "The League of Safe Internet" estimated the costs of the information campaign against the Russian Federation at $77 million in 6 days // Gazeta.ru [Electronic resource] URL: https://www.gazeta.ru/tech/news/2022/03/02/17368351.shtml (date accessed: 01.05.2024)

13. *Krasnova G.V., Markov A.A.* The Internet as a Current Threat to Personal Information Security // Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics. 2018. No. 2 (110). P. 102–109.

14. *Lopatin V.N.* Information security of Russia: Man. Society. State. St. Petersburg: University Foundation, 2000. 428 p.

15. *Manoylo A.V.* Information and psychological warfare: factors determining the format of a modern armed conflict. Kyiv: Proceedings of the V International scientific and practical conference "Information technologies and security". 2005. Issue. No. 8. P. 73–80.

16. *Moiseev N.N.* Information society as a stage of modern history // Free thought. 1996. No. 1. P. 76–82.

17. *Panarin I.N.* Media, propaganda and information wars. M.: Generation, 2012.

18. Political and legal governance and threats to state sovereignty: Monograph / Ed. by V.P. Salnikov. 2nd ed., corrected and enlarged. M.: INFRA-M, 2024. 423 p.

19. COLONEL COULSON: [telegram channel]: [website]. 2022. Updated within 24 hours. URL: https://t.me/polkovnikcoulson/16 (accessed: 01.04.2022).Access mode: for registered users.

20. *Salnikov V.P.* Invisible invasion. Negative impact of information on human consciousness // Protection and security. 1999. No. 1. P. 26–27.

21. *Salnikov V.P., Krizhanovskaya G.N., Krivonosova D.V.* Russian youth – the target of information terrorism. How to counter new forms of terrorist threat? // Information law. 2023. No. 1 (75). P. 14–17. DOI 10.55291/1999–480X-2023–1-14–17. EDN UXLCRF.

22. *Solodyankina D.S.* Protecting children from harmful information: counteraction of prosecutorial authorities to the dissemination of extremist materials in public libraries // Legal science: history and modernity. 2018. No. 10. P. 59–61.

23. Means and mechanism for the implementation of the law enforcement function of the state by internal affairs bodies in the context of informatization and digitalization: Textbook / A.Yu. Garashko, D.S. Davidov, S.V. Zykova [et al.]. M.: Granitsa, 2023. 84 p. ISBN 978–5-9933–0428–1. EDN LTALRE.

24. *Khabibulin A.G., Abdrakhmanov A.I.* The Ministry of Internal Affairs in the information field of growing global tension // Legal Science: History and Modernity. 2015. No. 1. P. 23–31.

25. *Khabibulin A.G., Anishchenko V.N.* Problems of counteracting crimes in the field of migration committed using the Internet // Legal World. 2021. No. 7. P. 46–51.

26. *Sheinov V.P.* Psychology of influence. M.: Harvest, 2007. 448 p.

For citation: *Krizhanovskaya G.N., Zubarev N.V.* Information society and the National Guard troops: issues of law enforcement // Theory of state and law. 2025. No. 2–1. P. 155–159.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_151

Научная статья

УДК: 34.01
ББК: 67
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_160

С.А. Маркус*

ПОНЯТИЕ И ПРИРОДА ЮРИДИЧЕСКОГО СРЕДСТВА КАК КЛЮЧЕВОЙ КАТЕГОРИИ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ПРАВА

Аннотация. *Исследуется понятие и природа юридического средства через призму критического анализа трех доминирующих в инструментальной теории права позиций: как институционального образования, как юридически значимого действия и как средства, сочетающего в себе институциональные явления и деяния участников правоотношений. Представлена авторская аргументация, обосновывающая справедливость трактовки юридического средства как средства-установления и средства-деяния, согласно которой юридическое средство – это правовое институциональное установление (инструмент), либо поведение участника правоотношения (деяние, технология), направленные на достижение юридической цели и удовлетворение правомерного интереса.*

Ключевые слова: *юридическое средство, юридическая цель, инструментальная теория права, механизм правового регулирования, функции права, эффективность правового регулирования, реализация права.*

В российской юридической доктрине складывается весьма парадоксальная ситуация, связанная с отсутствием единства мнений по поводу сущности и содержания юридических (правовых) средств. Несмотря на то, что утверждение о том, что право является важнейшим социальным *регулятором* общественных отношений является в известной степени аксиоматичным и, по большому счету, не оспаривается ни представителями общей теории права, ни отраслевых юридических наук, вопрос о том, что же представляют собой те *юридические средства*, которые и позволяют праву регулировать социальные процессы, остается открытым.

Более того, сама инструментальная теория права, которая фокусирует внимание на праве *в том числе* и как на системе юридических средств [38, с. 12; 39, с. 177–188], регулирующих общественные отношения, вызывает настороженную реакцию в юридическом сообществе и до настоящего времени не получила должного распространения и признания, что также во многом объясняется отсутствием единого знаменателя в позициях ученых по поводу природы, содержания и классификационных оснований юридических средств.

Вместе с тем очевидно, что правовое регулирование общественных отношений, различные правовые режимы в своей основе имеют ни что иное, как юридические средства, которые либо создаются компетентными субъектами, либо используются в правовой жизни. Таким образом, полагаем значимым критически осмыслить имеющиеся точки зрения и выработать свою позицию по затронутой проблематике.

Ключевые доктринальные разногласия относительно природы и содержания юридических средств обусловлены наличием трех доминирующих в литературе позиций по данному вопросу.

* **Маркус Сергей Альбертович,** следователь Пресненского межрайонного следственного отдела следственного управления по Центральному административному округу Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве (прикомандированный в отдел по расследованию особо важных дел следственного управления по Центральному административному округу Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве). E-mail: mark-sergal@mail.ru

Согласно **первой позиции**, изначально получившей концептуальное закрепление в трудах С.С. Алексеева, юридические средства представляют собой субстанциональные, *институциональные* явления правовой действительности, воплощающие в себе регулятивную силу права, его энергию [1, с. 14].

Данная позиция получила широкую поддержку среди ученых. К примеру, В.А. Сапун отмечает, что юридические средства – это не что иное, как «институционные образования (установления, формы) правовой действительности, использование которых в специальной правовой деятельности приводит к достижению определенного результата» [37, с. 10–11].

Изложенная точка зрения представляется достаточно обоснованной и позволяет относить к юридическим средствам по сути неограниченный ряд «институционных образований» (В.А. Сапун) или «институциональных явлений» (С.С. Алексеев), таких как нормы права, юридические факты, акты применения права, принципы права, да и само *право в целом* [2, с. 213; 22, с. 14; 25, с. 83; 40, с. 29–32; 45, с. 104–106].

Однако подобная позиция, позволяющая относить к юридическим средствам обозначенный весьма широкий перечень юридических средств, получила в свой адрес ряд критических замечаний.

К примеру, С.Ю. Филиппова полагает, что подобное расширение содержания юридических средств (и тем более отнесение к ним самого права) лишает рассматриваемую категорию самостоятельного содержания и собственной природы [46, с. 76].

С.Ю. Филиппова, как и ряд иных авторов полагают, что если юридическое средство – это и норма права, и содержащиеся в норме права запреты, льготы, субъективные права, юридические обязанности, иммунитеты и другие институциональные образования, то какова же может быть природа самого юридического средства, если она «должна включать» в себя природу и сущность вышеперечисленных разнородных понятий? Данное, *кажущееся* на первый взгляд логичным рассуждение, позволяет ряду специалистов приходить к выводам о том, что правовые средства – это некое собирательное понятие, «которое не поддается определению, поскольку не представляется возможным восстановить специфические для него признаки» [34, с 16].

Вместе с тем, подобные точки зрения при их анализе обнаруживают достаточно явное упущение. Несостоятельность перечисленных позиций заключается в том, что их авторы не учитывают самого главного: средством является все то (и, одновременно с этим – лишь то), что служит достижению определенной *цели* [6, с. 167].

Безусловно, правовые режимы, субъективные права, юридические обязанности, запреты, поощрения и другие юридические категории обладают *разной* природой и *разным* содержанием. Вместе с тем, всех их органично может объединить один общий знаменатель – направленность на достижение установленной *цели* правового регулирования общественных отношений. Именно в преломлении к достижению поставленной юридической цели все вышеперечисленные институциональные образования и становятся *юридическим средством* – категорией, представляющий собой естественный и необходимый общий знаменатель для всех тех правовых явлений, которые служат достижению цели.

Ружье, граната и копье – разные по своему функционалу, форме и иным характеристикам предметы. Но органично объединяет их то, что они являются *средствами* обороны, т.е. служат достижению общей цели. Почему же следует отказывать *юридическим* (правовым) институциональным явлениям в такой важнейшей их обобщающей характеристике, как способности выступать *юридическим средством* в достижении цели, поставленной в процессе правового регулирования общественных отношений?

Как справедливо пишет М.А. Куликов, юридическая цель – это «созданная государством или им санкционированная модель определенного социального состояния, процесса или явления, к достижению которой при помощи юридических средств стремятся участники правоотношений» [28, с. 64].

Функционирование самого механизм правового регулирования, в котором объединены различные по своей природе, функционалу, содержанию и потенциалу юридические средства

предопределено достижением определенных юридических целей, что и является общим знаменателем для всех, перечисленных выше институциональных правовых явлений.

Чем более разнородные институциональные правовые явления сможет субъект правотворчества или правоприменения объединить в единый механизм правового регулирования ради достижения поставленной цели, тем более уникальным и эффективным будет данный механизм, превращая обозначенные институциональные образования в юридические средства, позволяющие достичь поставленной цели и добиться определенного социально значимого результата.

Изложенное и объясняет уникальность, востребованность и безграничный потенциал инструментальной теории права, которая позволяет анализировать правовые категории, явления и институты именно через призму их регулятивного потенциала, такого их качества, как способности выступить юридическим средством в достижении поставленных целей, а, значит, и через призму их способности быть полезными и социально обусловленными инструментами в решении злободневных проблем, актуальных для личности, общества и государства [43, с. 59; 44, с. 8].

В силу сказанного, вряд ли стоит беспокоиться о том, что юридические средства – в известном смысле собирательное понятие. Это действительно так. Только сказанное отнюдь не означает того, что это не позволяет вычленить собственную природу и признаки юридического средства как собирательного понятия. Если бы это было так, то ни одна категория философии, общей теории права и многих других наук не обладала бы ни своей природой, ни специфическими признаками, ведь все они во многом – собирательные понятия. Отношение как философская категория – собирательное понятие, включающее в себя, в том числе и правоотношение, правоотношение – также собирательное понятие, включающее в себя гражданско-правовые, уголовно-правовые, административно-правовые и иные виды правоотношений.

Юридическая цель, правовой акт, реализация права, само право – также «собирательные» понятия и, следуя логике авторов, им также надо отказать в собственной природе и отсутствии специфических признаков, т.к. они объединяют правовые явления, каждое из которых уже имеет свою собственную природу и признаки.

Считаем, что приведенная выше характеристика природы юридических средств с позиции их институциональности (институционности) как явлений и форм правовой действительности (С.С. Алексеев, В.А. Сапун и др.) является вполне обоснованной и справедливой. Вместе с тем, нельзя не отметить, что существует и второй подход к объяснению сущности юридических средств, который во многом противоположен изложенной позиции. Так, наиболее яркий его представитель и, во многом, основоположник – Б.И. Пугинский считает, что юридические средства в широком смысле – это «сочетания (комбинации) юридически значимых действий, совершаемых субъектом с дозволенной степенью усмотрения и служащих достижению их целей (интересов), не противоречащих законодательству и интересам общества», а в узком смысле – «юридические способы решения субъектами соответствующих задач, достижения своих целей (интересов)» [33, с 87].

Другими словами, Б.И. Пугинский рассматривает юридические средства как юридически значимые *действия*, как юридические *способы* реализации интересов участников правоотношений. Подобного подхода придерживается и Б.И. Минц, определяя юридические средства как выработанные юридической практикой *действия*, варианты *поведения* участников правоотношений в процессе реализации права [31, с. 71].

Таким образом, **второй подход** заключается в том, что юридические средства рассматриваются исключительно как поведение участников правоотношений, позволяющее им добиться поставленных целей и, таким образом, реализовать свой правомерный интерес.

Подобная позиция также видится нам весьма обоснованной, т.к. поведение участников правоотношений, которое и представляет собой, по большому счету, реализацию права, является юридически значимым, влечет правовые последствия и направлено на достижение конкретной цели.

Напрашивается вывод о том, что необходим синтез вышеприведенных позиций, которым и выступает **третий подход** к пониманию природы юридических средств, основоположником которого является А.В. Малько.

Юридические средства ученый определяет как правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологиях), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права и обеспечивается достижение социально полезных целей [29, с. 28].

Другими словами, А.В. Малько справедливо подчеркивает, что юридическое средство – это как определенный *инструмент* (установление), которым может являться субъективное права, свобода, законный интерес, льгота, поощрение и т.д., так и *действия* участников правоотношений (деяния, технологии), при помощи которых данные инструменты используются на практике, приводя к реализации интересов субъектов права и достижению установленных целей правового регулирования.

Данная точка зрения представляется наиболее обоснованной и полностью раскрывает природу юридического средства без искусственного ограничения смысла и объема исследуемой категории, т.к. юридические средства по сути и унифицируют все те явления, из которых состоит право [29, с. 28].

В отмеченной связи И.В. Цветков верно подчеркивает, что юридические средства являются как продуктом (результатом) человеческого труда, так и средством дальнейшего труда [49, с. 42–44], подтверждая мысль о том, что юридические средства обладают дуалистической природой и могут выступать как установлениями, инструментами, институциональными образованиями, так и деяниями, поведением, технологиями.

Если же обратиться к компрехендной теории познания права, а следовательно, и правовой реальности, разработанной профессорами В.П. Сальниковым и С.И. Захарцевым [10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21], то каждая из трех рассмотренных доминирующих в инструментальной теории права позиций по исследуемому вопросу выступает гранью понимания юридического средства как ключевой категории теоретико-правовой науки. Такой подход безусловно значим, он обогащает теорию права.

Таким образом, считаем, что **юридическое средство** – это правовое институциональное установление (инструмент), либо поведение участника правоотношения (деяние, технология), направленные на достижение юридической цели и удовлетворение правомерного интереса.

Следует также отметить, что юридические средства направлены и на устранение препятствий, стоящих на пути реализации интересов субъектов права, и, сочетаясь определенным образом в механизме правового регулирования, создают определенные правовые режимы, в том числе и режим *правового обеспечения* каких-либо значимых интересов, процессов или явлений.

Именно в юридических средствах проявляется регулятивный потенциал права, его способность выступать регулятором общественных отношений. Именно наличие юридических средств-установлений (нормативно-правовых актов, правовых режимов, субъективных прав, юридических обязанностей и т.д.), равно как эффективное их использование на практике в зависимости от обстоятельств и характера поставленной цели (речь идет о юридических средствах-деяниях) характеризует *правовое обеспечение* интересов личности, общества и государства и саму способность права обеспечить их гармоничное сосуществование [30, с. 70–72; 42, с. 27–28; 47, с. 56–70].

Анализ как научной литературы относительно различных аспектов использования юридических средств и оценки их эффективности, так и действующего законодательства во многом подтверждает высказанную нами точку зрения. Так, Ю.Б. Батурина подчеркивает, что юридические средства являются именно деятельностно-институциональным образованием, показывающим функционально-динамическую сторону правовых явлений и права в целом [3, с. 120].

Вне категории юридическое средство было бы невозможным продемонстрировать регулятивный потенциал права, найти призму исследования регулятивно-динамической, ре-

гулятивно статической и охранительной функций права, которые аккумулируют потенциал различных по своей природе юридических средств в достижении целей правового регулирования и социально-значимых результатов.

Данная мысль находит как прямое, так и косвенное подтверждение в работах многих ученых, в том числе и представителей отраслевых юридических наук, что подтверждает значимость и междисциплинарный характер изложенных нами выводов. Так, не анализируя непосредственно природу юридических средств, В.Г. Голубцов рассматривает темпоральные коллизионные *нормы* именно как юридическое средство преодоления временных противоречий между правовыми нормами (т.е. ситуацию, при которой одно юридическое средство, которым выступает норма права, повышает эффективность других юридических средств) [8, с. 22].

Ведя речь об *уголовно-правовых средствах* противодействия коррупции, О.В. Журкина и Е.О. Филиппова анализируют «средства как нормативного, так и организационного характера», уделяя внимание не только закрепленным в законодательстве мерам уголовно-процессуального принуждения (средствам-установлениям), но и мерам профилактики коррупционных правонарушений, среди которых, авторы выделяют рабочие встречи сотрудников правоохранительных органов, проходящие на регулярной основе (средства-деяния) [9, с. 24–25]. Аналогичная позиция разделяется В.П. Сальниковым и другими учеными [35, с. 8].

Если, анализируя правовые средства совершенствования федерального государственного контроля в сфере миграции И.В. Плюгина делает акцент на институциональных юридических средствах (тем не менее, подчеркивая важность их эффективного использования на практике) [32, с. 89], то говоря о противодействии миграционной преступности, В.П. Сальников, Г.Н. Крижановская, Д.В. Кривоносова, М.Ф. Костюк, Е.В. Кунц, А.Г. Хабибулин, В.Н. Анищенко и ряд других ученых анализируют как нормативно-правовые акты (средства-установления), так и направления государственной политики (средства-деяния), способствующие снижению числа преступлений среди мигрантов [24, с. 22; 48, с. 17; 36, с. 21].

Достаточно весомым и очевидным аргументом в поддержку дуалистической природы юридического средства выступает обоснованная позиция, заключающаяся в том, что аналогия закона и аналогия права – также весьма распространенное юридическое средство разрешения споров и коллизий [41, с. 16–17].

Категория «юридическое средство» используется в научной литературе и во многих других контекстах. Так, А.А. Копина исследует юридические средства реализации функций налогов [23, с. 9–10], в качестве юридического средства обеспечения интересов участников хозяйственных обществ О.И. Гентовт рассматривает ограничение корпоративных прав субъектов правоотношений [7, с. 10–22], а М.В. Бызова и В.С. Калашников анализируют правовые средства прокурора, используемые в противодействии легализации преступных доходов [4, с. 32–35].

Дуалистическая природа юридических средств, равно как и их многообразие, предопределяет различные критерии, которые могут быть положены в основу классификации рассматриваемой категории.

Помимо обоснованной выше классификации на средства-установления и средства-деяния, в зависимости от отраслевой принадлежности юридические средства могут быть гражданско-правовыми, уголовно-правовыми, конституционно-правовыми и т.д.

В зависимости от *характера* юридические средства можно подразделить на материально-правовые и процессуально-правовые.

В зависимости от *вида информационно-психологического воздействия* на поведение участников правоотношений юридические средства можно подразделить на стимулирующие (льгота, поощрение) и ограничивающие (запрет, наказание). При этом также следует иметь в виду и диалектику сосуществования стимулирующих и ограничивающих средств в механизме правового регулирования, заключающуюся в том, что любой стимул может позитивно ограничивать, равно как и ограничение – негативно стимулировать (в чем и заключается парность данных категорий) [29, с. 240; 26, с. 31–32].

В зависимости от *функционального назначения* можно выделить регулятивные (субъективные права, юридические обязанности и др.) и охранительные (гарантии, меры наказания и др.) юридические средства. Вместе с тем, в указанном контексте следует сделать оговорку о том, что данные два вида юридических средств тесно переплетены между собой [27, с. 26].

В зависимости от *степени сложности* представляется обоснованным выделять, соответственно, простые и сложные юридические средства. Если к простому средству можно отнести запрет, штраф, субъективное право и т.д., то к сложному – определенную их систему (институт или отрасль права, режим правового обеспечения и т.д.). Следует подчеркнуть, что во многом эффективность правового средства определяется их использованием в системе, в составе механизма правового регулирования.

Выделяются постоянные и временные юридические средства, а также юридические средства, порождающие обычные и «исключительные последствия» [29, с. 28–30].

Полагаем, что в рамках анализа системных, многоаспектных объектов правового регулирования, таких как, к примеру, национальная безопасность России, суверенитет государства, развитие определенных сфер общественной жизни и т.д., целесообразно классифицировать юридические средства на правотворческие, правоприменительные и правоинтерпретационные.

Данная классификация, по нашему мнению, обладает рядом преимуществ.

Во-первых, она позволяет проанализировать и оценить эффективность деятельности как различных органов публичной власти (субъектов правотворчества, правоохранительных органов и т.д.), так и иных участников правоотношений.

Во-вторых, данная классификация позволяет оценить системность, последовательность и научную обоснованность различных видов деятельности (правотворчества, применения и толкования права), в которой могут быть задействованы различные субъекты. К примеру, правотворческие средства обеспечения национальной безопасности делают возможной оценку эффективности и последовательности деятельности в сфере охраны, защиты и гарантированности реализации национальных интересов Российской Федерации, Президента РФ, Федерального Собрания РФ, Правительства РФ и других органов [5, с. 25–30].

Изучение правоприменительных средств обеспечения национальной безопасности позволяет проанализировать властную деятельность самых различных структур федерального, регионального и местного уровней, включая деятельность правоохранительных и судебных органов, направленную как на исполнение нормативно-правовых актов, так и на пресечение и профилактику правонарушений. Исследование же правоинтерпретационных средств обеспечения национальной безопасности позволит оценить не только развитие юридической доктрины, но и информационную, воспитательную, обучающую и иную правовую политику в рассматриваемой сфере, осуществляемую самым разным кругом субъектов.

Таким образом, через призму правотворческих, правоприменительных и правоинтерпретационных средств можно оценить последовательность и эффективность соответствующей государственной стратегии или правовой политики, увидеть системность или отсутствие таковой в правовом обеспечении объектов правового регулирования.

Подводя итог сказанному, отметим, что исследование юридических средств, равно как и инструментальная теория права в целом, является наиболее перспективной призмой изучения как правового регулирования общественных отношений, так и регулятивного потенциала самого права.

В современных реалиях именно инструментальная теория права позволяет оценить эффективность правового обеспечения как национальной безопасности России в целом, так и отдельных национальных интересов государства, равно как и деятельность конкретных субъектов государственного управления в любой из сфер общественной жизни. Именно анализ правотворческих, правоприменительных и правоинтерпретационных средств, органично сочетающих в себе средства-установления и средства-деяния, позволяет полноценно исследовать как статическую, так и динамическую функции права в преломлении к обеспечению интересов личности, общества и государства.

Библиографический список

1. *Алексеев С.С.* Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. – 1987. – № 6. – С. 14–22.

2. *Бабаев В.К.* Теория государства и права. – М.: Юрайт, 2014. – 518 с.

3. *Батурина Ю.Б.* Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права: Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2001. – 190 с.

4. *Бызова М.В., Калашников В.С.* Противодействие легализации преступных доходов: правовые средства прокурора и правоприменительная практика // Законность. – 2023. – № 7. – С. 32–37.

5. *Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В.* Национальная безопасность России: конституционное обеспечение. СПб.: Фонд «Университет», 1999. – 192 с.

6. *Гегель Г.В.Ф.* Сочинения. Т. 7. – М.; Л., 1929. – 618 с.

7. *Гентовт О.И.* Ограничение корпоративных прав как средство обеспечения интересов участников хозяйственных обществ: монография. – М.: Статут, 2022. – 214 с.

8. *Голубцов В.Г.* Темпоральные коллизионные нормы как юридические средства преодоления временных противоречий между правовыми нормами // Российский юридический журнал. – 2022. – № 1. – С. 20 – 33.

9. *Журкина О.В., Филиппова Е.О.* Уголовно-правовые средства противодействия коррупции // Российский следователь. – 2023. – № 8. – С. 24–28.

10. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Для познания права предлагается компрехендный подход // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – № 1(10). – С. 77–87.

11. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Знакомьтесь: компрехендная теория права // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 5(28). – С. 375–379.

12. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Компрехендная теория как инновационный подход к познанию права // Юридическая техника. – 2021. – № 15: Материалы XXII Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему: «Юридические инновации (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 23–26 сентября 2020 года) / Главный редактор проф. В.М. Баранов. – Нижний Новгород: Проспект, 2021. – С. 166–174. – в книге 764 с.

13. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Компрехендная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 11–26.

14. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Компрехендная теория права как наиболее точный путь его познания // Юридическая гносеология. – 2017. – № 1. – С. 18–33.

15. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Компрехендная теория права как путь познания его сущности // Научно-исследовательские публикации. – 2021. – № 1. – С. 5–45.

16. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Об обосновании компрехендного подхода для познания права // Теория государства и права. – 2016. – № 2. – С. 39–58.

17. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Предлагаем Вашему вниманию компрехендную теорию познания права // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 170–183.

18. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Пробелы в праве – грань компрехендной теории его познания // Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика: Материалы VI Международной научной конференции теоретиков права «Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика» (Москва, 20–21 февраля 2020 г.) / Т.Я. Хабриева, С.В. Липень, В.В. Лазарев и др.; отв. ред. Н.Н. Черногор. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2021. – С 93–104. – в сб. 464 с.

19. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Размышления о компрехендной теории права // Образование и право. – 2021. – № 5. – С. 98–105. DOI 10.24412/2076–1503–2021–5-98–105.

20. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Размышляем о сущности права: компрехендный подход // Правовое государство: теория и практика. – 2017. – № 1(47). – С. 13–30.

21. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Сущность права в фокусе компрехендной теории его познания // Сущность права: Сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора М.И. Байтина / Под ред. В.М. Баранова, С.А. Белоусова, И.Н. Сенякина. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2022. – С. 105–118. – в кн. 312 с.

22. *Исаков В.Б.* Фактический состав в механизме правового регулирования / Науч. ред. С.С. Алексеев. – Саратов: Саратовский ун-т, 1980. – 128 с. : ил.

23. *Копина А.А.* Правовые средства реализации функций налогов на современном этапе // Налоги. – 2023. – № 3. – С. 9–14.

24. *Костюк М.Ф., Кунц Е.В.* Правовые средства противодействия миграционной преступности // Миграционное право. – 2022. – № 3. – С. 22–27.

25. *Кулапов В.Л., Хохлова И.С.* Способ правового регулирования. – Саратов: Саратовская гос. академия права, 2010. – 119 с.

26. *Куликов М.А.* Диалектическая природа стимулирующих юридических средств или почему правовой стимул не тождественен правовому ограничению // Философия права. – 2022. – № 4 (103). – С. 31–35.

27. *Куликов М.А.* Сущность и природа юридических средств // Юридический мир. – 2022. – № 8. – С. 26–30.

28. *Куликов М.А*. Юридические цели: понятие и признаки // Юрист. – 2022. – № 4. – С. 62–67.

29. *Малько А.В.* Стимулы и ограничения в праве: Теоретико-информационный аспект. Lap Lambert Academic Publishing. Saarbrucken, Germahy, 2012. – 260 с.

30. *Малько А.В., Субочев В.В., Шериев А.М.* Субъективные права, свободы и законные интересы как самостоятельные объекты охраны и защиты // Правовая политика и правовая жизнь. – 2008. – № 1. – С. 70–80.

31. *Минц Б.И.* Понятие и роль правовых средств в хозяйственных отношениях // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1983. – № 2. – С. 70–82.

32. *Плюгина И.В.* Правовые средства совершенствования федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции // Журнал российского права. – 2023. – № 11. – С. 89–102.

33. *Пугинский Б.И.* Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. – М.: Юрид. лит., 1984. – 224 с.

34. *Салиева Р.Н.* Правовое обеспечение развития предпринимательства в нефтегазовом секторе экономики. – Новосибирск: Эксмо, 2001. – 228 с.

35. *Сальников В.П.* Институализация коррупционных взаимодействий – угроза национальной безопасности // Защита и безопасность. – 2006. – № 1. – С. 6–11.

36. *Сальников В.П., Кривоносова Д.В., Крижановская Г.Н.* Миграционная политика и суверенитет государства // Миграционное право. 2023. – № 1. – С. 21–23.

37. *Сапун В.А.* Деятельность по использованию правовых средств в реализации советского права // Проблемы реализации права. Межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск: АНО «Научно-исследовательский институт истории, экономики и права», 1990. – С. 10–18.

38. *Сапун В.А.* Теория правовых средств и механизм реализации права: Дис. … докт. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2002. – 480 с.

39. *Сапун В.А., Турбова Я.В.* Инструментальная теория права и правовые средства как элементы юридической техники // Ленинградский юридический журнал. – 2010. – № 3 (21). – С. 177–188.

40. *Старилов Ю.Н.* Административное право как средство разрушения «синдрома бесправия» в современном правовом государстве // Журнал российского права. – 2005. – № 4. – С. 29–45.

41. *Степин А.Б.* Аналогия закона как нормативное средство защиты частного права // Современное право. – 2014. – № 3. – С. 16–19.

42. *Субочев В.В.* Законные интересы и принципы права: аспекты взаимосвязи // Философия права. – 2007. – № 2. – С. 27–31.

43. *Субочев В.В.* Интерес и право: анализ взаимосвязи // Актуальные проблемы правоведения. 2003. – № 3 (6). – С. 59–63.

44. *Субочев В.В.* Право и его роль в обеспечении диалектического единства личных, общественных и государственных интересов // Право и политика. – 2003. – № 12. – С. 4–11.

45. *Фетюков Ф.В.* Право как средство обеспечения эффективного функционирования государства и гражданского общества // Политика и общество. – 2017. – № 4. – С. 104–120.

46. *Филиппова С.Ю.* Инструментальный подход в науке частного права. – М.: Статут, 2013. – 347 с.

47. Философско-правовое познание: актуальные проблемы. Монография / Е.В. Виноградова, А.О. Воробьев, М.Ю. Гутман [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2025. – 418 с.

48. *Хабибулин А.Г., Анищенко В.Н.* Политико-правовой механизм обеспечения миграционной безопасности Российской Федерации в условиях трансформации монополярного мироустройства // Миграционное право. – 2022. – № 3. – С. 17–21.

49. *Цветков И.В.* О понятиях «правовая работа» и «правовое средство» // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. – № 3. – С. 42–60.

Для цитирования: *Маркус С.А.* Понятие и природа юридического средства как ключевой категории инструментальной теории права // Теория государства и права. – 2025. – № 2-1. – С. 160–167.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_160

CONCEPT AND NATURE OF LEGAL MEANS AS A KEY CATEGORY OF THE INSTRUMENTAL THEORY OF LAW

Sergey A. Marcus*

Annotation. *The article examines the concept and nature of a legal means through the prism of a critical analysis of three dominant positions in the instrumental theory of law: as an institutional formation, as a legally significant action, and as a means combining institutional phenomena and acts of participants in legal relations. The author's argumentation is presented, substantiating the validity of the interpretation of a legal means as a means-establishment and a means-act, according to which a legal means is a legal institutional establishment (instrument), or the behavior of a participant in a legal relationship (act, technology), aimed at achieving a legal goal and satisfying a legitimate interest.*

Keywords: *legal means, legal purpose, instrumental theory of law, mechanism of legal regulation, functions of law, effectiveness of legal regulation, implementation of law.*

A very paradoxical situation is developing in the Russian legal doctrine, connected with the lack of unity of opinions regarding the essence and content of legal (legal) means. Despite the fact that the assertion that law is the most important social regulator of social relations is to a certain extent axiomatic and, by and large, is not disputed by either representatives of the general theory of law or by branch legal sciences, the question of what are those legal means that allow law to regulate social processes remains open.

Moreover, the instrumental theory of law itself, which focuses attention on law, including as a system of legal means [38, p. 12; 39, pp. 177–188] regulating social relations, causes a wary reaction in the legal community and has not yet received due distribution and recognition, which is also largely explained by the lack of a common denominator in the positions of scientists regarding the nature, content and classification grounds of legal means.

At the same time, it is obvious that legal regulation of social relations, various legal regimes are based on nothing other than legal means, which are either created by competent entities or used in legal life. Thus, we believe it is important to critically comprehend the existing points of view and develop our own position on the issues raised.

The key doctrinal disagreements regarding the nature and content of legal means are determined by the presence of three dominant positions on this issue in the literature.

According to the first position , which was initially conceptually consolidated in the works of S.S. Alekseev, legal means represent substantial, institutional phenomena of legal reality, embodying the regulatory force of law, its energy [1, p. 14].

This position has received wide support among scholars. For example, V.A. Sapun notes that legal means are nothing more than "institutional formations (establishments, forms) of legal reality, the use of which in special legal activity leads to the achievement of a certain result" [37, pp. 10–11].

The stated point of view seems to be quite well-founded and allows us to classify as legal means an essentially unlimited number of "institutional formations" (V.A. Sapun) or "institutional phenomena" (S.S. Alekseev), such as legal norms, legal facts, acts of application of law, principles of law, and the law itself as a whole [2, p. 213; 22, p. 14; 25, p. 83; 40, pp. 29–32; 45, pp. 104–106].

However, this position, which allows the very broad list of legal means to be classified as legal means, has received a number of critical comments.

* **Markus Sergey Albertovich**, investigator of the Presnensky inter-district investigative department of the investigative department for the Central Administrative District of the Main Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the city of Moscow (assigned to the department for the investigation of especially important cases of the investigative department for the Central Administrative District of the Main Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the city of Moscow) (Moscow, Russia) E-mail: mark-sergal@mail.ru

For example, S. Yu. Filippova believes that such an expansion of the content of legal means (and especially the inclusion of law itself in them) deprives the category in question of independent content and its own nature [46, p. 76].

S. Yu. Filippova, like a number of other authors, believes that if a legal means is both a legal norm and the prohibitions, privileges, subjective rights, legal obligations, immunities and other institutional formations contained in the legal norm, then what can be the nature of the legal means itself if it "must include" the nature and essence of the above-mentioned heterogeneous concepts? This reasoning, which at first glance seems logical, allows a number of specialists to come to the conclusion that legal means are a kind of collective concept, "which cannot be defined , since it is not possible to restore its specific features" [34, p. 16].

At the same time, such points of view, when analyzed, reveal a rather obvious omission. The inconsistency of the listed positions lies in the fact that their authors do not take into account the most important thing : a means is everything (and, at the same time, only that) that serves to achieve a certain goal [6, p. 167].

Of course, legal regimes, subjective rights, legal obligations, prohibitions, incentives and other legal categories have different natures and different contents. At the same time, all of them can be organically united by one common denominator – the focus on achieving the established goal of legal regulation of social relations. It is in the refraction to achieve the set legal goal that all of the above-mentioned institutional formations become a legal means – a category that represents a natural and necessary common denominator for all those legal phenomena that serve to achieve the goal.

A gun, a grenade and a spear are different in their functionality, form and other characteristics. But they are organically united by the fact that they are means of defense, i.e. serve to achieve a common goal. Why should legal (legal) institutional phenomena be denied such an important generalizing characteristic as the ability to act as a legal means in achieving the goal set in the process of legal regulation of social relations?

As M.A. Kulikov rightly writes, a legal goal is "a model of a certain social state, process or phenomenon created by the state or sanctioned by it, which participants in legal relations strive to achieve with the help of legal means" [28, p. 64].

The functioning of the mechanism of legal regulation itself, which combines legal means that are different in nature, functionality, content and potential, is predetermined by the achievement of certain legal goals, which is the common denominator for all the institutional legal phenomena listed above.

The more heterogeneous institutional legal phenomena a subject of lawmaking or law enforcement can unite into a single mechanism of legal regulation in order to achieve a set goal, the more unique and effective this mechanism will be, transforming the designated institutional formations into legal means that allow achieving a set goal and achieving a certain socially significant result.

The above explains the uniqueness, relevance and unlimited potential of the instrumental theory of law, which allows us to analyze legal categories, phenomena and institutions precisely through the prism of their regulatory potential, such a quality as their ability to act as a legal means in achieving set goals, and, therefore, through the prism of their ability to be useful and socially conditioned tools in solving urgent problems relevant to the individual, society and the state [43, p. 59; 44, p. 8].

In view of the above, it is hardly worth worrying about the fact that legal means are, in a certain sense, a collective concept. This is indeed the case. However, this does not mean that it does not allow us to isolate the proper nature and characteristics of a legal means as a collective concept. If this were the case, then no category of philosophy, general theory of law, or many other sciences would have its own nature or specific characteristics, since they are all, in many ways, collective concepts. Relationship as a philosophical category is a collective concept, including, among other things, legal relationship; legal relationship is also a collective concept, including civil law, criminal law, administrative law, and other types of legal relationships.

A legal purpose, a legal act, the implementation of a right, the right itself are also "collective" concepts and, following the logic of the authors, they must also be denied their own nature and the

absence of specific features, since they unite legal phenomena, each of which already has its own nature and features.

We believe that the above description of the nature of legal means from the standpoint of their institutionality as phenomena and forms of legal reality (S.S. Alekseev, V.A. Sapun, etc.) is quite reasonable and fair. At the same time, it should be noted that there is a second approach to explaining the essence of legal means, which is in many ways the opposite of the stated position. Thus, its most prominent representative and, in many ways, the founder – B.I. Puginsky believes that legal means in the broad sense are "combinations (combinations) of legally significant actions performed by a subject with a permitted degree of discretion and serving to achieve their goals (interests), not contradicting the legislation and the interests of society", and in the narrow sense – "legal methods of solving the relevant problems by subjects, achieving their goals (interests)" [33, p. 87].

In other words, B.I. Puginsky considers legal means as legally significant actions , as legal ways of realizing the interests of participants in legal relations. B.I. Mintz adheres to a similar approach, defining legal means as actions developed by legal practice , options for the behavior of participants in legal relations in the process of realizing the law [31, p. 71].

Thus, the second approach is that legal means are considered exclusively as the behavior of participants in legal relations, allowing them to achieve their goals and, thus, realize their legitimate interest.

This position also seems to us to be quite justified, since the behavior of participants in legal relations, which, by and large, represents the implementation of the law, is legally significant, entails legal consequences and is aimed at achieving a specific goal.

The conclusion suggests itself that a synthesis of the above positions is necessary, which is the third approach to understanding the nature of legal means, the founder of which is A.V. Malko.

The scientist defines legal means as legal phenomena expressed in instruments (regulations) and actions (technologies) with the help of which the interests of legal entities are satisfied and the achievement of socially useful goals is ensured [29, p. 28].

In other words, A.V. Malko rightly emphasizes that a legal means is both a specific instrument (establishment), which can be a subjective right, freedom, legitimate interest, benefit, incentive, etc., and the actions of participants in legal relations (deeds, technologies), with the help of which these instruments are used in practice, leading to the realization of the interests of legal entities and the achievement of the established goals of legal regulation.

This point of view seems to be the most justified and fully reveals the nature of the legal means without artificially limiting the meaning and scope of the category under study, since legal means essentially unify all those phenomena of which law consists [29, p. 28].

In the noted connection, I.V. Tsvetkov correctly emphasizes that legal means are both a product (result) of human labor and a means of further labor [49, pp. 42–44], confirming the idea that legal means have a dualistic nature and can act as institutions, instruments, institutional formations, as well as actions, behavior, technologies.

If we turn to the comprehend theory of knowledge of law, and consequently, legal reality, developed by professors V.P. Salnikov and S.I. Zakhartsev [10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21], then each of the three considered dominant positions in the instrumental theory of law on the issue under study acts as a facet of understanding the legal means as a key category of theoretical and legal science. Such an approach is undoubtedly significant, it enriches the theory of law.

Thus, we believe that a legal means is a legal institutional establishment (instrument), or the behavior of a participant in a legal relationship (action, technology), aimed at achieving a legal goal and satisfying a legitimate interest.

It should also be noted that legal means are aimed at eliminating obstacles that stand in the way of realizing the interests of legal entities, and, when combined in a certain way in the mechanism of legal regulation, create certain legal regimes, including a regime of legal support for any significant interests, processes or phenomena.

It is in legal means that the regulatory potential of law is manifested, its ability to act as a regulator of social relations. It is the presence of legal means-establishments (normative legal acts, le-

gal regimes, subjective rights, legal obligations, etc.), as well as their effective use in practice depending on the circumstances and the nature of the goal (we are talking about legal means-actions) that characterizes the legal provision of the interests of the individual, society and the state and the very ability of law to ensure their harmonious coexistence [30, pp. 70–72; 42, pp. 27–28; 47, pp. 56–70].

The analysis of both scientific literature on various aspects of the use of legal means and the assessment of their effectiveness, and current legislation largely confirms the point of view expressed by us. Thus, Yu. B. Baturina emphasizes that legal means are precisely an activity-institutional formation, showing the functional-dynamic side of legal phenomena and law in general [3, p. 120].

Outside the category of legal means, it would be impossible to demonstrate the regulatory potential of law, to find a prism for studying the regulatory-dynamic, regulatory-static and protective functions of law, which accumulate the potential of legal means of various natures in achieving the goals of legal regulation and socially significant results.

This idea finds both direct and indirect confirmation in the works of many scientists, including representatives of branch legal sciences, which confirms the significance and interdisciplinary nature of the conclusions we have presented. Thus, without directly analyzing the nature of legal means, V.G. Golubtsov considers temporal conflict rules precisely as a legal means of overcoming temporary contradictions between legal norms (i.e., a situation in which one legal means, which is a legal norm, increases the effectiveness of other legal means) [8, p. 22].

Speaking about criminal-legal means of combating corruption, O.V. Zhurkina and E.O. Filippova analyze "means of both normative and organizational nature", paying attention not only to the measures of criminal-procedural coercion enshrined in legislation (means-establishments), but also to measures of prevention of corruption offenses, among which the authors highlight working meetings of law enforcement officers held on a regular basis (means-actions) [9, pp. 24–25]. A similar position is shared by V.P. Salnikov and other scientists [35, p. 8].

If, analyzing the legal means of improving federal state control in the field of migration, I.V. Plyugina focuses on institutional legal means (nevertheless, emphasizing the importance of their effective use in practice) [32, p. 89], then speaking about combating migration crime, V.P. Salnikov, G.N. Krizhanovskaya, D.V. Krivonosova, M.F. Kostyuk, E.V. Kunts, A.G. Khabibulin, V.N. Anishchenko and a number of other scientists analyze both regulatory legal acts (means-establishments) and directions of state policy (means-actions) that contribute to reducing the number of crimes among migrants [24, p. 22; 48, p. 17; 36, p. 21].

A fairly weighty and obvious argument in support of the dualistic nature of the legal means is the well-founded position that the analogy of law and the analogy of rights are also a very common legal means of resolving disputes and conflicts [41, pp. 16–17].

The category of "legal means" is used in scientific literature in many other contexts. Thus, A.A. Kopina studies the legal means of implementing tax functions [23, pp. 9–10], O.I. Gentot considers the limitation of corporate rights of subjects of legal relations as a legal means of ensuring the interests of participants in business entities [7, pp. 10–22], and M.V. Byzova and V.S. Kalashnikov analyze the legal means of the prosecutor used to combat the legalization of criminal proceeds [4, pp. 32–35].

The dualistic nature of legal means, as well as their diversity, predetermines various criteria that can be used as a basis for the classification of the category in question.

In addition to the above-substantiated classification into means-establishments and means-actions, depending on the industry affiliation, legal means can be civil-law, criminal-law, constitutional-law, etc.

Depending on their nature , legal means can be divided into substantive and procedural.

Depending on the type of information and psychological impact on the behavior of participants in legal relations, legal means can be divided into stimulating (benefits, incentives) and restrictive (prohibition, punishment). At the same time, one should also keep in mind the dialectic of the coexistence of stimulating and restrictive means in the mechanism of legal regulation, which

consists in the fact that any incentive can positively restrict, just as a restriction can negatively stimulate (which is the pairing of these categories) [29, p. 240; 26, pp. 31–32].

Depending on the functional purpose , one can distinguish between regulatory (subjective rights, legal obligations, etc.) and protective (guarantees, penalties, etc.) legal means. At the same time, in this context, it should be noted that these two types of legal means are closely intertwined [27, p. 26].

Depending on the degree of complexity, it seems reasonable to distinguish, respectively, simple and complex legal means. If a simple means can include a ban, a fine, a subjective right, etc., then a complex means can include a certain system of them (an institution or branch of law, a regime of legal support, etc.). It should be emphasized that the effectiveness of a legal means is largely determined by their use in a system, as part of a mechanism of legal regulation.

A distinction is made between permanent and temporary legal means, as well as legal means that generate ordinary and "exceptional consequences" [29, pp. 28–30].

We believe that, within the framework of the analysis of systemic, multi-aspect objects of legal regulation, such as, for example, the national security of Russia, the sovereignty of the state, the development of certain spheres of public life, etc., it is advisable to classify legal means into law-making, law enforcement and law interpretation.

This classification, in our opinion, has a number of advantages.

Firstly, it allows us to analyze and evaluate the effectiveness of the activities of various public authorities (legislative entities, law enforcement agencies, etc.) and other participants in legal relations.

Secondly, this classification allows us to assess the systematicity, consistency and scientific validity of various types of activity (lawmaking, application and interpretation of law), in which various entities may be involved. For example, lawmaking means of ensuring national security make it possible to assess the effectiveness and consistency of activities in the sphere of protection, defense and guarantee of the implementation of national interests of the Russian Federation, the President of the Russian Federation, the Federal Assembly of the Russian Federation, the Government of the Russian Federation and other bodies [5, pp. 25–30].

The study of law enforcement means of ensuring national security allows us to analyze the activities of authorities of various federal, regional and local structures, including the activities of law enforcement and judicial bodies aimed at both the implementation of regulatory legal acts and the suppression and prevention of offenses. The study of law interpretation means of ensuring national security will allow us to evaluate not only the development of legal doctrine, but also information, educational, training and other legal policies in the area under consideration, implemented by a wide range of entities.

Thus, through the prism of law-making, law enforcement and law interpretation tools, it is possible to assess the consistency and effectiveness of the relevant state strategy or legal policy, and to see the systematicity or lack thereof in the legal support of objects of legal regulation.

To sum up, we note that the study of legal means, as well as the instrumental theory of law in general, is the most promising prism for studying both the legal regulation of social relations and the regulatory potential of the law itself.

In modern realities, it is the instrumental theory of law that allows us to assess the effectiveness of legal support for both Russia's national security as a whole and individual national interests of the state, as well as the activities of specific subjects of state administration in any sphere of public life. It is the analysis of law-making, law enforcement and law-interpretation tools, organically combining means-establishments and means-actions, that allows us to fully study both the static and dynamic functions of law in relation to ensuring the interests of the individual, society and the state.

Bibliographic list

1. *Alekseev S.S.* Legal means: problem statement, concept, classification // Soviet state and law. 1987. No. 6. P. 14–22.

2. *Babaev V.K.* Theory of State and Law. M.: Yurait, 2014. 518 p.

3. *Baturina Yu.B.* Legal form and legal means in the system of concepts of the theory of law. Diss. ... Cand. of Law. M., 2001. 190 p.

4. *Byzova M.V., Kalashnikov V.S.* Combating money laundering: legal means of the prosecutor and law enforcement practice // Legality. 2023. No. 7. P. 32–37.

5. *Vasiliev A.I., Salnikov V.P., Stepashin S.V.* National security of Russia: constitutional support. St. Petersburg: University Foundation, 1999. 192 p.

6. *Hegel G.V.F.* Essays. T. 7. M.; L., 1929. 618 p.

7. *Gentot O.I.* Limitation of corporate rights as a means of ensuring the interests of participants in business entities: monograph. M.: Statut, 2022. 214 p.

8. *Golubtsov V.G*. Temporal conflict rules as legal means of overcoming temporary contradictions between legal norms // Russian Law Journal. 2022. No. 1. P. 20–33.

9. *Zhurkina O.V., Filippova E.O.* Criminal-legal means of combating corruption // Russian investigator. 2023. No. 8. P. 24–28.

10. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* For the knowledge of law, a comprehend approach is proposed // Russian Journal of Legal Research. 2017. No. 1 (10). P. 77–87.

11. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Meet the comprehend theory of law // Library of the criminalist. Scientific journal. 2016. No. 5 (28). P. 375–379.

12. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Comprehend theory as an innovative approach to the knowledge of law // Legal technology. 2021. No. 15: Materials of the XXII International Scientific and Practical Forum "Yurtekhnetics" on the topic: "Legal Innovations (Doctrine, Practice, Technology)" (Nizhny Novgorod, September 23–26, 2020) / Editor-in-Chief prof. V.M. Baranov. Nizhny Novgorod: Prospect, 2021. Pp. 166–174. In the book 764 p.

13. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Comprehend theory of knowledge of law // Legal science: history and modernity. 2015. No. 8. P. 11–26.

14. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Comprehend theory of law as the most accurate way of its cognition // Legal gnoseology. 2017. No. 1. P. 18–33.

15. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Comprehend theory of law as a way of knowing its essence // Research publications. 2021. No. 1. P. 5–45.

16. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* On the substantiation of the comprehend approach to the knowledge of law // Theory of State and Law. 2016. No. 2. P. 39–58.

17. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* We offer to your attention a comprehend theory of knowledge of law // The World of Politics and Sociology. 2016. No. 3. P. 170–183.

18. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Gaps in the Law – an Edge of the Comprehend Theory of Its Cognition // Gaps in Positive Law: Doctrine and Practice: Proceedings of the VI International Scientific Conference of Legal Theorists "Gaps in Positive Law: Doctrine and Practice" (Moscow, February 20–21, 2020) / T.Ya. Khabrieva, S.V. Lipen, V.V. Lazarev et al.; ed. N.N. Chernogor. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Publishing House "Jurisprudence", 2021. pp. 93–104. In the book 464 p.

19. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Reflections on the comprehend theory of law // Education and Law. 2021. No. 5. P. 98–105. DOI: 10.24412/2076–1503–2021–5-98–105.

20. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Reflecting on the Essence of Law: Comprehendive Approach // Legal State: Theory and Practice. 2017. No. 1(47). P. 13–30.

21. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* The essence of law in the focus of the comprehend theory of its cognition // The essence of law: Collection of articles for the 100th anniversary of the birth of Professor M.I. Baitin / Ed. by V.M. Baranov, S.A. Belousov, I.N. Senyakin. Saratov: Saratov State Law Academy, 2022. Pp. 105–118. In the book 312 p.

22. *Isakov V.B.* Factual composition in the mechanism of legal regulation / Scientific ed. S.S. Alekseev. Saratov: Saratov University, 1980. 128 p.: ill.

23. *Kopina A.A.* Legal means of implementing tax functions at the present stage // Taxes. 2023. No. 3. P. 9–14.

24. *Kostyuk M.F., Kunts E.V.* Legal means of combating migration crime // Migration law. 2022. No. 3. P. 22–27.

25. *Kulapov V.L., Khokhlova I.S.* Method of legal regulation. Saratov: Saratov State Academy of Law, 2010. 119 p.

26. *Kulikov M.A.* Dialectical nature of stimulating legal means or why a legal incentive is not identical to a legal restriction // Philosophy of Law. 2022. No. 4 (103). P. 31–35.

27. *Kulikov M.A.* The essence and nature of legal means // Legal world. 2022. No. 8. P. 26–30.

28. *Kulikov M.A.* Legal goals: concept and characteristics // Jurist. 2022. No. 4. P. 62–67.

29. *Malko A.V.* Incentives and restrictions in law: Theoretical and informational aspect. Lap Lambert Academic Publishing. Saarbrucken, Germahy, 2012. 260 p.

30. *Malko A.V., Subochev V.V., Sheriev A.M.* Subjective rights, freedoms and legitimate interests as independent objects of protection and defense // Legal policy and legal life. 2008. No. 1. P. 70–80.

31. *Mintz B.I.* Concept and role of legal means in economic relations // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 1983. No. 2. P. 70–82.

32. *Plyugina I.V.* Legal means of improving federal state control (supervision) in the field of migration // Journal of Russian Law. 2023. No. 11. P. 89–102.

33. *Puginsky B.I.* Civil-law means in economic relations. M.: Legal literature, 1984. 224 p.

34. *Salieva R.N.* Legal support for the development of entrepreneurship in the oil and gas sector of the economy. Novosibirsk: Eksmo, 2001. 228 p.

35. *Salnikov V.P.* Institutionalization of corrupt interactions – a threat to national security // Protection and security. 2006. No. 1. P. 6–11.

36. *Salnikov V.P., Krivonosova D.V., Krizhanovskaya G.N.* Migration policy and state sovereignty // Migration law. 2023. No. 1. P. 21–23.

37. *Sapun V.A.* Activities on the use of legal means in the implementation of Soviet law // Problems of the implementation of law. Interuniversity collection of scientific papers. Sverdlovsk: ANO "Research Institute of History, Economics and Law", 1990. P. 10–18.

38. *Sapun V.A.* Theory of legal means and mechanism of law implementation: Diss. ... Doctor of Law. Nizhny Novgorod, 2002. 480 p.

39. *Sapun V.A., Turbova Ya.V.* Instrumental theory of law and legal means as elements of legal technique // Leningrad Law Journal. 2010. No. 3 (21). P. 177–188.

40. *Starilov Yu.N.* Administrative law as a means of destroying the "syndrome of lawlessness" in a modern legal state // Journal of Russian Law. 2005. No. 4. P. 29–45.

41. *Stepin A.B.* Analogy of law as a normative means of protecting private law // Modern law. 2014. No. 3. P. 16–19.

42. *Subochev V.V.* Legitimate interests and principles of law: aspects of the relationship // Philosophy of Law. 2007. No. 2. P. 27–31.

43. *Subochev V.V.* Interest and law: analysis of the relationship // Actual problems of jurisprudence. 2003. No. 3 (6). P. 59–63.

44. *Subochev V.V.* Law and its role in ensuring the dialectical unity of personal, public and state interests // Law and Politics. 2003. No. 12. P. 4–11.

45. *Fetyukov F.V.* Law as a means of ensuring the effective functioning of the state and civil society // Politics and Society. 2017. No. 4. P. 104–120.

46. *Filippova S.Yu.* Instrumental approach in the science of private law. M.: Statute, 2013. 347 p.

47. Philosophical and legal knowledge: current problems. Monograph / E.V. Vinogradova, A.O. Vorobyov, M.Yu. Gutman [et al.]; under the general editorship of Doctor of Law, Professor V.P. Salnikov. 2nd ed., corrected and enlarged. M.: INFRA-M, 2025. 418 p.

48. *Khabibulin A.G., Anishchenko V.N.* Political and legal mechanism for ensuring migration security of the Russian Federation in the context of the transformation of the unipolar world order // Migration law. 2022. No. 3. P. 17–21.

49. *Tsvetkov I.V.* On the concepts of "legal work" and "legal means" // Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. 2022. No. 3. P. 42–60.

For citation: *Markus S.A.* Concept and nature of legal means as a key category of the instrumental theory of law // Theory of state and law. 2025. No. 2–1. P. 168–174.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_160

Научная статья

УДК: 347.2
ББК: 67.1
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_175

Ф.А. Микуленко*

РОЛЬ ПОНЯТИЯ СОБСТВЕННОСТИ В ГЕГЕЛЕВСКОМ ОПРЕДЕЛЕНИИ СУБЪЕКТА ПРАВА

Аннотация. *Вопрос о субъекте права является одним из центральных в классической правовой теории. Гегель рассматривал его в соответствии с принципами своего научного метода в сложной диалектике всеобщего и особенного, непосредственного и опосредствованного, в диалектике начала и результат процесса развития. Соответственно, понятие личности положено в основу начала развития содержания философии права, но оно опосредуется результатом этого процесса – всемирной историей. Личность (Person) как субъект права может состояться лишь как участник исторического процесса развития государства как воплощения высшей нравственной идеи. Сама по себе личность может пониматься лишь как абстракция этого процесса. Исходя из этой логики, Гегель трактовал взаимосвязь субъектов «абстрактного права» как природно-непосредственный процесс. Формой непосредственности выступает здесь единичная природная вещь. Опосредованное ею взаимное признание субъектами права друг друга полагается как отношение собственности. Собственность является необходимым моментом реализации субъекта права, но не ее высшим результатом. Институт собственности при этом обнаруживает границы своего аксиологического потенциала.*

Ключевые слова: *Гегель, право, личность, субъект, нравственность, собственность, ценность, философия права.*

Вопрос о субъекте является одним из центральных в классической философии права, в том числе и в работах Г.В.Ф. Гегеля. Немецкий ученый рассматривает его в своем учении об «абстрактном праве», которое является исходной ступенью всей философско-правовой конструкции. Здесь субъект права определяется посредством понятия личности (Person), рассматриваемой как «специфическая социальная характеристика человека» [11, с. 48].

Однако давая интерпретацию гегелевскому понятию личности, нужно иметь в виду особенности метода философа, который рассматривал социально-духовные процессы прежде всего как целостность, где результат заключает в себе всю полноту определяющего его процесса, а последний представляет собой конкретизацию результата [6, с. 182–184; 10, с. 4–9]. Начало же, исходный пункт, скорее, должен рассматриваться как всего лишь абстракция результата.

Процесс развития философско-правового содержания демонстрирует это со всей определенностью. Результатом здесь выступает понятие «объективного духа», который трактовался Гегелем как единство всеобщих ценностных смыслов и их субъективной рефлексии, как действительную форму явления абсолютного в жизни общества. Таким объективный дух осознает себя в формах души, сознания и разума, составляющих этапы становления «субъективного духа». Достижение уровня разума означает, по Гегелю, во-первых, постижение субъектом адекватного себе содержания в формах объективного мира, и, во-вторых, осознание возможности воплощения своей воли в этом исключительно близком ему по содержанию мире. Для Гегеля это означает достижение ступени внутренней и внешней свободы, которое закрепляется в бытии «свободного духа».

* **Микуленко Федор Алексеевич,** аспирант Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. E-mail: famikulenko@sberbank.ru

Формами реализации этого духовного содержания для философа является мир объективной всеобщей ценности норм морали, права, государственности. При этом определение субъективности не теряется, оно сохраняется на уровне объективного духа в «снятой форме». То есть в форме, преображенной соответственно новому уровню развития духа, но при этом удерживающей свое основное содержание, ценностное и значимое для этого уровня. В данном случае речь идет о понятии субъектности.

Таким образом, субъективность свободного духа сохраняется в субъектности семьи как воплощенного морального бытия; сохраняется и воплощается в субъектности института суда, выражающего собой правовое содержание жизни гражданского общества; сохраняется в субъектности государства, закрепляющейся в его суверенитете. Каждая из этих форм субъектности воплощает основное содержание ступеней развития объективного духа: семьи, гражданского общества и государства. Последнее является результатом развития объективного духа.

Но этот результат тоже внутренне противоречив. Мы видим, что с одной стороны, Гегель не признает более высокой правовой ценности, чем суверенитет государства. Он последовательно отстаивает идею вестфальского типа государства – суверенного образования, над которым нет и не может быть никакого «претора» [3, с. 366]. С другой стороны, над государством имеется и более высокая инстанция, поскольку над ним вершится «суд истории», который Гегель сам по себе трактует как особого рода субъект [1, с. 247–248]. Но то, что выступает как заключительное понятие как раз и составляет, по Гегелю, выражение всего процесса опосредствования начала и результата. В данном случае речь идет о понятийном выражения идеи права, по Гегелю, опосредующим понятие личности и понятие государства. В таком случае начало этого процесса – личность – оказывается лишь абстракцией процесса всемирной истории. Разумеется, при этом мы должны учитывать при этом всю полноту понятия всемирной истории, истории как «Geschichte», ее политические, философские, а в конечном итоге – и религиозно-теологические смыслы [5, с. 30–33].

Поэтому философ и называет первую ступень своего учения именно абстрактным правом. Это означает, что личность выступает в качестве субъекта права лишь постольку, поскольку в объективном мире осуществляется всемирно-исторический процесс, который в своем развитии демонстрирует человеку череду государств, каждое из которых, согласно Гегелю, является выражением «высшей нравственной идеи». Но при этом представляет оно эту идею с отдельной, особенной стороны, являет ее особенные моменты.

Например, древнекитайское государства Гегель определяет как выражение нравственной идеи в качестве всеобщей силы; персидское государство – выражение идеи абсолютного добра; выступающего в противоборстве со злом; древнеримское государство – выражение идеи всемирной истории как таковой и т.д. Из этих особенных моментов идеи и складывается объективное знание духовной природы государства, прежде всего – знание лежащих в его основе нравственно-правовых ценностей. Это знание, в конечном итоге, является достоянием человечества, его всеобщим мышлением. Вступая во взаимодействие с государством, выступая как его реальный элемент, как гражданин, человек впитывает в себя и тот круг духовно-нравственных ценностей, которые государство собою воплощает в области действительности.

Таким образом, получается, что человек может существовать и рассматриваться нами в качестве субъекта права лишь постольку, поскольку он реально социализирован, включен в процессы, составляющие содержание государственности, в той мере, в какой он впитал в себя духовно-нравственные, а значит и нравственно-правовые, ценности, генерируемые всемирно-историческим процессом. Только в это случае он станет, по Гегелю, действительным субъектом духовных отношений, т.е. реализует и себя в качестве «свободного духа», субъектность которого состоит в полагании им своей свободы. Поскольку, Гегель и исходил из того, что сущность духа составляет свобода [2, с. 25].

Отметим, что свобода составляет источник познания и морального практического действия также и согласно учению И. Канта, на труды которого в первую очередь опирался

Гегель. Когда свобода реализует себя в соответствии с высшим идеалом абсолютного блага, в основе которого лежит высшая нравственная идея – идея Бога, то, согласно, Канту можно говорить и о выстраивании объективного пространства отношений права в гражданском обществе и в государстве [9, с. 167–170]. Такое умопостроение автора «Критики практического разума» составляет исходный пункт также и рассуждений Гегеля.

Если в своем отношении к другому человеку мы требуем от него достижения этой полноты нравственно-правовой социализированности, то мы имеем отношения в сфере нравственности. Эта сфера выдвигает перед человеком определенные императивные требования относительно его духовного содержания. Если же мы относимся к другому человеку только как к субъекту свободы и абстрагируем это его определение от полноты всех возможных нравственных определений, то мы видим в другом человеке всего лишь возможность этой полноты, т.е. потенциальное бытие нравственного существования.

Фиксируясь на этой абстракции, мы относимся к другому только и исключительно как к субъекту свободы, равному в этом отношении нам самим. Это и есть, по Гегелю, отношение абстрактного права. Оно возможно, поскольку мы предполагаем возможность реального осуществления в человеке полноты его нравственно-правовой социализированности. Без возможности этого высшего результата не было бы и возможности начала, которое, чтобы быть абстракцией результата, должно все же иметь то, от чего оно может абстрагироваться. Но этот результат, ведь, может быть реально осуществлен, а может только предполагаться в возможности. Поэтому правовое отношение не несет в себе императивного требования к человеку воплотить в себе все нравственные добродетели и все нравственное содержание, требуя лишь ограничить себя от прямых нарушений норм поведения, фиксируемых нравственностью.

Право, поэтому, имеет чисто отрицательную природу, что прекрасно показал уже Христиан Томазий [7, с. 54–56]. Право лишь требует от человека не совершать тех поступков, которые не соответствовали бы содержанию, предполагаемому в субъекте нравственности, т.е.требует не разрушать саму возможность того, абстракцией чего должно быть право и без чего, соответственно, права бы не было. Таким образом, субъект права требует от другого только лишь быть субъектом права, но он не требует от него быть субъектом нравственности, а лишь предполагает такую возможность. Видеть в другом только лишь равного себе субъекта, потенциального субъекта свободы, достаточно для правовых отношений. При этом всё опосредующее эти отношения содержание морали и нравственности, которое развивается в формах семьи, гражданского общества, государства и в конечном итоге – в форме всемирной истории, остается «за спиной» отношений субъектов права, остается скрытыми для них, а отношение субъектов права друг к другу, таким образом, остается чисто непосредственным, пока внешне не выражающим собою своего самоопосредствования.

Отношения непосредственности, по Гегелю, – это по своей форме природные отношения. Поэтому абстрактные непосредственные отношения друг к другу двух людей, двух субъектов права, фиксируемых как лица (Person), также должно быть опосредованы чем-то природным, некой природной единичной вещью. Гегель говорит об этом так: «Дух в непосредственности своей для себя самой сущей свободы есть дух единичный…, он есть лицо, знание этой свободы о себе самой, которое как в самом себе абстрактное и пустое имеет свою особенность и свое осуществление еще не в себе самом, но во внешней вещи» [2, с. 329]. Признание лицами друг друга в качестве равных субъектом свободных отношений, поэтому, может осуществляться только опосредовано через вещь, т.е. через признание ими свободы воли другого, как воплощенной в природном единичном предмете – в вещи.

Воплощенная в вещи воля трактуется Гегелем как собственность [2, с. 329]. Собственность, таким образом, это необходимый момент бытия человека в качестве личности, т.е. в качестве субъекта права:«В собственности моя воля лична, но лицо есть некое это; следовательно, собственность становится личным этой воли. Так как я даю моей воле наличное бытие через собственность, то собственность также должна быть определена как эта, моя. В этом состоит важное учение о необходимости частной собственности» [3, с. 105].

В данном случае Гегель очень близок к философии права своего непосредственного предшественника И.Г. Фихте, изложенной им в работе «Основа естественного права согласно принципам наукоучения». Для Фихте точно также право начинается с установления отношений собственности как своего рода продукта изначального «гражданского договора». По Фихте, из договора о собственности следует весь комплекс договорных отношений, в своей совокупности и составляющих то, что обычно понимают под правом: «Договор о собственности вообще служит основанием правоотношения каждого отдельного человека со всеми отдельными людьми в государстве, а следовательно, составляет основу того, что называют гражданским законодательством, гражданским правом и т.д.» [14, с. 183]. Соответственно, Фихте вполне логично утверждает, что «ближайший предмет заботы государства – это разрешение споров о собственности между гражданами» [14, с. 163].

Как мы видели, по логике Гегеля, развитие должно осуществляться через внешнее обнаружение содержания процессов опосредствования. Гегель писал: «Нет ничего ни на небе, ни в природе, ни в духе, ни где бы то ни было, что не содержало бы в такой же мере непосредственность, в какой и опосредствование, так что эти два определения оказываются нераздельными и неразделимыми, а указанная противоположность между ними – чем-то ничтожным» [3, с. 56]. В данном случае речь идет о проявлении и обнаружении в комплексе социальных отношений человека нравственного содержания, которое в конечном итоге должно быть выражено всей полнотой содержания всемирно-исторического процесса.

В контексте гегелевской философии права это означает, что на место опосредствования взаимодействия субъектов права природной формой, т.е. вещью, должно прийти их опосредствование нравственной формой, т.е. моралью. Субъект права становится, таким образом, субъектом морали. Вместе с этим меняется и форма, в которой отношения между субъектами присутствуют в реальном мире, в которой они, говоря современным языком, социализируются. А именно: на смену броуновскому движению личностных единиц абстрактного права приходит устойчивость – семья. В семье отношения признания субъектов дается не postfaktum, не через договор и обмен вещью, а дается изначально. По Гегелю, там, где форма юридического договора входит в пространство семейных отношений, там можно говорить о кризисе последних [2, с. 342].

Признание другого человека равной и свободной личностью (Person) в сфере абстрактного права выступало как не имеющая предела череда отдельных актов, опосредованных взаимным отношением к вещи как к собственности. Напротив, это же признание в сфере семьи полагается как изначально заданная предпосылка семейных отношений. Но тем самым она формирует уже не отношение права, а отношение морали. В сфере абстрактного права один субъект в признании как бы «переходит» в другого тем, что полагает его равным себе. В сфере семьи субъекты не переходят, а уже изначально «перешли» друг друга и, как выражался Гегель, друг в друге «светятся видимостью». Семья – это, в гегелевской системе категорий, сущность и предел абстрактного права. Таким образом, получается, что моральные отношения отмечают собой предел ценности для человека отношений собственности: «Институт собственности при этом обнаруживает границы своего аксиологического потенциала, обнаруживает то, что собственность не является высшей ценностью» [8, с. 62].

Здесь обращение к наследию классической философии права позволяет разглядеть определенную закономерность развития права, согласно которой право по мере своей эволюции должно все более наполняться нравственным содержанием, все более соответствовать ему. С этих позиций можно оценить и современную эволюцию российского права, которую наши правоведы видят прежде всего в его постепенной аксиологизации [12, с. 227–237; 13, с. 153–188].

Библиографический список

1. *Богатырёв Д.К., Масленников Д.В.* Дух истории и суд истории в диалектике Гегеля // Диалектика в истории философии и культуры. Сборник научных статей. – СПб: Умозрение, 2023. – С. 247–257.

2. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 3. – М.: Мысль, 1977. – 456 с.

3. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М.: Мысль, 1990. – 524 с.

4. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. Ч.1. Объективная логика. Ч.2. Субъективная логика / Изд. подгот. Д.В. Масленников. – СПб: Наука, 1997. – 799 с.

5. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 376 с.

6. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* К вопросу о значении логической формы философии для понимания природы абсолютного в праве // Мир политики и социологии. – 2018. – № 2. – С. 178–187.

7. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева; И.А. Ананских, И.Н. Грибов, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина, И.Р. Исмагилов, О.А. Клименко, О.Ю. Лежнева, С.Ф. Мазурин, Б.В Маков, Д.В. Масленников, А.К. Мирзоев, П.А. Петров, Е.А. Поливко, К.Г. Прокофьев, О.В. Пылева, В.П. Сальников, М.В. Сальников, Ф.О. Чудин-Курган. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.

8. *Исмагилов И.Р., Микуленко Ф.А., Прокофьев К.Г.* Собственность как нравственно-правовая ценность (опыт классической философии права) // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 8 (195). – С. 60–62.

9. *Кузнецов П., Сальников В.П., Масленников Д.В., Прокофьев К.Г.* Иммануил Кант о нравственных основаниях государства и его отношении к Церкви как к «этической общности» (к 300-летию философа) // Теория государства и права. – 2024. – № 1 (35). – С. 166–187.

10. *Масленников Д.В.* Природа логического в философии абсолютного идеализма (Гегель и Фихте). – СПб: НОИР, 2011. – 151 с.

11. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Максимов А.А.* Гегель о двуединой, абстрактно-конкретной, природе личности как субъекта права: естественно-правовые и теологические основания генезиса // Правовое государство: теория и практика. – 2021. – № 3 (65). – С. 44–58.

12. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И.* Конституционная реформа как реализация ценностного консенсуса общества // Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства: Сборник материалов Всероссийской научно практической конференции (г. Уфа, 24 марта 2021 г.) / Отв. ред. Н.В. Ямалетдинова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – С. 227–238. – в. сб. 310 с.

13. Философско-правовое познание: актуальные проблемы: монография / Е.В. Виноградова, А.О. Воробьев, М.Ю. Гутман [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2025. – 418 с. – (Научная мысль). DOI 10.12737/2152004

14. *Фихте И.Г.* Основа естественного права согласно принципам наукоучения. – М.: «Канон+», 2014. – 392 с.

Для цитирования: *Микуленко Ф.А.* Роль понятия собственности в гегелевском определении субъекта права // Теория государства и права. – 2025. – № 2-1. – С. 175–179.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_175

THE ROLE OF THE CONCEPT OF OWNERSHIP IN HEGEL'S DEFINITION OF THE SUBJECT OF LAW

Fedor A. Mikulenko*

Annotation. *The question of the subject of law is one of the central ones in classical legal theory. Hegel considered it in accordance with the principles of his scientific method in the complex dialectic of the general and the particular, the immediate and the mediated, in the dialectic of the beginning and the result of the development process. Accordingly, the concept of personality is the basis for the beginning of the development of the content of the philosophy of law, but it is mediated by the result of this process – world history. Personality (Person) as a subject of law can take place only as a participant in the historical process of development of the state as the embodiment of the high-*

* **Mikulenko Fedor Alekseevich**, postgraduate student of the Russian University of Peoples' Friendship named after Patrice Lumumba. E-mail: famikulenko@sberbank.ru

est moral idea. Personality itself can be understood only as an abstraction of this process. Based on this logic, Hegel interpreted the relationship between the subjects of «abstract law» as a natural-immediate process. The form of immediacy here is a single natural thing. The mutual recognition of each other by the subjects of law mediated by it is considered a property relationship. Property is a necessary moment of the realization of the subject of law, but not its highest result. The institution of property reveals the limits of its axiological potential.

Keywords: *Hegel, law, personality, subject, morality, property, value, philosophy of law.*

The question of the subject is one of the central questions in classical philosophy of law, including in the works of G.V.F. Hegel. The German scholar examines it in his teaching on "abstract law", which is the initial stage of the entire philosophical and legal construction. Here the subject of law is defined by means of the concept of personality (Person), considered as "a specific social characteristic of a person" [11, p. 48].

However, when interpreting Hegel's concept of personality, one must keep in mind the peculiarities of the philosopher's method, who considered social and spiritual processes primarily as a whole, where the result contains the entirety of the process that determines it, and the latter represents the concretization of the result [6, pp. 182–184; 10, pp. 4–9]. The beginning, the starting point, should rather be considered as merely an abstraction of the result.

The process of development of philosophical and legal content demonstrates this with all certainty. The result here is the concept of the "objective spirit", which was interpreted by Hegel as the unity of universal value meanings and their subjective reflection, as the actual form of the phenomenon of the absolute in the life of society. In this way, the objective spirit realizes itself in the forms of the soul, consciousness and reason, which constitute the stages of the formation of the "subjective spirit". According to Hegel, reaching the level of reason means, firstly, the subject's comprehension of the content adequate to itself in the forms of the objective world, and, secondly, the awareness of the possibility of embodying its will in this world, which is exceptionally close to it in content. For Hegel, this means reaching the level of internal and external freedom, which is fixed in the existence of the "free spirit".

The forms of realization of this spiritual content for the philosopher are the world of objective universal value of moral norms, law, and statehood. At the same time, the definition of subjectivity is not lost, it is preserved at the level of the objective spirit in a "sublated form". That is, in a form transformed in accordance with the new level of development of the spirit, but at the same time retaining its basic content, valuable and significant for this level. In this case, we are talking about the concept of subjectivity.

Thus, the subjectivity of the free spirit is preserved in the subjectivity of the family as an embodied moral being; it is preserved and embodied in the subjectivity of the institution of the court, which expresses the legal content of the life of civil society; it is preserved in the subjectivity of the state, which is enshrined in its sovereignty. Each of these forms of subjectivity embodies the basic content of the stages of development of the objective spirit: family, civil society and the state. The latter is the result of the development of the objective spirit.

But this result is also internally contradictory. We see that, on the one hand, Hegel does not recognize a higher legal value than the sovereignty of the state. He consistently defends the idea of the Westphalian type of state – a sovereign entity over which there is not and cannot be any "praetor" [3, p. 366]. On the other hand, there is a higher authority over the state, since the "court of history" is carried out over it, which Hegel himself interprets as a special kind of subject [1, pp. 247–248]. But what appears as the final concept is precisely what constitutes, according to Hegel, the expression of the entire process of mediating the beginning and the result. In this case, we are talking about the conceptual expression of the idea of law, which, according to Hegel, mediates the concept of personality and the concept of the state. In this case, the beginning of this process – personality – turns out to be only an abstraction of the process of world history. Of course, in doing so we must take into account the full scope of the concept of world history, history as " Geschichte ", its political, philosophical, and ultimately religious and theological meanings [5, pp. 30–33].

That is why the philosopher calls the first stage of his teaching precisely abstract law. This means that the individual acts as a subject of law only insofar as a world-historical process is carried out in the objective world, which in its development demonstrates to man a series of states, each of which, according to Hegel, is an expression of the "highest moral idea". But at the same time it presents this idea from a separate, special side, revealing its special moments.

For example, Hegel defines the ancient Chinese state as an expression of the moral idea as a universal force; the Persian state is an expression of the idea of absolute good; acting in opposition to evil; the ancient Roman state is an expression of the idea of world history as such, etc. From these special moments of the idea, objective knowledge of the spiritual nature of the state is formed, first of all, knowledge of the moral and legal values underlying it. This knowledge, ultimately, is the property of humanity, its universal thinking. Entering into interaction with the state, acting as its real element, as a citizen, a person absorbs that circle of spiritual and moral values that the state embodies in the realm of reality.

Thus, it turns out that a person can exist and be considered by us as a subject of law only insofar as he is really socialized, included in the processes that constitute the content of statehood, to the extent that he has absorbed the spiritual and moral, and therefore moral and legal, values generated by the world-historical process. Only in this case will he become, according to Hegel, a real subject of spiritual relations, i.e. realize himself as a "free spirit", whose subjectivity consists in his positing of his freedom. Since Hegel proceeded from the fact that the essence of the spirit is freedom [2, p. 25].

It should be noted that freedom is the source of knowledge and moral practical action also according to the teaching of I. Kant, on whose works Hegel primarily relied . When freedom realizes itself in accordance with the highest ideal of absolute good, which is based on the highest moral idea – the idea of God, then, according to Kant, we can also talk about the construction of an objective space of legal relations in civil society and in the state [9, pp. 167–170]. Such a mental construction of the author of the "Critique of Practical Reason" also constitutes the starting point of Hegel's reasoning.

If in our attitude towards another person we demand from him the achievement of this fullness of moral and legal socialization, then we have relations in the sphere of morality. This sphere puts forward certain imperative demands before a person regarding his spiritual content. If we treat another person only as a subject of freedom and abstract this definition of him from the fullness of all possible moral definitions, then we see in another person only the possibility of this fullness, i.e. the potential being of moral existence.

Fixating on this abstraction, we relate to another only and exclusively as a subject of freedom, equal in this respect to ourselves. This is, according to Hegel, the relation of abstract law. It is possible, since we assume the possibility of the real implementation in man of the fullness of his moral and legal socialization. Without the possibility of this highest result, there would be no possibility of the beginning, which, in order to be an abstraction of the result, must still have something from which it can abstract. But this result, after all, can be actually realized, and can only be assumed in possibility. Therefore, the legal relationship does not carry within itself an imperative requirement for a person to embody in himself all moral virtues and all moral content, requiring only to limit himself from direct violations of the norms of behavior fixed by morality.

Law , therefore, has a purely negative nature, which has already been shown beautifully by Christian Thomasius [7, pp. 54–56]. Law only requires that a person not commit those acts that would not correspond to the content implied in the subject of morality, i.e. it requires not to destroy the very possibility of what law should be an abstraction of and without which, accordingly, there would be no law. Thus, the subject of law requires that another only be a subject of law, but he does not require him to be a subject of morality, but only assumes such a possibility. To see in another only an equal subject, a potential subject of freedom, is sufficient for legal relations. At the same time, all the content of morality and ethics that mediates these relations, which develops in the forms of family, civil society, state and ultimately in the form of world history, remains "behind" the relations of the subjects of law, remains hidden from them, and the relationship of the subjects of law to each other, thus, remains purely immediate, not yet outwardly expressing its self-mediation.

According to Hegel, relations of immediacy are natural relations in their form. Therefore, abstract direct relations between two people, two subjects of law, fixed as persons (Person), must also be mediated by something natural, some natural individual thing. Hegel says about it this way: "The spirit in the immediacy of its own freedom is an individual spirit…, it is a person, the knowledge of this freedom about itself, which, as abstract and empty in itself, has its own peculiarity and its realization not yet in itself, but in an external thing" [2, p. 329]. Recognition by persons of each other as equal subjects of free relations, therefore, can only be realized indirectly through a thing, i.e. through their recognition of the freedom of will of another, as embodied in a natural individual object – in a thing.

Embodied in a thing is treated by Hegel as property [2, p. 329]. Property, therefore, is a necessary moment of a person's existence as a person, i.e. as a subject of law: "In property, my will is personal, but a person is a certain this; therefore, property becomes personal to this will. Since I give my will a present being through property, then property must also be defined as this, mine. This is the important teaching on the necessity of private property" [3, p. 105].

In this case, Hegel is very close to the philosophy of law of his immediate predecessor J. G. Fichte, as set out in his work " The Basis of Natural Law According to the Principles of the Doctrine of Science." For Fichte, law also begins with the establishment of property relations as a kind of product of the original "civil contract." According to Fichte, the entire complex of contractual relations follows from the property contract, which in their totality constitute what is usually understood as law: "The property contract generally serves as the basis for the legal relationship of each individual with all individuals in the state, and consequently constitutes the basis of what is called civil legislation, civil law, etc." [14, p. 183]. Accordingly, Fichte quite logically asserts that "the state's immediate concern is the resolution of property disputes between citizens" [14, p. 163].

As we have seen, according to Hegel's logic, development must be carried out through the external revelation of the content of the processes of mediation. Hegel wrote: "There is nothing in heaven, in nature, in the spirit, or anywhere else, that would not contain immediacy to the same extent as mediation, so that these two definitions turn out to be inseparable and inseparable, and the indicated opposition between them is something insignificant" [3, p. 56]. In this case, we are talking about the manifestation and revelation of moral content in the complex of human social relations , which ultimately must be expressed in the full content of the world-historical process.

In the context of Hegel's philosophy of law, this means that the mediation of interaction between subjects of law by a natural form, i.e. a thing, must be replaced by their mediation by a moral form, i.e. morality. The subject of law thus becomes a subject of morality. At the same time, the form in which relations between subjects are present in the real world, in which they, in modern language, are socialized, also changes. Namely, the Brownian motion of personal units of abstract law is replaced by stability – the family. In the family, the relationship of recognition of subjects is not given post factum , not through an agreement and exchange of a thing, but is given initially. According to Hegel, where the form of a legal contract enters the space of family relations, one can speak of a crisis of the latter [2, p . 342].

The recognition of another person as an equal and free individual (Person) in the sphere of abstract law acted as an unlimited series of individual acts mediated by a mutual attitude towards a thing as property. On the contrary, this same recognition in the sphere of the family is considered to be an initially given premise of family relations. But in doing so it no longer forms a legal relationship, but a moral relationship. In the sphere of abstract law, one subject, in recognition, as it were, "passes over" to another by considering him equal to himself. In the sphere of the family, subjects do not pass over, but have already "passed over" each other and, as Hegel put it, "shine with appearance" in each other. In the Hegelian system of categories, the family is the essence and limit of abstract law. Thus, it turns out that moral relations mark the limit of the value of property relations for a person: " The institution of property thereby reveals the limits of its axiological potential, reveals that property is not the highest value" [8, p. 62].

Here, turning to the legacy of classical legal philosophy allows us to discern a certain pattern in the development of law, according to which law, as it evolves, must increasingly be filled with

moral content and increasingly correspond to it. From this position, we can also evaluate the modern evolution of Russian law, which our legal scholars see primarily in its gradual axiologization [12, pp. 227–237; 13, pp. 153–188].

Bibliographic list

1. *Bogatyrev D.K., Maslennikov D.V.* The Spirit of History and the Judgment of History in Hegel's Dialectics // Dialectics in the History of Philosophy and Culture. Collection of scientific articles. St. Petersburg: Umozrenie, 2023. P. 247–257.

2. *Hegel G.V.F.* Encyclopedia of philosophical sciences. T. 3. M.: Mysl, 1977. 456 p.

3. *Hegel G.V.F.* Philosophy of Law. Moscow: Mysl, 1990. 524 p.

4. *Hegel G.V.F.* Science of Logic. Part 1. Objective Logic. Part 2. Subjective Logic / Ed. prepared by D.V. Maslennikov. St. Petersburg: Nauka, 1997. 799 p.

5. *Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P.* Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the Speculative-Logical Foundations of the Metaphysics of Law. – 2nd ed., corrected and enlarged. M.: Norma: INFRA-M, 2024. 376 p.

6. *Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P.* On the importance of the logical form of philosophy for understanding the nature of the absolute in law // The World of Politics and Sociology. 2018. No. 2. P. 178–187.

7. The Idea of Freedom. Law. Morality (Classical and Postclassical Philosophy of Law): Monograph / Edited by Dr. of Law S.I. Zakhartsev; I.A. Ananskikh, I.N. Gribov, S.I. Zakhartsev, N.V. Zorina, I.R. Ismagilov, O.A. Lezhneva, S.F. Mazurin, B.V. Makov, D.V. Maslennikov, A.K. Mirzoev, P.A. Petrov, E.A. Polivko, K.G. Prokofiev, O.V. Pyleva, V.P. Salnikov, M.V. Salnikov, F.O. Chudin-Kurgan. M.: Yurlitinform, 2020. 288 p.

8. *Ismagilov I.R., Mikulenko F.A., Prokofiev K.G.* Property as a moral and legal value (experience of classical philosophy of law) // Eurasian Law Journal. 2024. No. 8 (195). P. 60–62.

9. *Kuznetsov P., Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Prokofiev K.G.* Immanuel Kant on the moral foundations of the state and its relationship to the Church as an "ethical community" (on the 300th anniversary of the philosopher) // Theory of State and Law. 2024. No. 1 (35). P. 166–187.

10. *Maslennikov D.V.* The nature of the logical in the philosophy of absolute idealism (Hegel and Fichte). SPb: NOIR, 2011. 151 p.

11. *Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Maksimov A.A.* Hegel on the dual, abstract-concrete, nature of personality as a subject of law: natural-legal and theological foundations of genesis // Legal state: theory and practice. 2021. No. 3 (65). P. 44–58.

12. *Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Morozov A.I.* Constitutional reform as the implementation of the value consensus of society // Amendments to the Constitution of the Russian Federation and prospects for the development of regional legislation: Collection of materials of the All-Russian scientific practical conference (Ufa, March 24 2021 r) / Ed. N.V. Yamaletdinova. Ufa: RIC BashSU, 2021. pp. 227–238. in. collection. 310 p.

13. Philosophical and legal knowledge: current problems: monograph / E.V. Vinogradova, A.O. Vorobyov, M.Yu. Gutman [et al.]; under the general editorship of Doctor of Law, Professor V.P. Salnikov. 2nd ed., corrected. and additional M.: INFRA-M, 2025. 418 p. (Scientific Thought). D OI 10.12737/2152004

14. *Fichte I.G.* The basis of natural law according to the principles of scientific doctrine. M.: "Canon+", 2014. 392 p.

For citation: *Mikulenko F.A.* The Role of the Concept of Ownership in Hegel's Definition of the Subject of Law // Theory of state and law. 2025. No. 2–1. P. 179–183.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_175

Научная статья

УДК: 34
ББК: 67
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_184

К.Р. Мурсалимов*

ПРАВООБРАЗУЮЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. *Рассматриваются основные характеристики правообразующей деятельности государства, теоретические и практические проблемы правообразования. Особое внимание уделяется проблеме упрощения правообразующей деятельности государства, связанной с ориентацией нормотворца на сиюминутные практические потребности и в меньшей степени учет научной составляющей правообразующего процесса.*

Ключевые слова: *правообразующая деятельность государства, правообразование, правотворчество, законотворчество, законодательная инициатива.*

Важнейшим элементом правообразующей деятельности государства является создание законодательных актов. Отправным началом законотворческой деятельности является установление обоснованных правовых положений, чей уровень абстракции значительно выше, чем у норм права, закрепленных в подзаконных актах. Это достигается путем применения научно обоснованной методологии, прежде всего, диалектического метода и метода восхождения от конкретного к абстрактному.

На основе указанных методов формируются, в частности, законодательные положения наивысшего порядка обобщения, отражающие существенные черты нормативного регулирования определенного типа общественных отношений.

Однако в настоящее время значительный массив законодательных актов, принимаемых в «сжатые» сроки приводит к упрощению или точнее деформации правообразующей деятельности. Органы государственной власти, обладающие правом законодательной инициативы, в ходе разработки проекта федерального закона ориентируются в большей степени на сиюминутные практические потребности и в меньшей степени учитывают научную составляющую правообразующего процесса [7, с. 385].

Теория правообразующей деятельности включает в себя множество различных концепций и подходов, которые формировались на протяжении веков. Важно отметить, что эти учения развивались в разных странах и культурах, их влияние распространялось на различные юридические системы. Ниже представлен краткий обзор ключевых этапов в истории развития политических и правовых учений о правообразующей деятельности:

Древний мир: В античности политические и правовые учения о правообразующей деятельности формировались в древнегреческой и древнеримской философии. Платон, Аристотель, Цицерон и другие мыслители выражали свои взгляды на законодательство, законность и роль государства в формировании правовых норм.

Средние века: В период средневековья влияние христианской теологии привело к формированию концепций о божественном происхождении законов и права. Также важную роль играли философы и юристы, такие как Томас Аквинский и Юстиниан I.

Эпоха Просвещения: В период Просвещения в Европе возникли новые идеи о природе права, законности и роли государства. Философы-просветители, такие как Монтескье, Руссо,

* **Мурсалимов Камиль Рамилевич,** доцент кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: mursalimov-kp@yandex.ru

Вольтер, выражали свои взгляды на социальный контракт, разделение властей, законодательство и права человека.

XIX – XX века: В XIX и XX веках формировались различные политические и правовые учения, связанные с развитием конституционализма, демократии, социализма, либерализма и других идей. Различные школы политической мысли (например, либерализм, консерватизм, социализм) выражали свои взгляды на роль государства в создании законов и нормативных актов.

В современном мире политические и правовые учения о правообразующей деятельности продолжают развиваться под влиянием новых вызовов и изменений в обществе. Они отражаются в конституциях, законах, международных договорах и других нормативных актах, определяющих процессы принятия законов и формирования правовых норм [1, с. 13].

Правообразующая деятельность включает в себя несколько основных стадий, которые обычно предполагают следующие этапы:

1. Выявление необходимости правового регулирования. Этот этап включает в себя выявление потребности в новых нормативных актах или изменениях в существующих законах. Это может происходить как со стороны государственных органов, так и общественных организаций, экспертов, ученых или других заинтересованных сторон.

2. Подготовка проекта нормативного акта. На этой стадии разрабатывается текст нормативного акта, который включает в себя формулировку правил, положений, требований и т.д. Это может быть выполнено правовыми экспертами, специалистами по соответствующей области или государственными органами.

3. Обсуждение и принятие. Проект нормативного акта обсуждается на различных уровнях – в правительстве, парламенте, публичных слушаниях, экспертных группах и т.д. После обсуждения и внесения необходимых изменений проект может быть принят соответствующими органами.

4. Официальное опубликование и вступление в силу. После принятия нормативный акт должен быть официально опубликован и вступить в силу в установленном порядке.

При этом в процессе правообразования формируются правовые признаки закона (акта), отличающие его неправового закона (акта):

1. «Соответствие закона объективным свойствам права, таким общеобязательная нормативность, системность, формальная определенность, реальная применимость, правообразующий характер;

2. Закрепление в законе основных принципов права, прежде всего, гуманизма, справедливости, юридического равенства;

3. Основа правового закона – права и свободы человека и гражданина, недопустимость законодательного ухудшения человека в обществе и государстве;

4. Соответствие закона общепризнанным принципам и нормам международного права, международным договорам;

5. Легитимность власти, придающая закону обязательную силу» [11, с. 384].

Данные стадии представляют общую схему процесса правообразующей деятельности, но могут различаться в зависимости от конкретной юридической системы и процедур, установленных для принятия законов и других нормативных актов.

Дискуссионным в теории права выступает вопрос о соотношении понятий «правообразование», «законотворчество» и «правотворчество». В связи с этим возникает потребность в научном разграничении данных понятий.

Правообразующая деятельность, законодательная и правотворческая деятельность государства – это три различных понятия, хотя они связаны между собой.

Правообразующая деятельность государства охватывает все процессы, связанные с созданием и развитием права, включая формирование потребности в правовом урегулировании, разработку и принятие нормативных актов. Это понятие шире, чем законодательная и правотворческая деятельность государства, так как включает в себя все аспекты формирования права.

Законодательная деятельность – это процесс принятия законов органами законодательной власти, такими как парламент или конгресс. Законы являются основными нормативными актами, регулирующими жизнь общества, и их принятие осуществляется в соответствии с конституцией и процедурами, установленными для законодательных органов.

Правотворческая деятельность – это процесс разработки и утверждения нормативных актов различных уровней (кроме законов), таких как указы президента, постановления правительства, нормативные акты министерств и иных ведомств. Правотворчество осуществляется исполнительными органами власти и направлено на конкретные аспекты регулирования общественных отношений [12, с. 679].

Таким образом, отличие правообразующей деятельности от законодательной и правотворческой состоит в том, что правообразующая деятельность включает в себя все процессы формирования правовой системы, в то время как законодательная деятельность связана с принятием законов, а правотворчество – с разработкой и утверждением нормативных актов на различных уровнях.

Правообразование осуществляется посредством различных форм.

Нормы правообразования включают в себя различные способы создания, изменения и применения правовых норм. Ниже приведены основные формы правообразования:

1. Законодательная деятельность: законодательная власть создает новые законы или вносит изменения в существующие. Это может происходить через парламентские процедуры, референдумы или другие специальные механизмы.

2. Исполнительное правообразование: исполнительная власть разрабатывает и применяет нормативные акты (постановления, распоряжения, указы), которые регулируют конкретные аспекты жизни общества.

3. Судебное правообразование: судебная власть формирует правовую практику через вынесение судебных решений, которые могут служить прецедентом для будущих случаев.

4. Административное правообразование: государственные органы и администрация разрабатывают и применяют административные нормативные акты, регулирующие деятельность государственных учреждений и органов власти.

5. Международное правообразование: формирование правовых норм на международном уровне через заключение международных договоров, конвенций, соглашений между государствами и международными организациями.

6. Саморегулирование: создание и применение правил и норм саморегулирующихся организаций и профессиональных сообществ для регулирования своей деятельности.

Эти формы правообразования взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом для обеспечения функционирования правовой системы в целом.

Возможно выделить некоторое тенденции и перспективы развития правообразующей деятельности в Российской Федерации.

В Российской Федерации можно выделить несколько основных тенденций развития правообразующей деятельности:

1. Цифровизация и автоматизация. В последние годы в России активно внедряются цифровые технологии в правообразующую деятельность. Это включает в себя создание электронных систем подачи документов, электронного документооборота, электронной подписи и других инструментов, упрощающих процессы принятия и исполнения законов.

2. Укрепление конституционных основ. В 2020 году в России была принята пакетная поправка к Конституции, которая внесла изменения в ряд основополагающих положений [2; 3; 4; 5; 6; 9; 10; 14]. Это свидетельствует о стремлении укрепить конституционные основы и принципы государственного устройства.

3. Развитие правовой культуры. В рамках государственной политики в России уделяется внимание развитию правовой культуры населения, повышению юридической грамотности и обеспечению доступности правовой помощи.

4. Стремление к упрощению законодательства. В последние годы в России проводятся работы по упрощению законодательства, отмене устаревших норм и оптимизации нормативной базы.

5. Участие общественных институтов. В рамках развития правообразующей деятельности в России активно развивается практика общественного участия в процессе формирования законов через обсуждение проектов законов, публичные слушания и другие механизмы.

Эти тенденции отражают стремление к совершенствованию правовой системы Российской Федерации и адаптации её к современным вызовам и требованиям.

Таким образом, традиционно правообразование связывалось с государственной деятельностью исключительно в рамках правотворческого процесса. Такое рассмотрение правообразования было обусловлено как юридической практикой, так и теорией права. Со времен Советской России и до настоящего времени закон (нормативный правовой акт) является главенствующей формой права. А.И. Денисов еще в прошлом столетии очень точно отметил существующую по сей день тенденцию формирования права. «Издаваемый законодательными органами закон, опирающийся на конституционную основу, становится главным нормативным актом, основным звеном правотворческой деятельности государства» [13, с. 299].

Вместе с тем сложились объективные предпосылки к расширению сферы правообразования и выделению правообразующей деятельности государства.

В настоящее время правообразующая деятельность государства охватывает правотворчество (правоустановление), правотолкование, правоприменение. Именно в системе указанные сферы деятельности государства полноценно отражают процесс формирования права. При этом правотворчество является завершающей стадией правообразования, на которой происходит юридико-техническое оформление правового положения, направленное на установление нормы.

Библиографический список

1. *Баранов В.М.* Правотворческая конкретизация: негативный ракурс // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 2 (26). – С. 9–22.

2. *Булатов Р.Б.* Конституция Российской Федерации: поправки 2020 г. и их значение: Учебное пособие. – СПб.: ГУАП, 2023. – 232 с.

3. *Виноградова Е.В.* Грани современного российского конституционализма. – М.: РИТМ, 2021. – 240 с.

4. *Виноградова Е.В., Виноградова П.А.* Укрепление конституционных гарантий поправками 2020 года в Конституцию Российской Федерации. – М.: Эдитус, 2020. – 200 с.

5. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Поправки в российское законодательство и компрехендная теория права как основа суверенной философии права // Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства: Сборник материалов Всероссийской научно практической конференции (г. Уфа, 24 марта 2021 г.) / Отв. ред. Н.В. Ямалетдинова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – С. 172–187. – в. сб. 310 с.

6. *Лазарев В.В.* Идеология конституционного реформирования правовой системы Российской Федерации // Журнал российского права. – 2021. – № 4. – С. 5–17.

7. *Мурсалимов К.Р.* Современная правообразующая деятельность государства: от деформации к инновационному развитию // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 385–387.

8. *Павлушкин А.В., Павловский А.С.* Современное правотворчество: новые возможности для общества и государства // Журнал российского права. – 2015. – № 3. – С. 146–154.

9. *Ромашов Р.А.* Поправки к Конституции России как форма конституционно-правовой инновации // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 41–47.

10. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И.* Конституционная реформа как реализация ценностного консенсуса общества // Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства: Сборник материалов Всероссийской научно практической конференции (г. Уфа, 24 марта 2021 г.) / Отв. ред. Н.В. Ямалетдинова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – С. 227–238. – в. сб. 310 с.

11. *Сапун В.А.* Механизм правообразования и правотворчества: проблемы соотношения и демократизации // Юридическая техника. – 2014. – № 8. – С. 383–386

12. *Сапун В.А., Турбова Я.В.* Правотворчество и законотворчество: стратегия и тактика формирования права и закона // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – С. 679–682.

13. Теория государства и права: учебник / Под ред. профессора А.И. Денисова. – М.: Московский ун-т, 1967. – 415 с.

14. *Хабриева Т.Я., Клишас А.А.* Тематический комментарий к Закону Российской Федерации О поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». – М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 240 с.

Для цитирования: *Мурсалимов К.Р.* Правообразующая деятельность государства: проблемы и перспективы развития // Теория государства и права. – 2025. – № 2-1. – С. 184–188.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_184

LAW-FORMING ACTIVITY OF THE STATE: PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Kamil R. Mursalimov*

Annotation. *The article discusses the main characteristics of the vapor-forming activity of the state, theoretical and practical problems of legal education. Special attention is paid to the problem of simplifying the law-making activities of the state, related to the orientation of the rule-maker to immediate practical needs and, to a lesser extent, taking into account the scientific component of the law-making process.*

Keywords: *steam-forming activity of the state, legal education, law-making, law-making, legislative initiative.*

The most important element of the law-making activity of the state is the creation of legislative acts. The starting point of law-making activity is the establishment of well-founded legal provisions whose level of abstraction is significantly higher than that of the legal norms enshrined in by-laws. This is achieved by applying scientifically sound methodology, primarily the dialectical method and the method of ascending from the concrete to the abstract.

On the basis of the specified methods, in particular, legislative provisions of the highest order of generalization are formed, reflecting the essential features of the normative regulation of a certain type of social relations.

However, at present, a significant array of legislative acts adopted in a “short” time frame leads to a simplification or, more precisely, a deformation of law-making activity. State authorities with the right of legislative initiative, in the course of developing a draft federal law, are guided to a greater extent by immediate practical needs and take into account the scientific component of the law-making process to a lesser extent [7, p. 385].

The theory of law-making activity includes many different concepts and approaches that have evolved over the centuries. It is important to note that these teachings have developed in different countries and cultures, and their influence has extended to different legal systems. Below is a brief overview of the key stages in the history of the development of political and legal teachings on law-making activity:

Ancient world: In antiquity, political and legal doctrines on law-making activity were formed in ancient Greek and ancient Roman philosophy. Plato, Aristotle, Cicero and other thinkers expressed their views on legislation, legality and the role of the state in the formation of legal norms.

* **Mursalimov Kamil Ramilevich,** Associate Professor of the Department of Economic and Financial Investigations at the Higher School of Public Audit of Lomonosov Moscow State University, PhD in Law, Associate Professor. E-mail: mursalimov-kp@yandex.ru

Middle Ages: During the Middle Ages, the influence of Christian theology led to the formation of concepts about the divine origin of laws and rights. Philosophers and lawyers such as Thomas Aquinas and Justinian I also played an important role.

Age of Enlightenment: During the Enlightenment period in Europe, new ideas emerged about the nature of law, legitimacy, and the role of the state. Enlightenment philosophers such as Montesquieu, Rousseau, and Voltaire expressed their views on the social contract, separation of powers, legislation, and human rights.

XIX – XX centuries: In the XIX and XX centuries, various political and legal doctrines were formed, related to the development of constitutionalism, democracy, socialism, liberalism and other ideas. Various schools of political thought (for example, liberalism, conservatism, socialism) expressed their views on the role of the state in creating laws and regulations.

In the modern world, political and legal doctrines on law-making activities continue to develop under the influence of new challenges and changes in society. They are reflected in constitutions, laws, international treaties and other normative acts that determine the processes of adopting laws and forming legal norms [1, p. 13].

Law-making activity includes several main stages, which usually involve the following steps:

1. Identification of the need for legal regulation. This stage includes identification of the need for new regulations or changes in existing laws. This can happen both on the part of government agencies and public organizations, experts, scientists or other interested parties.

2. Preparation of the draft of the normative act. At this stage, the text of the normative act is developed, which includes the formulation of rules, provisions, requirements, etc. This can be done by legal experts, specialists in the relevant field, or government agencies.

3. Discussion and adoption. The draft normative act is discussed at various levels – in the government, parliament, public hearings, expert groups, etc. After discussion and introduction of necessary changes, the draft can be adopted by the relevant bodies.

4. Official publication and entry into force. After adoption, the normative act must be officially published and enter into force in the established manner.

In this process of law formation, legal characteristics of a law (act) are formed, distinguishing it from a non-legal law (act):

1. "The compliance of the law with the objective properties of law, such as generally binding normativity, systematicity, formal certainty, real applicability, law-forming nature;

2. Enshrining in law the basic principles of law, first of all, humanism, justice, and legal equality;

3. The basis of the rule of law is the rights and freedoms of man and citizen, the inadmissibility of legislative deterioration of man in society and the state;

4. Compliance of the law with generally recognized principles and norms of international law, international treaties;

5. The legitimacy of power, which gives the law binding force" [11, p. 384].

These stages represent a general outline of the process of law-making activity, but may differ depending on the specific legal system and the procedures established for the adoption of laws and other regulations.

The question of the relationship between the concepts of "law formation", "lawmaking" and "lawmaking" is controversial in the theory of law. In this regard, there is a need for a scientific distinction between these concepts.

Law-making activity, legislative and law-making activity of the state are three different concepts, although they are related to each other.

The law-making activity of the state covers all processes related to the creation and development of law, including the formation of the need for legal regulation, the development and adoption of regulatory acts. This concept is broader than the legislative and law-making activity of the state, since it includes all aspects of the formation of law.

Legislation is the process of making laws by legislative bodies such as parliament or congress. Laws are the basic normative acts that regulate the life of society, and their adoption is carried out in accordance with the constitution and the procedures established for legislative bodies.

Lawmaking is the process of developing and approving normative acts at various levels (except laws), such as presidential decrees, government regulations, normative acts of ministries and other departments. Lawmaking is carried out by executive authorities and is aimed at specific aspects of regulating public relations [12, p. 679].

Thus, the difference between law-forming activity and legislative and law-making activity is that law-forming activity includes all processes of formation of the legal system, while legislative activity is associated with the adoption of laws, and law-making is associated with the development and approval of normative acts at various levels.

Law formation is carried out through various forms.

The norms of legal formation include various methods of creating, changing and applying legal norms. The main forms of legal formation are listed below:

1. Legislative activity: the legislative power creates new laws or amends existing ones. This can happen through parliamentary procedures, referendums or other special mechanisms.
2. Executive law-making: the executive branch develops and applies normative acts (resolutions, orders, decrees) that regulate specific aspects of the life of society.
3. Judicial law-making: The judiciary shapes legal practice by issuing judicial decisions that can serve as precedent for future cases.
4. Administrative law-making: government bodies and the administration develop and apply administrative regulations governing the activities of government agencies and authorities.
5. International legal formation: the formation of legal norms at the international level through the conclusion of international treaties, conventions, agreements between states and international organizations.
6. Self-regulation: creation and application of rules and regulations of self-regulatory organizations and professional communities to regulate their activities.

These forms of law formation are interconnected and interact with each other to ensure the functioning of the legal system as a whole.

It is possible to highlight some trends and prospects for the development of law-making activities in the Russian Federation.

In the Russian Federation, several main trends in the development of law-making activities can be identified:

1. Digitalization and automation. In recent years, digital technologies have been actively introduced into law-making activities in Russia. This includes the creation of electronic systems for filing documents, electronic document management, electronic signatures and other tools that simplify the processes of adopting and implementing laws.
2. Strengthening the constitutional foundations. In 2020, Russia adopted a package of amendments to the Constitution, which amended a number of fundamental provisions [2; 3; 4; 5; 6; 9; 10; 14]. This demonstrates the desire to strengthen the constitutional foundations and principles of state structure.
3. Development of legal culture. Within the framework of state policy in Russia, attention is paid to the development of the legal culture of the population, increasing legal literacy and ensuring the availability of legal assistance.
4. Striving to simplify legislation. In recent years, work has been carried out in Russia to simplify legislation, abolish obsolete regulations and optimize the regulatory framework.
5. Participation of public institutions. As part of the development of law-making activities in Russia, the practice of public participation in the process of forming laws through discussion of draft laws, public hearings and other mechanisms is actively developing.

These trends reflect the desire to improve the legal system of the Russian Federation and adapt it to modern challenges and requirements.

Thus, traditionally, law formation was associated with state activity exclusively within the framework of the law-making process. Such an examination of law formation was conditioned by both legal practice and legal theory. From the times of Soviet Russia to the present day, the law (normative legal act) has been the dominant form of law. A.I. Denisov, back in the last century, very

accurately noted the tendency of law formation that exists to this day. “The law issued by legislative bodies, based on the constitutional basis, becomes the main normative act, the main link in the law-making activity of the state” [13, p. 299].

At the same time, objective preconditions have emerged for expanding the scope of law-making and highlighting the law-making activities of the state.

At present, the law-making activity of the state covers law-making (establishment of law), law interpretation, and law enforcement. It is in the system that the specified spheres of state activity fully reflect the process of law formation. At the same time, law-making is the final stage of law formation, at which the legal and technical design of the legal position takes place, aimed at establishing the norm.

Bibliographic list

1. *Baranov V.M.* Law-making specification: a negative perspective // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 2 (26). P. 9–22.

2. *Bulatov R.B.* Constitution of the Russian Federation: amendments of 2020 and their significance: Textbook. St. Petersburg: GUAP, 2023. 232 p.

3. *Vinogradova E.V.* Facets of modern Russian constitutionalism. M.: RITM, 2021. 240 p.

4. *Vinogradova E.V., Vinogradova P.A.* Strengthening constitutional guarantees by 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation. M.: Editus, 2020. 200 p.

5. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Amendments to Russian legislation and the comprehend theory of law as the basis of sovereign philosophy of law // Amendments to the Constitution of the Russian Federation and prospects for the development of regional legislation: Collection of materials of the All-Russian scientific practical conference (Ufa, March 24, 2021) / Ed. N.V. Yamaletdinova. Ufa: RIC BashSU, 2021. pp. 172–187. in. collection 310 p.

6. *Lazarev V.V.* Ideology of constitutional reform of the legal system of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2021. No. 4. P. 5–17.

7. *Mursalimov K.R.* Modern law-making activity of the state: from deformation to innovative development // Legal technology. 2021. No. 15. P. 385–387.

8. *Pavlushkin A.V., Pavlovsky A.S.* Modern lawmaking: new opportunities for society and the state // Journal of Russian Law. 2015. No. 3. P. 146–154.

9. *Romashov R.A.* Amendments to the Constitution of Russia as a form of constitutional and legal innovation // Legal technology. 2021. No. 15. P. 41–47.

10. *Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Morozov A.I.* Constitutional reform as the implementation of the value consensus of society // Amendments to the Constitution of the Russian Federation and prospects for the development of regional legislation: Collection of materials of the All-Russian scientific practical conference (Ufa, March 24, 2021) / Ed. N.V. Yamaletdinova. Ufa: RIC BashSU, 2021. pp. 227–238. In. the book 310 p.

11. *Sapun V.A.* The mechanism of law formation and lawmaking: problems of correlation and democratization // Legal technology. 2014. No. 8. P. 383–386

12. *Sapun V.A., Turbova Ya.V.* Lawmaking and Legislation: Strategy and Tactics of Formation of Law and Law // Legal Technology. 2015. No. 9. P. 679–682.

13. Theory of State and Law: textbook / Edited by Professor A.I. Denisov. M.: Moscow University, 1967. 415 p.

14. *Khabrieva T.Ya., Klishas A.A.* Thematic commentary to the Law of the Russian Federation On Amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ “On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authority”. M.: Norma: INFRA-M, 2020. 240 p.

For citation: *Mursalimov K.R.* Law-forming activity of the state: problems and development prospects // Theory of state and law. 2025. No. 2–1. P. 188–191.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_184

Научная статья

УДК: 340.1
ББК: 67.400
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_192

А.В. Мутигуллин*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЙСК И ОРГАНОВ НКВД СССР ПО БОРЬБЕ С ФАШИСТСКО-НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИМ ПОДПОЛЬЕМ В ЗАПАДНЫХ РЕГИОНАХ СССР В 1944–1955 ГГ.

Аннотация. *Рассмотрено понятие государственно-правового регулирования деятельности по борьбе с фашистско-националистическим подпольем. На основе исследования доктринальных источников в различных трудах ученых юристов, а также на основе анализа нормативно-правовых данных определяется понятие государственно-правового регулирования деятельности по борьбе с фашистско-националистическим подпольем. Анализируются ключевые понятия, отражающие правовые аспекты в государственно-правовом регулировании борьбы с фашистско-националистическим подпольем. Дается характеристика государственно-правового регулирования борьбы с фашистско-националистическим подпольем. Дана характеристика понятиям фашизм, национализм, подполье. Определяется объект правового регулирования борьбы с подпольем. Рассмотрены основные направления борьбы с подпольем. Данная категория рассматривается в рамках осуществления борьбы органов и войск НКВД СССР с фашистско-националистическим подпольем в Украине, Белоруссии и Прибалтике в 1944–1955 гг.*

Ключевые слова: *государственно-правовое регулирование, фашистско-националистическое подполье, правоохранительная деятельность, «национализм», «фашизм», «подполье», государственная суверенная идеология.*

В отечественной действительности конца XX – начала XXI вв., особенно в последние годы, стала весьма актуальной история событий, связанных с деятельностью националистических организаций и вооруженных формирований на Украине, в Белоруссии и Прибалтике в завершающий период Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие. Очевидно, что руководство страной, видя угрозу национальной безопасности государства, которую несет фашистско-националистическое подполье своими преступными, бандитскими, террористическими действиями, сформировало соответствующее государственно-правовое регулирование борьбы с подпольем и его вооруженными бандформированиями. Рассматривая понятие государственно-правовое регулирование борьбы с фашистско-националистическим подпольем, стоит отметить, что данная категория рассматривается в рамках осуществления борьбы государственных органов с фашистско-националистическим подпольем в Украине, Белоруссии и Прибалтике в 1944–1955 гг.

Проведенный анализ показал, что государственно-правовое регулирование деятельности государственных органов по борьбе с фашистско-националистическим подпольем отвечало особенностям политико-правового режима СССР. Очевидно, что в условиях коммунистического режима идеологическая составляющая имела тенденцию к ужесточению, что впоследствии обеспечило эффективность по предупреждению и выявлению националистических проявлений. В свою очередь, принципы борьбы с фашистско-националистическим подпольем соответствовали интересам государства и народа. Логическим завершением являлось закрепление данных принципов в источниках права. Следует отметить, что принци-

* **Мутигуллин Александр Владимирович,** Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук. E-mail: 04mutigullin1989@mail.ru.

пы борьбы с подпольем приобретали общеобязательный, публичный характер, а государство выступало в качестве гаранта обеспечивающего соблюдение, исполнение, применения соответствующих предписаний [17, с. 24].

Анализируя нормативный материал, прямо или косвенно затрагивающий вопросы борьбы с фашистско-националистическим подпольем, следует сделать вывод, что правовые основы деятельности по ликвидации подполья представляли собой систему правовых норм взаимодействующих между собой правовых актов, направленных на ликвидацию националистической идеологии и фашистско-националистической деятельности.

Профессор Н.И. Матузов отмечал, что государственно-правовое регулирование неразрывно связано с правоохранительной функцией государства, которой присущи определенные признаки, такие как юридические меры воздействия, которые предписываются законом или иным правовым актом [14, с. 58]. Анализируя эти рассуждения можно сделать вывод, что борьба с фашистско-националистическим подпольем осуществлялась в форме правоохранительной деятельности (см., напр., [21]). Проведя анализ юридических материалов можно отметить, что правоохранительную деятельность Н.В. Волков рассматривает при помощи двух подходов: позитивистского и естественно-правового [5, с. 92]. Если рассматривать борьбу с фашистско-националистическим подпольем с изначально обозначенной позицией, что она осуществляется государством в лице его органов и должностных лиц, следовательно, она должна рассматриваться с точки зрения позитивистского подхода. Далее это позволит обозначить полномочия субъектов правоохранительной деятельности, а также права граждан, подпадающих под правоохранительную деятельность. Следует отметить, что в реалиях сегодняшнего дня, когда возросла угроза распространения националистической идеологии, борьба с этими проявлениями должна осуществляться несколькими видами правоохранительной деятельности: профилактика национализма, пресечение националистических проявлений, контрольно-надзорная деятельность, привлечение к ответственности и исполнение наказания за националистическую деятельность.

Представляется, что проблема, связанная с формулировкой некоего общего понятия, заключается не только в концептуальных различиях, сколько в терминологической и понятийной несогласованности. Вместе с тем, для того, чтобы юридизировать какое-либо понятие, необходимо подробно рассмотреть само сложное обще социальное явление и определить саму его суть. В нашем случае это относится к объекту правового регулирования, определяемого как «фашистско-националистическое подполье». Чтобы рассмотреть и дать определение объекта правового регулирования борьбы с «фашистско-националистическим подпольем» необходимо проанализировать такие понятия как «фашизм», «национализм» и «подполье», которые в совокупности характерных особенностей раскрывают и дают представление о «фашистско-националистическом подполье».

Для полной характеристики данных понятий были проанализированы различные трактовки их сущности. Изучив массив определений «подполья», автор обобщил основополагающие характеристики и определил «подполье», как деятельность группы, организации в условиях строгой тайны, направленной против власти.

Проанализировав понятие «фашизм», необходимо отметить, что наиболее точное определение, дает социологический словарь, в котором «фашизм» рассматривается, как «форма движений, характеризующаяся насилием над массами, включающаяся систему массовых организаций и разветвленный аппарат идеологического воздействия, дополняемой системой массового террора, использующую псевдореволюционные и националистические лозунги и формы организации масс для маскировки тотального насилия» [29, с. 345]. Из общего количества определений, можно выделить основополагающие характеристики определяющие «фашизм»: идеологическая составляющая, система организаций и разветвленный аппарат, насилие над массами, националистические лозунги и формы организации.

Если рассматривать «национализм», то в толковом словаре Ожегова он трактуется, как «идеология и политика, исходящая из национального превосходства и противопоставления своей нации другим» [19, с. 389]. В социологическом словаре при характеристики понятия

отмечается «замкнутость, превосходство, национальная исключительность [29]. Отмечается, что в советском государстве понятие национализм неразрывно был связан с капитализмом и исходил из буржуазной и мелкобуржуазной идеологии и политики. Поэтому понятие «национализм» в нашей стране, с учетом отечественной истории и тех противоречий в отношениях между нациями, которые носили конфликтный характер, имеет только негативную характеристику.

Понятие «национализм» в контексте системного анализа необходимо рассматривать как комплексную категорию, состоящую из концептуальной (националистической идеологии) и праксиологической (националистической деятельности) составляющей. По мнению автора, под националистической идеологией надо понимать, агрессивное, примитивное по своей сути, воззрение на решение социальных явлений за счет насилия. Данная категория, как «национализм», здесь представляется со стороны убеждения. Поэтому националистическая деятельность, представляет собой определенные действия, направленные на достижение целей, выдвинутых идеологией, носящих опасный, противоправный, антигосударственный характер.

Следует подчеркнуть, что именно под правовое регулирование борьбы с фашистско-националистическим подпольем будет, безусловно, подпадать не идеология, а определенная целенаправленная юридически значимая антигосударственная деятельность. Но важно отметить, что идеологическая составляющая имела огромное значение в деятельности подполья.

Таким образом, понятие «фашистско-националистическое подполье» включает в себя три понятия, которые имеют ряд особенностей и характеристик. Если рассматривать эти особенности и характеристики в совокупности и в рамках определения понятия «фашистско-националистическое подполье», то под «фашистско-националистическим подпольем» понимается политико-идеологическая деятельность национальных групп, организаций в условиях конспирации, направленная против власти, используемая комплекс политических, идеологических, культурных, репрессивных, насильственных мер для достижения идей исключительности, замкнутости и превосходства.

Определив объект правового регулирования необходимо рассмотреть само понятие государственно-правового регулирования деятельности по борьбе с фашистско-националистическим подпольем. Следует отметить, что научное определение категории правовое регулирование вошло в оборот в 1960-х годах XX века. Одним из первых ученых-юристов, который предложил в условиях социалистического общества рассмотреть, природу правового регулирования был С.С. Алексеев. Категория «правовое регулирование», по своей сути, емка и многогранна, ввиду этого в юридической науке существует множество различных подходов к ее трактовке. Помимо этого данное понятие возможно рассматривать с подхода в содержании ее различных структурных элементов. В своем труде ученый дал понятие рассматриваемому феномену, как «осуществляемое при помощи права и всей совокупности правовых средств юридическое воздействие на общественные отношения» [30, с. 111]. Также вопросы взаимодействия права на общественные отношения были рассмотрены в трудах Н.Г. Александрова. В юридической науке при рассмотрении вопросов правового регулирования распространенным остается инструментальный подход к сущности права, рассмотренный в трудах С.А. Комарова [12, с. 279]. Основоположником инструментального подхода, который получил наибольшее распространение в советский период, был ученый-юрист С.С. Алексеев. Инструментальный подход к пониманию права доминирует в учебной литературе в области теории права. Автор подчеркивает, что в качестве исключения можно выделить научные труды В.С. Нерсесянца, который сформировал новый подход к праву – либертарный подход [18, с. 167].

Среди множества научных трудов последних лет стоит отметить, что в «природе» и содержании правового регулирования наметились определенные тенденции в характеристике данного юридического феномена. В процессе изучения и рассмотрения рассматриваемой проблематики ученые-юристы предлагали различные формулировки правового регу-

лирования. Если рассматривать понятие «государственно правовое регулирование», то здесь стоит отметить, что данная категория в научном обороте встречается довольно редко [15, с. 56]. Данный факт свидетельствует о том, что данное понятие не получило широкого понимания среди ученых-юристов.

В результате исследования доктринальных источников по определению правового регулирования, правового воздействия, государственно-правового регулирования, нормативных правовых актов, анализа судебной практики по уголовным делам в отношении руководителей фашистско-националистических банд, организации деятельности государственных органов по ликвидации фашистско-националистического подполья и его вооруженных бандгрупп автором сформулировано авторское определение понятия «государственно-правовое регулирование деятельности по борьбе с фашистско-националистическим подпольем» – осуществляемое государством, при помощи специальных правовых (юридических) средств целенаправленное юридическое воздействие, направленное на правовые отношения, возникающие при организации деятельности по противодействию политико-идеологической деятельности национальных организаций, групп.

Использование органов и войск НКВД в борьбе с фашистско-националистическим подпольем, а также специфика выполняемых задач требовала от руководства страной четкого государственно правового регулирования, как важной части всего процесса управления. Очевидно, что чем совершеннее становились нормы права и их государственно-правовое регулирование, тем эффективнее была деятельность войск и органов НКВД в деятельности по борьбе с фашистско-националистическим подпольем. Более того, ставка на функционирование и совершенствование государственно правового регулирования в обстановке, когда активно действует фашистско-националистическое подполье, имела огромное значение на пути повышения эффективности борьбы до полной ликвидации подполья.

Стоит отметить, что до наступления в Украине в 2014 г. известных событий [13, с. 99–100], в юридической науке направление – государственно правовое регулирование деятельности войск и органов НКВД по борьбе с фашистско-националистическим подпольем в Украине, Прибалтике, Белоруссии практически не исследовалось. Тем более, «с началом проведения Специальной военной операции в феврале 2022 г., когда страна вновь столкнулась с проблемой борьбы с националистическими силами» [20, с. 178–180], становится очевидна правомерность и своевременность постановки проблемы изучения государственно правового регулирования деятельности войск и органов НКВД СССР по борьбе с фашистско-националистическим подпольем в Украине, Прибалтике и Белоруссии в 1944–1955 гг.

В настоящее время в рамках борьбы с националистическими силами, по мнению автора, в обществе должны сформироваться три основополагающих направления, которые соответствовали бы идеологической, политико-правовой и материальной сферам жизнедеятельности. Исходя из такого подхода, предлагается выделить три фундаментальные основы борьбы с националистическими силами это – идеологические, правовые и организационные основы.

В своей работе профессор В.П. Сальников отмечает, что «России по-прежнему требуется положительная суверенная государственная идеология, лишенная принудительности и тоталитарности, но исполненная величием стоящих перед обществом исторических и культурных задач и достоинства тех средств, которые будут употребляться для их успешного разрешения» [28, с. 17]. В крайние годы в российской научной философско-правовой литературе все чаще стала идти речь о необходимости формирования в стране суверенной государственно-правовой идеологии [1; 2; 3; 4; 6, с. 288–327; 7; 8; 9; 16; 24; 25], а также признания суверенного характера философии права в России [10; 11; 22; 23; 26; 27; 31, с. 19–55].

Так, если рассматривать борьбу с националистическими силами, то в рамках идеологической основы будут иметь место множество различных оснований, объединенных в качестве общей политической силы, направленной на противодействие националистическому подполью. В рамках идеологических основ должны быть выработаны стратегические основы разрешения проблемы, установиться ценностные приоритеты, а также общие, основные начала противодействию националистическим силам.

Идеологические основы, которые соответствуют интересам политики государства, должны получать свое закрепление в источниках права, что в свою очередь ведет к приобретению ими общеобязательного и публичного характера. Как отмечает профессор А.Г. Хабибулин, государство здесь выступает в качестве гаранта обеспечивающего соблюдение, исполнение, возможность использования соответствующих предписаний. Это является основанием для формирования правовых основ противодействию националистическим силам [34, с. 252]. По его справедливому мнению, суверенитет государства напрямую зависит от его интересов и идеологии [32; 33]. Таким образом, можно сделать вывод, что правовые основы противодействия националистическим силам это – система правовых норм, направленных на противодействие националистической идеологии и деятельности националистических организаций, групп. Эффективность этой системы во многом определяется ее соответствием идеологическим основам, которые определяют предметное единство нормативного материала. Важно отметить, что идеологическая составляющая должна находить свою основу в правовых нормах.

Таким образом, в настоящее время необходимо укреплять государственно-правовое регулирование деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации в условиях проведения Специальной военной операции, после ее завершения в ДНР, ЛНР, Херсонской, Запорожской областях, а в частности, по формированию единой суверенной нормативной правовой основы борьбы с националистическими силами, пособниками национализма, «коллаборационистами», «ждунами», с учетом историко-правового опыта борьбы государственных органов СССР с фашистско-националистическим подпольем в Украине, Прибалтике, Белоруссии в 1944–1955 гг.

Библиографический список

1. Бастрыкин призвал прописать государственную идеологию в Конституции // https://www.rbc.ru/politics/22/11/2023/655db8f39a7947609f6e6b9e

2. *Богатырев Д.К., Сальников В.П.* Ценности христианского гуманизма и государственно-правовая идеология // Мир политики и социологии. – 2019. – № 11–12. – С. 36–43.

3. *Брылева Е.А., Захарцев С.И., Сальников В.П.* Благотворительность как свойство российской суверенной государственно-правовой идеологии // Теория государства и права. – 2021. – № 4(25). – С. 23–32. DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.002

4. *Булатов Р.Б.* Конституционные поправки 2020 г. в контексте формирования российской государственно-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 12. – С. 32–37.

5. *Волков Н.В.* Государственно-правовой механизм противодействия экстремизму и место в нем органов внутренних дел (теоретико-прикладной анализ): Дис…канд. юрид. наук. СПб., 2006. 201 с.

6. Добро, доверие, справедливость в философско-правовой мысли: античность и современность: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Ананских И.А., Виноградова Е.В., Грибов И.Н., Гутман М.Ю., Захарцев С.И., Зорина Н.В., Игнатьева С.В., Исмагилов И.Р., Исмагилов Р.Ф., Кийко А.Ю., Крижановская Г.Н., Лежнева О.Ю., Лысенков С.Г., Максимов А.А., Масленников Д.В., Морозов А.И., Новожилов С.А., Петров П.А., Прокофьев К.Г., Сальников В.П., Сальников М.В., Сальников С.П., Старовойтова О.Э., Утюганов А.А., Хабибулин. А.Г. – СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Фонд «Университет», 2022. – 463 с.

7. *Жук А.С., Сальников В.П.* Ценностный консенсус общества как основание суверенной правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 2. – С. 163–170.

8. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 183–194.

9. *Зорина Н.В., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Прокофьев К.Г., Сальников М.В.* Идея свободы в суверенной идеологии права: аксиологический и нравственно-правовой аспекты // Мир политики и социологии. – 2018. – № 11. – С. 188–193.

10. *Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Философия Ф.М. Достоевского как источник суверенной российской философии права // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека (г. Уфа, 10 декабря 2020 г.). В 2-х частях. Ч. 1 / Отв. ред. Е.О. Тулупова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – Уфа, 2020. – С. 83–92. – в сб. 243 с.

11. *Керимов А.Д., Масленников Д.В.* Научная работа петербургских правоведов в перспективе суверенной философии права // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 4. – С. 14–18. DOI: 10.21681/2226–0692–2019–4-14–18.

12. *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: Учебник для вузов. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2022 – 528 с.

13. *Литвинов Н.Д., Родионов Д.А., Сальников М.В.* Неонацистское государство Украина – источник диверсионно-террористических угроз национальной безопасности России: криминологические и контрразведывательные аспекты // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 2. – С. 95–131.

14. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: Учебник. – 5-е изд. – М.: Дело: РАНХиГС, 2019. – 528 с.

15. *Минникес И.А.* Регулирование: правовое, государственно-правовое или государственное (концепция Н.А. Пьянова) // Академический юридический журнал. – 2020. – № 1(79). – С. 55–59.

16. *Морозов А.И., Прокофьев К.Г., Сергеева А.Ю.* Институт семьи как нравственно-правовая ценность (к вопросу о суверенной правовой идеологии как основании семейного права Российской Федерации) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 107–114.

17. *Мутигуллин А.В.* Правовое регулирование борьбы с фашистско-националистическим подпольем на освобожденных от оккупации территориях Западной Украины, Прибалтики, Белоруссии (1944–1955 гг.) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2024. – № 2(109). – С. 23–32.

18. *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства: Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Ин-т государства и права Российской акад. наук, Академический правовой ин-т. – М.: Норма, 2012. – 547 с.

19. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: около 57 000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1988. – 750 с.

20. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова; И.А. Ананских, А.А. Вихров, М.Ю. Гутман, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина, С.В. Игнатьева, Р.Ф. Исмагилов, А.Ю. Кийко, О.А. Клименко, Г.Н. Крижановская, С.Г. Лысенков, Д.В. Масленников, А.К. Мирзоев, С.А. Новожилов, П.А. Петров. К.Г. Прокофьев, В.П. Сальников, М.В. Сальников, С.П. Сальников, О.Э. Старовойтова, И.Л. Третьяков, А.А. Утюганов, А.Г. Хабибулин, Д.В. Шкрум. – СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Фонд «Университет», 2022. – 490 с.

21. *Сальников В.П.* Правоохранительная деятельность органов внутренних дел // Внутренние войска и органы внутренних дел в период Великой Отечественной войны. 1941–1945: Матер. науч.-теор. конф., г. Ленинград. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1976. – С. 138–147.

22. *Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Масленников Д.В., Прокофьев К.Г.* Теоретические и духовно-нравственные предпосылки истинной суверенности философии права России // Теория государства и права. – 2024. – № 3 (38). – С. 196–211.

23. *Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Прокофьев К.Г.* Философские и богословские предпосылки суверенности философии права России: ценностные и нравственные аспекты // Теория государства и права. – 2024. – № 2–1 (37). – С. 186–195. DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2–1_37_186

24. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И.* Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 11. – С. 149–162.

25. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И.* Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 170–178.

26. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Сальников М.В.* Развитие идеи абсолютной свободы в классической русской философии как источник суверенной философии права // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 185–193.

27. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Морозов А.И.* Человек в системе нравственно-правовых ценностей и задача формирования суверенной философии права // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека (г. Уфа, 10 декабря 2020 г.). В 2-х частях. Ч. 1 / Отв. ред. Е.О. Тулупова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – С. 176.–187. – в сб. 243 с.

28. *Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р.* Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 3(41). – С. 16–22.

29. Социологический словарь / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 608 с.

30. *Фастович Г.Г.* К вопросу о теоретическом исследовании правовой категории «государственный механизм» // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 1 (217). – С. 51–53.

31. Философско-правовое познание: актуальные проблемы. Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Ананских И.А., Виноградова Е.В., Вихров А.А., Гутман М.Ю., Захарцев С.И., Зорина Н.В., Игнатьева С.В., Исмагилов Р.Ф., Кийко А.Ю., Клименко О.А., Крижановская Г.Н., Лысенков С.Г., Масленников Д.В., Мирзоев А.К., Морозов А.И., Новожилов С.А., Петров П.А., Прокофьев К.Г., Сальников В.П., Сальников М.В., Сальников С.П., Старовойтова О.Э., Третьяков И.Л., Утюганов А.А., Хабибулин А.Г. – СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Фонд «Университет», 2022. – 417 с.

32. *Хабибулин А.Г.* Государственная идеология как основа суверенности современной России // Теория государства и права. – 2024. – № 3–2(40). – С. 200–204. DOI 10.25839/ MATGIP_2024_3–2_40_200.

33. *Хабибулин А.Г., Чернобель Г.Т.* Интересы государства и его охранно-защитная функция // Журнал российского права. – 2008. – № 5. – С. 18–27.

34. *Хабибулин А.Г.* Идеология как фактор политической субъектности государства // Теория государства и права. – 2024. – № 1(35). – С. 251–258.

Для цитирования: *Мутигуллин А.В.* Теоретические аспекты государственно-правового регулирования деятельности войск и органов НКВД СССР по борьбе с фашистско-националистическим подпольем в западных регионах СССР в 1944–1955 гг. // Теория государства и права. – 2025. – № 2-1. – С. 192–198.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_192

THEORETICAL ASPECTS OF STATE AND LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF TROOPS AND BODIES OF THE NKVD OF THE USSR IN THE FIGHT AGAINST THE FASCIST-NATIONALIST UNDERGROUND IN THE WESTERN REGIONS OF THE USSR IN 1944–1955

Alexander V. Mutigullin*

Annotation. *The article considers the concept of state-legal regulation of activities to combat the fascist-nationalist underground. Based on the study of doctrinal sources in various works of legal scholars, as well as on the basis of the analysis of regulatory data, the concept of state legal regulation of activities to combat the fascist-nationalist underground is defined. The key concepts reflecting the legal aspects in the state-legal regulation of the fight against the fascist-nationalist underground are analyzed. The characteristic of the state-legal regulation of the fight against the fascist-nationalist underground is given. The characteristic of the concepts of fascism, nationalism, and the underground is given. The object of legal regulation of the fight against the underground is determined. The main directions of the fight against the underground are considered. This category is considered within the framework of the struggle of the organs and troops of the NKVD of the USSR with the fascist-nationalist underground in Ukraine, Belarus and the Baltic States in 1944–1955.*

Keywords: *state legal regulation, fascist-nationalist underground, law enforcement, «nationalism», «fascism», «underground», state sovereign ideology.*

In the domestic reality of the late 20th – early 21st centuries, especially in recent years, the history of events related to the activities of nationalist organizations and armed formations in Ukraine, Belarus and the Baltics during the final period of the Great Patriotic War and the first post-war decade has become very relevant. It is obvious that the country's leadership, seeing the threat to the national security of the state posed by the fascist-nationalist underground with its criminal,

* **Mutigullin Alexander Vladimirovich**, Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences. E-mail: 04mutigullin1989@mail.ru

bandit, terrorist actions, formed the corresponding state and legal regulation of the fight against the underground and its armed gangs. Considering the concept of state and legal regulation of the fight against the fascist-nationalist underground, it is worth noting that this category is considered in the context of the implementation of the fight of state bodies against the fascist-nationalist underground in Ukraine, Belarus and the Baltics in 1944–1955.

The conducted analysis showed that the state and legal regulation of the activities of state bodies in the fight against the fascist-nationalist underground corresponded to the peculiarities of the political and legal regime of the USSR. Obviously, under the conditions of the communist regime, the ideological component tended to become more stringent, which subsequently ensured the effectiveness of preventing and identifying nationalist manifestations. In turn, the principles of the fight against the fascist-nationalist underground corresponded to the interests of the state and the people. The logical conclusion was the consolidation of these principles in the sources of law. It should be noted that the principles of the fight against the underground acquired a generally binding, public character, and the state acted as a guarantor ensuring compliance, execution, and application of the relevant regulations [17, p. 24].

Analyzing the normative material directly or indirectly touching upon the issues of combating the fascist-nationalist underground, it should be concluded that the legal basis for the activities to eliminate the underground represented a system of legal norms of interacting legal acts aimed at eliminating nationalist ideology and fascist-nationalist activities.

Professor N.I. Matuzov noted that state and legal regulation is inextricably linked with the law enforcement function of the state, which is characterized by certain characteristics, such as legal measures of influence prescribed by law or other legal act [14, p. 58]. Analyzing these arguments, we can conclude that the fight against the fascist-nationalist underground was carried out in the form of law enforcement activities (see, for example, [21]). Having analyzed the legal materials, we can note that N.V. Volkov considers law enforcement activities using two approaches: positivist and natural law [5, p. 92]. If we consider the fight against the fascist-nationalist underground from the initially designated position that it is carried out by the state represented by its bodies and officials, then it should be considered from the point of view of the positivist approach. This will then allow us to designate the powers of the subjects of law enforcement activities, as well as the rights of citizens subject to law enforcement activities. It should be noted that in today's realities, when the threat of the spread of nationalist ideology has increased, the fight against these manifestations must be carried out by several types of law enforcement activities: prevention of nationalism, suppression of nationalist manifestations, control and supervisory activities, prosecution and execution of punishment for nationalist activities.

It seems that the problem associated with the formulation of a certain general concept lies not only in conceptual differences, but also in terminological and conceptual inconsistency. At the same time, in order to legalize any concept, it is necessary to examine in detail the complex general social phenomenon itself and determine its essence. In our case, this applies to the object of legal regulation, defined as the "fascist-nationalist underground". In order to examine and define the object of legal regulation of the fight against the "fascist-nationalist underground", it is necessary to analyze such concepts as "fascism", "nationalism" and "underground", which in the aggregate of characteristic features reveal and give an idea of the "fascist-nationalist underground".

To fully characterize these concepts, various interpretations of their essence were analyzed. Having studied the array of definitions of "underground", the author summarized the fundamental characteristics and defined "underground" as the activity of a group, organization in conditions of strict secrecy, directed against the authorities.

Having analyzed the concept of "fascism", it is necessary to note that the most precise definition is given by the sociological dictionary, in which "fascism" is considered as "a form of movement characterized by violence against the masses, including a system of mass organizations and a ramified apparatus of ideological influence, supplemented by a system of mass terror, using pseudo-revolutionary and nationalistic slogans and forms of organization of the masses to disguise total violence" [29, p. 345]. From the total number of definitions, it is possible to single out the funda-

mental characteristics defining "fascism": an ideological component, a system of organizations and a ramified apparatus, violence against the masses, nationalistic slogans and forms of organization.

If we consider "nationalism", then in Ozhegov's explanatory dictionary it is interpreted as "an ideology and policy based on national superiority and opposition of one's nation to others" [19, p. 389]. In the sociological dictionary, when characterizing the concept, it is noted "isolation, superiority, national exclusivity" [29]. It is noted that in the Soviet state the concept of nationalism was inextricably linked with capitalism and was based on bourgeois and petty-bourgeois ideology and policy. Therefore, the concept of "nationalism" in our country, taking into account the national history and those contradictions in relations between nations that were of a conflicting nature, has only a negative characterization.

The concept of "nationalism" in the context of system analysis should be considered as a complex category consisting of a conceptual (nationalist ideology) and praxeological (nationalist activity) component. According to the author, nationalist ideology should be understood as an aggressive, primitive in its essence, view on the solution of social phenomena through violence. This category, as "nationalism", is presented here from the side of conviction. Therefore, nationalist activity is certain actions aimed at achieving the goals put forward by the ideology, which are dangerous, illegal, anti-state in nature.

It should be emphasized that it is not ideology that will certainly fall under the legal regulation of the fight against the fascist-nationalist underground, but a certain targeted legally significant anti-state activity. But it is important to note that the ideological component was of great importance in the activities of the underground.

Thus, the concept of "fascist-nationalist underground" includes three concepts that have a number of features and characteristics. If we consider these features and characteristics in aggregate and within the framework of the definition of the concept of "fascist-nationalist underground", then "fascist-nationalist underground" is understood as the political and ideological activity of national groups, organizations in conditions of conspiracy, directed against the authorities, using a set of political, ideological, cultural, repressive, violent measures to achieve ideas of exclusivity, isolation and superiority.

Having defined the object of legal regulation, it is necessary to consider the very concept of state and legal regulation of activities to combat the fascist-nationalist underground. It should be noted that the scientific definition of the category of legal regulation came into circulation in the 1960s of the twentieth century. One of the first legal scholars who proposed to consider the nature of legal regulation in the conditions of a socialist society was S.S. Alekseev. The category of "legal regulation" is, in its essence, capacious and multifaceted, due to this, there are many different approaches to its interpretation in legal science. In addition, this concept can be considered from the approach in the content of its various structural elements. In his work, the scientist gave a concept of the phenomenon in question as "legal impact on social relations carried out with the help of law and the entire set of legal means" [30, p. 111]. Also, issues of interaction of law on social relations were considered in the works of N.G. Alexandrov. In legal science, when considering issues of legal regulation, the instrumental approach to the essence of law, considered in the works of S.A. Komarov [12, p. 279], remains widespread. The founder of the instrumental approach, which was most widespread in the Soviet period, was the legal scholar S.S. Alekseev. The instrumental approach to understanding law dominates in educational literature in the field of legal theory. The author emphasizes that, as an exception, one can highlight the scientific works of V.S. Nersesyants, who formed a new approach to law – the libertarian approach [18, p. 167].

Among the many scientific works of recent years, it is worth noting that in the "nature" and content of legal regulation, certain trends have emerged in the characteristics of this legal phenomenon. In the process of studying and considering the issues under consideration, legal scholars have proposed various formulations of legal regulation. If we consider the concept of "state legal regulation", then it is worth noting that this category is quite rare in scientific circulation [15, p. 56]. This fact indicates that this concept has not received a wide understanding among legal scholars.

As a result of the study of doctrinal sources on the definition of legal regulation, legal impact, state and legal regulation, normative legal acts, analysis of judicial practice in criminal cases against the leaders of fascist-nationalist gangs, organization of the activities of state bodies to eliminate the fascist-nationalist underground and its armed gangs, the author formulated the author's definition of the concept of "state and legal regulation of activities to combat the fascist-nationalist underground" – a targeted legal impact carried out by the state, with the help of special legal (juridical) means, aimed at legal relations arising in the organization of activities to counter the political and ideological activities of national organizations, groups.

The use of NKVD organs and troops in the fight against the fascist-nationalist underground, as well as the specifics of the tasks performed, required clear state-legal regulation from the country's leadership as an important part of the entire management process. Obviously, the more perfect the legal norms and their state-legal regulation became, the more effective were the activities of the NKVD troops and organs in the fight against the fascist-nationalist underground. Moreover, the focus on the functioning and improvement of state-legal regulation in a situation where the fascist-nationalist underground was actively operating was of great importance on the path to increasing the effectiveness of the fight until the underground was completely eliminated.

It is worth noting that before the well-known events in Ukraine in 2014 [13, pp. 99–100], the direction of state and legal regulation of the activities of the NKVD troops and bodies in the fight against the fascist-nationalist underground in Ukraine, the Baltics, and Belarus was practically not studied in legal science. Moreover, "with the beginning of the Special Military Operation in February 2022, when the country again faced the problem of fighting nationalist forces" [20, pp. 178–180], the legitimacy and timeliness of posing the problem of studying the state and legal regulation of the activities of the NKVD troops and bodies of the USSR in the fight against the fascist-nationalist underground in Ukraine, the Baltics, and Belarus in 1944–1955 becomes obvious.

At present, in the context of the fight against nationalist forces, according to the author, three fundamental directions should be formed in society that would correspond to the ideological, political-legal and material spheres of life. Based on this approach, it is proposed to identify three fundamental bases for the fight against nationalist forces: ideological, legal and organizational bases.

In his work, Professor V.P. Salnikov notes that "Russia still requires a positive sovereign state ideology, devoid of coercion and totalitarianism, but filled with the grandeur of the historical and cultural tasks facing society and the dignity of the means that will be used to successfully resolve them" [28, p. 17]. In recent years, Russian scientific philosophical and legal literature has increasingly begun to talk about the need to form a sovereign state and legal ideology in the country [1; 2; 3; 4; 6, pp. 288–327; 7; 8; 9; 16; 24; 25], as well as recognition of the sovereign nature of the philosophy of law in Russia [10; 11; 22; 23; 26; 27; 31, pp. 19–55].

Thus, if we consider the fight against nationalist forces, then within the framework of the ideological basis there will be many different bases, united as a common political force aimed at counteracting the nationalist underground. Within the framework of the ideological bases, strategic bases for resolving the problem must be developed, value priorities must be established, as well as general, basic principles for counteracting nationalist forces.

Ideological foundations that correspond to the interests of state policy must be enshrined in the sources of law, which in turn leads to their acquisition of a generally binding and public character. As Professor A.G. Khabibulin notes, the state here acts as a guarantor ensuring compliance, execution, and the possibility of using the relevant regulations. This is the basis for the formation of legal foundations for countering nationalist forces [34, p. 252]. In his fair opinion, the sovereignty of the state directly depends on its interests and ideology [32; 33]. Thus, we can conclude that the legal foundations for countering nationalist forces are a system of legal norms aimed at countering nationalist ideology and the activities of nationalist organizations and groups. The effectiveness of this system is largely determined by its compliance with the ideological foundations that determine the subject unity of the normative material. It is important to note that the ideological component must find its basis in legal norms.

Thus, at present it is necessary to strengthen the state and legal regulation of the activities of the troops of the National Guard of the Russian Federation in the context of the Special Military Op-

eration, after its completion in the DPR, LPR, Kherson, Zaporozhye regions, and in particular, to form a single sovereign regulatory legal basis for the fight against nationalist forces, accomplices of nationalism, "collaborators", "waiters", taking into account the historical and legal experience of the fight of state bodies of the USSR against the fascist-nationalist underground in Ukraine, the Baltics, Belarus in 1944–1955.

Bibliographic list

1. Bastrykin called for the state ideology to be written into the Constitution // https://www.rbc.ru/politics/22/11/2023/655db8f39a7947609f6e6b9e
2. *Bogatyrev D.K., Salnikov V.P.* Values of Christian humanism and state-legal ideology // The world of politics and sociology. 2019. No. 11–12. P. 36–43.
3. *Bryleva E.A., Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Charity as a property of the Russian sovereign state-legal ideology // Theory of State and Law. 2021. No. 4(25). P. 23–32. DOI: 10.47905/MATGIP.2021.25.4.002
4. *Bulatov R.B.* Constitutional amendments of 2020 in the context of the formation of the Russian state and legal ideology // Legal Science: History and Modernity. 2023. No. 12. P. 32–37.
5. *Volkov N.V.* State and legal mechanism for counteracting extremism and the place of internal affairs agencies in it (theoretical and applied analysis): Diss…cand. jurid. sciences. St. Petersburg, 2006. 201 p.
6. Good, trust, justice in philosophical and legal thought: antiquity and modernity: Monograph / Under general. ed. V.P. Salnikov; Ananskikh I.A., Vinogradova E.V., Gribov I.N., Gutman M.Yu., Zakhartsev S.I., Zorina N.V., Ignatyeva S.V., Ismagilov I.R., Ismagilov R.F., Kiyko A.Yu., Krizhanovskaya G.N., Lezhneva, L.G. Maksimov A.A., Maslennikov D.V., Morozov A.I., Novozhilov S.A., Petrov P.A., Prokofiev K.G., Salnikov V.P, Salnikov M.V, Salnikov S.P., Starovoitova O.E., Utyuganov A.A., Khabibulin. A.G. St. Petersburg Military Order Zhukov Institute of National Guard Troops, University Foundation, 2022. 463 p.
7. *Zhuk A.S., Salnikov V.P.* Value consensus of society as the basis of sovereign legal ideology // Legal science: history and modernity. 2023. No. 2. P. 163–170.
8. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Reflections on the Foundations of Russian Sovereign Philosophical and Legal Ideology // Legal Science: History and Modernity. 2020. No. 2. P. 183–194.
9. *Zorina N.V., Klimenko O.A., Mirzoev A.K., Prokofiev K.G., Salnikov M.V. The* idea of freedom in the sovereign ideology of law: axiological and moral-legal aspects // The world of politics and sociology. 2018. No. 11. P. 188–193.
10. *Ismagilov R.F., Salnikov V.P.* Philosophy of F.M. Dostoevsky as a source of sovereign Russian philosophy of law // Human rights in the dialogue between state authorities and civil society: Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to Human Rights Day (Ufa, December 10, 2020). In 2 parts. Part 1 / Ed. E.O. Tulupova. Ufa: RIC BashSU, 2020. Ufa, 2020. Pp. 83–92. In the book 243 p.
11. *Kerimov A.D., Maslennikov D.V.* Scientific work of St. Petersburg legal scholars in the perspective of sovereign philosophy of law // Monitoring of law enforcement. 2019. No. 4. P. 14–18. DOI: 10.21681/2226–0692–2019–4-14–18.
12. *Komarov S.A.* General Theory of State and Law: Textbook for Universities. 10th ed., corrected and supplemented. M.: Yurait, 2022. 528 p.
13. *Litvinov N.D., Rodionov D.A., Salnikov M.V.* The neo-Nazi state of Ukraine is a source of sabotage and terrorist threats to Russia's national security: criminological and counterintelligence aspects // Legal science: history and modernity. 2023. No. 2. P. 95–131.
14. *Matuzov N.I., Malko A.V.* Theory of State and Law: Textbook. 5th ed. M.: Delo: RANEPA, 2019.-- 528 p.
15. *Minnikes I.A.* Regulation: legal, state-legal or state (concept of N.A. Pyanov) // Academic Law Journal. 2020. No. 1 (79). P. 55–59.
16. *Morozov A.I., Prokofiev K.G., Sergeeva A.Yu.* The institution of family as a moral and legal value (on the issue of sovereign legal ideology as the basis of family law of the Russian Federation) // Legal Science: History and Modernity. 2019. No. 12. P. 107–114.
17. *Mutigullin A.V.* Legal regulation of the fight against the fascist-nationalist underground in the territories of Western Ukraine, the Baltics, and Belarus liberated from occupation (1944–1955) // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (109). P. 23–32.
18. *Nersesyants V.S.* General Theory of Law and State: Textbook for students of higher educational institutions studying in the specialty "Jurisprudence" / Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Academic Law Institute. M.: Norma, 2012. 547 p.
19. *Ozhegov S. I.* Dictionary of the Russian language: about 57,000 words / Ed. member-corr. Academy of Sciences of the USSR N. RIVER. Swedish. 20th ed., stereotype. M.: Russian language, 1988. 750 p.

20. Political and legal management and threats to state sovereignty: Monograph / Under general. ed. V.P. Salnikova; I.A. Ananskikh, A.A. Vikhrov, M.Yu. Gutman, S.I. Zakhartsev, N.V. Zorina, S.V. Ignatyeva, R.F. Ismagilov, A.Yu. Kiiko, O.A. Klimenko, G.N. Krizhanovskaya, S.G. Lysenkov, D.V. Maslennikov, A.K. Mirzoev, S.A. Novozhilov, P.A. Petrov. K.G. Prokofiev, V.P. Salnikov, M.V. Salnikov, S.P. Salnikov, O.E. Starovoitova, I.L. Tretyakov, A.A. Utyuganov, A.G. Khabibulin, D.V. Scrum. SPb.: St. Petersburg Military Order Zhukov Institute of Troops of the National Guard of the Russian Federation, Foundation "University", 2022. 490 p.

21. *Salnikov V.P.* Law enforcement activities of internal affairs agencies // Internal troops and internal affairs agencies during the Great Patriotic War. 1941–1945: Proc. scientific-theoretical. conf., Leningrad. L.: VPU MVD USSR, 1976. P. 138–147.

22. *Salnikov V.P., Ismagilov R.F., Maslennikov D.V., Prokofiev K.G.* Theoretical and spiritual-moral prerequisites for the true sovereignty of the philosophy of law of Russia // Theory of State and Law. 2024. No. 3 (38). P. 196–211.

23. *Salnikov V.P., Ismagilov R.F., Prokofiev K.G.* Philosophical and theological prerequisites for the sovereignty of the philosophy of law of Russia: value and moral aspects // Theory of state and law. 2024. No. 2–1 (37). P. 186–195. DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2-1_37_186

24. *Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Morozov A.I*. Value basis of sovereignty (on the issue of sovereign state-legal ideology) // Legal science: history and modernity. 2019. No. 11. P. 149–162.

25. *Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Prokofiev K.G., Morozov A.I. The* principle of sovereignty of state-legal ideology and philosophy of law // The world of politics and sociology. 2019. No. 9. P. 170–178.

26. *Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Salnikov M.V*. Development of the idea of absolute freedom in classical Russian philosophy as a source of sovereign philosophy of law // Legal science: history and modernity. 2019. No. 12. P. 185–193.

27. *Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Morozov A.I.* Man in the System of Moral and Legal Values and the Task of Forming a Sovereign Philosophy of Law // Human Rights in the Dialogue between State Power and Civil Society: Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to Human Rights Day (Ufa, December 10, 2020). In 2 parts. Part 1 / Ed. E.O. Tulupova. Ufa: RIC BashSU, 2020. Pp. 176.–187. In the book 243 p.

28. *Salnikov V.P., Salnikov M.V., Romanovskaya V.B., Romanovskaya L.R.* National idea or the rule of law through the prism of national interests // Rule of law: theory and practice. 2015. No. 3 (41). P. 16–22.

29. Sociological Dictionary / Ed. G.V. Osipov, L.N. Moskvichev. M.: Norma: INFRA-M, 2022. 608 p.

30. *Fastovich G.G.* On the issue of theoretical study of the legal category "state mechanism" // Law and state: theory and practice. 2023. No. 1 (217). P. 51–53.

31. Philosophical and Legal Cognition: Current Issues. Monograph / Under general. ed. V.P. Salnikova; Ananskikh I.A., Vinogradova E.V., Vikhrov A.A., Gutman M.Yu., Zakhartsev S.I., Zorina N.V., Ignatyeva S.V., Ismagilov R.F., Kiyko A.Yu., Klimenko O.A., Krizhanovskaya G.N., Lysenkov S. G. Maslenkov, D.V. Mirzoev A.K., Morozov A.I., Novozhilov S.A., Petrov P.A., Prokofiev K.G., Salnikov V.P., Salnikov M.V., Salnikov S.P., Starovoitova O.E., Tretyakov I.L., Utyuganov A.A., Khabiin A.G. SPb.: St. Petersburg Military Order Zhukov Institute of Troops of the National Guard of the Russian Federation, Foundation "University", 2022. 417 p.

32. *Khabibulin A.G.* State ideology as the basis of sovereignty of modern Russia // Theory of state and law. 2024. No. 3–2 (40). P. 200–204. DOI 10.25839/ MATGIP_2024_3–2_40_200.

33. *Khabibulin A.G., Chernobel G.T.* Interests of the state and its protective function // Journal of Russian Law. 2008. No. 5. P. 18–27.

34. *Khabibulin, A. G.* Ideology as a factor in the political subjectivity of the state // Theory of State and Law. 2024. No. 1 (35). P. 251–258.

For citation: *Mutigullin A.V.* Theoretical aspects of state and legal regulation of the activities of troops and bodies of the NKVD of the USSR in the fight against the fascist-nationalist underground in the western regions of the USSR in 1944–1955 // Theory of state and law. 2025. No. 2–1. P. 198–203.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_192

Научная статья

УДК: 34
ББК: 67
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_204

Мухин А.И.*

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕСТВА И СОВРЕМЕННОЕ ГОСУДАРСТВО

Аннотация. *В настоящее время российская государственность и общественные взаимосвязи находятся в состоянии социально-культурного кризиса. Это доказывается рядом обстоятельств, одним из которых, в том числе является широкое заимствование различных слов и понятий из иностранных источников и языков. Не потому, что нас заставляют, а потому что стали считать это нормой или правилом «хорошего тона». Русский язык претерпевает кризис не от ненависти, а от людского равнодушия, от глянцевого, модного мусора, которым его загромождали в течение долгих лет. Сегодня, по центру любого крупного города России можно пройтись и не увидеть ни одной русской вывески, так как сейчас в тренде «плейсы», «лофты», «плазы», «тауры» и т.п., и это не шутка, наша действительность. Зайдя в торговый центр, мы тонем в языковом коллаже: «шоппинг», «бутик», «маркет», «букинг». Среди всего этого, можно встретить лишь одинокие привычные русские слова – «Продукты», «Баня», «Рюмочная» или «Столовая»,от созерцания которых становится радостнее и теплее на душе. Все это не просто свидетельствует о применении «мягкой силы» к нашему социуму, но и имеет непосредственное, глубокое влияние на вопросы идеологии, государственности, а также суверенности. В данной статье сделана попытка проанализировать и сопоставить набор правовых мер и механизмов, применяемых государством для сохранения традиционных, социально-духовных основ общества и его институтов.*

Ключевые слова: *традиционные ценности, государство, общество, язык, идеология.*

В условиях духовно-нравственной эрозии, общество и государство сталкивается с различными вызовами, отражающимися не только в явной, но и латентной плоскости. Такие вызовы оказывают свое влияние на право, на мораль, на солидарность и справедливость, в общем, на те фундаментальные ориентиры, которые лежат в основе российской самобытности и формируют национальный культурный код и идентичность русского народа. Правовое государство, как и социум всегда основывается на целом ряде принципов, среди которых – верховенство закона, соблюдение прав и свобод человека, разделение власти и другие. Однако, все эти принципы проистекают не только из нормативно-правовых источников, но и из внутренней культуры, законопослушания граждан, их доверия к органам власти и институтам гражданского общества. В то время, когда духовно-нравственные ориентиры утрачиваются или «размываются», право теряет моральную опору превращаясь в формальный превентивный механизм, который с легкостью может быть использован в манипуляци-

* **Мухин Алексей Игоревич,** аспирант Высшей школы государственного аудита Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: 3893958@mail.ru

Научный руководитель – **Хабибулин Алик Галимзянович,** заведующий кафедрой экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Башкортостан. E-mail: 21alik@mail.ru

онных целях. Именно, таким образом, закон превращается из справедливого государственного волеизъявления в инструмент давления.

Одной из основных задач социального государства является обеспечение нормального уровня благосостояния общества, равный доступ к медицинской помощи, образованию и другим социальным услугам, а также защита уязвимых слоев населения. Устойчивость такого государства основывается на принципе солидарности и гуманизма. При этом, в условиях духовно-морального кризиса, когда преобладает карьеризм, эгоизм и потребление, солидарность ослабевает. Влияние государственных институтов также ослабевает, а социальные гарантии воспринимаются как обременение, а не как долг или помощь согражданам.

Причины такого духовно-нравственного распада связанны с рядом происходящих событий, в числе которых – планомерное разрушение традиционных и религиозных ценностей, последствием чего является -кризис семьи, образования и труда, который в свою очередь влияет на появление новой системы ценностей, провозглашающей такие ориентиры как – «обладание» или«успех любой ценой» без необходимости образования, профессионализма или таланта, главным здесь является – «популярность», «лайки» или мнение «блогеров».Также, необходимо обратить внимание на развитие современных цифровых технологий, что неизбежно вызывает информационную перегрузку, расширение механизмов манипуляции общественным мнением, а также превращение человека в интроверта, способного только потреблять, а не созидать.

В качестве теоретической основы для решения сложившейся ситуации разумным видится возрождение воспитательной миссии образования и культуры, тем самым у молодежи сформируется понимание, что успех, а соответственно и материальное состояние появляется у человека в результате разделения и соблюдения духовно-нравственных постулатов, принятых обществом. Еще одним актуальным вопросом является развитие диалога между государством, религиозными объединениями и научно-культурным сообществом, так как воспитание внутреннего морального фундамента личности возможно только при комплексном и всестороннем воздействии на человека. Религия нас учит трансцендентному, приоритету духовного над материальным, а образование обучает основным правилам и законам, существующим в этом мире. В процессе социализации морально нравственные устои формируют в человеке ценности, которые передаются из поколения в поколение [20].

Ключевым индикатором общественного состояния и перспектив развития служит характер взаимосвязи государства с человеком. Под личностью понимается совокупность социально значимых качеств индивида, проявляющихся в межличностных отношениях. Понятие «личность» и ее характерные черты всегда органично связанны с социумом и его спецификой. Общество же представляет собой исторически эволюционирующую систему взаимосвязей между людьми – результат их совместной жизни и деятельности. Личность и общество находится во взаимной безусловности и лишь вместе образуют неразрывное целое.

Место личности в социальной структуре определяется не только ее активностью, способностью и принадлежностью к обществу с точки зрения биологии или духовности. Основные параметры индивида формируются и воспроизводятся в конкретной исторической эпохе, разумеется, с учетом свойственных тому времени явлений и институтов. Таким образом, фундаментальной составляющей любого общества являются гражданско-правовые институты.

Реальный статус человека и степень его свободы проявляется сквозь духовную призму и материальные возможности. Данная парадигма формируется в результате взаимодействия людей в обществе и именно, в связи с этим существуют различия между индивидами, как в социальном, так и в правовом положении [25]. В разные исторические периоды и в различных географо-политических условиях базовые характеристики статуса личности могут существенно различаться, как например – право на жизнь и свободу в современной Европе имеют совсем иное содержание, нежели это было в годы Второй мировой войны.

В современном государстве общество, а именно непосредственно граждане выполняют ключевую роль в формировании условий жизни человека. В данном случае значимость государства обусловлена его относительной независимостью и теми исключительными рычагами воздействия на общественные отношения, которые оно монополизирует. Государство не только специальный аппарат управления и принуждения, но люди, которые в том числе обеспечивают целостность и суверенность с формальной и неформальной точек зрения. Будучи официальным представителем социума, государство формулирует и внедряет общеобязательные нормы, тем самым выстраиваются отношения «личность-общество-государство» [41].

В силу принципа суверенности, всякий человек находящийся в пределах территориальной юрисдикции становится адресатом вышеуказанных предписаний. Чаще всего эта устойчивая связь выражается через институт«гражданства» в государствах с республиканской формой правления, либо подданства в монархиях. Хотя де-юре подданство означает личную верность монарху, а гражданство политико-правовую связь с государством, по сути, оба понятия обеспечивают прочный юридический и духовно-ценностный союз между индивидом и государством. Этот союз наделяет человека статусом гражданина и дает ему определенный набор прав, а также возлагает определенные обязанности, кроме этого, гарантирует защиту внутри страны и за ее пределами.

В разных обществах баланс между личностью и государством может сильно варьироваться. Там, где превалируют такие принципы как справедливость, гуманизм и демократия – государство стремится уравновесить интересы индивида и целого общества, что является одной из основных его функций. Такое государство является социально ориентированным, оно подотчетно обществу и ограниченно в своих действиях, поскольку власть находится в руках народа [26].

Конституция, как основной закон, обеспечивает гармонию и баланс главных взаимосвязей между обществом и государством, устанавливает определенный правовой режим и форму правления. Исходя из смысла Конституции, сегодня – Россия является светским и социальным государством и без учета этих или других признаков невозможно говорить о государственности, в общем. Это свидетельствует о том, что высшей юридической формой выражения государственной идентичности является именно этот документ.

В юридической иерархии нормативных актов только Основной закон занимает высшее место, таким образом, остальные законодательные акты обязаны соответствовать его положениям и принципам. Причем, понятие верховенства Основного закона относится ко всей территории и никакой местный правопорядок не может иметь преимущественной юридической силы.

Российское государство является непрерывным во времени и пространстве. Данная непрерывность определяется межпоколенческой связью, историческим и культурным развитием народов, что непосредственным образом отраженно в преамбуле Конституции. С точки зрения права это закрепляет непоколебимость воли, как граждан, так и создателей отечественной государственности, которые внесли свой огромный вклад в укрепление и развитие государства.

Конституционные поправки в 2020 году дополнили принцип непрерывности, закрепив, что Российская Федерация является полноправным приемником Советского Союза на своей территории, а также продолжателем его прав и обязанностей [13; 15; 31; 46; 53; 60].

Защита единства и целостности государства в прошлом, настоящем и будущем обеспечивается положениями Конституции. Из этого вытекает и обязанность органов публичной власти охранять целостность страны. Одновременно, Основной закон предполагает активное участие граждан в укреплении единства и одновременно предусматривает ответственность за действия направленные против фундаментальных конституционных ценностей нашего многонационального народа России. В частности, это отражается в требовании верности государству, защиты Отечества и соблюдении законов.

Идея гармоничного взаимодействия личности и государства находит, в том числе, свое воплощение в концепции правового государства, где верховенство закона распространяется на всех субъектов правоприменения и правоисполнения, здесь незыблемость основных прав и свобод является высшей ценностью. Обязательным в таком государстве является принцип взаимной ответственности, то есть «сдержек и противовесов», где обеспечиваются законодательные ограничения и обязательства по защите граждан, а также ответственность за неправомерные действия должностных лиц. Необходимо учитывать, что в правовом государстве свобода личности не носит абсолютный характер и заканчивается там, где начинаются права и свободы других граждан [9; 11; 35; 48; 50].

Из всего вышесказанного актуальным становится вопрос о том – нужна ли современной России государственная идеология? Еще более сложной задачей является поиск компромиссов в данном направлении, так как при формировании единой позиции необходимым будет соблюдение множества интересов, в процессе чего возникнет риск потери единого содержания. Указанный вывод вытекает из интересной дискуссии, проведенной журналом «Мир политики и социологии», вызванной статьей-презентацией классика теории государства и права [52], профессора В.В. Лазарева «Идеологическое сопровождение современного правосудия» [30]. Участники дискуссии пришли к однозначной позиции о том, что трудно надеяться на успешное развитие государственности без суверенной государственно-правовой идеологии [7; 8; 10; 17; 28; 29; 32; 33; 34; 38; 39; 58; 63; 64]. Сформулированная позиция находит убедительную поддержку в современной философско-правовой литературе [6; 12; 16; 21; 23; 36; 54; 57; 59; 56, с. 21–55].

В настоящее время, в статье 13 Конституции России [1] закреплен идеологический плюрализм, однако нельзя утверждать, что это способствует общественному сплочению. Очевидно, что отсутствие общей идейной основы сохраняет баланс между традиционным укладом жизни многих народов России и действующими конституционными ценностями. Не стоит забывать и про существование «национальной идеи», которая обычно формируется стихийно, что, собственно, заставляет думать, что достичь «чувства» согласованности по данному вопросу едва ли возможно, в этих обстоятельствах.

Также в этом контексте представляется необходимым обратить внимание на существующие мировоззренческие установки, которые укоренились в массовом сознании граждан и органично переплетены с государственностью [49; 51]. В данной связи был принят Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [2] (далее – Указ Президента № 809), настоящий документ обладает характеристиками стратегического планирования, что де-факто придает ему идеологический характер. Если обычно, стратегические документы направлены на экономическую или социальную составляющую, то в данном случае – указ затрагивает внутреннюю, духовную и интеллектуальную части общественной жизни. Он отражает идеи и мысли, которыми руководствуется российский народ, политические и государственные деятели и простые граждане России [18; 22; 24; 27; 40; 44].

До недавних пор понятие «традиционные ценности» носило исключительно декларативный характер и не имело строгого формального закрепления, в основном оно определялось как верность духовным традициям, неизменность уникального понимания исторической миссии нашей цивилизации и противостояние всем формам девиации, оперирующего подменой понятиями, в качестве основы для идейной манипуляции.

В настоящее время, согласно положениям текста Указа Президента № 809 под «традиционными ценностями» понимаются нравственные ориентиры, передаваемые из поколения в поколения, укрепляющие солидарность и единое историко-культурное наследие многонационального, многоконфессионального народа России. Также представлен перечень ценностей, среди них – жизнь, достоинство, права и свободы человека, а также другие.

Необходимо отметить, что особое место в формировании системы традиционных духовных ценностей занимают фундаментальные принципы, утверждения и заповеди основ-

ных религий – христианства, ислама, буддизма и иудаизма. Религия является неотъемлемой частью духовного наследия и фактическим«фундаментом» государственности, обеспечивая – суверенность и единство народа.

Такие понятия, как жизнь, достоинство, права и свободы, хотя и имеют свое происхождение из западных конституционных традиций, уже плотно укрепились и в российской правовой культуре. Вместе с тем, духовные идеалы – гуманизм, крепкая семья и другие – отражают общественные стремления, не зависящие от политической или экономической обстановки [5; 37; 43; 47; 55].

С фундаментальной точки зрения, нормативное закрепление института традиционных ценностей открывает путь к совершенствованию законодательства в части их охраны и дальнейшего развития. Защита ценностей – важнейший и необходимый шаг к формированию гармоничного общества, где человек будет чувствовать себя уверенно и стабильно.

В данном контексте, отдельным направлением исследования является роль религиозных общин при формировании духовных и традиционных ценностей. Государство признает, гарантирует и поддерживает деятельность религиозных общин, оставаясь при этом светским, что закреплено положениями статьи 14 Конституции России. Таким образом, традиционные ценности фактически являются идеологической основой российского государства, определяя главный вектор его жизни и развития.

Еще одним из актуальных аспектов, является вопрос языкового единства, как одной из важнейших составляющих национального – Единства, поскольку любое взаимопонимание, обмен опытом, процесс социализации неразрывно связан с языком. Русский язык является государственно образующим исходя из положений статьи 68 Конституции России, что обусловлено наличием духовно-нравственных традиций, лежащих в основе государственности страны, которые передаются из поколения в поколения, именно благодаря языку. Однако, в настоящее время, наблюдается угроза «размытия» языкового единства, которая в случае распространения может привести к существенным проблемам. С целью пресечения данной угрозы был принят ряд Указов Президента Российской Федерации, в том числе от 28.02.2023 г. № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» [3], от 22.08.2024 г. № 716 «О совете при Президенте Российской Федерации по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языка народов Российской Федерации» [4]. Указанные правовые акты позволят сохранить языковую суверенность и традицию, в том числе малочисленных этнических групп, а также оградить ее от внешних посягательств. Необходимо также упомянуть, что именно язык несет в себе историческую память народа, мировоззрение нации и культурную идентичность. Без планомерной поддержки национального языка могут размываться традиционная форма мышление, а вследствие чего и поведение. В эпоху цифрового влияния происходит широкая подмена понятий, ценным становится «культ потребления», а духовность вовсе исчезает. Одними из немногочисленных островков культурности и духовности остаются именно представители малочисленных народов, находящиеся вдали от цифровой среды. Язык, в свою очередь, является механизмом укрепления национального самосознания, способствует межпоколенческой связи, а также помогает ассимилироваться гражданам как внутри страны, так и приезжим иностранцам. Без должного правового регулирования указанной сферы возникают серьезные риски, о некоторых из них высказался профессор А.И. Бастрыкин, Глава Следственного комитета РФ [61]. Таким образом, на сегодняшний день сфера сохранения языкового единства, является наиважнейшей для сохранения и укрепления традиционных ценностей.

Указ Президента № 809 способствует выработке не только теоретических указаний и рекомендаций по сохранению и укреплению духовных ценностей, но и способствует выработке еще и практических мероприятий, поскольку в настоящее время идет активная работа по принятию толкового словаря духовно-нравственных идеалов. Появление такого рода инициатив связанно с необходимостью единообразного понимания терминов, лежащих в основе российской самобытности. Формальное изложение и закрепление соответствую-

щих дефиниций на бумаге позволит в будущем нивелировать недопонимания между различными этническими группа проживающими на территории страны. Более того, как считают представители Русской православной церкви планомерное развитие категории традиционных ценностей должно найти свое отражение и в базовом законе, раскрывающем в полном объеме цель, задачи и механизмы декларативно сформулированные в Указе Президента № 809 [14]. Принятие такого Федерального закона позволит «коррелировать» с действующими законодательными актами и противостоять разночтению тех или иных понятий.

Еще одним и весьма актуальным предложением стала инициатива Министра юстиции Российской Федерации К.А. Чуйченко, озвученная на XIII Петербургском международном юридическом форуме. Он призвал подумать над внедрением третьего основания освобождения от уголовной ответственности, дабы обеспечить приговором справедливость по делам, связанным с защитой традиционных нравственных ценностей [62]. Данный факт может способствовать в будущем сохранению принципа справедливости в судебной и пенитенциарных сферах. Так как не всегда соразмерность наказания равноценна человеческому пониманию справедливости.

Подводя итог изложенному, необходимо упомянуть и недавно произнесенные слова Президента Российской Федерации В.В. Путина: «Если мы не будем опираться на наши традиционные ценности, то нас просто не будет» [45]. В настоящее время можно смело утверждать, что такие фундаментальные ценности, как семья, уважение к старшим, труду, интересам других людей и иные, находятся в основе суверенности и государственности любой цивилизованной страны мира, поскольку современное государство не только политическая система, но и культурно-ценностная общность людей, проживающих на территории такого государства. Без прочного морального фундамента любое общество рискует оказаться в состоянии внутреннего распада, где индивид ставится выше общественного блага, а прагматизм вытесняет идеалы и долг. Основная задача состоит не столько в закреплении прошлого, как единственно возможного пути, а в опоре на проверенные временем моральные ориентиры, при выработке современных правовых подходов. Образование, культура, диалог поколений – ключевые направления, где можно и нужно укреплять связь между традицией и современностью, обеспечение открытости для диалога и уважения к человеческому достоинству, чтобы ценности не превращались в догму, а служили живой основой для национального развития.

Таким образом, государственность неразрывно связанна с духовно-нравственными ценностями, включает в себя понятия и принципы, построенные общностью людей, основанными на историческом опыте поколений и их социальных взаимоотношениях. На сегодняшний день тема сохранения и укрепления фундаментальных основ, лежащих в фундаменте российского общества и государства, является многоаспектной и требует дальнейшего углубленного внимания, как со стороны ученых правоведов, так и органов власти, реализующих политику по данному направлению.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – М., 2024.

2. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.

3. Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2023 г. № 52-ФЗ О Внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации». // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 10. – Ст. 1575

4. Указ Президента Российской Федерации от 22.08.2024 г. № 716 «О совете при Президенте Российской Федерации по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка

и языка народов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 35. – Ст. 5325.

5. *Ананских И.А., Уткин Н.И.* Семья как нравственно-правовая ценность российского общества // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 10. – С. 12–15.

6. Бастрыкин призвал прописать государственную идеологию в Конституции // https://www.rbc.ru/politics/22/11/2023/655db8f39a7947609f6e6b9e

7. *Боброва Н.А.* Государство без идеологии – это нонсенс // Мир политики и социологии. – 2019. – № 7. – С. 24–33.

8. *Богатырев Д.К., Сальников В.П.* Ценности христианского гуманизма и государственно-правовая идеология // Мир политики и социологии. – 2019. – № 11–12. – С. 36–43.

9. *Боер В.М., Городинец Ф.М., Григонис Э.П., Сальников М.В., Янгол Н.Г.* Правовое государство: реальность, мечты, будущее: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, 1999. – 256 с.

10. *Брылева Е.А. Г*ражданское общество как один из ключевых субъектов поиска государственно-правовой идеологии // Мир политики и социологии. – 2019. – № 8. – С. 23–26.

11. *Брылева Е.А., Сальников М.В*. Проблемные вопросы развития правового государства в Российской Федерации // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 5–6 апреля 2018 г.). В 2-х ч. Ч. 1. / Отв. ред. Ф.Х. Галиев. – С. 139–144. – в сб. 256 с.

12. *Булатов Р.Б.* Конституционные поправки 2020 г. в контексте формирования российской государственно-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 12. – С. 32–37.

13. *Булатов Р.Б.* Конституция Российской Федерации: поправки 2020 г. и их значение: Учебное пособие. – СПб.: ГУАП, 2023. – 232 с.

14. В России появится толковый словарь духовно-нравственных ценностей // Парламентская газета. 2025. URL: https://www.pnp.ru/social/v-rossii-poyavitsya-tolkovyy-slovar-dukhovno-nravstvennykh-cennostey.html (дата обращения: 28.05.2025)

15. *Виноградова Е.В., Виноградова П.А.* Укрепление конституционных гарантий поправками 2020 года в Конституцию Российской Федерации. – М.: Эдитус, 2020. – 200 с.

16. *Воронков К.И., Исмагилов Р.Ф, Сальников М.В.* Национальная идея добра и всеобщего союза как возможный вариант государственной идеологии в Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 3(69). – С. 117–123.

17. *Гутман М.Ю.* Или это хорошо? Или это плохо? Одни скажут – хорошо, а другие – плохо! // Мир политики и социологии. – 2019. – № 10. – С. 35–39.

18. *Дерюгин А.А., Аврамов С.О.* Традиционные духовно-нравственные ценности и ориентиры – стержень российской государственности на фоне современных угроз // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: Материалы Международной научно-практической конференции / Под науч. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, 2025. – С. 42–47. – в кн. 135 с.

19. Диктатура пролетариата, единовластие Сталина, репрессии: что думает о них…// История РФ. 2025. URL: https://histrf.ru/teacher/istoriya-rossii/politicheskaya-sistema-i-nacionalnaya-politika-sssr-v-1930-e-gg 2/article/diktatura-prolietariata-iedinovlastiie-stalina-riepriessii-chto-dumaiet-o-nikh-sovriemiennaia-nauka?content=article (дата обращения: 21.05.2025)

20. Добро, доверие, справедливость, свобода в философско-правовой мысли: античность и современность: Монография / Е.В. Виноградова, А.О. Воробьев, И.Н. Грибов [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. 2-е изд, испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2025. – 459 с. – (Научная мысль). – DOI 10.12737/2151906.

21. *Жук А.С., Сальников В.П.* Ценностный консенсус общества как основание суверенной правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 2. – С. 163–170.

22. *Жуков В.Н.* Россия и Запад: ценности, политика. Право: Монография. – М.: Юнити-Дана, 2025. – 840 с.

23. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 183–194.

24. *Иванов И.И., Жильский В.Н.* Проблемы духовно-нравственного формирования российской государственности // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: Материалы Международной научно-практической конференции / Под науч. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, 2025. – С. 48–53. – в кн. 135 с.

25. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева; И.А. Анансских, И.Н. Грибов, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина, И.Р. Исмагилов, О.А. Клименко, О.Ю. Лежнева, С.Ф. Мазурин, Б.В Маков, Д.В. Масленников, А.К. Мирзоев, П.А. Петров, Е.А. Поливко, К.Г. Прокофьев, О.В. Пылева, В.П. Сальников, М.В. Сальников, Ф.О. Чудин-Курган. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.

26. *Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).

27. *Кийко А.Ю.* Государственный суверенитет России как духовно-нравственная ценность // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: Материалы Международной научно-практической конференции / Под науч. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, 2025. – С. 19–21. – в кн. 135 с.

28. *Крижановская Г.Н.* К вопросу о необходимости государственной идеологии // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 34–40.

29. *Лазарев В.В.* Идеологические страсти на конституционном уровне // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 25–33.

30. *Лазарев В.В.* Идеологическое сопровождение современного правосудия // Мир политики и социологии. – 2019. – № 4. – С. 17–32.

31. *Лазарев В.В.* Идеология конституционного реформирования правовой системы Российской Федерации // Журнал российского права. – 2021. – № 4. – С. 5–17.

32. *Литвинов Н.Д.* Конституция Российской Федерации 1993 года – полностью ли она соответствует интересам России с позиций проводимой Западом гибридной войны // Мир политики и социологии. – 2019. – № 7. – С. 34–78.

33. *Литвинов Н.Д.* Роль идеи в формировании и разрушении государственности // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 41–71.

34. *Мазурин С.Ф.* Государственная идеология и общественное самосознание // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 25–28.

35. *Мазурин С.Ф., Сальников М.В.* Правовое и социальное государство в славянских странах: может ли оно отличаться от европейских? // Мир политики и социологии. – 2019. – № 5. – С. 78–91.

36. *Медведев А.А., Калинина Н.С.* Место государственно-правовой идеологии в системе противодействия коррупции в российском обществе // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. – 2025. – № 1(30). – С. 11–16.

37. *Морозов А.И., Прокофьев К.Г., Сергеева А.Ю.* Институт семьи как нравственно-правовая ценность (к вопросу о суверенной правовой идеологии как основании семейного права Российской Федерации) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 107–114.

38. *Мурсалимов К.Р.* Некоторые идеологические начала в правообразующей деятельности государства // Мир политики и социологии. – 2019. – № 8. – С. 27–30.

39. От редакции. О дискуссии, вызванной статьей-презентацией доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.В. Лазарева «Идеологическое сопровождение современного правосудия» // Мир политики и социологии. – 2019. – № 11–12. – С. 11–35.

40. Патрушев: фундамент русского общества – система традиционных ценностей // https://rossaprimavera.ru/news/90f07c2

41. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: Монография / М.Ю. Гутман, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 423 с. – (Научная мысль).

42. Проект закона о защите русского языка Дума рассмотрит в приоритетном порядке // Интерфакс. 2025. URL: https://www.interfax.ru/russia/1001548 (дата обращения: 21.05.2025)

43. *Прокофьев К.Г.* Институт семьи в системе ценностного консенсуса российского общества: нравственный и правовой аспекты // Теория государства и права. – 2024. – № 1. – С. 225–233. DOI: 10.25839/MATGIP_2024_1_35_22

44. Путин назвал традиционные ценности фундаментом российского бытия // Ведомости. 2024. 6 марта.

45. Путин рассказал о важности традиционных ценностей для России // РИА Новости. 2025. URL: https://ria.ru/20250504/rossija-2014865903.html (дата обращения: 28.05.2025)

46. *Ромашов Р.А.* Поправки к Конституции России как форма конституционно-правовой инновации // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 41–47.

47. *Рыбакова О.С.* Конституционное обеспечение защиты семьи и традиционных семейных ценностей российского общества // Теория государства и права. – 2023. – № 4 (33). – С. 255–262. DOI: 10.25839/MATGIP_2023_4_255.

48. *Сальников В.П*. От права к правовому государству // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 1(51). – С. 12–15.

49. *Сальников В., Сальников М.* Правовая онтология гражданского сознания // Юридический мир. – 2005. – № 11. – С. 48–53.

50. *Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В.* Теория правового государства (попытка современной интерпретации) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 3–14.

51. *Сальников В.П., Сальников М.В., Биктасов О.В.* Онтологическо-правовые основания гражданского сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 3. – С. 7–13.

52. *Сальников В.П., Эбзеев Б.С., Хабибулин А.Г.* Классики современной российской теории государства и права. К 75-летию доктора юридических наук, профессора Валерия Васильевича Лазарева // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 11. – С 11–19.

53. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И.* Конституционная реформа как реализация ценностного консенсуса общества // Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства: Сборник материалов Всероссийской научно практической конференции (г. Уфа, 24 марта 2021 г.) / Отв. ред. Н.В. Ямалетдинова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – С. 227–238. – в. сб. 310 с.

54. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И.* Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 170–178.

55. *Степашин С.В.* Право и гуманитарные ценности как опора в период турбулентности мировой политики // XI Петербургский международный юридический форум. – СПб.: Росконгресс; Министерство юстиции Российской Федерации, 2023. – С. 17–19.

56. Философско-правовое познание: актуальные проблемы: монография / Е.В. Виноградова, А.О. Воробьев, М.Ю. Гутман [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2025. – 418 с. – (Научная мысль). DOI 10.12737/2152004

57. *Хабибулин А.Г.* Государственная идеология как основа суверенности современной России // Теория государства и права. – 2024. – № 3–2(40). – С. 200–204. DOI 10.25839/ MATGIP_2024_3–2_40_200.

58. *Хабибулин А.Г.* Идеология – основополагающий фактор общественного развития // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 21–24.

59. *Хабибулин А.Г.* Идеология как фактор политической субъектности государства // Теория государства и права. – 2024. – № 1. – С. 251–258. DOI: 10.25839/MATGIP_2024_1_35_251

60. *Хабриева Т.Я., Клишас А.А.* Тематический комментарий к Закону Российской Федерации О поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». – М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 240 с.

61. Что сказал Бастрыкин о росте преступности среди мигрантов // Ведомости. 2025. URL: https:// www.vedomosti.ru/society/articles/2025/05/20/1111390-chto-skazal-bastrikin-o-roste-prestupnosti (дата обращения: 28.05.2025)

62. Чуйченко предложил закрывать дела в случае защиты нравственных ценностей // РБК. 2025. URL: https://www.rbc.ru/politics/21/05/2025/682db4659a7947 832a9a2965 (дата обращения: 28.05.2025)

63. *Шеншин В.М.* Патриотизм – основа государственно-правовой идеологии, формируемой Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации // Мир политики и социологии. – 2019. – № 11–12. – С. 44–52.

64. *Юрковский А.В.* Объективные и субъективные детерминанты государственной идеологии в формировании и функционировании механизма государственной власти: в рамках дискуссии, вызванной статьей-презентацией В.В. Лазарева «Идеологическое сопровождение современного правосудия» // Мир политики и социологии. – 2019. – № 10. – С. 40–50.

Для цитирования: *Мухин А.И.* Духовно-нравственные ценности общества и современное государство // Теория государства и права. – 2025. – № 2-1. – С. 204–212.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_204

SPIRITUAL AND MORAL VALUES OF SOCIETY AND THE MODERN STATE

Aleksei I. Mukhin*

Annotation. *At present, the Russian statehood and social interrelations are in a state of socio-cultural crisis. This is proved by a number of circumstances, one of which, among others, is the widespread borrowing of various words and concepts from foreign sources and languages. Not because we are forced to, but because we have come to consider it a norm or a rule of «good tone». The Russian language is undergoing a crisis not because of hatred, but because of human indifference, because of the glossy, fashionable garbage with which it has been cluttered for many years. Today, in the center of any major city in Russia, you can walk around and not see a single Russian signboard, because now the trend is «places», «lofts», «plazas», «tower», etc., and this is not a joke, ours is reality. Walking into a shopping center, we drown in a linguistic collage: «shopping», «boutique», «market», «booking». Among all this, you can find only lonely familiar Russian words –«Producti», «Banya», «Ryumochnaya» or «Stolovaya», from the contemplation of which becomes happier and warmer at heart. All this is not just evidence of the application of "soft power" to our society, but also has a direct and profound impact on the issues of ideology, statehood, and sovereignty. This article attempts to analyze and compare a set of legal measures and mechanisms applied by the state to preserve the traditional, social and spiritual foundations of society and its institutions.*

Keywords: *traditional values, state, society, language, ideology.*

In the conditions of spiritual and moral erosion, society and the state face various challenges, reflected not only in the obvious, but also in the latent plane. Such challenges affect the law, morality, solidarity and justice, in general, those fundamental guidelines that underlie Russian identity and form the national cultural code and identity of the Russian people. The rule of law, like society, is always based on a number of principles, including the supremacy of law, respect for human rights and freedoms, separation of powers and others. However, all these principles stem not only from regulatory and legal sources, but also from the internal culture, law-abiding citizens, their trust in government bodies and civil society institutions. At a time when spiritual and moral guidelines are lost or "eroded", the law loses its moral support, turning into a formal preventive mechanism that can easily be used for manipulative purposes. This is how the law turns from a fair expression of the state's will into an instrument of pressure.

One of the main tasks of the social state is to ensure a normal level of well-being for society, equal access to health care, education and other social services, and protection of vulnerable groups. The sustainability of such a state is based on the principle of solidarity and humanism. At the same time, in the conditions of a spiritual and moral crisis, when careerism, egoism and consumption prevail, solidarity weakens. The influence of state institutions also weakens, and social guarantees are perceived as a burden, and not as a duty or help to fellow citizens.

The reasons for such spiritual and moral decay are connected with a number of ongoing events, including the systematic destruction of traditional and religious values, the consequence of which is a crisis of family, education and work, which in turn affects the emergence of a new system of values, proclaiming such guidelines as – "possession" or "success at any cost" without the need for education, professionalism or talent, the main thing here is – "popularity", "likes" or the opinion

* **Mukhin Aleksey Igorevich**, postgraduate student of the Higher School of Public Audit of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov. E-mail: 3893958@mail.ru

Scientific supervisor – **Khabibulin Alik Galimzyanovich,** Head of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of Public Audit of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Law Faculty of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan. E-mail: 21alik@mail.ru

of "bloggers". Also, it is necessary to pay attention to the development of modern digital technologies, which inevitably causes information overload, the expansion of mechanisms for manipulating public opinion, as well as the transformation of a person into an introvert, capable only of consuming, not creating.

As a theoretical basis for resolving the current situation, it seems reasonable to revive the educational mission of education and culture, thereby developing an understanding among young people that success, and accordingly, material wealth, comes to a person as a result of sharing and observing the spiritual and moral postulates accepted by society. Another pressing issue is the development of a dialogue between the state, religious associations and the scientific and cultural community, since the development of an individual's internal moral foundation is only possible with a comprehensive and all-round impact on a person. Religion teaches us the transcendental, the priority of the spiritual over the material, and education teaches us the basic rules and laws that exist in this world. In the process of socialization, moral and ethical foundations form values in a person that are passed on from generation to generation [20].

The key indicator of the social state and development prospects is the nature of the relationship between the state and the individual. Personality is understood as a set of socially significant qualities of an individual, manifested in interpersonal relationships. The concept of "personality" and its characteristic features are always organically connected with society and its specifics. Society is a historically evolving system of relationships between people – the result of their life and activities together. Personality and society are in mutual unconditionality and only together form an inseparable whole.

The place of an individual in a social structure is determined not only by his/her activity, ability and belonging to society from the point of view of biology or spirituality. The main parameters of an individual are formed and reproduced in a specific historical era, of course, taking into account the phenomena and institutions characteristic of that time. Thus, the fundamental component of any society is civil and legal institutions.

The real status of a person and the degree of his freedom are manifested through the spiritual prism and material possibilities. This paradigm is formed as a result of the interaction of people in society and it is in this connection that there are differences between individuals, both in social and legal status [25]. In different historical periods and in different geographic and political conditions, the basic characteristics of the status of an individual can differ significantly, as for example – the right to life and freedom in modern Europe have a completely different content than it was during the Second World War.

In a modern state, society, and specifically citizens, play a key role in shaping the conditions of human life. In this case, the importance of the state is determined by its relative independence and those exceptional levers of influence on social relations that it monopolizes. The state is not only a special apparatus of management and coercion, but people who, among other things, ensure integrity and sovereignty from a formal and informal point of view. As the official representative of society, the state formulates and implements generally binding norms, thereby building the relations "individual-society-state" [41].

By virtue of the principle of sovereignty, every person within the territorial jurisdiction becomes the addressee of the above-mentioned instructions. Most often, this stable connection is expressed through the institution of "citizenship" in states with a republican form of government, or allegiance in monarchies. Although de jure allegiance means personal loyalty to the monarch, and citizenship a political and legal connection with the state, in essence, both concepts ensure a strong legal and spiritual-value union between the individual and the state. This union grants a person the status of a citizen and gives him a certain set of rights, and also imposes certain obligations, in addition, it guarantees protection within the country and beyond its borders.

In different societies, the balance between the individual and the state can vary greatly. Where principles such as justice, humanism and democracy prevail, the state strives to balance the interests of the individual and the whole society, which is one of its main functions. Such a state is socially oriented, it is accountable to society and limited in its actions, since power is in the hands of the people [26].

The Constitution, as the fundamental law, ensures harmony and balance of the main relationships between society and the state, establishes a certain legal regime and form of government. Based on the meaning of the Constitution, today Russia is a secular and social state and without taking into account these or other features it is impossible to talk about statehood in general. This indicates that the highest legal form of expression of state identity is precisely this document.

In the legal hierarchy of normative acts, only the Basic Law occupies the highest place, thus, other legislative acts are obliged to comply with its provisions and principles. Moreover, the concept of the supremacy of the Basic Law applies to the entire territory and no local legal order can have preferential legal force.

The Russian state is continuous in time and space. This continuity is determined by the intergenerational connection, historical and cultural development of peoples, which is directly reflected in the preamble to the Constitution. From a legal point of view, this enshrines the steadfastness of the will of both citizens and the creators of the national statehood, who made their enormous contribution to the strengthening and development of the state.

Constitutional amendments in 2020 supplemented the principle of continuity, establishing that the Russian Federation is the full-fledged successor of the Soviet Union on its territory, as well as the continuer of its rights and obligations [13; 15; 31; 46; 53; 60].

The protection of the unity and integrity of the state in the past, present and future is ensured by the provisions of the Constitution. From this follows the duty of public authorities to protect the integrity of the country. At the same time, the Basic Law assumes the active participation of citizens in strengthening unity and at the same time provides for responsibility for actions directed against the fundamental constitutional values of our multinational people of Russia. In particular, this is reflected in the requirement of loyalty to the state, protection of the Fatherland and observance of laws.

The idea of harmonious interaction between the individual and the state is embodied, among other things, in the concept of a state governed by the rule of law, where the rule of law extends to all subjects of law enforcement and law enforcement, and where the inviolability of fundamental rights and freedoms is the highest value. The principle of mutual responsibility, i.e. "checks and balances," is mandatory in such a state, where legislative restrictions and obligations to protect citizens are ensured, as well as responsibility for illegal actions of officials. It is necessary to take into account that in a state governed by the rule of law, individual freedom is not absolute and ends where the rights and freedoms of other citizens begin [9; 11; 35; 48; 50].

From all of the above, the question of whether modern Russia needs a state ideology becomes relevant. An even more difficult task is to find compromises in this area, since the formation of a unified position will require compliance with many interests, which will result in the risk of losing a single content. This conclusion follows from an interesting discussion conducted by the journal "The World of Politics and Sociology", caused by the article-presentation of the classic of the theory of state and law [52], Professor V.V. Lazarev "Ideological Support of Modern Justice" [30]. The participants in the discussion came to an unambiguous position that it is difficult to hope for the successful development of statehood without a sovereign state and legal ideology [7; 8; 10; 17; 28; 29; 32; 33; 34; 38; 39; 58; 63; 64]. The formulated position finds convincing support in modern philosophical and legal literature [6; 12; 16; 21; 23; 36; 54; 57; 59; 56, p. 21–55].

At present, Article 13 of the Constitution of Russia [1] enshrines ideological pluralism, but it cannot be argued that this contributes to social cohesion. It is obvious that the absence of a common ideological basis maintains a balance between the traditional way of life of many peoples of Russia and the current constitutional values. One should not forget about the existence of a "national idea", which is usually formed spontaneously, which, in fact, makes one think that achieving a "feeling" of agreement on this issue is hardly possible in these circumstances.

In this context, it also seems necessary to pay attention to the existing ideological attitudes that have taken root in the mass consciousness of citizens and are organically intertwined with statehood [49; 51]. In this regard, the Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and

Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" [2] (hereinafter referred to as Presidential Decree No. 809) was adopted. This document has the characteristics of strategic planning, which de facto gives it an ideological character. If strategic documents are usually aimed at the economic or social component, then in this case the decree affects the internal, spiritual and intellectual parts of public life. It reflects the ideas and thoughts that guide the Russian people, political and government figures and ordinary citizens of Russia [18; 22; 24; 27; 40; 44].

Until recently, the concept of "traditional values" was purely declarative in nature and did not have a strict formal definition; it was mainly defined as loyalty to spiritual traditions, the immutability of the unique understanding of the historical mission of our civilization, and opposition to all forms of deviation that operate with the substitution of concepts as a basis for ideological manipulation.

Currently, according to the provisions of the text of the Presidential Decree No. 809, "traditional values" are understood as moral guidelines passed down from generation to generation, strengthening solidarity and the unified historical and cultural heritage of the multinational, multiconfessional people of Russia. A list of values is also presented, including life, dignity, human rights and freedoms, as well as others.

It should be noted that a special place in the formation of the system of traditional spiritual values is occupied by the fundamental principles, statements and commandments of the main religions – Christianity, Islam, Buddhism and Judaism. Religion is an integral part of the spiritual heritage and the actual "foundation" of statehood, ensuring the sovereignty and unity of the people.

Such concepts as life, dignity, rights and freedoms, although they have their origins in Western constitutional traditions, have already become firmly entrenched in Russian legal culture. At the same time, spiritual ideals – humanism, a strong family and others – reflect social aspirations that do not depend on the political or economic situation [5; 37; 43; 47; 55].

From a fundamental point of view, the normative consolidation of the institution of traditional values opens the way to improving legislation in terms of their protection and further development. The protection of values is the most important and necessary step towards the formation of a harmonious society, where a person will feel confident and stable.

In this context, a separate area of research is the role of religious communities in the formation of spiritual and traditional values. The state recognizes, guarantees and supports the activities of religious communities, while remaining secular, which is enshrined in the provisions of Article 14 of the Constitution of Russia. Thus, traditional values are actually the ideological basis of the Russian state, determining the main vector of its life and development.

Another topical aspect is the issue of linguistic unity as one of the most important components of national Unity, since any mutual understanding, exchange of experience, and the process of socialization are inextricably linked with language. The Russian language is state-forming based on the provisions of Article 68 of the Constitution of Russia, which is due to the presence of spiritual and moral traditions that underlie the statehood of the country, which are passed on from generation to generation, precisely thanks to the language. However, at present, there is a threat of "dilution" of linguistic unity, which, if it spreads, can lead to significant problems. In order to suppress this threat, a number of Decrees of the President of the Russian Federation were adopted, including the Decree of 28.02.2023 No. 52-FZ "On Amendments to the Federal Law "On the State Language of the Russian Federation" [3], of 22.08.2024 No. 716 "On the Council under the President of the Russian Federation for the Implementation of State Policy in the Sphere of Supporting the Russian Language and the Language of the Peoples of the Russian Federation" [4]. These legal acts will help preserve linguistic sovereignty and tradition, including that of small ethnic groups, and protect it from external encroachment. It should also be mentioned that it is the language that carries the historical memory of the people, the worldview of the nation and cultural identity. Without systematic support of the national language, traditional forms of thinking can be eroded, and as a result, behavior. In the era of digital influence, there is a widespread substitution of concepts, the "cult of consumption" becomes valuable, and spirituality disappears altogether. Representatives of small nations, who are far from the digital environment, remain some of the few islands of culture and spir-

ituality. Language, in turn, is a mechanism for strengthening national identity, promotes intergenerational connections, and helps citizens both within the country and visiting foreigners to assimilate. Without proper legal regulation of this area, serious risks arise, some of which were discussed by Professor A.I. Bastrykin, Head of the Investigative Committee of the Russian Federation [61]. Thus, today the area of preserving linguistic unity is of utmost importance for preserving and strengthening traditional values.

Presidential Decree No. 809 contributes to the development of not only theoretical guidelines and recommendations for the preservation and strengthening of spiritual values, but also contributes to the development of practical measures, since active work is currently underway to adopt an explanatory dictionary of spiritual and moral ideals. The emergence of such initiatives is associated with the need for a uniform understanding of the terms that underlie Russian identity. Formal presentation and consolidation of the relevant definitions on paper will allow in the future to level out misunderstandings between various ethnic groups living in the country. Moreover, as representatives of the Russian Orthodox Church believe, the systematic development of the category of traditional values should be reflected in the basic law, fully disclosing the goal, objectives and mechanisms declaratively formulated in Presidential Decree No. 809 [14]. The adoption of such a Federal Law will allow "correlating" with current legislative acts and countering discrepancies in the interpretation of certain concepts.

Another very relevant proposal was the initiative of the Minister of Justice of the Russian Federation K.A. Chuichenko, voiced at the XIII St. Petersburg International Legal Forum. He called for thinking about introducing a third basis for exemption from criminal liability in order to ensure justice in cases related to the protection of traditional moral values [62]. This fact may contribute to the preservation of the principle of justice in the judicial and penitentiary spheres in the future. Since the proportionality of punishment is not always equivalent to the human understanding of justice.

In conclusion, it is necessary to mention the recently spoken words of the President of the Russian Federation V.V. Putin: "If we do not rely on our traditional values, we simply will not exist" [45]. At present, it can be safely stated that such fundamental values as family, respect for elders, labor, the interests of other people and others are the basis of the sovereignty and statehood of any civilized country in the world, since a modern state is not only a political system, but also a cultural and value community of people living on the territory of such a state. Without a solid moral foundation, any society risks finding itself in a state of internal disintegration, where the individual is placed above the public good, and pragmatism displaces ideals and duty. The main task is not so much to consolidate the past as the only possible path, but to rely on time-tested moral guidelines when developing modern legal approaches. Education, culture, and dialogue between generations are key areas where it is possible and necessary to strengthen the connection between tradition and modernity, ensuring openness to dialogue and respect for human dignity, so that values do not turn into dogma, but serve as a living foundation for national development.

Thus, statehood is inextricably linked with spiritual and moral values, includes concepts and principles built by a community of people, based on the historical experience of generations and their social relationships. Today, the topic of preserving and strengthening the fundamental foundations that underlie Russian society and the state is multifaceted and requires further in-depth attention, both from legal scholars and from government bodies implementing policies in this area.

Bibliographic list

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). M., 2024.

2. Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 "On approval of the Fundamentals of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 46. Art. 7977.

3. Decree of the President of the Russian Federation of 28.02.2023 No. 52-FZ On Amendments to the Federal Law "On the State Language of the Russian Federation". // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. No. 10. Art. 1575

4. Decree of the President of the Russian Federation of August 22, 2024 No. 716 "On the Council under the President of the Russian Federation for the Implementation of State Policy in the Sphere of Supporting the Russian Language and the Language of the Peoples of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 35. Art. 5325.

5. *Ananskikh I.A., Utkin N.I.* Family as a moral and legal value of Russian society // Legal science: history and modernity. 2023. No. 10. P. 12–15.

6. Bastrykin called for the state ideology to be written into the Constitution // https://www.rbc.ru/politics/22/11/2023/655db8f39a7947609f6e6b9e

7. *Bobrova N.A.* A state without ideology is nonsense // The world of politics and sociology. 2019. No. 7. P. 24–33.

8. *Bogatyrev D.K., Salnikov V.P.* Values of Christian humanism and state-legal ideology // The world of politics and sociology. 2019. No. 11–12. P. 36–43.

9. *Boer V.M., Gorodinets F.M., Grigonis E.P., Salnikov M.V., Yangol N.G.* The rule of law: reality, dreams, future: Scientific publication / Ed. V.P. Salnikov. St. Petersburg: Aleteya, 1999. 256 p.

10. *Bryleva E.A.* Civil society as one of the key subjects in the search for state and legal ideology // The World of Politics and Sociology. 2019. No. 8. P. 23–26.

11. *Bryleva E.A., Salnikov M.V.* Problematic issues of development of the rule of law in the Russian Federation // Problems of the status of modern Russia: historical and legal aspect: Collection of articles of the All-Russian scientific and practical conference (Ufa, April 5–6, 2018). In 2 parts. Part 1. / Ed. F.Kh. Galiev. Pp. 139–144. In the book 256 p.

12. *Bulatov R.B.* Constitutional amendments of 2020 in the context of the formation of the Russian state and legal ideology // Legal Science: History and Modernity. 2023. No. 12. P. 32–37.

13. *Bulatov R.B.* Constitution of the Russian Federation: amendments of 2020 and their significance: Textbook. St. Petersburg: GUAP, 2023. 232 p.

14. An explanatory dictionary of spiritual and moral values will appear in Russia // Parliamentary newspaper. 2025. URL: https://www.pnp.ru/social/v-rossii-poyavitsya-tolkovyy-slovar-dukhovno-nravstvennykh-cennostey.html (date of access: 05/28/2025)

15. *Vinogradova E.V., Vinogradova P.A.* Strengthening constitutional guarantees by 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation. M.: Editus, 2020. 200 p.

16. *Voronkov K.I., Ismagilov R.F., Salnikov M.V.* National idea of good and universal union as a possible variant of state ideology in the Russian Federation // Legal state: theory and practice. 2022. No. 3 (69). P. 117–123.

17. *Gutman M.Yu.* Or is it good? Or is it bad? Some will say – good, and others – bad! // The world of politics and sociology. 2019. No. 10. P. 35–39.

18. *Deryugin A.A., Avramov S.O.* Traditional spiritual and moral values and guidelines – the core of Russian statehood against the background of modern threats // Protection of statehood: historical heritage and modern challenges: Materials of the International scientific and practical conference / Under the scientific editorship of V.P. Salnikov. St. Petersburg: Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation, 2025. Pp. 42–47. In the book. 135 p.

19. The dictatorship of the proletariat, Stalin's autocracy, repressions: what does… think about them? // History of the Russian Federation. 2025. URL: https://histrf.ru/teacher/istoriya-rossii/politicheskaya-sistema-i-nacionalnaya-politika-sssr-v-1930-e-gg2/article/ diktatura-prolietariata-iedinovlastiie-stalina-riepriessii-chto-dumaiet-o-nikh-sovriemiennaia-nauka?con tent=article (date of access: 21.05.2025)

20. Goodness, trust, justice, freedom in philosophical and legal thought: antiquity and modernity: Monograph / E.V. Vinogradova, A.O. Vorobyov, I.N. Gribov [et al.]; under the general editorship of Doctor of Law, Professor V.P. Salnikov. 2nd ed., corrected. and additional. Moscow: INFRA-M, 2025. 459 p. (Scientific Thought). DOI 10.12737/2151906.

21. *Zhuk A.S., Salnikov V.P.* Value consensus of society as the basis of sovereign legal ideology // Legal science: history and modernity. 2023. No. 2. P. 163–170.

22. *Zhukov V.N.* Russia and the West: Values, Politics. Law: Monograph. M.: Unity-Dana, 2025. 840 p.

23. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Reflections on the Foundations of Russian Sovereign Philosophical and Legal Ideology // Legal Science: History and Modernity. 2020. No. 2. P. 183–194.

24. *Ivanov I.I., Zhilsky V.N.* Problems of spiritual and moral formation of Russian statehood // Protection of statehood: historical heritage and modern challenges: Materials of the International scientific and practical conference / Under the scientific editorship of V.P. Salnikov. St. Petersburg: Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation, 2025. Pp. 48–53. In the book. 135 p.

25. The Idea of Freedom. Law. Morality (Classical and Postclassical Philosophy of Law): Monograph / Edited by Dr. of Law S.I. Zakhartsev; I.A. Ananskikh, I.N. Gribov, S.I. Zakhartsev, N.V. Zorina, I.R. Ismagilov,

O.A. Lezhneva, S.F. Mazurin, B.V. Makov, D.V. Maslennikov, A.K. Mirzoev, P.A. Petrov, E.A. Polivko, K.G. Prokofiev, O.V. Pyleva, V.P. Salnikov, M.V. Salnikov, F.O. Chudin-Kurgan. M.: Yurlitinform, 2020. 288 p.

26. *Ismagilov R.F., Salnikov V.P.* Law and justice: historical traditions and modern models (Historical and legal analysis of theoretical studies of topical issues of the relationship between the idea of law and the idea of justice in the 20th–21st centuries): Monograph. St. Petersburg: University Foundation, 2017. 324 p. (Series: Science and Society).

27. *Kiiko A.Yu.* State sovereignty of Russia as a spiritual and moral value // Protection of statehood: historical heritage and modern challenges: Proceedings of the International scientific and practical conference / Under the scientific editorship of V.P. Salnikov. St. Petersburg: Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation, 2025. Pp. 19–21. In the book. 135 p.

28. *Krizhanovskaya G.N.* On the need for state ideology // The world of politics and sociology. 2019. No. 9. P. 34–40.

29. *Lazarev V.V.* Ideological passions at the constitutional level // The world of politics and sociology. 2019. No. 9. P. 25–33.

30. *Lazarev V.V.* Ideological support of modern justice // The world of politics and sociology. 2019. No. 4. P. 17–32.

31. *Lazarev V.V.* Ideology of constitutional reform of the legal system of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2021. No. 4. P. 5–17.

32. *Litvinov N.D.* The Constitution of the Russian Federation of 1993 – does it fully correspond to the interests of Russia from the standpoint of the hybrid war waged by the West // The World of Politics and Sociology. 2019. No. 7. P. 34–78.

33. *Litvinov N.D.* The role of ideas in the formation and destruction of statehood // The world of politics and sociology. 2019. No. 9. P. 41–71.

34. *Mazurin S.F.* State ideology and public self-awareness // The world of politics and sociology. 2019. No. 6. P. 25–28.

35. *Mazurin S.F., Salnikov M.V.* Legal and social state in Slavic countries: can it differ from European ones? // The world of politics and sociology. 2019. No. 5. P. 78–91.

36. *Medvedev A.A., Kalinina N.S.* The Place of State and Legal Ideology in the System of Combating Corruption in Russian Society // Bulletin of the Military Academy of the National Guard Troops. 2025. No. 1(30). P. 11–16.

37. *Morozov A.I., Prokofiev K.G., Sergeeva A.Yu.* The institution of family as a moral and legal value (on the issue of sovereign legal ideology as the basis of family law of the Russian Federation) // Legal Science: History and Modernity. 2019. No. 12. P. 107–114.

38. *Mursalimov K.R.* Some ideological principles in the law-making activities of the state // The world of politics and sociology. 2019. No. 8. P. 27–30.

39. From the editors. On the discussion caused by the article-presentation of Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation V.V. Lazarev "Ideological support of modern justice" // The world of politics and sociology. 2019. No. 11–12. P. 11–35.

40. Patrushev: the foundation of Russian society is the system of traditional values // https:// rossaprimavera.ru/news/90f07c2

41. Political and legal governance and threats to state sovereignty: Monograph / M.Yu. Gutman, S.I. Zakhartsev, N.V. Zorina [et al.]; under the general editorship of Doctor of Law, Professor V.P. Salnikov. 2nd ed., corrected. and enlarged. Moscow: INFRA-M, 2024. 423 p. (Scientific Thought).

42. The Duma will consider the draft law on the protection of the Russian language as a matter of priority // Interfax. 2025. URL: https://www.interfax.ru/russia/1001548 (date of access: 21.05.2025)

43. *Prokofiev K.G.* The Institute of Family in the System of Value Consensus of Russian Society: Moral and Legal Aspects // Theory of State and Law. 2024. No. 1. P. 225–233. DOI: 10.25839/MATGIP_2024_1_35_22

44. Putin called traditional values the foundation of Russian existence // Vedomosti. 2024. March 6.

45. Putin spoke about the importance of traditional values for Russia // RIA Novosti. 2025. URL: https://ria.ru/20250504/rossija-2014865903.html (date accessed: 05/28/2025)

46. Romashov R.A. Amendments to the Constitution of Russia as a form of constitutional and legal innovation // Legal technology. 2021. No. 15. P. 41–47.

47. *Rybakova O.S.* Constitutional support for the protection of the family and traditional family values of Russian society // Theory of State and Law. 2023. No. 4 (33). P. 255–262. DOI: 10.25839/ MATGIP_2023_4_255.

48. *Salnikov V.P.* From Law to the Rule of Law // Rule of Law: Theory and Practice. 2018. No. 1(51). P. 12–15.

49. *Salnikov V., Salnikov M.* Legal ontology of civil consciousness // Legal world. 2005. No. 11. P. 48–53.

50. *Salnikov V.P., Romashov R.A., Salnikov M.V.* Theory of the rule of law (an attempt at a modern interpretation) // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2002. No. 3 (15). P. 3–14.

51. *Salnikov V.P., Salnikov M.V., Biktasov O.V.* Ontological and legal foundations of civil consciousness // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2005. No. 3. P. 7–13.

52. *Salnikov V.P., Ebzeev B.S., Khabibulin A.G.* Classics of the modern Russian theory of state and law. On the 75th anniversary of Doctor of Law, Professor Valery Vasilyevich Lazarev // Legal Science: History and Modernity. 2015. No. 11. P. 11–19.

53. *Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Morozov A.I.* Constitutional reform as the implementation of the value consensus of society // Amendments to the Constitution of the Russian Federation and prospects for the development of regional legislation: Collection of materials of the All-Russian scientific practical conference (Ufa, March 24, 2021) / Ed. N.V. Yamaletdinova. Ufa: RIC BashSU, 2021. pp. 227–238. in. collection. 310 p.

54. *Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Prokofiev K.G., Morozov A.I.* The principle of sovereignty of state-legal ideology and philosophy of law // The world of politics and sociology. 2019. No. 9. P. 170–178.

55. *Stepashin S.V.* Law and humanitarian values as a support in a period of turbulence in world politics // XI St. Petersburg International Legal Forum. St. Petersburg: Roscongress; Ministry of Justice of the Russian Federation, 2023. P. 17–19.

56. Philosophical and legal knowledge: current problems: monograph / E.V. Vinogradova, A.O. Vorobyov, M.Yu. Gutman [et al.]; under the general editorship of Doctor of Law, Professor V.P. Salnikov. 2nd ed., corrected. and additional. Moscow: INFRA-M, 2025. 418 p. (Scientific Thought). DOI 10.12737/2152004

57. *Khabibulin A.G.* State ideology as the basis of sovereignty of modern Russia // Theory of state and law. 2024. No. 3–2 (40). P. 200–204. DOI 10.25839/ MATGIP_2024_3–2_40_200.

58. *Khabibulin A.G.* Ideology is a fundamental factor in social development // The World of Politics and Sociology. 2019. No. 6. P. 21–24.

59. *Khabibulin A.G.* Ideology as a factor in the political subjectivity of the state // Theory of State and Law. 2024. No. 1. P. 251–258. DOI: 10.25839/MATGIP_2024_1_35_251

60. *Khabrieva T.Ya., Klishas A.A.* Thematic commentary to the Law of the Russian Federation On Amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authority". M.: Norma: INFRA-M, 2020. 240 p.

61. What Bastrykin said about the rise in crime among migrants // Vedomosti. 2025. URL: https:// www.vedomosti.ru/society/articles/2025/05/20/1111390-chto-skazal-bastrikin-o-roste-prestupnosti (date accessed: 05/28/2025)

62. Chuychenko proposed closing cases in case of protection of moral values // RBC. 2025. URL: https://www.rbc.ru/politics/21/05/2025/682db4659a7947832a9a2965 (date of access: 05/28/2025)

63. *Shenshin V.M.* Patriotism is the basis of the state and legal ideology formed by the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation // The World of Politics and Sociology. 2019. No. 11–12. P. 44–52.

64. *Yurkovsky A.V.* Objective and subjective determinants of state ideology in the formation and functioning of the mechanism of state power: within the framework of the discussion caused by the article-presentation of V.V. Lazarev "Ideological support of modern justice" // The world of politics and sociology. 2019. No. 10. P. 40–50.

For citation: *Mukhin A.I.* Spiritual and moral values of society and the modern state // Theory of state and law. 2025. No. 2–1. P. 213–220.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_204

Научная статья

УДК: 34
ББК: 67.1
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_221

В.П. Очередько [*]
И.Н. Кондрат [**]
С.П. Сальников [***]
Ф.А. Микуленко[****]

ИНСТИТУТ МИРОВОГО СУДЬИ ПО СУДЕБНЫМ УСТАВАМ 1864 ГОДА И СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ (В КОНТЕКСТЕ ВОПРОСОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЛИЧНОСТИ И СОБСТВЕННОСТИ)

Аннотация. *Рассматривается современная модель мирового судьи на основе сравнительного анализа в ее историко-правовом контексте с позиций защиты прав личности и собственности. Сложный путь развития института мирового судьи представляется как противоречивый процесс юридизации концептуальных представлений о его природе и месте в политико-правовой организации страны.*

Делается вывод о том, что в наше время институт мирового судьи характеризуется оригинальной современной моделью, отражающей уроки прошлого и современное федеративное политико-правовое устройство. Федеративное устройство страны и реализация принципа единства судебной системы порождает двойственное положение мирового судьи, что позволяет говорить о преемственности в некоторых чертах с дореволюционной моделью, заложенной Судебными уставами 1864 года.

Ключевые слова: *судебная реформа, судебная система, мировой судья, двойственная природа мирового судьи, собственность, двойственное положение мирового судьи, судебные уставы, статус судьи.*

Судебные реформы неизменно находятся в центре внимания во всем мире. Истории России знает много судебных реформ, среди которых следует выделить Петровскую и Екатерининскую реформы. Но по праву великой называется Судебная реформа 1864 года, являя нам один из образцов государственно-правового реформирования [17; 24; 25; 35; 38; 60]. Конечно, она была далеко не всеобъемлющей, хотя бы в части реализации принципа всесословности. В ней в полной мере проявился закон любой реформы, когда стремление к прогрессу неизменно согласуется с уступкой традиции в интересах сохранения стабильности в обществе. Ее, безусловно, следует рассматривать в контексте правового прогресса в его философско-правовом понимании [18; 19; 20; 21; 22]. Для нее характерен и период отката в реформировании, получивший название контрреформы. Однако она неизменно является

[*] **Очередько Виктор Пантелеевич,** профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации. E-mail: ocheredkovp@mail.ru

[**] **Кондрат Иван Николаевич,** профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник Прокуратуры Российской Федерации. E-mail: inkondrat@mail.ru

[***] **Сальников Сергей Павлович,** судья Починковского районного суда Нижегородской области, доктор юридических наук. E-mail: sp.salnikov@yandex.ru

[****] **Микуленко Федор Алексеевич,** адьюнкт Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации. E-mail: famikulenko@sberbank.ru

для последующих судебных реформ как опытом для извлечения уроков, так в еще большей мере ориентиром. Так или иначе, ее элементы присутствовали в судебной реформе 1922 года и 1928 года, при всем отрицании Советской властью предшествующего опыта судебного строительства.

Интерес к нормативному дизайну и опыту осуществления судебной реформы1864 года нисколько не уменьшился в наши дни, когда проводится современная судебная реформа. Логика политико-правового развития России обусловила исключительную актуальность изучения опыта реформы, несмотря на существенные временные разрывы между ними. Это изучение возможно на основе сравнительного анализа в его историческом контексте [44]. При этом, как совершенно справедливо указывают немецкие компаративисты К. Цвайгерта и Х. Кётца, «простое составление перечня сходств и различий мало что дает… Было бы [слишком просто], если бы в каждом из рассматриваемых правопорядков можно было отыскать четкое и очевидное решение исследуемой проблемы…Только сравнительный анализ дает разнообразие решений. Суть сравнения заключается в том, чтобы взглянуть на различные решения под новым углом зрения, который позволял бы выявить прежде всего их общность… Эта новая точка зрения и характеризует сравнение в подлинном смысле этого слова» [61]. Это позволяет не только определить общие черты рассматриваемых явлений, но также причины этих общих черт (единое происхождение, рецепция, общие исторические условия развития) и причины расхождений, что создает основания для возможного моделирования эффективного механизма заимствования элементов этих явлений.

Сравнительный анализ имеет значительный потенциал практического применения в условиях России, когда совершенствование национального законодательства в значительной мере традиционно базируется на изучении позитивного и негативного опыта других правовых традиций, правовых систем, отдельных институтов права.

Сравнительный анализ реформ возможен по многим направлениям: сравнение исторических условий осуществления реформ, сравнение их концептуальных основ, сравнение масштаба исторических новаций, сравнение институтов, определяющих лицо реформы; значимость их для защиты прав личности и собственности. К числу таких правовых институтов, придающим «лица не общее выражение» судебной реформе, следует отнести институт мировой юстиции.

Институт мирового судьи занимает значимое место в судебной системе страны. Он наиболее близок к человеку, призван решать его насущные проблемы, и именно он прежде всего стоит на страже личных прав и интересов собственности каждого гражданина. Этот институт весьма противоречив по своей природе и месту в судебной системе, постоянно подвергается донастройке. Это свойственно для рассматриваемых судебных реформ. Это то общее в институте мирового судьи, что вытекает из сравнительного анализа. Но это обнаружение достаточно формальных обстоятельств, характерных для многих правовых институтов. Значительно более важно осуществить сравнение сущностных характеристик института мирового судьи. К числу таковых, безусловно, относится понимание природы института мирового судьи и его места в защите прав личности и собственности, в целом места в судебной системе, заложенных в правовых документах в соответствии с которыми осуществляются судебные реформы (Судебных Уставах Российской Империи [5; 6; 7; 8]и ФКЗ и ФЗ Российской Федерации [1; 2; 3]).

Следует отметить неизменный интерес отечественных авторов к сравнению мирового правосудия с момента их образования в соответствии с Судебными уставами. На начальном этапе российская модель сравнивалась с иностранными аналогами. Так, известный дореволюционный юрист И. Фойницкий отмечал: «Наш мировой суд далек от английского земского представительства, еще более далек от мировых судей французских. Наш суд присяжных, равным образом, вылился в институт совершенно самостоятельный, представляющий значительные черты различия, как от английского, так и от французского» [56, с. 44]. Он видел суверенный характер российского мирового суда, да и всей нашей отечественной судебной системы, а следовательно, и русского права, то есть то, что современные российские иссле-

дователи хотели бы видеть в XXI веке [10; 41; 53] в единении с суверенной идеологией и философией права [23; 47, с. 70–120; 49; 50; 51; 55, с. 21–55;57].

В советский период проблемы мировой юстиции исследовались эпизодически и в основном в историческом контексте (Я.Л.Берман [12], Б.В. Виленский [14; 15], М.Г.Коротких [31]). Исследователями осуществлялась оценка этого института с позиций выявления адекватности потребностям нового строя [29, с. 21].

Всплеск интереса к мировой юстиции и сопутствующая ему активизация сравнительного измерения с «нативной», дореволюционной моделью отмечается на этапе разработки и осуществления современной судебной реформы [36; 42; 59]. Результаты этого сравнения, а самое главное, их интерпретация клались в основу выводов о преемственности или отсутствии таковой в развитии института мирового судьи. По этому вопросу среди современных исследователей идет непрекращающаяся дискуссия [11; 26; 27; 43]. Что интересно, из одних всем достаточно хорошо известных фактов (ведь мы отмечаем 160-ю годовщину великой Судебной реформы) делаются различные выводы: от признания преемственности и возрождения на этой основе хорошо известного отечественному судоустройству института мирового судьи сложившегося в результате судебной реформы 1864 года до категорического отрицания какой-либо преемственности.

Оценка исторической связи дореволюционной и современной правовых конструкций мирового судьи, на наш взгляд, не укладывается в обозначенную дилемму – или констатация преемственности института или отрицание преемственности с сохранением лишь названия. Квалифицированная оценка исторической связи предполагает дифференцированный анализ правовой конструкции института по его составным элементам, а именно, нормативное закрепление природы мирового правосудия, процессуальная основа мирового правосудия, место мирового судьи в судебной системе страны, его роль в обеспечении прав личности и защите его собственности.

Ключевое значение имеет сравнение понимания природы мирового правосудия, в значительной мере определяющее признание или отрицание преемственности института.

В Судебных уставах 1864 года была заложена двойственная природа мировой юстиции, определяя ее самобытность в таких характерных чертах, как примирение сторон, достижение мира между тяжущимися.В основе двойственности лежала многозначность смыслов понятия «мир» (мир как спокойствие, порядок и мир как община, общество). В ней также отражена российская традиция «мирового» рассмотрения конфликтов, идущая ещё от земского «народоправства», когда на основе авторитета сообщества вершился «праведный» суд. Поэтому в Судебных уставах была реализована модель мирового суда как государственного органа и как элемента общественного самоуправления. Законодатели решали задачу создания авторитетного посредника в разрешении споров, возникающих в обществе (мире). Сочетание государственных и общественных начал наиболее полно было представлено в должности почетного мирового судьи. Это была безусловно революционная, в значительной мере противоречивая идея (С.И.Зарудный), требующая преодоления односторонних и упрощенных оценок достижений и просчетов в создании нового института в рамках Великой судебной реформы.

Противоречивость модели двойственной природы мирового правосудия, проявилась в накоплении противоречий правосудной деятельности мировых судей, и наиболее явно обнаружилась в снижении количества дел, рассмотренных мировым судом и завершенных примирением сторон. В усилиях по преодолению заложенных противоречий Комиссией по пересмотру Судебных уставов (комиссией Н.В. Муравьева) в 1889 году было отменено положение об особом характере мировых судов [9, с. 56]. Наряду с этим были упразднены мировые судьи в большинстве регионов страны, введены земские начальники с наделением их судебными функциями и, таким образом, разрушена относительно цельная система мировой юстиции. Однако широкомасштабные преобразования во всех сферах жизнедеятельности страны в начале XX века обнаружили проблемы в реализации провозглашенных принципов правосудия, что потребовало восстановления института мировых судей (Закон

15 июня 1912 г. «О преобразовании местного суда» [4]) с соответствующими изменениями, прежде всего, его организационно-правовых основ и статуса мирового судьи. При этом, важно подчеркнуть, что идея примирения сторон как главного предназначения мировых судей была сохранена, наряду с охраной и утверждением общего порядка и спокойствия.

История преобразований института мировой юстиции была прервана революционными потрясениями в России 1917 года.

Сложные перипетии развития института мировой юстиции были учтены в рамках усилий по воссозданию института в контексте проводимой судебной реформы. Современные законодатели не стали повторять «ошибки» дореволюционных предшественников и исключили в законодательных актах дуалистический подход к пониманию природы мировой юстиции. В этой части закрепленный ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» институт под названием «мировой судья» не имеет ничего общего с существовавшей в дореволюционной России моделью.

Дуализм в природе мирового судьи преодолен за счет устранения общественной примирительной составляющей в содержательной стороне деятельности мирового судьи. Современная практика мировой юстиции наглядно демонстрирует, что актуальной и реализуемой целью развития института является разгрузка районных судов. Современный законодатель не выделяет примирение в качестве главной составляющей деятельности мировых судей и не решает этот вопрос. Поэтому вряд ли можно согласиться с утверждением некоторых уважаемых авторов, что правосудная деятельность современных мировых судей характеризуется «особым акцентом на примирительные процедуры, на заключение мировых соглашений» [30]. В отечественном материальном и процессуальном законодательстве нет никаких самостоятельных задач, поставленных перед мировыми судьями по достижению примирения сторон и использованию примирительных процедур. В этом смысле определение «мировой судья» потеряло смысловую нагрузку, а значит и преемственность с моделью, заложенной в Судебных Уставах. Сегодня это судья ограниченной юрисдикции.

Система мировых судей в современной России не предполагает возможность разрешения юридических конфликтов [32; 33; 34; 48; 52] с использованием медиационных процедур [13; 16; 28; 37; 39; 40; 46; 54; 58] как способа снижения нагрузки на суды. К сожалению, указанные надежды продолжают оставаться в режиме ожидания.

Важно определиться с преемственностью в определении места мирового судьи в судебной системе страны. Место мирового судьи характеризуется его организационно-правовой обособленностью. Важным моментом, характеризующим судебную систему дореволюционной России, являлось раздельное правовое регулирование мировой и общей юстиции. Был принят Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Другие Судебные уставы включали в себя отдельные разделы о мировых судьях и мировом судопроизводстве.

Самостоятельная система мировой юстиции (мировой судья и съезд мировых судей) включалась в общую судебную систему лишь на уровне кассации в лице Правительствующего Сената как высшего судебного органа.

В Российской Федерации также закреплена организационно-правовая обособленность мировых судей в рамках единой судебной системы. Но проявляется она по-другому, имеет название «двойственное правовое положение мирового судьи», а именно, как судьи субъекта Федерации и как низшего звена системы судов общей юрисдикции. Оно предопределено противоречивым сочетанием двух принципов организации судебной власти: федерализма как конституционного способа государственного устройства и единства как законодательно закрепленного принципа организации судебной системы. В результате самостоятельное правовое регулирование мировой юстиции осуществляется на федеральном уровне (ФЗ «О мировых судьях в РФ») и региональном уровне (законы субъектов РФ о мировых судьях), не содержащие процессуальной составляющей.

В настоящее время широко обсуждаются варианты преодоления этой обособленности. В частности, предлагается вывести мировых судей из уровня субъектов Федерации и перевести их на федеральный уровень (обращение Совета судей, издан Указ Президента РФ). Эти

предложения нуждается, на наш взгляд, в дополнительном теоретическом обосновании в силу того, что предполагают преодоление сложившейся формы согласования двух принципов организации судебной системы: единства и федерализма.

Определенная преемственность, конечно, скорректированная спецификой федеративного устройства и правовой системы России, прослеживается в урегулировании правового статуса мирового судьи. Прежде всего, следует отметить преемственность в его дифференциации. В дореволюционной России в основу дифференциации была положен территориальный критерий, а именно различие между центральными и окраинными губерниями, а также персональный, обусловленный введением ряда должностей мирового судьи.

В современной России единый статус судей определен федеральным законодательством. В то же время субъектам Федерации предоставлена возможность конкретизировать статус мирового судьи региональными законами в рамках, согласованных с федеральным центром. Это вполне ясно прослеживается в сочетании способов замещения должности мирового судьи: назначения и избрания. До революции были введены и реализованы оба способа. Сегодня федеральным законодателем определены также оба способа – назначения и выборов мировых судей. Субъектам Федерации предоставлено субсидиарное право реализации этих способов. Специфика современного развития обусловила назначение мирового судьи на должность представительными органами власти субъекта Федерации. Преемственность проявляется также в определении повторного замещения должности и его сроков [45, с. 65].

Вывод: Исполнившийся пусть и небольшой 25-летний юбилей мировой юстиции в России (принятие в 1998 году ФЗ «О мировых судьях в РФ») позволяет некоторое подведение итогов. Мировая юстиция прошла сложный путь становления, стала современным и достаточно эффективным институтом судебной власти в России. Сформировавшийся институт характеризуется оригинальной современной моделью, отражающей уроки прошлого и современное федеративное политико-правовое устройство. Извлечение уроков прошлого проявилось, прежде всего, в преодолении зафиксированной в судебных Уставах и сохранявшейся вплоть до 1917 года двойственной природы мирового судьи. Вместе с тем, представляется избыточным устранение самостоятельной мировой (примирительной) компоненты в правосудной деятельности современного мирового судьи, без чего это просто местный суд ограниченной юрисдикции, сохранивший историческое название.

Заложенный в Конституции РФ принцип федерализма в политико-территориальном устройстве и разработанный в ФКЗ «Судебная система Российской Федерации» принцип единства судебной системы обусловили двойственное положение мирового судьи, что позволяет говорить о сохранении некоторых черт с дореволюционной моделью.

Библиографический список

1. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 05.04.2005 г.) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 1. – Ст. 1.

2. Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ (в ред. от 22.07.2008 г.) «О мировых судьях в РФ» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 51. – Ст. 6270.

3. Федеральный закон от 29 декабря 1999 г. № 218-ФЗ (в ред. от 09.02. 2009 г.) «Об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

4. Закон от 15 июня 1912 г. «О преобразовании местного суда» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. – Т. XXXII. – Отд, 1. – № 37328.

5. Устав гражданского судопроизводства: от 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. – Т. 39. – № 41477.

6. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: от 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. – Т. 39. – № 41478.

7. Устав уголовного судопроизводства: от 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. – Т. 39. – № 41476.

8. Учреждения судебных установлений от 20 ноября 1864 г.// Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. – Т. 38 . – № 41476.

9. Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Объяснительная записка к проекту новой редакции Учреждения судебных установлений. – СПб., 1900. – Т. 1.

10. *Александрова О.И.* «Право должно быть способно создать справедливый мир» // XI Петербургский международный юридический форум. – СПб.: Росконгресс; Министерство юстиции Российской Федерации, 2023. – С. 34–35.

11. *Андреева О.И., Трубникова Т.В.* Производство по уголовным делам, подсудным мировым судьям. Лекция // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 9. – С. 140–146.

12. *Берман Я.Л.* Очерки по истории судоустройства РСФСР / Предисловие Н.В. Крыленко. – М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1923. – 72 с.

13. *Борисевич М.М., Пяткевич И.Н.* Медиация как процедура урегулирования правовых споров во внесудебном порядке // Юридическая наука. – 2023. – № 3. – С. 88–92

14. *Виленский Б.В.* Судебная реформа 1864 г. в России: к 100-летию реформы// Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1964. – № 3. – С. 94–100.

15. *Виленский Б.В.* Судебная реформа и контрреформ в России. – Саратов, 1969. – 400 с.

16. *Гарбер А.В., Виноградов В.В.* Примирительные процедуры в процессуальном праве – судебная медиация и судебное примирение // Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции с международным участием, посвящённой дню основания Российского государственного аграрного университета – Московской сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева. Калужский филиал РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева. – Калуга, 2023. – С. 345–349.

17. *Довлетов Р.Д., Ким Е.В.* Роль Министерства юстиции в Судебной реформе 1864 года // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 7. – С. 20–25.

18. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С 113–121.

19. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Правовой прогресс – новая философско-правовая дефиниция // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 171–188.

20. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Правовой прогресс и совершенствование правового регулирования и правотворчества в России в XXI веке // Правотворчество в XXI веке: эволюция доктрины и практики (к 90-летию со дня рождения А.С. Пиголкина). Сборник научных статей / Под ред. В.В. Лазарева. – М.: Норма, 2022. – С. 63–72. – в кн. 344 с.

21. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Правовой прогресс: новое направление исследования права // Теория государства и права. – 2017. – № 2. – С. 20–35.

22. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 13–30.

23. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 183–194.

24. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Суд присяжных как один из итогов реформы 1864 года: плюсы и минусы // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 1. – С. 135–145.

25. *Иванова Н.М., Онучина С.Л.* Выдающийся вклад министра юстиции Дмитрия Замятнина в проведение судебной реформы. Реформы прокуратуры на посту генерал-прокурора // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 170–174.

26. *Кайнов В.И., Сальников С.П.* К вопросу о судебных ошибках в деятельности мировых судей при рассмотрении дел об административных правонарушениях // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 6. – С. 126–134.

27. *Кайнов В.И., Прокофьев К.Г., Сальников С.П.* Правовой статус мирового судьи в контексте внесенных изменений в статью 118 Конституции Российской Федерации // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 1. – С. 146–153.

28. *Карташов В.Н., Сальников В.П.* Медиация в праве: новый или хорошо забытый старый способ разрешения споров // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 194–198.

29. *Кожевников М.В.* История советского суда. 1917–1956 годы. – М., 1957. – 383 с.

30. *Корнюшина Л.Г.* Мировая юстиция – важная часть судебной системы: история и современность // ГлаголЪ правосудия. – 2014. – № 2(8). – С. 95–97.

31. *Коротких М.Г.* Самодержавие и судебная реформа 1864 г. в России. – Воронеж, 1989. – 184 с.

32. *Кривоносова Д.В.* Конфликты в сфере применения права: предпосылки, параметры, динамика развития // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 1. – С. 84–97.

33. *Кривоносова Д.В.* Этапы и процедуры преодоления юридических конфликтов // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 3. – С. 73–81.

34. *Кривоносова Д.В.* Юридический конфликт: теоретико-правовые основания подхода к пониманию // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 12. – С. 71–87.

35. *Крижановская Г.Н., Кулешова Л.В., Сальников М.В.* Международная научно-практическая конференция «Судебная реформа 1864 года в России: история и современность». Краткий обзор докладов, статей и выступлений // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 1. – С. 11–46.

36. *Лонская С.В.* Институт мировой юстиции: вопросы теории и истории: Монография. – Калининград: Федеральный ун-т им. И. Канта, 2013. – 151 с.

37. *Максуров А.А., Таланова М.В.* Медиация в праве: юридическая технология медиативных процедур. – М.: ЭкООнис, 2014. – 456 с.

38. *Мельников Е.А.* Организационные и процессуальные механизмы разграничения функций уголовного преследования и предварительного следствия, реализованные в ходе реформы уголовного судопроизводства 1864 года // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 4. – С. 122–131.

39. *Милованова Н.А., Береснева А.А., Горельченко А.И.* Примирительные процедуры в гражданском процессе // Гражданское право и гражданское судопроизводство : актуальные вопросы теории и практики. Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции / Отв. за выпуск Н.В. Корнилова, И.В. Орлова. – Хабаровск, 2023. – С. 74–80.

40. *Минеева Т.Г., Назарова Н.Л., Сальников В.П., Соловьева С.В.* Медиация в России. (Памяти Нильса Кристи) // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 195–202.

41. *Мирзаян Геворг.* Суверенитет в праве // XI Петербургский международный юридический форум. – СПб.: Росконгресс; Министерство юстиции Российской Федерации, 2023. – С. 6–10.

42. Мировая юстиция в России: создание, деятельность, историческая миссия: монография / Под ред. .Д. Поповой, С.В. Лонской. – М.: Проспект, 2016. – 288 с.

43. *Очередько В.П.* Природа мирового правосудия и проблемы её реализации в современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 11. – С. 146–153.

44. *Очередько В.П.* Судебные реформы в России (в связи с двумя юбилейными датами) // Российское правосудие. – 2016. – № S1. – С. 12–21.

45. *Очередько В.П., Малышев Е.А.* Двойственная природа мирового судьи: историческое наследие в определении перспектив развития // Российское правосудие. – 2020. – № 9. – С. 57–67.

46. *Первухина С.И., Ярошенко Л.В.* О развитии медиации в рамках научно-практического проекта «примирительные процедуры в гражданском и административном судопроизводстве» // Актуальные проблемы медиации и судебного примирения: традиционные и альтернативные подходы в праве; Уголовное право и процесс: проблемы теории и практики в условиях современных вызовов; Конституционные ценности в фокусе юридической науки и практики. материалы трех Всероссийских научно-практических конференций. – Нижний Новгород, 2024. – С. 152–159.

47. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: монография / под ред. В.П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 423 с. – (Научная мысль).

48. *Ромашов Р.А.* Юридическая конфликтология. – СПб.: КноРус, 2021. – 280 с.

49. *Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Прокофьев К.Г.* Философские и богословские предпосылки суверенности философии права России: ценностные и нравственные аспекты // Теория государства и права. – 2024. – № 2–1 (37). – С. 186–195. DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2–1_37_186.

50. *Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Масленников Д.В., Прокофьев К.Г.* Теоретические и духовно-нравственные предпосылки истинной суверенности философии права России // Теория государства и права. – 2024. – № 3 (38). – С. 196–211.

51. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И.* Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 170–178.

52. *Советов Д.И.* Соотношение теории коллизий и юридических конфликтов с феноменом правовой ошибки в юридической деятельности // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 2. – С. 22–27.

53. *Степашин С.В.* Право и гуманитарные ценности как опора в период турбулентности мировой политики // XI Петербургский международный юридический форум. – СПб.: Росконгресс; Министерство юстиции Российской Федерации, 2023. – С. 17–19.

54. *Федоренко Н.В., Бушуев А.А.* Развитие альтернативных способов разрешения споров в процессуальном праве // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-

процессуальной деятельности и национальной безопасности. Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону, 2023. – С. 56–59.

55. Философско-правовое познание: актуальные проблемы: монография / Е.В. Виноградова, А.О. Воробьев, М.Ю. Гутман [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2025. – 418 с. – (Научная мысль). DOI 10.12737/2152004

56. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного законодательства / Общ. ред., послесл., прим.: Смирнова А.В. – СПб.: Альфа, 1996. – 552 с.

57. *Хабибулин А.Г.* Государственная идеология как основа суверенности современной России // Теория государства и права. – 2024. – № 3–2(40). – С. 200–204. DOI 10.25839/ MATGIP_2024_3–2_40_200.

58. *Шайменова А.Б.* Развитие идеи медиации как одного из вида альтернативных способов разрешения гражданско-правовых споров в Республике Казахстан // Законодательство. – 2023. – № 6. – С. 59–64.

59. *Шахрай С.М., Краковский К.П.* Суд скорый, правый и милостивый для всех: К 150-летию Судебной реформы в России. – М.: Кучково поле, 2014. – 536 с.

60. *Шепилов Д.С., Крижановская Г.Н.* Роль С.И. Зарудного в подготовке судебных уставов // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 3. – С. 163–168.

61. *Zweigert K., Kotz H.* An Introduction to Comparative Law. Oxford: Oxford University Press. 1998. 744 p.

Для цитирования: *Очередько В.П., Кондрат И.Н., Сальников С.П., Микуленко Ф.А.* Институт мирового судьи по Судебным уставам 1864 года и современная модель (в контексте вопросов защиты прав личности и собственности) // Теория государства и права. – 2025. – № 2-1. – С. 221–228.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_221

THE INSTITUTE OF A JUSTICE OF THE PEACE UNDER THE JUDICIAL STATUTES OF 1864 AND THE MODERN MODEL (IN THE CONTEXT OF THE PROTECTION OF PERSONAL AND PROPERTY RIGHTS)

Viktor P. Ocheredko[*]
Ivan N. Kondrat[**]
Sergey P. Salnikov[***]
Fedor A. Mikulenko[****]

Annotation. *The modern model of a justice of the peace is considered on the basis of a comparative analysis in its historical and legal context from the standpoint of protecting the rights of the individual and property. The difficult path and prospects for the development of a justice of the peace are presented as a contradictory process of legitimizing conceptual ideas about his nature and place in the political and legal organization of the country. It is concluded that the modern institution of a justice of the peace is characterized by an original modern model reflecting the lessons of the past and the modern federal political and legal system. Overcoming the dual nature of the justice of the peace inherent in the judicial statutes of 1864 in the modern model determines its development as a local court of limited jurisdiction. The federal structure of the country and the implementation of the principle of the unity of the judicial system give rise to the dual position of the justice of the peace, which allows us to speak about the preservation of some features with the pre-revolutionary model.*

[*] **Ocheredko Viktor Panteleevich**, Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Northwestern Branch of the Lebedev Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation. E-mail: ocheredkovp@mail.ru

[**] **Kondrat Ivan Nikolaevich**, Professor of the department of criminal law, criminal procedure and forensic science of MGIMO MID of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Moscow, Russia) E-mail: inkondrat@mail.ru

[***] **Salnikov Sergey Pavlovich**, judge of the Pochinkovsky District Court of the Nizhny Novgorod Region, Doctor of Law (Nizhny Novgorod Region, Russia) E-mail: sp.salnikov@yandex.ru

[****] **Mikulenko Fedor Alekseevich**, adjunct of the Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)E-mail: famikulenko@sberbank.ru

Keywords: *judicial reform, judicial system, justice of the peace, the dual nature of a justice of the peace, the dual position of a justice of the peace, judicial statutes, the status of a judge.*

Judicial reforms are always in the center of attention all over the world. The history of Russia knows many judicial reforms, among which the reforms of Peter the Great and Catherine the Great should be singled out. But the Judicial Reform of 1864 is rightfully called great, showing us one of the examples of state and legal reform [17; 24; 25; 35; 38; 60]. Of course, it was far from comprehensive, at least in terms of implementing the principle of all-classes. It fully manifested the law of any reform, when the desire for progress is invariably consistent with the concession to tradition in the interests of maintaining stability in society. It should certainly be considered in the context of legal progress in its philosophical and legal understanding [18; 19; 20; 21; 22]. It is also characterized by a period of rollback in reform, called counter-reform. However, it invariably serves as an experience for learning lessons for subsequent judicial reforms, and, to an even greater extent, as a guideline. One way or another, its elements were present in the judicial reform of 1922 and 1928, despite the Soviet government's denial of the previous experience of judicial construction.

Interest in the normative design and experience of implementing the judicial reform of 1864 has not diminished in the least in our days, when modern judicial reform is being carried out. The logic of political and legal development in Russia has determined the exceptional relevance of studying the experience of reform, despite the significant time gaps between them. This study is possible on the basis of a comparative analysis in its historical context [44]. At the same time, as the German comparativists K. Zweigert and H. Koetz quite rightly point out, "simply compiling a list of similarities and differences gives little… It would be [too simple] if in each of the legal orders under consideration it were possible to find a clear and obvious solution to the problem under study… Only comparative analysis provides a variety of solutions. The essence of comparison is to look at different solutions from a new angle, which would allow us to identify, first of all, their commonality… This new point of view characterizes comparison in the true sense of the word" [61]. This allows us not only to determine the common features of the phenomena under consideration, but also the reasons for these common features (common origin, reception, common historical conditions of development) and the reasons for the discrepancies, which creates the basis for possible modeling of an effective mechanism for borrowing elements of these phenomena.

Comparative analysis has significant potential for practical application in the context of Russia, where the improvement of national legislation is largely traditionally based on the study of the positive and negative experiences of other legal traditions, legal systems, and individual legal institutions.

Comparative analysis of reforms is possible in many directions: comparison of historical conditions of reform implementation, comparison of their conceptual foundations, comparison of the scale of historical innovations, comparison of institutions that determine the face of the reform; their significance for the protection of individual rights and property. Among such legal institutions that give the "face not a general expression" to judicial reform, the institution of the justice of the peace should be included.

The institution of a justice of the peace occupies a significant place in the judicial system of the country. It is the closest to a person, is called upon to solve his urgent problems, and it is he who primarily guards the personal rights and property interests of each citizen. This institution is very contradictory in its nature and place in the judicial system, and is constantly subject to fine-tuning. This is typical of the judicial reforms under consideration. This is what the institution of a justice of the peace has in common, which follows from a comparative analysis. But this is a discovery of rather formal circumstances characteristic of many legal institutions. It is much more important to compare the essential characteristics of the institution of a justice of the peace. These certainly include an understanding of the nature of the institution of a justice of the peace and its place in protecting the rights of an individual and property, and its place in the judicial system as a whole, laid down in the legal documents in accordance with which judicial reforms are carried out (the Judicial

Statutes of the Russian Empire [5; 6; 7; 8] and the Federal Constitutional Law and the Federal Law of the Russian Federation [1; 2; 3]).

It should be noted that Russian authors have shown a constant interest in comparing justice systems of the peace since their formation in accordance with the Judicial Statutes. At the initial stage, the Russian model was compared with foreign analogues. Thus, the famous pre-revolutionary lawyer I. Foinitsky noted: "Our justice of the peace is far from the English zemstvo representation, and even farther from the French justices of the peace. Our jury trial, likewise, has developed into a completely independent institution, presenting significant differences from both the English and the French" [56, p. 44]. He saw the sovereign nature of the Russian justice of the peace, and indeed our entire domestic judicial system, and, consequently, Russian law, that is, what modern Russian researchers would like to see in the 21st century [10; 41; 53] in unity with sovereign ideology and philosophy of law [23; 47, pp. 70–120; 49; 50; 51; 55, p. 21–55;57].

During the Soviet period, the problems of justice of the peace were studied episodically and mainly in a historical context (Ya. L. Berman [12], B. V. Vilensky [14; 15], M. G. Korotkikh [31]). Researchers assessed this institution from the standpoint of identifying its adequacy to the needs of the new system [29, p. 21].

A surge of interest in the justice of the peace and the accompanying activation of the comparative dimension with the "native", pre-revolutionary model is noted at the stage of development and implementation of modern judicial reform [36; 42; 59]. The results of this comparison, and most importantly, their interpretation, formed the basis for conclusions about the continuity or lack thereof in the development of the institution of the justice of the peace. There is an ongoing discussion on this issue among modern researchers [11; 26; 27; 43]. What is interesting is that from some fairly well-known facts (after all, we are celebrating the 160th anniversary of the great Judicial Reform), various conclusions are made: from recognition of continuity and the revival on this basis of the well-known institution of the justice of the peace, which was formed as a result of the judicial reform of 1864, to a categorical denial of any continuity.

In our opinion, the assessment of the historical connection between the pre-revolutionary and modern legal structures of the justice of the peace does not fit into the designated dilemma – either the statement of the continuity of the institution or the denial of continuity with the preservation of only the name. A qualified assessment of the historical connection presupposes a differentiated analysis of the legal structure of the institution by its constituent elements, namely, the normative consolidation of the nature of justice of the peace, the procedural basis of justice of the peace, the place of the justice of the peace in the judicial system of the country, his role in ensuring the rights of the individual and protecting his property.

Of key importance is the comparison of the understanding of the nature of global justice, which largely determines the recognition or denial of the continuity of the institution.

The Judicial Statutes of 1864 laid down the dual nature of the justice of the peace, defining its uniqueness in such characteristic features as reconciliation of the parties, achieving peace between the litigants. The duality was based on the polysemantic meanings of the concept of "peace" (peace as tranquility, order and peace as a community, society). It also reflected the Russian tradition of "peaceful" consideration of conflicts, dating back to the zemstvo "people's rule", when a "righteous" court was carried out on the basis of the authority of the community. Therefore, the Judicial Statutes implemented the model of the justice of the peace as a state body and as an element of public self-government. Legislators solved the problem of creating an authoritative mediator in resolving disputes arising in society (the world). The combination of state and public principles was most fully represented in the position of an honorary justice of the peace. This was an undoubtedly revolutionary, largely contradictory idea (S.I. Zarudny), requiring overcoming one-sided and simplified assessments of the achievements and miscalculations in the creation of a new institution within the framework of the Great Judicial Reform.

The contradictory nature of the model of the dual nature of justice of the peace manifested itself in the accumulation of contradictions in the judicial activities of justices of the peace, and was most clearly revealed in the decrease in the number of cases considered by the justices of the peace

and completed by reconciliation of the parties. In an effort to overcome the inherent contradictions, the Commission for the Revision of Judicial Statutes (N.V. Muravyov Commission) in 1889 repealed the provision on the special nature of justices of the peace [9, p. 56]. Along with this, justices of the peace were abolished in most regions of the country, zemstvo chiefs were introduced with the assignment of judicial functions to them, and thus the relatively integral system of justice of the peace was destroyed. However, large-scale transformations in all spheres of the country's life at the beginning of the 20th century revealed problems in the implementation of the proclaimed principles of justice, which required the restoration of the institution of justices of the peace (Law of June 15, 1912 "On the Transformation of the Local Court" [4]) with corresponding changes, first of all, to its organizational and legal foundations and the status of a justice of the peace. At the same time, it is important to emphasize that the idea of reconciliation of the parties as the main purpose of justices of the peace was preserved, along with the protection and establishment of general order and tranquility.

The history of the transformation of the institution of justice of the peace was interrupted by the revolutionary upheavals in Russia in 1917.

The complex twists and turns of the development of the institution of justice of the peace were taken into account in the context of efforts to recreate the institution in the context of the ongoing judicial reform. Modern legislators did not repeat the "mistakes" of their pre-revolutionary predecessors and excluded the dualistic approach to understanding the nature of justice of the peace in legislative acts. In this part, the institution called "justice of the peace" enshrined in the Federal Constitutional Law "On the Judicial System of the Russian Federation" has nothing in common with the model that existed in pre-revolutionary Russia.

The dualism in the nature of a justice of the peace has been overcome by eliminating the public conciliatory component in the substantive aspect of the justice of the peace's activities. The modern practice of justice of the peace clearly demonstrates that the current and feasible goal of the development of the institution is to relieve district courts. The modern legislator does not single out conciliation as the main component of the activities of justices of the peace and does not resolve this issue. Therefore, one can hardly agree with the assertion of some respected authors that the judicial activities of modern justices of the peace are characterized by "a special emphasis on conciliatory procedures, on concluding settlement agreements" [30]. In domestic substantive and procedural legislation, there are no independent tasks set for justices of the peace to achieve reconciliation of the parties and use conciliatory procedures. In this sense, the definition of "justice of the peace" has lost its semantic meaning, and therefore its continuity with the model laid down in the Judicial Statutes. Today, this is a judge of limited jurisdiction.

The system of justices of the peace in modern Russia does not provide for the possibility of resolving legal conflicts [32; 33; 34; 48; 52] using mediation procedures [13; 16; 28; 37; 39; 40; 46; 54; 58] as a way to reduce the burden on the courts. Unfortunately, these hopes remain in a waiting mode.

It is important to determine the continuity in determining the place of a justice of the peace in the judicial system of the country. The place of a justice of the peace is characterized by its organizational and legal isolation. An important point characterizing the judicial system of pre-revolutionary Russia was the separate legal regulation of justices of the peace and general justice. The Charter on Punishments Imposed by Justices of the Peace was adopted. Other Judicial Charters included separate sections on justices of the peace and justice of the peace.

The independent system of justice of the peace (the justice of the peace and the congress of justices of the peace) was included in the general judicial system only at the level of cassation in the person of the Governing Senate as the highest judicial body.

In the Russian Federation, the organizational and legal separateness of justices of the peace within the unified judicial system is also enshrined. But it manifests itself differently, and is called the "dual legal status of a justice of the peace", namely, as a judge of a subject of the Federation and as the lowest level of the system of courts of general jurisdiction. It is predetermined by the contradictory combination of two principles of organizing the judicial power: federalism as a constitu-

tional method of state structure and unity as a legislatively enshrined principle of organizing the judicial system. As a result, independent legal regulation of justice of the peace is carried out at the federal level (Federal Law "On Justices of the Peace in the Russian Federation") and the regional level (laws of subjects of the Russian Federation on justices of the peace), which do not contain a procedural component.

Currently, options for overcoming this isolation are being widely discussed. In particular, it is proposed to remove justices of the peace from the level of subjects of the Federation and transfer them to the federal level (appeal of the Council of Judges, Decree of the President of the Russian Federation). These proposals, in our opinion, require additional theoretical justification due to the fact that they presuppose overcoming the established form of coordination of two principles of the organization of the judicial system: unity and federalism.

A certain continuity, of course, adjusted by the specifics of the federal structure and legal system of Russia, can be traced in the regulation of the legal status of a justice of the peace. First of all, it is necessary to note the continuity in its differentiation. In pre-revolutionary Russia, the differentiation was based on a territorial criterion, namely the difference between the central and outlying provinces, as well as a personal criterion, conditioned by the introduction of a number of positions of justice of the peace.

In modern Russia, the uniform status of judges is defined by federal legislation. At the same time, the subjects of the Federation are given the opportunity to specify the status of a justice of the peace by regional laws within the framework agreed upon with the federal center. This is quite clearly seen in the combination of methods for filling the position of a justice of the peace: appointment and election. Before the revolution, both methods were introduced and implemented. Today, the federal legislator has also defined both methods – appointment and election of justices of the peace. Subjects of the Federation are granted a subsidiary right to implement these methods. The specifics of modern development have determined the appointment of a justice of the peace to the position by representative authorities of the subject of the Federation. Continuity is also manifested in the definition of the repeated replacement of the position and its terms [45, p. 65].

Conclusion: The small 25th anniversary of the justice of the peace in Russia (the adoption of the Federal Law "On Justices of the Peace in the Russian Federation" in 1998) allows us to sum up some of the results. The justice of the peace has gone through a difficult path of development and has become a modern and quite effective institution of judicial power in Russia. The formed institution is characterized by an original modern model reflecting the lessons of the past and the modern federal political and legal structure. Learning the lessons of the past manifested itself, first of all, in overcoming the dual nature of the justice of the peace, recorded in the judicial Statutes and preserved until 1917. At the same time, it seems excessive to eliminate the independent world (conciliation) component in the judicial activities of a modern justice of the peace, without which it is simply a local court of limited jurisdiction that has retained its historical name.

The principle of federalism in the political-territorial structure laid down in the Constitution of the Russian Federation and the principle of the unity of the judicial system developed in the Federal Constitutional Law "Judicial System of the Russian Federation" determined the dual position of the justice of the peace, which allows us to speak about the preservation of some features of the pre-revolutionary model.

Bibliographic list

1. Federal Constitutional Law of December 31, 1996 No. 1-FKZ (as amended on April 5, 2005) "On the Judicial System of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 1. Art. 1.

2. Federal Law of December 17, 1998 No. 188-FZ (as amended on July 22, 2008) "On Justices of the Peace in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 51. Art. 6270.

3. Federal Law of December 29, 1999 No. 218-FZ (as amended on February 9, 2009) "On the total number of justices of the peace and the number of judicial districts in the constituent entities of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2000. No. 1 (Part 1). Art. 1.

4. Law of June 15, 1912 "On the Reform of the Local Court" // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection III. T. XXXII. Section, 1. No. 37328.

5. Charter of Civil Procedure: from November 20, 1864 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection II. V. 39. No. 41477.

6. Charter on Punishments Imposed by Justices of the Peace: dated November 20, 1864 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection II. V. 39. No. 41478.

7. Charter of Criminal Procedure: from November 20, 1864 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection II. V. 39. No. 41476.

8. Institutions of judicial institutions of November 20, 1864// Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection II. T. 38. No. 41476.

9. Supremely instituted commission for revision of legal provisions on judicial matters. Explanatory note to the draft of the new edition of the Institution of judicial institutions. St. Petersburg, 1900. V. 1.

10. *Aleksandrova O.I.* "Law must be capable of creating a just world" // XI St. Petersburg International Legal Forum. St. Petersburg: Roscongress; Ministry of Justice of the Russian Federation, 2023. P. 34–35.

11. *Andreeva O.I., Trubnikova T.V.* Criminal proceedings under the jurisdiction of justices of the peace. Lecture // Legal science: history and modernity. 2020. No. 9. P. 140–146.

12. *Berman Ya.L.* Essays on the history of the judicial system of the RSFSR / Preface by N.V. Krylenko. M.: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR, 1923. 72 p.

13. *Borisevich M.M., Pyatkevich I.N.* Mediation as a procedure for resolving legal disputes out of court // Legal science. 2023. No. 3. P. 88–92

14. *Vilensky B.V.* Judicial reform of 1864 in Russia: on the 100th anniversary of the reform// News of higher educational institutions. Jurisprudence. 1964. No. 3. P. 94–100.

15. *Vilensky B.V.* Judicial reform and counter-reform in Russia. Saratov, 1969. 400 p.

16. *Garber A.V., Vinogradov V.V.* Conciliation procedures in procedural law – judicial mediation and judicial reconciliation // Proceedings of the All-Russian (national) scientific and practical conference with international participation dedicated to the founding day of the Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev. Kaluga branch of the Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev. Kaluga, 2023. P. 345–349.

17. *Dovletov R.D., Kim E.V.* The Role of the Ministry of Justice in the Judicial Reform of 1864 // Legal Science: History and Modernity. 2022. No. 7. P. 20–25.

18. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* On legal progress as a philosophical and legal problem // Russian Journal of Legal Research. 2015. No. 2 (3). P. 113–121.

19. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Legal progress – a new philosophical and legal definition // The World of Politics and Sociology. 2016. No. 4. P. 171–188.

20. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Legal progress and improvement of legal regulation and lawmaking in Russia in the 21st century // Lawmaking in the 21st century: evolution of doctrine and practice (on the 90th anniversary of the birth of A.S. Pigolkin). Collection of scientific articles / Ed. by V.V. Lazarev. M.: Norma, 2022.-- P. 63–72. In the book 344 p.

21. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Legal progress: a new direction in the study of law // Theory of state and law. 2017. No. 2. P. 20–35.

22. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Legal progress: philosophical and philosophical-legal approaches // Legal field of modern economy. 2015. No. 1. P. 13–30.

23. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Reflections on the Foundations of Russian Sovereign Philosophical and Legal Ideology // Legal Science: History and Modernity. 2020. No. 2. P. 183–194.

24. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Jury trial as one of the results of the 1864 reform: pros and cons // Legal science: history and modernity. 2020. No. 1. P. 135–145.

25. *Ivanova N.M., Onuchina S.L.* Outstanding contribution of the Minister of Justice Dmitry Zamyatnin to the implementation of judicial reform. Reforms of the prosecutor's office in the post of Prosecutor General // Legal Science: History and Modernity. 2020. No. 2. P. 170–174.

26. *Kaynov V.I., Salnikov S.P.* On the issue of judicial errors in the activities of justices of the peace when considering cases of administrative offenses // Legal Science: History and Modernity. 2020. No. 6. P. 126–134.

27. *Kaynov V.I., Prokofiev K.G., Salnikov S.P.* Legal status of a justice of the peace in the context of amendments to Article 118 of the Constitution of the Russian Federation // Legal Science: History and Modernity. 2021. No. 1. P. 146–153.

28. *Kartashov V.N., Salnikov V.P.* Mediation in Law: New or Well-Forgotten Old Method of Dispute Resolution // Legal Field of Modern Economy. 2015. No. 1. P. 194–198.

29. *Kozhevnikov M.V.* History of the Soviet court. 1917–1956. M., 1957. 383 p.
30. *Kornyushina L.G.* World justice is an important part of the judicial system: history and modernity // Glagoliy sudstva. 2014. No. 2(8). P. 95–97.
31. *Korotkikh M.G.* Autocracy and the judicial reform of 1864 in Russia. Voronezh, 1989. 184 p.
32. *Krivonosova D.V.* Conflicts in the sphere of application of law: prerequisites, parameters, dynamics of development // Legal science: history and modernity. 2021. No. 1. P. 84–97.
33. *Krivonosova D.V.* Stages and procedures for overcoming legal conflicts // Legal science: history and modernity. 2021. No. 3. P. 73–81.
34. *Krivonosova D.V.* Legal conflict: theoretical and legal foundations of the approach to understanding // Legal science: history and modernity. 2020. No. 12. P. 71–87.
35. *Krizhanovskaya G.N., Kuleshova L.V., Salnikov M.V.* International scientific and practical conference "Judicial reform of 1864 in Russia: history and modernity". Brief overview of reports, articles and speeches // Legal science: history and modernity. 2020. No. 1. P. 11–46.
36. *Lonskaya S.V.* Institute of World Justice: Theoretical and Historical Issues: Monograph. Kaliningrad: I. Kant Federal University, 2013. 151 p.
37. *Maksurov A.A., Talanova M.V.* Mediation in law: legal technology of mediation procedures. M.: EKOOnis, 2014. 456 p.
38. *Melnikov E.A.* Organizational and procedural mechanisms for delineating the functions of criminal prosecution and preliminary investigation, implemented during the reform of criminal proceedings in 1864 // Legal Science: History and Modernity. 2023. No. 4. P. 122–131.
39. *Milovanova N.A., Beresneva A.A., Gorelchenko A.I*. Conciliation procedures in civil proceedings // Civil law and civil proceedings: current issues of theory and practice. Proceedings of the VIII All-Russian scientific and practical conference / Responsible for the issue N.V. Kornilova, I.V. Orlova. Khabarovsk, 2023. P. 74–80.
40. *Mineeva T.G., Nazarova N.L., Salnikov V.P., Solovyova S.V.* Mediation in Russia. (In memory of Nils Christie) // Legal field of modern economics. 2015. No. 8. P. 195–202.
41. *Mirzayan Gevorg.* Sovereignty in Law // XI St. Petersburg International Legal Forum. St. Petersburg: Roscongress; Ministry of Justice of the Russian Federation, 2023. P. 6–10.
42. Justice of the Peace in Russia: Creation, Activity, Historical Mission: Monograph / Edited by D. Popova, S. V. Lonskaya. M.: Prospect, 2016. 288 p.
43. *Ocheredko V.P.* The nature of global justice and the problems of its implementation in modern Russia // Legal science: history and modernity. 2020. No. 11. P. 146–153.
44. *Ocheredko V.P.* Judicial reforms in Russia (in connection with two anniversaries) // Russian justice. 2016. No. S1. P. 12–21.
45. *Ocheredko V.P., Malyshev E.A.* The dual nature of a justice of the peace: historical legacy in determining development prospects // Russian justice. 2020. No. 9. P. 57–67.
46. *Pervukhina S.I., Yaroshenko L.V.* On the development of mediation within the framework of the scientific and practical project "conciliation procedures in civil and administrative proceedings" // Actual problems of mediation and judicial reconciliation: traditional and alternative approaches in law; Criminal law and process: problems of theory and practice in the context of modern challenges; Constitutional values in the focus of legal science and practice. materials of three All-Russian scientific and practical conferences. Nizhny Novgorod, 2024. P. 152–159.
47. Political and legal governance and threats to state sovereignty: monograph / edited by V.P. Salnikov. – 2nd ed., corrected and enlarged. M.: INFRA-M, 2024. 423 p. (Scientific thought).
48. *Romashov R.A.* Legal conflictology. St. Petersburg: KnoRus, 2021. 280 p.
49. *Salnikov V.P., Ismagilov R.F., Prokofiev K.G.* Philosophical and theological prerequisites for the sovereignty of the philosophy of law of Russia: value and moral aspects // Theory of State and Law. 2024. No. 2–1 (37). P. 186–195. DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2-1_37_186.
50. *Salnikov V.P., Ismagilov R.F., Maslennikov D.V., Prokofiev K.G.* Theoretical and spiritual-moral prerequisites for the true sovereignty of the philosophy of law of Russia // Theory of State and Law. 2024. No. 3 (38). P. 196–211.
51. *Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Prokofiev K.G., Morozov A.I.* The principle of sovereignty of state-legal ideology and philosophy of law // The world of politics and sociology. 2019. No. 9. P. 170–178.
52. *Sovetov D.I.* The relationship between the theory of collisions and legal conflicts and the phenomenon of legal error in legal activity // Legal science: history and modernity. 2023. No. 2. P. 22–27.
53. *Stepashin S.V.* Law and humanitarian values as a support in a period of turbulence in world politics // XI St. Petersburg International Legal Forum. St. Petersburg: Roscongress; Ministry of Justice of the Russian Federation, 2023. P. 17–19.

54. *Fedorenko N.V., Bushuev A.A.* Development of alternative methods of dispute resolution in procedural law // Actual problems of judicial, law enforcement, human rights, criminal procedure activities and national security. Collection of scientific articles based on the materials of the International scientific and practical conference. Rostov-on-Don, 2023. P. 56–59.

55. Philosophical and legal knowledge: current problems: monograph / E.V. Vinogradova, A.O. Vorobyov, M.Yu. Gutman [et al.]; under the general editorship of Doctor of Law, Professor V.P. Salnikov. 2nd ed., corrected. and additional. Moscow: INFRA-M, 2025. 418 p. (Scientific Thought). DOI 10.12737/2152004

56. *Foinitsky I.Ya.* Course of criminal legislation / General ed., afterword, note: Smirnova A.V. St. Petersburg: Alfa, 1996. 552 p.

57. *Khabibulin A.G.* State ideology as the basis of sovereignty of modern Russia // Theory of state and law. 2024. No. 3–2 (40). P. 200–204. DOI: 10.25839/ MATGIP_2024_3–2_40_200.

58. *Shaimenova A.B.* Development of the idea of mediation as one of the types of alternative methods of resolving civil disputes in the Republic of Kazakhstan // Legislation. 2023. No. 6. P. 59–64.

59. *Shakhrai S.M., Krakovsky K.P.* A court that is speedy, fair and merciful for all: On the 150th anniversary of the Judicial Reform in Russia. M.: Kuchkovo Pole, 2014. 536 p.

60. *Shepilov D.S., Krizhanovskaya G.N.* The role of S.I. Zarudny in the preparation of judicial charters // Legal Science: History and Modernity. 2022. No. 3. P. 163–168.

61. *Zweigert K., Kotz H.* An Introduction to Comparative Law. Oxford: Oxford University Press. 1998. 744 p.

For citation: *Ocheredko V.P., Kondrat I.N., Salnikov S.P., Mikulenko F.A.* The Institute of a Justice of the Peace under the Judicial Statutes of 1864 and the Modern Model (in the Context of the Protection of Personal and Property Rights) // Theory of state and law. 2025. No. 2–1. P. 228–235.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_221

Научная статья

УДК: 340.1
ББК: 67.1
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_236

М.В. Сальников*
О.Э. Старовойтова **
М.Ю. Будович ***

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПРАВА ИЛИ «НАША НАУКА» ПО П.Г. РЕДКИНУ

Аннотация. *Рассматриваются вопросы правового наследия П.Г. Редкина, который в отношении энциклопедии права высказывался как об обязательной для изучения во всех русских университетов после принятия университетского устава. Отмечается практическое значение включения в состав энциклопедии права его философии с историей, которое заключается не в одном только допущении философского предмета, но в признании необходимости философского элемента в правоведении.*

Ключевые слова: *«энциклопедия», естественное и положительное право, Свод законов, философия законодательства (естественное право), государственные законы (публичное право), гражданские законы (частное право), уголовные законы (уголовное право).*

Стремление создать науку, которая давала бы целостное представление о праве, существовало издавна. Вначале такая роль отводилась энциклопедии права, в дальнейшем философии и теории права. Поэтому, энциклопедию права, в этом смысле, можно рассматривать как науку о праве в первоначальном ее варианте. Однако следует учитывать, что наряду с теорией и философией права, являясь необходимым введением в изучении права, энциклопедия права длительное время изучалась на юридических факультетах в России, Англии, Франции. И именно ее, «нашу науку» преподавал профессор П.Г.Редкин.

Термин «энциклопедия» (греч.) означает круг наук, которые необходимы для общего образования. Поэтому, под энциклопедией издавна понималось систематическое обозрение совокупности человеческих знаний. Энциклопедия же права сводилась к краткому очерку развития всех юридических наук.

«Универсальная энциклопедия права» Гунниуса, изданная в 1638 году, явилась одним из первых опытов в данной области. Он впервые употребил выражение «энциклопедия права». В России соответствующая дисциплина начала преподаваться в XVIII веке в Московском университете. Ее преподавали немецкие юристы Пургольд и Баузе.

Первые русские работы по энциклопедии права вышли в начале XIX века. Первым у нас сочинением сего рода надлежало бы назвать Юридическую Грамматику Правикова (1803 г.) если бы ее содержание не было слишком ограниченным. Затем следуют два небольших сочинения Сандунова (1820 г.) и Смирнова (1821 г.). «О способе изучения российских законов», – писал К.Неволин [52, с. 14]. В 1831 году были опубликованы «Пособия и правила изучения

* **Сальников Михаил Викторович,** главный научный сотрудник Юридического института (г. Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук. E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

** **Старовойтова Ольга Эдуардовна,** профессор Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии естественных наук. E-mail: olgst4r@yandex.ru

*** **Будович Марина Юрьевна,** помощник нотариуса. E-mail: budovich_marina@mail.ru

Российских законов или материалы к энциклопедии, методологии и истории российского права» П.Дегая. По мнению К.Неволина, это уже настоящая и краткая энциклопедия и методология российского законоведения [52, с. 14].

Значительное внимание в ней автор уделяет соотношению естественного и положительного права, понятию закона, истории русского права. «Исследования главного понятия о праве и всеобщих его началах, основанных на природе человека, и извлечение из оных прав и обязанностей, – указывает он, в частности, – есть предмет естественного или философского права, а законы, водворенные в каком-либо народе и известном месте, получившие настоящую силу, составляют положительное право [20, с. 58]. Правоведение, по его мнению, будучи частью нравственной философии, должно быть согласовано с последней и вытекать из нее [20, с. 57].

Другой фундаментальной работой является «Энциклопедия законоведения» К. Неволина. Ранее, до введения нового устава российских университетов (1835 г.) на юридических факультетах преподавалась «энциклопедия законоведения». После введения устава она стала называться «энциклопедией права». В чем же между ними заключалась разница? П.Г. Редкин связывает изменение названия учебной дисциплины с составлением М.М.Сперанским Свода законов. Проводимая работа, по его мнению, по размаху напоминала памятные времена составления сборников римского права Юстиниана. Но Юстиниан, подчеркивает он, внес в них не только императорские указы, т.е. законодательство, но и обычное право, результаты практической и теоретической деятельности юристов (право юристов). И.С. Перетерский отмечал, что 426 г. Феодосий II и Валентиниан III издали известный закон «Об обязательном руководстве взглядами корифеев юриспруденции» [57, с. 17]). Поэтому назвать Дигесты или Пандекты сводами законов нельзя. «Для выражения же всех этих источников вместе – и законодательства, и обычного права, и права юристов – употреблялось почти везде одно общее название: право; так что право включает в себя и законодательство или законы в собственном смысле, и обычное право и право юристов. Поэтому, своды Юстиниана правильно назвать не сводами законов, а сборниками права вообще» [59, с. 3].

Свод законов Российской империи, напротив, был сборником законов, т.к. в него вошло законодательство, а не обычное право или право юристов. «В своде законов стали искать всего нашего действующего права, между тем как свод этот был составлен только из законов; отсюда явилось предположение, действующее законодательство и есть действующее право вообще; следовательно, источник права есть только законодательство, следовательно, право и законодательство суть выражения тождественные; следовательно, изучать законодательство – значит изучать право; следовательно, знание, ведение законов, законоведение, есть знание, ведение права вообще, правоведение» [59, с. 8].

П.Г.Редкин оценивает роль Свода законов с позиций активного защитника порядков, существовавших в России того периода. Известно, что Свод законов, полукрепостнический по содержанию, способствовал укреплению крепостнической империи. В действительности, дело не сводилось к аналогии с законодательством римского императора. «Слабая, настроенная верноподданнически русская буржуазия заискивала перед феодалами. Ее политическая программа ограничивалась пожеланием весьма умеренных и ограниченных реформ, проведенных «сверху», направленных на поощрение ее предпринимательской деятельности и установление правовых (и материальных) гарантий, которые позволили бы развиваться капиталистическим отношениям и в то же время дали бы ей возможность совместно с феодалами эксплуатировать народ» [38, с. 454–455].

Помимо этого, в 40-е годы в Россию начинают проникать, а в 60-х годах утверждаться идеи позитивизма. И, если для автора «Свода законов» теория естественного права еще служила средством обоснования либерализма, то представители революционного демократизма 40-х – 60-х г.г. уже проявляют заметный интерес к позитивизму (В.Г. Белинский, Н.П. Огарев). До 30-х годов в правовой науке доминировало естественно-правовое направление, представителем которого и был К. Неволин. По его мнению, начало систематическо-

му изучению законов было положено древними римлянами. В дальнейшем были отделены друг от друга и стали рассматриваться как самостоятельные науки: философия законодательства (естественное право), государственные законы (публичное право), гражданские законы (частное право), уголовные законы (уголовное право) и т.д. При таком множестве наук для сохранения связи между ними требовалась особая наука, которая служила бы общим введением в науку законоведения.

Мы не можем согласиться с мнением М.Э. Казмера о том, что К.А. Неволин является основателем исторического направления в правовой науке России, что в своей основной работе «Энциклопедия законоведения» он предпринял подход против идей естественного права [39, с. 33]. Заметим, что еще И.В. Михайловский считал К.А.Неволина основателем философии права в России [51, с. 36] Об этом же пишет Ю.В.Ячменев [72]; см. также [50].

Под «энциклопедией законоведения», К. Неволин понимал самостоятельную науку – теорию «наук законоведения» и одновременно их сокращенное изложение. В данном случае его энциклопедия призвана была заменить теорию права и служить связующим звеном между «философией права» и науками о законах. «Закон по существу своему, – писал К. Неволин, – есть вообще правда… а существо правды может быть определено только в философии» [52, с. 23]. П.Г. Редкин вторил ему и отмечал в своих трудах, что можно говорить о праве «в смысле неположительного права», «в смысле того, что называется естественным правом», «в смысле правды и справедливости», и в качестве эпиграфа к «Юридическим запискам» он выбрал пословицу: «все минется, одна правда останется». Именно об этой пословице идет речь в переписке П.Г. Редкина и Даля, и именно так, характеризовал П.Г. Редкин все свое творчество, все, о чем он писал или все, о чем он хотел написать, но не успел. В иерархической лестнице значений права П.Г. Редкина: право в значении «прямо», на второе место – право в значении «истины», «правды», «справедливости». «Эти первые два значения слова «право» есть первоначальные», – говорил П.Г. Редкин на своих лекциях. И лишь на третье место в этой иерархии П.Г. Редкин ставил право как закон.

Во всяком законодательстве К. Неволин различает две части: законы естественные и законы положительные. «Первые взятые в их совокупности, образуют идею законодательства, вторые служат ее проявлением» [52, с. 52].

Тем самым, когда речь заходит об «энциклопедии права», имеется в виду направление, объединяющее сторонников отождествления «права» и «закона». Представители же энциклопедии законодательства», различавшие эти понятия, оценивают право с позиций натурфилософии.

Лучшими руководствами по энциклопедии права в русской литературе считались сочинения М. Капустина «Юридическая догматика» (1868 г.) [40] и Н. Ренненкампфа «Очерки юридической энциклопедии права» (1880 г.) [65].

Помимо специальных монографий по энциклопедии права в России выходят и отдельные статьи, посвященные этой проблеме, а также работы, в которых так или иначе они затрагиваются. Особого внимания заслуживает статья Н.Зверева «Энциклопедия в ряду юридических наук», опубликованная в «Юридическом вестнике» в 1880 г. [33] С точки зрения автора, понятие и содержание энциклопедии права, ее значение и положение среди юридических наук настолько неопределенны, что это дает основание для существования не только разнообразных, но и, порой противоречивых научных позиций. Всех их можно свести к двум направлениям – «положительному» и «отрицательному». Представители первого пытаются отнести энциклопедии права роль особой и самостоятельной науки в системе юридических наук. Это, в частности, К. Неволин, Н. Ренненкампф, М. Капустин. В основе второго направления лежит взгляд на энциклопедию права как на введение в науку о праве, и не признание ее в качестве самостоятельной науки (П. Деларов). Широкое распространение на этот взгляд имелось также во французской энциклопедической литературе XIX века.

Потребность в общетеоретической науке права, по обоснованному мнению, Н.М. Коркунова, ученика П.Г. Редкина, не сводится только к задачам преподавания. Развитие науки ведет к большей специализации в сравнительно узких сферах. Поэтому нужна наука, кото-

рая ставила бы своей целью выяснение общей связи различных вопросов, изучаемых специальными науками в отдельности [71, с. 29–30]. Успех ее и эффективность обеспечиваются лишь тогда, когда исследователь, работая над частными вопросами, не забывает об общих задачах познания. Именно эта роль первоначально и отводилась энциклопедии права. В этом смысле Н.М. Коркунов поддерживал [45, с. 13] своего учителя П.Г. Редкина, который читал лекции в Санкт-Петербургском университете, пытался излагать энциклопедию права не просто как совокупность знаний об отдельных отраслях, но как общее учение о праве» [71, с. 30].

О задачах и особенностях энциклопедии права писали и другие теоретики права. Так, А. Котельников отмечал, что «на юридическом факультете изучению положительного законодательства принято предпосылать преподавание энциклопедии права. Эта наука, служа введению в круг юридических наук, должна дать ясное и точное определение права, объяснить, что такое «юридическая норма», «юридический институт», выяснить деление права, источники его; определить субъект, объект науки; указать на формы развития и прекращение различных форм права и прочее, и прочее» [47, с. 65]. Следующей за энциклопедией права, считает он, должна идти история происхождения законодательных памятников страны. Только после этого юрист может перейти к подробному изучению действующего в стране законодательства. Причем необходимым основанием юридического образования он называет философию права.

И.В. Михайловский рассматривал энциклопедию права как краткое изложение всех специальных юридических наук. Он также не воспринимал ее в качестве самостоятельной науки, поскольку она не имеет, считал он, своего предмета. Указывая на тесную связь между энциклопедией, философией, теорией права этот автор, вместе с тем, отмечал, что нередко можно встретить работы, которые называются энциклопедиями права, но в действительности представляют собой общую теорию права или философию права (Е.Н.Трубецкой). П.Г. Редкин же считал, что «это просто объясняется официальным названием нашей науки, но оправдать такой терминологии нельзя» [51, с. 3].

Согласно университетскому уставу 1835 г. энциклопедия права, как учебная дисциплина состояла из двух частей:

1. Энциклопедия юридических и политических наук.

2. История философии права.

В действительности, эти две части рассматривались как самостоятельные. «Практическое значение включения в состав энциклопедии права его философии с историей заключается не в одном только простом, открытом со стороны закона, допущении философского предмета, некогда устаревшего одним своим названием – естественного права, но в признании необходимости философского элемента в правоведении наряду с элементом положительным, философского изучения права – наряду с изучением положительным, историческим» [59, с. 8], – писал П.Г. Редкин.

С другой стороны, энциклопедия права именуется «Энциклопедией юридических и политических наук», по словам П.Г.Редкина, потому, что право, общество и государство находится в самой близкой связи, и «если поэтому сам устав соединил энциклопедии юридических и политических наук, а, следовательно, общества и государства, если, наконец сам устав включил в энциклопедию права историю философии права, а следовательно, и современную философию права, то сама собой следует необходимость включения в энциклопедию права истории и догмы философии общества и государства наряду или нераздельно с представлением их положительным, историческим» [59, с. 17].

Более полное представление об энциклопедии права дает знакомство с ее программой, которая была обязательна для всех русских университетов после принятия университетского устава. Среди тем, включенных в программу, были такие: понятие норм, соотношение нравственности и права, определение права по его источнику, теория естественного права, происхождение права, право в объективном смысле, право в субъективном смысле, элементы юридических норм, гипотеза, диспозиция, санкция, юридические факты, частное и пуб-

личное право, право, как общественный порядок, учение Гегеля, Л. Штейна, Аренса, Моля, Гумпловича, определение государства, власть и право, применение права и другие.

По существу, такая интерпретация предмета энциклопедии права вовсе не свидетельствует о том, что она дает краткие сведения о юридических науках или «вводит нас в изучение юридических наук». Скорее эта программа напоминает нам о круге вопросов, входящих в систему курса теории государства и права. Вместе с тем, следует учитывать, что энциклопедия права прошла сложный и противоречивый путь поисков своего предмета и вначале действительно напоминала конгломерат различных сведений о праве. Однако формы и методы осмысления права совершенствовались. Эмпирическая ступень познания дополнялась теоретической ступенью. Вслед за энциклопедией выделяются такие направления, как философия права, теория права, социология права, да и сама энциклопедия права со временем стала исполнять роль обобщающей науки. Вероятно, это и имел в виду Н. Зверев, когда писал, что она должна представлять право как логическое единство понятий, как живое целое. Именно на этом основании П. Редкин, К. Неволин, М. Капустин и другие склонялись к мысли, что особой разницы между философией, теорией и энциклопедией права нет. В сущности, подобные исследования вели не к поискам собственного предмета той или иной науки, а к более глубокому осмыслению правовой материи, стремлению дать, наконец, ответ на вопрос: «Что же такое право?», вопрос, который на протяжении столетий привлекал и привлекает внимание многих исследователей сегодня [22, с. 328–360; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32, с. 5–118; 70, с. 63–111].

Энциклопедия права, не раскрывая детально процесса познания права, руководствуясь уже готовыми юридическими понятиями, выработанными теорией права, призвана была подготавливать обучаемых к восприятию положений отдельных отраслевых наук, правильному пониманию специальной терминологии, начертать план предстоящих занятий и показать путь, по которому надлежит идти.

Библиографический список

1. *Баскин Ю.Я.* Очерки философии права. – Сыктывкар. 1996.

2. *Баскин Ю.Я.* Фихте: политические и правовые взгляды. – Калининград, 1993.

3. *Баскин Ю.Я., Баскин Д.А.* Павел Иванович Новгородцев (из истории русского либерализма). – СПб.: Алмаз, 1997. – 96 с.

4. *Бентам И.* Избранные сочинения / Пер. по англ. изд. Боуринга и фр. Дюмона, А.Н. Пыпина и А.Н. Неведомского. Т. 1. – СПб.: Рус. книж. торговля, 1867. – [8], LXII, [2], 678 с..

5. *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. 2-е изд. – М.: МГУ: ИНФРА-М – НОРМА, 1998. – 624 с

6. *Бернацкий Г. Г.* Естественное право. Права человека. Мораль. – СПб.: СЗАГС, 2000. – 166 с.

7. *Бершадтский С.А.* Лекции по истории философии права. – СПб.: типография М. Стасюлевича, 1885. – 196 с.

8. *Бершадтский С.А.* Очерки истории философии права. Вып. 1. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1892. – 278 с.

9. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. В 2 т. – СПб.: Тип. и литогр. Б.М. Вольфа, 1896.

10. *Блинов Н.М., Шилова Г.Ф.* История и право: Краткий тематический словарь: Учебное пособие. – М.: МИРЭА, 1994. – 47 с.

11. *Боер А.А., Кузнецов Э.В., Старовойтова О.Э.* Теория права и государства / под общ. ред. Э.В. Кузнецова. – СПб.: ГУАП; Ассоциация философии права Санкт-Петербурга, 2007. – 386 с.

12. *Боер А.А., Старовойтова О.Э., Беляков К.Е.* Новые идеи в правовой науке (по материалам 21-го Всемирного конгресса JVR). – СПб., 2005.

13. *Вальденберг.* О задаче философии права // Вопросы философии и психологии. – 1987. – № 40.

14. *Васьковский Е.В.* Цивилистическая методология. Ч. 1. Учение о толковании и применении гражданских законов. – Одесса: Экон. тип., 1901. – XXII, 376 с.

15. *Гессен В.М.* Возрождение естественного права. – СПб.: тип. СПб. о-ва Е. Евдокимов, 1902. – 43 с.

16. *Гоббс Т.* Сочинения. Т. 1–2. – М.: Мысль, 1979.

17. *Гумплович Л.* Общее учение о государстве / Пер. со 2-го нем. изд. со вступ. очерком, примеч. и доп. ст. Ив. Н. Неровецкого. – СПб.: Тип. Т-ва «Обществ. Польза», 1910. – [2], XXVI, 516 с.

18. *Давид Р.* Основные правовые системы современности / Перевод с французского и вступ. ст.: Туманов В.А. – М.: Прогресс, 1988. – 496 с.

19. *Даррест Р.* Исследования по истории права / / Пер. Н.Н. Чеботаревского. – СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1894. – [4], VIII, 378 с.

20. *Дегай П.И.* Пособия и правила изучения российских законов, или материалы к энциклопедии методологии и истории литературы российского права. – М.: В тип. А. Семена, 1831. – [8], XIV, 143 с.

21. *Деларов П.* Очерки по энциклопедии права: Очерк 1. О праве в ряду других сфер умственной жизни человека. Т. 1. – СПб.: Тип. Б.Г. Янпольского, 1878. – 552 с.

22. Добро, доверие, справедливость, свобода в философско-правовой мысли: античность и современность: Монография / Е.В. Виноградова, А.О. Воробьев, И.Н. Грибов [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. 2-е изд, испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2025. – 459 с. – (Научная мысль). – DOI 10.12737/2151906.

23. *Дюги Л.* Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства: Лекции, прочит. в 1908 г. в Высшей шк. соц. наук в Париже; пер. прив.-доц. Моск. ун-та А. Ященко, с предисл. проф. А.С. Алексеева. – М.: Изд. Н.Н. Клочкова, 1909. – 148, [1] с.

24. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Как познать право? Мы предлагаем компрехендный подход // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 17–30.

25. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория как инновационный подход к познанию права // Юридическая техника. – 2021. – № 15: Материалы XXII Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему: «Юридические инновации (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 23–26 сентября 2020 года) / Главный редактор проф. В.М. Баранов. – Нижний Новгород: Проспект, 2021. – С. 166–174. – в книге 764 с.

26. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Компрехендная теория права – новая теория познания правовой реальности // Таджикистан и современный мир. – 2016. – №4(54). – С. 91–103.

27. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Компрехендная теория права как путь познания его сущности // Научно-исследовательские публикации. 2021. № 1. С. 5–45.

28. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Современные подходы к познанию права и творчество профессора О.Э. Лейста // Ценность права (к 100-летию со дня рождения О.Э. Лейста): монография / отв. ред. Е.А. Фролова. – М.: Проспект, 2025. -.С. 73–80. – в кн. 576 с.

29. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Сущность права в фокусе компрехендной теории его познания // Сущность права: Сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора М.И. Байтина / Под ред. В.М. Баранова, С.А. Белоусова, И.Н. Сенякина. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2022. – С. 105–118. – в кн. 312 с.

30. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Что есть компрехендная теория права? // Юридическая наука. – 2016. – № 3. – С. 5–9.

31. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 2(40). – С. 14–22.

32. *Захарцев С.И., Сальников В.П., Гасумянов В.И.* Право в XXII веке: монография. – М.: Юрлитинформ, 2024. – 264 с.

33. *Зверев Н.* Энциклопедия права в ряду юридических наук: Январь // Юридический вестник: Январь. Издание Московского Юридического Общества. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1880, № 1. – С. 17–41.

34. *Зорькин В.Д.* Позитивистская теория права в России. – М.: МГУ, 1978. – 270 с.

35. *Иеринг Р.* Борьба за право. – СПб.: изд. И. Юровского, 1904. – 96 с.

36. *Иеринг Р.* Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1. – СПб.: Тип. В. Виноградова, 1875. – 130 с.

37. *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. – М.: Госюриздат, 1961. – 381 с.

38. История политических учений. Учебник / Вахидов Х., Галанза П.Н., Дюков Л.В., Карева М.П., и др.; под ред.: Кечекьян С.Ф., Федькин Г.И. – 2-е изд. – М.: Госюриздат, 1960. – 894 с.

39. *Казмер М.Э.* Социологическое направление в русской дореволюционной правовой мысли. – Рига: Зинатне, 1983. – 130 с.

40. *Капустин М.Н.* Теория права: (Юридическая догматика). Т. 1: Общая догматика = Общая догматика, Юридическая догматика. – М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1868–1869, 1868–1869. – [8], 28, 352, 4 с.

41. *Керимов Д.А.* Философские проблемы права. – М.: Мысль, 1972. – 472 с.

42. *Кистяковский Б.А.* Социальные науки и право. – М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1916. – 718 с.

43. Конспект истории философии права, составленный студентами Шемановским, Вербловским, Якобсоном и Кэдингом по лекциям П.Г. Редкина в 1865–66 академическом году. – СПб., 1866.

44. *Коркунов Н.М.* История философии права. Изд. 6. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1915. – VI, 502 с.

45. *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права / 6-е изд. – СПб.: Издание юридического книжного магазина Н.К. Мартынова, 1904. – 354, X с.

46. *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. Изд. 8-е. – СПб.: типография М.М. Стасюлевича, 1914.

47. *Котельников А.* Философия права как самостоятельный предмет юридического факультета // Наблюдатель. – 1893. – Год XII. – Июнь.

48. *Кузнецов Э.В.* Философия права в России. – М.: Юридическая литература, 1989. – 205 с.

49. *Кузнецов Э.В.* Философия права в русском дореволюционном правоведении // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1984. – № 2.

50. *Луковская Д.И., Гречишкин С.С., Ячменев Ю.В.* Константин Алексеевич Неволин (1806 – 1855) / Неволин К.А. Энциклопедия законоведения, – СПб. : СПбГУ, 1997. – 400 с. – (Из истории отечественного правоведения).

51. *Михайловский И.В.* Очерки философии права. Т. 1. – Томск: Изд. кн. маг. В.М. Посохина, 1914. – 632 с.

52. *Неволин К.А.* Энциклопедия законоведения. Т. 1: Введение в энциклопедию законоведения, общая часть ее и первая половина особенной части. – Киев: Унив. тип., 1839. – VIII, 633 с.

53. *Нерсесянц В.С.* «Философия права»: диалектика объективного духа // Философия Гегеля: Проблемы диалектики. – М.: Наука, 1987. – 304 с.

54. *Нерсесянц В.С.* Философия права. – М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1997. – 647 с.

55. *Новгородцев П.И.* Введение в философию права. Кризис современного правосознания / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 2000. (Мир культуры, истории и философии).

56. *Новгородцев П.И.* Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма: Сборник статей. [Москва, 1902] / Под ред. М.А. Колерова; Подготовка текста Н.В. Самовер . – М.: Модест Колеров и «Три Квадрата», 2002. – С. 505–574.

57. *Перетерский И.С.* Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика. – М.: Госюриздат, 1956. – 131 с.

58. *Петражицкий Л.И.* Очерки философии права. Выпуск первый. Основы психологической теории права. Обзор и критика современных воззрений на существо права. – СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1900.

59. *Редкин П.Г.* Из лекций заслуженного профессора, доктора прав П.Г. Редкина по истории философии права в связи с историей философии вообще: т. 1–7. – СПб.: типография М.М. Стасюлевича, 1889. – 452 с.

60. *Редкин П.Г.* Курс философии общественной жизни. – Лейпциг: F.A. Brockhaus, 1864. – 180 с.

61. *Редкин П.Г.* О Гейдельбергском университете // Юридические записки. – 1841. – Т. 1.

62. *Редкин П.Г.* О независимости юстиции // Юридические записки. – 1860. – Т. 4.

63. *Редкин П.Г.* Обозрение гегелевской логики // Москвитянин. – 1841. – № 8. – Ч. IV.

64. *Редкин П.Г.* Энциклопедия юридических и политических наук : Лекции, чит. в Императорском С.-Петерб. ун-те ординарным профессором П.Г. Редкиным студентам 1 курса юридического факультета в 1869/70 акад. г. – СПб.: изд. студентов С.-петерб. ун-та, [1877]. – [939] с. разд. паг.: табл..

65. *Ренненкампф Н.К.* Очерки юридической энциклопедии / 2-е изд., испр. и доп. – Киев: Н.Я. Оглоблин, 1880. – [2], II, 282, V с.

66. Русская философия права: философия веры и нравственности / А.П. Альбов, Д.В. Масленников, А.И. Числов, С.В. Филиппова; под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, 1997. – 399 с.

67. Сальников В.П. Социалистическая правовая культура: Методологические проблемы / Под ред. Н.И. Матузова. – Саратов: СГУ, 1989. – 144 с.

68. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права / Отв. ред. В.П. Сальников, А.П. Альбов, Д.В. Масленников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург). Санкт-Петербургская академия МВД России, 1998. – 184 с. – Серия «Классики русской философии права».

69. Философия права Гегеля и современность / Отв. ред. Д.А. Керимов. – М.: Наука, 1977. – 151 с.

70. Философско-правовое познание: актуальные проблемы: монография / Е.В. Виноградова, А.О. Воробьев, М.Ю. Гутман [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2025. – 418 с. – (Научная мысль). DOI 10.12737/2152004

71. Экимов А.И. Коркунов / Отв. ред.: В.Д. Зорькин. – М.: Юрид. лит., 1983. – 96 с.
72. Ячменев Ю.В. Правовая теория К.А. Неволина: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 1995.

Для цитирования: *Сальников М.В., Старовойтова О.Э., Будович М.Ю.* Энциклопедия права или «Наша наука» по П.Г. Редкину // Теория государства и права. – 2025. – № 2-1. – С. 236–243.
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_236

ENCYCLOPEDIA OF LAW OR "OUR SCIENCE" ACCORDING TO P.G. REDKIN

Mikhail V. Salnikov*
Olga E. Starovoitova**
Marina Yu. Budovich***

Annotation. *The article discusses the issues of the legal heritage of P.G. Redkin, who, regarding the encyclopedia of law, was expressed as mandatory for study in all Russian universities after the adoption of the university charter. The practical significance of including the philosophy of law and its history in the encyclopedia is noted, which consists not only in the admission of a philosophical subject, but in the recognition of the need for a philosophical element in jurisprudence.*

Key words: *"Encyclopedia", natural and positive law, a set of laws, philosophy of legislation (natural law), state laws (public law), civil laws (private law), criminal laws (criminal law).*

The desire to create a science that would give a holistic view of law has existed for a long time. At first, such a role was assigned to the encyclopedia of law, and later to the philosophy and theory of law. Therefore, the encyclopedia of law, in this sense, can be considered as a science of law in its original version. However, it should be taken into account that, along with the theory and philosophy of law, being a necessary introduction to the study of law, the encyclopedia of law was studied for a long time at law faculties in Russia, England, and France. And it was this, "our science", that was taught by Professor P.G.Redkin.

The term "encyclopedia" (Greek) means a circle of sciences that are necessary for general education. Therefore, an encyclopedia has long been understood as a systematic review of the totality of human knowledge. An encyclopedia of law was reduced to a brief outline of the development of all legal sciences.

Gunnius's "Universal Encyclopedia of Law", published in 1638, was one of the first experiments in this field. He was the first to use the expression "encyclopedia of law". In Russia, the corresponding discipline began to be taught in the 18th century at Moscow University. It was taught by the German lawyers Purgold and Bause.

The first Russian works on the encyclopedia of law were published at the beginning of the 19th century. The first work of this kind in our country would have to be called the Legal Grammar of Pravikov (1803) if its content were not too limited. Then follow two short works by Sandunov (1820) and Smirnov (1821). "On the method of studying Russian laws," wrote K. Nevolin [52, p. 14]. In 1831, "Manuals and rules for studying Russian laws or materials for the encyclopedia, methodology and history of Russian law" by P. Degay were published. According to K. Nevolin, this is already a real and brief encyclopedia and methodology of Russian jurisprudence [52, p. 14].

* **Salnikov Mikhail Viktorovich,** Chief Researcher of the Law Institute (St.Petersburg), Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences. E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru
** **Starovoytova Olga Eduardovna,** Professor of the Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences. E-mail: olgst4r@yandex.ru
*** **Budovich Marina Yuryevna,** Assistant Notary. E-mail: budovich_marina@mail.ru

The author devotes considerable attention to the relationship between natural and positive law, the concept of law, and the history of Russian law. "The study of the main concept of law and its universal principles based on human nature, and the extraction of rights and obligations from them," he points out, in particular, "is the subject of natural or philosophical law, and laws established in any people and a certain place, which have received real force, constitute positive law [20, p. 58]. Jurisprudence, in his opinion, being part of moral philosophy, must be consistent with the latter and follow from it [20, p. 57].

Another fundamental work is the "Encyclopedia of Jurisprudence" by K. Nevolin. Previously, before the introduction of the new charter of Russian universities (1835), the "encyclopedia of jurisprudence" was taught at law faculties. After the introduction of the charter, it began to be called the "encyclopedia of law." What was the difference between them? P.G. Redkin connects the change in the name of the academic discipline with the compilation of the Code of Laws by M.M. Speransky. The work carried out, in his opinion, was reminiscent in scope of the memorable times of the compilation of collections of Roman law by Justinian. But Justinian, he emphasizes, included in them not only imperial decrees, i.e. legislation, but also customary law, the results of the practical and theoretical activities of lawyers (law of lawyers). I.S. Peretersky noted that in 426 Theodosius II and Valentinian III issued the famous law "On the Mandatory Guidance of the Views of the Coryphaei of Jurisprudence" [57, p. 17]. Therefore, it is impossible to call the Digest or Pandects collections of laws. "To express all these sources together – both legislation, and customary law, and the law of lawyers – almost everywhere one common name was used: law; so that law includes both legislation or laws in the proper sense, and customary law and the law of lawyers. Therefore, it is correct to call Justinian's collections not collections of laws, but collections of law in general" [59, p. 3].

The Code of Laws of the Russian Empire, on the contrary, was a collection of laws, since it included legislation, and not common law or the law of lawyers. "They began to look for all of our current law in the Code of Laws, whereas this Code was composed only of laws; hence the assumption arose that current legislation is current law in general; consequently, the source of law is only legislation, consequently, law and legislation are identical expressions; consequently, to study legislation means to study law; consequently, knowledge and understanding of laws, jurisprudence, is knowledge and understanding of law in general, jurisprudence" [59, p. 8].

P.G. Redkin evaluates the role of the Code of Laws from the position of an active defender of the order that existed in Russia at that time. It is known that the Code of Laws, semi-serfdom in content, contributed to the strengthening of the serfdom empire. In reality, the matter was not reduced to an analogy with the legislation of the Roman emperor. "The weak, loyally minded Russian bourgeoisie curried favor with the feudal lords. Its political program was limited to the desire for very moderate and limited reforms carried out "from above," aimed at encouraging its entrepreneurial activity and establishing legal (and material) guarantees that would allow capitalist relations to develop and at the same time give it the opportunity to exploit the people together with the feudal lords" [38, pp. 454–455].

In addition, in the 1940s, ideas of positivism began to penetrate into Russia, and in the 1960s, they became established. And if for the author of the "Code of Laws" the theory of natural law still served as a means of substantiating liberalism, then representatives of the revolutionary democracy of the 1940s-1960s already showed a noticeable interest in positivism (V.G. Belinsky, N.P. Ogarev). Until the 1930s, the natural law direction dominated in legal science, and K. Nevolin was its representative. In his opinion, the systematic study of laws was initiated by the ancient Romans. Later, the following sciences were separated from each other and began to be considered as independent sciences: philosophy of legislation (natural law), state laws (public law), civil laws (private law), criminal laws (criminal law), etc. With such a multitude of sciences, in order to maintain the connection between them, a special science was needed that would serve as a general introduction to the science of jurisprudence.

We cannot agree with the opinion of M.E. Kazmer that K.A. Nevolin is the founder of the historical direction in Russian legal science, that in his main work "Encyclopedia of Jurisprudence" he took an approach against the ideas of natural law [39, p. 33]. Note that I.V. Mikhailovsky consid-

ered K.A. Nevolin to be the founder of the philosophy of law in Russia [51, p. 36]. Yu.V. Yachmenev writes about this [72]; see also [50].

By the "encyclopedia of jurisprudence", K. Nevolin understood an independent science – the theory of the "sciences of jurisprudence" and, at the same time, their abbreviated presentation. In this case, his encyclopedia was called upon to replace the theory of law and serve as a link between the "philosophy of law" and the sciences of laws. "The law in its essence," wrote K. Nevolin, "is generally truth... and the essence of truth can only be defined in philosophy" [52, p. 23]. P.G. Redkin echoed him and noted in his works that one can speak of law "in the sense of non-positive law", "in the sense of what is called natural law", "in the sense of truth and justice", and as an epigraph to his "Legal Notes" he chose the proverb: "everything will pass, only truth will remain". It is this proverb that is discussed in the correspondence between P.G. Redkin and Dahl, and this is how P.G. characterized it. Redkin all his creative work, everything he wrote about or everything he wanted to write about, but did not have time. In the hierarchical ladder of meanings of law by P.G. Redkin: law in the meaning of "straight", in second place – law in the meaning of "truth", "justice". "These first two meanings of the word "law" are the original ones", – said P.G. Redkin in his lectures. And only in third place in this hierarchy did P.G. Redkin put law as a law.

In any legislation, K. Nevolin distinguishes two parts: natural laws and positive laws. "The former, taken in their totality, form the idea of legislation, the latter serve as its manifestation" [52, p. 52].

Thus, when we talk about the "encyclopedia of law", we mean a direction that unites supporters of the identification of "law" and "law". Representatives of the "encyclopedia of legislation", who distinguished these concepts, evaluate law from the standpoint of natural philosophy.

The best guides to the encyclopedia of law in Russian literature were considered to be the works of M. Kapustin "Legal Dogmatics" (1868) [40] and N. Rennenkampf "Essays on the Legal Encyclopedia of Law" (1880) [65].

In addition to special monographs on the encyclopedia of law, individual articles devoted to this problem are published in Russia, as well as works that touch on them in one way or another. Of particular note is N. Zverev's article "Encyclopedia among legal sciences", published in the "Legal Bulletin" in 1880 [33]. From the author's point of view, the concept and content of the encyclopedia of law, its significance and position among legal sciences are so vague that this gives grounds for the existence of not only diverse, but also sometimes contradictory scientific positions. All of them can be reduced to two directions – "positive" and "negative". Representatives of the first try to attribute to the encyclopedia of law the role of a special and independent science in the system of legal sciences. These include, in particular, K. Nevolin, N. Rennenkampf, M. Kapustin. The second direction is based on the view of the encyclopedia of law as an introduction to the science of law, and not its recognition as an independent science (P. Delarov). This view was also widely disseminated in the French encyclopedic literature of the 19th century.

The need for a general theoretical science of law, according to the well-founded opinion of N. M. Korkunov, a student of P. G. Redkin, is not limited to teaching tasks. The development of science leads to greater specialization in relatively narrow areas. Therefore, a science is needed that would aim to clarify the general connection between various issues studied by specialized sciences separately [71, pp. 29–30]. Its success and effectiveness are ensured only when the researcher, working on specific issues, does not forget about the general tasks of cognition. It was precisely this role that was originally assigned to the encyclopedia of law. In this sense, N. M. Korkunov supported [45, p. 13] his teacher P. G. Redkin, who lectured at St. Petersburg University and tried to present the encyclopedia of law not simply as a collection of knowledge about individual branches, but as a general teaching on law" [71, p. 30].

Other legal theorists also wrote about the tasks and features of the encyclopedia of law. Thus, A. Kotelnikov noted that "at the Faculty of Law, the study of positive legislation is usually preceded by the teaching of the encyclopedia of law. This science, serving as an introduction to the circle of legal sciences, should give a clear and precise definition of law, explain what a "legal norm" and "legal institution" are, clarify the division of law, its sources; determine the subject, object of science;

indicate the forms of development and termination of various forms of law, and so on and so forth" [47, p. 65]. Following the encyclopedia of law, he believes, should be the history of the origin of the country's legislative monuments. Only after this can a lawyer move on to a detailed study of the legislation in force in the country. Moreover, he calls the philosophy of law a necessary basis for legal education.

I.V. Mikhailovsky considered the encyclopedia of law as a brief exposition of all special legal sciences. He also did not perceive it as an independent science, since it did not have, he believed, its own subject. Pointing to the close connection between the encyclopedia, philosophy, and theory of law, this author, at the same time, noted that one can often find works that are called encyclopedias of law, but in reality represent a general theory of law or philosophy of law (E.N. Trubetskoy). P.G. Redkin believed that "this is simply explained by the official name of our science, but such terminology cannot be justified" [51, p. 3].

According to the university charter of 1835, the encyclopedia of law, as an academic discipline, consisted of two parts:

1. Encyclopedia of legal and political sciences.
2. History of the philosophy of law.

In fact, these two parts were considered independent. "The practical significance of including the philosophy and history of law in the encyclopedia of law lies not only in the simple, open from the legal point of view, admission of a philosophical subject, once obsolete by its name alone – natural law, but in the recognition of the need for a philosophical element in jurisprudence along with a positive element, a philosophical study of law – along with a positive, historical study" [59, p. 8], wrote P.G. Redkin.

On the other hand, the encyclopedia of law is called the "Encyclopedia of Legal and Political Sciences," according to P.G. Redkin, because law, society and the state are in the closest connection, and "if therefore the charter itself united the encyclopedias of legal and political sciences, and, consequently, society and the state, if, finally, the charter itself included in the encyclopedia of law the history of the philosophy of law, and, consequently, modern philosophy of law, then the necessity of including in the encyclopedia of law the history and dogma of the philosophy of society and the state along with or inseparably with their positive, historical presentation follows by itself" [59, p. 17].

A more complete picture of the encyclopedia of law is provided by familiarization with its program, which was mandatory for all Russian universities after the adoption of the university charter. Among the topics included in the program were the following: the concept of norms, the relationship between morality and law, the definition of law by its source, the theory of natural law, the origin of law, law in the objective sense, law in the subjective sense, elements of legal norms, hypothesis, disposition, sanction, legal facts, private and public law, law as a social order, the teachings of Hegel, L. Stein, Arens, Mohl, Gumplowicz, the definition of the state, power and law, the application of law and others.

In essence, such an interpretation of the subject of the encyclopedia of law does not at all indicate that it provides brief information about legal sciences or "introduces us to the study of legal sciences." Rather, this program reminds us of the range of issues included in the system of the course on the theory of state and law. At the same time, it should be taken into account that the encyclopedia of law has gone through a complex and contradictory path of searching for its subject and at first really resembled a conglomerate of various pieces of information about law. However, the forms and methods of understanding law were improved. The empirical stage of knowledge was supplemented by a theoretical stage. Following the encyclopedia, such areas as the philosophy of law, the theory of law, the sociology of law are distinguished, and the encyclopedia of law itself over time began to play the role of a generalizing science. Probably, this is what N. Zverev had in mind when he wrote that it should represent law as a logical unity of concepts, as a living whole. It was on this basis that P. Redkin, K. Nevolin, M. Kapustin and others were inclined to think that there was no particular difference between philosophy, theory and encyclopedia of law. In essence, such studies did not lead to the search for the proper subject of a particular science, but to a deeper un-

derstanding of the legal matter, the desire to finally answer the question: "What is law?", a question that has attracted and continues to attract the attention of many researchers for centuries [22, pp. 328–360; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32, pp. 5–118; 70, pp. 63–111].

The encyclopedia of law, without revealing in detail the process of learning the law, guided by ready-made legal concepts developed by the theory of law, was intended to prepare students to perceive the provisions of individual branch sciences, to correctly understand special terminology, to outline a plan for upcoming classes and to show the path that should be followed.

Bibliographic list

1. *Baskin Yu.Ya.* Essays on the Philosophy of Law. Syktyvkar. 1996.
2. *Baskin Yu.Ya.* Fichte: political and legal views. Kaliningrad, 1993.
3. *Baskin Yu.Ya., Baskin D.A.* Pavel Ivanovich Novgorodtsev (from the history of Russian liberalism). SPb.: Almaz, 1997. 96 p.
4. *Bentham I.* Selected works / Trans. in English ed. Bowring and Fr. Dumont, A.N. Pypin and A.N. Nevedomsky. T. 1. St. Petersburg: Rus. books trade, 1867. [8], LXII, [2], 678 pp..
5. *Berman G. J.* B50. Western legal tradition: the era of formation / Translated from English. 2nd ed. M.: MSU: INFRA-M NORMA, 1998. 624 p.
6. *Bernatsky G. G.* Natural law. Human rights. Morality. SPb.: SZAGS, 2000. 166 p.
7. *Bershadtsky S.A.* Lectures on the history of the philosophy of law. SPb.: M. Stasyulevich printing house, 1885. 196 p.
8. *Bershadtsky S.A.* Essays on the History of Philosophy of Law. Issue 1. St. Petersburg: Type. M.M. Stasyulevich, 1892. 278 p.
9. Biographical Dictionary of Professors and Lecturers of the Imperial St. Petersburg University for the Past Third Quarter of a Century of its Existence. In 2 volumes. St. Petersburg: Type and Lithographic B.M. Wolf, 1896.
10. *Blinov N.M., Shilova G.F.* History and Law: Brief Thematic Dictionary: Textbook. M.: MIREA, 1994. 47 p.
11. *Boer A.A., Kuznetsov E.V., Starovoitova O.E.* Theory of Law and State / edited by E.V. Kuznetsov. St. Petersburg: GUAP; Association of Philosophy of Law of St. Petersburg, 2007. 386 p.
12. *Boer A.A., Starovoitova O.E., Belyakov K.E.* New ideas in legal science (based on the materials of the 21st World Congress of JVR). St. Petersburg, 2005.
13. Waldenberg. On the task of the philosophy of law // Questions of philosophy and psychology. 1987. No. 40.
14. *Vas'kovsky E.V*. Civilistic methodology. Part 1. The doctrine of the interpretation and application of civil laws. Odessa: Ekon. type., 1901. XXII, 376 p.
15. *Hessen V.M.* Revival of natural law. SPb.: type. SPb. islands E. Evdokimov, 1902. 43 p.
16. *Hobbes T.* Works. T. 1–2. M.: Mysl, 1979.
17. *Gumplowicz L.* General Doctrine of the State / Translated from the 2nd German edition with an introductory essay, notes and additional article by Iv. N. Nerovetsky. St. Petersburg: Printing House of the Society of Social Benefit, 1910. [2], XXVI, 516 p.
18. *David R.* The Main Legal Systems of Modernity / Translation from French and introduction: Tumanov V.A. M.: Progress, 1988. 496 p.
19. *Darrest R.* Research in the History of Law / / Translated by N.N. Chebotarevsky. St. Petersburg: L.F. Panteleev, 1894. [4], VIII, 378 p.
20. *Degai P.I.* Manuals and rules for studying Russian laws, or materials for the encyclopedia of methodology and history of literature of Russian law. M.: In type. A. Semena, 1831. [8], XIV, 143 p.
21. *Delarova P.* Essays on the Encyclopedia of Law: Essay 1. On Law in a Series of Other Spheres of Human Intellectual Life. Vol. 1. St. Petersburg: Type. B.G. Yanpolsky, 1878. 552 p.
22. Goodness, trust, justice, freedom in philosophical and legal thought: antiquity and modernity: Monograph / E.V. Vinogradova, A.O. Vorobyov, I.N. Gribov [et al.]; under the general editorship of Doctor of Law, Professor V.P. Salnikov. 2nd ed., corrected. and additional. M.: INFRA-M, 2025. 459 p. (Scientific thought). DOI 10.12737/2151906.
23. *Dugi L.* Social law, individual law and transformation of the state: Lectures, read. in 1908 at the Higher School. social Sciences in Paris; lane priv.-assoc. Moscow A. Yashchenko University, with a foreword. prof. A.S. Alekseeva. M.: Publishing house. N.N. Klochkova, 1909. 148, [1] p.

24. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* How to understand the law? We offer a comprehend approach // Legal field of modern economy. 2015. No. 9. P. 17–30.

25. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Comprehend theory as an innovative approach to the knowledge of law // Legal technology. 2021. No. 15: Materials of the XXII International Scientific and Practical Forum "Yurtekhnetics" on the topic: "Legal Innovations (Doctrine, Practice, Technology)" (Nizhny Novgorod, September 23–26, 2020) / Editor-in-Chief prof. V.M. Baranov. Nizhny Novgorod: Prospect, 2021. Pp. 166–174. In the book 764 p.

26. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Comprehend theory of law – a new theory of knowledge of legal reality // Tajikistan and the modern world. 2016. No. 4 (54). P. 91–103.

27. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Comprehend theory of law as a way of knowing its essence // Research publications. 2021. No. 1. P. 5–45.

28. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Modern approaches to the knowledge of law and the work of Professor O.E. Leist // The Value of Law (on the 100th anniversary of O.E. Leist's birth): monograph / ed. E.A. Frolova. M.: Prospect, 2025. P. 73–80. In the book 576 p.

29. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* The essence of law in the focus of the comprehend theory of its cognition // The essence of law: Collection of articles for the 100th anniversary of the birth of Professor M.I. Baitin / Ed. by V.M. Baranov, S.A. Belousov, I.N. Senyakin. Saratov: Saratov State Law Academy, 2022. Pp. 105–118. In the book 312 p.

30. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* What is the comprehend theory of law? // Legal science. 2016. No. 3. P. 5–9.

31. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* What is a right? Questions of ontology and epistemology // Rule of law: theory and practice. 2015. No 2(40). P. 14–22.

32. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P., Gasumyanov V.I.* Law in the 22nd Century: A Monograph. M.: Yurlitinform, 2024. 264 p.

33. *Zverev N.* Encyclopedia of law in a number of legal sciences: January // Legal Bulletin: January. Publication of the Moscow Law Society. M.: Type. A.I. Mamontova and Co., 1880, No 1. P. 17–41.

34. *Zorkin V.D.* Positivist theory of law in Russia. M.: MGU, 1978. 270 p.

35. *Ihering R.* The Struggle for Law. St. Petersburg: I. Yurovsky Publishing House, 1904. 96 p.

36. *Ihering R.* The Spirit of Roman Law at Different Stages of its Development. Part 1. St. Petersburg: Type. V. Vinogradov, 1875. 130 p.

37. *Ioffe O.S., Shargorodsky M.D*. Questions of the Theory of Law. M.: Gosyurizdat, 1961. 381 p.

38. History of political doctrines. Textbook / Vakhidov H., Galanza P.N., Dyukov L.V., Kareva M.P., and others; edited by: Kechekyan S.F., Fedkin G.I. 2nd ed. M.: Gosyurizdat, 1960. 894 p.

39. *Kazmer M.E.* Sociological direction in Russian pre-revolutionary legal thought. Riga: Zinatne, 1983. 130 p.

40. *Kapustin M.N.* Theory of Law: (Legal Dogmatics). V. 1: General Dogmatics = General Dogmatics, Legal Dogmatics. M.: University Press (Katkov and Co.), 1868–1869, 1868–1869. [8], 28, 352, 4 p.

41. *Kerimov D.A.* Philosophical problems of law. M.: Mysl, 1972. 472 p.

42. *Kistyakovsky B. A.* Social Sciences and Law. M.: Edition of M. and S. Sabashnikovs, 1916. 718 p.

43. A summary of the history of the philosophy of law, compiled by students Shemanovsky, Verblovsky, Jacobson and Kading based on lectures by P.G. Redkin in the 1865–66 academic year. St. Petersburg, 1866.

44. *Korkunov N.M.* History of the philosophy of law. Ed. 6. St. Petersburg: Type. MM. Stasyulevich, 1915. VI, 502 p.

45. *Korkunov N.M.* Lectures on the General Theory of Law / 6th ed. St. Petersburg: Publishing House of N.K. Martynov's Legal Bookstore, 1904. 354, 10 p.

46. *Korkunov N.M.* Russian state law. Ed. 8th. St. Petersburg: printing house M.M. Stasyulevich, 1914.

47. *Kotelnikov A.* Philosophy of Law as an Independent Subject of the Faculty of Law // Observer. 1893. Year XII. June.

48. *Kuznetsov E.V.* Philosophy of Law in Russia. M.: Legal Literature, 1989. 205 p.

49. *Kuznetsov E.V.* Philosophy of Law in Russian Pre-Revolutionary Jurisprudence // News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. 1984. No. 2.

50. *Lukovskaya D.I., Grechishkin S.S., Yachmenev Yu.V.* Konstantin Alekseevich Nevolin (1806 – 1855) / Nevolin K.A. Encyclopedia of Jurisprudence, St. Petersburg: St. Petersburg State University, 1997. 400 p. (From the history of domestic jurisprudence).

51. *Mikhailovsky I.V.* Essays on the Philosophy of Law. Vol. 1. Tomsk: Publ. of the Prince Mag. V.M. Posokhin, 1914. 632 p.

52. *Nevolin K.A.* Encyclopedia of jurisprudence. V. 1: Introduction to the encyclopedia of jurisprudence, its general part and the first half of the special part. Kyiv: Univ. type., 1839. VIII, 633 p.

53. *Nersesyants V. S.* "Philosophy of Law": Dialectics of the Objective Spirit // Hegel's Philosophy: Problems of Dialectics. M.: Nauka, 1987. 304 p.

54. *Nersesyants V. S.* Philosophy of Law. M.: INFRA-M-NORMA, 1997. 647 p.

55. *Novgorodtsev P.I.* Introduction to the Philosophy of Law. The Crisis of Modern Legal Consciousness / Ed. V.P. Salnikov, Yu.A. Sandulov. Series: Classics of the History and Philosophy of Law. St. Petersburg: Lan, 2000. (The World of Culture, History and Philosophy).

56. *Novgorodtsev P.I.* Moral Idealism in the Philosophy of Law // Problems of Idealism: Collection of Articles. [Moscow, 1902] / Ed. M.A. Kolerov ; Text preparation by N.V. Samover. M.: Modest Kolerov and "Three Squares", 2002. P. 505–574.

57. *Peretersky I.S.* Digests of Justinian. Essays on the history of compilation and general characteristics. M.: Gosyurizdat, 1956. 131 p.

58. *Petrazhitsky L.I.* Essays on the Philosophy of Law. Issue One. Fundamentals of the Psychological Theory of Law. Review and Criticism of Modern Views on the Essence of Law. SPb.: Type. Yu.N. Erlich, 1900.

59. *Redkin P.G.* From the lectures of the distinguished professor, doctor of law P.G. Redkin on the history of the philosophy of law in connection with the history of philosophy in general: vol. 1–7. St. Petersburg: printing house of M.M. Stasyulevich, 1889. 452 p.

60. In the Philosophy of Social Life. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1864. 180 p.

61. *Redkin P.G.* About Heidelberg University // Legal notes. 1841. T. 1.

62. *Redkin P.G.* On the independence of justice // Legal notes. 1860. V. 4.

63. *Redkin P.G.* Review of Hegelian logic // Moskvityanin. 1841. No. 8. Part IV.

64. *Redkin P.G.* Encyclopedia of Legal and Political Sciences: Lectures given at the Imperial St. Petersburg University by full professor P.G. Redkin to first-year students of the Faculty of Law in the 1869/70 academic year. St. Petersburg: Publishing House of Students of the St. Petersburg University, [1877]. [939] p. sec. pag.: table.

65. *Rennenkampf N.K.* Essays on the Legal Encyclopedia / 2nd ed., revised. and additional Kyiv: N.Ya. Ogloblin, 1880. [2], II, 282, V p.

66. Russian Philosophy of Law: Philosophy of Faith and Morality / A.P. Albov, D.V. Maslennikov, A.I. Chislov, S.V. Filippova; edited by V.P. Salnikov. St. Petersburg: Aleteya, 1997. 399 p.

67. *Salnikov V.P.* Socialist legal culture: Methodological problems / Ed. by N.I. Matuzov. Saratov: SSU, 1989. 144 p.

68. *Trubetskoy E.N.* Encyclopedia of Law / Ed. V.P. Salnikov, A.P. Albov, D.V. Maslennikov. SPb.: Law Institute (St. Petersburg). St. Petersburg Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1998. 184 p. Series "Classics of Russian Philosophy of Law".

69. Hegel's Philosophy of Law and Modernity / Ed. D.A. Kerimov. M.: Nauka, 1977. 151 p.

70. Philosophical and legal knowledge: current problems: monograph / E.V. Vinogradova, A.O. Vorobyov, M.Yu. Gutman [et al.]; under the general editorship of Doctor of Law, Professor V.P. Salnikov. 2nd ed., corrected. and additional. Moscow: INFRA-M, 2025. 418 p. (Scientific Thought). DOI 10.12737/2152004

71. *Ekimov A.I*. Korkunov / Rep. ed.: V.D. Zorkin. M.: Legal. lit., 1983. 96 p.

72. *Yachmenev Yu.V.* Legal theory of K.A. Nevolin: Abstract of Cand. of Law Dissertation. St. Petersburg, 1995.

For citation: *Salnikov M.V., Starovoitova O.E., Budovich M.Yu.* Encyclopedia of Law or "Our Science" according to P.G. Redkin // Theory of State and Law. 2025. No. 2–1. P. 243–249.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_236

Научная статья

УДК: 34
ББК: 67.021
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_250

А.Г. Хабибулин*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВА: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. *Рассматриваются методологические основания права. Определяются теоретические основания современного правопонимания. Особое внимание уделяется социологическому позитивизму, объединяющему элементы антропологического позитивизма, определяющему центральную роль человека в жизни общества, включая его юридические связи, правовое сознание, а также взаимоотношения внутри общественного уклада*

Ключевые слова: *методология права, философия права, правопонимание, позитивизм, юридический позитивизм, социологический позитивизм.*

Развитие юридической науки в России показывает необходимость следования общей методологической основе формирования цельного представления о праве, заключающейся в единстве практической юриспруденции, теории и философии права. Такой подход к правопониманию позволяет принимать грамотные политико-правовые решения, отвечающие потребностям юридической практики и устоявшимся теоретико-правовым положениям.

Философия права представляет собой методологический фундамент права, что обусловливает постоянную научную дискуссию относительно философских оснований юриспруденции [4; 14; 15; 25; 31; 34]. Так, К.А. Неволин проводил различие между естественным правом (или естественным законом) и позитивным правом (или положительным законом), где естественное право определяется как внутреннее содержание позитивного права, то есть его морально-этическая основа, в то время как позитивное право выражает внешнюю, формально закрепленную юридическую форму этого содержания [27; 26, с. 52]. Само существо любого закона, по его мнению, заключается в правде [27, с. 23], подчеркивая важность философского анализа права.

Б.Н. Чичерин утверждал, что доминирование позитивизма в понимании права во второй половине XIX века привело к снижению влияния философии права на развитие юриспруденции До этого периода философия права занимала ведущее положение среди наук о праве и выделялась как ключевая дисциплина в высших юридических учебных заведениях [32, с. 1].

Б.Н. Чичерин прилагал значительные усилия для восстановления и развития философского подхода к праву, утверждая, что фундаментальные философские принципы должны направлять практическую юридическую деятельность. При этом предназначение философии права выходит за рамки изучения законодательства [32, с. 1].

В концепции Б.Н. Чичерина законы являются подвижными и изменяются в соответствии с человеческими потребностями и представлениями, делая невозможным для законодателя опираться на уже существующее положительное право для извлечения основополагающих принципов, так как его задача – оценить и пересмотреть текущее правовое поле.

* **Хабибулин Алик Галимзянович,** заведующий кафедрой экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естественных наук, Заслуженный юрист Республики Башкортостан. E-mail: 21alik@mail.ru

Точно так же, опираясь лишь на социальный опыт и практику, не представляется возможным оценить правовые положения, из-за их многообразия и противоречивости интересов, для этого требуются высшие, универсальные критерии оценки и взвешивания, доступные только через философский анализ [32, с. 1–2].

Г.Ф. Шершеневич высказывался критично о традиционной философии права, основанной на принципах естественного права, указывая на ее противоречие с позитивным правом, и утверждал, что ее основатели были философы, не имевшие профессионального понимания реальной правовой системы и ее функций. Он поддерживал идею философию позитивного права, акцентирующую внимание на анализе и критике существующего правового порядка, а также на предложениях по его усовершенствованию. Г.Ф. Шершеневич считал, что философии позитивного права должна включать в себя общую теорию права, историю философии права и правовую политику [33, с. 805].

Современная трактовка философии права основана на интегративном подходе, подчеркивающим многоаспектность права и возможность его многозначного понимания [2; 18; 19; 22; 28]. Однако стремление к универсализации правовой теории подталкивает к поиску единого сущностного начала права, что согласуется с превалирующей сегодня диалектической методологией в науке. В этом контексте определенный интерес вызывает выдвинутая В.П. Сальниковым и С.И. Захарцевым во втором десятилетии XXI века компрехендная теория познания права [1; 3, с. 328–360; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 16, с. 303–322; 17, с. 5–118; 30, с. 63–111]. Заслуживает внимания и позиция В.П. Малахова по этому вопросу [24].

Исчезновение СССР дало толчок для формирования универсальных ценностей планетарного масштаба и развития процессов глобализации. Активизация данных процессов проявлялась во всех сферах общественного развития, оказывая значительное влияние на политико-правовые институты, изменяя вектор развития государственных политических систем.

Появившиеся в 1990-е годы государства в качестве политического ориентира развития избрали демократический путь, который полностью основывался на западной традиции. Таким образом, происходило распространение единых стандартов, формирование универсализированных ценностей в политико-правовой сфере, что привело к нивелированию роли государства и права как следствие снижению уровня управляемости общественными процессами.

Изменения, затрагивающие наше общество на фоне перехода к рыночной экономике, преобразований в политической и юридической сферах, обусловливают необходимость углубленного анализа роли позитивного права. Такой анализ представляет собой ключевую задачу не только в контексте формирования юридической теории, но также обладает значимостью с точки зрения исследования истории права. В процессе погружения в юридическую науку невозможно установить границы для осмысления правовых норм и их природы. Продвижение в глубину истории развития права позволяет раскрыть новые аспекты методологии права. При этом само право эволюционирует, реагируя на изменяющиеся общественные условия, а понимание и интерпретация этих правовой материи систем эволюционируют в соответствии с этими трансформациями.

Во второй половине XIX столетия юридический позитивизм получил значительное развитие в странах романо-германской правовой семьи. В России продвижению идей позитивизма в праве способствовали работы М.Н. Капустина и Н.К. Ренненкампфа, которые положили основу для развития юридического позитивизма. Важную роль в его формировании сыграли также усилия исследователей вроде С.В. Пахмана, Д.Д. Гримма, Н.И. Палиенко и Е.В. Васьковского.

В рамках позитивистской правовой теории выделились две основные школы [29, с. 120].

Социологический позитивизм, который объединяет в себе элементы антропологического позитивизма, акцентирует внимание на центральной роли человека в жизни общества, включая его юридические связи, правовое сознание, а также взаимоотношения внутри общественного уклада. В этой теории ключевое внимание уделяется не только законности

(соответствию действий закону) со стороны государственных органов, но и подчеркивается значимость легитимности законов, то есть их признания и поддержки со стороны населения. Без общественного одобрения законы теряют свою реальную исполнимость [23, с. 253].

Юридический позитивизм, также называемый аналитической юриспруденцией, фокусируется на применении формально-догматического анализа как одного из подходов в теории права. Эта школа придает значительный вес признанию права как автономной структуры, отделяемой от его социального и морального контекста. В рамках юридического позитивизма предпочтение отдается политико-юридическому анализу за счет исключения из правовых рассуждений духовных, культурных и нравственных факторов. Согласно этой концепции, право рассматривается в первую очередь как система правил, обусловленная волеизъявлением власти и подкрепленная механизмами принуждения.

Юридический позитивизм характеризуется преимущественно формально-догматическим методом в праве, который становится его ключевым принципом и главной целью. Дополнительной чертой этого направления является эквивалентность права и существующего законодательства.

Известным представителем позитивизма в России был Н. М. Коркунов, выработавший строгую догму права, в особенности русского гражданского права. Им были определены и предложены чёткие и ясные юридические конструкции отдельных институтов. Анализируя юридическую теорию, Н.М. Коркунов сосредоточил свои усилия на изучении законодательства. Он создал значительное исследование, названное «Указ и закон» [21], которое детально рассматривает указ как форму государственного управленческого акта и его взаимное влияние с законом, как с актом законодательной ветви власти.

Н.М. Коркунов занимал одно из ведущих мест среди российских позитивистов, Он различает понятие закона в широком и узком смысле. В широком понимании закон определяется как любая норма права, установленная государственными органами. Узкое значение закона противоположно указу, различие сводится к формальным основаниям принятия акта, в зависимости от субъекта [20, с. 366].

Н.М. Коркунов критикует определение закона как проявление воли государственных органов или самого государства, указывая на его чрезмерную обобщенность. Он подчеркивает, что государственная воля может находить отражение не только в нормативно-правовых актах, но также и в выражениях, не несущих нормативного или юридического значения. Эти формы проявления не признаются законом, что подчеркивает уникальность позитивистского подхода Н.М. Коркунова к понятию закона: закон, в его понимании, и включенные в него правовые нормы не представляют собой любую форму проявления воли государства. «Если цель развития государственной жизни в том, чтобы обеспечить возможно более полное и безусловное господство воли властвующего, нет ни малейшего основания требовать, чтобы эта воля выражалась непременно в форме абстрактных правил, устанавливаемых лишь для предполагаемых в будущем, лишь для возможных, а не для действительно уже существующих условий» [21, с. 167]. В этой связи Н.М. Коркунов приходит к закономерному выводу о том, что «если в господстве закона видеть только господство воли властвующего – между “законным” и произвольным порядком управления государством нельзя будет найти никакой существенной разницы» [21, с. 168].

Юридический позитивизм в модернизированном виде сохраняет значительное влияние в настоящее время.

Таким образом, взгляды Н.М. Коркунова подчеркивают превосходство права и законности, где законные действия исключительно те, которые получают подтверждение в рамках правовой системы, в то время как культурные, исторические и духовные аспекты общественной жизни отодвигаются на второй план и не признаются в качестве значимых. Это мировоззрение ярко отражает позитивистский взгляд на право, где основной акцент делается на абсолютность законодательного урегулирования. Анализ и восприятие права проводится через призму строгих юридических норм и стандартов, центральное место занимает логическое выяснение и исправление диссонансов в правовых документах, при

этом ведущие позиции занимают принципы точности, непреложности и строгости правовых положений.

Рассмотрение концепции права через призму феноменологии, формализма и догматического подхода подчеркивает его формально-юридический характер, исключая разбор его внутренней сути, основных функций и целей. В этой связи юридический позитивизм направлен на разграничение правовой нормы исходя из ее формальных характеристик, в отличие от анализа права как выражения интересов доминирующих слоев в обществе.

На современном этапе развития общества особую значимость приобретают индивидуальные свободы, проистекающие из самой сущности человеческой природы, получившие весьма проработанный механизм реализации и защиты со стороны государственных органов власти. В принципе, желание государства юридически обеспечить защиту прав и свобод каждого индивида не влечёт за собой негативных последствий, но процесс абсолютизации законодательно закрепленных прав приводит к обесценению других нормативных структур, которые теряют свое влияние. В такой ситуации право превращается в высшее выражение духовной жизни индивида, что является ключевым проявлением современного правового позитивизма.

Современное правоведение зиждется на принципах позитивизма, что вытекает из самой сущности права, характеризующегося закрепленностью в нормах, обязательностью исполнения и ясностью формулировок. Эти аспекты подразумевают применение к праву метода, базирующегося на четкости и определенности. Игнорирование или отсутствие стройной системы правовых принципов может привести к правонарушениям, невыполнению законов и, как результат, к общественному беспорядку.

Позитивизм способствует структурированию правовой сферы общества: складывается законодательная база, классифицируются и упорядочиваются правовые явления, формируется устойчивая система правовых понятий и категорий. В результате прослеживается последовательность, целостность, согласованность в догматике права, повышается его авторитет и точность (логическая осмысленность).

Юридический позитивизм, представляющий синтез трех столпов: правовой науки, юридического образования и практической работы в правовой сфере, является ключевым фактором для стабильного развития российской государственности, позволяя ей адаптироваться к текущим социально-политическим и экономическим условиям. Он способствует восприятию права как фундаментальной основы общественного развития, используя правовые механизмы для разрешения различных социальных проблем, включая конфликты. Данный подход направлен на защиту прав и свобод граждан, а также законных интересов отдельных лиц; на совершенствование государственно-правовых структур, их форм; обеспечение законности и обоснованности действий как государственного аппарата, так и местного самоуправления; поддержание преемственности и сохранение проверенных временем юридических традиций, категорий и классификаций, формируя неотъемлемое правовое наследие. Кроме того, современный юридический позитивизм формирует правосознание юристов на основе научных достижений российской юридической школы и заимствующей лучшее из зарубежного опыта юридической деятельности с учетом национальных традиции и обычаев.

Библиографический список

1. *Александров А.И., Исмагилов Р.Ф., Комаров С.А., Хабибулин А.Г., Экимов А.И.* Право в XXII веке – грандиозная монография о будущем права // Теория государства и права. – 2024. – № 4. – С. 281–292.

2. *Графский В.Г.* Интегральная (общая, синтезированная) юриспруденция как теоретическое и практическое задание // Наш трудный путь к праву: Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2006. – С 140–165. – в кн. 416 с.

3. Добро, доверие, справедливость, свобода в философско-правовой мысли: античность и современность: Монография / Е.В. Виноградова, А.О. Воробьев, И.Н. Грибов [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. 2-е изд, испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2025. – 459 с. – (Научная мысль).

4. *Жуков В.Н.* Философия права. 3-е изд.. перераб. и доп. – М.: Юнити-Дана, 2023. – 560 с.

5. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Как познать право? Мы предлагаем компрехендный подход // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 17–30.

6. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Компрехендная теория как инновационный подход к познанию права // Юридическая техника. – 2021. – № 15: Материалы XXII Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему: «Юридические инновации (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 23–26 сентября 2020 года) / Главный редактор проф. В.М. Баранов. – Нижний Новгород: Проспект, 2021. – С. 166–174. – в книге 764 с.

7. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Компрехендная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 11–26.

8. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Компрехендная теория познания права // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 4. – С. 4–13. DOI: 10.21681/2226–0692–2019–4-04–13

9. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Об обосновании компрехендного подхода для познания права // Теория государства и права. – 2016. – № 2. – С. 39–58.

10. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Предлагаем Вашему вниманию компрехендную теорию познания права // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 170–183.

11. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Размышляем о сущности права: компрехендный подход // Правовое государство: теория и практика. – 2017. – № 1(47). – С. 13–30.

12. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Современные подходы к познанию права и творчество профессора О.Э. Лейста // Ценность права (к 100-летию со дня рождения О.Э. Лейста): монография / отв. ред. Е.А. Фролова. – М.: Проспект, 2025. – С. 73–80. – в кн. 576 с.

13. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Сущность права в фокусе компрехендной теории его познания // Сущность права: Сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора М.И. Байтина / Под ред. В.М. Баранова, С.А. Белоусова, И.Н. Сенякина. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2022. – С. 105–118. – в кн. 312 с.

14. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия и юридическая наука: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 424 с. DOI: 10.17513/np.491

15. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия. Философия права. Юридическая наука. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. DOI 10.17513/np.454

16. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях суверенной метафизики права. – 2-изд., испр. и доп. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2024.

17. *Захарцев С.И., Сальников В.П., Гасумянов В.И.* Право в XXII веке: монография. – М.: Юрлитинформ, 2024.

18. *Карташов В.Н.* От интегральной к синтетической теории права, или все-таки наоборот? // Теоретические и практически проблемы правопонимания: Материалы 3 Международной научной конференции, 24 апреля 2008 г. в Российской академии правосудия, г. Москва / Под ред. В.Н. Сырых, М.А. Заниной. – М.: РАП, 2010. – С. 162–174.

19. *Козлихин И.Ю.* Общая теория, интегральная юриспруденция или энциклопедия права? // Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания: материалы седьмых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца / Отв. ред. В.Г. Графский. – М., 2013.

20. *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 430 с.

21. *Коркунов Н.М.* Указ и закон. – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1894. – VIII, 408 с.

22. *Лазарев В.В.* Интегративное восприятие права // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 20–29.

23. Лекции по общей теории права Н.М. Коркунова / под общ. ред. А.В. Малько, Д.А. Липинского. – М.: Юрайт. 2022.

24. *Малахов В.П.* Право в контексте общественного сознания. Принципы правопонимания. – М.: Юнити, 2015. – 159 с.

25. *Малахов В.П.* Философия права. Идеи и предположения. – М.: Юнити Дана, 2008. – 391 с.

26. *Михайловский И.В.* Очерки философии права. Т. I. – Томск: Изд. кн. маг. В. М. Посохина, 1914. – [4], III, XV, 604 с.

27. *Неволин К.А.* Энциклопедия законоведения. Т. I. – Киев: Унив. Тип., 1839. – VIII, 633 с.

28. *Ромашов Р.А.* Интегральная юриспруденция и энциклопедия права: историко-методологический анализ // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2013. – № 3. – С. 105–120.

29. *Савченко Т.И.* Либеральные учения в России. Б.Н. Чичерин, Н.М. Коркунов// Устойчивое развитие науки и образования. – 2019. – № 6. – С. 120–130.

30. Философско-правовое познание: актуальные проблемы: монография / Е.В. Виноградова, А.О. Воробьев, М.Ю. Гутман [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2025. – 418 с. – (Научная мысль). DOI 10.12737/2152004

31. *Фролова Е.А.* Проблемы теории и философии права: Монография. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 304 с.

32. *Чичерин Б.Н.* Философия права. – М.: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1900. – [4], 336, [1] с.

33. *Шершеневич Г.Ф.* Философия права. Т. I. Выпуск 4. – М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1911. – 698 с.

34. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* The Philosophy of Law and Legal Science. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. – 270 p. DOI: 10.17513/np.452.

Для цитирования: *Хабибулин А.Г.*. Методологические основания права: историко-теоретический аспект // Теория государства и права. – 2025. – № 2-1. – С. 250–255.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_250

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF LAW: HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

Alik G. Khabibulin*

Annotation. *The article examines the methodological foundations of law. The theoretical foundations of modern legal understanding are determined. Special attention is paid to sociological positivism, which combines elements of anthropological positivism, which defines the central role of a person in the life of society, including his legal connections, legal consciousness, as well as relationships within the social structure.*

Keywords: *methodology of law, philosophy of law, legal understanding, positivism, legal positivism, sociological positivism.*

The development of legal science in Russia shows the need to follow a common methodological basis for the formation of a holistic understanding of law, consisting in the unity of practical jurisprudence, theory and philosophy of law. Such an approach to legal understanding allows for making competent political and legal decisions that meet the needs of legal practice and established theoretical and legal provisions.

The philosophy of law is the methodological foundation of law, which determines the ongoing scientific discussion regarding the philosophical foundations of jurisprudence [4; 14; 15; 25; 31; 34]. Thus, K.A. Nevolin distinguished between natural law (or natural law) and positive law (or positive law), where natural law is defined as the internal content of positive law, that is, its moral and ethical basis, while positive law expresses the external, formally enshrined legal form of this content [27; 26, p. 52]. The very essence of any law, in his opinion, lies in truth [27, p. 23], emphasizing the importance of a philosophical analysis of law.

B.N. Chicherin argued that the dominance of positivism in the understanding of law in the second half of the 19th century led to a decrease in the influence of the philosophy of law on the development of jurisprudence. Before this period, the philosophy of law occupied a leading position among the sciences of law and stood out as a key discipline in higher legal educational institutions [32, p. 1].

B.N. Chicherin made significant efforts to restore and develop a philosophical approach to law, arguing that fundamental philosophical principles should guide practical legal activity. At the same time, the purpose of the philosophy of law goes beyond the study of legislation [32, p. 1].

* **Khabibulin Alik Galimzyanovich,** Head of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of Public Audit (Faculty) Lomonosov Moscow State University, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan. E-mail: 21alik@mail.ru

In B.N. Chicherin's concept, laws are mobile and change in accordance with human needs and ideas, making it impossible for the legislator to rely on already existing positive law to extract fundamental principles, since his task is to evaluate and revise the current legal field. In the same way, relying only on social experience and practice, it is not possible to evaluate legal provisions, due to their diversity and conflicting interests; this requires higher, universal criteria for evaluation and weighing, accessible only through philosophical analysis [32, pp. 1–2].

G.F. Shershenevich spoke critically about the traditional philosophy of law based on the principles of natural law, pointing out its contradiction with positive law, and claimed that its founders were philosophers who did not have a professional understanding of the real legal system and its functions. He supported the idea of the philosophy of positive law, which emphasizes the analysis and criticism of the existing legal order, as well as proposals for its improvement. G.F. Shershenevich believed that the philosophy of positive law should include the general theory of law, the history of the philosophy of law and legal policy [33, p. 805].

The modern interpretation of the philosophy of law is based on an integrative approach that emphasizes the multi-aspect nature of law and the possibility of its polysemantic understanding [2; 18; 19; 22; 28]. However, the desire to universalize legal theory encourages the search for a single essential principle of law, which is consistent with the dialectical methodology prevailing in science today. In this context, the comprehend theory of knowledge of law put forward by V.P. Salnikov and S.I. Zakhartsev in the second decade of the 21st century is of particular interest [1; 3, pp. 328–360; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 16, pp. 303–322; 17, pp. 5–118; 30, pp. 63–111]. The position of V.P. Malakhov on this issue [24].

The disappearance of the USSR gave impetus to the formation of universal values on a planetary scale and the development of globalization processes. The activation of these processes was manifested in all spheres of social development, exerting a significant influence on political and legal institutions, changing the vector of development of state political systems.

The states that emerged in the 1990s chose the democratic path as a political guideline for development, which was entirely based on the Western tradition. Thus, there was a spread of uniform standards, the formation of universalized values in the political and legal sphere, which led to the leveling of the role of the state and law as a consequence of a decrease in the level of controllability of social processes.

The changes affecting our society against the backdrop of the transition to a market economy, transformations in the political and legal spheres, necessitate an in-depth analysis of the role of positive law. Such an analysis is a key task not only in the context of the formation of legal theory, but is also significant from the point of view of studying the history of law. In the process of immersion in legal science, it is impossible to establish boundaries for understanding legal norms and their nature. Moving into the depths of the history of the development of law allows us to reveal new aspects of the methodology of law. At the same time, the law itself evolves, responding to changing social conditions, and the understanding and interpretation of these legal matter systems evolve in accordance with these transformations.

In the second half of the 19th century, legal positivism was significantly developed in the countries of the Romano-Germanic legal family. In Russia, the advancement of positivist ideas in law was facilitated by the works of M.N. Kapustin and N.K. Rennenkampf, who laid the foundation for the development of legal positivism. The efforts of researchers such as S.V. Pakhman, D.D. Grimm, N.I. Palienko and E.V. Vas'kovsky also played an important role in its formation.

Within the framework of positivist legal theory, two main schools emerged [29, p. 120].

Sociological positivism, which combines elements of anthropological positivism, emphasizes the central role of man in the life of society, including his legal ties, legal consciousness, and relationships within the social order. In this theory, key attention is paid not only to legality (compliance of actions with the law) on the part of state bodies, but also emphasizes the importance of the legitimacy of laws, that is, their recognition and support by the population. Without public approval, laws lose their real enforceability [23, p. 253].

Legal positivism, also called analytical jurisprudence, focuses on the application of formal dogmatic analysis as one of the approaches in legal theory. This school places considerable weight

on the recognition of law as an autonomous structure, separate from its social and moral context. Legal positivism emphasizes political and legal analysis by excluding spiritual, cultural and moral factors from legal reasoning. According to this concept, law is viewed primarily as a system of rules, conditioned by the will of the authorities and supported by mechanisms of coercion.

Legal positivism is characterized by a predominantly formal-dogmatic method in law, which becomes its key principle and main goal. An additional feature of this trend is the equivalence of law and existing legislation.

A well-known representative of positivism in Russia was N. M. Korkunov, who developed a strict dogma of law, especially Russian civil law. He defined and proposed clear and distinct legal structures of individual institutions. Analyzing legal theory, N. M. Korkunov concentrated his efforts on the study of legislation. He created a significant study called "Decree and Law" [21], which examines in detail the decree as a form of state administrative act and its mutual influence with the law, as an act of the legislative branch of power.

N. M. Korkunov occupied one of the leading places among Russian positivists. He distinguishes the concept of law in a broad and narrow sense. In a broad sense, law is defined as any legal norm established by state bodies. The narrow meaning of law is the opposite of a decree, the difference comes down to the formal grounds for adopting an act, depending on the subject [20, p. 366].

N. M. Korkunov criticizes the definition of law as a manifestation of the will of state bodies or the state itself, pointing out its excessive generality. He emphasizes that the state will can be reflected not only in normative legal acts, but also in expressions that do not carry normative or legal significance. These forms of manifestation are not recognized by law, which emphasizes the uniqueness of N. M. Korkunov's positivist approach to the concept of law: the law, in his understanding, and the legal norms included in it do not represent any form of manifestation of the will of the state. "If the goal of the development of state life is to ensure the most complete and unconditional dominance of the will of the ruler, there is not the slightest reason to demand that this will be expressed necessarily in the form of abstract rules established only for those assumed in the future, only for possible, and not for actually already existing conditions" [21, p. 167]. In this regard, N. M. Korkunov comes to the logical conclusion that "if we see in the rule of law only the rule of the will of the ruler, no significant difference can be found between the 'legal' and arbitrary order of governing the state" [21, p. 168].

Legal positivism in its modernized form retains significant influence at the present time.

Thus, the views of N. M. Korkunov emphasize the superiority of law and legality, where legal actions are exclusively those that are confirmed within the legal system, while cultural, historical and spiritual aspects of public life are relegated to the background and are not recognized as significant. This worldview clearly reflects the positivist view of law, where the main emphasis is on the absoluteness of legislative regulation. The analysis and perception of law is carried out through the prism of strict legal norms and standards, the central place is occupied by logical clarification and correction of dissonances in legal documents, while the leading positions are occupied by the principles of accuracy, immutability and strictness of legal provisions.

Consideration of the concept of law through the prism of phenomenology, formalism and dogmatic approach emphasizes its formal-legal character, excluding the analysis of its internal essence, main functions and goals. In this regard, legal positivism is aimed at distinguishing the legal norm based on its formal characteristics, in contrast to the analysis of law as an expression of the interests of the dominant strata in society.

At the present stage of development of society, individual freedoms, arising from the very essence of human nature, acquire special significance, having received a very elaborate mechanism of implementation and protection by state authorities. In principle, the desire of the state to legally ensure the protection of the rights and freedoms of each individual does not entail negative consequences, but the process of absolutization of legislatively enshrined rights leads to the devaluation of other normative structures, which lose their influence. In such a situation, the law turns into the highest expression of the spiritual life of the individual, which is a key manifestation of modern legal positivism.

Modern jurisprudence is based on the principles of positivism, which follows from the very essence of law, characterized by its fixation in norms, mandatory execution and clarity of formulations. These aspects imply the application to law of a method based on clarity and certainty. Ignoring or lack of a coherent system of legal principles can lead to violations of the law, failure to comply with laws and, as a result, to public disorder.

Positivism contributes to the structuring of the legal sphere of society: a legislative base is formed, legal phenomena are classified and ordered, a stable system of legal concepts and categories is formed. As a result, consistency, integrity, and coherence in the dogmatics of law are traced, its authority and accuracy (logical meaningfulness) are increased.

Legal positivism, which is a synthesis of three pillars: legal science, legal education and practical work in the legal sphere, is a key factor in the stable development of Russian statehood, allowing it to adapt to current socio-political and economic conditions. It promotes the perception of law as a fundamental basis for social development, using legal mechanisms to resolve various social problems, including conflicts. This approach is aimed at protecting the rights and freedoms of citizens, as well as the legitimate interests of individuals; improving state and legal structures, their forms; ensuring the legality and validity of the actions of both the state apparatus and local government; maintaining continuity and preserving time-tested legal traditions, categories and classifications, forming an inalienable legal heritage. In addition, modern legal positivism forms the legal consciousness of lawyers based on the scientific achievements of the Russian legal school and borrowing the best from foreign experience of legal activity, taking into account national traditions and customs.

Bibliographic list

1. *Aleksandrov A.I., Ismagilov R.F., Komarov S.A., Khabibulin A.G., Ekimov A.I. Law* in the 22nd century – a grandiose monograph on the future of law // Theory of state and law. 2024. No. 4. P. 281–292.

2. *Grafsky V.G.* Integral (general, synthesized) jurisprudence as a theoretical and practical task // Our difficult path to law: Materials of philosophical and legal readings in memory of academician V.S. Nersesyants. M.: Norma, 2006. P. 140–165. In the book 416 p.

3. Goodness, trust, justice, freedom in philosophical and legal thought: antiquity and modernity: Monograph / E.V. Vinogradova, A.O. Vorobyov, I.N. Gribov [et al.]; under the general editorship of Doctor of Law, Professor V.P. Salnikov. 2nd ed., corrected. and additional. –Moscow: INFRA-M, 2025. 459 p. (Scientific Thought). DOI 10.12737/2151906.

4. *Zhukov V.N.* Philosophy of Law. 3rd ed. revised and enlarged. M.: Unity-Dana, 2023. 560 p.

5. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* How to understand the law? We offer a comprehend approach // Legal field of modern economy. 2015. No. 9. P. 17–30.

6. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Comprehend theory as an innovative approach to the knowledge of law // Legal technology. 2021. No. 15: Materials of the XXII International Scientific and Practical Forum "Yurtekhnetics" on the topic: "Legal Innovations (Doctrine, Practice, Technology)" (Nizhny Novgorod, September 23–26, 2020) / Editor-in-Chief prof. V.M. Baranov. Nizhny Novgorod: Prospect, 2021. Pp. 166–174. In the book 764 p.

7. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Comprehend theory of knowledge of law // Legal science: history and modernity. 2015. No. 8. P. 11–26.

8. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Comprehend theory of knowledge of law // Monitoring of law enforcement. 2019. No. 4. P. 4–13. DOI: 10.21681/2226–0692–2019–4-04–13

9. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* On the substantiation of the comprehend approach to the knowledge of law // Theory of state and law. 2016. No. 2. P. 39–58.

10. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* We offer to your attention a comprehend theory of knowledge of law // The World of Politics and Sociology. 2016. No. 3. P. 170–183.

11. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Reflecting on the Essence of Law: Comprehendive Approach // Legal State: Theory and Practice. 2017. No. 1(47). P. 13–30.

12. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Modern approaches to the knowledge of law and the work of Professor O.E. Leist // The Value of Law (on the 100th anniversary of O.E. Leist's birth): monograph / ed. E.A. Frolova. M.: Prospect, 2025. pp. 73–80. In the book 576 p.

13. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* The essence of law in the focus of the comprehend theory of its cognition // The essence of law: Collection of articles for the 100th anniversary of the birth of Professor M.I. Baitin /

Ed. by V.M. Baranov, S.A. Belousov, I.N. Senyakin. Saratov: Saratov State Law Academy, 2022. Pp. 105–118. In the book 312 p.

14. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Philosophy and legal science: Monograph. M.: Yurlitinform, 2019. 424 p. DOI: 10.17513/ np.491

15. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Philosophy. Philosophy of Law. Legal Science. M.: Yurlitinform, 2015. 264 p. DOI 10.17513/np.454

16. *Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P.* Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the Speculative-Logical Foundations of the Sovereign Metaphysics of Law. – 2nd ed., corrected and enlarged. M.: Norma; INFRA-M, 2024.

17. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P., Gasumyanov V.I*. Law in the XXII century: monograph. M.: Yurlitinform, 2024.

18. *Kartashov V.N.* From integral to synthetic theory of law, or vice versa? // Theoretical and practical problems of legal understanding: Proceedings of the 3rd International scientific conference, April 24, 2008, at the Russian Academy of Justice, Moscow / Ed. V.N. Syrykh, M.A. Zanina. M.: RAP, 2010. P. 162–174.

19. *Kozlikhin I.Yu.* General Theory, Integral Jurisprudence or Encyclopedia of Law? // Encyclopedia of Jurisprudence or Integral Jurisprudence? Problems of Study and Teaching: Materials of the Seventh Philosophical and Legal Readings in Memory of Academician V.S. Nersesyants / Ed. V.G. Grafsky. M., 2013.

20. *Korkunov N.M.* Lectures on the General Theory of Law. St. Petersburg: Legal Center Press, 2003. 430 p.

21. *Korkunov N.M.* Decree and law. SPb.: type. M.M. Stasyulevich, 1894. VIII, 408 p.

22. *Lazarev V.V.* Integrative perception of law // Legal science: history and modernity. 2017. No. 2. P. 20–29.

23. Lectures on the General Theory of Law by N.M. Korkunov / edited by A.V. Malko, D.A. Lipinsky. M.: Yurait. 2022.

24. Malakhov V.P. Law in the context of public consciousness. Principles of legal understanding. M.: Unity, 2015. 159 p.

25. *Malakhov V.P.* Philosophy of Law. Ideas and Assumptions. M.: Unity Dana, 2008. 391 p.

26. *Mikhailovsky I.V.* Essays on the Philosophy of Law. T. I. Tomsk: Publ. of the Prince Mag. V.M. Posokhin, 1914. [4], III, XV, 604 p.

27. *Nevolin K.A.* Encyclopedia of Jurisprudence. T. I. Kyiv: Univ. Type., 1839. VIII, 633 p.

28. *Romashov R.A.* Integral jurisprudence and encyclopedia of law: historical and methodological analysis // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 2013. No. 3. P. 105–120.

29. *Savchenko T.I.* Liberal teachings in Russia. B.N. Chicherin, N.M. Korkunov// Sustainable development of science and education. 2019. No. 6. P. 120–130.

30. Philosophical and legal knowledge: current problems: monograph / E.V. Vinogradova, A.O. Vorobyov, M.Yu. Gutman [et al.]; under the general editorship of Doctor of Law, Professor V.P. Salnikov. – 2nd ed., corrected. and additional. Moscow: INFRA-M, 2025. 418 p. (Scientific Thought). DOI: 10.12737/2152004

31. *Frolova E.A.* Problems of Theory and Philosophy of Law: Monograph. 2nd ed., corrected and enlarged. M.: Yurlitinform, 2018. 304 p.

32. *Chicherin B.N.* Philosophy of Law. M.: Typo-lit. T-va I.N. Kushnerev and K°, 1900. [4], 336, [1] p.

33. *Shershenevich G.F.* Philosophy of law. T. I. Issue 4. M.: Publishing house. Br. Bashmakov, 1911. 698 p.

34. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p. DOI: 10.17513/np.452.

For citation: *Khabibulin A.G.* Methodological foundations of law: historical and theoretical aspect // Theory of state and law. 2025. No. 2–1. P. 255–259.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_250

5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

УДК: 347.471
ББК: 60.027.1
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_260

Р.Б. Булатов *

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. *Проведено исследование взаимодействия публичной власти и гражданского общества в России, что является важным условием устойчивого развития государства, защиты прав граждан и повышения эффективности управления. Рассматриваются исторические аспекты становления гражданского общества в нашем Отечестве, понятие и содержание основных дефиниций («публичная власть», «гражданское общество», «институты гражданского общества»), правовая база взаимодействия институтов публичной власти и гражданского общества с учетом поправок, внесенных в Конституцию РФ в 2020 году, а также его проблемы. Подчеркивается необходимость совершенствования российской правовой системы, внесения изменений в правила функционирования некоммерческих организаций (НКО), развития диалога между государством и обществом. Предлагаются рекомендации по укреплению взаимодействия публичной власти с гражданским обществом в целях достижения общественного согласия, демократизации и социально-экономического прогресса.*

Ключевые слова: *публичная власть, гражданское общество, взаимодействие, государственно-частное партнерство (ГЧП), особые экономические зоны (ОЭЗ), социальное партнерство, правовое регулирование, демократизация, некоммерческие организации (НКО).*

Актуальность темы взаимодействия публичной власти и гражданского общества обусловлена необходимостью обеспечения устойчивого развития государства, защиты прав и свобод граждан, а также повышения эффективности политико-правового управления и устранения угроз суверенитету государства [24]. В условиях современных вызовов, таких как глобализация [34], цифровизация [42], социально-экономические кризисы, а также рост гражданской активности, взаимодействие между публичной властью и гражданским обществом становится ключевым фактором для достижения общественного согласия и стабильности. В России, особенно после внесения поправок в Конституцию в 2020 году [4; 5; 10; 11; 18; 19; 26; 35; 36; 40], концепция публичной власти получила новое развитие, что требует переосмысления её роли и взаимодействия с гражданским обществом. Гражданское общество, в свою очередь, выступает важным элементом демократического устройства, способным влиять на принятие решений, контролировать действия власти и обеспечивать баланс между государственными и частными интересами.

«Гражданское общество представляет собой сложную, многомерную социальную целостность, которая – *пишут В.А. Бачинин и В.П. Сальников,* – будучи открытой, самоорганизующейся системой естественно складывающихся социальных отношений между индивидами как частными лицами, активно обменивается веществом, энергией и информацией со своим главным контрагентом – государством. В гражданском обществе каждый человек

* **Булатов Рашид Борисович,** профессор кафедры публичного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, доцент, Почетный работник сферы образования РФ, член-корреспондент РАЕ. E-mail: bulatovrash@mail.ru

предстает не как подданный государства, но как самоценный индивидуум, имеющий свои личные, частные жизненные цели, которые могут либо совпадать с интересами государства, либо противоречить им» [3, с. 133].

Целью представленной работы является исследование правовых и институциональных основ взаимодействия публичной власти и гражданского общества в России, анализ текущего состояния и выявление перспектив развития их взаимодействия. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: изучить историческое развитие их взаимоотношений в российском контексте; определить ключевые понятия и концепции, связанные с публичной властью и гражданским обществом; проанализировать правовую базу, регулирующую взаимодействие публичной власти и гражданского общества; рассмотреть текущее состояние гражданского общества в России, а также предложить рекомендации по совершенствованию его взаимодействия с публичной властью.

Подходя к гражданскому обществу как субъекту правовой жизни, В.А. Бачинин и В.П. Сальников пишут: «В формально-структурном аспекте гражданское общество представляет собой совокупность существующих, нарождающихся и активно функционирующих общностей – добровольных объединений, союзов, организаций. Одна из ведущих задач всех этих общностей состоит в том, чтобы дать индивидам возможность общаться на почве сходных практически духовных интересов. Они не позволяют гражданам уподобиться некоей россыпи автономных атомов, предлагая множество разнообразных форм социальной кооперации. Через них гражданское общество как социальный макроинститут, поощряет различные проявления человеческой солидарности. Стихийно возникающие корпорации граждан способны не только удовлетворять их разнообразные потребности, но и защищать их интересы и естественные права от чрезмерного диктата государства. По большому счету гражданское общество для того и существует, чтобы защищать естественное право каждого гражданина на частную жизнь, куда входит сфера семейных отношений, досуга, домашнего хозяйства, дружеских и интимных связей, а также область внутренней духовной жизни личности» [3, с. 133].

На ранних этапах российской истории, начиная с периода Киевской Руси и до эпохи Московского царства, гражданское общество в современном понимании этого термина отсутствовало. Местные общины, осуществляя функции самоуправления, находились под строгим контролем княжеской, а позднее царской власти. В этот период вся полнота власти концентрировалась в руках монарха, а общественные институты не обладали самостоятельностью. Реформы Петра I в XVIII веке, направленные на модернизацию государственного аппарата, включая создание новых административных структур и развитие системы образования, не привели к формированию гражданского общества в полной мере, усилив централизацию власти и государственный контроль над общественной жизнью. Однако именно в этот период начинают появляться первые элементы гражданского общества – профессиональные гильдии, благотворительные организации и научные сообщества. XIX век, особенно период после реформ Александра II, отмечается более активным процессом становления гражданского общества, приближенного к современным моделям. Отмена крепостного права в 1861 году, судебная и земская реформы 1864 года создали предпосылки для развития самостоятельных общественных инициатив и формирования публичной сферы. Возникновение земств – органов местного самоуправления – стало важным этапом в эволюции взаимодействия общества и власти. Земства занимались решением практических задач в сфере образования, здравоохранения и развития инфраструктуры на местах, способствуя росту гражданской активности. Однако их деятельность ограничивалась жестким государственным контролем, а проявление политической активности граждан подвергалось существенным ограничениям.

После Октябрьской революции 1917 года и установления советской власти произошла фундаментальная трансформация общественно-политической системы. Гражданское общество, в его классическом понимании, практически прекратило свое существование. Советская идеология, базирующаяся на принципе полного подчинения общества государству,

рассматривала любые независимые общественные инициативы как потенциальную угрозу политическому режиму. Все общественные организации, включая профсоюзы, молодежные и женские объединения, находились под контролем Коммунистической партии и выполняли функции, детерминированные государством. Конституция СССР 1936 года, формально декларируя права и свободы граждан, в том числе свободу объединений, фактически не гарантировала их реализацию. Государство осуществляло тотальный контроль над всеми сферами общественной жизни: культурой, образованием, наукой. Формирование независимых общественных организаций в советский период встречало жесткое противодействие со стороны государства, а их участники подвергались репрессиям. В период «оттепели» 50–60-х годов при Н.С. Хрущеве наблюдалось некоторое ослабление государственного контроля, что способствовало отдельным проявлениям гражданской активности. Однако это явление носило временный характер, и в последующие десятилетия государство снова усилило контроль над обществом.

Распад СССР в 1991 году и последующий переход к демократической модели государственного устройства стали поворотным моментом для развития гражданского общества в России. Конституция Российской Федерации 1993 года закрепила фундаментальные права и свободы граждан, включая право на объединение, свободу слова и собраний. Эти положения сформировали необходимую правовую базу для развития гражданского общества. В 1990-е годы начался активный процесс создания неправительственных организаций (НПО), общественных объединений и независимых СМИ. Однако этот процесс сопровождался рядом трудностей, связанных с экономическим кризисом, политической нестабильностью и слабостью правовой системы. Многие общественные организации сталкивались с проблемой недостаточного финансирования и зависели от иностранных грантов, что приводило к навязыванию России чужой воли и порой вызывало критику со стороны государственных структур.

Здесь важно четкое государственно-правовое регулирование в данной сфере. «Если сопоставить две такие социальные величины, как государство и личность, – полагают В.А. Бачинин и В.П. Сальников, – то их разномасштабность позволяет государству уверенно присваивать себе главенствующую роль. В его глазах интересы отдельной личности и его собственные интересы в принципе не могут быть равнозначны. Но если государство с удовлетворением воспринимает такое положение дел, то индивид далеко не всегда готов его принять. И здесь ему на помощь приходит гражданское общество в качестве идеи и социальной реалии. Именно оно, стоящее на страже естественных прав «маленького человека», способно постоянно защищать их от посягательств грозного «Левиафана». Оно готово ставить интересы обеих сторон в один аксиологический ряд, искать и разрабатывать реальные практические средства для их действительно социально-правового уравновешивания» [3, с. 133–134].

Такое социально-правовое уравновешивание началось в новой России с 2000-х годов, с началом президентства В.В. Путина. В это время наметилась тенденция к более тесному взаимодействию государства и гражданского общества, а также к усилению государственного регулирования в этой сфере.

Завершив краткий исторический обзор взаимоотношения гражданского общества и государства в дореволюционной России и в советский период, перейдем к рассмотрению темы нашего исследования на современном этапе развития российского государства. Понятие публичной власти в современном российском контексте является ключевым элементом для понимания системы государственного управления и взаимодействия с гражданским обществом. Публичная власть представляет собой совокупность властных полномочий, реализуемых от имени общества и в его интересах, с целью обеспечения общественного порядка, защиты прав и свобод граждан, а также достижения целей социально-экономического развития. В российском праве публичная власть охватывает как государственную власть, так и местное самоуправление, что закреплено в Конституции Российской Федерации. После внесения поправок в Конституцию РФ в 2020 году, понятие публичной власти получило но-

вое развитие. В частности, в ст. 132 Конституции РФ было закреплено положение о том, что органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти. Это изменение стало важным шагом в направлении интеграции различных уровней власти, что позволяет более эффективно координировать их деятельность и решать задачи, стоящие перед государством и обществом. Таким образом, публичная власть в российском контексте представляет собой единую систему, включающую федеральные, региональные и муниципальные органы власти, которые действуют в рамках единого правового пространства.

Единая система публичной власти, закрепленная в Конституции РФ, предполагает наличие четкой иерархии и взаимодействия между различными уровнями власти. Федеральные органы власти определяют общие принципы и направления государственной политики, региональные органы власти адаптируют их к специфике своих территорий, а органы местного самоуправления решают вопросы местного значения. Такая структура позволяет обеспечить баланс между централизацией и децентрализацией власти, что является важным условием для эффективного управления и устойчивого развития.

Таким образом, понятие публичной власти в российском контексте включает в себя не только государственную власть, но и местное самоуправление, что отражает её комплексный характер. Расширенное определение публичной власти после конституционных поправок 2020 года подчёркивает её роль как механизма взаимодействия с гражданским обществом. Единая система публичной власти обеспечивает координацию и взаимодействие между различными уровнями власти, что является важным условием для эффективного управления и устойчивого развития.

Упомянутое расширенное определение публичной власти связано с необходимостью учета современных вызовов и тенденций в развитии государственного управления. В частности, публичная власть теперь рассматривается не только как инструмент управления, но и как механизм взаимодействия с гражданским обществом. Это отражено в ст. 114 Конституции РФ, где говорится о поддержке институтов гражданского общества и создании условий для их развития. Таким образом, публичная власть становится не только субъектом управления, но и партнером гражданского общества в решении общественно значимых задач.

Концепция гражданского общества в России представляет собой сложное и многогранное явление, которое активно обсуждается в юридической науке и практике. Гражданское общество можно определить, как совокупность независимых от государства общественных институтов, организаций и отношений, которые обеспечивают условия для самореализации граждан, защиту их прав и свобод, а также способствуют развитию демократических процессов. Оно играет ключевую роль в балансировании публичных и частных интересов, выступая посредником между государством и обществом. Е. А. Кравцова отмечает, что «государство первично, гражданское общество вторично и может нормально развиваться только внутри государства. При этом государство должно обеспечивать свободу развития гражданского общества, выступая гарантом его существования и развития» [17, с. 21]. По мнению Н.И. Матузова, гражданское общество в России находится в постоянном взаимодействии с государством, характеризующимся одновременным единством и противостоянием. Эти отношения не всегда гармоничны и могут сопровождаться разногласиями и противоречиями. Однако, разрешение возникающих конфликтов должно осуществляться в соответствии с конституционными нормами [20, с. 93].

Можно выделить ряд характерных признаков, определяющих сущность и функции гражданского общества в Российской Федерации.

Во-первых, – независимость гражданского общества от государства. Оно представляет различные институты, такие как неправительственные организации, общественные объединения, профессиональные ассоциации, независимые СМИ и религиозные объединения, функционирующие автономно, вне прямого государственного контроля.

Во-вторых, – плюрализм и свобода выражения мнений, которые являются важнейшим признаком гражданского общества. Свободный обмен мнениями и их открытое обсуждение –

неотъемлемая часть развития демократических принципов и укрепления законности. Это создает плодотворную почву для существования разнообразных взглядов.

В-третьих, вовлеченность граждан в общественную жизнь – еще один важный признак развитого гражданского общества. Это проявляется в участии в работе общественных объединений, выступлениях на митингах и демонстрациях, а также в независимом контроле за властью через СМИ и правозащитные организации.

В-четвертых, гражданское общество выполняет ключевую функцию по охране прав и свобод граждан. Оно дает людям возможность защищать свои интересы, противостоять злоупотреблениям властью и коррупции, а также влиять на решения, касающиеся их жизни.

Здесь можно обратить внимание на позицию В.А. Бачинина и В.П. Сальникова по их пониманию функций гражданского общества. Подходя к данной проблеме с философско-правовых позиций, они ведут речь о следующих функциях:

1. Ауторегулятивная.
2. Гомеостатическая.
3. Правозащитная.
4. Интегративная (консолидирующая).
5. Культуротворческая.
6. Сублимативная (подробнее см. [3, с. 134–139]).

Исследователи все шесть функций гражданского общества представляют с философско-правовых позиций, что, безусловно, вызывает определенный интерес. Покажем данный подход на примере одной из перечисленных функций.

Ауторегулятивная функция. Благодаря гражданскому обществу есть возможность проводить в жизнь, то есть воплощать в правовую практику инициативу масс, которая возникает «снизу» и обеспечивает саморегуляцию внутри цивилизованной системы. Институты гражданского общества дополняют вертикальные властные отношения, предусмотренные государством, путем культивирования горизонтальных отношений в обществе, практикуемых благодаря принципу саморегуляции. В данном случае наблюдается ситуация перехода какой-то части властно-управленческих функций от государственного механизма к самоуправляющим ассоциациям граждан. Встречная активность данных ассоциаций порой достигает высокой степени энергетического напряжения, но в то же время продолжает оставаться в рамках существующего правового поля, а, следовательно, не противоречит законности и правопорядку, не требует вмешательства государства, так как «взаимопогашается конвенциальными цивилизованными отношениями продуктивной состязательности и здоровой солидарности» [3, с. 134].

В аналогичном ключе представлены и другие пять функций гражданского общества (подробнее см. [3, с. 134–139]). Предложенный подход заслуживает самого пристального внимания. Он дает возможность увидеть государство и гражданское общество в качестве двух цивилизованных формообразований, «взаимопроникающих друг в друга, находящихся в отношениях противоречивого взаимодействия. Каждая сторона активно влияет на другую, и обе они способствуют развитию друг друга [3, с. 139]. В то же время здесь не исключаются противоречия в их взаимоотношениях.

Научные работы российских ученых представляют ценную информацию о том, как взаимодействуют власть и общество. Например, по мнению Ю.А. Тихомирова, «государство есть особый институт общества, которому оно поручило выполнение общих дел. Собственно, гражданское общество, основанное на равенстве прав граждан и их публичном приоритете, является производителем материальных и духовных благ и призвано заботиться о безопасности всех и каждого, решать общественные вопросы и контролировать государственные институты» [37, с. 36]. Н.Е. Никитина и Ж.А. Гаунова отмечают важность конституционных изменений для более тесного взаимодействия государства и гражданского общества [22, с. 6].

В России гражданское общество играет важную роль, уравновешивая общественные и частные интересы. Оно выступает связующим звеном между государством и гражданами,

способствуя их гармоничному взаимодействию. Например, правозащитные организации и независимые СМИ, являясь частью гражданского общества, контролируют деятельность органов власти, обеспечивая прозрачность и подотчетность власти. Кроме того, гражданское общество принимает активное участие в разработке и реализации общественных инициатив, направленных на решение важных социальных проблем. Это включает борьбу с коррупцией, защиту прав человека, экологические проекты и другие виды гражданской активности. Подобные инициативы укрепляют доверие между государством и обществом, а также повышают эффективность государственного управления.

Следует отметить, что гражданское общество является неотъемлемым элементом демократического устройства России, способствующим защите прав граждан, развитию демократических институтов и согласованию интересов государства и общества. Несмотря на существующие сложности, оно продолжает динамично развиваться, играя важную роль в общественно-политической жизни страны.

Однако одним из основных препятствий формирования эффективно функционирующего гражданского общества, является недостаточная консолидация его институтов, что негативно влияет на эффективность их взаимодействия. Кроме того, имеющиеся законодательные ограничения и институциональные барьеры препятствуют успешному взаимоотношению между органами власти и общественными организациями, затрудняя их конструктивное сотрудничество.

Законодательное регулирование взаимодействия власти и общества в России представляет собой сложный правовой механизм, основанный на Конституции РФ, федеральных законах и подзаконных актах. Этот механизм направлен на обеспечение эффективного взаимодействия государственных органов и институтов гражданского общества, что является важным условием для устойчивого развития демократии и защиты прав граждан. Несмотря на существующую правовую базу, в этой области сохраняются проблемы, требующие дальнейшего решения. Конституция Российской Федерации выступает основополагающим документом, регулирующим взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества. Ст. 114 Конституции РФ, как мы уже отметили, возлагает на Правительство Российской Федерации обязанность поддерживать институты гражданского общества и обеспечивать их участие в разработке и реализации государственной политики. Это подчеркивает значимость гражданского общества как партнера государства в решении общественно значимых задач. Введенное поправками к Конституции РФ понятие единой системы публичной власти, включающей в нее органы местного самоуправления, создает дополнительные возможности для взаимодействия с гражданским обществом на местном уровне. Однако Конституция РФ не содержит четкого определения понятия «гражданское общество», что может приводить к различным толкованиям и правовой неопределенности.

Федеральное законодательство конкретизирует конституционные нормы и регулирует отдельные аспекты взаимодействия власти и гражданского общества. Федеральный закон № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» определяет Государственный Совет как орган, координирующий деятельность органов власти различных уровней, и подчеркивает необходимость учета мнения гражданского общества при разработке государственной политики. Федеральный закон № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» направлен на унификацию принципов деятельности органов государственной власти в регионах и их взаимодействие с органами муниципальной власти. Однако эффективность механизмов участия гражданского общества в принятии решений, предусмотренных этим законом, вызывает дискуссии. Также следует отметить Федеральные законы № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» и № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» , регулирующие деятельность юридических лиц. Действующее законодательство регулирует деятельность общественных объединений и НКО, предоставляя им правовую базу для функционирования. Тем не менее, практическая реализация этих норм сталкивается с определенными сложностями, такими как запутанные процедуры регистрации и чрезмерный государственный контроль.

Для повышения эффективности взаимодействия власти и гражданского общества требуется совершенствование правового регулирования. Важным направлением является разработка четких и прозрачных механизмов вовлечения гражданского общества в процесс принятия политических решений. Это может предполагать расширение компетенций Общественной палаты, формирование новых диалоговых площадок и оптимизацию процедур взаимодействия с государственными структурами. Повышение правовой грамотности и развитие политической и правовой культуры граждан также способствует их более активному участию в общественной жизни и взаимодействию с властью на равноправной основе [15; 21; 29; 30; 32].

Итак, завершая наше исследование, можно сделать вывод о том, что взаимодействие публичной власти и гражданского общества в России является ключевым фактором устойчивого развития и защиты прав граждан. Конституционные поправки 2020 года, закрепившие концепцию единой системы публичной власти (ст. 132), создали новые возможности для сотрудничества с гражданским обществом, поддержка которого гарантирована ст. 114 Конституции РФ. Однако, несмотря на существующую законодательную базу, сохраняются проблемы, препятствующие их эффективному взаимодействию: сложности при регистрации некоммерческих организаций (НКО), чрезмерный контроль со стороны государственных органов, недостаточное финансирование и др.

Результаты научных исследований подтверждают необходимость совершенствования правовых механизмов взаимодействия публичной власти и гражданского общества. К первоочередным задачам относится развитие открытого диалога и достижение баланса интересов всех участников процесса. Это требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, оптимизацию процедур для некоммерческих организаций (НКО) и обеспечение им необходимой государственной поддержки. В частности, следует рассмотреть возможность упрощения процедур регистрации НКО, снижения чрезмерного контроля и предоставления доступа к различным формам финансирования, включая гранты и субсидии. Кроме того, важно создавать благоприятные условия для развития социального партнерства, повышая роль профсоюзов и других общественных институтов в регулировании трудовых отношений. Это может включать разработку новых моделей коллективных договоров и создание платформ для конструктивного диалога между работодателями и работниками. Представляется, что данная проблема предполагает необходимость ее анализа с философско-правовых позиций, в частности, использование потенциала таких категорий, как добро, доверие, справедливость, свобода, духовно-нравственные ценности и т.д. [23]. Имеющийся в этом направлении позитивный опыт отечественных исследований ориентирует именно на подобный подход [2; 7; 8; 9; 12; 13; 14; 16; 25; 27; 28; 38, с. 153–188; 39; 41].

На основании изложенного можно заключить, что гражданское общество в России обладает значительным развивающимся потенциалом. Совершенствование законодательства, повышение правовой культуры [31; 33] граждан и формирование благоприятных условий для деятельности общественных организаций могут способствовать его дальнейшему укреплению. Важным шагом в этом направлении представляется налаживание продуктивного диалога между властью и гражданским обществом, что позволит разработать эффективные механизмы взаимодействия и достичь оптимального баланса между общественными и частными интересами.

Библиографический список

1. *Ахмедова М.Р., Максимова Т.А.* Государственно-частное партнерство как механизм эффективности национальной экономики // Теоретическая экономика. – 2017. – № 2 (38). – С. 42–50.

2. *Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и её влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / Вступительное слово профессора А. Александрова. Издание 2-е, исправленное, дополненное; Следственный комитет Российской Федерации. – СПб.: Фонд «Университет», 2023. – 456 с. (Серия: «Наука и общество»).

3. *Бачинин В.А., Сальников В.П.* Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).

4. *Булатов Р.Б.* Конституция Российской Федерации: поправки 2020 г. и их значение: Учебное пособие. – СПб.: ГУАП, 2023. – 232 с.

5. *Виноградова Е.В., Виноградова П.А.* Укрепление конституционных гарантий поправками 2020 года в Конституцию Российской Федерации. – М.: Эдитус, 2020. – 200 с.

6. *Гриб В.В.* Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: Дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2008. – 402 с.

7. Добро, доверие, справедливость в философско-правовой мысли: античность и современность: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова; И.А. Ананских, Е.В. Виноградова, И.Н. Грибов, М.Ю. Гутман, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина, С.В. Игнатьева, И.Р. Исмагилов, Р.Ф. Исмагилов, А.Ю. Кийко, Г.Н. Крижановская, О.Ю. Лежнева, С.Г. Лысенков, А.А. Максимов, Д.В. Масленников, А.И. Морозов, С.А. Новожилов, П.А. Петров, К.Г. Прокофьев, В.П. Сальников, М.В. Сальников, С.П. Сальников, О.Э. Старовойтова, А.А. Утюганов, А.Г. Хабибулин. – СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Фонд «Университет», 2022. – 463 с.

8. *Жуков В.Н.* Философия права. 3-е изд.. перераб. и доп. – М.: Юнити-Дана, 2023. – 560 с.

9. *Жуков В.Н.* Юридическая наука и ценности // Государство и право. – 2018. – № 1. – С. 5–16.

10. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Поправки в Конституцию Российской Федерации в контексте запрограммированного общества // Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства: Сборник материалов Всероссийской научно практической конференции (г. Уфа, 24 марта 2021 г.) / Отв. ред. Н.В. Ямалетдинова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – С. 129–152. – в. сб. 310 с.

11. *Захарцев С.И., Сальников В.П.*Поправки в российское законодательство и компрехендная теория права как основа суверенной философии права // Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства: Сборник материалов Всероссийской научно практической конференции (г. Уфа, 24 марта 2021 г.) / Отв. ред. Н.В. Ямалетдинова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – С. 172–187. – в. сб. 310 с.

12. *Захарцев С.И., Сальников В.П.*Правовой прогресс и ценности права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 17–31.

13. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях суверенной метафизики права. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 376 с. DOI 10.12737/2134199.

14. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева; И.А. Ананских, И.Н. Грибов, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина, И.Р. Исмагилов, О.А. Клименко, О.Ю. Лежнева, С.Ф. Мазурин, Б.В Маков, Д.В. Масленников, А.К. Мирзоев, П.А. Петров, Е.А. Поливко, К.Г. Прокофьев, О.В. Пылева, В.П. Сальников, М.В. Сальников, Ф.О. Чудин-Курган. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.

15. *Кейзеров Н.М.* Политическая и правовая культура: методологические проблемы. – М.: Юридическая литература, 1983. – 232 с.

16. *Клименко А.И.* Социоаксиологический подход к постижению природы и сущности права и его значение для философии права и общеправовой теории // История государства и права. – 2022. – № 1. – С. 7–16.

17. *Кравцова Е.А.* О соотношении понятий «гражданское общество» и «публичная власть» и отдельных коллизиях в их нормативном регулировании // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 2. – С. 21–23

18. *Лазарев В.В.* Идеология конституционного реформирования правовой системы Российской Федерации // Журнал российского права. – 2021. – № 4. – С. 5–17.

19. *Лазарев В.В.* Ценностно-идеологический подход к оценке новелл Конституции РФ // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 2. – С. 11–17.

20. *Матузов Н.И.* Гражданское общество: сущность и основные принципы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1995. – № 3. – С. 83–93.

21. *Насурдинов Э.С.* Правовая культура: Монография / Отв. ред. Ф.Т. Тахиров. – М.: Норма, 2014. – 352 с.

22. *Никитина Е.Е., Гаунова Ж.А.* Взаимодействие органов публичной власти с институтами гражданского общества при реализации государственной национальной политики РФ // Журнал российского права. – 2021. – № 10. – С. 5–19.

23. Патрушев: фундамент русского общества – система традиционных ценностей // https:// rossaprimavera.ru/news/90f07c22

24. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: Монография / М.Ю. Гутман, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 423 с. – (Научная мысль).

25. Право. Порядок. Ценности: Монография / Общ. ред. Е.А. Фролова. – М.: Блок-Принт, 2022 -. 688 с.

26. *Ромашов Р.А.* Поправки к Конституции России как форма конституционно-правовой инновации // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 41–47.

27. *Савенков А.Н.* Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. – 2019. – № 4. – С. 5–19.

28. *Савенков А.Н. Г*осударство и право в период кризиса современной цивилизации: Монография. – М.: Проспект, 2020. – 448 с.

29. *Сальников В.П.* Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1. – С. 187–189.

30. *Сальников В.П.* Правовая культура. Гл. XX // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / Отв. ред. М.Н Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Том 3: Государство, право, общество. – М.: ИНФРА-М, 2013. – С. 503–530. – в кн. 720 с.

31. *Сальников В.П.* Правовая культура: теоретически-методологический аспект: Дис. ... докт. юрид. наук.: 12.00.01. – Л., 1990. – 402 с.

32. *Сальников В.П., Сальников М.В.* Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70–86.

33. *Сальников В.П., Сальников М.В.* Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3 (37). – С. 14–20.

34. *Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К.* Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.

35. *Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В.* Изменение Конституции – следствие трансформации государственно-правовой системы Российской Федерации (рецензия-размышление относительно учебного пособия Р.Б. Булатова «Конституция Российской Федерации: поправки 2020 г. и их значение») // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 12. – С. 61–67.

36. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И.* Конституционная реформа как реализация ценностного консенсуса общества // Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства: Сборник материалов Всероссийской научно практической конференции (г. Уфа, 24 марта 2021 г.) / Отв. ред. Н.В. Ямалетдинова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – С. 227–238. – в. сб. 310 с.

37. *Тихомиров Ю.А.* Гражданское общество в фокусе права // Журнал российского права. – 2013. – № 10. – С. 35–45.

38. Философско-правовое познание: актуальные проблемы: монография / Е.В. Виноградова, А.О. Воробьев, М.Ю. Гутман [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2025. – 418 с. – (Научная мысль). DOI 10.12737/2152004

39. *Фролова Е.А.* Проблемы теории и философии права: Монография. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 304 с.

40. *Хабриева Т.Я., Клишас А.А.* Тематический комментарий к Закону Российской Федерации О поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». – М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 240 с.

41. Ценность права (к 100-летию со дня рождения О.Э. Лейста): монография / Отв. ред. Е.А. Фролова. – М.: Проспект, 2025. – 576 с.

42. Цифровое право: Учебник / Под ред. докт. юрид. наук, проф. МГИМО МИД России Э.Л. Сидоренко. – М.: Юрлитинформ, 2024. – 720 с.

Для цитирования: *Булатов Р.Б.* Публичная власть и гражданское общество: понятие, содержание, проблемы взаимодействия // Теория государства и права. – 2025. – № 2-1. – С. 260–268.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_260

PUBLIC AUTHORITY AND CIVIL SOCIETY: CONCEPT, CONTENT, AND PROBLEMS OF INTERACTION

Rashid B. Bulatov*

Annotation. *A study has been conducted on the interaction of public authorities and civil society in Russia, which is an important condition for the sustainable development of the state, the protection of citizens' rights and the improvement of management efficiency. The article examines the historical aspects of the formation of civil society in our country, the concept and content of the main definitions ("public power", "civil society", "institutions of civil society"), the legal framework for the interaction of institutions of public power and civil society, taking into account the amendments made to the Constitution of the Russian Federation in 2020, as well as its problems.. The need to improve the Russian legal system, amend the rules of operation of non-profit organizations (NPOs), and develop a dialogue between the state and society is emphasized. Recommendations are proposed to strengthen the interaction of public authorities with civil society in order to achieve social harmony, democratization and socio-economic progress.*

Keywords: *public authority, civil society, interaction, public-private partnership (PPP), special economic zones (SEZ), social partnership, legal regulation, democratization, non-profit organizations (NPOs).*

The relevance of the topic of interaction between public authorities and civil society is due to the need to ensure sustainable development of the state, protect the rights and freedoms of citizens, as well as improve the efficiency of political and legal governance and eliminate threats to state sovereignty [24]. In the context of modern challenges such as globalization [34], digitalization [42], socio-economic crises, as well as the growth of civic activism, interaction between public authorities and civil society is becoming a key factor in achieving public harmony and stability. In Russia, especially after the amendments to the Constitution in 2020 [4; 5; 10; 11; 18; 19; 26; 35; 36; 40], the concept of public authority has received a new development, which requires a rethinking of its role and interaction with civil society. Civil society, in turn, is an important element of a democratic system, capable of influencing decision-making, monitoring the actions of the authorities and ensuring a balance between public and private interests.

"Civil society is a complex, multidimensional social entity, which – write V.A. Bachinin and V.P. Salnikov – being an open, self-organizing system of naturally developing social relations between individuals as private persons, actively exchanges matter, energy and information with its main counterparty – the state. In civil society, each person appears not as a subject of the state, but as a self-sufficient individual, having his own personal, private life goals, which can either coincide with the interests of the state or contradict them" [3, p. 133].

The purpose of the presented work is to study the legal and institutional foundations of interaction between public authorities and civil society in Russia, analyze the current state and identify prospects for the development of their interaction. To achieve this goal, it is necessary to solve the following tasks: study the historical development of their relationship in the Russian context; identify key concepts and notions related to public authorities and civil society; analyze the legal framework regulating the interaction between public authorities and civil society; consider the current state of civil society in Russia, and offer recommendations for improving its interaction with public authorities.

Approaching civil society as a subject of legal life, V.A. Bachinin and V.P. Salnikov write: "In the formal-structural aspect, civil society is a set of existing, emerging and actively functioning communities – voluntary associations, unions, organizations. One of the leading tasks of all these

* **Bulatov Rashid Borisovich**, Professor of the Department of Public Law at St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Corresponding Member of the RAE. E-mail: bulatovrash@mail.ru

communities is to give individuals the opportunity to communicate on the basis of similar, practically spiritual interests. They do not allow citizens to become like a scattering of autonomous atoms, offering a variety of different forms of social cooperation. Through them, civil society as a social macro-institution encourages various manifestations of human solidarity. Spontaneously emerging corporations of citizens are capable of not only satisfying their various needs, but also protecting their interests and natural rights from excessive dictates of the state. By and large, civil society exists to protect the natural right of every citizen to private life, which includes the sphere of family relations, leisure, household, friendly and intimate relationships, as well as the area of the inner spiritual life of the individual" [3, p. 133].

In the early stages of Russian history, from the period of Kievan Rus to the era of the Muscovite kingdom, civil society in the modern sense of the term was absent. Local communities, exercising self-government functions, were under the strict control of the princely, and later the tsarist power. During this period, all power was concentrated in the hands of the monarch, and public institutions did not have independence. The reforms of Peter I in the 18th century, aimed at modernizing the state apparatus, including the creation of new administrative structures and the development of the education system, did not lead to the formation of civil society to the fullest extent, strengthening the centralization of power and state control over public life. However, it was during this period that the first elements of civil society began to appear – professional guilds, charitable organizations and scientific communities. The 19th century, especially the period after the reforms of Alexander II, is marked by a more active process of formation of civil society, close to modern models. The abolition of serfdom in 1861, the judicial and zemstvo reforms of 1864 created the preconditions for the development of independent public initiatives and the formation of the public sphere. The emergence of zemstvos – local government bodies – was an important stage in the evolution of interaction between society and government. Zemstvos were engaged in solving practical problems in the sphere of education, health care and infrastructure development at the local level, contributing to the growth of civic activity. However, their activities were limited by strict state control, and the manifestation of political activity by citizens was subject to significant restrictions.

After the October Revolution of 1917 and the establishment of Soviet power, a fundamental transformation of the socio-political system took place. Civil society, in its classical sense, practically ceased to exist. Soviet ideology, based on the principle of complete subordination of society to the state, considered any independent public initiatives as a potential threat to the political regime. All public organizations, including trade unions, youth and women's associations, were under the control of the Communist Party and performed functions determined by the state. The Constitution of the USSR of 1936, formally declaring the rights and freedoms of citizens, including freedom of association, did not actually guarantee their implementation. The state exercised total control over all spheres of public life: culture, education, science. The formation of independent public organizations in the Soviet period met with harsh opposition from the state, and their participants were subjected to repression. During the "thaw" of the 1950s and 1960s under N.S. Under Khrushchev, there was some weakening of state control, which contributed to individual manifestations of civil activism. However, this phenomenon was temporary, and in the following decades the state again strengthened its control over society.

The collapse of the USSR in 1991 and the subsequent transition to a democratic model of government became a turning point for the development of civil society in Russia. The Constitution of the Russian Federation of 1993 enshrined the fundamental rights and freedoms of citizens, including the right to association, freedom of speech and assembly. These provisions formed the necessary legal basis for the development of civil society. In the 1990s, an active process of creating non-governmental organizations (NGOs), public associations and independent media began. However, this process was accompanied by a number of difficulties associated with the economic crisis, political instability and the weakness of the legal system. Many public organizations faced the problem of insufficient funding and depended on foreign grants, which led to the imposition of someone else's will on Russia and sometimes caused criticism from government agencies.

Here, clear state and legal regulation in this area is important. "If we compare two such social quantities as the state and the individual," believe V.A. Bachinin and V.P. Salnikov, "then their different scales allow the state to confidently assume the leading role. In its eyes, the interests of an individual and its own interests cannot be equivalent in principle. But if the state perceives this state of affairs with satisfaction, the individual is far from always ready to accept it. And here civil society comes to its aid as an idea and social reality. It is the one that stands guard over the natural rights of the "little man" and is able to constantly protect them from the encroachments of the formidable "Leviathan." It is ready to put the interests of both parties in one axiological row, to seek and develop real practical means for their truly social and legal balancing" [3, pp. 133–134].

Such a social and legal balancing began in the new Russia in the 2000s, with the beginning of the presidency of Vladimir Putin. At that time, there was a tendency for closer cooperation between the state and civil society, as well as for strengthening state regulation in this area.

Having completed a brief historical overview of the relationship between civil society and the state in pre-revolutionary Russia and in the Soviet period, let's move on to consider the topic of our research at the present stage of the development of the Russian state. The concept of public authority in the modern Russian context is a key element for understanding the system of public administration and interaction with civil society. Public authority is a set of powers exercised on behalf of society and in its interests, with the aim of ensuring public order, protecting the rights and freedoms of citizens, as well as achieving the goals of socio-economic development. In Russian law, public power encompasses both State power and local government, which is enshrined in the Constitution of the Russian Federation. After the amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020, the concept of public authority has received a new development. In particular, in art. 132 of the Constitution of the Russian Federation established the provision that local governments and state authorities are part of a single system of public authority. This change has become an important step towards integrating different levels of government, which makes it possible to coordinate their activities more effectively and solve the challenges facing the state and society. Thus, public authority in the Russian context is a unified system that includes federal, regional, and municipal authorities that operate within a single legal space.

The unified system of public authority, enshrined in the Constitution of the Russian Federation, presupposes the existence of a clear hierarchy and interaction between different levels of authority. Federal authorities determine the general principles and directions of state policy, regional authorities adapt them to the specifics of their territories, and local governments resolve issues of local importance. Such a structure allows for a balance between centralization and decentralization of authority, which is an important condition for effective governance and sustainable development.

Thus, the concept of public authority in the Russian context includes not only state authority, but also local self-government, which reflects its complex nature. The expanded definition of public authority following the constitutional amendments of 2020 emphasizes its role as a mechanism for interaction with civil society. A unified system of public authority ensures coordination and interaction between different levels of government, which is an important condition for effective governance and sustainable development.

The mentioned expanded definition of public authority is connected with the necessity to take into account modern challenges and trends in the development of public administration. In particular, public authority is now considered not only as a management tool, but also as a mechanism of interaction with civil society. This is reflected in Article 114 of the Constitution of the Russian Federation, which speaks about supporting civil society institutions and creating conditions for their development. Thus, public authority becomes not only a subject of administration, but also a partner of civil society in solving socially significant problems.

The concept of civil society in Russia is a complex and multifaceted phenomenon that is actively discussed in legal science and practice. Civil society can be defined as a set of public institutions, organizations and relations independent of the state that provide conditions for the self-realization of citizens, the protection of their rights and freedoms, and contribute to the develop-

ment of democratic processes. It plays a key role in balancing public and private interests, acting as an intermediary between the state and society. E. A. Kravtsova notes that "the state is primary, civil society is secondary and can develop normally only within the state. At the same time, the state must ensure the freedom of development of civil society, acting as a guarantor of its existence and development" [17, p. 21]. According to N. I. Matuzov, civil society in Russia is in constant interaction with the state, characterized by simultaneous unity and confrontation. These relations are not always harmonious and may be accompanied by disagreements and contradictions. However, the resolution of emerging conflicts must be carried out in accordance with constitutional norms [20, p. 93].

It is possible to identify a number of characteristic features that determine the essence and functions of civil society in the Russian Federation.

Firstly, the independence of civil society from the state. It represents various institutions such as non-governmental organizations, public associations, professional associations, independent media and religious associations, functioning autonomously, outside of direct state control.

Secondly, pluralism and freedom of expression are the most important features of civil society. The free exchange of opinions and their open discussion are an integral part of the development of democratic principles and the strengthening of the rule of law. This creates fertile ground for the existence of diverse views.

Thirdly, citizen involvement in public life is another important feature of a developed civil society. This is manifested in participation in the work of public associations, speeches at rallies and demonstrations, as well as independent control over the authorities through the media and human rights organizations.

Fourth, civil society plays a key role in protecting the rights and freedoms of citizens. It gives people the opportunity to defend their interests, resist abuse of power and corruption, and influence decisions that affect their lives.

Here we can pay attention to the position of V.A. Bachinin and V.P. Salnikov on their understanding of the functions of civil society. Approaching this problem from a philosophical and legal position, they talk about the following functions:

1. Autoregulatory.
2. Homeostatic.
3. Human rights.
4. Integrative (consolidating).
5. Cultural and creative.
6. Sublimatory (for more details see [3, pp. 134–139]).

Researchers present all six functions of civil society from philosophical and legal positions, which, of course, is of some interest. Let us demonstrate this approach using one of the listed functions as an example.

Autoregulatory function. Thanks to civil society, there is an opportunity to implement, that is, to embody in legal practice, the initiative of the masses, which arises "from below" and ensures self-regulation within a civilized system. Civil society institutions complement the vertical power relations provided by the state by cultivating horizontal relations in society, practiced thanks to the principle of self-regulation. In this case, we observe a situation of the transition of some part of the power and management functions from the state mechanism to self-governing associations of citizens. The reciprocal activity of these associations sometimes reaches a high degree of energetic tension, but at the same time continues to remain within the framework of the existing legal field, and therefore does not contradict the rule of law and law and order, does not require state intervention, since it "mutually offsets conventional civilized relations of productive competition and healthy solidarity" [3, p. 134].

The other five functions of civil society are presented in a similar vein (for more details, see [3, pp. 134–139]). The proposed approach deserves the closest attention. It makes it possible to see the state and civil society as two civilized entities, "interpenetrating each other, in a relationship of contradictory interaction. Each side actively influences the other, and both contribute to the devel-

opment of each other [3, p. 139]. At the same time, contradictions in their relationships are not excluded here.

Scientific works by Russian scientists provide valuable information on how government and society interact. For example, according to Yu. A. Tikhomirov, "the state is a special institution of society, to which it has entrusted the execution of common affairs. Civil society itself, based on the equality of citizens' rights and their public priority, is the producer of material and spiritual goods and is called upon to care for the safety of each and every one, to resolve public issues and to control state institutions" [37, p. 36]. N. E. Nikitina and Zh. A. Gaunova note the importance of constitutional changes for closer interaction between the state and civil society [22, p. 6].

In Russia, civil society plays an important role, balancing public and private interests. It acts as a link between the state and citizens, promoting their harmonious interaction. For example, human rights organizations and independent media, being part of civil society, monitor the activities of government bodies, ensuring transparency and accountability of the authorities. In addition, civil society takes an active part in the development and implementation of public initiatives aimed at solving important social problems. This includes the fight against corruption, the protection of human rights, environmental projects and other types of civic activity. Such initiatives strengthen trust between the state and society, and also increase the effectiveness of public administration.

It should be noted that civil society is an integral element of the democratic structure of Russia, promoting the protection of citizens' rights, the development of democratic institutions and the coordination of interests of the state and society. Despite the existing difficulties, it continues to develop dynamically, playing an important role in the socio-political life of the country.

However, one of the main obstacles to the formation of an effectively functioning civil society is the insufficient consolidation of its institutions, which negatively affects the effectiveness of their interaction. In addition, existing legislative restrictions and institutional barriers hinder successful relationships between government bodies and public organizations, making their constructive cooperation difficult.

Legislative regulation of interaction between government and society in Russia is a complex legal mechanism based on the Constitution of the Russian Federation, federal laws and by-laws. This mechanism is aimed at ensuring effective interaction between government bodies and civil society institutions, which is an important condition for the sustainable development of democracy and the protection of citizens' rights. Despite the existing legal framework, there are still problems in this area that require further resolution. The Constitution of the Russian Federation is the fundamental document regulating the interaction between government bodies and civil society institutions. Article 114 of the Constitution of the Russian Federation, as we have already noted, imposes on the Government of the Russian Federation the obligation to support civil society institutions and ensure their participation in the development and implementation of state policy. This emphasizes the importance of civil society as a partner of the state in solving socially significant problems. The concept of a unified system of public authority, including local government bodies, introduced by amendments to the Constitution of the Russian Federation, creates additional opportunities for interaction with civil society at the local level. However, the Constitution of the Russian Federation does not contain a clear definition of the concept of "civil society", which may lead to different interpretations and legal uncertainty.

Federal legislation specifies constitutional norms and regulates certain aspects of interaction between the authorities and civil society. Federal Law No. 394-FZ "On the State Council of the Russian Federation" defines the State Council as a body coordinating the activities of government bodies at various levels and emphasizes the need to take into account the opinion of civil society when developing state policy. Federal Law No. 414-FZ "On General Principles of Organizing Public Authority in the Subjects of the Russian Federation" is aimed at unifying the principles of activity of government bodies in the regions and their interaction with municipal authorities. However, the effectiveness of the mechanisms for civil society participation in decision-making provided for by this law is controversial. Also worth noting are Federal Laws No. 82-FZ "On Public Associations" and No. 7-FZ "On Non-Commercial Organizations" , which regulate the activities of legal entities.

The current legislation regulates the activities of public associations and NPOs, providing them with a legal basis for functioning. However, the practical implementation of these norms faces certain difficulties, such as confusing registration procedures and excessive state control.

To improve the efficiency of interaction between the authorities and civil society, it is necessary to improve legal regulation. An important area is the development of clear and transparent mechanisms for involving civil society in the process of political decision-making. This may involve expanding the competence of the Public Chamber, creating new dialogue platforms and optimizing the procedures for interaction with government agencies. Improving legal literacy and developing the political and legal culture of citizens also contributes to their more active participation in public life and interaction with the authorities on an equal basis [15; 21; 29; 30; 32].

Thus, in conclusion of our study, we can conclude that the interaction of public authorities and civil society in Russia is a key factor in sustainable development and protection of citizens' rights. The constitutional amendments of 2020, which enshrined the concept of a unified system of public authorities (Article 132), created new opportunities for cooperation with civil society, the support of which is guaranteed by Article 114 of the Constitution of the Russian Federation. However, despite the existing legislative framework, problems remain that hinder their effective interaction: difficulties in registering non-profit organizations (NPOs), excessive control by government agencies, insufficient funding, etc.

The results of scientific research confirm the need to improve the legal mechanisms of interaction between public authorities and civil society. The priority tasks include developing an open dialogue and achieving a balance of interests of all participants in the process. This requires a comprehensive approach, including improving legislation, optimizing procedures for non-profit organizations (NPOs) and providing them with the necessary state support. In particular, it is necessary to consider the possibility of simplifying the procedures for registering NPOs, reducing excessive control and providing access to various forms of funding, including grants and subsidies. In addition, it is important to create favorable conditions for the development of social partnership, increasing the role of trade unions and other public institutions in regulating labor relations. This may include the development of new models of collective agreements and the creation of platforms for constructive dialogue between employers and employees. It seems that this problem requires its analysis from a philosophical and legal standpoint, in particular, using the potential of such categories as goodness, trust, justice, freedom, spiritual and moral values, etc. [23]. The positive experience of domestic research in this area points precisely to this approach [2; 9; 12; 13; 14; 16; 25; 27; 28; 38, p. 153–188; 39; 41].

Based on the above, it can be concluded that civil society in Russia has significant developing potential. Improving legislation, increasing the legal culture [31; 33] of citizens and creating favorable conditions for the activities of public organizations can contribute to its further strengthening. An important step in this direction seems to be the establishment of a productive dialogue between the authorities and civil society, which will allow the development of effective mechanisms of interaction and the achievement of an optimal balance between public and private interests.

Bibliographic list

1. *Akhmedova M.R., Maksimova T.A.* Public-private partnership as a mechanism for the efficiency of the national economy // Theoretical Economics. 2017. No. 2 (38). P. 42–50.

2. *Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P.* The Idea of Good in the Works of F.M. Dostoevsky and Its Influence on the Development of the Philosophy of Law (on the 200th Anniversary of F.M. Dostoevsky) / Introduction by Professor A. Alexandrov. 2nd edition, revised, supplemented; Investigative Committee of the Russian Federation. St. Petersburg: University Foundation, 2023. 456 p. (Series: Science and Society).

3. *Bachinin V.A., Salnikov V.P.* Legal reality in the context of civilization and culture. Methodology of causal analysis: Monograph / Ed. V.P. Salnikov. St. Petersburg: University Foundation, 2005. 224 p. (Science and Society Series).

4. *Bulatov R.B.* Constitution of the Russian Federation: amendments of 2020 and their significance: Textbook. St. Petersburg: GUAP, 2023. 232 p.

5. *Vinogradova E.V., Vinogradova P.A.* Strengthening constitutional guarantees by 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation. M.: Editus, 2020. 200 p.

6. *Grib V.V.* Interaction of government bodies and civil society institutions in the Russian Federation: Diss.... Doctor of Law. M., 2008. 402 p.

7. Good, trust, justice in philosophical and legal thought: antiquity and modernity: Monograph / Under general. ed. V.P. Salnikova; I.A. Ananskikh, E.V. Vinogradova, I.N. Gribov, M.Yu. Gutman, S.I. Zakhartsev, N.V. Zorina, S.V. Ignatyeva, I.R. Ismagilov, R.F. Ismagilov, A.Yu. Kiiko, G.N. Krizhanovskaya, O.Yu. Lezhneva, S.G. Lysenkov, A.A. Maksimov, D.V. Maslennikov, A.I. Morozov, S.A. Novozhilov, P.A. Petrov, K.G. Prokofiev, V.P. Salnikov, M.V. Salnikov, S.P. Salnikov, O.E. Starovoitova, A.A. Utyuganov, A.G. Khabibulin. St. Petersburg Military Order Zhukov Institute of National Guard Troops, University Foundation, 2022. 463 p.

8. *Zhukov V.N.* Philosophy of Law. 3rd ed. revised and enlarged. M.: Unity-Dana, 2023. 560 p.

9. *Zhukov V.N.* Legal science and values // State and Law. 2018. No. 1. P. 5–16.

10. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Amendments to the Constitution of the Russian Federation in the context of a programmed society // Amendments to the Constitution of the Russian Federation and prospects for the development of regional legislation: Collection of materials of the All-Russian scientific practical conference (Ufa, March 24, 2021) / Ed. N.V. Yamaletdinova. Ufa: RIC BashSU, 2021. pp. 129–152. In the book 310 p.

11. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Amendments to Russian legislation and the comprehend theory of law as the basis of sovereign philosophy of law // Amendments to the Constitution of the Russian Federation and prospects for the development of regional legislation: Collection of materials of the All-Russian scientific practical conference (Ufa, March 24, 2021) / Ed. N.V. Yamaletdinova. Ufa: RIC BashSU, 2021. pp. 172–187. In the book 310 p.

12. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Legal progress and values of law // The world of politics and sociology. 2015. No. 9. P. 17–31.

13. *Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P*. Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the Question of Speculative-Logical Foundations of the Sovereign Metaphysics of Law. – 2nd ed., corrected and enlarged. M.: Norma: INFRA-M, 2024. 376 p. DOI 10.12737/2134199.

14. The Idea of Freedom. Law. Morality (Classical and Postclassical Philosophy of Law): Monograph / Edited by Dr. of Law S.I. Zakhartsev; I.A. Ananskikh, I.N. Gribov, S.I. Zakhartsev, N.V. Zorina, I.R. Ismagilov, O.A. Lezhneva, S.F. Mazurin, B.V. Makov, D.V. Maslennikov, A.K. Mirzoev, P.A. Petrov, E.A. Polivko, K.G. Prokofiev, O.V. Pyleva, V.P. Salnikov, M.V. Salnikov, F.O. Chudin-Kurgan. M.: Yurlitinform, 2020. 288 p.

15. *Keizerov N.M.* Political and legal culture: methodological problems. M.: Legal Literature, 1983. 232 p.

16. *Klimenko A.I.* Socio-axiological approach to understanding the nature and essence of law and its significance for the philosophy of law and general legal theory // History of the state and law. 2022. No. 1. P. 7–16.

17. *Kravtsova E.A.* On the relationship between the concepts of "civil society" and "public authority" and individual collisions in their normative regulation // Constitutional and municipal law. 2021. No. 2. P. 21–23.

18. *Lazarev V.V.* Ideology of constitutional reform of the legal system of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2021. No. 4. P. 5–17.

19. *Lazarev V.V.* Value-ideological approach to assessing the novelties of the Constitution of the Russian Federation // Legal science: history and modernity. 2021. No. 2. P. 11–17.

20. *Matuzov N.I.* Civil society: essence and basic principles // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 1995. No. 3. P. 83–93.

21. *Nasurdinov E.S.* Legal Culture: Monograph / Ed. F.T. Takhirov. M.: Norma, 2014. 352 p.

22. *Nikitina E.E., Gaunova Zh.A.* Interaction of public authorities with civil society institutions in the implementation of the state national policy of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2021. No. 10. P. 5–19.

23. Patrushev: the foundation of Russian society is the system of traditional values // https:// rossaprimavera.ru/news/90f07c22

24. Political and legal governance and threats to state sovereignty: Monograph / M.Yu. Gutman, S.I. Zakhartsev, N.V. Zorina [et al.]; under the general editorship of Doctor of Law, Professor V.P. Salnikov. 2nd ed., corrected. and enlarged. Moscow: INFRA-M, 2024. 423 p. (Scientific Thought).

25. Law. Order. Values: Monograph / General editor E.A. Frolova. M.: Blok-Print, 2022 -. 688 p.

26. *Romashov R.A.* Amendments to the Constitution of Russia as a form of constitutional and legal innovation // Legal technology. 2021. No. 15. P. 41–47.

27. *Savenkov A.N.* Global crisis of modernity as a subject of philosophy of law // State and Law. 2019. No. 4. P. 5–19.

28. *Savenkov A.N.* State and Law during the Crisis of Modern Civilization: Monograph. M.: Prospect, 2020. 448 p.

29. *Salnikov V.P.* Legal culture as a factor in stabilizing modern Russian society // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Law. 2001. No. 1. P. 187–189.

30. *Salnikov V.P.* Legal Culture. Chapter XX // General Theory of State and Law. Academic Course in Three Volumes / Ed. M.N. Marchenko. 4th ed., revised and enlarged. Volume 3: State, Law, Society. Moscow: INFRA-M, 2013. Pp. 503–530. In the book 720 p.

31. *Salnikov V.P.* Legal culture: theoretical and methodological aspect: Diss.... Doctor of Law: 12.00.01. L., 1990. 402 p.

32. *Salnikov V.P., Salnikov M.V.* Legal culture and political and legal traditions in the context of absolute values // Legal Thought. 2014. No. 4 (84). P. 70–86.

33. *Salnikov V.P., Salnikov M.V.* Legal culture and legal tradition in their categorical relationship and understanding // Legal state: theory and practice. 2014. No. 3 (37). P. 14–20.

34. *Salnikov V.P., Ivashov L.G., Dzhegutanov B.K.* Philosophy of globalization (Methodological foundations of the geopolitical doctrine of Russia): Monograph / Under the general editorship of V.P. Salnikov. St. Petersburg: University Foundation, 2006. 268 p.

35. *Salnikov V.P., Romashov R.A., Salnikov M.V.* Changes in the Constitution – a consequence of the transformation of the state and legal system of the Russian Federation (review-reflection on the textbook by R.B. Bulatov "Constitution of the Russian Federation: amendments of 2020 and their significance") // Legal Science: History and Modernity. 2023. No. 12. P. 61–67.

36. *Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Morozov A.I*. Constitutional reform as the implementation of the value consensus of society // Amendments to the Constitution of the Russian Federation and prospects for the development of regional legislation: Collection of materials of the All-Russian scientific practical conference (Ufa, March 24, 2021) / Ed. N.V. Yamaletdinova. Ufa: RIC BashSU, 2021. pp. 227–238. in. collection. 310 p.

37. *Tikhomirov Yu.A.* Civil society in the focus of law // Journal of Russian law. 2013. No. 10. P. 35–45.

38. Philosophical and legal knowledge: current problems: monograph / E.V. Vinogradova, A.O. Vorobyov, M.Yu. Gutman [et al.]; under the general editorship of Doctor of Law, Professor V.P. Salnikov. 2nd ed., corrected. and additional. Moscow: INFRA-M, 2025. 418 p. (Scientific Thought). DOI: 10.12737/2152004

39. *Frolova E.A.* Problems of Theory and Philosophy of Law: Monograph. 2nd ed., corrected and enlarged. M.: Yurlitinform, 2018. 304 p.

40. *Khabrieva T.Ya., Klishas A.A.* Thematic commentary to the Law of the Russian Federation On Amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authority". M.: Norma: INFRA-M, 2020. 240 p.

41. The Value of Law (on the 100th anniversary of O.E. Leist's birth): monograph / Ed. E.A. Frolova. M.: Prospect, 2025. 576 p.

42. Digital Law: Textbook / Edited by Doctor of Law, Professor of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia E.L. Sidorenko. M.: Yurlitinform, 2024. 720 p.

For citation: *Bulatov R.B.* Public authority and civil society: concept, content, problems of interaction // Theory of state and law. 2025. No. 2–1. P. 269–276.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_260

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_277

А.И. Александров*
И.Н. Кондрат **
Д.И. Советов ***
О.Г. Шапиева**
А.И. Экимов***

ЦЕННОСТЬ АБСОЛЮТНЫХ КАТЕГОРИЙ В РОССИЙСКОЙ СУВЕРЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА (Статья-рецензия на монографию: «Добро, доверие, справедливость, свобода в философско-правовой мысли: античность и современность: монография / Е.В. Виноградова, А.О. Воробьев, И.Н. Грибов [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: ИНФРА-М, 2025. – 459 с.»)

Аннотация. *Данная статья включает обзор вышедшей в первой половине 2025 года монографии коллектива российских авторов, подготовленной под общей редакцией доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Сальникова Виктора Петровича – под названием: «Добро, доверие, справедливость, свобода в философско-правовой мысли: античность и современность». В рецензируемой монографии исследуется развитие различных философско-правовых концепций от античности до современности. Авторы стремятся осмыслить природу абсолютного в праве, акцентируя внимание на его ценностном аспекте, который исторически связан с высшими нравственными идеями, особенно с понятиями абсолютного добра и справедливости. Рецензируемая монография отличается комплексным подходом, объединяющим историко-философский анализ с современными правовыми реалиями. Авторы не ограничиваются перечислением известных научных теорий, а предлагают оригинальные интерпретации, учитывающие современные вызовы и тенденции развития общества. Особое внимание уделяется анализу взаимосвязи указанных ценностей и их роли в формировании правовой системы. Монография показывает, как понимание добра, доверия, справедливости и свободы влияет на законодательство, правоприменение и общественное сознание.*

* **Александров Алексей Иванович,** член Президиума Ассоциации юристов России, руководитель сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации. E-mail: Aleksandrov@council.gov.ru

** **Кондрат Иван Николаевич,** профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник Прокуратуры Российской Федерации. E-mail: inkondrat@mail.ru

*** **Советов Денис Игоревич,** старший преподаватель кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук. E-mail: sovetov-work@mail.ru

**** **Шапиева Ольга Гасановна,** директор Дагестанского филиала Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Дагестан. E-mail: df_rgpu@mail.ru

***** **Экимов Анисим Иванович,** профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. E-mail: rospravo@mail.ru

Ключевые слова: *абсолютное в праве; добро; право; справедливость; моральные и нравственные ценности; правоприменительная деятельность; философия права; пределы свободы; юридическая мысль.*

Поисками абсолютных категорий в праве, занимались многие ученые как прошлого так и настоящего. Проблематика абсолютного затрагивалась в работах Сократа, Платона, Гегеля, Канта, Достоевского и других мыслителей. Труды перечисленных классиков подлежат осмыслению в рамках рецензированной монографии.

Следует отметить, что такие абсолютные категории, представляющие ценность для права как «добро», «нравственность», «доверие», «справедливость», «свобода» и другие, являлись предметом исследования и во многих работах правоведов-современников [5, с. 299].

Устойчивые философские концепты являются не только основополагающими для построения современного государства, но и определяющим направлением для дальнейшего развития правовой системы России. Безусловно, духовно-нравственные ценности формируют моральные ориентиры и влияют на общественное сознание. В условиях глобализации, роста социальной напряженности и кризиса доверия к институтам власти, переосмысление и утверждение рассматриваемых в монографии ценностей становится объективной необходимостью.

Вопрос о разного рода категориях является также одним из наиболее важных для методологии науки, в том числе юридической. Категории определяют исходные положения понятийного аппарата науки, выступают в качестве методологических стержней, на которые опирается наука в своих исследованиях. При этом существует несколько уровней категориального аппарата, среди которых наивысшее положение занимают философские категории, выступающие мировоззренческими константами, определяющими представления человечества обо всех аспектах бытия.

Представляется, что такие абсолютные категории в юридической науке как: добро, доверие, мораль, справедливость, патриотизм, нравственность, свобода и другие, могут быть сопоставимы с философскими категориями в целом. Данные ценности представляют особо важное значение для российской юриспруденции [1; 6; 21; 26; 27; 28; 29; 30; 38, с. 153–188] и подлежат осмыслению в рецензируемой монографии.

В этой связи, выход в свет монографии «Добро, доверие, справедливость, свобода в философско-правовой мысли: античность и современность» под редакцией профессора, доктора юридических наук, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.П. Сальникова представляется своевременным событием, поскольку сформулированные в работе выводы не только соответствует актуальным политико-правовым проблемам современности, но и содержат некоторые практические решения, применимые при обеспечении суверенности российского государства.

Рецензируемая работа объединяет взгляды известных ученых-правоведов и философов, таких как: Виноградова Елена Валерьевна, Воробьев Алексей Олегович, Грибов Игорь Николаевич, Гутман Матвей Юрьевич, Захарцев Сергей Иванович, Зорина Наталья Владимировна, Игнатьева Светлана Викторовна, Исмагилов Игорь Рашидович, Исмагилов Рашид Фаатович, Кийко Андрей Юрьевич, Клименко Оксана Алексеевна, Крижановская Галина Николаевна, Лежнева Ольга Юрьевна, Лысенков Сергей Геннадьевич,, Максимов Александр Александрович, Медведев Александр Александрович, Мирзоев Ашурали Кенджаевич, Морозов Алексей Игоревич, Новожилов Сергей Александрович, Петров Петр Алексеевич, Прокофьев Константин Георгиевич, Сальников Михаил Викторович, Сальников Сергей Павлович, Старовойтова Ольга Эдуардовна, Утюганов Алексей Анатольевич, Хабибулин Алик Галимзянович [7, с. 3].

Актуальность рецензируемого исследования обусловлена рядом факторов.

Во-первых, в последние годы, наблюдается растущий интерес к этическим и моральным аспектам права, что связано с осознанием недостаточности формально-юридического подхода для решения сложных социальных проблем на современном этапе. Представляется, что право, лишенное нравственного измерения, рискует превратиться в инструмент подавления, утрачивая свою легитимность и общественную поддержку.

Во-вторых, в условиях цифровизации и развития информационных технологий возникают новые вызовы для традиционных представлений о добре, доверии, справедливости и свободе. Искусственный интеллект, иные информационные технологии, трансформация правовых институтов – данные детерминанты ставят перед обществом новые этические дилеммы и дискуссии, требующие философского осмысления и эффективного правового регулирования [2; 3; 9; 12; 18; 23; 31; 34; 39].

В-третьих, современные политические процессы, отличающиеся поляризацией и популизмом, подрывают доверие к властным институтам и правовой системе в целом. В таких условиях обращение к философским основам происхождения права, а также к таким абсолютным категориям, как справедливость и свобода, а также исследование их связи с доверием и добром становится особенно важным для укрепления демократических ценностей и российского гражданского общества [17; 19; 24; 40].

Для формирования понимания о сущности абсолютных категорий в праве, в рамках монографии, авторы формируют ответы на следующие философско-правовые вопросы:

– Какова сущность добра, доверия, справедливости и свободы в контексте различных философских и правовых учений?

– Как изменялось понимание данных ценностей на протяжении истории человеческой цивилизации?

– Какова взаимосвязь между добром, доверием, справедливостью и свободой?

– Какова роль добра, доверия, справедливости и свободы в формировании правовой системы и как данные ценности отражаются в законодательстве и правоприменительной практике?

– Какие меры необходимо предпринять для укрепления добра, доверия, справедливости и свободы в современном обществе?

Решение приведенных вопросов требует междисциплинарного подхода, объединяющего усилия философов, юристов, политологов, социологов, экономистов и иных специалистов. Монография под редакцией профессора В.П. Сальникова представляет собой важный шаг в направлении формирования суверенной философии российского права [20; 33; 35; 36; 37; 38, с. 21–55], предлагая читателям глубокий и всесторонний анализ фундаментальных ценностей, лежащих в основе правовой системы и общества в целом.

Содержание монографии состоит из нескольких глав, каждая из которых посвящена отдельному аспекту исследования абсолютных категорий в праве.

Так, в первой части работы авторы обращаются к истокам философско-правовой мысли, анализируя концепции добра, доверия, справедливости и свободы в античной философии права.

Авторы обращаются к трудам философов прошлого, таких как Сократ, Платон и Аристотель, анализируя их представления о справедливости, добре и свободе, что позволяет выявить генезис указанных категорий, проследить их эволюцию и трансформацию под влиянием различных философских школ и учений.

Особое внимание уделяется анализу взглядов Платона и Аристотеля, заложивших основы классической философско-правовой традиции. Анализируется их понимание справедливости как основы государства и права, соотношение естественного и позитивного права, а также роль закона в обеспечении общественного порядка и гармонии.

В последующих главах монографии авторы переходят к анализу современных концепций добра, доверия, справедливости и свободы в контексте развития права и государства в исторические периоды, вплоть до современной интерпретации. В результате исследования подчеркивается ценность абсолютных категорий в российской суверенной философии права.

В монографии также исследуются различные подходы к пониманию указанных ценностей, их взаимосвязь и влияние на формирование правовой системы России. Особое внимание уделяется анализу современных проблем, таких как соотношение объема прав и обязанностей, роль государства в обеспечении социальной справедливости, защиты прав и свобод человека в условиях глобализации и развития информационных технологий.

Авторы монографии стремятся не только к теоретическому анализу, но и к выявлению практического значения исследуемых категорий для развития права и общества. В монографии показано как понимание добра, доверия, справедливости и свободы влияет на законодательство, правоприменение и общественное сознание, а также юридическое мышление.

Особое внимание уделяется анализу конкретных правовых институтов и механизмов, направленных на обеспечение указанных ценностей в различных сферах общественной жизни.

Важным аспектом монографии является анализ проблемы справедливости в контексте современных социальных и экономических реалий [15, с. 181].

Монография вносит определенный вклад в развитие современной философско-правовой мысли, предлагая инновационные подходы к интерпретации фундаментальных ценностей, на которых основывается право.

Однако авторы не ограничиваются лишь анализом существующих теорий, а формируют собственные концепции, которые учитывают специфику современного устройства российского государства.

Очевидно, что углубленное понимание абсолютных принципов в праве не только повысит общий уровень правосознания в обществе, но и поможет преодолеть распространенные проблемы, такие как: рост правонарушений, устранение правоприменительных ошибок и пробелов в законодательстве, а также коллизионность норм права, что, в свою очередь, будет способствовать снижению количества правовых конфликтов в различных сферах общественных отношений и укреплению общего уровня правового порядка [22, с. 74].

Монография «Добро, доверие, справедливость, свобода в философско-правовой мысли: античность и современность» представляет собой актуальный с точки зрения реалий современного состояния российского государства философский труд, полезный для юристов, экономистов, политологов и иных специалистов, интересующихся вопросами права, морали и социальной справедливости в целом.

Рецензируемая работа не только позволяет погрузиться и понять фундаментальные ценности, которые лежат в основе функционирования правовой системы, но и вдохновляет на дальнейшие исследования в данной области.

Так, например, в исследовании упоминается компрехендная теория познания права, которая констатирует, что у права, в зависимости от разных подходов, может быть выделена та или иная грань, и выделение таких граней не является ошибочным, поскольку право является сложным, многогранным общественным явлением. Отсюда на право нужно смотреть философски, констатируя разные свойства объекта, их проявления и противоречия [8; 10; 11; 32].

Можно отметить, что выводы монографии целесообразно использовать как в учебном процессе, так и в научных изысканиях из области философии права, теории государства и права, а также в смежных дисциплинах и сферах научного познания.

Данное исследование вносит и определенный вклад в развитие российской суверенной философско-правовой мысли, открывая новые горизонты для дальнейших исследований проблем соотношения права и морали, права и нравственности, а также способствует формированию более глубокого и комплексного подхода к изучению правовых и этических вопросов, что крайне актуально в условиях современного общества, когда наблюдается некоторый упадок духовно-нравственных ценностей, которые вытесняются рыночными отношениями и информатизацией.

Таким образом, необходимо отметить, что рецензируемая монография не только обогащает существующее научное знание, но и способствует формированию более справедливого и гуманного общества, основанного на принципах добра, доверия, справедливости и свободы.

Видится, что работа коллектива ученых Санкт-Петербургской школы права служит отправной точкой для разработки суверенной философии права Российской Федерации в современных условиях.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.

2. *Анищенко В.Н., Выборный А.Н., Хабибулин А.Г.* Искусственный интеллект в противодействии криминальным угрозам финансовой безопасности России (теория, методология, практика). – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, Высшая школа государственного аудита, 2024. – 376 с.

3. *Бастрыкин А.И.* Пора поставить действенный заслон информационной войне // Власть. – 2016. – № 15. – 18 апреля. – С. 20.

4. Гуманизация уголовно-процессуальных отношений (досудебное производство по уголовным делам): Монография / Под общ. ред. И.А. Антонова, В.П. Сальникова; Антонов И.А., Ванин Д.В., Воробьев А.О., Гельдибаев М.Х., Евстратова Ю.А., Захарцев С.И., Иванов И.И., Кийко А.Ю., Кондрат И.Н., Медведев А.А., Новожилов С.А., Петров П.А., Пироговский И.Г., Прокофьева С.М., Сальников В.П., Сальников М.В., Сальников С.П., Семёнова И.В., Утюганов А.А., Хабибулин А.Г. – СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Фонд «Университет», 2024. – 275 с. – ISBN 978–5-6048831–8-1.

5. *Гутман М.Ю., Исмагилов Р.Ф., Комаров С.А., Советов Д.И.* Основы бытия и абсолютного в современной философии права // Теория государства и права. – 2024. – № 3. – С. 298–311.

6. *Дерюгин А.А., Аврамов С.О.* Традиционные духовно-нравственные ценности и ориентиры – стержень российской государственности на фоне современных угроз // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: Материалы Международной научно-практической конференции / Под науч. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, 2025. – С. 42–47. – в кн. 135 с.

7. Добро, доверие, справедливость, свобода в философско-правовой мысли: античность и современность: монография / Е.В. Виноградова, А.О. Воробьев, И.Н. Грибов [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2025.– (Научная мысль). – DOI 10.12737/2151906.

8. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Знакомьтесь: компрехендная теория права // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 5(28). – С. 375–379.

9. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 11–19.

10. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* О заблуждениях в понимании права и важности компрехендного подхода для его познания // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 5. – С. 83–88.

11. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Размышляем о сущности права: компрехендный подход // Правовое государство: теория и практика. – 2017. – № 1(47). – С. 13–30.

12. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Судья-робот в уголовном процессе: хорошо или плохо? // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 7. – С. 176–180.

13. *Захарцев С.И., Сальников В.П., Сальников М.В.* Проблема истины в праве и юридических науках // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 3. – С. 191–196.

14. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях суверенной метафизики права. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 376 с. DOI 10.12737/2134199.

15. *Зоир Д.М., Содики Н.Н., Советов Д.И.* Рецензия на книгу Бастрыкина А.И., Исмагилова Р.Ф., Сальникова В.П. – Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) // Известия Института философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан. – 2023. – № 2. – С. 179–183.

16. *Игнатьева С.В., Кузнецов Э.В., Советов Д.И.* Философские взгляды и вклад Ф.М. Достоевского в развитие политико-правовой мысли России: прошлое и настоящее // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 5. – С. 188–195.

17. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева; И.А. Анапских, И.Н. Грибов, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина, И.Р. Исмагилов, О.А. Клименко, О.Ю. Лежнева, С.Ф. Мазурин, Б.В Маков, Д.В. Масленников, А.К. Мирзоев, П.А. Петров, Е.А. Поливко, К.Г. Прокофьев, О.В. Пылева, В.П. Сальников, М.В. Сальников, Ф.О. Чудин-Курган. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.

18. *Ильницкий А.С.* Противодействие криминальной идеологии в сети Интернет: Дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2022. – 213 с.

19. *Исмагилов Р.Ф., Романовская В.Б., Сальников С.П.* Гражданское общество в современной России: некоторые проблемы формирования // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 11–22.

20. *Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Философия Ф.М. Достоевского как источник суверенной российской философии права // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню прав человека (г. Уфа, 10 декабря 2020 г.). В 2-х частях. Ч. 1 / Отв. ред. Е.О. Тулупова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – Уфа, 2020. – С. 83–92. – в сб. 243 с.

21. *Кийко А.Ю.* Государственный суверенитет России как духовно-нравственная ценность // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: Материалы Международной научно-практической конференции / Под науч. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, 2025. – С. 19–21. – в кн. 135 с.

22. *Кондрат И.Н., Прокофьев К.Г., Советов Д.И.* Сущность права и доктринальная легитимность нормативистского подхода к пониманию функций права. Статья-рецензия на сборник статей, посвященный 100–летию со дня рождения профессора М.И. Байтина // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 7. – С. 72–82.

23. *Лопатин В.Н.* Об информационной войне-2022 и первоочередных правовых мерах по ее ограничению // Информационное право. – 2022. – № 1. – С. 48–56.

24. *Маков Б.В., Быков К.В.* Принципы взаимодействия гражданского общества, государства и правоохранительных органов как элемент национальной идеи // Идеология, духовные ценности и проблемы сохранения культурного наследия России: Сборник статей / Под науч. ред. Е.П. Борзовой. Санкт-Петербургский институт искусства и реставрации – СПб.: СПбКО, 2019. – С. 62–67. – в сб. 170 с.

25. *Мурсалимов К.Р., Хабибулин А.Г., Мицкая Е.В.* Некоторые проблемы формирования и реализации правовой политики в России // Теория государства и права. – 2024. – № 2. – С. 152–161.

26. *Патрушев Н.П.* Нужны ли России «универсальные» ценности? // Российская газета. – 2020. – 17 июня.

27. Патрушев: фундамент русского общества – система традиционных ценностей // https:// rossaprimavera.ru/news/90f07c2

28. Путин назвал защиту традиционных ценностей важнейшим условием суверенитета // https://tass.ru/politika/20632937

29. Путин назвал традиционные ценности фундаментом российского бытия // Ведомости. – 2024. – 6 марта.

30. *Романовская В.Б., Сальников В.П.* Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 44–50.

31. *Сальников В.П.* Незримое вторжение. Негативное воздействие информации на сознание человека // Защита и безопасность. – 1999. – № 1. – С. 26–27.

32. *Сальников В.П., Захарцев С.И., Воронков К.И.* Компрехендная концепция субъектного состава ресоциализационых отношений // Мониторинг правоприменения. – 2022. – № 1. – С. 29–38.

33. *Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Прокофьев К.Г.* Философские и богословские предпосылки суверенности философии права России: ценностные и нравственные аспекты // Теория государства и права. – 2024. – № 2–1 (37). – С. 186–195. DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2–1_37_186

34. *Сальников В.П., Крижановская Г.Н., Кривоносова Д.В.* Российская молодежь – мишень информационного терроризма. Как противостоять новым формам террористической угрозы? // Информационное право. – 2023. – № 1. – С 14–17.

35. *Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Масленников Д.В., Прокофьев К.Г.* Теоретические и духовно-нравственные предпосылки истинной суверенности философии права России // Теория государства и права. 2024. № 3 (38). С. 196–211.

36. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Сальников М.В.* Развитие идеи абсолютной свободы в классической русской философии как источник суверенной философии права // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 185–193.

37. *Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.Г., Морозов А.И.* Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 170–178.

38. Философско-правовое познание: актуальные проблемы: монография / Е.В. Виноградова, А.О. Воробьев, М.Ю. Гутман [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2025. – 418 с. – (Научная мысль). DOI 10.12737/2152004

39. Цифровое право: Учебник / Под ред. докт. юрид. наук, проф. МГИМО МИД России Э.Л. Сидоренко. – М.: Юрлитинформ, 2024. – 720 с.

40. *Юбин И.Г.* Гражданское общество, правовое государство и социально-правовой идеал в России // Идеология, духовные ценности и проблемы сохранения культурного наследия России: Сборник статей / Под науч. ред. Е.П. Борзовой. Санкт-Петербургский институт искусства и реставрации – СПб.: СПбКО, 2019. – С. 68–72. – в сб. 170 с.

Для цитирования: *Александров А.И., Кондрат И.Н., Советов Д.И., Шапиева О.Г., Экимов А.И.* Ценность абсолютных категорий в российской суверенной философии права. (Статья-рецензия на монографию: «Добро, доверие, справедливость, свобода в философско-правовой мысли: античность и современность: монография / Е.В. Виноградова, А.О. Воробьев, И.Н. Грибов [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: ИНФРА-М, 2025. – 459 с.»). // Теория государства и права. – 2025. – № 2-1. – С. 277–283.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_277

The value of absolute categories in russian sovereign philosophy of law. (Review article on the monograph: "Good, Trust, Justice, Freedom in Philosophical and Legal Thought: Antiquity and Modernity: monograph / E.V. Vinogradova, A.O. Vorobyov, I.N. Gribov [et al.]; edited by Doctor of Law, Professor V.P. Salnikov. – 2nd ed., corrected and enlarged. – Moscow: INFRA-M, 2025. – 459 p.")

Alexey I. Aleksandrov*
Ivan N. Kondrat**
Denis I. Sovetov***
Olga G. Shapieva****
Anisim I. Ekimov*****

Annotation. *This article includes an overview of a monograph by a team of Russian authors published in the first half of 2025, prepared under the general editorship of Viktor Petrovich Salnikov, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, entitled: «Kindness, Trust, Justice, Freedom in Philosophical and Legal Thought: antiquity and modernity». The peer-reviewed monograph examines the development of various philosophical and legal concepts from antiquity to modern times. The authors strive to comprehend the nature of the absolute in law, focusing on its value aspect, which is historically associated with higher moral ideas, especially with the con-*

* **Aleksandrov Aleksey Ivanovich,** member of the Presidium of the Association of Lawyers of Russia, head of the constitutional law and constitutional justice sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia) E-mail: Aleksandrov@council.gov.ru

** **Sovetov Denis Igorevich**, senior lecturer of the department of economic and financial investigations of the Higher School of Public Audit of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, PhD in Law (Moscow, Russia) E-mail: sovetov-work@mail.ru

*** **Kondrat Ivan Nikolaevich**, Professor of the department of criminal law, criminal procedure and forensic sciences of MGIMO MFA of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Moscow, Russia) E-mail: inkondrat@mail.ru

**** **Shapieva Olga Gasanovna**, director of the Dagestan branch of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Dagestan (Makhachkala, Russia) E-mail: df_rgpu@mail.ru

***** **Ekimov Anisim Ivanovich**, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russia) E-mail: rospravo@mail.ru

cepts of absolute goodness and justice. The reviewed monograph is characterized by a comprehensive approach that combines historical and philosophical analysis with modern legal realities. The authors do not limit themselves to listing well-known scientific theories, but offer original interpretations that take into account modern challenges and trends in the development of society. Special attention is paid to the analysis of the interrelationship of these values and their role in the formation of the legal system. The monograph shows how the understanding of goodness, trust, justice and freedom affects legislation, law enforcement and public consciousness.

Keywords: *the absolute in law; goodness; law; justice; moral and moral values; law enforcement; philosophy of law; limits of freedom; legal thought.*

Many scientists of the past and present have been engaged in the search for absolute categories in law. The problematic of the absolute was touched upon in the works of Socrates, Plato, Hegel, Kant, Dostoevsky and other thinkers. The works of the listed classics are subject to comprehension within the framework of the reviewed monograph.

It should be noted that such absolute categories of value for law as "good", "morality", "trust", "justice", "freedom" and others were the subject of research in many works of contemporary legal scholars [5, p. 299].

Sustainable philosophical concepts are not only fundamental for building a modern state, but also a determining direction for the further development of the legal system of Russia. Of course, spiritual and moral values form moral guidelines and influence public consciousness. In the context of globalization, growing social tension and a crisis of trust in government institutions, rethinking and affirming the values discussed in the monograph becomes an objective necessity.

The question of various categories is also one of the most important for the methodology of science, including legal science. Categories determine the initial provisions of the conceptual apparatus of science, act as methodological cores on which science relies in its research. At the same time, there are several levels of the categorical apparatus, among which the highest position is occupied by philosophical categories, which act as worldview constants that determine humanity's ideas about all aspects of existence.

It seems that such absolute categories in legal science as: good, trust, morality, justice, patriotism, ethics, freedom and others, can be compared with philosophical categories in general. These values are of particular importance for Russian jurisprudence [1; 6; 21; 26; 27; 28; 29; 30; 38, pp. 153–188] and are subject to comprehension in the monograph under review.

In this regard, the publication of the monograph "Goodness, Trust, Justice, Freedom in Philosophical and Legal Thought: Antiquity and Modernity" edited by Professor, Doctor of Law, Honored Scientist of the Russian Federation V.P. Salnikov seems to be a timely event, since the conclusions formulated in the work not only correspond to the current political and legal problems of our time, but also contain some practical solutions applicable in ensuring the sovereignty of the Russian state.

The peer-reviewed work combines the views of well-known scientists-lawyers and philosophers, such as: Vinogradova Elena Valerevna, Vorobyov Alexey Olegovich, Gribov Igor Nikolaevich, Gutman Matvey Yurievich, Zakhartsev Sergey Ivanovich, Zorina Vladimirovna Natalana, Ismaginovna Svetlana Viktorovna, Viktorovna Igor Rashidovich, Ismagilov Rashid Faatovich, Kiyko Andrey Yurevich, Klimenko Oksana Alekseevna, Krizhanovskaya Galina Nikolaevna, Lezhneva Olga Yurievna, Lysenkov Sergey Gennadievich,, Maksimov Alexander Alexandrovich, Medvedev Alexander Alexandrovich, Mirzov Ashura, Igorodja Alexander Kendrovja Novozhilov Sergey Alexandrovich, Petrov Peter Alekseevich, Prokofiev Konstantin Georgievich, Salnikov Mikhail Viktorovich, Salnikov Sergey Pavlovich, Starovoitova Olga Eduardovna, Utyuganov Alexey Anatolyevich, Khabibulin Alik Galimzyanovich [7, p. 3].

The relevance of the peer-reviewed study is determined by a number of factors.

Firstly, in recent years, there has been a growing interest in the ethical and moral aspects of law, which is associated with the awareness of the inadequacy of the formal-legal approach to solving complex social problems at the present stage. It seems that law, deprived of a moral dimension, risks turning into an instrument of suppression, losing its legitimacy and public support.

Secondly, in the context of digitalization and the development of information technologies, new challenges arise for traditional ideas about good, trust, justice and freedom. Artificial intelligence, other information technologies, the transformation of legal institutions – these determinants pose new ethical dilemmas and discussions for society that require philosophical understanding and effective legal regulation [2; 3; 9; 12; 18; 23; 31; 34; 39].

Thirdly, modern political processes, characterized by polarization and populism, undermine trust in the institutions of power and the legal system as a whole. In such conditions, turning to the philosophical foundations of the origin of law, as well as to such absolute categories as justice and freedom, as well as studying their connection with trust and goodness, becomes especially important for strengthening democratic values and Russian civil society [17; 19; 24; 40].

In order to develop an understanding of the essence of absolute categories in law, within the framework of the monograph, the authors formulate answers to the following philosophical and legal questions:

– What is the essence of goodness, trust, justice and freedom in the context of various philosophical and legal teachings?

– How has the understanding of these values changed throughout the history of human civilization?

– What is the relationship between goodness, trust, justice and freedom?

– What is the role of goodness, trust, justice and freedom in the formation of the legal system and how are these values reflected in legislation and law enforcement practice?

– What measures need to be taken to strengthen goodness, trust, justice and freedom in modern society?

The solution of the above issues requires an interdisciplinary approach, combining the efforts of philosophers, lawyers, political scientists, sociologists, economists and other specialists. The monograph edited by Professor V.P. Salnikov represents an important step towards the formation of a sovereign philosophy of Russian law [20; 33; 35; 36; 37; 38, pp. 21–55], offering readers a deep and comprehensive analysis of the fundamental values underlying the legal system and society as a whole.

The content of the monograph consists of several chapters, each of which is devoted to a separate aspect of the study of absolute categories in law.

Thus, in the first part of the work, the authors turn to the origins of philosophical and legal thought, analyzing the concepts of good, trust, justice and freedom in ancient philosophy of law.

The authors turn to the works of philosophers of the past, such as Socrates, Plato and Aristotle, analyzing their ideas about justice, goodness and freedom, which allows us to identify the genesis of these categories, trace their evolution and transformation under the influence of various philosophical schools and teachings.

Particular attention is paid to the analysis of the views of Plato and Aristotle, who laid the foundations of the classical philosophical and legal tradition. Their understanding of justice as the basis of the state and law, the relationship between natural and positive law, and the role of law in ensuring public order and harmony are analyzed.

In subsequent chapters of the monograph, the authors move on to an analysis of modern concepts of good, trust, justice and freedom in the context of the development of law and the state in historical periods, up to the modern interpretation. As a result of the study, the value of absolute categories in the Russian sovereign philosophy of law is emphasized.

The monograph also examines various approaches to understanding these values, their interrelation and influence on the formation of the legal system of Russia. Particular attention is paid to the analysis of modern problems, such as the relationship between the volume of rights and obligations, the role of the state in ensuring social justice, protecting human rights and freedoms in the context of globalization and the development of information technology.

The authors of the monograph strive not only for theoretical analysis, but also for identifying the practical significance of the categories under study for the development of law and society. The monograph shows how the understanding of good, trust, justice and freedom influences legislation, law enforcement and public consciousness, as well as legal thinking.

Particular attention is paid to the analysis of specific legal institutions and mechanisms aimed at ensuring these values in various spheres of public life.

An important aspect of the monograph is the analysis of the problem of justice in the context of modern social and economic realities [15, p. 181].

The monograph makes a definite contribution to the development of modern philosophical and legal thought, offering innovative approaches to the interpretation of the fundamental values on which law is based.

However, the authors do not limit themselves to just analyzing existing theories, but form their own concepts that take into account the specifics of the modern structure of the Russian state.

It is obvious that a deeper understanding of absolute principles in law will not only increase the general level of legal awareness in society, but will also help to overcome common problems, such as: the growth of offenses, the elimination of law enforcement errors and gaps in legislation, as well as the conflict of laws, which, in turn, will help to reduce the number of legal conflicts in various areas of public relations and strengthen the general level of legal order [22, p. 74].

The monograph "Goodness, Trust, Justice, Freedom in Philosophical and Legal Thought: Antiquity and Modernity" is a philosophical work that is relevant from the point of view of the realities of the modern state of the Russian state, useful for lawyers, economists, political scientists and other specialists interested in issues of law, morality and social justice in general.

The work under review not only allows one to delve into and understand the fundamental values that underlie the functioning of the legal system, but also inspires further research in this area.

For example, the study mentions the comprehend theory of knowledge of law, which states that law, depending on different approaches, can be distinguished by one or another facet, and the identification of such facets is not erroneous, since law is a complex, multifaceted social phenomenon. Hence, law must be viewed philosophically, stating the various properties of the object, their manifestations and contradictions [8; 10; 11; 32].

It can be noted that the conclusions of the monograph can be used both in the educational process and in scientific research in the field of philosophy of law, theory of state and law, as well as in related disciplines and areas of scientific knowledge.

This study also makes a certain contribution to the development of Russian sovereign philosophical and legal thought, opening up new horizons for further research into the problems of the relationship between law and morality, law and morality, and also contributes to the formation of a deeper and more comprehensive approach to the study of legal and ethical issues, which is extremely relevant in the conditions of modern society, when there is a certain decline in spiritual and moral values, which are being displaced by market relations and informatization.

Thus, it should be noted that the reviewed monograph not only enriches existing scientific knowledge, but also contributes to the formation of a more just and humane society based on the principles of goodness, trust, justice and freedom.

It appears that the work of the team of scientists from the St. Petersburg School of Law serves as a starting point for the development of a sovereign philosophy of law for the Russian Federation in modern conditions.

Bibliographic list

1. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 46. Art. 7977.

2. *Anishchenko V.N., Vyborny A.N., Khabibulin A.G.* Artificial intelligence in countering criminal threats to Russia's financial security (theory, methodology, practice). M.: Moscow State University. M.V. Lomonosov, Higher School of Public Audit, 2024. 376 p.

3. *Bastrykin A.I.* It is time to put up an effective barrier to the information war // Vlast. 2016. No. 15. April 18. P. 20.

4. Humanization of Criminal-Procedural Relations (Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases): Monograph / Under the general editorship of I.A. Antonov, V.P. Salnikov; Antonov I.A., Vanin D.V., Vorobyov A.O.,

Geldibaev M.Kh., Evstratova Yu.A., Zakhartsev S.I., Ivanov I.I., Kiyko A.Yu., Kondrat I.N., Medvedev A.A., Novozhilov S.A., Petrov P.A., Pirogovsky I.G., Prokofieva S.M., Salnikov V.P., Salnikov M.V., Salnikov S.P., Semenova I.V., Utyuganov A.A., Khabibulin A.G. SPb.: St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, University Foundation, 2024. 275 p. ISBN 978–5-6048831–8-1.

5. *Gutman M.Yu., Ismagilov R.F., Komarov S.A., Sovetov D.I.* Foundations of Being and the Absolute in Modern Philosophy of Law // Theory of State and Law. 2024. No. 3. P. 298–311.

6. *Deryugin A.A., Avramov S.O.* Traditional spiritual and moral values and guidelines – the core of Russian statehood against the background of modern threats // Protection of statehood: historical heritage and modern challenges: Materials of the International scientific and practical conference / Under the scientific editorship of V.P. Salnikov. St. Petersburg: Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation, 2025. Pp. 42–47. In the book 135 p.

7. Goodness, trust, justice, freedom in philosophical and legal thought: antiquity and modernity: monograph / E.V. Vinogradova, A.O. Vorobyov, I.N. Gribov [et al.]; under the general editorship of Doctor of Law, Professor V.P. Salnikov. 2nd ed., corrected. and additional. Moscow: INFRA-M, 2025. (Scientific Thought). DOI 10.12737/2151906.

8. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Meet the comprehend theory of law // Library of the criminalist. Scientific journal. 2016. No. 5 (28). P. 375–379.

9. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Information space as a new global threat to humanity and its rights: philosophical and legal approaches // Legal field of modern economy. 2015. No. 8. P. 11–19.

10. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* On misconceptions in understanding the law and the importance of the comprehend approach for its cognition // Legal field of modern economics. 2016. No. 5. P. 83–88.

11. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Reflecting on the Essence of Law: Comprehendive Approach // Legal State: Theory and Practice. 2017. No. 1(47). P. 13–30.

12. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Robot judge in criminal proceedings: good or bad? // Legal science: history and modernity. 2018. No. 7. P. 176–180.

13. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P., Salnikov M.V.* The Problem of Truth in Law and Legal Sciences // Legal Science: History and Modernity. 2016. No. 3. P. 191–196.

14. *Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P.* Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the Question of Speculative-Logical Foundations of the Sovereign Metaphysics of Law. – 2nd ed., corrected and enlarged. M.: Norma: INFRA-M, 2024. 376 p. DOI 10.12737/2134199.

15. *Zoir D.M., Sodiki N.N., Sovetov D.I.* Review of the book by Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P. The Idea of Good in the Works of F.M. Dostoevsky and its Influence on the Development of the Philosophy of Law (on the 200th Anniversary of F.M. Dostoevsky) // Bulletin of the Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A. Bahovaddinov of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan. 2023. No. 2. P. 179–183.

16. *Ignatyeva S.V., Kuznetsov E.V., Sovetov D.I.* Philosophical views and contribution of F.M. Dostoevsky to the development of political and legal thought in Russia: past and present // Legal science: history and modernity. 2022. No. 5. P. 188–195.

17. The Idea of Freedom. Law. Morality (Classical and Postclassical Philosophy of Law): Monograph / Edited by Dr. of Law S.I. Zakhartsev; I.A. Ananskikh, I.N. Gribov, S.I. Zakhartsev, N.V. Zorina, I.R. Ismagilov, O.A. Lezhneva, S.F. Mazurin, B.V. Makov, D.V. Maslennikov, A.K. Mirzoev, P.A. Petrov, E.A. Polivko, K.G. Prokofiev, O.V. Pyleva, V.P. Salnikov, M.V. Salnikov, F.O. Chudin-Kurgan. M.: Yurlitinform, 2020. 288 p.

18. *Ilnitsky A.S.* Counteracting criminal ideology on the Internet: Diss.... Cand. of Law. Sciences. Krasnodar, 2022. 213 p.

19. *Ismagilov R.F., Romanovskaya V.B., Salnikov S.P.* Civil society in modern Russia: some problems of formation // The world of politics and sociology. 2014. No. 10. P. 11–22.

20. *Ismagilov R.F., Salnikov V.P.* Philosophy of F.M. Dostoevsky as a source of sovereign Russian philosophy of law // Human rights in the dialogue between state authorities and civil society: Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to Human Rights Day (Ufa, December 10, 2020). In 2 parts. Part 1 / Ed. E.O. Tulupova. Ufa: RIC BashSU, 2020. Ufa, 2020. Pp. 83–92. In the book 243 p.

21. *Kiiko A.Yu.* State sovereignty of Russia as a spiritual and moral value // Protection of statehood: historical heritage and modern challenges: Proceedings of the International scientific and practical conference / Under the scientific editorship of V.P. Salnikov. St. Petersburg: Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation, 2025. Pp. 19–21. In the book 135 p.

22. *Kondrat I. N., Prokofiev K. G., Sovetov D. I.* The essence of law and the doctrinal legitimacy of the normative approach to understanding the functions of law. Review article on a collection of articles dedicated to

the 100th anniversary of the birth of Professor M. I. Baitin // Legal Science: History and Modernity. 2023. No. 7. P. 72–82.

23. *Lopatin V.N.* On the information war-2022 and priority legal measures to limit it // Information law. 2022. No. 1. P. 48–56.

24. *Makov B.V., Bykov K.V.* Principles of interaction between civil society, the state and law enforcement agencies as an element of the national idea // Ideology, spiritual values and problems of preserving the cultural heritage of Russia: Collection of articles / Under the scientific ed. E.P. Borzova. St. Petersburg Institute of Art and Restoration SPb.: SPbKO, 2019. Pp. 62–67. In the book 170 p.

25. *Mursalimov K.R., Khabibulin A.G., Mitskaya E.V.* Some problems of formation and implementation of legal policy in Russia // Theory of state and law. 2024. No. 2. P. 152–161.

26. *Patrushev N.P.* Does Russia need "universal" values? // Rossiyskaya Gazeta. 2020. June 17.

27. Patrushev: the foundation of Russian society is the system of traditional values // https:// rossaprimavera.ru/news/90f07c2

28. Putin called the protection of traditional values the most important condition of sovereignty // https://tass.ru/politika/20632937

29. Putin called traditional values the foundation of Russian existence // Vedomosti. 2024. March 6.

30. *Romanovskaya V.B., Salnikov V.P.* Search for a national idea in a multipolar world // Legal field of modern economy. 2015. No. 7. P. 44–50.

31. *Salnikov V.P.* Invisible invasion. Negative impact of information on human consciousness // Protection and security. 1999. No. 1. P. 26–27.

32. *Salnikov V.P., Zakhartsev S.I., Voronkov K.I.* Comprehendible concept of the subject composition of resocialization relations // Monitoring of law enforcement. 2022. No. 1. P. 29–38.

33. *Salnikov V.P., Ismagilov R.F., Prokofiev K.G.* Philosophical and theological prerequisites for the sovereignty of the philosophy of law of Russia: value and moral aspects // Theory of state and law. 2024. No. 2–1 (37). P. 186–195. DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2-1_37_186

34. *Salnikov V.P., Krizhanovskaya G.N., Krivonosova D.V.* Russian youth – the target of information terrorism. How to counter new forms of terrorist threat? // Information law. 2023. No. 1. P. 14–17.

35. *Salnikov V.P., Ismagilov R.F., Maslennikov D.V., Prokofiev K.G.* Theoretical and spiritual-moral prerequisites for the true sovereignty of the philosophy of law of Russia // Theory of State and Law. 2024. No. 3 (38). P. 196–211.

36. *Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Salnikov M.V.* Development of the idea of absolute freedom in classical Russian philosophy as a source of sovereign philosophy of law // Legal science: history and modernity. 2019. No. 12. P. 185–193.

37. *Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Prokofiev K.G., Morozov A.I.* The principle of sovereignty of state-legal ideology and philosophy of law // The world of politics and sociology. 2019. No. 9. P. 170–178.

38. Philosophical and legal knowledge: current problems: monograph / E.V. Vinogradova, A.O. Vorobyov, M.Yu. Gutman [et al.]; under the general editorship of Doctor of Law, Professor V.P. Salnikov. – 2nd ed., corrected. and additional. Moscow: INFRA-M, 2025. 418 p. (Scientific Thought). DOI: 10.12737/2152004

39. Digital Law: Textbook / Edited by Doctor of Law, Professor of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia E.L. Sidorenko. M.: Yurlitinform, 2024. 720 p.

40. *Yubin I.G.* Civil society, the rule of law and the socio-legal ideal in Russia // Ideology, spiritual values and problems of preserving the cultural heritage of Russia: Collection of articles / Under the scientific ed. E.P. Borzova. St. Petersburg Institute of Art and Restoration SPb.: SPbKO, 2019. Pp. 68–72. In the book 170 p.

For citation The Value of Absolute Categories in Russian Sovereign Philosophy of Law. (Review article on the monograph: "Good, Trust, Justice, Freedom in Philosophical and Legal Thought: Antiquity and Modernity: monograph / E.V. Vinogradova, A.O. Vorobyov, I.N. Gribov [et al.]; edited by Doctor of Law, Professor V.P. Salnikov. – 2nd ed., corrected and enlarged. – Moscow: INFRA-M, 2025. – 459 p.") // Theory of state and law. 2025. No. 2–1. P. 283–288.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_277

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_289

Н.А. Боброва *

РЕЦЕНЗИЯ НА СТАТЬЮ: ЭБЗЕЕВ Б.С. КОНСТИТУЦИЯ КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ КОНВЕРГЕНТНОЙ ТЕХНОЛОГИИ (К 30-ЛЕТИЮ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ)

Аннотация. *Анализируется юбилейная статья [6] яркого российского конституционалиста, члена Центральной избирательной комиссии РФ, судьи Конституционного Суда РФ в отставке, экс-Президента Карачаево-Черкесии Бориса Эбзеева, являющаяся плодом его многолетнего научного и практического опыта. Критикуются спорные положения названной статьи.*

Ключевые слова: *составители конституции, индивидуализм и коллективизм, частная собственность, либеральный и социальный конституционализм, патернализм и патриотизм.*

К 30-летию Конституции РФ было опубликовано несколько знаковых статей, среди которых особо следует отметить публикацию Б.С. Эбзеева. Во-первых, многие утверждения автора потребовали от него определенного гражданского и научного мужества, учитывая его высокую статусность в прошлом и настоящем. Во-вторых, статья воспринимается как итоговая и обобщающая, по крайней мере, для ее автора, являясь плодом его богатого научного и практического опыта. В-третьих, в силу остроты или, наоборот, идеологической приглаженности некоторых положений статья полемична. В-четвертых, экскурс в историю российского конституционализма, осуществленный автором статьи, содержит фигуры умолчания, характерные для многих конституционалистов, а потому типичные, чем и интересные в своих причинах. В-пятых, эта статья заслуживает не меньшего анализа, нежели монография.

Научный язык профессора Б.С. Эбзеева сочный и образный. Вот лишь некоторые термины из анализируемой статьи: «базовые смыслы цивилизации», «императивы эпохи», «семена разрушения и созидания», «государственное бытие народа», «конвергентный потенциал конституции», «моделирование конституцией нового типа социальности», «критериальная фундаментальность частной собственности», «крайности индивидуализма и коллективизма», «политическая буколика».

Некоторая замысловатость терминологии – вообще характерная черта научного стиля многих современных конституционалистов. Но не это главное.

Б.С. Эбзеев видит основной вопрос современного конституционализма во «взаимодействии коллективного и индивидуального в организации общества и социальной солидарности» [7, с. 21]. В самом деле, с конца 80-х гг. XX в. российский конституционализм претерпел два виража в соотношении индивидуального и коллективного: начиная с горбачевской «перестройки» начался резкий поворот от социалистического коллективизма к буржуазному индивидуализму, что и предопределило сущность ельцинской конституции; а сейчас на фоне банкротства либерализма наметился некоторый переход к коллективизму, усиленный конституционной реформой 2020 года и СВО.

По мнению Б.С. Эбзеева, «Конституция в своей сущности основывается на претерпевающем серьезные изменения естественном праве. В равной мере основанием Конституции является философский позитивизм» [7, с. 21]. Уж до чего составителям конституции не было дела, так это до философии.

* **Боброва Наталья Алексеевна,** профессор департамента публичного права Тольяттинского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации. E-mail: bobrovana@mail.ru

Если Конституция в своей сущности опирается на нечто зыбкое (претерпевающее серьезные изменения), то и сама сущность предстает как нечто зыбкое. А ведь естественное право, под которым можно понимать фактически складывающиеся социальные нормативы как наиболее часто встречающийся вариант, действительно есть очень зыбкая материя, чтобы быть сущностной основой Конституции. Можно ли вообще опираться на то, что зыбко и нестабильно? Социальный хаос, мошенническая приватизация, бандитские порядки, бессилие государства перед беспределом мафиози 90-х – всё это тоже было «естественным» для названного периода.

По сути, ничего естественнее и вульгарнее в смысле своей простоты (vulgaris – простой), чем хватательный рефлекс и право частной собственности, нет. А именно частная собственность явилась сущностью Конституции 1993 г.

Однажды в передаче «Воскресный вечер с Соловьёвым» Владимир Рудольфович рассказал, как допытывался у С.М. Шахрая об авторстве части 2 ст. 8 и части 2 ст. 9 Конституции, в которых частная собственность поставлена впереди государственной, а в частной собственности могут быть и земля, и недра со всеми полезными ископаемыми, в т. ч. углеводородами – нефтью и газом, и леса, и водоемы, и другие объекты. По словам С.Р. Соловьева, «автор Конституции» отказался от авторства этих статей. На конференции, состоявшейся 25 апреля 2023 г. в МГЮА им. О.Е. Кутафина, автор этих строк задала тот же вопрос О.Г. Румянцеву. Ответа также не прозвучало.

И вот находим ответ у Б.С. Эбзеева: «На взгляд составителей проекта, цель Основного Закона – …гарантировать критериальную фундаментальность частной собственности и “свободный” рынок, которые сами по себе обеспечат развитие культуры и прогресса общества». Спустя годы С.С. Алексеев рассказал: «В конституционном совещании мы с Вл. Шумейко возглавляли палату предпринимателей. Среди членов – Хакамада, Бондукидзе. Мы записали, что частная собственность есть неотъемлемое право человека, основа всех его прав и свобод». Этим определялась сущность будущей Конституции и учреждаемого ею государства, свободного от социальных обязательств перед обществом… Огромный пласт отечественной истории и социальные достижения великого государства приносились в жертву мировоззренческим представлениям составителей проекта Конституции» [7, с. 27].

Подобные фразы в устах статусного ученого дорогого стоят, ибо они требуют научного и гражданского мужества, равно как и упоминание им следующей цитаты из публикаций корифея С.С. Алексеева, который писал, что президентский проект «в противовес официальному просоветскому варианту (…) стал своего рода идейной платформой в борьбе с коммуно-советской идеологией» [1, с. 89]. Хорошо, что С.С. Алексеев, находясь в президентском стане, не употребил термин «красно-коричневые», пропагандируемый в те годы. Но и без этого термина оторопь берет от того, что это говорит один из столпов свердловской школы советской юриспруденции.

Термин «социальное» отождествлялся с подвергшимся обструкции термином «патернализм», преподносившимся в качестве идеологии лентяев, рассчитывающих на помощь государства, а патриотизм – как «последнее прибежище негодяев». Этот вульгаризм до неузнаваемости исказил мысль о том, что даже у самого последнего негодяя, у которого ничего святого не осталось, теплится в душе нечто светлое, имя чему любовь к Родине. Остается лишь удивляться тому, с помощью какой идеологической алхимии можно было из этой светлой мысли получить ядовитый субстрат в виде «последнего прибежища негодяя». Вот так же был оболган парламентский проект конституции, неприемлемый для Ельцина и Ко. На самом же деле в официальном проекте Конституции, подготовленном Конституционной комиссией, не было ничего «коммуно-советского» [7, с. 28]. Как сетовал О.Г. Румянцев, «таковыми были объявлены социально-экономические права граждан и социальное государство» [4].

Историческое бытие нашего народа всегда развивалось в форме существования государства [5, с. 8]. И когда оно ослабевало, ослабевала и защита прав граждан. Б.С. Эбзеев подчеркивает: «Вне государства как главного фактора развития экономики, культуры и соци-

альной сферы мы рисковали стать народом без прошлого, лишенным истории и духовной связи с поколениями своих предков, жалким настоящим и беспросветным будущим» [7, с. 28]. Он констатирует, что в Конституции «не были определены ни вектор социально-экономического, политического и культурного развития России, ни баланс исполнительной и законодательной власти» [7, с. 28].

После его справедливых характеристик Конституции противоречиво воспринимается вывод о том, что историческая заслуга Конституционного совещания заключалась «в адаптации проекта Конституции… к потребностям России, социокультурному опыту народа и его запросам» [7, с. 28]. Но кто эти потребности России и запросы народа определял? В полной мере были учтены исключительно потребности власти, точнее, команды Ельцина, и Совещанию ничего не оставалось, как согласиться с концепцией «сильного президента».

Не бесспорной представляется фраза о выборе Россией в начале 1990-х годов «иного цивилизационного пути» [7, с. 22]. Это выбор не России, а ее предательского руководства. Народ России никто по поводу цивилизационного пути не спрашивал и референдума не проводил. Референдум же, проведенный 25 апреля 1993 г., был пародией на референдум, итоги которого якобы одобрили ельцинский курс. Демократия и свобода – лозунги, написанные на боку троянского коня перестройки, были своеобразными Котом Базилио и Лисой Алисой ельцинских реформ, а народ оказался в роли Буратино.

Переживания Б.С. Эбзеева как человека, рожденного в Советском Союзе, невольно прорываются во фразе, в которой Борис Сафарович пишет об СССР как о живом существе: «Союза ССР не стало за два года до принятия действующей Конституции России. (…) Смертный приговор Союзу ССР был вынесен принятием 12 июня 1990 г. Декларации о государственном суверенитете РСФСР. Заложенная в этом акте имманентная логика разрушения СССР привела лидеров России, Белоруссии и Украины к подписанию 8 декабря Беловежского соглашения. (…) Вместе с Союзом ССР рухнул миропорядок, сложившийся после Второй мировой войны, за который советский народ заплатил жизнями 27 млн. человек» [7, с. 26].

Соглашение начиналось фразой «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование», а заканчивалось словами «Совершено в городе Минске 8 декабря 1991 г. …» [2, с. 477–480]. Внимание: не подписано, а совершено. Преступление.

По сути, оговоркой по Фрейду является фраза о том, что «Конституция 1993 года своим регулятивным воздействием покрывала (выделено нами – Н.Б.) не только организацию государства и функционирование публичной власти, но и устанавливала основные начала социальной организации России» [7, с. 26]. Обычно покрывают преступления. И оно состояло в мошеннической приватизации и в беспрецедентном разграблении государственной собственности, созданной тяжким трудом советского народа. Конституция была предназначена главным образом для легализации актов приватизации, которая проходила по «указному праву» с января 1992 г. Приватизация и есть «цивилизационный выбор».

Трудно согласиться с Б.С. Эбзеевым в том, что «теория классовой борьбы естественному праву в правопорядке России места не оставила» [7, с. 26]. Его фраза о том, что «государство поглотило общество» (применительно к СССР), будто из начала 90-х годов выплыла. Но тут же Б.С. Эбзеев отмечает, что «в такой концентрации власти не было политической патологии» [7, с. 26]. Он прав, когда пишет о том, что «Россия в очередной раз приняла на себя мужественное лидерство в противостоянии попыткам навязать странам и народам лжегуманистические образцы развития, которые на деле грубо попирают права народов и оборачиваются варварством и большой кровью» [7, с. 23]. Остается лишь добавить, что варварство и большая кровь, национальные взрывы и горячие точки 90-х, ликвидация СССР – это последствия «цивилизационного выбора» руководства, но не народа.

Борис Сафарович описывает этот период емкими формулировками: «Посеянные в обществе ожидания будущего процветания, стоило только отказаться от социализма и разрушить “империю”, атмосфера государственного нигилизма, старательно насаждавшаяся невесть откуда взявшимися сладкоречивыми витиями, захватившими средства массовой

информации, бесталанность собственного руководства, жадность, подлость и предательство управленческой элиты и повторяющееся из эпохи в эпоху самоотчуждение интеллигенции погубили Великое государство» [7, с. 26]. Далее он напоминает, в каком глубоком кризисе оказалась в результате этих событий Россия: «То, что в устах политиков и работах многих людей науки представлялось верхом демократии и истинным выражением народовластия…, на деле оказалось миражом». Миражом! Лучше не скажешь.

Б.С. Эбзеев правильно пишет о начавшейся «разнузданной анархии в политической сфере, разнузданной преступности и хищническом разграблении немногими публичной собственности (…)». И вдруг – неожиданный вывод: «От хаотического распада Россию спасла Конституция».

Но разве хищническое разграбление народного достояния после принятия Конституции прекратились? Нет. Все это продолжалось в еще больших масштабах, но уже без возмущений представительной власти, которая по ельцинской Конституции была слабой, зависимой от президентской и исполнительной власти. Проект конституции критиковался многими учеными за то, что конституция, написанная «под Ельцина и Семью», предоставила ему такие полномочия, каких не имел даже Николай II после революции 1905 г.

Конституция 1993 года писалась под контролем американских экспертов. Об этом как о великом достоинстве говорил Ельцин в докладе о проекте конституции [3].

Б.С. Эбзеев обошел фигурой умолчания антиконституционный Указ Б.Н. Ельцина от 21 сентября 1993 г. № 1400 и расстрел Дома Советов 4 октября 1993 г., что и создало ту конкретно-историческую обстановку, в которой создавалась Конституция 1993 г. После этих событий народная представительная власть была низвержена, распускались советы, исполнительная власть торжествовала.

Историческая миссия Конституции нам видится не в том, в чем ее видят «конституционные романтики», а в легализации занимавшейся обогащением команды Ельцина и в устранении препятствий на этом пути – призывающего к ответственности Верховного Совета и вообще всей советской власти, а также Конституционного Суда РФ, посмевшего признать неконституционность Указа № 1400. Б.Н. Эбзеев, будучи в то время сам конституционным судьей, обошел молчанием то обстоятельство, что КС не работал длительное время даже после принятия Конституции, потому что это было «наказание», с облегчением воспринятое «наказанными», ибо КС вполне мог быть распущен.

Прав Б.С. Эбзеев в том, что монархия в 1917 г. «рухнула, как только оказалась подорвана ее основа – народная вера в патриархальную власть царя» [7, с. 25]. Эта народная вера действительно была стержнем царизма и империи, равно как в советский период таким стержнем была КПСС, а ныне – лидер России В.В. Путин. Выдернули из хребта СССР компартию – и препятствий к разрушению великой державы не осталось.

Б.С. Эбзеев пишет о том, что принятая в январе 1918 г. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа «знаменовала пришествие эпохи социоцентризма» [7, с. 25]. Правда, таких терминов эпохи современного «демократического новояза» тогда не существовало. Зато первая советская Конституция 1918 г. и Конституция СССР 1924 г. оказали огромное влияние на весь мир в направлении его социализации.

По мнению Б.С. Эбзеева, «классовая дифференциация уступает место профессиональной, а противоречие между трудом и капиталом … уходит в прошлое» [7, с. 25]. Между тем, далее он пишет о медленном становлении среднего класса [7, с. 25]. Так есть классы или нет их? На наш взгляд, если назвать большие группы людей, отличающиеся по их месту по отношению к средствам производства (классическое определение классов) не классами, а «политической и экономической элитой» и «наемными работниками», как это делает Б.С. Эбзеев, то классы от этого не исчезают, равно как и противоречия между ними. Чуть позже Б.С. Эбзеев снова пишет о том, что классовая сущность конституций, опирающаяся в своем определении на известные формулы Ф. Лассаля и В.И. Ленина, «осталась в прошлом вместе с основным противоречием капитализма между трудом и капиталом и соответствующей социальной структурой общества» [7, с. 33].

Между тем, классовая характеристика конституций далеко не в прошлом. И она по-прежнему актуальна, ибо в любом государственно организованном обществе существуют классы, да и само государство «возникло там, тогда и постольку, где, когда и поскольку возникли классы (…) Государство возникает как стоящая над ними особая публичная власть, чтобы классы не сожрали друг друга в бесплодной классовой борьбе» [8, с. 108].

На наш взгляд, противоречие между трудом и капиталом также не ушло в прошлое: оно просто облекается в новые формы, предстаёт в новых социальных, технологических и информационных одеждах, более изощренных и задрапированных, но ничуть не уничтожающих сути противоречия между трудом и капиталом.

Б.С. Эбзеев сравнил французскую Декларацию прав человека и гражданина 1789 г. и ленинскую Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа 1918 г., в которых были даны диаметрально противоположные ответы на основной вопрос конституционализма – о взаимоотношениях личности и общества, гражданина и государства, соотношении индивидуального интереса и общего блага: в первой Декларации был конституирован воинствующий индивидуализм, в советской же Декларации – «суровый, не знающий возражений и не терпящий возражений коллективизм» [7, с. 27].

Б.С. Эбзеев первый осмелился назвать ученых, именующих себя авторами Конституции, ее составителями, «как бы они ни были талантливы, если следовать иерархической шкале справедливости» [7, с. 27]. Он напоминает, что «проекту Алексеева-Шахрая предшествовал проект Российского движения демократических реформ, подготовленный С.С. Алексеевым и А.А. Собчаком в начале 1992 года. Вместе с тем, Борис Сафарович почему-то не упомянул Декларацию прав человека и гражданина СССР, принятую в октябре 1991 г., и Декларацию прав человека и гражданина РСФСР, принятую 22 ноября 1991 г. Текст этих деклараций составил содержание главы 2 Конституции РФ 1993 г.

Не упомянут и парламентский проект конституции, подготовленный Конституционной комиссией под руководством О.Г. Румянцева, работавшей с июня 1990 года по сентябрь 1993 года, когда этот проект был отодвинут в сторону (хотя юридически председателем Конституционной комиссии был Ельцин, а О.Г. Румянцев был ее ответственным секретарем – очередной парадокс российской истории).

Не упомянуты в анализируемой статье Б.С. Эбзеева и те поправки, которые были внесены в Конституцию РСФСР (РФ) за период с июня 1990-го по 1993 год: Конституция РСФСР 1978 г. была уже совсем не «брежневской», каковой её продолжали называть. Властолюбию Ельцина сначала мешал Горбачев, для чего потребовалось ослабить Советский Союз принятием Декларации о суверенитете РСФСР. В результате началась «война законов», когда прокуроры не знали, какой же закон им применять – российский или союзный. Параллельно своими четырьмя указами 1991 года президент Ельцин расправлялся с другой преградой своего всевластия – КПСС и КПРФ, благо, сам Горбачев всемерно поспособствовал ослаблению КПСС как стержня СССР введением многопартийности по совету члена Политбюро ЦК КПСС Александра Яковлева (как впоследствии стало известно, член Политбюро Александр Яковлев был продажным иноагентом, который и сам в 2001 году признавал: «Нам пришлось частично лгать, лукавить и лицемерить. Другого пути не было, чтобы победить коммунистическую идеологию» (цит. по: «Бесогон» Никиты Михалкова от 27.05.2024 г.)).

Для борьбы с КПСС и КПРФ был изобретен термин «красно-коричневые», наступил период «антипартийного синдрома», когда слово «коммунист» воспринималось чуть ли не как «прокаженный». Затем потребовалось уничтожить последнюю преграду на пути всевластия Ельцина – советскую власть, советы и всю советскую представительную систему, заменив ее буржуазным парламентаризмом.

Все поправки, которые были внесены в Конституцию РСФСР (РФ) на Съездах народных депутатов РСФСР (РФ), практически уже изменили сущность конституционализма с социалистического на буржуазный, был введен и институт президентуры с должностью вице-президента (которая в проекте конституции 1993 года отсутствовала в связи с конституционным страхом повторения «синдрома Руцкого»).

Новая Конституция понадобилась ельцинской власти для ослабления последней «преграды» – советов и советской власти, для чего и был сначала принят Указ Президента РФ № 1400, а затем 4 октября 1993 г. расстрелян Дом Советов. Без упоминания этого обстоятельства не может быть объективного анализа условий, в которых принималась ельцинская конституция и которые предопределили ее сущность, ведь конституции пишут победители. Конституция закрепляет то соотношение политических сил, которое сложилось на момент ее принятия.

Все эти обстоятельства остались за рамками статьи Б.С. Эбзеева, да и не только его, а многих авторов, стесняющихся затрагивать эту тему.

С одной стороны, Б.С. Эбзеев прав в том, что Основной Закон 1993 г. «прервал прежнюю традицию конституционной организации страны» [7, с. 29]. А с другой стороны, изменения, внесенные в Конституцию РСФСР 1978 г., а – главное! – Указ № 1400 уже изменили прежнюю конституционную организацию страны, и Конституция 1993 года была в определенной мере логическим продолжением этих изменений.

Б.С. Эбзеев совершенно правильно констатирует: «Для проведения, как оказалось, губительных реформ режим нуждался в сосредоточении власти в руках главы государства, способного действовать без оглядки на парламент. В связи с этим С.С. Алексееву и С.М. Шахраю было поручено подготовить проект Конституции, который получил название «президентского». Как раз этим, а не идеалами «чистой науки» или мечтой о «конституции человека» продиктовано содержание подготовленного ими проекта, удовлетворившего заказчика. Проекта, соответствующего представлениям классического конституционализма прошлого, в силу этого не лишенного органических и функциональных пороков, усугубляемых … поразившим Россию системным кризисом, либо личными взглядами составителей проекта и работавших вместе с ними экспертов и их односторонними политическими пристрастиями» [7, с. 27]. Браво!

И далее: «Сформулированный ими образ будущего … устроения России не соответствовал ни опыту глубоких социальных реформ в Европе, ни ментальным ожиданиям нашего народа и его культурно-генетическому коду. Коллективизм как основа принципа общего блага был подвергнут поруганию» [7, с. 27]. К этим словам ничего ни прибавить – ни убавить.

Б.С. Эбзеев пишет о том, что «мы привыкли судить о прошлом, не задумываясь о том, насколько наши сегодняшние представления соответствуют реалиям той эпохи». Это так, но сразу после опубликования проекта конституции было немало его критиков, к каковым принадлежала и автор этих строк. И нам сейчас не в чем оправдываться, как это приходится делать тем, кто такую конституцию разрабатывал и безоговорочно приветствовал.

Трудно согласиться с Б.С. Эбзеевым в том, что советский социализм «не мог создать предпосылок высокого уровня медицинского обслуживания, увеличения продолжительности жизни, роста индивидуального потребления и социальной защиты» [7, с. 33]. Вряд ли с данным тезисом согласилось бы подавляющее большинство граждан, помнящих путевки в санаторий за 5–10% от их стоимости (с полным комплектом бесплатных процедур), бесплатную стоматологию и прочие блага социализма, о которых большинство населения тоскует по принципу «что имеем – не храним, потерявши – плачем».

Доминирующей тенденцией эпохи конца 80-х–начала 90-х годов была философия свободы: «Меньше государства – больше свободы», с одной стороны, и обширные социальные ожидания – с другой, которые демократия в принципе не в состоянии удовлетворить» [7, с. 33].

Б.С. Эбзеев приходит к выводу, согласно которому «Конституция отвергла агрессивный индивидуализм, не облагороженный культурой и традицией… Само закрепление принципа социального государства означало установление синтетической модели организации социума» [7, с. 33]. Как бы ни хотелось верить этому благостному выводу, но фактом является катастрофическое положение народа в 90-х годах в условиях ничем не облагороженного вульгарного рынка и, по сути, бандитского капитализма.

В этом контексте сомнителен вывод, согласно которому «был положен конец великому социальному эксперименту, начатому Революцией 1917 г., а страна возвратилась на дорогу естественно-исторического эволюционного развития» [7, с. 33]. А китайский, северокорейский или кубинский путь? Они исключение из естественно-исторического развития?

Разве то, что творилось в 90-х годах, было естественным? И что вообще есть естественное право? Сам Б.С. Эбзеев цитирует статью А.И. Солженицына, ужаснувшегося тому, что он увидел в перестроечной России, когда либеральная свобода обернулась вседозволенностью: «Свобода хватать и насыщаться есть и у животных. Человеческая же свобода включает добровольное ограничение в пользу других. Наши обязательства всегда должны превышать предоставленную нам свободу» [6]. Но ограничения всегда связаны с позитивным правом, а позитивное право – это инструмент государства, ведь «именно государство, а не рынок всегда выступало главным движителем культуры и прогресса» [7, с. 35]. И горе тому народу, во главе государства которого вдруг оказываются слабые лидеры или предатели, как это случилось в нашей стране в конце XX в.

Б.С. Эбзеев заканчивает статью так: «Конституция выдержала испытание временем. Вопрос в том, насколько успешно выдержим испытание Конституцией мы?» [7, с. 36].

Получается, Конституция 1993 года – это испытание для народа, которое народ должен терпеть, ибо другой конституции нет.

Библиографический список

1. *Алексеев С.С.* Уроки: тяжкий путь России и к праву // С.С. Алексеев. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 4: сочинения 1990–2009 годов. – М: Статут, 2010. – 542 с.

2. Государство Российское: власть и общество: Сб. документов. – М.: Московский ун-т, 1996. – 526 с.

3. *Ельцин Б.Н.* О проекте новой Конституции // Российская газета. – 1993. – 10 ноября.

4. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): в 6 т. / под общ. ред. О.Г. Румянцева. – М.: Волтерс Клувер, 2007–2008.

5. *Савенков А.Н., Жуков В.Н.* Русская идея в философии права // Государство и право. – 2023. – № 6. – С. 3–12.

6. *Солженицын А.* Как нам обустроить Россию? Посильные соображения // Литературная газета. – 1990. – № 38.

7. *Эбзеев Б.С.* Конституция как юридическая модель социальной конвергентной технологии (к 30-летию Конституции России) // Государство и право. – 2023. – № 12. – С. 21–39.

8. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 21. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961.

Для цитирования: *Боброва Н.А.* Рецензия на статью: Эбзеев Б.С. Конституция как юридическая модель социальной конвергентной технологии (к 30-летию Конституции России) // Теория государства и права. – 2025. – № 2-1. – С. 289–295.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_289

ARTICLE REVIEW: EBZEEV B.S. THE CONSTITUTION AS A LEGAL MODEL OF SOCIAL CONVERGENT TECHNOLOGY (ON THE 30TH ANNIVERSARY OF THE CONSTITUTION OF RUSSIA)

N.A. Bobrova*

Annotation*. The article analyzes the jubilee article [6] by Boris Ebzeev, a prominent Russian constitutionalist, member of the Central Election Commission of the Russian Federation, retired judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, ex-President of Karachay-Cherkessia, which is the fruit of his many years of scientific and practical experience. The controversial provisions of this article are criticized.*

Key words: *drafters of the constitution, individualism and collectivism, private property, liberal and social constitutionalism, paternalism and patriotism.*

* **Natalia A. Bobrova**, Professor of the Department of Public Law at Tolyatti State University, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation. E-mail: bobrovana@mail.ru

By the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation, several landmark articles were published, among which the publication of B.S. Ebzeev should be especially noted. Firstly, many of the author's statements required a certain civic and scientific courage from him, given his high status in the past and present. Secondly, the article is perceived as summary and generalizing, at least for its author, being the fruit of his rich scientific and practical experience. Thirdly, due to the severity or, conversely, the ideological smoothness of some provisions, the article is polemical. Fourthly, the excursion into the history of Russian constitutionalism, carried out by the author of the article, contains figures of silence characteristic of many constitutionalists, and therefore typical, which is interesting in its reasons. Fifth, this article deserves no less analysis than the monograph.

The scientific language of Professor B.S. Ebzeev is juicy and imaginative. Here are just some terms from the analyzed article: "basic meanings of civilization", "imperatives of the epoch", "seeds of destruction and creation", "state existence of the people", "convergent potential of the constitution", "modeling of a new type of sociality by the constitution", "critical fundamentality of private property", "extremes of individualism and collectivism", "political bucolic".

Some intricacy of terminology is generally a characteristic feature of the scientific style of many modern constitutionalists. But that's not the main thing.

B.S. Ebzeev sees the main issue of modern constitutionalism in "the interaction of collective and individual in the organization of society and social solidarity" [7, p. 21]. Indeed, since the late 80s of the twentieth century, Russian constitutionalism has undergone two turns in the ratio of individual and collective: starting with Gorbachev's "perestroika", a sharp turn from socialist collectivism to bourgeois individualism began, which predetermined the essence of the Yeltsin constitution.; and now, against the background of the bankruptcy of liberalism, there has been some transition to collectivism, reinforced by the constitutional reform of 2020 and its

According to B.S. Ebzeev, "The Constitution in its essence is based on the natural law, which is undergoing serious changes. Equally, the basis of the Constitution is philosophical positivism" [7, p. 21]. What the drafters of the constitution didn't care about was philosophy.

If the Constitution in its essence is based on something shaky (undergoing major changes), then the essence itself appears as something shaky. But natural law, which can be understood as actually developing social norms as the most common variant, is indeed a very shaky matter in order to be the essential basis of the Constitution. Is it even possible to rely on something that is shaky and unstable? Social chaos, fraudulent privatization, bandit orders, the impotence of the state in the face of the lawlessness of the mafia of the 90s – all this was also "natural" for this period.

In fact, there is nothing more natural and vulgar in the sense of its simplicity (vulgaris – simple) than a grasping reflex and the right to private property. Namely, private property was the essence of the 1993 Constitution.

Once, in the program "Sunday Evening with Solovyov," Vladimir Rudolfovich told how he questioned S.M. Shakhray about the authorship of part 2 of art. 8 and part 2 of art. 9 of the Constitution, in which private property is placed ahead of the state, and private property may include land and subsoil with all minerals, including hydrocarbons – oil and gas, forests, reservoirs, and other facilities. According to S.R. Solovyov, the "author of the Constitution" renounced the authorship of these articles. At a conference held on April 25, 2023 at the Kutafin Moscow State Law University, the author of these lines asked the same question. Rumyantsev. There was also no response.

And here we find the answer from B.S. Ebzeev.: "In the opinion of the drafters of the draft, the purpose of the Basic Law is ... to guarantee the fundamental nature of private property and a 'free' market, which in themselves will ensure the development of culture and the progress of society." Years later, S.S. Alekseev said: "At the constitutional conference, V. Shumeiko and I headed the Chamber of Entrepreneurs. Among the members are Khakamada, Bondukidze. We have written down that private property is an inalienable human right, the basis of all his rights and freedoms." This determined the essence of the future Constitution and the state it established, free from social obligations to society... A huge layer of national history and the social achievements of the great state were sacrificed to the ideological ideas of the drafters of the draft Constitution" [7, p. 27].

Such phrases are expensive in the mouth of a high-status scientist, because they require scientific and civic courage, as well as his mention of the following quote from the publications of the luminary S.S. Alekseev, who wrote that the presidential project "as opposed to the official pro-Soviet version (...) has become a kind of ideological platform in the fight against communist-Soviet ideology" [1, p. 89]. It is good that S.S. Alekseev, being in the presidential camp, did not use the term "red-brown", which was promoted in those years. But even without this term, one is taken aback by the fact that this is said by one of the pillars of the Sverdlovsk school of Soviet jurisprudence.

The term "social" was identified with the obstructed term "paternalism", which was presented as the ideology of lazy people counting on the help of the state, and patriotism as the "last refuge of scoundrels." This vulgarity has distorted beyond recognition the idea that even the last scoundrel, who has nothing sacred left, has something bright in his soul, the name of which is love for the Motherland. One can only wonder with what ideological alchemy it was possible to obtain a poisonous substrate from this bright thought in the form of "the last refuge of a scoundrel." That's how the parliamentary draft of the constitution was defamed, unacceptable to Yeltsin and Co. In fact, there was nothing "communo-Soviet" in the official draft of the Constitution prepared by the Constitutional Commission [7, p. 28]. As O.G. Rumyantsev complained, "the socio-economic rights of citizens and the welfare state were declared such" [4].

The historical existence of our people has always developed in the form of the existence of the state [5, p. 8]. And when it weakened, so did the protection of citizens' rights. B.S. Ebzeev emphasizes: "Outside the state as the main factor in the development of the economy, culture and social sphere, we risked becoming a people without a past, devoid of history and spiritual connection with the generations of their ancestors, a miserable present and a hopeless future" [7, p. 28]. He states that the Constitution "did not define either the vector of socio-economic, political and cultural development of Russia, or the balance of executive and legislative power" [7, p. 28].

After its fair characteristics of the Constitution, the conclusion that the historical merit of the Constitutional Conference was "to adapt the draft Constitution ... to the needs of Russia, the socio-cultural experience of the people and their requests" is contradictory [7, p. 28]. But who determined these needs of Russia and the demands of the people? The needs of the government, or rather, Yeltsin's team, were fully taken into account, and the Meeting had no choice but to agree with the concept of a "strong president."

The phrase about Russia's choice of a "different civilizational path" in the early 1990s is not indisputable [7, p. 22]. This is not Russia's choice, but that of its treacherous leadership. No one asked the people of Russia about the civilizational path and did not hold a referendum. The referendum held on April 25, 1993, was a parody of the referendum, the results of which allegedly approved Yeltsin's course. Democracy and freedom – the slogans written on the side of the Trojan horse of perestroika were a kind of Basilio the Cat and Alice the Fox of Yeltsin's reforms, and the people turned out to be Pinocchio.

B.S. Ebzeev's experiences as a man born in the Soviet Union involuntarily break through in a phrase in which Boris Safarovich writes about the USSR as a living being.: "The USSR was gone two years before the adoption of the current Constitution of Russia. (...) The death sentence to the USSR was passed by the adoption on June 12, 1990. Declarations of State Sovereignty of the RSFSR. The inherent logic of the destruction of the USSR embedded in this act led the leaders of Russia, Belarus and Ukraine to sign the Belovezhskaya Accord on December 8. (...) Together with the USSR, the world order that developed after World War II collapsed, for which the Soviet people paid with the lives of 27 million people" [7, p. 26].

The agreement began with the phrase "The USSR as a subject of international law and geopolitical reality ceases to exist", and ended with the words "Done in Minsk on December 8, 1991 ..." [2, pp. 477–480]. Attention: not signed, but committed. Crime.

In fact, the Freudian reservation is the phrase that "the 1993 Constitution, by its regulatory influence, covered not only the organization of the state and the functioning of public power, but also established the basic principles of the social organization of Russia" [7, p. 26]. They usually cover up crimes. And it consisted of fraudulent privatization and the unprecedented plundering of

state property created by the hard work of the Soviet people. The Constitution was intended primarily to legalize acts of privatization, which took place under the "indicated law" from January 1992. Privatization is a "civilizational choice."

It is difficult to agree with B.S. Ebzeev that "the theory of class struggle has left no place for natural law in the Russian legal order" [7, p. 26]. His phrase that "the state has swallowed up society" (in relation to the USSR) seems to have come out of the early 90s. But immediately B.S. Ebzeev notes that "there was no political pathology in such a concentration of power" [7, p. 26]. He is right when he writes that "Russia has once again assumed courageous leadership in resisting attempts to impose false humanistic patterns of development on countries and peoples, which in fact grossly violate the rights of peoples and turn into barbarism and great bloodshed" [7, p. 23]. It only remains to add that barbarism and a lot of blood, national explosions and hot spots of the 90s, the liquidation of the USSR are the consequences of the "civilizational choice" of the leadership, but not the people.

Boris Safarovich describes this period in succinct terms: "The expectations of future prosperity sown in society, it was only necessary to abandon socialism and destroy the "empire", the atmosphere of state nihilism, diligently instilled by the mellifluous tendencies that seized the mass media from nowhere, the lack of talent of their own leadership, greed, meanness and betrayal of the managerial elite and the self-alienation of the intelligentsia that was repeated from era to era destroyed the Great state" [7, p. 26]. He further recalls the deep crisis Russia has found itself in as a result of these events.: "What appeared to be the height of democracy and the true expression of democracy in the mouths of politicians and the works of many scientists... turned out to be a mirage." A mirage! You can't say it better.

B.S. Ebzeev correctly writes about the outbreak of "unbridled anarchy in the political sphere, unbridled crime and predatory plundering of public property by a few (...)". And suddenly – an unexpected conclusion: "The Constitution saved Russia from chaotic disintegration."

But did the predatory plundering of national property stop after the adoption of the Constitution? No. All this continued on an even larger scale, but without the outrage of the representative government, which, according to the Yeltsin Constitution, was weak and dependent on the presidential and executive authorities. The draft constitution was criticized by many scholars for the fact that the constitution, written "for Yeltsin and the Family," gave him powers that even Nicholas II did not have after the 1905 revolution.

The 1993 Constitution was written under the supervision of American experts. Yeltsin spoke about this as a great virtue in his report on the draft constitution [3].

B.S. Ebzeev ignored Boris Yeltsin's unconstitutional Decree No. 1400 of September 21, 1993 and the shooting of the House of Soviets on October 4, 1993, which created the specific historical situation in which the Constitution of 1993 was created. After these events, the people's representative government was overthrown, the soviets were dissolved, and the executive branch triumphed.

We see the historical mission of the Constitution not in what the "constitutional romantics" see it in, but in legalizing Yeltsin's enrichment team and removing obstacles along the way – calling the Supreme Council and the entire Soviet government to account, as well as the Constitutional Court of the Russian Federation, which dared to recognize the unconstitutionality of Decree No. 1400. Ebzeev, being a constitutional judge himself at that time, ignored the fact that the Constitutional Court did not work for a long time even after the adoption of the Constitution, because it was a "punishment" that was perceived with relief by the "punished", because the Constitutional Court could well be dissolved.

B.S. Ebzeev is right that in 1917 the monarchy "collapsed as soon as its foundation, the popular faith in the patriarchal authority of the tsar, was undermined" [7, p. 25]. This popular faith was indeed the core of tsarism and empire, just as in the Soviet period the CPSU was such a core, and now the leader of Russia, Vladimir Putin. The Communist Party was pulled out of the backbone of the USSR, and there were no obstacles left to the destruction of the great power.

B.S. Ebzeev writes that the resolution adopted in January 1918 The Declaration of the Rights of the Working and Exploited People "marked the advent of the era of sociocentrism" [7, p. 25].

However, such terms of the era of modern "democratic newspeak" did not exist then. But the first Soviet Constitution of 1918 and the Constitution of the USSR of 1924 had a huge impact on the whole world in the direction of its socialization.

According to B.S. Ebzeev, "class differentiation is giving way to professional differentiation, and the contradiction between labor and capital ... is becoming a thing of the past" [7, p. 25]. Meanwhile, he goes on to write about the slow formation of the middle class [7, p. 25]. So are there classes or aren't there any? In our opinion, if we name large groups of people who differ in their place in relation to the means of production (the classical definition of classes) not by classes, but by the "political and economic elite" and "hired workers", as B.S. Ebzeev does, then classes do not disappear from this, as well as contradictions between them. A little later, B.S. Ebzeev writes again that the class essence of constitutions, based in its definition on the well-known formulas of F. Lassalle and V.I. Lenin, "remained in the past along with the main contradiction of capitalism between labor and capital and the corresponding social structure of society" [7, p. 33].

Meanwhile, the class characterization of constitutions is far from a thing of the past. And it is still relevant, because in any state-organized society there are classes, and the state itself "arose where, when, and insofar as classes arose (...) The state arises as a special public authority standing above them, so that classes do not devour each other in a fruitless class struggle" [8, p. 108].

In our opinion, the contradiction between labor and capital is also not a thing of the past.: it simply takes on new forms, appearing in new social, technological and informational garb, more sophisticated and draped, but not at all destroying the essence of the contradiction between labor and capital.

B.S. Ebzeev compared the French Declaration of the Rights of Man and Citizen of 1789 and Lenin's Declaration of the Rights of the Working and Exploited People of 1918, which provided diametrically opposed answers to the basic question of constitutionalism – about the relationship between the individual and society, citizen and state, the ratio of individual interest and the common good: the first Declaration constituted militant individualism, In the Soviet Declaration, however, there is "harsh collectivism that knows no objections and tolerates no objections" [7, p. 27].

B.S. Ebzeev was the first to dare to name scientists who call themselves the authors of the Constitution, its drafters, "no matter how talented they may be, if we follow the hierarchical scale of justice" [7, p. 27]. He recalls that "the Alekseev-Shakhray project was preceded by the draft of the Russian Movement for Democratic Reforms, prepared by S.S. Alekseev and A.A. Sobchak in early 1992. At the same time, Boris Safarovich for some reason did not mention the Declaration of Human and Civil Rights of the USSR, adopted in October 1991, and the Declaration of Human and Civil Rights of the RSFSR, adopted on November 22, 1991. The text of these declarations formed the content of Chapter 2 of the 1993 Constitution of the Russian Federation.

There is also no mention of the parliamentary draft constitution prepared by the Constitutional Commission under the leadership of O.G. Rumyantsev, which worked from June 1990 to September 1993, when this draft was pushed aside (although legally Yeltsin was the chairman of the Constitutional Commission, and O.G. Rumyantsev was its executive secretary – another paradox of Russian history).

The article under review by B.S. Ebzeev does not mention the amendments that were made to the Constitution of the RSFSR (RF) from June 1990 to 1993: the Constitution of the RSFSR of 1978 was no longer at all "Brezhnev", as it continued to be called. At first, Gorbachev hindered Yeltsin's love of power, which required weakening the Soviet Union by adopting a Declaration of Sovereignty of the RSFSR. As a result, a "war of laws" began, when prosecutors did not know which law to apply – the Russian or the Union. In parallel, with his four decrees of 1991, President Yeltsin dealt with another obstacle to his omnipotence – the CPSU and the Communist Party of the Russian Federation. Fortunately, Gorbachev himself did everything possible to weaken the CPSU as the core of the USSR by introducing a multiparty system on the advice of Alexander Yakovlev, a member of the Politburo of the Central Committee of the CPSU (as it later became known, Alexander Yakovlev, a member of the Politburo, was a corrupt foreign agent, who himself in 2001 He admitted: "We had to partially lie, dissemble and be hypocritical. There was no other way to defeat the communist ideology" (cit. by: Nikita Mikhalkov's "Besogon" dated 05/27/2024)).

To combat the CPSU and the Communist Party of the Russian Federation, the term "red-brown" was invented, and a period of "anti-party syndrome" began, when the word "communist" was perceived almost as "leper." Then it was necessary to destroy the last obstacle to Yeltsin's omnipotence – the Soviet government, the Soviets and the entire Soviet representative system, replacing it with bourgeois parliamentarism.

All the amendments that were made to the Constitution of the RSFSR (RF) at the Congresses of People's Deputies of the RSFSR (RF) have practically already changed the essence of constitutionalism from socialist to bourgeois, and the institution of the presidency with the post of vice-president was introduced (which was absent in the 1993 draft constitution due to the constitutional fear of a repeat of the "Rutsky syndrome").

Yeltsin's government needed a new Constitution to weaken the last "barrier" – the Soviets and Soviet power, for which purpose Presidential Decree No. 1400 was first adopted, and then on October 4, 1993, the House of Soviets was shot down. Without mentioning this circumstance, there can be no objective analysis of the conditions under which the Yeltsin constitution was adopted and which predetermined its essence, because constitutions are written by the winners. The Constitution establishes the balance of political forces that has developed at the time of its adoption.

All these circumstances remained outside the scope of B.S. Ebzeev's article, and not only him, but many authors who are embarrassed to touch on this topic.

On the one hand, B.S. Ebzeev is right that the Basic Law of 1993 "interrupted the previous tradition of constitutional organization of the country" [7, p. 29]. And on the other hand, the amendments made to the Constitution of the RSFSR in 1978, and – most importantly! – Decree No. 1400 has already changed the previous constitutional organization of the country, and the 1993 Constitution was, to a certain extent, a logical continuation of these changes.

B.S. Ebzeev quite correctly states: "In order to carry out, as it turned out, disastrous reforms, the regime needed to concentrate power in the hands of the head of state, who was able to act without regard for parliament. In this regard, S.S. Alekseev and S.M. Shakhray were instructed to prepare a draft Constitution, which was called the "presidential" One. It is precisely this, and not the ideals of "pure science" or the dream of a "human constitution," that dictates the content of the project they prepared, which satisfied the customer. A project that corresponds to the ideas of classical constitutionalism of the past, and therefore is not devoid of organic and functional defects, aggravated ... by the systemic crisis that struck Russia, or by the personal views of the drafters of the project and the experts who worked with them and their one-sided political predilections" [7, p. 27]. Bravo!

And further: "The image they formulated of the future ... of Russia's constitution did not correspond either to the experience of deep social reforms in Europe, or to the mental expectations of our people and their cultural and genetic code. Collectivism as the basis of the principle of the common good has been vilified" [7, p. 27]. Nothing can be added or subtracted to these words.

B.S. Ebzeev writes that "we are used to judging the past without thinking about how our current ideas correspond to the realities of that era." This is true, but immediately after the publication of the draft constitution, there were many critics of it, including the author of these lines. And we have nothing to justify ourselves with now, as those who drafted and unconditionally welcomed such a constitution have to do.

It is difficult to agree with B.S. Ebzeev that Soviet socialism "could not create prerequisites for a high level of medical care, an increase in life expectancy, an increase in individual consumption and social protection" [7, p. 33]. It is unlikely that the vast majority of citizens would agree with this thesis, remembering vouchers to a sanatorium for 5–10% of their cost (with a full set of free procedures), free dentistry and other benefits of socialism, which the majority of the population longs for according to the principle "what we have, we don't keep, if we lose, we cry."

The dominant trend of the era of the late 80s and early 90s was the philosophy of freedom: "Less state means more freedom," on the one hand, and extensive social expectations, on the other, which democracy is basically unable to satisfy" [7, p. 33].

B.S. Ebzeev comes to the conclusion that "The Constitution rejected aggressive individualism, not ennobled by culture and tradition."... The very consolidation of the principle of the welfare state

meant the establishment of a synthetic model of the organization of society" [7, p. 33]. No matter how much one would like to believe this blissful conclusion, but the fact is the catastrophic situation of the people in the 90s in conditions of an unenlightened vulgar market and, in fact, gangster capitalism.

In this context, the conclusion is questionable, according to which "the great social experiment initiated by the 1917 Revolution was put an end to, and the country returned to the path of natural-historical evolutionary development" [7, p. 33]. And the Chinese, North Korean or Cuban way? Are they an exception to the natural-historical development? Was it natural what happened in the 90s? And what is natural law anyway? B.S. Ebzeev himself quotes an article by A.I. Solzhenitsyn, horrified by what he saw in perestroika Russia, when liberal freedom turned into permissiveness: "Animals also have the freedom to grab and feed. Human freedom, on the other hand, involves voluntary restriction in favor of others. Our obligations must always exceed the freedom given to us" [6]. But restrictions are always associated with positive law, and positive law is a tool of the state, because "it is the state, not the market, that has always been the main driver of culture and progress" [7, p. 35]. And woe to the people who suddenly have weak leaders or traitors at the head of state, as happened in our country at the end of the twentieth century

B.S. Ebzeev ends the article as follows: "The Constitution has stood the test of time. The question is, how successfully will we stand the test of the Constitution?" [7, p. 36].

It turns out that the 1993 Constitution is a test for the people, which the people must endure, because there is no other constitution.

Bibliographic list

1. Alekseev S.S. Lessons: the hard way of Russia and the law // S.S. Alekseev. Complete collected works: in 10 vols. Vol. 4: works of 1990–2009. Moscow: Statut Publ., 2010. 542 p.

2. The Russian state: power and society: Collection of documents. Moscow: Moscow University, 1996. 526 p.

3. Yeltsin B.N. On the draft of the new Constitution // Rossiyskaya gazeta. – 1993. – November 10.

4. From the history of the Constitution of the Russian Federation. Constitutional Commission: Transcripts, materials, documents (1990–1993): in 6 volumes / under the general editorship of O.G. Rumyantsev. Moscow: Walters Kluwer, 2007–2008.

5. Savenkov A.N., Zhukov V.N. The Russian idea in the philosophy of law // State and Law. – 2023. – No. 6. – pp. 3–12.

6. Solzhenitsyn A. How can we equip Russia? Feasible considerations // Literaturnaya gazeta. – 1990. – No. 38.

7. Ebzeev B.S. Constitution as a legal model of social convergent technology (on the 30th anniversary of the Constitution of Russia) // State and Law. – 2023. – № 12. – Pp. 21–39.

8. Engels F. The origin of the family, private property and the state // K. Marx,

9. Engels. Essays. Vol. 21. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1961.

For citation: Bobrova N.A. Article review: Ebzeev B.S. The Constitution as a Legal Model of Social Convergent Technology (on the 30th Anniversary of the Constitution of Russia) // Theory of the state and law. – 2025. – No. 2-1. – pp. 295–301.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_289

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

Для публикации рукописи (статьи, обзора, отзыва или рецензии) в журнале «Теория государства и права» необходимо на адрес электронной почты komarova_tl@mail.ru направить Оферту, текст рукописи, справку системы «Антиплагиат», рецензию научного руководителя (для студентов и аспирантов).

Предложение делать оферты, а также текст Оферты размещены в публичном доступе на странице журнала по адресу: http://matgip.ru/trebuem

Все рукописи проходят процедуру рецензирования в соответствии с установленным порядком.

Студенты и аспиранты, как правило, публикуются в соавторстве со своими научными руководителями.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА

Статья (обзор, отзыв, рецензия) предоставляется в электронном виде, файл в формате Microsoft Office Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5, абзац автоматический 1,25 мм, сноски в квадратных скобках на источник из библиографического списка.

Допустимый объем одной публикации 6–10 страниц (большее количество страниц – в порядке исключения).

К статье прилагаются:

а) аннотация статьи (4–5 строк) и ключевые слова;

б) сведения об авторе, в том числе: ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (учебы), должность, контактные данные: адрес с указанием почтового индекса, контактный телефон, E-mail.

Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторе предоставляются на русском и английском языках.

RULES FOR PUBLICATION OF ARTICLES IN THE JOURNAL "THEORY OF STATE AND LAW"

To publish a manuscript (article, review, review or review) in the journal "Theory of State and Law", it is necessary to send the Offer, the text of the manuscript, a certificate of the Antiplagiat system, a review of the scientific advisor (for students and graduate students).

The offer to make offers, as well as the text of the Offer, are posted in the public domain on the journal's page at: http://matgip.ru/trebuem

All manuscripts are reviewed in accordance with the established procedure.

Undergraduate and graduate students typically publish in collaboration with their supervisors.

RULES FOR REGISTRATION OF THE MATERIAL

Article (review, review, review) is provided in electronic form, file in Microsoft Office Word format, font Times New Roman, size 14, spacing 1.5, automatic paragraph 1.25 mm, footnotes in square brackets to the source from the bibliographic list.

The allowed volume of one publication is 6–10 pages (more pages are an exception).

Attached to the article:

a) abstract of the article (4–5 lines) and keywords;

b) information about the author, including: full name (full name), academic degree, academic ber, E-mail.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, предоставляемых для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, обзоров, отзывов и рецензий, предоставляемых авторами для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Журнал).

2. Каждая рукопись, поступившая в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.

3. Рукопись, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет ее соответствия профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.

4. По общему правилу рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии – специалист по тематике рецензируемых материалов, имеющий за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи.

В целях более эффективной экспертной оценки рукописей редакция имеет право привлекать внешних рецензентов – специалистов по тематике рецензируемых материалов (докторов или кандидатов наук, в том числе специалистов-практиков, имеющих за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи).

5. Рецензенты уведомляются о том, что процедура рецензирования является конфиденциальной. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.

6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензия предоставляется автору рукописи по его письменному запросу без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

7. Сроки рецензирования рукописей:

7.1. Главный редактор Журнала рассматривает предоставленную к публикации рукопись в соответствии с п. 3 Порядка в течение семи дней с момента ее предоставления в редакцию.

7.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи главным редактором.

7.3. В сроки, указанные в подп. 7.1 и 7.2 Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.

7.4. По согласованию редакции и рецензента рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью рационального формирования редакторского портфеля.

8. Содержание рецензии:

8.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:

8.1.1. соответствие содержания рукописи ее названию;

8.1.2. актуальность темы исследования;

8.1.3. научная новизна полученных результатов;

8.1.4. целесообразность публикации рукописи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

8.1.5. подача материала (язык, стиль, полнота и логика изложения);

8.1.7. законность и обоснованность заимствований.

8.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

8.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:

8.3.1. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале;

8.3.2. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале с внесением технической правки;

8.3.3. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале после устранения автором замечаний рецензента (с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту);

8.3.4. рекомендовать отказать в публикации рукописи в Журнале по причине несоответствия ее научного уровня или иных критериев требованиям, предъявляемым к соответствующим рукописям.

9. В случае принятия рецензентом решения, указанного в подп. 8.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором рукопись повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, рукопись считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.

10. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в подп. 8.3.2-8.3.4 Порядка, текст рецензии направляется автору рукописи.

11. Окончательное решение о принятии рукописи к публикации в Журнале принимает Редакционный совет на основании рецензии.

12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение пяти лет с момента их подписания рецензентом.

13. В течение срока, установленного п. 12 Порядка, копия рецензии предоставляется в Министерство образования и науки Российской Федерации в случае поступления в редакцию Журнала соответствующего запроса.

PROCEDURE FOR REVIEWING MANUSCRIPTS, SUBMITTED FOR PUBLICATION IN THE JOURNAL "THEORY OF STATE AND LAW"

1. This Procedure for reviewing manuscripts submitted for publication in the journal Theory of State and Law (hereinafter referred to as the Procedure) determines the procedure for reviewing manuscripts of scientific articles, reviews, reviews and reviews provided by authors for publication in the journal Theory of State and right-va "(hereinafter – the Journal).

2. Each manuscript submitted to the editorial office of the Journal must undergo a review procedure.

3. The manuscript received by the editorial office of the Journal is reviewed by the chief editor for its compliance with the profile of the Journal, the requirements for formatting and is sent for review to a specialist.

4. As a general rule, reviewing is carried out by one of the members of the editorial board – a specialist on the subject of the reviewed materials, who has scientific publications on the subject of the reviewed manuscript over the past three years.

For a more effective expert assessment of manuscripts, the editorial board has the right to involve external reviewers – specialists on the subject of the reviewed materials (doctors or candidates of science, including practitioners who have had scientific publications on the subject of the reviewed manuscript over the past three years).

5. Reviewers are advised that the review procedure is confidential. Reviewers are not allowed to make copies of articles and transfer them to third parties.

6. Reviewing is carried out confidentially for the authors of articles. The review is provided to the author of the manuscript upon his written request without a signature and without specifying the name, position, place of work of the reviewer.

7. Terms of reviewing manuscripts:

7.1. The editor-in-chief of the Journal considers the manuscript submitted for publication in accordance with clause 3 of the Procedure within seven days from the date of its submission to the editorial office.

7.2. The reviewing of the manuscript by a specialist is carried out within four to eleven days from the moment the manuscript was submitted to him by the editor-in-chief.

7.3. Within the terms specified in sub. 7.1 and 7.2 Order, excluding weekends

and holidays established by the current legislation of the Russian Federation.

7.4. By agreement of the editorial board and the reviewer, the review of the manuscript can be carried out in a shorter time frame in order to rationally form the editorial portfolio.

8. Content of the review:

8.1. The review should contain an expert assessment of the manuscript according to the following parameters:

8.1.1. correspondence of the content of the manuscript to its title;

8.1.2. Relevance of the research topic;

8.1.3. scientific novelty of the results obtained;

8.1.4. the expediency of publishing the manuscript, taking into account the literature previously released on this issue;

8.1.5. presentation of material (language, style, completeness and logic of presentation);

8.1.7. the legality and validity of borrowing.

8.2. The reviewer has the right to give recommendations to the author on how to improve the manuscript. The comments and wishes of the reviewer should be objective and principled, aimed at improving the scientific level of the manuscript.

8.3. The final part of the review must contain one of the following solutions:

8.3.1. recommend to accept the manuscript for publication in the Journal;

8.3.2. recommend to accept the manuscript for publication in the Journal with technical revisions;

8.3.3. to recommend to accept the manuscript for publication in the Journal after the author has eliminated the reviewer's comments (with subsequent referral to the same reviewer for re-review);

8.3.4. recommend to refuse publication of the manuscript in the Journal due to the discrepancy between its scientific level or other criteria to the requirements for the corresponding manuscripts.

9. If the reviewer makes the decision specified in sub. 8.3.3 Procedure, revised (revised) by the author, the manuscript is re-sent for review. If the reviewer makes a similar decision during re-reviewing, the manuscript is considered rejected and is no longer subject to review by the editors of the Journal.

10. In cases where the reviewer makes the decisions specified in sub. 8.3.2–8.3.4 Order, the text of the review is sent to the author of the manuscript.

11. The final decision on the acceptance of the manuscript for publication in the Journal is made by the Editorial Board based on the review.

12. The originals of the reviews are kept in the editorial office of the Journal for five years from the moment they are signed by the reviewer.

13. Within the period established by clause 12 of the Procedure, a copy of the review is submitted to the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in case of a corresponding request received by the editorial office of the Journal.

Редактор, переводчик **М.В. Старцева**
Верстка **И.И. Каширина**

Адрес редакции: 119415, г. Москва, ул. Удальцова, д. 19, корп. 1, офис 12
E-mail: matgip2017@yandex.ru; komarova_tl@mail.ru
Сайт: http://matgip.ru/magazine
Телефон: (499) 431-5806

Издатель: МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»
Адрес издателя: 119415, Москва, Удальцова 19-1-12
E-mail: matgip2017@yandex.ru

Выход в свет 25.05.2025. Формат 61x86 $^{1}/_{8}$.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 37,09. Усл. п.л. 31,04. Тираж 100 экз. Заказ № ____

Цена свободная

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист»
www.onebook.ru

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5, «Технополис Москва»